

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

3 2044 004 471 926

PS/AV 494.10 (1)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

3000
1895-
Slav 30.6
Slav 494.10
(1)

НОВОЕ СЛОВО

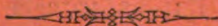
ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

№ 1

ОКТАБРЬ

1895.

КОНТОРА РЕДАКЦИИ:

С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895 г.—Октябрь № 1.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. ВОСТОЧНЫЙ МАГАЗИНЪ. Повѣсть П. Засодимскаго. 1—64
 2. АРТЕЛИ ДЛЯ ПОДРЯДНЫХЪ И НАЕМНЫХЪ РАБОТЪ. В. В. 65—101
 3. БЕЗЪ ОСОБЕННЫХЪ ПРАВЪ. Повѣсть. Д. Мамина Сибириака. 102—129
 4. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ П. В. ШЕЛГУНОВА. 130—147
 5. НА КРАЙ СВѢТА. Очеркъ. Ив. Бунина 148—155
 6. ЗАГАДКА. Разсказъ Гейнца Товота. Пер. съ нѣм. З. Журав-
ской. 158—164
 7. РОДИНА. Стихотв. А. Колтоновскаго. 165
 8. ДЕКАДЕНТСТВО ВЪ МОРАЛИ. Л. Оболенскаго. 166—185
 9. БЕССИ КОСТРЕЛЬ. Повѣсть мистрисъ Гумфри Уордъ. Пер.
съ англійск. 186—204
 10. ОБЩЕСТВЕННЫЯ ПРОФЕССИИ. Соч. Герберта Спенсера. . . 205—221
 11. ВЪ РАЗЛУКЪ. Изъ дневника. Стихотв. А. Колтоновскаго. . . 222
 12. СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА. Романъ Эллы Хепвортъ Диксонъ.
Пер. съ англ. В. Мосоловой. 1—40
-
13. УЧАСТІЕ ОБЩЕСТВЕННАГО ЭЛЕМЕНТА ВЪ ОТПРАВЛЕ-
НИИ ПРАВОСУДІЯ. В. Бинштока. 1—22
 14. ВЗЫСКУЮЩІЕ ГРАДА. Изъ наблюденій надъ русскимъ чи-
тателемъ. Н. Рубакина. 23—45
 15. ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЖИЗНИ И ЖИЗНЬ ВЪ ЛИТЕРАТУРЪ.
Критическія письма. (Письмо 1-е). А. Снабичевскаго. 46—67
-
16. **НОВЫЯ КНИГИ:** Политическая роль франц. театра въ связи съ фи-
лософіей XVIII в., Ив. Иванова, М. 1895 г.—Очерки происхожденія и раз-
витія семьи и собственности. М. Ковалевскаго, Спб. 1895.—Соціологиче-
скія основы исторіи, П. Лакомба, Спб. 1895 г.—Культура и цивилизація

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ О. Н. ПОПОВОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Въ четырехъ томахъ съ биографіей и съ портретомъ автора.

Изящное изданіе, дополненное письмами Н. А. Добролюбова и библиографическимъ указателемъ.

ТОМЪ I. Статьи о литературѣ Екатерининскаго времени и статьи педагогическія. — Критическія статьи 1857—1858 гг.

ТОМЪ II. Критическія статьи 1858—1859 гг.

ТОМЪ III. Критическія статьи 1859—1861 гг.

ТОМЪ IV. По поводу одной обыкновенной исторіи Роберта Оуэнъ. — Народное жло. О Гавацци. — Кавуръ и др. — Свистокъ. — Стихотворенія.

ЦѢНА ПО ПОДПИСКѢ НА ВСЕ ИЗДАНИЕ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Допускается слѣдующая РАЗСРОЧКА: при подпискѣ вносится два рубля, по выходѣ II и III тома по два рубля.

ПО ВЫХОДѢ ВЪ СВѢТЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА ЦѢНА БУДЕТЪ ПОВЫШЕНА.

Томъ I выйдетъ въ декабрѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ изданій (Невскій, 54, бібліотека Черкесова), въ бібліотекѣ Д. Т. Рубавиной (уголь Б. Садовой и Б. Подъяческой, № 63—24), и въ конторѣ журнала «Новое Слово», Спасская ул., № 15.

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 1

ОКТАБРЬ

1895.

КОНТОРА РЕДАКЦИИ:

С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

~~Slav 30.6~~

P Slav 424.10

Harvard College Library
Gift of the Anglo-Russian
Literary Society, London,
Oct. 4, 1897.
(1, 3, 4, 7-12)

1895 г.—Октябрь № 1.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ВОСТОЧНЫЙ МАГАЗИНЪ. Повѣсть П. Засодимскаго. 1— 64
2. АРТЕЛИ ДЛЯ ПОДРЯДНЫХЪ И НАЕМНЫХЪ РАБОТЪ. В. В. 65—101
3. БЕЗЪ ОСОБЕННЫХЪ ПРАВЪ. Повѣсть. Д. Мамина Сибиряка. 102—129
4. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. В. ШЕЛГУНОВА. 130—147
5. НА КРАЙ СВѢТА. Очеркъ. Ив. Бунина 148—155
6. ЗАГАДКА. Разсказъ Гейнца Товота. Пер. съ нѣм. З. Журав-
ской. 158—164
7. РОДИНА. Стихотв. А. Колтоновскаго. 165
8. ДЕКАДЕНТСТВО ВЪ МОРАЛИ. Л. Оболенскаго. 166—185
9. БЕССИ КОСТРЕЛЬ. Повѣсть мистрисъ Гумфри Уордъ. Пер.
съ англійск. 186—204
10. ОБЩЕСТВЕННЫЯ ПРОФЕССИИ. Соч. Герберта Спенсера. . . 205—221
11. ВЪ РАЗЛУКЪ. Изъ дневника. Стихотв. А. Колтоновскаго. . . 222
12. СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА. Романъ Эллы Хепвортъ Диксонъ.
Пер. съ англ. В. Мосоловой. 1— 40
13. УЧАСТІЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ЭЛЕМЕНТА ВЪ ОТПРАВЛЕ-
НИИ ПРАВОСУДІЯ. В. Бинштона. 1— 22
14. ВЗЫСКУЮЩІЕ ГРАДА. Изъ наблюденій надъ русскимъ чи-
тателемъ. Н. Рубанина. 23— 45
15. ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЖИЗНИ И ЖИЗНЬ ВЪ ЛИТЕРАТУРЪ.
Критическія письма. (Письмо 1-е). А. Снабичевскаго. 46— 67
16. **НОВЫЯ КНИГИ:** Политическая роль франц. театра въ связи съ фи-
лософіей XVIII в., Ив. Иванова, М. 1895 г.—Очерки происхожденія и раз-
витія семьи и собственности. М. Ковалевскаго, Спб. 1895.—Соціологиче-
скія основы исторіи, П. Лавомба, Спб. 1895 г.—Культура и цивилизація

Зап. Европы въ эпоху крестовъ, походовъ, Е. Лависа и Рамбо. М. 1895 г.—
 Моя библиотека, изд. М. Ледерле и К^о, №№ 1—190.—Бѣлорусское полѣсье.
 Сборникъ этнографическихъ матерьяловъ, собранныхъ М. Довнаркомъ-
 Запольскимъ. Вып. 1: Пѣсни пинчуковъ, съ приложеніемъ карты сѣв.
 части уѣзда и статьи о говорѣ. Кіевъ, 1895 г. (изд. Унив. Изв.).—Же-
 лѣзо и уголь на югѣ Россіи, Е. И. Рагозина Спб. 1895 г.—Матерьялы
 по пересмотру тарифовъ на перевозку каменнаго угля по всей сѣти россій-
 скихъ жел. дорогъ съ 1894 г. Вып. 1: Очеркъ положенія каменноугольной
 промышленности въ Россіи и за границей; вып. 2: обзоръ перевозокъ
 каменнаго угля по сѣти рус. жел. д. Изд. Минист. финансовъ. Спб.
 1895 г.—Страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринима-
 телей. В. Г. Яроцкаго. Т. I и II. Спб. 1895 г.—Основы ботаники. Общая
 ботаника (Морфологія, анатомія и физиологія растений). Вавъ-Тигема.
 Перев. со 2-го фр. изд. подъ редакціей, съ примѣчаніями и дополне-
 ніями Ростовцева. Съ предислов. проф. Тимирязева. М. 1895 г.—Мысль
 и рефлексія. Афоризмы. Федора Шперка. Спб. 1895 г. 68—85

17. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

- I. Римскій и Седанскій юбилей. 86—95
- II. Интересы дня: Литературный и журнальный конгрессы.—Вопросъ о лите-
 ратурной собственности.—Съѣздъ соціологовъ и главнѣйшіе доклады
 его членовъ.—Задача соціологіи.—Вопросы семейный, расовый и
 сословный.—Рефератъ М. Ковалевскаго о переходѣ общиннаго зем-
 левладѣнія въ частное.—Попытки востановленія земледѣльче-
 скихъ общинъ.—Рабочія колоніи въ южной Австраліи.—Причины
 неудачи утопій на практикѣ.—Новая религіозная община въ Аме-
 рикѣ.—Смерть Пастера.—Пастеръ, какъ благодѣтель человѣчества 96—110
- III. Между журналами и газетами: Понизился-ли умственно конецъ XIX в.—
 Ломброзо по поводу книги Нордау о вырожденіи.—Новѣйшія теченія
 въ итальянской беллетристикѣ.—Лондонскія впечатлѣнія Альф. Додэ.—
 Вопросъ о заработной платѣ въ Англии.—Французскіе поселеніе че-
 резъ англійскія очки.—Обязательное страхованіе рабочихъ въ Герма-
 ніи. В. Т. 110—122

18. НАУЧНАЯ ХРОНИКА: Астрономія.—Новыя данныя олуѣ.—Лунная атмо-
 сфера.—Вода на лунѣ.—Загадочныя пятна.—Химія: аргонъ и гелиумъ.
 Біологія: вліяніе температуры на географическое распредѣленіе жи-
 вотныхъ и растений.—Физиологическая постоянная.—Распредѣленіе
 зоологической зоны по линіи максимальныхъ температуръ. Н. Э. 123—132

19. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

- I. ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Письмо I-е, Я. Абрамова; письмо
 II—изъ Чернигова; письмо III—изъ Кіевской губерніи. Н. Н. 133—149
- II. ИЗЪ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ: раскольничьи браки. 150—161
- III. ОВО ВСЕМЪ (фельетонъ). Свѣдо 162—175

20. НЕКРОЛОГЪ Н. В. СТАСОВОЙ 176—178

21. ПРИЛОЖЕНІЕ: ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕ-
 РАТУРЪ Соч. Ж. Жюссерана 1—32

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВОСТОЧНЫЙ МАГАЗИНЪ.

(ПОВѢСТЬ).

I.

Лѣтъ за двадцать тому назадъ, въ Петербургѣ, на тѣневой сторонѣ Гороховой улицы, между Каменнымъ и Семеновскимъ мостомъ, въ первомъ этажѣ большого каменнаго дома находилось торговое заведеніе подъ вывѣской „Восточный Магазинъ“.

Продолговатая вывѣска, блестящая надъ его входною дверью и надъ двумя окнами съ зеркальными стеклами по сторонамъ двери, была написана по черному фону золотыми буквами, и подъ словами „Восточный Магазинъ“ болѣе мелкими, но довольно жирными литерами значилось: „Д. А. Аверьянова“. На одной половинѣ наружной двери былъ написанъ турокъ въ чалмѣ съ дымящимся кальяномъ въ рукахъ, а на другой—была изображена смуглая красавица съ полуобнаженной грудью и голыми руками, украшенными браслетами, и прикрытая бѣлою полупрозрачною чадрой.

Небесно-голубого цвѣта потолокъ и стѣны, съ широкимъ ярко-краснымъ бордюромъ, окаймленнымъ черною полосой, шкафы чернаго дерева съ позолоченной инкрустаціей, конторка изъ такого же дерева и съ такими же украшеніями, прилавокъ съ мраморной доской, круглый мраморный столикъ и на немъ—на серебряномъ подносѣ—стаканъ и графинъ съ водой, разнообразный товаръ, со вкусомъ размѣщенный на полкахъ и въ окнахъ, гипсовыя и изъ терракотты статуэтки пастушковъ и нимфъ, тамъ и сямъ мелькавшіе фотографическіе снимки съ знаменитыхъ картинъ миеологическаго содержанія,—однимъ словомъ, вся обстановка

дѣлала изъ этого небольшого магазина изящную, блестящую игрушку и въ то же время—замѣчательно уютный уголокъ посреди непривѣтливаго уличнаго однообразія.

Восточный Магазинъ своимъ изяществомъ ' скоро обратилъ на себя благосклонное вниманіе публики, шатающейся по петербургскимъ улицамъ. О магазинѣ заговорили. Въ первые дни по открытіи въ магазинѣ буквально съ утра до ночи толпился народъ.

Иной праздншатающійся—особенно въ вечернюю пору—заходилъ лишь для того, чтобы полюбоваться на магазинъ, но, совѣстясь зря глазѣть по сторонамъ, покупалъ пачку папирсъ, закуривалъ, разглядывалъ фотографіи и статуэткы и, поболтавъ съ хозяиномъ или съ прикащикомъ, очарованный уходилъ изъ магазина и послѣ того дѣлался его всегдашнимъ покупателемъ. „Нигдѣ вѣдь въ магазинахъ даромъ не даютъ, такъ лучше же я стану покупать тамъ, гдѣ мнѣ пріятно бывать, гдѣ обращаются со мной любезно“!.. Такъ, приблизительно, рассуждалъ онъ. „Прелесть — что за магазинъ! Игрушечка“! говорили дамы. „И хозяинъ—очень интересный мужчина... Такой милый!.. Прикащикъ—немного мраченъ, но тоже—вполнѣ приличный господинъ“...

Очевидно, владѣлецъ магазина родился подъ счастливой звѣздой, и магазинъ былъ открытъ въ добрый часъ. Магазинъ быстро привлекъ къ себѣ массу покупателей обоюго пола и всѣхъ возрастовъ, всякаго званія и состоянія,—и репутація его быстро упрочилась не только на Гороховой, но и въ районѣ всѣхъ прилегающихъ къ ней улицъ, переулковъ и набережныхъ Мойки, Екатерининскаго Канала и Фонтанки.

Кромѣ главныхъ предметовъ торговли — табаку, сигаръ, папирсъ, гильзъ, трубокъ, мундштуковъ и т. под., въ Восточномъ Магазинѣ покупатель могъ найти всякую всячину: письменныя принадлежности — бумагу, перья, карандаши, конверты всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ, чернила, гумми-арабикъ, раскрашенныя поздравительныя карточки, въ ту пору только что проникшія къ намъ изъ-заграницы, альбомы для фотографическихъ карточекъ и для вписыванья чувствительныхъ стихотвореній „на память“, портсигары, портмоне, изящныя и недорогія галантерейныя вещицы французской работы изъ „новаго золота“ и серебра, фотографическія карточки знаменитыхъ людей и сильныхъ міра сего, пресспапье, олеогра-

фіи, рамки для картинъ, прелестныя фарфоровыя статуэткы и т. д.

Если бы я вздумалъ перечислять всѣ предметы, имѣвшіеся въ этомъ — сравнительно, небольшомъ — магазинѣ, то мнѣ пришлось бы исписать не одну страницу. Понятіе о Восточномъ Магазинѣ, объ его энциклопедичности, я полагаю, дано, — и того пока довольно. По мѣрѣ же развитія нашей исторіи читатель все болѣе и болѣе станетъ знакомиться съ этимъ маленькимъ магазиномъ, интереснымъ по той драмѣ, что разыгралась въ его стѣнахъ...

Ненастный октябрьскій вечеръ спустился надъ Петербургомъ.

Темныя, густыя облака низво ползли по небу и отъ уличнаго освѣщенія казались почти совсѣмъ черными. Бѣлыя каменные громады домовъ рѣзко и какъ-то зловѣще рисовались на фонѣ этихъ темныхъ облаковъ. Въ воздухѣ стояла изморозь; шелъ не то снѣгъ, не то дождь. Сѣверо-западный вѣтеръ дулъ порывами, стучалъ водосточными трубами, плохо прикрѣпленными вывѣсками — и съ шумомъ проносился по улицѣ. Подъ его бурнымъ дыханіемъ желтоватыя газовыя огни въ фонаряхъ колебались, а прохожіе тщательнѣе нахлобучивали шляпы на лобъ и поднимали воротники своихъ пальто. Улицы были залиты грязью, на троттуарахъ, куда достигалъ свѣтъ уличныхъ фонарей, блестѣли лужи.

Въ этотъ темный, бурный вечеръ, при взглядѣ на омраченный городъ, трудно было и представить себѣ, чтобы надъ этими улицами и площадями, боровшимися своими жалкими газовыми рожками съ заливавшимъ ихъ мракомъ, могло когда нибудь блистать ясное, голубое небо, и могъ весело играть яркій, животворный солнечный лучъ...

Былъ уже одиннадцатый часъ въ исходѣ.

Нѣкоторые магазины на Гороховой были уже закрыты, другіе запирались, немногіе продолжали торговать. Восточный Магазинъ былъ еще ярко освѣщенъ. Большая висячая лампа съ розовымъ абажуромъ надъ прилавкомъ и двѣ лампы у оконъ давали достаточно свѣта — даже слишкомъ достаточно. Владѣлецъ магазина, Аверьяновъ, Дмитрій Александровичъ, стоялъ за конторкой и провѣрялъ по книгѣ дневную выручку.

Аверьяновъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ 26, блондинъ, невысокаго роста, стройный, нѣсколько худощавый, но, по видимому, пользовавшійся хорошимъ здоровьемъ. Его овальное лицо съ карими глазами, съ тонкимъ, слегка горбатымъ носомъ и съ небольшимъ ртомъ, обросшее свѣтло-русой бородкой и мягкими шелковистыми усами, не могло быть названо красивымъ, но было очень симпатичнымъ.

По здоровому румянцу, игравшему на его щекахъ, по ясному взгляду его кроткихъ и довѣрчивыхъ, свѣтло-карихъ глазъ и вообще по веселой безпечности и добротѣ, отражавшимся на его лицѣ, можно было заключить, что жизнь еще не успѣла помять этого человѣка, что онъ еще не хлебнулъ изъ той ядовитой чаши, которую такъ предупредительно пороки подносятъ каждому изъ насъ во дни юности. Но признаковъ характера, силы воли, энергій для борьбы съ жизнью—трудно было бы найти въ лицѣ молодого человѣка. Можно было повѣрить его искренности, но нельзя было поручиться за то, какъ онъ поступитъ въ томъ или другомъ случаѣ. Все зависитъ отъ того, подъ какими влiянiями и вѣянiями станетъ онъ жить въ данную пору...

Его костюмъ—темная визитка, такой же галстухъ, жилетъ и сѣрые штаны—не имѣлъ претензiй на щегольство, но все таки былъ сшитъ по модѣ того времени, т. е. начала 70-хъ годовъ.

Теперь, когда Аверьяновъ склонялся надъ гробсбухъ, завитки его короткихъ, бѣлобурыхъ волосъ падали ему на лобъ, но онъ уже привыкъ къ тому и не обращалъ на нихъ вниманiя...

На противоположной сторонѣ магазина, у окна, склонившись надъ прилавкомъ, стоялъ высочiй, смуглый мужчина и разсѣянно пробѣгалъ газету, разложенную на прилавкѣ. Это былъ Виталiй Алексѣевичъ Вьюшинъ, прикащикъ Аверьянова, сидѣвшiй „на отчетѣ“, человѣкъ лѣтъ тридцати, по видимому, очень сильный, широкоплечiй, съ широкой спиной, почти головой выше Аверьянова, съ густыми, черными волосами, съ большой черной бородой, всегда тщательно расчесаной и съ замѣчательно правильно очерченнымъ, блѣднымъ, смуглымъ лицомъ. Многiе считали его очень красивымъ мужчиной, дамы находили его интереснымъ, самъ же онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ—красавецъ.

Но его красивое, смуглое лицо, его глубокiе, темные глаза, отливавшiе холоднымъ блескомъ стали, часто нахмуренныя

брови, плотно сжатые губы — производили иногда какое-то странное, мрачное впечатлѣніе. Съ такимъ господиномъ было бы трудно разговариваться по душѣ.

Вьюшинъ, повидимому, очень занимался своей особой и одѣвался гораздо щеголеватѣе хозяина: онъ былъ весь въ черномъ, и сюртукъ на немъ сидѣлъ такъ ловко, что, очевидно, былъ шитъ не у перваго встрѣчнаго портного.

Въ ту пору въ магазинѣ былъ и еще одинъ человѣкъ, но такой маленькій, что его почти было не видно изъ-за прилавка. На скамейкѣ за прилавкомъ сидѣла дѣвочка лѣтъ четырнадцать, низенькаго роста, худая и блѣдная, съ книгой на колѣняхъ и, запустивъ одну рученку въ свои темно-рыжіе, распущенные волосы, погрузилась въ чтеніе. Порой она отрывалась отъ книги и такъ взглядывала на Аверьянова, какъ бы желала что-то сказать ему, но, видя его занятымъ, не проронивъ ни слова, снова склонялась надъ книгой.

Между этой дѣвочкой и Вьюшинымъ замѣчалось сильное родственное сходство, — да и не мудрено: она была младшей и единственной сестрой Виталія Вьюшина. Она казалась далеко не такъ красива, какъ братъ, но черты лица ея были пріятнѣе, мягче. Впрочемъ, она переживала въ то время ту неопредѣленную, переходную пору, которая предшествуетъ превращенію дѣвочки-ребенка въ женщину. Дѣвочки — впоследствии даже очень красивыя — въ эту пору бываютъ какъ-то нескладны, неловки и вовсе не кажутся хорошенькими.

Лобъ у дѣвочки былъ небольшой, носъ довольно широкий, губы толстыя, и не по лѣтамъ была она мала ростомъ. Но та же смуглая блѣдность, тѣ же глубокіе, темные глаза, что и у брата, только безъ металлическаго блеска, болѣе мягкіе, задумчивые; — во взглядѣ ихъ сказывалась иногда дѣтская наивность, а иногда вовсе недѣтская серьезность и сосредоточенность, какъ будто въ этомъ маленькомъ — повидимому, дѣтскомъ — тѣлѣ уже жила душа женщины. Лицо ея можно было назвать неудачной копіей лица ея брата; оно много потеряло въ правильности очертаній, но за то выиграло въ выраженіи той высшей духовной красоты, которую истинный художникъ ставитъ выше классической правильности чертъ. На эту дѣвочку жаль было смотрѣть: такъ худощаво было ея личико и такое страдальческое выраженіе порой мелькало въ загадочной глубинѣ ея большихъ, темныхъ глазъ.

Въ тотъ ненастный вечеръ покупателей было мало: забѣгала горничная дѣвушка купить „для барина“ табакъ и гильзъ, заходилъ гимназистъ купить перочинный ножикъ и нѣсколько картинокъ девальюманіи, забрелъ какой-то господинъ за папиросами.

Въ магазинѣ было тихо. Аверьяновъ подсчитывалъ кассу; прикащикъ его, казалось, заснулъ надъ газетными объявленіями. Слышался только звонъ мелкаго серебра, да дѣвочка порой осторожно перелистывала свою книгу.

— Ахъ, Маруся! Какъ ты горбишься! Точно старушка... съ ласковой усмѣшкой проговорилъ Аверьяновъ, взглянувъ на дѣвочку.

— Я ужъ такъ привыкла, Дмитрій Александровичъ! Меня и учительница часто останавливаетъ,—сказала дѣвочка, приподнявъ голову и въ свою очередь посмотрѣвъ на хозяина: ея губы, глаза, все лицо ея въ ту минуту какъ-то просвѣтлѣло и улыбалось.

Очевидно, большое удовольствіе доставило ей то обстоятельство, что на нее обратили, наконецъ, вниманіе, заговорили съ ней.

— Какую хорошую книжку вы мнѣ дали, Дмитрій Александровичъ!.. Благодарю васъ!—тихимъ, нѣжнымъ голосомъ зашебетала дѣвочка, повидимому, обрадовавшись возможности высказаться, подѣлиться своими впечатлѣніями.

— Такая прелесть—это путешествіе въ Африку... странствованіе по пустынѣ на верблюдахъ, съ арабами... описаніе урагана... какъ ихъ заносило пескомъ, какъ верблюды отворотились отъ вѣтра и легли... И потомъ это путешествіе на острова дивихъ... Тамъ людоѣды... и какъ тамъ тепло, Дмитрій Александровичъ! Тамъ всѣ—мучины и женщины—ходятъ безъ платья... Тамъ растетъ хлѣбное дерево, кокосовыя пальмы... А какіе цвѣты тамъ!.. Попугаи въ лѣсахъ... обезьяны лазаютъ по деревьямъ... Вы читали, Дмитрій Александровичъ?

— Читалъ! съ улыбкой слушая дѣвочку, отвѣтилъ Аверьяновъ. Я радъ, если тебѣ понравилась моя книжка.

— Очень! съ чувствомъ отозвалась Маруся, поправляя свои сбившіеся, густые, темно-рыжіе волосы. Но какіе тамъ—ужасные звѣри... какъ его... я забыла...

— Полно же болтать! Мѣшаешь заниматься... строгимъ,

холоднымъ тономъ остановилъ ее братъ. Въ другой разъ я не возьму тебя съ собой.

Маруся сразу понурилась, съѣжилась, какъ бы желая сократиться, сдѣлаться какъ можно меньше, чтобы какъ можно менѣе занимать мѣста въ этомъ шикарномъ магазинѣ.

— Она мнѣ вовсе не мѣшаетъ!—замѣтилъ Аверьяновъ, ласково посмотрѣвъ на дѣвочку,—но та уже не шелохнулась и вся, съ головой, скрылась за прилавкомъ.

Затѣмъ, немного погодя, Аверьяновъ, стараясь подъ веселою безпечностью скрыть свое смущеніе, шутливо замѣтилъ прикащику:

— У насъ сегодня въ кассѣ опять недочетъ... не достаетъ одного рубля сорока копѣекъ!

— Видно, какъ нибудь обсчитался при сдачѣ!—съ дурно скрытымъ раздраженіемъ отозвался Вьюшинъ, комкая газету и отбрасывая ее въ сторону.—Вычитите изъ жалованья!

— Съ вами, Виталій Алексѣевичъ, нынче просто разговаривать невозможно! сдержанно проговорилъ Аверьяновъ, и легкая тѣнь неудовольствія и грусти промелькнула по его открытому лицу.

— Такъ и не разговаривайте! съ напускной грубостью вполголоса проворчалъ Вьюшинъ.

Аверьяновъ сдѣлалъ видъ, какъ будто не дослышалъ, и продолжалъ въ примирительномъ тонѣ:

— Конечно, нужно быть очень внимательнымъ... ошибиться недолго... Публики много толчется въ магазинѣ...

— Сегодня весь день—народъ! вставилъ Вьюшинъ.

— Вотъ то-то и есть! А если я стану все вычитать у васъ изъ жалованья, то что же вамъ останется... Согласитесь!

— Ну, что жъ! Сколько останется, — и ладно! сказала Вьюшинъ, взглядывая на витрину.

— Нѣтъ, я вижу, вы сегодня совсѣмъ не въ духѣ... замѣтилъ Аверьяновъ, слегка потягиваясь и облачиваясь одной рукой на вонторку.—Какой ненастный и тоскливый вечеръ у насъ сегодня!—немного погодя, заговорилъ онъ, проводя рукой по волосамъ и взглядывая на дѣвочку. Маруся! Хоть бы ты спѣла какую-нибудь пѣсенку...

— Какую же?... Ахъ! Я новый романсъ узнала, Дмитрій Александровичъ... только я не весь его знаю! Хотите скажу? спросила дѣвочка, посматривая на него изъ-за бниги.

— Хочу! отвѣтилъ Аверьяновъ.

И Маруся, не перемѣняя позы, вполголоса, съ чувствомъ проговорила своимъ дѣтскимъ серебристымъ голоскомъ:

«Тебя здѣсь нѣтъ, но ты со мною,
Твоя рука въ моей рукѣ,—
И все, мой другъ, полно тобою
Въ моемъ укромномъ уголкѣ!
Пусть стонетъ ель, пусть злится вьюга,
Бушуя въ холодѣ ночномъ...
Ты для меня—что солнце юга,
Тепло и свѣтъ въ тебѣ одномъ!»...

Дѣвочка ожила, глаза ея блестѣли. Вполнѣ-ли понимала она смыслъ романа?—неизвѣстно. Но она сумѣла вложить много чувства въ свое простое, безискусственное чтеніе.

— Хорошо?—спросила она Аверьянова—и вдругъ какъ будто чего-то сконфузилась.

— Прекрасно! съ улыбкой глядя на нее, отозвался Дмитрій Александровичъ.—Кто-жъ тебя научилъ пѣть этотъ романсъ?

— Никто не училъ! отвѣтила Маруся.—Лизавета Васильевна все поетъ его...

— Кто это—Лизавета Васильевна?

— Жиличка! пояснила Маруся такимъ тономъ, какъ будто всѣ должны были знать: кто такая—Лизавета Васильевна.— Она живетъ въ комнатѣ рядомъ съ нами...

— Глупостями голову набиваешь!.. Проучить бы тебя хорошенько за такіе романы!—проворчалъ братъ, сердито посмотрѣвъ на нее.—Только некогда мнѣ возиться съ тобой...

Дѣвочка вздрогнула,—ее всю передернуло, какъ будто она уже почувствовала на своихъ плечахъ ударъ хлыста. Блѣднымъ румянцемъ заалѣли ея впалыя щеки. Бросивъ на брата взглядъ обозленнаго звѣрька, дѣвочка быстро отвернулась отъ Аверьянова, понурилась и, облокотившись на книгу, закрыла руками свое вспыхнувшее личико.

— За что вы на нее нападаете?—горячо вступился Аверьяновъ, съ упрекомъ посмотрѣвъ на Вьюшина.—Какъ вамъ не стыдно!

— Безъ десяти минутъ одиннадцать!—заговорилъ Вьюшинъ, взглядывая на стѣнные часы и какъ бы не обративъ вниманія на сдѣланное ему замѣчаніе.—Можно записать... Сегодня ждать некого... Въ такую погоду добрый хозяинъ собаку изъ дому не выгонитъ...

Аверьяновъ, между тѣмъ, подошелъ къ дѣвочкѣ и наклонился надъ ней.

— Маруся, да полно-же! Вѣдь братъ съ тобой пошутилъ! — ласково говорилъ онъ, съ усиленіемъ отводя ея рюченки отъ лица.

Дѣвочка продолжала отвергиваться отъ него.

— Маруся! А, Маруся? Послушай!.. Ну, посмотри на меня! уговаривалъ онъ.

Подъ вліяніемъ его ласки дѣвочка, повидимому, стала успокоиваться; она желала бы повиноваться своему защитнику, хотѣла бы посмотрѣть ему въ лицо, но не могла... Смущеніе ея одолевало.

Наконецъ, Маруся пересилила себя, подняла голову и съ какимъ-то страннымъ, умоляющимъ и стыдящимся видомъ посмотрѣла на Аверьянова своими чудными, темными глазами. Двѣ крупныя слезы катились по ея разгорѣвшимся щекамъ.

— Ай-ай, Маруся! Какая же ты — нервная дѣвица... Съ тобой пошутить нельзя... съ доброй улыбкой говорилъ Аверьяновъ. — Ты и на меня, пожалуй, также бы обидилась!.. Ай-ай! Какъ это нехорошо!

Въ ту минуту дверь магазина порывисто распахнулась, и какая-то прилично одѣтая молодая дѣвушка опрометью вбѣжала въ магазинъ, страшно перепуганная, словно цѣлый легионъ демоновъ гнался за ней по пятамъ... Дверь съ трескомъ захлопнулась, и колокольчикъ надъ дверью въ теченіе нѣсколькихъ секундъ оглушительно звенѣлъ.

— Извините, пожалуйста... я такъ вбѣжала къ вамъ... промолвила дѣвушка, запыхавшись и едва переводя духъ — то ли отъ скорой ходьбы, то ли отъ волненія. — Онъ не войдетъ сюда?..

Она со страхомъ смотрѣла въ стеклянную дверь, за которой во мракѣ осенняго вечера смутно мерцалъ свѣтъ уличнаго фонаря.

— Никто сюда не войдетъ! Успокойтесь!.. Не угодно-ли? сказалъ Дмитрій Александровичъ, указывая дѣвушкѣ на стулъ и выходя изъ-за конторки.

— Онъ гнался за мной... я бѣжала... Ни одного прохожаго, ни извощика — никого... Хочу крикнуть, не могу, — голосъ пропалъ... растерянно говорила дѣвушка, какъ бы думая вслухъ и снова переживая испытанные страхи.

Она продолжала стоять у прилавка и въ забывчивости начала, было, снимать съ правой руки свою черную лайковую

перчатку, но потомъ, спохватившись, опять стала натягивать ее и застегивать на ней пуговку.

Незнакомка была очень недурна собой: довольно высокаго роста, стройная, съ хорошенькимъ, миловиднымъ личиномъ, полная той очаровательной женственной прелести, которая издревле покоряетъ себѣ самыхъ сильныхъ мужчинъ и заставляетъ льва, подобно ягненку, покорно и смиренно лежать у ногъ дитяти. Ея бѣлокурые волосы съ одной стороны немного выбились изъ-подъ шляпки. Ея почти овальное лицо, бѣлое и нѣжное, теперъ блѣдное отъ волненія, съ ясными, голубыми глазами, съ тонкимъ, прямымъ носомъ, съ небольшимъ, изящно очерченнымъ ртомъ и съ ямками на щекахъ—заставило Аверьянова залюбоваться. Но особенно подкупающее, отрадное, свѣтлое впечатлѣніе производило общее выраженіе ея лица—выраженіе душевной свѣжести и здоровья. Даже теперешнее ея взволнованное состояніе какъ-то шло къ ней, невольно къ ней располагало и заставляло бы каждаго порядочнаго челоука придти къ ней на помощь.

— Я никогда такъ не запаздывала на урокъ... Право, не знаю: что я теперъ буду дѣлать... Если бы мнѣ извоцика...—прошептала дѣвушка, сконфуженно взглядывая то на Аверьянова, то на его прикащика, съ большимъ интересомъ слѣдившаго за ней. — *Омъ*, можетъ быть... дожидается меня гдѣ-нибудь—за угломъ...

— Вы далеко живете?—спросилъ ее Аверьяновъ.

— О, да! На Васильевскомъ Островѣ... — отвѣтила дѣвушка.—Въ 5 линіи, около Большого Проспекта.

Хотя Дмитрій Александровичъ былъ еще очень молодъ и не могъ считаться опытнымъ наблюдателемъ, но все-таки проницательности у него хватило настолько, чтобы сразу догадаться о томъ, что стоявшая передъ нимъ молодая особа не была искательницей дешевыхъ приключеній, но дѣвушкой порядочной,—вѣроятно, изъ какой-нибудь небогатой семьи средняго круга. Ея скромная, черная шляпка не первой свѣжести—безъ цвѣтовъ и безъ перьевъ, коротенькое драповое пальто, черное шерстяное платье, слегка забрызганное грязью по подолу, поношенный зонтикъ, однимъ словомъ, весь ея костюмъ, да, наконецъ, и то обстоятельство, что она давала уроки, бѣгая съ Васильевского Острова куда-то на Гороховую,—указывали на то, что Аверьяновъ имѣлъ дѣло не съ

прожигательницей жизни, но съ такъ называемой „благородной бѣдностью“, по нѣскольку разъ штопающей одно и то же платье и съ чувствомъ достоинства носящей его.

— Если позволите, я провожу васъ!—сказалъ Дмитрій Александровичъ, обращаясь къ барышнѣ.

Та посмотрѣла на него,—на мгновеніе глаза ихъ встрѣтились, и глаза молодого человѣка, очевидно, внушили ей довѣріе къ ихъ обладателю.

— Я буду вамъ очень, очень благодарна! — сказала дѣвушка, взглядывая на его открытое, веселое лицо.—Я не рѣшалась просить объ этомъ... не смѣла беспокоить васъ... и... мнѣ, право, такъ совѣстно...

— Рѣшительно, никакого беспокойства нѣтъ!—перебилъ ее Аверьяновъ. Я сегодня долго пробылъ въ магазинѣ, небольшой моціонъ для меня полезенъ.

— Но по такой погодѣ...—заговорила дѣвушка—и запнулась, замѣтивъ въ ту минуту, что изъ-за прилавка смотрятъ на нее пытливо и тревожно чьи-то большіе, темные глаза.

Въ волненіи она вовсе и не замѣтила дѣвочку, притаившуюся въ своемъ угольѣ.

А Маруся все время, какъ дивій звѣренышъ изъ засады, поглядывала на неожиданную и нежеланную посѣтительницу, помѣшавшую ей пріятно закончить вечеръ. Она мысленно сравнивала себя съ этой высокой, стройной барышней, одѣтой, по ея мнѣнію, „такъ хорошо“, „въ такой хорошенькой шляпкѣ и въ перчаткахъ“, смотрѣла на свое старое, поношенное, нѣскольку разъ мытое платье,—и это ситцевое сѣрое платье съ розовыми цвѣточками ей показалось теперь такимъ гадкимъ, „противнымъ“, и сама она почувствовала себя такой маленькой, такой жалкой, несчастной замарашкой, что ей стало совѣстно и больно. Дѣвочка покраснѣла.

Ей было непріятно, что Дмитрій Александровичъ „такъ разсыпается передъ этой“... Красивая незнакомка ей не нравилась. „Вбѣжала точно полоумная, закричала, забормотала что-то... И Дмитрій Александровичъ въ дождь и въ холодъ потащится провожать ее на Васильевскій Островъ... Очень нужно“!.. Дѣвочка надула губы и сердито посмотрѣла на незнакомку. Хотя Марусѣ она совсѣмъ, совсѣмъ не нравилась, но дѣвочка тѣмъ не менѣе не могла отъ нея глазъ отвести. И этотъ-то ея пытливый, недовольный взглядъ съ кажимъ-то

страннымъ, загадочнымъ выраженьемъ—заставилъ барышню за-
пнуться на полусловѣ и обратить вниманіе на эти дѣтскіе
глаза съ недѣтскимъ выраженьемъ.

И на барышню, въ свою очередь, Маруся произвела, по-
видимому, не особенно пріятное впечатлѣніе. Настойчивый
взглядъ этихъ темныхъ глазъ ей показался дерзкомъ и назой-
ливъ,—въ немъ было что-то вызывающее.

Аверьяновъ ушелъ въ комнату, находившуюся за мага-
зиномъ, накинулъ пальто, нахлобучилъ на лобъ свою широко-
полую, войлочную шляпу, взялъ камышевую трость съ свинцо-
вымъ набалдашникомъ—и черезъ минуту появился въ магазинѣ.

— Виталій Алексѣевичъ! Вы запрете магазинъ и зане-
сете ко мнѣ ключъ!—сказалъ онъ Вьюшину.—Прощай, Ма-
руся! До свиданья!

Дѣвочка, не смотря на него, холодно подала ему свою
маленькую, худенькую рученку и пробормотала сквозь зубы:

— До свиданья!

Братъ и сестра, казалось, съ одинаковымъ вниманіемъ смо-
трѣли въ слѣдъ удалявшейся незнакомѣ, но не съ одинако-
вымъ выраженіемъ въ лицѣ: братъ съ маслянистымъ блескомъ
въ глазахъ смотрѣлъ, какъ смотритъ хищникъ на заманчивую,
лакомую добычу; во взглядѣ же дѣвочки сказывалось затаен-
ное недоброжелательство.

Дворникъ Семень, сидѣвшій у воротъ, закутавшись въ ту-
лупъ, при видѣ „магазинчика“, проходившаго съ какой-то хо-
рошенькой барышней, подумалъ про себя: „Вишь, какую кра-
лечку поддѣлъ! Э-эхма! И хорошее же житье этимъ барамъ
да купцамъ“!..

Наши путники не вдругъ нашли извозчика. Но—стран-
ное дѣло!—ненастный, октябрьскій вечеръ не поваялся теперь
Дмитрію Александровичу такимъ мрачнымъ, непригляднымъ,
какимъ онъ находилъ его въ седьмомъ часу, идя послѣ обѣда
въ магазинъ. А между тѣмъ, говоря по сущей правдѣ, за по-
слѣдніе три часа, проведенные Аверьяновымъ въ Восточномъ
Магазинѣ, погода значительно ухудшилась. Вѣтеръ, какъ бѣ-
шеный, носился по улицѣ и, казалось, разомъ задувалъ со
всѣхъ четырехъ сторонъ, (что въ Петербургѣ, какъ замѣчено,
случается иногда),—и барышня должна была не разъ придер-
живать свою шляпку и оправлять трепавшееся платье, то сбо-
ку, то сзади безцеремонно приподнимаемое вѣтромъ.

Дмитрій Александровичъ еще болѣе примирился съ ненастьемъ, когда, нанявъ извозчика, сѣлъ на пролетку плечомъ къ плечу со своей спутницей. И въ прелестный іюньскій вечеръ, посреди цвѣтущихъ полей и луговъ, Дмитрію Александровичу, вѣжется, не могло бы быть пріятнѣе и отраднѣе, чѣмъ теперь, когда онъ подъ дождемъ и вѣтромъ путешествовалъ по грязной улицѣ между двумя рядами петербургскихъ каменныхъ громадъ, смотря въ лицо своей спутницѣ и тихо бесѣдуя съ нею.

Наконецъ, они проѣхали Гороховую улицу и затѣмъ скрылись во мракѣ обширной и въ то время пустынной Адмиралтейской площади. Часовая стрѣлка на Адмиралтейской башнѣ на ту пору показывала половину двѣнадцатаго часа ночи.

II.

Оба они—Аверьяновъ и Вьюшинъ—были сыновья петербургскихъ купцовъ 2 гильдіи. Оба они родились и выросли въ Петербургѣ: Аверьяновъ—на Большой Садовой, противъ Юсупова сада; Вьюшинъ—въ Спасскомъ переулкѣ, близъ Сѣнной. Оба они учились въ Коммерческомъ Училищѣ и сидѣли тамъ рядомъ, на одной скамьѣ. Они не были друзьями, но хорошими пріятелями. Возвращаясь изъ училища, они, бывало, вмѣстѣ заходили въ лавку Лапшина (въ Чернышевомъ переулкѣ) и ѣли пирожки, гуляли по галереямъ Гостиного Двора, зимой въ свободное время вмѣстѣ ходили кататься на конькахъ, вмѣстѣ иногда готовились къ экзамену. До послѣдняго года пребыванія ихъ въ училищѣ общественное, матеріальное положеніе того и другого было совершенно одинаково, но затѣмъ въ положеніи ихъ произошла значительная разница.

Аверьяновъ, по окончаніи курса, получилъ послѣ смерти отца небольшое состояніе, — что-то около 15 тысячъ, — и пустился въ торговлю. Вьюшинъ вышелъ изъ Коммерческаго Училища, недоучившись года, и очутился безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Отецъ Вьюшина, всю жизнь весьма осторожно ведшій свои дѣла, не пускавшійся въ рискованныя предпріятія, приводящія въ случаѣ неудачи къ раззоренію или на скамью подсудимыхъ, а затѣмъ и далѣе— „въ мѣста не столь отда-

ленные“, подъ старость заразился бѣшеной горячкой биржевой игры, пожелалъ разбогатѣть моментально вмѣсто того, чтобы копить по грошамъ, скряжничать, и даже поторопился пожалѣть, что ранѣе не обратилъ вниманія на эту „занятную“ игру.

Дѣло въ томъ, что старикъ-Вьюшинъ однажды случайно увидалъ воочию, собственными глазами, у одного своего знакомаго изрядныя пачки денегъ, выигранныхъ имъ незадолго передъ тѣмъ на какой-то биржевой продѣлкѣ—à la hausse или à la baisse. Разгорѣлись глаза, разгорѣлась алчная душа у стараго сребролюбца. Съ той поры какъ будто бѣсъ овладѣлъ имъ,—и старикъ, позабывъ свою всегдашнюю осторожность и любимую поговорку: „тише ѣдешь, дальше будешь“, сталъ завязывать знакомства въ биржевомъ кругу, присматриваться къ новому, дотолѣ чуждому ему міру и, не выдержавъ, пустился, очертя голову, на своей утлой ладѣ въ бурливое море азіотажа.

Въ то время, какъ на грѣхъ, появился въ Петербургѣ одинъ „талантливый“ молодой человекъ, „маленькій Джонъ Ло“, какъ звали его въ шутку, самъ не имѣвшій большого состоянія, но стумѣвшій съ ловкостью жонглера перебрасывать десятки и сотни тысячъ изъ кармана въ карманъ. Въ ту гостиницу (на Невскомъ проспектѣ), гдѣ этотъ „даровитый юноша“ занималъ комнаты, по утрамъ, бывало, еще до открытія биржи, сходились дѣловые люди, игроки, забѣгали комиссіонеры, сновали биржевые зайцы,—словомъ, устраивалась негласная, маленькая биржа, отъ которой, впрочемъ, большая биржа находилась въ полной зависимости. Здѣсь обсуждался планъ кампаніи, предпринимались рѣшенія, составлялся порядокъ запятій дня, рѣшалась участь тѣхъ или другихъ цѣнныхъ бумагъ и совершались предварительныя сдѣлки...

Молодой человекъ вошелъ въ моду, о немъ писали фельетонисты, художники срисовывали съ него портреты, какъ съ героя дня, и тѣ портреты можно было видѣть на академической выставкѣ, скульпторы лѣпили съ него бюсты. А биржевая игра той порой разгорѣлась до такого небывалаго у насъ—азарта, что бумаженки, стоившія ломаный грошъ, доходили чуть ли не до полутора ста рублей. И кончилось тѣмъ, чѣмъ обыкновенно кончаются такія дѣла,—крахомъ.

Въ одинъ роковой день эфемерныя богатства разлетѣлись,

и передъ владѣльцами ничего не стоящихъ цѣнностей опять очутилось, какъ въ сказкѣ сказывается, „разбитое корыто“. Многіе въ тѣ дни разорились, немногіе съ деньгами въ карманѣ удалились съ поля битвы, усѣяннаго мертвыми тѣлами; исчезъ и „Талантливый юноша“, словно онъ и появлялся, какъ злой геній, лишь для того, чтобы ослѣпить легковѣрную толпу блескомъ золота, вызвать къ жизни ея темные инстинкты и низкія страсти, одурманить и затѣмъ бросить на произволь горя и разочарованій. Крахъ, вѣроятно, былъ бы еще серьезнѣе, если бы на помощь зарвавшимся денежнымъ тузамъ не пришло въ ту пору одно государственное учрежденіе.

Во время этой-то катастрофы и старикъ-Вьюшинъ поплатился своимъ состояніемъ, скопленнымъ по крупицамъ, всѣми правдами и неправдами, въ теченіе почти 50 лѣтъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того онъ умеръ скоропостижно на пароходѣ, возвращаясь изъ Кронштадта въ Ораниенбаумъ. Когда пароходъ остановился у пристани, его нашли въ каютѣ уже похолодѣвшимъ съ часами въ рукахъ. Смерть его доктора приписали апоплексіи; знакомые-же думали, что Вьюшинъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, будучи не въ силахъ перенести мысли о потерѣ своего состоянія.

Вслѣдствіе такого печальнаго оборота дѣлъ Виталій Вьюшинъ и долженъ былъ раньше окончанія курса оставить Коммерческое Училище и очутился безъ гроша, если не считать мебели, отцовскаго платья и всякой рухляди. У него кромѣ того осталась еще на рукахъ маленькая сестренка. У Маруси, впрочемъ, было двадцать пять рублей ежемѣсячнаго дохода.

Мать ихъ въ первый разъ была замужемъ за богатымъ малороссомъ, Григоріемъ Васильевичемъ Галченко, арендовавшимъ много лѣтъ подъ-рядъ большое панское помѣстье. Она жила съ первымъ мужемъ не долѣе двухъ лѣтъ. Онъ умеръ, не оставивъ дѣтей и завѣщавъ любимой женѣ все свое состояніе, — хуторъ, домъ въ одномъ уѣздномъ городѣ Полтавской губерніи и около двадцати тысячъ деньгами. Лѣтъ черезъ пять молодая вдова снова вышла замужъ за петербургскаго коммерсанта, Вьюшина, — домъ и хуторъ продала и всѣ деньги въ разное время передавала мужу на его торговля дѣла — за исключеніемъ лишь шести тысячъ съ чѣмъ-то, положенныхъ ею въ банкъ на имя дочери до ея совершеннолѣтія. „А въ случаѣ смерти дочери, Маріи, — писала она въ своемъ духовномъ

завѣщаніи,—тѣ деньги должны быть выданы сыну моему, Виталію Вьюшину“.

Во время биржевой горячки старикъ Вьюшинъ спустилъ и свои, и женины капиталы, за исключеніемъ денегъ, хранившихся неприкосновенными за стѣнами Государственнаго Банка. Онъ началъ настойчиво приставать къ женѣ и за этими послѣдними деньгами, но жена, всегда такая смиренная и кроткая, на тотъ разъ не послушалась его и отказала ему наотрѣзъ. Старикъ былъ увѣренъ, что эти шесть тысячъ непременно спасутъ его и возвратятъ ему потерянные имъ сорокъ тысячъ, но онъ, какъ всѣ игроки-макіави, конечно, жестоко ошибался: эти шесть тысячъ ушли бы туда-же, куда ранѣе ихъ безслѣдно провалились десятки тысячъ.

Старикъ остервенился при видѣ упрямства со стороны жены, сталъ дѣлать ей самыя возмутительныя сцены, ругался, какъ пьяный извозчикъ, билъ ее. Несчастливая женщина, наконецъ, не выдержала этого домашняго ада, этихъ ежедневныхъ пытокъ, нравственныхъ и физическихъ, занемогла,—и мужъ съ плачемъ положилъ ее въ гробъ и проводилъ на Смоленское кладбище. Смерть Вьюшиной, почти совпавшая съ биржевой катастрофой, произошла за восемь лѣтъ до начала нашего разсказа, когда Виталію было девятнадцать, а Марусѣ—около семи лѣтъ. Вскорѣ и старикъ Вьюшинъ послѣдовалъ за женой. Такимъ образомъ, семь лѣтъ прошло послѣ того, какъ Виталій Вьюшинъ былъ вынужденъ силою обстоятельствъ встать на свои собственные ноги и безъ гроша денегъ въ карманѣ бороться за свое существованіе. И онъ, недоучившійся школьникъ, когда ему едва минуло двадцать лѣтъ, долженъ былъ ринуться съ головой въ омутъ—въ общую схватку, гдѣ уже барахтались и дрались изъ-за куска хлѣба и изъ-за крупицъ счастья милліоны человѣческихъ существъ—мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей.

Это—та отчаянная схватка, называемая жизнью, которая часомъ раньше—часомъ позже, смѣняется для каждаго борющагося смертнымъ покоемъ, когда въ кускѣ хлѣба и въ крохахъ счастья уже перестаютъ нуждаться, и изъ-за нихъ болѣе не барахтаются, уступая желающимъ свое мѣсто.

Юноша началъ съ того, что распродалъ мебель и всякую рухлядь, бросилъ квартиру въ Спасскомъ переулкѣ и перебрался съ сестрой въ дешевенькую комнату „съ мебелью и со столомъ“, въ одномъ изъ громаднѣхъ каменныхъ домовъ

Екатерининскаго канала — въ одномъ изъ тѣхъ домовъ-казармъ, которыхъ подвалы и верхніе этажи бывають биткомъ набиты петербургскою голытьбой.

Маруся, какъ и при жизни отца, продолжала учиться въ городской школѣ; на то, чтобы дать ей другое, болѣе солидное образованіе, не было средствъ. Братъ ея нашелъ себѣ занятіе въ одномъ Обществѣ страхованія и транспортированія кладей, дававшее ему средствъ лишь настолько, чтобы не умереть съ голоду. Если бы не сестрины двадцать пять рублей, ему пришлось бы совсѣмъ плохо; изъ этихъ двадцати пяти рублей платилось за комнату, и вообще эти деньги были для него большой поддержкой.

Вьюшинъ, уже нѣсколько лѣтъ въ Коммерческомъ Училищѣ толявшійся съ сыновьями богатыхъ людей, самъ уже отвѣдавшій житейскихъ удобствъ, покупаемыхъ за деньги, теперь глубоко возмущался на то, что онъ называлъ про себя „несправедливостью судьбы“. Онъ сознавалъ, что не глупѣе тѣхъ господъ, которые набивають себѣ карманы, строятъ дома и большими глотками пьютъ сладость и радость жизни. Иногда, видя шикарно одѣтаго господина, мчавшагося въ коляскѣ и холодно-брезгливо посматривавшаго свысока на разношерстную уличную толпу, Виталій Вьюшинъ со злостью шипѣлъ про себя: „Чѣмъ я хуже тебя... Мерзавецъ!“ Но былъ ли онъ хуже или лучше этого „мерзавца“, въ сущности казалось, рѣшительно, все равно, — и Вьюшину, повидимому, предстояло навсегда затеряться въ пестрой, уличной толпѣ. И какъ же онъ ненавидѣлъ эту толпу—это „баранье стадо“, глупое и тупое!..

Встрѣчая франтовъ Невскаго проспекта, выходящихъ отъ Доминика или изъ другого какого нибудь ресторана, Вьюшинъ со злостью смотрѣлъ на нихъ, и чувства, въ эту минуту волновавшія его, очевидно, не оставались секретомъ для этихъ весело живущихъ молодыхъ людей, ибо они не безъ удивленія взглядывали на этого совершенно незнакомаго имъ чловѣка, такъ странно смотрѣвшаго на нихъ и какъ бы готово схватить ихъ за горло. Тѣ же темныя чувства ненависти и злобы бушевали въ немъ, когда онъ, бывало, вечеромъ проходя мимо какого нибудь барскаго подъѣзда, видѣлъ ярко освѣщенную лѣстницу, устланную ковромъ, уставленную растеніями, и представителяго швейцара съ великолѣпно расче-

санними бакенбардами. Раздраженіе его иногда принимало совершенно мальчишескій характеръ, и Вьюшинъ думалъ, глядя на подъѣздъ: „Эхъ, съ какимъ наслажденіемъ запустилъ бы я камнемъ въ эти стекла!..“

Виталій Вьюшинъ зналъ, что онъ красивъ; онъ зналъ, что женщины заглядываются на него даже и теперь, не смотря на его жалкій костюмъ—на помятую шляпу и на его старое выцвѣтшее пальто, побѣлѣвшее по швамъ. А если бы онъ пріодѣлся, да если бы сталъ обѣдать полюдски, а не въ этой противной кухмистерской, гдѣ его за тридцать копѣекъ кормятъ чортъ знаетъ чѣмъ, если бы онъ пріободрился, оцупалъ бы у себя въ карманѣ нѣсколько радужныхъ бумажекъ, почувствовалъ бы подъ ногами не зыбкое болото, но твердую почву, о! тогда со своей молодостью, силой и красивой наружностью—чего бы онъ не могъ достигнуть!..

А время шло, молодость проходила, и иногда—при взглядѣ на себя въ зеркало, ему съ ужасомъ начинало казаться, что его худощавое, осунувшееся лицо уже старѣется. Неужели ему придется навсегда ограничиться лишь тридцатикопѣечными, кухмистерскими обѣдами и дешевыми побѣдами надъ женщинами послѣдняго разбора—надъ такими дамами, съ которыми подъ руку стыдно показаться въ публикѣ при дневномъ свѣтѣ?

Онъ, нехотя, справлялъ въ Обществѣ свою работу, иногда бывалъ грубъ и дерзокъ,—его иногда обрывали, и онъ еще пуще злился: чувства недовольства и возмущенія постоянно волновали его. Но его раздраженіе и недовольство окружающимъ выражались пока безобиднымъ и довольно комичнымъ образомъ. Онъ какъ бы ненарочно толкалъ на улицѣ иногу прилично одѣтаго господина, и когда тотъ въ слѣдъ ему ворчалъ: „Невѣжа!“—Вьюшинъ огрызался и, не оборачиваясь, цѣдилъ сквозь зубы: „Самъ—невѣжа!..“ Въ кухмистерской подчасъ онъ швырялъ свою недоѣденную порцію чуть не въ лицо прислуживавшей дѣвушкѣ. Днемъ онъ волновался, да и ночью не всегда находилъ покой.

Та жизнь, какую онъ велъ, конечно, была дурною школой для молодого человѣка. Въ это-то печальное время въ немъ и развились чувства ненависти и вражды ко всѣмъ, кому улыбалась жизнь. Непріятныя, тяжелыя ощущенія, повторявшіяся постоянно, изо дня въ день, чуть не ежечасно, при-

дали его глазамъ и лицу вообще какое-то мрачное выраженіе. Онъ и прежде — еще мальчикомъ — былъ молчаливъ и сосредоточенъ, а теперь сталъ еще неприступнѣе и холоднѣе.

Его квартирная хозяйка, Капитолина Игнатьевна, добродушная, работающая женщина, видя его мрачнымъ и недовольнымъ, принялась однажды утѣшать и ободрять его.

— И всѣ, батюшка, съ малаго начинаютъ... говорила она. Ничего, родной, не подѣлаешь! А такъ—тихимъ, благороднымъ манеромъ и станешь подвигаться впередъ помаленьку... Увидятъ твое стараніе, жалованья прибавятъ... Не оставляютъ добрые люди... Мужъ мой—покойничекъ—говариваль: „Честность, да трудъ до добра доведутъ“...

— Наплевать мнѣ на вашу честность!—сердито возразилъ ей Виталій Алексѣевичъ. — Не дорого у насъ за нее даютъ...

Всего горше доставалось отъ него сестренкѣ. Это было единственное существо, вполнѣ ему подвластное, на которомъ онъ могъ безнаказанно срывать свое сердце,—вымещать свое недовольство всѣмъ существующимъ. Эта дѣвочка - ребенокъ отвѣчала передъ нимъ за всѣ постигавшія его неудачи и разочарованія. Братъ постоянно ворчалъ и брюзжалъ на нее, бранилъ, издѣвался надъ ней и даже не одинъ разъ побилъ ее.

Однажды Маруся отказалась идти въ погребокъ за пивомъ, потому что погребщикъ отказывался давать въ долгъ, часто бывалъ пьянъ и ругался,—и братъ жестоко отхлопалъ ее. Въ другой разъ Маруся была также чувствительно наказана за то, что не послушалась брата и въ осеннюю грязную пору купила себѣ высокіе полусапожки. Но дѣвочку возмутили не столько колотушки и насиліе брата, сколько его злыя, ядовитыя насмѣшки.

— Съ этихъ-то поръ вздумала кокетничать, заниматься своими ножками!—глумился онъ, съ ехидствомъ посматривая на оскорбленную, плачущую дѣвочку. —Я тебѣ задамъ... дрянь! Будешь ты у меня помнить эти полусапожки... Дѣвченка корчить изъ себя барышню... Нѣтъ, погоди! Я до тебя доберусь... я тебѣ покажу, что ты еще не барышня... Рано зафрантила...

Странныя отношенія установились между братомъ и сестрой. Живя при матери и при отцѣ, а впослѣдствіи съ однимъ отцомъ, Виталій какъ бы не замѣчалъ своей младшей сестры, а дѣвочка, видя явное нерасположеніе къ себѣ со сто-

роны брата, старалась не попадаться ему на глаза. Поселившись вмѣстѣ, братъ не могъ, конечно, не замѣчать Марусю, а та въ свою очередь не могла избѣжать встрѣчь съ нимъ. Братъ тиранилъ ее или, по крайней мѣрѣ, старался всѣми, зависящими отъ него, способами отравлять ей существованіе и даже иногда начиналъ ненавидѣть ее, какъ ненавидитъ деспотъ-самодуръ того, кто, не смотря на всѣ его усилія, не клонитъ передъ нимъ головы. А Маруся не покорялась, не была забитой дѣвочкой и отвѣчала своему гонителю дурно скрытымъ или, вѣрнѣе, дурно выраженнымъ презрѣніемъ, но выраженнымъ все-таки настолько ясно, что братъ не могъ не чувствовать его на каждомъ шагу.

Маруся, какъ вообще всѣ дѣти, вырастающія въ обществѣ взрослыхъ, была не по лѣтамъ умственно развита, да и въ физическомъ отношеніи она развилась рано. Она живо чувствовала наносимыя ей оскорбленія, но старалась не выказать себя оскорбленной и униженной. Она не извинялась, когда братъ дѣлалъ ей замѣчанія и выговоры, не пыталась разжалобить его, когда тотъ грозилъ „расправиться“ съ ней; когда братъ билъ ее, она почти до крови закусывала губы, чтобы не крикнуть отъ боли, и потомъ блѣдная, дрожащая, какъ дикій звѣрь, забивалась въ уголъ и опять готова была бороться противъ возмутительнаго насилія. Она особенно досадовала и негодовала на себя въ тѣхъ случаяхъ, когда ей не удавалось скрыть передъ братомъ слезъ, неволью выступавшихъ у нея на глазахъ.

Дѣвочка никогда, никому не жаловалась на свою горькую участь.

— Что! Братецъ опять тебя того... поучилъ?—говорила ей, бывало, Капитолина Игнатьевна.—Ахъ, ты—бѣдная!..

— Мнѣ не больно!—возражала Маруся, отвертываясь отъ хозяйки, чтобы скрыть румянецъ стыда и негодованья, вспыхивавшій на ея щекахъ при мысли, что люди жалѣютъ ее, какъ прибитую собаченку.

Вьюшины жили въ пятомъ этажѣ, въ небольшой комнатѣ съ однимъ окномъ, выходившимъ во дворъ — надъ помойной ямой; впрочемъ, благодаря вышиной пятого этажа, одуряющіе ароматы помойной ямы не особенно беспокоили квартирантовъ въ то время, когда тѣ отрывали форточку для освѣженія воздуха въ своемъ жилищѣ. Налѣво у стѣны стоялъ большой диванъ, замѣнявшій Вьюшину кровать, передъ диваномъ—бруг-

лый столъ, единственный въ комнатѣ; направо у стѣны—Марусина желѣзная кровать съ мочальнымъ матрасомъ, небольшой комодъ, зеркальце въ жестяной оправѣ; у изголовья кровати на гвоздѣ—Марусино платье. Дѣвочка сама спила драпри и завѣсила имъ свои владѣнія. На комодѣ лежали ея книжки, тетради, стоялъ ея „руководѣльный“ ящичекъ.

Тѣсна, неприглядна была комнатка оклеенная дешевыми сѣренькими обоями, плохо меблированная, пропитанная запахомъ керосинной копоти и табачнаго дыма, но—по поговоркѣ—и въ тѣснотѣ люди живутъ, лишь бы не въ обидѣ,—только горе въ томъ, что послѣ смерти отца Марусѣ пришлось жить и въ тѣснотѣ, и въ большой обидѣ. Дѣвочки изъ школы, обыкновенно, весело спѣшили домой, въ свой уютный уголокъ, къ милому, родному очагу. У Маруси не было своего очага, ей некуда было спѣшить, дома ея никто не ждалъ, да и то еще благо, если никто не ждалъ, а то еще хуже, если братъ, злой и раздраженный, поджидалъ ея для того, чтобы вступить съ ней въ „непріятный“ разговоръ. И дѣвочка не торопилась, позже всѣхъ оставалась въ школѣ и подолгу разговаривала съ учительницей, а затѣмъ медленно, шагъ за шагомъ, возвращалась домой.

Марусю особенно мучилъ одинъ неразрѣшимый вопросъ: почему братъ худо—такъ несправедливо и жестоко относится къ ней?

Годъ тому назадъ, однажды вечеромъ, когда братъ возвратился домой, повидимому, въ лучшемъ расположеніи духа, чѣмъ обыкновенно, Маруся задумала разрѣшить мучившій ея вопросъ и приступила къ брату съ объясненіями. Виталій полудежалъ на диванѣ и курилъ папироску, а она сидѣла у стола, пригорюнившись надъ книгой, и украдкой взглядывала на брата.

— Ну, что! Сегодня опять не знала уроковъ?—спросилъ ее братъ, вскользь, разсѣянно посмотрѣвъ на нее.

— Нѣтъ, знала... отозвалась Маруся. — Учительница спрашивала изъ ариѳметики, изъ русскаго,—и я отвѣтила...

— „Отвѣтила!“—иронически передразнилъ ее братъ.— Ужъ я думаю...

Дѣвочка промолчала.

Въ комнатѣ было тихо.

— Братъ! Скажи, пожалуйста... за что ты меня не лю-

бишь?—робко, сконфуженно спросила дѣвочка, нерѣшительно взглядывая на него.

Вьюшинъ опустил папиросу, съ удивленьемъ посмотрѣлъ на Марусю,—и лицо его омрачилось.

— А скажи, пожалуйста,—за что бы мнѣ любить тебя!—холодно проговорилъ онъ.—Ты—такая дрянная дѣвочка, грубая, упрямая, такъ много думаешь о себѣ...

— Ну, пусть я и дрянная...—дрогнувшимъ голосомъ промолвила Маруся.—Но что же такое я тебѣ сдѣлала, что ты никогда не поговоришь со мной полюдски... какъ точно я тебѣ не сестра... только бранишь меня... никогда не приласкаешь... Я—все одна!..

Дѣвочка протянула руки на столъ, опустила на нихъ голову и заплакала.

— Я ничѣмъ не могу угодить тебѣ... Мнѣ не съ вѣмъ слова сказать... Господи! Да что жъ это!..

Вьюшинъ сердито нахмурилъ брови: очевидно, эти дѣтскія жалобы и слезы неприятно дѣйствовали на него.

— Это еще что такое! Ну, ну, пожалуйста!.. Безъ слезъ и безъ всякихъ исторій...—проговорилъ онъ, стараясь придать своему голосу ровный и спокойный тонъ.

— Я какъ будто тебѣ мѣшаю... я какъ будто для тебя совсѣмъ чужая!—бормotala Маруся сквозь слезы.—Тебѣ меня нисколько не жаль, нисколько!..

— Ахъ, да говорю же тебѣ,—оставь! Къ чему эти комедіи!—съ раздраженіемъ оборвалъ ее братъ.

Маруся долго сдерживалась и плакала тихо, но при послѣднихъ злыхъ словахъ брата не вытерпѣла и громко рыдалась. Ея худенькія плечи вздрагивали и рученки все крѣпче прижимались къ лицу.

— Ну, довольно! Баста!—проговорилъ братъ.—„Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ“!.. И откуда, подумаешь, вдругъ взялась такая чувствительность! Вотъ потѣха!.. Ступай-ка лучше—раздѣвайся, да ложись спать!

Дѣвочка встала, собрала со стола свои книжки и тетради и мгновенно съ жгучимъ упрекомъ смотрѣла на брата заплаканными глазами, какъ бы совершенно позабывъ свое рѣшеніе—не показывать передъ нимъ своихъ слезъ,—потомъ круто повернулась и ушла за свою занавѣску. Положивъ книги на комодъ, она, не раздѣваясь, но лишь разстегнувъ лифъ

платья, бросилась на постель и, уткнувшись лицомъ въ подушку, горько-горько заплакала.

„Одна! Одна!“—вотъ что съ особенною болью мучило эту дѣвочку-ребенка. Конечно, хозяйка, Капитолина Игнатьевна, относилась къ ней хорошо, учительница была добра; нѣкоторыя подруги были ей симпатичны, но она не могла ни съ кѣмъ изъ нихъ отводить душу, какъ бы ей хотѣлось, говорить о томъ, что тревожило ее и отравляло ей жизнь. Такъ вопросъ о томъ: за что не любить ее братъ? и остался нерѣшенъ.

А братъ со своей стороны ни ей и никому другому не могъ искренно, вполнѣ удовлетворительно отвѣтить на этотъ щекотливый вопросъ. Онъ не могъ бы серьезно указать ни на какой порокъ или недостатокъ въ дѣвочкѣ.

Дѣло въ томъ, что въ то время, когда онъ, Виталій Вьюшинъ, нуждался „до смерти“ въ нѣсколькихъ рубляхъ, въ распоряженіи этой „паршивой дѣвченки“ въ будущемъ оказывались шесть тысячъ рублей. Шутка ли сказать!.. Когда онъ думалъ объ этихъ деньгахъ и смотрѣлъ на сестру, то досада и злость закипали въ его душѣ. Конечно, молодой человѣкъ не сталъ бы спорить, если бы ему сказали, что дѣвочка вѣдь не виновата въ томъ, что ей достались или—вѣрнѣе—достанутся со временемъ эти шесть тысячъ. Да! Но она безъ вины виновата передъ нимъ. Для ожесточеннаго, озлобленнаго человѣка существуетъ своя особенная логика, охотно расписывающаяся передъ его Я—„готовая къ услугамъ“.

Если бы теперь у него были въ рукахъ эти шесть тысячъ, онъ могъ бы сейчасъ же затѣять какое нибудь дѣльце, могъ бы завести знакомства, угостить завтракомъ, обѣдомъ того или другого нужнаго человѣка, наконецъ, имѣя деньги, могъ бы кому слѣдуетъ пожертвовать за первый годъ все свое жалованье и зато получить теплое мѣстечко. Такія дѣла, какъ онъ слыхалъ, чуть ли не каждый день дѣлаются въ Петербургѣ. Тогда, при деньгахъ, Вьюшинъ могъ бы прилично одѣться, посѣщать собранія, клубы, могъ бы встрѣтиться съ какой нибудь хорошенькой (или не особенно хорошенькой), обязательно богатой барынькой, „je vous aime“ и т. д. по порядку, а тамъ ужъ—„тру-ля-ля!“—жизнь безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, безъ всякой непріятной мысли о какомъ нибудь трудѣ, всегда полный бумажникъ ассигнацій, постоянно лихачъ къ его услу-

гамъ, объѣды у Бореля, вечера въ Самаркандѣ, — французенки и другія милыя женщины, ни мало не стѣсняющіяся съ мужчинами *et cetera*. „Вотъ жизнь!“ мечтательно говорилъ про себя Виталій Вьюшинъ, мысленно облизываясь при видѣ рисовавшихся ему благъ.

Все это — мелочно, пошло, все это — не въ состояніи наполнить жизнь и дать человѣку высшее душевное довольство и радость, но мечты и желанья Вьюшина какъ для большинства его современниковъ, такъ и для людей вѣковъ давно минувшихъ, — представлялись высшимъ идеаломъ счастья...

Мать ради Маруси лишила его этихъ шесть тысячъ. Почему она *ему* не оставила столько же? Почему она заботилась только объ этой дѣвчнкѣ? Припѣвъ — известный... „Мальчикъ вырастетъ, самъ добудетъ!“ — съ злою усмѣшкой повторялъ про себя молодой человѣкъ слова, когда-то не разъ слышанныя имъ. „И зачѣмъ *ей* столько денегъ! Что она будетъ дѣлать съ этими деньгами?“ — раздумывалъ Виталій Вьюшинъ. „Подвернется уже какойнибудь прохвостъ, пронюхаетъ о деньгахъ, соблазнить дѣвченку, увлечетъ, заставитъ выйти за себя замужъ или сдѣлаетъ любовницей (вѣдь и она не лучше другихъ по этой части!) и приберетъ къ рукамъ ея денежки....“

Не разъ, когда дѣвочка вечеромъ, сидя у стола, занималась уроками или читала книгу, братъ, смотря на ея поникшую голову, думалъ: „Доживетъ ли-то она еще до своего совершеннолѣтія? Вонъ вѣдь какая худая, точно ободранный котенокъ...“ Онъ очень хорошо помнилъ тотъ пунктъ духовнаго завѣщанія, гдѣ говорится, что „въ случаѣ смерти дочери, Маріи, тѣ деньги должны быть выданы сыну моему, Виталію Вьюшину“.

Сама стала ему поперекъ дороги, да еще спрашиваетъ: за что онъ *ея* не любитъ?.. Виталій Алексѣевичъ, конечно, не желаетъ смерти сестры (Господи помилуй! Вѣдь онъ — не извергъ!), но фактъ тотъ, что въ случаѣ ея смерти *до совершеннолѣтія* — Вьюшинъ получитъ всѣ ея деньги и... разбогатѣетъ. Теперь, когда у него въ карманѣ не бывало иногда и шести рублей, шесть тысячъ казались ему богатствомъ.

Медлительно проходили въ убогой, меблированной комнатѣ длинные темные вечера. Дѣвочка при свѣтѣ одинокой лампы сидѣла за столомъ, склонившись надъ книгой и подперши голову рукой. Порой она тяжело вздыхала... А братъ,

если бывалъ совсѣмъ безъ денегъ и долженъ былъ оставаться дома, сидѣлъ, полулежа, на диванѣ, курилъ папиросу за папиросой и порой, почти сдвинувъ свои черныя брови, пристально и мрачно смотрѣлъ на Марусю, на ея темныя, гладко причесанные волосы, блестящія, какъ шелкъ.

Въ комнатѣ тихо, какъ въ гробу...

Во взглядѣ молодого человѣка иногда проскальзываетъ что-то странное, похожее на чувство страха... Но чего жъ онъ пугается? чего онъ страшится?..

Но я болѣе ничего не скажу: я не могу идти далѣе съ читателемъ по тому пути, на который мы вступили...

Душа человѣческая—бездонный, темный омутъ. Нивакой Шекспиръ, никакой сердцевѣдецъ не проникнетъ вѣщимъ взоромъ во всѣ ея заповѣдныя, скрытыя тайнищи. Умственное око должно обладать сверхъестественной силой проницательности для того, чтобы услѣдить за тончайшими ощущеніями, за всѣми сокровенными человѣческими желаніями, мечтами, надеждами, мимолетными, какъ тѣни, и неувимыми, какъ призракъ.

Если бы какимъ-нибудь чудомъ мы могли заглянуть въ душу—не злодѣя, не какого нибудь отъявленнаго негодяя или преступника, но самаго зауряднаго смертнаго,—если бы мы могли увидеть въ его душѣ все то, что онъ изъ чувства страха, стыда или отвращенія скрываетъ не только отъ другихъ, но старается скрыть даже и отъ самого себя, то, право, читатель, волосы наши встали бы дыбомъ...

III.

Аверьяновъ и Вьюшинъ — по своимъ физическимъ и душевнымъ качествамъ—представляли собою живой контрастъ. Одинъ—красивый брюнетъ, часто мрачный и задумчивый, съ холоднымъ, равнодушнымъ взглядомъ. Другой—блондинъ, съ веселымъ, открытымъ лицомъ, съ свѣтлыми, голубыми глазами. Одинъ — сосредоточенъ, молчаливъ, скрытенъ; другой—съ сердцемъ кроткимъ, незлобивымъ, довѣрчивъ и откровененъ, какъ говорится, душа нараспашку.

Въ школѣ, сидя рядомъ, на одной скамьѣ, они слыли за пріятелей. Аверьянову правилось въ товарищѣ и красивое лицо, и его большая физическая сила, смѣлость и рѣшимость—

вообще сила характера, то есть нравилось то, чего недоставало самому Аверьянову. Вьюшинъ иногда замѣчалъ, что Аверьяновъ съ восхищеніемъ смотритъ на него, и сознание, что имъ любятъ, конечно, льстило самолюбію Вьюшина. Аверьяновъ всегда охотно оказывалъ ему всякія маленькія услуги, терпѣливо выносилъ его вспышки, съ восторгомъ выслушивалъ его планы на будущее,—и какъ натура, склонная къ самопожертвованію, онъ давалъ, не считая и не ожидая себѣ за то никакой благодарности. Вьюшинъ принималъ отъ него все, какъ должное, съ такимъ видомъ, какъ будто самъ же онъ дѣлалъ одолженіе товарищу.

Когда Дмитрій Александровичъ вздумалъ завести магазинъ, то онъ, понятно, первымъ же дѣломъ постарался разыскать своего стараго товарища и на очень выгодныхъ условіяхъ предложилъ ему мѣсто привазчика: пятьдесятъ рублей жалованья и въ концѣ года извѣстный процентъ съ чистой прибыли. Вьюшинъ въ душѣ обрадовался такой перемѣнѣ обстоятельствъ, но, благодаря Аверьянова за предложеніе, не могъ обойтись безъ фанфаронства и показалъ видъ, что онъ какъ бы по старому знакомству, по-товарищески, дѣлаетъ ему одолженіе.

— Я въ Обществѣ тоже получаю пятьдесятъ рублей, но мнѣ, разумѣется, пріятнѣе служить у васъ... сказалъ онъ, не моргнувъ глазомъ и преувеличивъ свое жалованье ровно на двадцать рублей.

— Ну, я очень радъ! — весело промолвилъ Аверьяновъ, крѣпко пожимая ему руку.

Вскорѣ по поступленіи въ Восточный Магазинъ Виталій Вьюшинъ приодѣлся,—купилъ себѣ приличную черную пару, модное пальто и широкополую фетровую шляпу, которая очень шла къ нему, „придавала ему видъ бандита“, какъ говорила ему одна знакомая барышня, отроду не выдавшая никакихъ бандитовъ. Вьюшинъ сталъ лучше питаться и позволялъ себѣ иногда послѣ обѣда выпить полбутылки вина. Впрочемъ, чревоугодіе не было въ числѣ его слабостей: для него въ сущности было все равно—чѣмъ бы ни наѣсться, лишь бы имѣть возможность показать знакомымъ, что онъ бываетъ у Палкина, у Доминика, у Дюссо, въ Hôtel du Nord,—лишь бы были удовлетворены его суетность и тщеславіе.

Теперь его, хорошо одѣтаго, уже не могли принять за какого нибудь проходимца, иногда случайно попадающаго вмѣсто

своего кармана въ чужой. Теперь Вьюшинъ даже по улицѣ сталъ ходить иначе, — слегка выпятивъ грудь, поднявъ голову и вообще съ такимъ видомъ, чтобы встрѣчные бѣдняки при взглядѣ на него могли съ завистью подумать: „Вотъ сейчасъ видно, что у человѣка карманъ туго набить, — чувствуетъ почву подъ ногами... Счастливецъ!“ Конечно, до „настоящаго счастливецъ“, по его идеаламъ, Вьюшину было еще далеко, но ужъ онъ былъ и тѣмъ доволенъ, что могъ обманнымъ образомъ заставить другихъ завидовать себѣ и считать себя „счастливымъ“. Слова: „прилично, шикъ, съ комфортомъ, *comme il faut*“ — всего вѣрнѣе выражали его идеаль блаженнаго существованія.

Такимъ образомъ, матеріальное положеніе Виталія Вьюшина съ поступленіемъ его въ Восточный Магазинъ значительно улучшилось: никогда еще, кажется, со времени выхода изъ Коммерческаго Училища, то есть — съ момента раззоренія отца, онъ не бывалъ такъ доволенъ собой. Разумѣется, онъ не сдѣлался добрѣе, не превратился въ простого, веселаго малаго, но взглядъ темныхъ глазъ его сталъ менѣе мраченъ, — въ разговорѣ съ Аверьяновымъ Вьюшинъ иногда шутилъ и посмѣивался, хотя шутки и смѣхъ его, часто отдававшіе цинизмомъ, не могли нравиться его хозяину, человѣку скромному и застѣнчивому.

Вьюшинъ скоро освоился со своими новыми обязанностями и велъ себя отлично. Въ восемь часовъ утра онъ приходилъ къ хозяину за ключами, и регулярно въ половинѣ девятаго Восточный Магазинъ былъ открытъ. Въ это же время являлся Федоська, мальчикъ лѣтъ тринадцати, нанятый Аверьяновымъ для побѣгушекъ — въ качествѣ посыльнаго. Съ покупателями Вьюшинъ былъ вѣжливъ, внимателенъ, но держался съ чувствомъ собственнаго достоинства — такъ, что нѣкоторые принимали его за самого хозяина. Съ дамами онъ былъ милъ и предупредителенъ и безъ усталы, терпѣливо, показывалъ имъ тѣ и другія вещицы. И дамы находили, что этотъ молодой человѣкъ — очень интересенъ, гораздо интереснѣе Аверьянова. Его иногда нахальные, дерзкіе взгляды принимались за признакъ страстной, пылкой и смѣлой натуры. Иныя его замѣчанія заставляли краснѣть и конфузиться покупательницъ, но многимъ въ душѣ нравились. Торговля у него шла превосходно; книги приходо-расходныя велись аккуратно; касса всегда была въ исправности — вся сполна до копѣчки.

Дмитрій Александровичъ не могъ достаточно нахвалиться своимъ приказчикомъ.

— Золото, а не человѣкъ!—говорилъ онъ своимъ знакомымъ.— Не шестьсотъ, а тысячу рублей стоитъ онъ въ годъ... Нелюдимъ, съ виду немного мраченъ, но когда узнаешь его, станешь за него держаться обѣими руками...

— Нелюдимый-то иногда прочнѣе разговорчиваго! — замѣчали ему.

Но иногда слышались и возраженія:

— Ну, мрачности-то этой не больно довѣрай! Опасное дѣло, когда вода темна... въ темной водѣ ничего не видать!

Отъ появленія на сцену Аверьянова Маруся въ нравственномъ отношеніи еще болѣе выиграла, чѣмъ Виталій Вьюшинъ—въ отношеніи матеріальномъ. Въ Дмитрій Александровичъ она нашла для себя брата, друга, заступника и покровителя,—и ему отдала дѣвочка всю силу своей дѣтской привязанности, всю силу своей любви или, вѣрнѣе, того смутнаго, для нея самой еще неяснаго чувства, которое тѣмъ не менѣе уже жило въ ея душѣ, стараясь излиться на кого нибудь. ница и не находя выхода.

Положимъ, что съ переменъ обстоятельствъ къ лучшему братъ сталъ меньше обращать на нее вниманія, сталъ рѣже придирается къ ней, но зато самодурство его по отношенію къ дѣвочкѣ сдѣлалось еще невыносимѣе. Прежде онъ чувствовалъ нѣкоторую матеріальную зависимость отъ сестры и поэтому былъ вынужденъ сдерживаться и неслишкомъ много воли давать себѣ; теперь же, очутившись съ деньгами въ карманѣ, онъ какъ бы желалъ отомстить за свою прежнюю подневольную сдержанность.

И вотъ въ это-то печальное время для Маруси сверкнулъ во мракѣ яркій, теплый, радостный лучъ свѣта, о которомъ давно уже мечтало ея дѣтское, отзывчивое сердце. Такъ, бутонъ тянется изъ-за зелени къ солнечному лучу, раскрывая на встрѣчу его горячимъ поцѣлуямъ свои нѣжные, трепещущіе лепестки. На дѣвочку вдругъ повѣяло тепломъ—лаской, участіемъ,—именно тѣмъ, чего до тѣхъ поръ не доставало въ ея жизни, и чего такъ страстно и напрасно жаждала она.

Матери она почти не помнила; отецъ былъ дѣловой человѣкъ, дома не сидѣлъ,—Маруся видѣла его только утромъ,

за обѣдомъ, да иногда вечеромъ. Здороваясь, благодаря за обѣдъ, она цѣловала у него руку, — и этими официальными поцѣлуями ограничивались всѣ сношенія дочери съ отцомъ. Братъ же сразу отпугнулъ ее отъ себя. Маруся, не смотря на всю горячую жажду привязанности, оставалась одинокою.

Аверьяновъ любилъ дѣтей, можетъ быть, потому, что въ немъ самомъ—въ этомъ торговомъ человѣкѣ, вовсе не походившемъ на купца, сохранилось еще много поэзии дѣтства, было много дѣтской живости. Онъ понималъ дѣтей, да и дѣти льнули къ нему. Съ первой же встрѣчи съ Марусей, онъ догадался, что дѣвочкѣ не особенно весело и привольно жилось съ такимъ угрюмымъ господиномъ, какъ Виталій Бюшинъ. Онъ обратилъ вниманіе на Марусю, заговорилъ съ нею, приласкалъ, сталъ приглашать ее въ гости къ себѣ—въ Восточный Магазинъ, сталъ дѣлать ей маленькіе подарки—то книгу, то тетрадь, къ Святкамъ подарилъ ей теплое пальто, къ Пасхѣ—лѣтней матеріи на платье... „въ картонкѣ... и матерія лентой перевязана!“..

Для Аверьянова всѣ эти подарки стоили сущую бездѣлицу, но Марусю они приводили въ неописанный восторгъ. Если бы Дмитрій Александровичъ вздумалъ ей дарить деньги, то деньги смущали бы ее,—ей было бы непріятно брать ихъ, какъ милостыню. Но вещи — другое дѣло. Теперь каждый разъ при взглядѣ на книгу, на платье, она станеть съ признательностью вспоминать о добротѣ и участіи къ ней Дмитрія Александровича.

Какъ вянувшій отъ холода цвѣтокъ отогрѣвается подъ солнечными лучами, такъ и Маруся ожила подъ нѣжными, братскими ласками своего новаго знакомаго.

На первыхъ порахъ дѣвочка стѣснялась и лишь изрѣдка, ненадолго, заходила въ магазинъ. А затѣмъ стала ходить все чаще и чаще и засиживалась все дольше. Конечно, въ магазинѣ ей было пріятнѣе, веселѣе, чѣмъ сидѣть одной въ своей комнатѣ. И наконецъ у нея вошло въ привычку проводить вечера въ Восточномъ Магазинѣ. Тамъ, за прилавкомъ, въ уголку, на низенькой скамейкѣ располагалась она со своими книжками и тетрадями, готовила уроки къ слѣдующему дню или читала. Иногда Дмитрій Александровичъ вступалъ съ ней въ разговоръ, шутилъ, слушалъ ея рассказы о школѣ, о подружкахъ, о томъ, какая добрая учительница у

нихъ. Иной разъ она съ нимъ разсуждала о прочитанномъ или, попросту, болтала о томъ—о семь.

Однажды произошелъ между ними такого рода разговоръ.

— Ты, Маруся, постоянно жила въ Петербургѣ? Въ деревнѣ не бывала?—спросилъ ее Аверьяновъ.

— Нѣтъ, я жила въ Петербургѣ постоянно! — со вздохомъ отвѣтила дѣвочка.—Ѣздили только на Черную рѣчку, когда тетенька была жива... А хорошо въ деревнѣ, Дмитрій Александровичъ?

— Хорошо!—задумчиво промолвилъ Аверьяновъ.—Вотъ ужъ когда нибудь куплю небольшое имѣнье въ красивой мѣстности, съ лѣсомъ,—увезу туда тебя на лѣто, и ты станешь хозяйничать... станешь ходить за грибами, собирать ягоды, варить варенье,—будешь гулять по полямъ, по лугамъ...

Маруся не знала, что такое деревня лѣтомъ, но ужъ одна перспектива—пробыть лѣто съ Дмитриемъ Александровичемъ—привела ее въ восторгъ; глаза ея свергнули отъ удовольствія и на щекахъ заигралъ румянецъ.

Аверьяновъ замолчалъ и задумчиво смотрѣлъ на дѣвочку. Одна сцена въ тѣ минуты выступила передъ нимъ изъ тумановъ прошлаго.

Когда ему было лѣтъ четырнадцать или пятнадцать, одинъ изъ товарищей, Вася Кузьминъ, увезъ его какъ-то лѣтомъ къ себѣ въ деревню—въ Тамбовскую губернію. Приѣхали они въ усадьбу поздно вечеромъ и, напившись молока, тотчасъ же легли спать. Какая-то птичка почти всю ночь пѣла въ саду у нихъ подъ окномъ. Утреннее солнце рано разбудило Аверьянова. Онъ наскоро одѣлся, вышелъ въ садъ, за садомъ въ рѣчкѣ выкупался и отправился дальше, въ поле. Передъ нимъ развертывался цвѣтущій лугъ; въ одну сторону отъ него зеленѣли нивы, а съ другой стороны—расходился лѣсъ. Все было ярко, все жило, цвѣло, благоухало. Утренній воздухъ, чистый и свѣжій, еще не успѣвшій сдѣлаться знойнымъ, вѣялъ на Аверьянова сотнями нѣжныхъ, чудныхъ ароматовъ. Онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ вверхъ. Глубокое, безоблачное небо сіяло надъ либующей землей. И Аверьяновъ помнить, что въ тѣ минуты у него на душѣ стало такъ отрадно, такъ свѣтло, какъ никогда не бывало ни прежде, ни послѣ того,—такое глубокое, хорошее, жизнерадостное чувство охватило его всего, что онъ прижалъ руки къ груди и тихо заплакалъ.

— Господи, какъ все это хорошо!— шепталъ онъ, смотря на окружающую его благодать и не находя никакихъ другихъ словъ для выраженія нахлынувшихъ на него новыхъ, невѣдомыхъ ему дотолѣ ощущеній.

Онъ тогда испытывалъ такое чувство благоговѣннiя, какъ будто стоялъ въ какомъ нибудь громадномъ, великолѣпномъ храмѣ, созданномъ не человѣческими руками, но воздвигнувшимся какимъ-то чудомъ.

И теперь Аверьяновъ при воспоминаніи о томъ незабвенномъ утрѣ искренно пожалѣлъ Марусю, не выдавшую и не испытавшую ничего подобнаго, пожалѣлъ эту дѣвочку, выросшую въ петербургскихъ каменныхъ стѣнахъ, мрачныхъ и унылыхъ, какъ могильные селесы, выросшую безъ вольнаго воздуха, безъ солнца, прозябавшую въ томъ мiрѣ, гдѣ нѣтъ ни луговъ,—

«Ни цвѣтовъ, ни травъ душистыхъ,
Ни веселыхъ мотыльковъ»...

Маруся прежде всего привлекала его своею непосредственностью, своею отзывчивою, чуткою натурой. Ему нравилось ея милое личико, и онъ любилъ смотрѣть въ ея глубокіе, темные глаза, такіе-же прямые и открытые, какъ его собственные глаза. Ему жаль было Марусю, такъ какъ по ея взглядамъ, по ея блѣдному, худенькому личику онъ уже догадывался объ ея невеселомъ, безрадостномъ дѣтствѣ. Она напоминала ему блѣдный цвѣточекъ, выросшій въ трещинѣ скалы. Наконецъ, Аверьяновъ просто находилъ какое-то удовольствіе, даже болѣе — отраду быть въ обществѣ этой дѣвочки, можетъ статья, потому, что у него не было сестры, и онъ до сего времени былъ лишень женскаго общества... А Маруся переживала тотъ критическій моментъ, когда ежеминутно, не сегодня—завтра, она могла превратиться въ женщину. Она уже стояла на той неуловимой грани, которая отдѣляетъ дѣтство отъ юности, тихое сіяніе зари отъ пламени восходящаго солнца.

Маруся передъ Дмитріемъ Александровичемъ, просто, благоговѣла; онъ былъ для дѣвочки идеаломъ мужчины: онъ добръ, красивъ, уменъ, образованъ, богатъ, щедръ. Маруся не знала человѣка лучше его, и ея дѣтское воображеніе надѣлило Дмитрія Александровича всѣми совершенствами. Онъ постоянно защищалъ ее, заступался за нее передъ братомъ, былъ всегда

такъ ласковъ къ ней. Она была за все признательна Аверьянову. Она прислушивалась къ каждому его слову, подмѣчала каждый его жестъ. Марусѣ становилось весело, когда она видѣла его веселымъ, и дѣлалась молчалива и задумчива, когда Дмитрій Александровичъ былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, хмурился, что, впрочемъ, съ нимъ случалось рѣдко. Ей было пріятно сидѣть въ Восточномъ Магазиנѣ,—и когда Аверьяновъ гладилъ ее по головѣ или дружески хлопалъ по плечу, она чувствовала себя счастливой.

Въ ея отношеніяхъ къ Аверьянову сказывалось порой какое-то совершенно особенное чувство, болѣе глубокое, чѣмъ простая привязанность, и болѣе нѣжное, чѣмъ братская дружба. Дѣвочка, конечно, не могла еще дать себѣ отчета въ этомъ чувствѣ—неясномъ, смутномъ, какъ передразвѣтныя тѣни ранняго, чуть брезжущаго утра...

Въ Страстную субботу, уже поздно вечеромъ, когда прогремѣла пушка и мѣдныя гортани колоколовъ загудѣли надъ Петербургомъ, Аверьяновъ совершенно неожиданно появился въ комнату Вьюиныхъ съ картонкой въ рукахъ. Братъ и сестра, уже одѣтые попраздничному, собрались идти къ заутрени.

— Я васъ не задержу! Я на минуту...—заговорилъ онъ, подавая Марусѣ картонку.—Это вамъ, барышня!

— Это что-же...—пробормотала дѣвочка.

— А вотъ раскройте и посмотрите!..—съ веселой улыбкой сказалъ Аверьяновъ.

Раскрывъ картонку, Маруся увидала тамъ прелестную лѣтнюю матерію, шляпку и двѣ пары перчатокъ. Вся сіяющая обратилась она къ Аверьянову, но отъ неожиданности не могла промолвить ни слова; за то очень краснорѣчиво говорили ея большіе, темные глаза. Своею маленькой, худой рученкой она взяла Аверьянова за руку и крѣпко-крѣпко пожала ее, какъ-бы стараясь въ этомъ пожатіи выразить подѣтски всю силу, всю глубину своей признательности и восторга.

Аверьяновъ съ улыбкой посмотрѣлъ ей въ глаза, наклонился и поцѣловалъ ее. Маруся порывисто ухватила рукой за его плечо и съ дѣтскимъ чистосердечіемъ, съ жаромъ возвратила ему поцѣлуй.

— Мой подарокъ вовсе не стоитъ такой благодарности... проговорилъ Аверьяновъ, пожимая ей руку.

— Какъ не стоять!—пробормотала дѣвочка, вспыхнувъ вся, какъ говорится, до корня волосъ.—Вы такъ добры ко-мнѣ... Еще никто...

Она быстро отвернулась отъ него, наклонилась надъ кар-тонкой и заплакала.

— До сихъ поръ еще никто... никто...—прерывающимся голосомъ шептала Маруся: ей, конечно, было дорого не платье, но вниманіе, ласка, доброе отношеніе къ ней; ей хотѣлось сказать, что еще никто такъ хорошо не относился къ ней, не старался сдѣлать ей пріятное.

— Это что-же значить? О чемъ слезы?—сказалъ Дмит-рій Александровичъ, придавая своему голосу шутливый тонъ.

— Вы ужъ слишкомъ балуете ее, Дмитрій Александро-вичъ!—съ напускнымъ недовольствомъ замѣтилъ Вьюшинъ, но въ душѣ былъ очень доволенъ такимъ вниманіемъ со стороны хозяйина.

Маруся сама не понимала, что съ ней дѣлается: сердце ея билось и замирало, она испытывала такое ощущеніе, какъ будто бы какая-то невидимая сила вдругъ подняла ее на не-досягаемо высокую-высокую гору, и у нея захолонуло сердце на этой головокружительной высотѣ. И плакала она, разу-мѣется, не отъ горя, и не подъ вліяніемъ признательности, но отъ охватившаго ее всю порыва какого-то до тѣхъ поръ ей невѣдомаго, сладостнаго чувства.

Послѣ того въ голову Аверьянову закралось подозрѣніе: хорошо ли онъ дѣлаетъ, что обращается съ Марусей, какъ съ ребенкомъ. „Но вѣдь она же, дѣйствительно, еще ребе-нокъ!“ убѣждалъ онъ самого себя. Какъ бы то ни было, разъ завравшееся подозрѣніе встревожило его, и онъ невольно сталъ слѣдить за дѣвочкой. Иногда ему казалось, что во взглядѣ ея темныхъ глазъ, устремленныхъ на него, въ ея обращеніи съ нимъ, въ ея манерахъ и словахъ сказывается что-то стран-ное, *недѣтское*. Иногда Аверьяновъ заставлялъ ее врасплохъ и замѣчалъ, какъ она, задумчивая, мечтательная, пристально, пытливо смотрѣла на него и, изловленная въ тѣ минуты, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія, смущаясь и краснѣя, скла-нялась надъ книгой.

Онъ сталъ строже слѣдить за собой, сдѣлался осторож-нѣе, сдержаннѣе въ обращеніи съ Марусей. Онъ никогда не простилъ бы себѣ, если бы по легкомыслію допустилъ себя

омрачить хотя бы легкою тѣнью непорочную дѣтскую душу. „Избави Богъ! Это—ужасный, тяжкій грѣхъ!“ думалъ онъ.

Маруся, разумѣется, скоро замѣтила перемѣну, происшедшую въ отношеніи къ ней со стороны Дмитрія Александровича. Началось съ того, что онъ сталъ часто говорить ей „вы“ вмѣсто „ты“, и „Маруськой“ ея уже не называлъ. Онъ уже не ласкалъ ее, не шутилъ съ нею по прежнему, сдѣлался менѣе разговорчивъ. Марусѣ показалось, что онъ сталъ холоденъ къ ней; дѣвочка опечалилась, сдѣлалась задумчива, начала какъ будто стѣсняться своимъ частымъ присутствіемъ въ магазинѣ, стала рѣже ходить въ Восточный Магазинъ и сидѣла одна въ своей комнатѣ, довольствуясь лишь изрѣдка обществомъ Капитолины Игнатьевны.

Аверьянову даже показалось, что личико ея еще болѣе похудѣло, и ея чудные, темные глаза затуманились. Въ то время, какъ его мучило опасеніе: не напрасно ли онъ такъ жестокъ къ дѣвочкѣ, Маруся тщетно ломала себѣ голову надъ вопросомъ: почему хозяинъ вдругъ перемѣнился къ ней. Можетъ быть, она была слишкомъ навязчива, надоѣла ему? Можетъ быть, съ нимъ случились какіе-нибудь непріятности, онъ озабоченъ и оттого сталъ такъ невнимателенъ. Она только отлично знала, съ какого времени „все это пошло“. Но Маруся была не изъ тѣхъ, которые теряются въ догадкахъ и предположеніяхъ вмѣсто того, чтобы прямымъ путемъ идти къ разрѣшенію вопроса.

Разъ вечеромъ, послѣ обѣда, придя въ Восточный Магазинъ, Маруся застала тамъ Дмитрія Александровича одного. Обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими незначущими словами, дѣвочка забралась въ свой уголокъ, сѣла на скамейку и взялась за книгу. Теперь ей показалось удобно спросить Дмитрія Александровича: за что впала она въ немилость? Но при видѣ его, такого вѣжливаго, холоднаго,—рѣшимость ея въ послѣднюю минуту поколебалась. Ей стало неловко, какъ будто чего-то совѣстно... Она посматривала на дверь и своими нервнодрожащими рученками, машинально, раскрывала и закрывала книгу. Аверьяновъ стоялъ къ ней въ полоборота у конторки и пробѣгалъ какіе-то счеты. Дѣвочка подняла голову и посмотрѣла на Аверьянова.

— Скажите, Дмитрій Александровичъ, за что вы сердитесь на меня? Что я такое сдѣлала?—спросила его Маруся.

При первыхъ же звукахъ ея дрожащаго, взволнованнаго голоса Аверьяновъ совершенно неожиданно для себя почувствовалъ, что сильно смутился. Обернувшись къ Марусѣ и взглянувъ на нее, онъ съ жаромъ заговорилъ:

— Да что съ тобой, Маруся! Я вовсе на тебя не сержусь... Съ чего ты это взяла?

— Вы перемѣнились, Дмитрій Александровичъ... Я вѣдь вижу!—возразила Маруся.—Я даже знаю, съ какого времени... съ Пасхи!.. съ того дня, помните, какъ вы подарили мнѣ на платьѣ... Ахъ, Дмитрій Александровичъ! Возьмите вы лучше эту матерію! Мнѣ, право, кажется, что все изъ-за того...

— Что ты, что ты, Маруся! Ты обижаешь меня... сказалъ Аверьяновъ, пристально посмотрѣвъ на дѣвочку, и онъ не выдержалъ: ея умоляющій, вроткій взглядъ, растрогалъ его пуще всякихъ слезъ.—Ну, прости меня, Маруська! Можетъ быть, я былъ невнимателенъ, разсѣянъ...—заговорилъ Аверьяновъ, подходя къ дѣвочкѣ и глядя ее по головѣ. Но увѣряю же тебя,—я на тебя не сердился... Да и за что-жь! Ты всегда была такою милой дѣвочкой...

Маруся глубоко вздохнула.

— А я ужъ думала, думала,—за что вы разсердились на меня... и ничего не могла придумать... щебетала дѣвочка.—Я думала, что надоѣдаю вамъ... и такъ мнѣ было невесело! Сижу одна въ комнатѣ, хотѣлось бы иной разъ пойти въ магазинъ, да думаю: можетъ быть, я тамъ мѣшаю... Дмитрій Александровичъ, видно, ужъ меня не любить...

— Ахъ, ты, глупая, глупая, Маруська! — проговорилъ Аверьяновъ, приглаживая ей волосы и съ грустью прислушиваясь къ ея тихому воркованью.—Ну, теперь дай слово, что больше не станешь дурить!

— О, да! теперь не стану...—отозвалась дѣвочка.—Но вы не дѣлайте такого вида, какъ будто сердитесь на меня... Не говорите мнѣ „вы“, будьте со мной, какъ прежде... будете? Да?

— Да, да!—смѣясь, согласился Аверьяновъ.

„Вотъ до чего доводитъ предубѣжденіе и мнительность!“—думалъ онъ.—Развѣ было не жестоко съ его стороны,—изъ-за какихъ-то глупыхъ подозрѣній,—лишать дѣвочку ласки, теплаго слова, утѣшенья, когда ей и безъ того невесело живетъ.

И опять въ Восточномъ Магази́нѣ все-пошло по старому, по прежнему. Маруся уже въ сумерки забиралась съ книгами въ свой уголокъ; колокольчикъ у дверей звенѣлъ, покупатели являлись и исчезали, но дѣвочка такъ привыкла къ этой обстановкѣ, что уже не обращала вниманія ни на звонки, ни на посѣтителей и продолжала заниматься своимъ дѣломъ.

Аверьяновъ почти по прежнему сталъ обращаться съ Марусей. Я говорю „почти“, потому что невольныя подозрѣнія, которыя онъ называлъ „глупыми“, порой тревожили его, заставляли быть осторожнѣе. Не смотря на ея ребячества, на ея маленькій ростъ, худобу и блѣдность, Аверьяновъ различалъ въ ней уже женщину: въ тонѣ ея голоса, въ манерахъ, а еще болѣе—во взглядѣ ея большихъ, темныхъ глазъ иногда просвѣчивало совѣмъ недѣтское выраженіе. Онъ уже не хлопалъ Марусю по плечу, какъ прежде, рѣже шутилъ съ нею и сталъ построже въ выборѣ этихъ шутокъ. Но Маруся была уже довольна и тѣмъ, чтó ей давали.

Разъ возникшее подозрѣніе никакими силлогизмами, никакими доказательствами не можетъ быть уничтожено безъ слѣда и безъ остатка. Не подозрѣніе, но тѣнь его все-таки останется—и навсегда. Если отношенія, установившіяся между двумя лицами, измѣнились въ какую-нибудь сторону, то они уже никогда не могутъ сдѣлаться тождественными прежнимъ отношеніямъ. Разъ порванная нитка уже не можетъ быть сдѣлана цѣльною; какъ бы искусно ее ни скручивали, какъ бы ловко ее ни связывали, узелокъ все-таки останется и всегда будетъ напоминать о томъ, что нитка порвана.

И Виталій Вьюшинъ замѣтилъ охлажденіе хозяина къ его сестрѣ, затѣмъ догадался и о томъ, что между ними заключена мировая, и самодовольно посмѣивался себѣ въ бороду.

Онъ уже давно зналъ, что дѣвочка привязалась къ Аверьянову, и Аверьяновъ, повидимому, неравнодушенъ къ ней. На этой комбинаціи онъ строилъ свои планы на будущее. Сначала Вьюшинъ былъ недоволенъ тѣмъ, что дѣвченка стала часто „таскаться“ въ магазинъ, а потомъ, когда увидалъ, какою оборотъ принимали дѣла, самъ сталъ зазывать Марусю въ магазинъ.

— Чѣмъ тебѣ одной-то сидѣть въ комнатѣ, приходи лучше къ намъ!—говорилъ онъ сестрѣ.—Заниматься и тамъ можешь...

Маруся смотрѣла на брата и удивлялась таковой непонят-

ной метаморфозѣ, но тѣмъ не менѣе была очень рада ей. Только теперь братъ сталъ ей преподавать правила, какъ должна держать себя благовоспитанная дѣвица.

— Ты ужъ не маленькая!—говорилъ онъ — и старался внушить ей, что дѣвущкѣ не годится скакать и прыгать, какъ козѣ, говорить о всякихъ пустякахъ, что въ голову взбредеть, что сидѣть, разставивъ ноги, или болтать ногами—крайне неприлично и т. под.

Въ тотъ вечеръ, съ котораго начался нашъ разговоръ, Вьюшинъ, возвратившись домой, долго ворчалъ на сестру.

— И съ чего тебѣ вздумалось читать эти глупыя романсы!—говорилъ онъ.—Что можетъ подумать о тебѣ Дмитрій Александровичъ!

— Да что же такое онъ можетъ подумать?—съ тревогой смотря на брата, возражала Маруся.

— Мало ли что!..—отвѣчала ей тотъ.—Подумаешь, что ты—дрянная дѣвченка...

Вьюшинъ соображалъ такъ: года черезъ три Маруся можетъ выйти замужъ за Аверьянова, и тогда для него, для Виталія, могутъ представиться очень блестящія перспективы... И онъ продолжалъ поучать сестру:

— Учись хорошенько, читай больше... Дмитрій Александровичъ самъ любитъ читать...

И затѣмъ, какъ бы мимоходомъ, онъ не разъ говаривалъ дѣвочкѣ:

— Ты очень нравишься Дмитрію Александровичу! Онъ, просто, не нахвалится тобой...

При этомъ Вьюшинъ пытливо посматривалъ на сестру, какъ бы желая заглянуть ей въ душу и узнать: какое впечатлѣніе производили на нее его слова. Маруся знала, что у ея брата, немало дурныхъ качествъ, но луномъ его не считала, и поэтому слова его принимала за чистую монету. Нимало не конфузясь и лишь слегка покраснѣвъ отъ удовольствія, она съ дѣтскимъ чистосердечіемъ смотрѣла на брата и говорила:

— Онъ—такой добрый!..

„Охъ, дурочка!“—мысленно смѣялся надъ нею братъ.— „Погоди! Мы его приберемъ въ рукавъ... Только бы намъ не сплоскать,—не прозѣвать момента!..“

И онъ не безъ удивленія разглядывалъ сестру, словно въ

первый разъ видѣлъ ее передъ собой. Онъ судилъ о другихъ по себѣ: ему нужно было крупное, большое тѣло. „Ужь если женщина, — говорилъ онъ, — такъ и пусть будетъ женщина, а не какая нибудь фитюлька!..“ Виталій Алексѣевичъ искренно удивлялся: что такое Аверьяновъ нашелъ въ этой дѣвчнкѣ? Чѣмъ она могла соблазнить его?..“ Вѣдь ужъ подлинно: ни кожи, ни рожи... худенькая, невзрачная!.. Я бы такую дѣвицу пинками отъ себя проводилъ... А онъ нѣжничаетъ съ ней...“ думалъ Вьюшинъ.

Въ томъ же, что Аверьяновъ былъ неравнодушенъ къ его сестрѣ, онъ несомнѣвался, — и на этомъ-то недостаточно провѣренномъ фактѣ онъ строилъ свои планы... Тогда, сдѣлавшись зятемъ Аверьянова, онъ можетъ легко сдѣлаться и его компаньономъ по торговлѣ. Во всѣхъ отношеніяхъ для него было интересно сблизиться, породниться съ Аверьяновымъ. Чего онъ самъ не сможетъ добиться, то можно будетъ оборудовать черезъ сестру, если она будетъ имѣть вліяніе на мужа. „А она — дѣвка не глупая... съумѣетъ обойти его!“ — размышлялъ Вьюшинъ.

Вьюшинъ принадлежалъ къ числу довольно легкомысленныхъ хитрецовъ — тѣхъ маленькихъ Меттерниховъ, которые — подобно своему „великому“ прототипу — иногда хитрятъ до того тонко, что сами, того не замѣчая, самымъ усерднымъ образомъ водятъ себя за носъ.

IV.

— Проводили вчера барышню? — спрашивала Дмитрія Александровича Маруся, придя на другой день вечеромъ въ магазинъ.

— Да, проводилъ! — отвѣтилъ тотъ.

— Какъ вы вчера добрались до дому! Вѣтеръ, просто, съ ногъ сбивалъ... продолжала дѣвочка, взглядывая изъ-за книги на Аверьянова.

— Да! Вѣтеръ таки бушевалъ вчера! — отозвался Дмитрій Александровичъ.

Марусѣ хотѣлось разспросить его еще кое о чемъ, но она не рѣшилась. Ей хотѣлось бы знать: какъ онъ нашелъ эту барышню, о чемъ онъ разговаривалъ съ ней дорогой.

Аверьяновъ не нашелъ нужнымъ распространяться и, сидя за конторкой на высокомъ табуретѣ, писалъ письма. Бьюшинъ принималъ и отпускалъ покупателей.

А Дмитрій Александровичъ, если бы захотѣлъ, могъ поразказать немало интереснаго для Маруси. Когда они доѣхали до Большого проспекта Васильевскаго Острова, барышня вкратцѣ уже успѣла познакомить его съ собой. Изъ ея словъ, урывками, онъ узналъ, что отецъ ея служилъ въ Государственномъ Контролѣ и умеръ четыре года тому назадъ, что она училась въ Василеостровской гимназiи—и теперь ходитъ на уроки, на уголъ Гороховой и Фонтанки. „Очень далеко, но уроки хорошия, въ знакомомъ семействѣ, даютъ двадцать пять рублей въ мѣсяцъ“.

Аверьяновъ выросъ безъ матери, почти не зналъ женщинъ, рѣдко бывалъ въ ихъ обществѣ и по своей робости и застѣнчивости всегда стѣснялся въ разговорахъ съ молодыми женщинами. Но съ этой случайной знакомой онъ чувствовалъ себя отлично: въ дѣвушкѣ, казалось, не было ничего искусственнаго, не было замѣтно того кокетства, того заигрыванья „глазками“ и заманиванья, которыя обыкновенно запугиваютъ неопытнаго, еще неиспорченнаго молодого человѣка. Дѣвушка держала себя съ Аверьяновымъ совершенно просто, скромно и мило, какъ съ товарищемъ, какъ со своимъ старымъ знакомымъ. Наивность въ человѣкѣ очень драгоценна, когда она неподдѣльна; такая искренняя наивность сказывалась въ молодой дѣвушкѣ, и она-то всего сильнѣе очаровала Аверьянова. Онъ разговаривалъ съ нею совершенно легко, безъ всякой робости, — даже болѣе того: ему было чрезвычайно прiятно слышать ея тихій голосъ, спокойный, мелодичный, смотрѣть на нее вблизи, сидя рядомъ съ нею на пролеткѣ. Онъ какъ будто не замѣчалъ осенняго ненастья; ни вѣтеръ, ни холодъ не беспокоили его.

Наконецъ, неподалеку отъ Большого Проспекта, по пятой линiи, извозчикъ остановился у большого бѣлаго каменнаго дома. Аверьяновъ при прощаньи не могъ удержаться, чтобы не попросить у барышни позволенiя „быть у нихъ“.

— О, да! разумѣется... Мамаша будетъ очень рада поблагодарить васъ за меня! — отвѣтила ему та, усиленно держа звонокъ у воротъ.

— Благодарю васъ! — проговорилъ Аверьяновъ.

— Ахъ, вотъ прекрасно! — со смѣхомъ сказала ему дѣвушка. — Какъ же вы меня найдете, когда не знаете, какъ меня зовутъ!..

— Дѣйствительно... Какъ я разсѣянъ! — въ смущеніи отозвался Дмитрій Александровичъ и самъ невольно улыбнулся при видѣ веселаго, смѣющагося личика молодой дѣвушки.

Извозчикъ, еще не успѣвшій отѣхать и запрытававшій деньги въ кошелекъ, также оглянулся на барышню и, усмѣхнувшись, съ добродушно-дувавымъ видомъ качнулъ головой.

— Спросите Наталью Николаевну Беклешову, — это и буду я! — продолжая смѣяться, говорила дѣвушка.

Въ ту минуту заспанный дворникъ, брянча ключами, съ недовольнымъ видомъ распахнулъ калитку. Дѣвушка еще разъ кивнула головой своему провожатому и скрылась во мракѣ воротъ, пока калитка съ глухимъ шумомъ захлопывалась за ней.

Вчерашній ненастный день неожиданно закончился для Аверьянова пріятно, а сегодня ему предстояли очень тяжелыя, щекотливыя объясненія съ Вьюшинымъ. Онъ еще вчера вечеромъ хотѣлъ начать эти объясненія, совсѣмъ было уже собрался, но въ послѣднюю минуту ему стало какъ-то неловко, время для объясненія показалось неудобнымъ, а тамъ подвернулось это приключеніе съ барышней. Чтобы читателю стала понятна вся щекотливость положенія Аверьянова, нужно предварительно познакомиться съ ходомъ дѣлъ за полтора года существованія Восточнаго Магазина.

Почти весь первый годъ дѣла шли прекрасно. Хозяинъ былъ веселъ и доволенъ. Вьюшинъ также, повидимому, примирился съ несбыточностью своихъ суетныхъ, тщеславныхъ мечтаній. Всѣхъ же довольнѣе была Маруся; она еще никогда не жила такъ счастливо, какъ за послѣднее время. По истеченіи перваго же года на долю Вьюшина досталось изъ прибылей около трехсотъ рублей. За текущій годъ прибыли ожидалось еще болѣе: дѣла Восточнаго Магазина шли превосходно. Сначала Вьюшинъ былъ очень радъ мѣсту привазчика: въ Обществѣ онъ получалъ триста шестьдесятъ рублей въ годъ, а здѣсь — шестсотъ рублей одного жалованья, а съ прибылью, отчисленною на его долю, оказывалось около тысячи. Разница значительная. Тамъ у него случались столкновенія съ товарищами, непріятности съ начальствомъ, сто-

лоначальникъ дѣлалъ ему выговоры, директоръ однажды раскричался на него, грозилъ прогнать его съ мѣста, — и Виталій Вьюшинъ послѣ этого окрика чувствовалъ себя оскорбленнымъ и униженнымъ, какъ школьникъ, высѣченный розгами въ присутствіи товарищей. А здѣсь хозяинъ, его старій пріятель, обращался съ нимъ всегда ровно, мягко, деликатно, какъ равный съ равнымъ.

Все это такъ, — и Вьюшинъ не могъ не сознавать всѣхъ преимуществъ своего теперешняго положенія по сравненію съ его прежнимъ прозябаніемъ въ Обществѣ. Тѣмъ не менѣе съ начала текущаго года въ немъ стала замѣчаться перемѣна къ худшему, хотя внѣ его къ худшему ничто не измѣнилось по отношенію къ нему: занятій не прибавилось, заработокъ его долженъ былъ еще увеличиться, хозяинъ попрежнему дружески обращался съ нимъ. Дѣло въ томъ, что злые, темные демоны снова стали овладѣвать его душой. „Положимъ, — рассуждалъ онъ, — заработокъ у меня порядочный, но у Аверьянова — и того больше. Весь магазинъ — его. Я свое состояніе считаю сотнями рублей, которые тутъ же и проживаю, а Аверьяновъ считаетъ тысячами, можетъ быть, и десятками тысячъ... кто жъ его знаетъ!.. И капиталъ свой онъ не проживаетъ, — вѣроятно, довольствуется процентами“...

Онъ, Вьюшинъ, — приказчикъ и, повсему вѣроятію, приказчикомъ всю жизнь и останется. Невыносимо ходить кругомъ да около большихъ денегъ, а самому получать какіе-то жалкіе гроши. Аверьяновъ богатъ, а не больше его работаетъ и не умнѣе его. Аверьяновъ можетъ исполнять каждую свою затѣю, только, къ сожалѣнію, этотъ буржуй — глупъ, никакихъ особенныхъ желаній, повидимому, у него нѣтъ, и онъ самъ, кажется, не знаетъ: куда ему дѣвать деньги. А у него, Виталія Вьюшина, деньгамъ сейчасъ бы мѣсто нашлось. На Аверьянова онъ смотрѣлъ, какъ на собаку, лежавшую на снѣгѣ. „Самъ не ѣстъ и другимъ не даетъ“. Злобное недовольство все пуще и пуще охватывало его. Иногда онъ едва сдерживался, чтобы не выдать волновавшія его недобрыя чувства.

Однажды Аверьяновъ, разложивъ на пачки кучу ассигнацій и аккуратно перевязавъ, опустилъ ихъ въ свой боковой карманъ и сказалъ:

— Можно отвезти въ банкъ. Теперь, кажется, у насъ крупныхъ платежей скоро не предвидится.

— Кажется, нѣтъ!—проворчалъ Вьюшинъ, изподлѣбя поглядѣвъ на хозяина.

Когда тотъ, весело пасвистывая, уходилъ изъ магазина, Вьюшинъ съ яростью посмотрѣлъ ему въ слѣдъ. „Чортъ! выругался онъ про себя. Все тащить въ банкъ!“...

Но тутъ на словѣ „банкъ“ мечты подхватили его и помчали вдаль. Взялъ бы, на примѣръ, Аверьяновъ пачку ассигнацій, подаль бы ему и сказалъ: „Вотъ вамъ, Виталій Алексѣевичъ, въ память нашего стараго знакомства и за вашу вѣрную службу!.. Устраивайтесь! Начинайте какое нибудь дѣло“!.. Какъ бы Вьюшинъ удивился и устыдился своихъ нехорошихъ чувствъ, если бы могъ знать, что въ дѣйствительности его мечта была уже близка къ осуществленью, что именно подобная мысль уже была въ головѣ Аверьянова,—и черезъ три года, когда Восточный Магазинъ встанетъ прочно, Дмитрій Александровичъ хотѣлъ эту мысль привести въ исполненіе.

Человѣку—иногда какъ бы для его благополучія, а иногда и въ его несчастью—не дано знать будущаго. При знаніи будущаго нѣкоторыя преступленія, вѣроятно, совершились бы еще ранѣе и стремительнѣе, но за то другія—и очень многія—никогда не были бы совершены...

Если позволительно сравнивать человѣка по его духовнымъ качествамъ съ тѣмъ или инымъ животнымъ, то я сравнилъ бы Виталія Вьюшина съ животнымъ, происшедшимъ отъ помѣси волка съ лисицей, въ которомъ, впрочемъ, волчьи качества перевѣшивали бы прочія. Такой человѣкъ, какъ Вьюшинъ, не могъ долго скрывать свое недовольство, и его душевное состояніе неминуемо должно было выразиться въ рядѣ соответствующихъ поступковъ. Онъ началъ хмуриться, сталъ дѣлаться все болѣе и болѣе неразговорчивъ, хозяину отвѣчалъ нехотя, иногда довольно грубо и рѣзко.

„Изъ-за какихъ-нибудь пятидесяти рублей изволь унижаться передъ *этимъ*!..“ размышлялъ иногда Вьюшинъ, поглядывая на хозяина. По правдѣ-то говоря, ему ни передъ кѣмъ не приходилось унижаться: онъ работалъ и получалъ за свой трудъ вознагражденіе. Давать отчетъ и вѣжливо обращаться съ хозяиномъ, по его мнѣнію, уже оказывалось униженіемъ... „Дадутъ пятьдесятъ рублей, да и ломаются,—чортъ бы ихъ побралъ!.. Стану я изъ-за грошей жилы изъ себя выматывать... какъ же, дожидайся!..“ Вьюшинъ былъ крайне несправедливъ

къ Аверьянову, но, какъ человѣкъ ослѣпленный, не видѣлъ своей несправедливости. Хозяинъ вовсе не ломался надъ нимъ, и Вьюшину не было нужды выматывать изъ себя жилы...

Въ результатѣ такихъ разсужденій вышло то, что Вьюшинъ сталъ небрежно относиться къ своему дѣлу, какъ горится, спустя рукава, сталъ неаккуратно вести записи, дѣлалъ ошибки. Съ покупателями бывалъ угрюмъ и лавоничень и даже съ покупательницами сталъ менѣе любезенъ. Конечно, такая перемѣна въ Вьюшинѣ произошла не вдругъ, постепенно, но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ она рѣзче обозначалась.

Аверьяновъ былъ не особенно проницательный наблюдатель, но и онъ, наконецъ, замѣтилъ, что Вьюшинъ не съ прежнимъ стараніемъ относится къ дѣлу, что онъ чѣмъ-то недоволенъ, раздраженъ. Предлагая ему мѣсто у себя въ магазинѣ, Аверьяновъ искренно хотѣлъ помочь ему, желалъ добра, — и теперь, по своей безхарактерности и мягкости нрава, рѣшительно, не зная, что ему дѣлать.

Если для Вьюшина, раздумывалъ онъ, открывались какія-нибудь болѣе выгодныя занятія, то вѣдь ему о томъ только стоило бы сказать. Вѣдь не могъ же бы Аверьяновъ удерживать его у себя насильно! Теперь же значительно увеличить жалованье своему приказчику онъ не могъ. Быть недовольнымъ имъ Вьюшинъ не имѣлъ никакихъ основаній. Что же такое случилось? Почему онъ сталъ такъ небрежно, нехотя относиться къ дѣлу? Почему Вьюшинъ съ нимъ такъ холоденъ и грубъ?.. На всѣ эти вопросы Аверьяновъ не находилъ отвѣта. Очевидно, приходилось объясняться, но Аверьяновъ чувствовалъ себя неловко передъ своимъ старымъ школьнымъ товарищемъ и долго не рѣшался приступать къ объясненію. Такія непріятныя объясненія для добродушнаго Аверьянова были — ножъ вострый.

Маруся видѣла натянутыя отношенія между братомъ и Дмитриемъ Александровичемъ, сознавала, что братъ ея грубъ, несправедливъ, — и эта несправедливость и неблагодарность брата заставляли ее страдать. Она дѣтскимъ чутьемъ догадывалась, что Дмитрій Александровичъ всячески старается сгладить, уронять отношенія между собой и Виталиемъ, а тотъ, напротивъ, какъ нарочно, поступалъ такъ, чтобы сдѣлать эти отношенія какъ можно шероховатѣе и тягостнѣе для того и для другого.

Наконецъ, Аверьяновъ не выдержалъ и рѣшился объяс-

ниться. Сегодня предстояло ему это неприятное, тягостное дѣло. Онъ съ утра уже хмурился, но съ Вьюшинымъ былъ вѣжливымъ и мягче обыкновеннаго. Онъ не желалъ бы ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ оскорбить своего стараго товарища.

— Виталій Алексѣевичъ, я уже давно хотѣлъ поговорить съ вами... началъ Аверьяновъ, стоя за конторкой и играя карандашомъ.

Вьюшинъ сидѣлъ за прилавкомъ у окна. Маруси не было въ магазинѣ, такъ какъ дѣло происходило днемъ. Мальчикъ былъ посланъ съ какимъ-то порученіемъ.

— За послѣднее время вы стали какой-то странный... продолжалъ Аверьяновъ.—Вы все какъ будто сердитесь...

Вьюшинъ хмурился и молчалъ, смотря въ сторону.

— Если вы, Виталій Алексѣевичъ, чѣмъ-нибудь недовольны,—скажите, пожалуйста! Я постараюсь устранить то, что вамъ неприятно... не нравится... насколько, разумѣется, въ моихъ силахъ!.. Ну, чѣмъ вы недовольны?

И Аверьяновъ прямо, открыто посмотрѣлъ на него.

— Чѣмъ-же мнѣ быть недовольнымъ!—поднимая голову и вскользь взглядывая на Аверьянова, отозвался тотъ.—И я, право, не знаю: что вы находите страннаго во мнѣ...

— Да вы—какой-то мрачный... относитесь ко мнѣ уже не попрежнему!—промолвилъ Аверьяновъ.

— Какъ-же я отношусь къ вамъ? Что-жъ вы страннаго находите?—перебилъ Вьюшинъ.—Дѣло свое, кажется, я исполняю, какъ слѣдуетъ... никто на меня не можетъ пожаловаться... все дѣлается въ свое время... торговля идетъ...

— И къ дѣлу вы относитесь не такъ, какъ прежде... замѣтилъ Аверьяновъ.—Вы какъ будто охладѣли...

— Изъ чего-же это видно, Дмитрій Александровичъ? Позвольте узнать!—рѣзко заговорилъ Вьюшинъ.—Если бывають съ моей стороны небольшіе промахи, прочеты, какъ, напри- мѣръ, вы нашли вчера, что въ кассѣ не доставало рубля со- рока копѣекъ, то вѣдь...

— Ну, вотъ, вы уже и сердитесь, Виталій Алексѣевичъ! Я вовсе не объ этихъ прочетахъ и ошибкахъ... Ошибка всегда и со всякимъ можетъ случиться,—и въ Государственномъ Банкѣ случаются ошибки и—исправляются... Я говорю вообще объ отношеніяхъ между нами. Мнѣ какъ-то ужасно тяжело и больно видѣть васъ постоянно недовольнымъ...

— Такъ откажите, рассчитайте, если вамъ такъ непріятно видѣть меня!—холоднымъ тономъ сказалъ Вьюшинъ, съ трудомъ сдерживая овладѣвавшее имъ бѣшенство.

Онъ даже опустилъ глаза, чтобы не выдать Аверьянову своихъ настоящихъ ощущеній.

Аверьяновъ почувствовалъ, что Вьюшинъ каждымъ своимъ словомъ какъ будто хлещетъ его по лицу. Онъ былъ уже не радъ, что затѣялъ это объясненіе,—такія объясненія никогда ни къ чему хорошему не приводятъ. Онъ досадовалъ на себя, и за Вьюшина, за его тонъ, за его лакейскую грубость. Аверьянову, просто, стало совѣстно.

— Виталій Алексѣевичъ... началъ было онъ, слегка поблѣднѣвъ отъ волненія.

Но въ ту минуту звякнулъ колокольчикъ надъ дверью, явился посѣтитель и спросилъ какого-то табаку и гильзъ. Вьюшинъ отпускалъ товаръ, а Дмитрій Александровичъ грустно и разсѣянно смотрѣлъ на свой гробсбухъ. „За что онъ меня не взлюбилъ? Что его мутитъ?“—раздумывалъ Аверьяновъ.— „Онъ со мной спокойно говорить не можетъ...“

Вьюшинъ разсыпалъ цѣлую колонну гильзъ.

— А-а, чортъ!—проворчалъ онъ сквозь зубы, собирая рассыпавшіяся пачки.

Покупатель покосился на сердитаго приказчика.

По уходѣ покупателя Аверьяновъ заговорилъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Если вы находите, что жалованье недостаточно, то я съ будущаго года могу прибавить вамъ рублей десять или двадцать... болѣе я пока не въ состояніи...

— Всѣ и безъ того говорятъ, что я у васъ получаю громадное, почти неслыханное жалованье!—съ отгнѣнкомъ насмѣшки, отрывисто замѣтилъ Вьюшинъ.

— Кто-жъ эти „всѣ“? Кто-жъ такъ говорить?—съ неудовольствіемъ спросилъ Аверьяновъ.

— Да приващики... ваши знакомые... купцы!

Ну, однимъ словомъ, объясненіе вышло для Аверьянова крайне непріятное, и результатовъ—никакыхъ.

„Можетъ быть, у него случились какія нибудь непріятности интимнаго свойства... Въ сердечныхъ дѣлахъ его, можетъ быть, что нибудь не поладилось...“—подумалъ Аверьяновъ и на томъ успокоился.

Его-же сердечныя дѣла въ то время „улаживались“. какъ нельзя лучше... Начинаясь вѣчно-старая, вѣчно-новая исторія — исторія любви между мужчиной и женщиной. Аверьяновъ, какъ человѣкъ, не растратившій своихъ силъ на кутежи и на распутство, былъ теперь весь охваченъ любовной страстью. Съ первой-же встрѣчи образъ молодой дѣвушки всецѣло овладѣлъ его воображеніемъ. Красивая, бѣлокурая головка, капли дождя на взбившихся волосахъ, голубые глаза, съ испугомъ и мольбой смотрѣвшіе на него, щеки, пылавшія горячимъ румянцемъ, и прелестныя ямочки на щекахъ — постоянно мерещились ему и во время его бухгалтерскихъ занятій, и за книгой, и среди дѣлового разговора, а ночью грезились ему во снѣ. Слова „Наталья Николаевна“, „Наташа“ постоянно просились у него на языкъ, и онъ повторялъ ихъ про себя.

Аверьяновъ уже нѣсколько разъ побывалъ у Беклешовыхъ и все болѣе и болѣе сближался съ ними. Старушка Беклешова, Елена Федоровна, — милое, вроткое созданіе, — очень понравилась Аверьянову. И въ ихъ уютной столовой, небольшой комнатѣ съ круглымъ столомъ и мягкимъ диваномъ, сидя за самоваромъ, рядомъ съ Натальей Николаевной, разливавшей чай, Аверьяновъ чувствовалъ себя счастливейшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Всегда чистая сѣрая клеенка на столѣ, маленькій блестящій самоваръ, абажуръ на лампѣ съ просвѣчивающими рисунками пастуховъ и пастушекъ; сѣрыя обои съ какими-то фантастическими розовыми цвѣтами; темно-коричневая занавѣсь у оконъ; этажерка съ чайной посудой — и между нею нѣсколько старинныхъ фарфоровыхъ статуэтокъ — маркизъ, барашковъ и собачекъ. На стѣнѣ противъ дивана — портретъ масляными красками покойнаго Беклешова, мужчины среднихъ лѣтъ, съ добрыми, голубыми глазами, съ зачесанными напередъ височками и съ орденомъ Станислава на груди... Со всѣми этими мелочами Аверьяновъ скоро познакомился, почти сдружился.

Скоро Аверьяновъ познакомился и со всѣмъ складомъ жизни Беклешовыхъ. Мать получала небольшую пенсію, завѣдывала хозяйствомъ, готовила кушанье и вязала салфетки на продажу. Въ качествѣ прислуги Беклешовы держали Нюсю, дѣвочку лѣтъ четырнадцати, дочь прачки. Наталья Николаевна

давала уроки и иногда помогала матери въ вязаніи салфетокъ, вечеромъ въ свободное время любила почитать. Мать и дочь жили почти единственно своими трудами, ибо пенсія Елены Федоровны была очень микроскопическая, — жили тихо, скромно. Дочь нѣжно любила мать и старалась сдѣлать ей жизнь — насколько возможно — поудобнѣе, а мать всю силу своей старческой привязанности сосредоточила на своей Наташѣ.

Аверьяновъ, конечно, скоро увидалъ, что онъ попалъ въ семью людей трудящихся, бѣдныхъ и безусловно порядочныхъ. Сначала онъ ходилъ къ Беклешовымъ разъ въ недѣлю, а потомъ сталъ ходить по два и по три раза, иногда просиживалъ у нихъ цѣлые вечера. Принимали его всегда радушно, просто, и онъ чувствовалъ себя у Беклешовыхъ, какъ бы въ домѣ старыхъ знакомыхъ, совсѣмъ „своимъ человѣкомъ“. И чѣмъ ближе онъ знакомился съ молодой дѣвушкой, тѣмъ сильнѣе поддавался вліянію ея нравственныхъ достоинствъ и обаянію ея красивой наружности.

Онъ съ невольнымъ уваженіемъ смотрѣлъ на эту милую, скромную дѣвушку, вспоминая о тѣхъ глупыхъ и пустыхъ женщинахъ, которыя шатаются по Невскому въ сопровожденіи стаи мужчинъ или несутся, полулежа, въ коляскѣ, забрызгивая грязью или обдавая пылью вотъ такихъ честныхъ труженицъ, какъ, напримѣръ, эта дѣвушка, принужденная изъ-за нѣсколькихъ рублей бѣгать на уроки и подвергаться непріятностямъ и оскорбленіямъ со стороны уличныхъ нахаловъ. Онъ любилъ Наталью Николаевну, какъ мужчина въ первый разъ любитъ женщину, — честно, искренно, немножко идеально, и въ то же время уважалъ ее, какъ человѣка, за ея житейскія правила, за энергію и бодрость въ борьбѣ съ жизнью, за душевную чистоту... И было бы трудно сказать, которое изъ этихъ двухъ чувствъ перевѣшивало въ немъ...

Мысль его поминутно уносила на Васильевскій Островъ. Когда, бывало, пробѣгая газету, онъ случайно встрѣчалъ въ хроникѣ петербургскихъ извѣстій названіе Васильевского Острова, Большого Проспекта или Пятой линіи, въ воображеніи его тотчасъ же мелькалъ домъ № 6, подъѣздъ во дворѣ налѣво, знакомая комната и знакомое милое лицо...

О своемъ новомъ знакомствѣ Аверьяновъ не говорилъ ни

Виталию Алексѣвичу, ни Марусѣ. М-elle Беклешова въ теченіе ноября мѣсяца только одинъ разъ зашла въ нему въ магазинъ днемъ—и то случилось въ такое время, когда Вьюшинъ уходилъ обѣдать, а мальчишъ былъ куда-то посланъ. Вьюшины и не подозрѣвали, что случайное знакомство подерживается Дмитриемъ Александровичемъ, и хорошенькая незнакомка стала для него очень близкимъ человѣкомъ.

Однажды въ ясный, морозный вечеръ, въ половинѣ декабря, вся семья Восточнаго Магазина была въ сборѣ. Аверьяновъ что-то писалъ, стоя за конторкой. Федоська и Вьюшинъ разбирали только что доставленный товаръ—карандаши, перья, тетради, пачки почтовой бумаги и т. под. Вьюшинъ размѣчалъ цѣны.

Маруся сидѣла въ своемъ уголѣ, на тотъ разъ безъ книги,—и вязала чулокъ. Магазинный котъ — большой, сѣрый котъ—смирный и ласковый, лежалъ у нея на колѣняхъ. Дѣвочка, отрываясь отъ работы, иногда играла съ нимъ и щекотала ему прутикомъ шею или за ухомъ. Котъ щурился и лѣниво переворачивался съ боку на бокъ, а когда дѣвочка долго не обращала на него вниманія, и самъ начиналъ заигрывать съ ней,—схватывалъ лапшой чулокъ и тянулъ къ себѣ, такъ что прутки рисковали разлетѣться въ разные стороны. Тогда Маруся осторожно освобождала свое вязанье изъ его когтей и, смѣясь, махала на него рученной. Котъ щурился и тоже отмахивался лапшой.

— Дмитрій Александровичъ! Посмотрите, какой баловникъ!—говорила дѣвочка, указывая на кота.

Аверьяновъ обернулся и съ улыбкой посмотрѣлъ на эту идиллическую картину.

— Теперь бы васъ срисовать... замѣтилъ онъ.

— Ужъ неужели, Васья, стоитъ насъ рисовать!—съ веселымъ смѣхомъ промолвила дѣвочка, наклоняясь надъ котомъ.

Зазвенѣлъ колокольчикъ, дверь растворилась, — и студенымъ, морознымъ воздухомъ обдало Марусю. Вошла барышня—та самая, которая однажды осенью вбѣжала въ магазинъ, спасаясь отъ какой-то погони. Маруся сразу узнала ее.

— Здравствуйте, Дмитрій Александровичъ! — заговорила посѣтительница, подавая руку Аверьянову. — Какой славный морозъ сегодня! Уши такъ и щиплетъ...

— Это и видно, что „славный“!—весело отозвался Аверья-

яновъ, удерживая на минуту ея руку въ своей и любуясь на ея разгорѣвшіяся отъ мороза щеки.

— Я къ вамъ пришла, Дмитрій Александровичъ, покупать! продолжала дѣвушка, играя муфтой.

— Все, что угодно, въ вашимъ услугамъ!—сказалъ Аверьяновъ, шутливо указывая рукой на магазинъ.—Все, сверху—до низу...

— О! Мнѣ немного надо... дайте мнѣ четыре листа пропускной бумаги, не особенно толстой...

— Да куда вамъ ее столько, Наталья Николаевна?—замѣтилъ Аверьяновъ.

— Ученицы просили меня купить, а я забыла... только теперь, идя на урокъ, вспомнила...

— Какъ здоровье Елены Федоровны?—спросилъ Аверьяновъ, свертывая въ трубочку пропускную бумагу.

— Благодарю васъ... немного простудилась! У меня мамка—такая упрямая... все передъ форточкой!—жаловалась дѣвушка, мило надувъ губки.

Маруся изъ своего уголка съ удивленіемъ смотрѣла и слушала... Ей до сего времени и въ голову не приходило, что Дмитрій Александровичъ познакомился съ „этой госпожей“. Но теперь для Маруси стало уже ясно, что они хорошо знакомы—и не со вчерашняго дня. Они разговариваютъ между собою, какъ старые знакомые, какъ друзья. Онъ спрашиваетъ о здоровьи ея мамы... Онъ любитъся на эту барышню, говорить: „Все въ вашимъ услугамъ“... Ясно, что Дмитрій Александровичъ влюбленъ въ нее. А она недурна, очень недурна... Но любить-ли она его? Любить-ли—не любить-ли—все равно: онъ и все, что у него есть, „въ ея услугамъ“...

Дѣвочка нахмурилась и изподлобья смотрѣла на барышню. Не къ добру она ворвалась къ нимъ въ магазинъ въ тотъ осенній вечеръ. Теперь все пойдетъ вверхъ дномъ. Вотъ теперь и понятно: почему онъ нынче такъ часто по вечерамъ не бываетъ въ магазинѣ. Онъ у нея проводитъ вечера. И Маруся вдругъ вспыхнула. Одна мысль больно уязвила ее: Дмитрій Александровичъ ласковъ къ ней, конечно, только изъ жалости. Ей подають милостыню, а она-то, какъ дурочка, радуется... Да и за что жъ ее любить! Что она такое въ сравненіи съ этой барышней? Дѣвченка, школьница!..

— Ахъ, какой славный котикъ! Покажите мнѣ его, Дми-

трій Александровичъ, если можно! попросила Наталья Николаевна, увидавъ сѣраго кота, лежавшаго на колѣняхъ у Маруси.

— Маруся, дайте сюда Ваську!—сказаль Аверьяновъ.

— Онъ такъ хорошо разлегся у меня!—возразила дѣвочка, наклонившись надъ котомъ.

— Ну, какія глупости! съ улыбкой проговорилъ Аверьяновъ.—Подайте его сюда!

— Берите сами!—прошептала Маруся, чуть не плача съ досады.

Дмитрій Александровичъ взялъ кота и представилъ его Натальѣ Николаевнѣ, посадивъ его передъ ней на прилавокъ.

— Ахъ, Васька! какой же ты—милый! ласково говорила дѣвучка, глядя кота по спинѣ.

— Вы любите кошекъ, Наталья Николаевна?—спросилъ Аверьяновъ.

— Я вообще люблю животныхъ... Знаете, Дмитрій Александровичъ... Эта дѣвочка, кажется, обидилась, что вы взяли у нея Ваську... Отдайте ей, пожалуйста, котика!—вполголоса промолвила Наталья Николаевна, замѣтивъ на себѣ сердитый, недоброжелательный взглядъ Маруси.

Аверьяновъ немедленно опять посадилъ кота Марусѣ на колѣни. Но дѣвочка столкнула его съ колѣнъ, и котъ, безъ вины виноватый, оставшись, какъ говорится, при пиковомъ интересѣ, ушелъ подъ прилавокъ. Наталья Николаевна и Аверьяновъ не видали или сдѣлали видъ, что не замѣтили этой невинной демонстраціи, всего чувствительнѣе отразившейся на котѣ.

Маруся убрала чулокъ и принялась за книгу. Уши ея горѣли, какъ въ огнѣ. Ей было и стыдно, и досадно, и обидно. Она подмѣтила улыбку „этой госпожи“: она съ Дмитріемъ Александровичемъ, конечно, смѣялась надъ Марусей... Но что она сказала о Марусѣ? Они обращаются съ Марусей, какъ съ ребенкомъ... надъ нею насмѣхаются, ее унижаютъ!.. Ну, теперь все будетъ дѣлаться по желанію „этой госпожи“, всѣ заплещутъ по ея дудѣ, только не она, не Маруся... Дѣвочкѣ теперь хотѣлось бы плакать, но она ни за что не заплачетъ при ней... ни за что!

— Сколько вамъ слѣдуетъ за бумагу?—спрашивала барышня, беря свою покупку.

— Мнѣ бы очень не хотѣлось брать съ васъ!—вполголоса, съ улыбкой сказала Аверьяновъ.

— Вотъ это мило!—возразила Наталья Николаевна.—Вы, значитъ, хотите лишить меня возможности покупать у васъ въ магазинъ?

— О, нѣтъ, избави Богъ!.. Въ такомъ случаѣ, позвольте съ васъ получить двугривенный!

— Кажется, что-то слишкомъ дешево! — замѣтила дѣвушка, подавая ему серебряную монету.

Аверьяновъ вмѣсто того, чтобы бросить двугривенный въ кассу, бережно положилъ его въ свой жилетный карманъ.

И ничто не укрывалось отъ зоркихъ, ревнивыхъ взглядовъ дѣвочки, склонившейся надъ книгой. Виталій Вьюшинъ, повидимому очень прилежнозанимавшійся своимъ дѣломъ, также уградкой поглядывалъ на разговаривающихъ — и потомъ съ усмѣшкой посматривалъ на сестру, какъ-бы желая сказать: „Нѣтъ, голубушка! Видно, останемся мы съ тобой въ дуракахъ!“

Барышня, прощаясь съ Аверьяновымъ и посмотрѣвъ на Марусю, съ недоумѣніемъ спрашивала себя: за что-же эта дѣвочка, совсѣмъ съ нею незнакомая, такъ не влюбила ее? Почему эта Маруся смотритъ на нее такъ сердито?.. Наталья Николаевна ни минуты не могла сомнѣваться въ томъ, что эти большіе, темные глаза смотрять на нее съ явнымъ недоброжелательствомъ...

V.

„Богатымъ все дается—и всевозможныя житейскія удобства, и наслажденья, и почетъ, и женская любовь... А бѣднякъ питайся крошками, падающими съ ихъ роскошной трапезы! Смотри, да облизывайся, да не смѣй еще выражать и недовольства“... Такими словами можно было вкратцѣ передать думы Виталія Вьюшина, когда онъ сравнивалъ свое положеніе съ жизнью Аверьянова. Онъ на каждомъ шагу завидовалъ этому человѣку и съ торжествующей, злой радостью мечталъ о томъ, что обстоятельства могутъ когда нибудь омрачить жизнь этому счастливому, вѣчно-веселому юношѣ... Вьюшинъ читывалъ въ романахъ, какъ иногда несчастливцу, обиженному судьбой, удавалось восторжествовать надъ ненавист-

нымъ ему человѣкомъ, погубить его, разрушить его счастье... Да! Въ романахъ такія дѣла иногда складно обдѣлываются. Иногда въ романахъ, впрочемъ, „злодѣй“ погибаетъ вмѣстѣ со своей жертвой... Ну, это ужъ не расчетъ!.. Чтò, напри- мѣръ, онъ можетъ предпринять противъ Аверьянова? Рѣши- тельно, ничего серьезнаго... Вьюшинъ можетъ надѣлать ему мелочныхъ непріятностей, но все это—пустяки. Человѣкъ съ такимъ характеромъ, какъ у Аверьянова, самъ же посмѣется надъ постигшей его неудачей...

М-elle Беклешова, между тѣмъ, стала, чаще заходить въ Восточный Магазинъ, то направляясь на урокъ, то на обратномъ пути домой. Иногда она не заставала Аверьянова въ магазинѣ, и Вьюшинъ предлагалъ ей посидѣть, подождать.

— Дмитрій Александровичъ, вѣроятно, скоро будетъ! го- ворилъ онъ.

И барышня иной разъ соглашалась недолго подождать его. Вьюшинъ былъ съ ней очень любезенъ, даже слишкомъ. Лю- безности его не только не нравились молодой дѣвушкѣ, но, рѣшительно, пугали ее.

Дѣло въ томъ, что любезности его были самаго сквернаго тона. Вьюшинъ до сего времени вращался въ обществѣ та- кихъ невзыскательныхъ женщинъ, которыя не только не оскорб- лялись его пошлыми, площадными шутками, но находили въ нихъ своего рода удовольствіе. Тѣ дамы сами еще подзадо- ривали его. Что жъ въ томъ мудренаго, если Вьюшинъ на- мѣревался такимъ же способомъ „занимать“ и m-elle Беклешову, производившую на него „впечатлѣніе“. Къ тому же онъ уже привыкъ считать себя неотразимымъ красавцемъ и совершен- но серьезно воображалъ, что если онъ закрутитъ усы, состроитъ слащавую улыбку, да придастъ томное выраженіе своимъ гла- замъ, то „пиши пропало“!—ни одна женщина не устоитъ пе- редъ Виталиемъ Вьюшинымъ.

Однажды, когда Наталья Николаевна дожидалась Аверья- нова, Вьюшинъ особенно „разошелся“...

— Не прикажете ли папиросу? обратился онъ къ барыш- нѣ, раскрывая свой портсигаръ?

— Благодарю васъ! Я не курю, отвѣтила та.

— А нынче многія молодыя особы курятъ! — замѣтилъ Вьюшинъ, играя портсигаромъ и сладострастнымъ, похотли- вымъ взглядомъ разсматривая дѣвушку.

— Да! пробормотала барышня, замѣчая на себѣ его пытливые, безцеремонные взгляды и чувствуя, что этими безстыдными взглядами онъ какъ будто раздѣваетъ ее всю донага.

Она смутилась и уже раскаявалась, что согласилась остаться въ магазинѣ.

— Вѣроятно, опасаетесь испортить вашъ прелестный цвѣтъ лица!.. И, дѣйствительно, было бы жаль его испортить... съ лакейски-галантной улыбкой продолжалъ Вьюшинъ.

— Ахъ, вовсе объ этомъ я не думаю... перебила его дѣвушка.—Просто, не нахожу нужнымъ курить!

— Я никогда не видалъ такого нѣжнаго румянца,—началъ опять Вьюшинъ, почти въ упоръ смотря ей въ лицо.

— Нѣтъ, я ужъ пойду... мнѣ дольше ждать нельзя! — сказала Наталья Николаевна, какъ бы не дослышавъ его послѣднихъ словъ и направляясь къ двери.—До свиданья!

— Ахъ, какъ досадно, сударыня!.. Дмитрій Александровичъ будетъ очень жалѣть! заговорилъ Вьюшинъ, сразу переходя на самый почтительный тонъ,—и игривой улыбки на губахъ его какъ не бывало.—Дмитрій Александровичъ, вѣроятно, сейчасъ-сію минуту возвратится...

Но дѣвушка уже скрылась,—и только колокольчикъ надъ дверью—словно въ порывѣ негодованія—еще долго дрожалъ и гудѣлъ.

Зачѣмъ Вьюшинъ пристаётъ къ этой барышнѣ? Вѣдь онъ уже знаетъ, по крайней мѣрѣ, догадывается, почему Аверьяновъ познакомился съ барышней. Аверьяновъ, разумѣется, имѣетъ на нее серьезные виды, хочетъ жениться... Такъ! А ему-то, Виталию Вьюшину, что за дѣло до сердечныхъ интересовъ его хозяина? Эта дѣвушка ему нравится,—вотъ и все!..

У Вьюшина былъ свой взглядъ на отношенія мужчины къ женщинѣ. Онъ разсуждалъ такъ: одни философы проповѣдуютъ платоническую любовь. Другіе стараются скрасить ее и облагородить, прикрывъ цвѣтами вымысла. И совершенно напрасно. Ея источникъ и проявленія—для всѣхъ и всегда одни и тѣ же.

Иные мыслители, наконецъ, увѣряютъ, что мужчины и женщины руководятся высокою цѣлью—„продолженія рода“... Все это чепуха!.. Когда Парисъ бралъ прекрасную Елену, когда Ромео шелъ на любовное свиданіе съ Джульеттой, когда Абельяръ и Элоиза предавались нѣжнымъ ласкамъ, то въ ту пору они вовсе не думали о „продолженіи рода“.

Пусть институтки воображаютъ, что любовь между мужчиной и женщиной какое-то возвышенное чувство, но Виталій Вьюшинъ очень хорошо знаетъ: откуда любовь происходитъ и чѣмъ она разрѣшается. Если бы ему удалось увлечь возлюбленную Аверьянова, тѣмъ лучше... Наслаждение еще усилилось бы отъ сознанія, что онъ причинитъ горе этому беззаботному „счастливцу“, что онъ заставитъ его терзаться отъ ревности.

Въ то время, какъ Вьюшинъ былъ очень радъ почаще видать m-elle Беклешову, надѣясь загипнотизировать ее своими томными взглядами, слащавыми улыбками, да убійственно закрученными усами,—Маруся оставалась крайне недовольна посѣщеніями барышни. „Вотъ повадилась! Таскается чуть не каждый день“! думала она, смотря на барышню и слушая ее веселый, оживленный разговоръ съ Дмитріемъ Александровичемъ. Простите, мирные, пріятные вечера! Теперь Дмитрій Александровичъ уже не часто проводитъ вечера въ магазинѣ, а если онъ — въ магазинѣ, то того и смотри, что явится „эта госпожа“... Теперь Марусѣ достается уже мало вниманія и ласокъ. Дмитрію Александровичу—не до нея. *Какъ* онъ смотритъ на барышню! Съ какимъ удовольствіемъ онъ разговариваетъ съ нею! А та, какъ на зло, была еще любезна съ Марусей. Приходя въ магазинъ, барышня здоровалась съ нею, а Маруся, не вставая съ мѣста, цѣдила сквозь зубы: „Здравствуйте!“ Еще было непріятнѣе для дѣвочки, когда Наталья Николаевна принималась заговаривать съ нею,—разспрашивала ее объ ея занятіяхъ, объ урокахъ, о томъ—о семъ. Маруся говорила „да“, „нѣтъ“—и вообще отдѣлывалась самыми лаконичными отвѣтами.

Аверьяновъ рассказалъ Натальѣ Николаевнѣ, что Маруся—сирота, живетъ съ братомъ—и не особенно весело, что она—дѣвочка развитая, очень неглупая, но своеобразная, какъ говорится, съ норовомъ. Онъ говорилъ, что ему очень жаль эту дѣвочку, что она такъ привязана къ нему и вообще старался и успѣлъ расположить въ ней Наталью Николаевну. Съ другой стороны онъ расхваливалъ Марусѣ свою новую знакомую: она такая добрая, кроткая дѣвушка, такая жалостливая къ несчастнымъ, такая труженица. Эти похвалы только раздражали Марусю, и дѣвочка, молча, насупившись, выслушивала ихъ—и, рѣшительно, шагу не дѣлала для того, чтобы сблизиться съ барышней.

Однажды вечеромъ между нею и Аверьяновымъ произошелъ довольно интересный разговоръ, начатый съ доброю цѣлью, но вмѣсто умиротворенія приведшій къ вспышкѣ. Дѣвочка сидѣла на своей скамейкѣ съ тетрадями на колѣняхъ, а Аверьяновъ стоялъ около нея, опершись на прилавокъ.

— Скажи, пожалуйста, Маруся, тебѣ не нравится Наталья Николаевна?—спросилъ Аверьяновъ.

Та ничего не отвѣтила и наклонилась надъ тетрадями. Очевидно, такой прямой приступъ ее засталъ врасплохъ.

— Маруся, слышишь?—промолвилъ Аверьяновъ.

— Да чему жъ въ ней особенно нравится?... какъ бы нехотя, пробормотала дѣвочка.

— Ну, что жъ! Она, по твоему, не красива?

— Ничего особеннаго... Вотъ наша учительница, Аглаида Павловна, гораздо красивѣе ея... Вотъ ужъ та — красавица!—съ жаромъ говорила Маруся, поднявъ голову и посмотрѣвъ на своего собесѣдника.

— Я вашей учительницы не знаю... она, можетъ быть, и очень хороша собой, но я теперь говорю не о ней!—возразилъ ей Аверьяновъ.

Онъ выпрямился, поправилъ лампу, уменьшивъ слишкомъ большой огонь, и снова облокотился на прилавокъ, а Маруся занялась своей тетрадкой.

— Я хотѣлъ, Маруся, поговорить съ тобой... немного погода, опять началъ Аверьяновъ.—За что ты дуешься на Наталью Николаевну? Она къ тебѣ такъ хорошо относится, а ты... Помнишь исторію съ Васькой? На что это похоже! Вѣдь ты ужъ не маленькая, чтобы такъ капризничать... (При этомъ Аверьяновъ положилъ ей руку на плечо). Ты знаешь, Маруся,—я люблю тебя, я готовъ все сдѣлать для тебя... Сдѣлай же и ты для меня удовольствіе... Познакомься поближе съ Натальей Николаевной, узнай, какая она милая, хорошая дѣвушка...

Аверьяновъ не зналъ, что онъ каждымъ своимъ словомъ лишь подливаетъ масла въ огонь.

— Для васъ она, можетъ быть, милая и хорошая...—прошептала Маруся.

Аверьяновъ не дослышалъ.

— Что ты сказала, Маруся?—переспросилъ ее тотъ.

— Я сказала, что и она для кого-нибудь милая и хорошая...

Аверьяновъ задумчиво посмотрѣлъ на Марусю.

— Мнѣ было бы очень пріятно... заговорилъ онъ.— Ну, будь умница! Дай руку,—дай мнѣ слово, что ты подружись съ Натальей Николаевной!..

Но дѣвочка молчала, и ея худенькая, холодная рученка неподвижно лежала въ его рукѣ. Маруся чувствовала, какъ сердце ея разрывается отъ горя — отъ невозможности или, вѣрнѣе, отъ неумѣнья высказаться. Она не можетъ дать того общанія, какое у нея просить Дмитрій Александровичъ: барышня ей не нравится, и Марусѣ съ ней не подружиться. Для Дмитрія Александровича она готова сдѣлать все, все пріятное и удобное ему, но только не то, о чемъ онъ теперь просить.

— Ну, Маруся, я не зналъ, что ты—такая... съ неудовольствіемъ проговорилъ Аверьяновъ, уходя за конторку.

— Дмитрій Александровичъ!—тихо промолвила Маруся, подходя къ нему и беря его за рукавъ.

— Уйди отъ меня... Злючка! — сказалъ Аверьяновъ, не оборачиваясь къ ней.

Тутъ ужъ дѣвочка не выдержала и, закрывъ лицо рученками, горько расплакалась.

— Это еще что такое?—сурово проговорилъ Бьюшинъ, занимавшійся какими-то счетами и до той поры, какъ будто, вовсе не обращающій вниманія на происходившій разговоръ, хотя и не проронившій изъ него ни одного слова.—Что еще за глупости!..

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Наталья Николаевна зашла въ Восточный Магазинъ „на минуту“, какъ обыкновенно заявляла она, но эта минута длилась иногда по полчаса и долѣе. Подойдя къ прилавку, она поздоровалась съ Дмитріемъ Александровичемъ, съ Бьюшинымъ и хотѣла протянуть руку Марусѣ, но та, привставъ, только слегка повелась, изподлобья посмотрѣвъ на нее.

— Маруся! Что жъ ты не здороваешься, не подаешь руки Натальѣ Николаевнѣ!—ласково обратился къ ней Аверьяновъ.

Дѣвочка, молча, встала и, не глядя на барышню, поздоровалась съ нею за руку. Наталья Николаевна съ недоумѣвающимъ видомъ смотрѣла на нее и на Аверьянова, какъ бы ища разрѣшенія какой-то загадки. И недоумѣніе ея не уменьшилось послѣ того, какъ Маруся порывисто затянула въ

ремни свои книжки и тетради и торопливо стала надѣвать шапку и пальто.

— Маруся! Маруся, ты куда? — спросилъ ее Аверьяновъ, загоразивая ей дорогу.

— Мнѣ пора домой... Пустите, Дмитрій Александровичъ! — пробормотала Маруся, стараясь обойти его.

Она ни на кого не смотрѣла, губы ея дрожали, лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, — и вся она, такая худенькая, маленькая, показалась въ ту минуту Аверьянову такую жалкой, что ему ужасно захотѣлось схватить ее на руки, какъ ребенка, и приласкать. Но онъ постѣснился, — почему? онъ и самъ не отдавалъ себѣ въ томъ яснаго отчета. Аверьяновъ, молча, посторонился. Дѣвочка, попрежнему ни на кого не глядя, не застегнувъ пальто, ни съ кѣмъ не попрощавшись, торопливо вышла изъ магазина, такъ сильно хлопнувъ дверью, что колокольчикъ послѣ ея ухода нѣсколько секундъ дрожалъ, какъ въ лихорадеѣ, словно заразившись ея волненіемъ.

Наталя Николаевна, повидимому, почувствовала себя неловко, и Вьюшинъ слышалъ, какъ она, наклонившись надъ прилавкомъ, въ полголоса промолвила, обращаясь къ Аверьянову:

— Что это? Что съ ней?... Да она, положительно, не влюбилась меня... Мнѣ ужъ лучше не ходить сюда!..

„Чортъ бы побралъ эту взбалмошную дѣвченку!“ съ неудовольствіемъ подумалъ Вьюшинъ: онъ боялся, что эта хорошенькая барышня изъ-за ея „штукъ“, дѣйствительно, пожалуй, перестанетъ ходить въ Восточный Магазинъ, и Вьюшинъ лишится возможности гипнотизировать ее въ интересахъ его плотскихъ вожделѣній.

— Ну, вотъ, — какой вздоръ! Обращать вниманіе на дѣтскіе капризы! — возражалъ Аверьяновъ.

Дѣвушка, молча, покачала головой съ такимъ видомъ, который ясно указывалъ на то, что она не согласна съ Аверьяновымъ. Дмитрій Александровичъ предложилъ ей раздѣться: въ магазинѣ тепло, и она можетъ простудиться, если, слишкомъ согрѣвшись, выйдетъ на морозъ. Вьюшинъ подскочилъ къ ней, помогъ ей снять пальто и остался очень доволенъ небрежно брошеннымъ ему „тегсі“ и тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ успѣлъ дотронуться до плеча молодой дѣвушки.

Грустное выраженіе мало по малу сбѣжало съ лица Натальи Николаевны,—она разговорилась съ Аверьяновымъ, и разговоръ ихъ принялъ очень оживленный характеръ.

Влюбленные находятъ сотни темъ для разговора, слова какъ будто сами льются, но передать содержаніе этихъ разговоровъ для романиста также трудно, какъ рассказать „своими словами“ содержаніе какого нибудь музыкальнаго лирическаго произведенія.

А Маруся той порой, съ какимъ-то напускнымъ ухорствомъ размахивая своей связкой книгъ, шла по Гороховой по направленію въ Семеновскому мосту, и ея большіе, темные глаза были неподвижно устремлены впередъ на рядъ газовыхъ огней, загоравшихся въ синеватомъ сумракѣ зимняго вечера и почти сливавшихся вдали въ одну блестящую линію.

Вьюшинъ въ тотъ вечеръ возвращался домой съ рѣшительнымъ намѣреніемъ хорошенько проучить Марусю.

— Ты что еще за комедіи вздумала разыгрывать! А?— съ сосредоточенной злостью проговорилъ онъ.—Дрянъ, дѣвченка... и позволяетъ себѣ!.. Вотъ я тебѣ задамъ!..

Вьюшинъ сдернулъ съ себя ремень и хотѣлъ схватить сестру за плечи. Та съ крикомъ бросилась отъ него и прижалась спиной къ стѣнѣ. Она и безъ того была раздражена, а тутъ вдругъ еще ее хотятъ бить... И за что же? Нѣтъ! Это ужъ слишвомъ!

— Не подходи! Не тронь! Убери ремень!—прерывающимся голосомъ вскричала дѣвочка.—Если только ты меня тронешь, я сейчасъ-же уйду... убѣгу отъ тебя и не стану съ тобой жить... Убѣгу къ Ивану Петровичу... Онъ—опекунъ... И я скажу ему, что ты бьешь, мучишь меня... скажу, что я не буду больше жить съ тобой... не буду!.. Не хочу... не хочу!..

И дѣвочка при этомъ въ истерическомъ изступленіи ступала ногой объ полъ. Въ эти минуты она замѣчательно походила на брата: они стояли другъ передъ другомъ, лицомъ къ лицу,—оба взбѣшенные, озлобленные, готовые броситься другъ на друга... Теперь Маруся могла показаться красивой. Темные глаза, блестящіе на ея поблѣднѣвшемъ лицѣ, словно, еще пуще потемнѣли. Дѣвочка тяжело дышала — такъ, что было замѣтно, какъ высоко поднималась ея грудь.

— Замолчи, не кричи!.. Дура! — прошипѣлъ братъ, съ

яростью сжимая въ рукѣ ремень, но не рѣшаясь пустить его въ ходъ.

Отпоръ былъ данъ слишкомъ энергично: Вьюшину во всѣхъ отношеніяхъ было крайне невыгодно лишиться Маруси, получавшей двадцать пять рублей въ мѣсяцъ и пользовавшейся благосклонностью хозяина.

— Не замолчу! На весь домъ буду кричать!—со злостью повторяла Маруся.—Говорятъ тебѣ: убери ремень! Покуда я была мала, ты потѣшился надо мной... А теперь не смѣешь... Нѣтъ!

Сначала Вьюшинъ думалъ, что видитъ передъ собой разсвирѣпѣвшаго звѣреныша, испугавшагося побоевъ, но теперь, смотря на Марусю, онъ понялъ, что передъ нимъ—женщина, оскорбленная, доведенная до отчаянія.

— Ну, ну, уймись!—съ кривой усмѣшкой заговорилъ онъ, отступая и убирая ремень съ глазъ долой.—Ты въ самомъ дѣлѣ думала, что я стану бить тебя? Какая-же ты—глупая!..

— Я съ тобой сегодня не останусь... — все еще дрожащимъ голосомъ промолвила Маруся.—Или я уйду или ты...

— Да куда-жъ я теперь пойду ночью! Не сумасшествуй же... Послушай!—уговаривалъ ее братъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Отъ тебя все станется... — упорствовала Маруся.—Если не уйдешь, я здѣсь не останусь!

— Не дури! Чего-же ты боишься?

— Господи! За что *они* мучатъ меня!—съ рыданьемъ вскрикнула дѣвочка, хватаясь за голову...—Точно сговорились... Всѣ помыкаютъ мною... Игрушка я далась, что-ли?

— Тфу, ты!.. Да не кричи, пожалуйста... вѣдь перебудитъ всѣхъ!—проговорилъ Вьюшинъ, накидывая на себя пальто и беря шапку.

— Чортъ! Сумасшедшая дѣвченка!—ворчалъ онъ, спускаясь съ лѣстницы.

Маруся заперла дверь на ключъ, раздѣлась и погасила огонь. Она бросилась на постель и, зарывшись лицомъ въ подушку, дала волю душившимъ ее слезамъ. Такъ, въ слезахъ она и заснула.

На слѣдующій день вечеромъ, въ обычное время, Маруси не было на ея скамеечкѣ за прилавкомъ. Промель еще день, и два и три,—Маруся не показывалась. Опустѣла ея скамеечка, — только иногда сѣрый котъ спалъ на ней.

Аверьяновъ почувствовалъ, что исчезновеніе этого маленькаго существа оставило пустоту не только въ магазинѣ, но и въ немъ самомъ. Теперь онъ понялъ, какъ привыкъ онъ къ этому маленькому существу, какъ оно стало дорого для него, хотя за послѣднее время часто и было непріятно, доставляло ему неудовольствіе. Ему жаль было дѣвочку, — и онъ уже не разъ спрашивалъ Вьюшина:

— Здорова ли Маруська? Отчего ея не видать?

— Здорова!—хмуро отвѣчалъ ему тотъ.

— Почему же она не показывается?—продолжалъ Аверьяновъ.

— А-а, ну ее! Упрямая дѣвченка!.. И охота вамъ обращаться на нее вниманіе... Разкапризничалась что-то... За послѣднее время ей удержу нѣтъ.

Дмитрій Александровичъ уже зналъ, что Вьюшинъ — не такой человѣкъ, съ которымъ можно было бы поговорить по душѣ на какую бы то ни было чувствительную тему, и поэтому болѣе не распространялся съ нимъ по поводу Маруси. Но онъ догадывался, что дѣло было не „въ капризѣ“.

Его послѣдній разговоръ съ Марусей, и затѣмъ сцена, разыгравшаяся въ магазинѣ между нимъ, Марусей и Натальей Николаевной, окончательно раскрыли ему глаза и указали на то, что его прежнія подозрѣнія были основательны, что Маруся ревнуетъ къ нему Наталью Николаевну, видитъ въ ней соперницу, капризничаетъ, какъ дитя, и страдаетъ, какъ женщина... Маруся, очевидно, питаетъ къ нему чувство болѣе сильное, болѣе нѣжное, чѣмъ обыкновенная привязанность, дружба или признательность за ласки, за доброе отношеніе къ ней. Маруся любитъ его на половину какъ женщина, на половину какъ дитя. Можетъ быть—или даже навѣрное, она сама еще не понимаетъ своего чувства, не отдаетъ себѣ въ немъ отчета... Это такъ!

Но почему же онъ-то, Аверьяновъ, съ такой грустью смотритъ на ея опустѣвшій уголокъ? Онъ настойчиво повторяетъ себѣ, что привыкъ къ Марусѣ, что ему жаль ея... Привычка, жалость... да!.. но то единственные ли его чувства къ Марусѣ?.. Не влюбленъ же онъ, наконецъ, въ эту дѣвочку?.. У него въ карманѣ фотографическая карточка, тщательно завернутая въ бѣлую папиросную бумагу. Онъ вынимаетъ эту карточку и подолгу смотритъ на нее. Вотъ

онъ *кого* любить, вотъ кто для него и свѣтъ и радость и дороже *кого* нѣтъ для него на бѣломъ свѣтѣ!.. Но въ такомъ случаѣ что же для него Маруся?

И вотъ тутъ-то изъ таинственной глубины его души всплываютъ неясныя, смутныя желанія... желаніе на вѣки соединиться съ той, которую онъ про себя зоветъ „моею милой“, и въ то же время не разлучаться съ Марусей,—быть счастливымъ и видѣть счастливыми обѣихъ. Но что жъ это такое значить?.. Аверьяновъ былъ плохой психологъ, какъ и всѣ мы вообще бываемъ плохими психологами, когда сами для себя дѣлаемъ предметомъ наблюдений—такъ же точно, какъ врачъ является плохимъ діагностомъ, когда ему приходится опредѣлять свою собственную болѣзнь.

Такъ прошла недѣля послѣ того, какъ Маруся, обиженная, огорченная, удалилась изъ магазина, повидимому, съ намѣреніемъ не переступать болѣе черезъ его порогъ.

Приближались святки. Въ Петербургѣ уже чувствовалось наступленіе передпраздничной сутолоки и толкотни. Былъ вечеръ. Маруся въ грустной, унылой позѣ сидѣла одна въ своей комнатѣ, занимаясь починкой стараго бѣлья. Она наклонялась надъ лоскутьями полотна и порой печально вздыхала. Дѣвочка часто вспоминала о Восточномъ Магази́нѣ, какъ о свѣтломъ раѣ минувшихъ дней, о раѣ, котораго она сама себя лишила. Впрочемъ, нѣтъ! Изъ рая люди сами не уходятъ никогда. Ихъ выгоняютъ оттуда. Марусю выгнала изъ ея рая высокая, стройная дѣвушка—съ бѣлокурыми волосами, съ тихимъ, мягкимъ голосомъ, съ такими кроткими глазами, какихъ, конечно, не бываетъ обыкновенно у грозныхъ стражей райскихъ вратъ... Да! Эта „милая, добрая“ дѣвушка прогнала ее.

Но чего жъ Маруся хочетъ? Чего-же ей нужно?.. Она только хочетъ, чтобы все было по старому, — чтобы она попрежнему могла сидѣть въ своемъ уголкѣ на свамейкѣ, могла видѣть Дмитрія Александровича, чтобы тотъ попрежнему шутилъ съ нею, гладилъ ее по плечу, по головѣ, ерошилъ ей волосы, чтобы она въ свободную минуту могла поговорить съ нимъ, чтобы въ магазинѣ тольелись покупатели,—лишь бы *ея* не было, только бы *она* не приходила въ магазинъ, какъ не заходила она къ нимъ раньше того несчастнаго вечера, когда кто-то погнался за *ней* на улицѣ.

И Маруся была бы совсѣмъ, совсѣмъ счастлива, больше Марусѣ ничего не надо...

Въ дверь постучали,—и Маруся съ сильно забившимся сердцемъ услышала за дверями знакомый голосъ: „Войти можно“?

— Можно! сказала она, убирая на колѣни свою работу.

Вошелъ Аверьяновъ. Онъ ласково поздоровался съ Марусей, прошелся по комнатѣ, по привычкѣ потирая руки, и присѣлъ къ столу—напротивъ Маруси. Зачѣмъ онъ пришелъ сюда? Онъ, просто, соскучился по своей маленькой любимицѣ, ему стало жаль ея, онъ хотѣлъ о чемъ-то поговорить съ ней... но о чемъ? О чемъ же объясняться съ ребенкомъ?.. Аверьяновъ положилъ локти на столъ и задумчиво посмотрѣлъ на Марусю. Та старательно разглаживала шовъ, слегка озбоченно нахмуривъ брови. Аверьянову показалось, что при входѣ его въ комнату, Маруся смотрѣла не то сердито, не то грустно. Теперь она, повидимому, была спокойна...

— Давно васъ не видать, Маруся! Вы совсѣмъ не показываетесь въ намъ,—заговорилъ онъ, проводя рукой по своимъ короткимъ, вьющимся волосамъ.

„Вы“! замѣтила про себя Маруся. Это вѣжливое мѣстоименіе было для нея новостью, и холодомъ повѣяло на нее отъ этого слова.

— Братъ мнѣ уже не разъ говорилъ, что я мѣшаю въ магазинѣ... смутившись, отвѣтила Маруся.

— Кому же ты мѣшаешь?!—возразилъ Аверьяновъ.—Чепуха!.. Никому вы не мѣшаете!

„Вы“ и „ты“ еще путались въ его рѣчи, какъ обыкновенно случается, на первыхъ порахъ, съ людьми, переходящими въ разговорѣ съ одного мѣстоименія на другое.

— Здоровы ли вы, Маруся?—спросилъ онъ, немного погодя.

— Да, я здорова!—отвѣтила дѣвочка, стараясь, повидимому, не встрѣчаться съ нимъ глазами, но взглядывая на него лишь украдкой.—А что у васъ новаго въ магазинѣ?

— Новаго ничего... Только одна новость... Неподалеку отъ моей конторки, знаете, стояла скамеечка, — теперь эта скамеечка опустѣла, и Васька спитъ на ней...

Легкій румянецъ проступилъ на щекахъ дѣвочки.

— Ахъ, Васька!—промолвила она скороговоркой.—Васька!.. Какъ онъ поживаетъ?

— Что ему дѣлается! Толстѣетъ,—жретъ, да спитъ...

— Онъ такой милый... Васенька!—продолжала Маруся, стараясь улыбнуться при воспоминаніи о своемъ сѣромъ другѣ, но вмѣсто улыбки у нея вышла какая-то странная гримаса.

Аверьянову стало невыразимо горько, когда онъ замѣтилъ, что дѣвочка старается улыбаться, казаться веселой...

— Наталья Николаевна... началъ Аверьяновъ и хотѣлъ сказать: „посылала вамъ поклонъ“, но запнулся и вмѣсто того сказалъ:—спрашивала о васъ!

— Что же она обо мнѣ спрашивала?—спросила Маруся, поглядѣвъ на Дмитрія Александровича.

— спрашивала,—какъ ты поживаешь? Отчего тебя давно не видать?

— А она... она часто бывала въ магазинѣ?

Маруся наклонилась подъ столъ и чего-то искала тамъ.

— Раза два заходила! — беззаботнымъ тономъ отвѣтилъ ей Аверьяновъ.

Молчаніе. Только слышно однообразное тиканье стѣнныхъ часовъ. Маруся что-то долго искала подъ столомъ, наконецъ, видно, нашла и взялась опять за работу.

— Право, Маруся, мнѣ такъ жаль тебя! — заговорилъ Аверьяновъ, наклоняясь къ ней черезъ столъ.

— Что жъ меня жалѣть... я не знаю... пробормотала та.

Ей хотѣлось бы въ ту минуту крикнуть: „Нечего меня жалѣть!.. Оставьте меня!“ Но она не рѣшилась бросить ему въ лицо эти грубыя слова. Онъ и добръ къ ней — и мучитъ ее...

— Маруся! позвалъ ее Аверьяновъ.—А, Маруся?

Дѣвочка не откликнулась.

Онъ тихонько протянулъ руку и положилъ ей на плечо. Маруся вздрогнула и ниже наклонилась надъ работой.

— Однако, въ самомъ дѣлѣ, какая ты нервная... замѣтилъ Дмитрій Александровичъ, отнимая руку. До тебя дотронуться нельзя... точно пуганая лошадь!

Аверьяновъ вынулъ папиросу и закурилъ. Онъ не видалъ, что у Маруси глаза полны слезъ,—и слеза за слезой падали ей на руку и на работу.

— Я бы на мѣстѣ брата серьезно полѣчилъ тебя! продолжалъ Аверьяновъ, окружая себя сѣдыми облаками табачнаго дыма.

— О! Онъ и безъ того меня отлично лѣчитъ!—отерши

украдкой слезы, сказала Маруся.—Мы съ нимъ недавно чуть не подрались... Можетъ быть, онъ вамъ рассказываетъ?

— Да! Онъ что-то говорилъ, что вы—упрямая, не слушаетесь его...

— Не слушаюсь! съ негодованіемъ возразила дѣвочка.— Онъ вздумаетъ меня бить, а я должна подставлять себя подъ удары... Онъ все еще считаетъ меня маленькой... Если бы вы знали, Дмитрій Александровичъ, какъ онъ грубъ! Теперь онъ, конечно, меня не трогаетъ, не смѣетъ... но прежде онъ, просто, тиранилъ меня...

И Маруся принялась скороговоркой рассказывать ему о своемъ житіи бытіи,—о томъ какъ она хотѣла убѣжать къ опеуну, но братъ образумился и оставилъ ее въ покоѣ. Дѣвочка уже давно привыкла посвящать Аверьянова во всѣ свои маленькія тайны, радости и печали, — и теперь привычка опять взяла свое. Такъ долго они бесѣдовали тихо, спокойно, дружески.

— Однако, мнѣ пора!—сказалъ, наконецъ, Аверьяновъ, вставая со стула.—Прощайте, Маруся!

— Прощайте, Дмитрій Александровичъ! Благодарю васъ, что вы зашли...—говорила дѣвочка, провожая его къ двери.

Марусѣ хотѣлось бы много сказать ему, — сказать, что она любитъ его, вовсе не желаетъ дѣлать ему неприятностей, что она желала бы попрежнему ходить въ Восточный Магази́нъ, но...

— Что тебѣ тутъ одной сидѣть!—говорилъ Аверьяновъ, пожимая ей руку.—Я теперь иду въ магазинъ... пойдемъ со мной! Собирайся,—я подожду...

— Нѣтъ, я ужъ лучше какъ нибудь послѣ... въ другое время...—скрѣпя сердце, отказывалась Маруся.

Аверьяновъ ушелъ. А дѣвочка, протянувъ руки на столъ и положивъ на нихъ голову, мысленно представляла себѣ Восточный Магази́нъ и свою скамейку въ знакомомъ, уютномъ уголкѣ.

II. Засодимскій.

(Продолженіе въ слѣд. №).

АРТЕЛИ ДЛЯ ПОДРЯДНЫХЪ И НАЕМНЫХЪ РАБОТЪ.

I.

Извѣстно, что вторая половина текущаго столѣтія въ Европѣ характеризуется болѣе или менѣе широкимъ распространеніемъ среди рабочихъ классовъ и мелкой буржуазіи (ремесленниковъ, сельскихъ хозяевъ и т. п.) обществъ для совмѣстнаго преслѣдованія различныхъ цѣлей промысловаго и потребительнаго характера: для доставленія дешеваго кредита, для совмѣстной закупки сырого матерьяла, употребляемаго въ данномъ ремеслѣ, для общаго сбыта продуктовъ извѣстнаго ремесла, для кооперативнаго производства, потребительныхъ обществъ и т. п. Остановливаясь на успѣхахъ примѣненія начала кооперации къ удовлетворенію каждой изъ перечисленныхъ потребностей, мы увидимъ, что они далеко не одинаковы. Всего успѣшнѣе принципъ кооперации примѣняется повидимому въ формѣ кредитнымъ и потребительныхъ обществъ. Такъ, по даннымъ, приведенныхъ въ сочиненіи Луи Бертрана «La Coopération», въ Германіи въ 1891 г. изъ 8538 кооперативныхъ учрежденій было 4401 кредитныхъ и 1222 потребительныхъ; въ Италиі въ 1889 г. изъ 1844 обществъ было 654 кредитныхъ и 681 потребительныхъ; во Франціи въ 1892 г. изъ 1044 обществъ было 942 потребительныхъ (и 19 кредитныхъ); въ Англии, къ концу 1894 г., было около 1500 потребительныхъ обществъ. Въ Германіи широкимъ распространеніемъ пользуются еще общества для закупки сырого матерьяла и сельско-хозяйственныхъ орудій: общее ихъ число, согласно Луи Бертрону, достигаетъ 1442. Имѣя-же въ виду, что, по другому источнику ¹⁾, товариществъ для закупки сырья насчитывалось здѣсь въ 1891 г. всего 110, слѣдуетъ полагать, что громадное большинство названныхъ обществъ принадлежатъ къ числу учрежденій для приобрѣтенія сельско-хозяйственныхъ орудій. Кооперация въ примѣненіи къ продажѣ продуктовъ индивидуальнаго ремесленнаго производ-

¹⁾ Русское Богатство, 1895 г., № 6, ст. Толоса «Нѣмецкіе ремесленники». «новое слово», № 1, о. 1. 1895 г.

ства и къ самому производству встрѣчается значительно рѣже. Такъ, производительныхъ товариществъ насчитывалось въ Англіи около 175, въ Германіи около 150, въ Италіи 110, во Франціи 80, не считая молочныхъ фермъ и сыроварень, коихъ въ Германіи было 1087, въ Италіи 208.

Сопоставляя эти данныя объ относительномъ распространеніи обществъ разнаго рода съ тѣмъ, что намъ извѣстно о потребностяхъ мелкаго производства, мы должны сказать, что между ними не существуетъ надлежащаго соотвѣтствія. Какъ ни необходимъ для ремесленника дешевый кредитъ и какъ ни важно для потребителя получать доброкачественные и повозможности не дорогие продукты,—нужно все таки сказать, что центръ тяжести вопроса о судьбѣ мелкаго ремесленника заключается въ организациіи производства, такъ какъ главной причиной угнетеннаго состоянія мелкой промышленности служитъ появленіе на рынкѣ продуктовъ фабричнаго производства, для успѣшной конкуренціи съ которыми мелкіе производители должны сами организоваться въ крупныя промышленныя единицы. Почему-же, спрашивается, эта настоятельнѣйшая потребность кустарно-ремесленнаго производства не получаетъ должнаго удовлетворенія, и чѣмъ обусловливается фактъ сравнительно успѣшнаго развитія кредитныхъ и потребительныхъ кооперативныхъ обществъ?

Для того, чтобы организовать и выгодно вести сложное кооперативное производительное предпріятіе, необходимо соблюденіе многихъ условій экономическаго и культурнаго характера. Для этого прежде всего нужно затратить большую сумму денегъ на постройку фабрики или завода и на надлежащее ихъ оборудованіе. Затѣмъ требуется наличность соотвѣтственнаго размѣра оборотнаго капитала. Послѣ этого возникаетъ вопросъ о рынкѣ для сбыта продуктовъ артельного производства, при чемъ, въ виду отчаянной конкуренціи въ сферѣ большей части промышленныхъ отраслей, для того, чтобы обезпечить себѣ покупателей, надлежитъ принимать рядъ мѣръ, во 1-хъ, для удешевленія производимыхъ продуктовъ, путемъ введенія техническихъ улучшеній въ производство и для закупки сырого матерьяла на наиболѣе выгодныхъ условіяхъ; во 2-хъ, для отысканія новыхъ рынковъ. То и другое требуетъ со стороны завѣдывающихъ предпріятіемъ извѣстныхъ знаній и коммерческой опытности, а со стороны хозяевъ-рабочихъ—способности избрать изъ своей среды или пригласить извнѣ для завѣданія дѣломъ такихъ именно лицъ и учредить надлежащій контроль надъ ихъ дѣятельностью; а это, въ свою очередь, не возможно безъ извѣстной высоты культурнаго развитія участниковъ предпріятія.

Кооперативныя предпріятія другого рода представляются менѣе требовательными въ указанныхъ отношеніяхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ особо благоприятныхъ условіяхъ, недоступныхъ производительнымъ товариществамъ. Сказанное въ особенности приложимо къ кредитнымъ и потребительнымъ обществамъ, чѣмъ и объясняется фактъ наиболѣе успѣшнаго примѣненія кооперации именно въ формѣ названныхъ учреждений. Прежде всего, для открытія предпріятій этого рода нуженъ только оборотный, быстро возвращающійся (кредитныя кооперативныя учрежденія принадлежатъ большею частью къ разряду обществъ краткосрочнаго кредита), а не основной капиталъ. Такъ какъ затѣмъ членами кредитныхъ и потребительныхъ обществъ являются лица, состоятельность которыхъ не зависитъ отъ дѣлъ этихъ обществъ, а покоится на самостоятельныхъ предпріятіяхъ, служащихъ источниками дохода каждаго изъ нихъ, то капиталъ, вложенный въ эти общества имѣетъ двойное обезпеченіе: доходъ отъ самого предпріятія и независимые отъ него доходы отдѣльныхъ членовъ общества. Въ производительныя-же товарищества люди вступаютъ, такъ сказать, цѣликомъ; ихъ благосостояніе и хозяйственная состоятельность зависятъ всецѣло отъ хода дѣлъ общества, и съ банкротствомъ послѣдняго; они изъ хозяевъ обращаются въ пролетаріевъ, не обезпеченныхъ въ завтрашнемъ днѣ. Въ силу сказаннаго, кредитныя и потребительныя общества легче могутъ достать со стороны нужный имъ капиталъ, нежели производительныя. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что операциі кредитныхъ кооперативныхъ обществъ крайне просты, и для завѣдыванія этими учреждениями не требуется ни особыхъ талантовъ, ни коммерческой ловкости; а для успѣшнаго веденія дѣла потребительныхъ обществъ, качества послѣдняго рода требуются гораздо менѣе настоятельно, нежели это имѣетъ мѣсто въ производительныхъ товариществахъ съ необезпеченнымъ сбытомъ своихъ продуктовъ. Съ другой стороны, кредитныя и потребительныя учрежденія могутъ не специализироваться по профессіямъ своихъ членовъ, и заключать въ числѣ послѣднихъ лицъ различнаго уровня образованія, вслѣдствіе чего эти общества могутъ легче найти въ своей средѣ подходящій персоналъ для завѣдыванія дѣлами. Въ противоположность сказанному, общества для приобрѣтенія сырого матеріала, для производства и сбыта выдѣланныхъ продуктовъ, какъ общее правило, имѣютъ однородный составъ, причемъ членами ихъ обыкновенно будутъ состоять люди низкаго образованія. Такимъ образомъ, и по экономическимъ, и по культурнымъ условіямъ, кредитныя и потребительныя общества поставлены благоприятнѣе, нежели общества специально-про-

*

мышленные и въ особенности нежели производительныя товарищества.

Сказаннаго достаточно для объясненія факта сравнительно широкаго распространенія однихъ и недостаточнаго развитія другихъ кооперативныхъ учреждений.

Мы начали настоящую статью замѣчаніемъ, что временемъ сколько-нибудь широкаго развитія кооперативныхъ учреждений среди трудящагося населенія Западной Европѣ была вторая половина текущаго столѣтія. Наибогѣе-же отдаленные корни современнаго кооперативнаго движенія (мы не имѣемъ въ виду организацій въ родѣ англійскихъ Trades unions и т. п.) врядъ-ли можно искать далѣе начала настоящаго столѣтія; повидимому, только общественныя сыроварни континента Европы имѣютъ богѣе древнее происхожденіе.

Такое позднее примѣненіе начала соединенія силъ въ мелкомъ промыслѣ не доказываетъ того, что въ богѣе раннія времена въ этомъ соединеніи не было надобности. Совершенно напротивъ, современное затруднительное положеніе некапиталистической обрабатывающей промышленности обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что эта промышленность сохраняетъ древній индивидуальный характеръ, т. е., что отдѣльные мелкіе производители, помѣрѣ промышленнаго развитія страны, не соединялись въ крупныя производительныя единицы и допустили, чтобы организація общественной формы труда перешла всецѣло въ руки капитала.

Если же потребность въ коопераціи мелкихъ производителей не есть фактъ новѣйшаго происхожденія, то запозданіе практическаго примѣненія указаннаго начала не можетъ быть объяснено исключительно причинами экономическаго характера. Наряду съ этого рода причинами надлежитъ искать и вліяній культурныхъ. Это значить, что дѣятели мелкаго производства Западной Европы отличались такой разъединенностью или непривычкой къ совмѣстному веденію дѣлъ, что у нихъ своевременно не зарождалась естественно мысль о необходимости противопоставить капиталистической организаціи промышленности крупную организацію некапиталистическаго характера; при этомъ они были такъ мало развиты и образованы, что не пришли своевременно къ такому же заключенію путемъ чтенія и систематической работы мысли. Развитіе же кооперативнаго движенія въ позднѣйшее время въ значительной степени обязано своимъ происхожденіемъ культурному поднятію трудящихся классовъ самихъ по себѣ и богѣе интимнымъ связямъ, образовавшимся между этими классами и передовыми слоями привилегированнаго общества.

И дѣйствительно, извѣстно, что кооперативныя начинанія

среди рабочихъ и ремесленниковъ начали развиваться подъ значительнымъ воздѣйствіемъ или даже при непосредственномъ участіи интеллигентныхъ лицъ, почему въ исторіи кооперативнаго движенія нельзя обойти именъ Роберта Оуэна, Шульце-Делича, Райфайзена и др. Такимъ образомъ, кооперативное движеніе послѣдняго полустолѣтія въ Западной Европѣ есть не только фактъ экономической, но и культурный. И психологической основой этого движенія было не традиціонное настроеніе ремесленниковъ, которое, напротивъ того, было неблагоприятно для коопераціи, а вновь возникшее или значительно оживившееся сознаніе ея необходимости. Это сознаніе—результатъ культурнаго развитія—побороло духъ разъединенія, воспитанный предшествующей исторіей, и дало возможность разобщенному трудящемуся большинству Западной Европы выступить на путь организованной борьбы за существованіе. Однако, побѣда сознанія, диктующаго единеніе, надъ стихіей, побуждающей къ разъединенію, не достаточно рѣшительна для того, чтобы побудить ремесленные классы къ организаціи на почвѣ, имѣющей для нихъ наиболѣе важное значеніе, на почвѣ общаго производства продуктовъ.

Итакъ, въ кооперативномъ движеніи Западной Европы культурное теченіе играетъ столь преобладающую роль, что оно заслоняетъ стихійные источники процесса, о которыхъ, поэтому, изслѣдователи этого движенія не даютъ почти никакого понятія. Совершенно иное слѣдуетъ сказать о нашемъ отечествѣ.

Наша страна характеризуется одновременно и наибольшимъ распространеніемъ мелкаго промысла, и самымъ низкимъ уровнемъ культурнаго развитія представителей послѣдняго. По причинѣ преобладанія мелкой промышленности, потребность въ коопераціи производителей чувствуется у насъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ. Благодаря же безкультурности населенія, новѣйшее кооперативное движеніе на Западѣ—если оно не будетъ поддержано какими либо особыми условіями—имѣетъ мало шансовъ на широкое распространеніе въ Россіи. Такъ было бы въ случаѣ, если бы духовные источники кооперативнаго движенія въ Россіи были одни и тѣ же, что и въ остальной Европѣ; если бы мотивомъ къ единенію для общаго веденія дѣлъ среди нашихъ мелкихъ производителей было, какъ и въ Европѣ, только постепенно развивающееся сознаніе невозможности иначе достигнуть успѣха въ борьбѣ за существованіе. Наблюденіе, однако, давно показало—и новѣйшія изслѣдованія болѣе и болѣе подтверждаютъ это заключеніе—что соединеніе силъ для совмѣстнаго достиженія различныхъ цѣлей промысловаго и не промысловаго характера пользуется широкимъ распространеніемъ среди нашего

полуземледѣльческаго, полупромышленнаго населенія, и что постоянное примѣненіе этого единенія на практикѣ дополняетъ то воспитаніе населенія для общественнаго веденія предпріятій, которое начинается участіемъ крестьянина въ общинномъ владѣніи землей и въ основанныхъ на немъ порядкахъ землепользованія и сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ, помимо сознательной работы мысли (примѣры которой будутъ приведены ниже)—въ чемъ нашъ мелкій промышленникъ сближается съ своимъ западно-европейскимъ собратомъ—начало коопераціи имѣетъ среди нашего населенія болѣе глубокіе корни: традиціонную привычку къ общественному веденію дѣлъ, стихійное настроеніе, побуждающее крестьянина прибѣгать къ союзу съ себѣ подобными при различнаго рода затрудненіяхъ его промышленной жизни.

Излишне, кажется, останавливаться на разъясненіи того обстоятельства, какое важное значеніе для судьбы экономическаго развитія страны имѣетъ эта, вѣками воспитанная и еще не вытравленная капитализмомъ, инстинктивная склонность населенія артелью преодолевать затрудненія, не поддающіяся силамъ одного человека. Но столь же излишне доказывать и то положеніе, что съ однимъ стихійнымъ влеченіемъ къ артели, безъ направляющаго руководства просвѣщеннаго разума, народное производство не можетъ устоять въ борьбѣ съ капиталистическимъ потокомъ. Имѣя же въ виду то обстоятельство, что, по многимъ причинамъ, перечислять которыя здѣсь нѣтъ надобности—культурное развитіе нашего населенія шло и будетъ идти гораздо болѣе медленными шагами, нежели западно-европейскаго—слѣдуетъ признать, что, если трудящіяся классы Европы не обошлись безъ участія въ ихъ кооперативномъ движеніи интеллигенціи, то такое участіе тѣмъ болѣе необходимо для Россіи. Какъ бы въ отвѣтъствіе со сказаннымъ—мы видимъ, что русское просвѣщенное общество дѣйствительно не остается равнодушнымъ къ судьбѣ народнаго производства и отводитъ извѣстную долю заботъ развитію артельныхъ предпріятій. Мы знаемъ, напр., какъ чутко оно отозвалось въ шестидесятыхъ годахъ на оживленіе кооперативнаго движенія въ Западной Европѣ и что въ это именно время сдѣланы первыя серьезныя попытки организовать такое же движеніе въ Россіи. Внѣшніе результаты этихъ попытокъ въ общемъ сходны съ итогами кооперативнаго движенія на Западѣ: наибольшее развитіе получили у насъ кооперативныя кредитныя учрежденія и потребительныя общества. Такъ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, число утвержденныхъ правительствомъ уставовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ превышаетъ 1500 (дѣйствующихъ товариществъ, однако, нѣсколько больше половины этого

числа), а утвержденныхъ уставовъ потребительныхъ обществъ— больше 350. Наиболее интересной стороной разсматриваемаго движенія среди русскаго просвѣщеннаго общества была, однако, попытка организовать артельное производство, артельный сбытъ издѣлій и закупку необходимаго для производства матерьяла. Всѣмъ извѣстно, какъ неудачно окончились попытки этого рода, предпринятая нѣкоторыми земствами и другими общественными учрежденіями, и не можетъ быть никакихъ сомнѣній относительно общихъ причинъ этихъ неудачъ. Чисто идеалистическое происхожденіе этихъ попытокъ и некультурность населенія—вотъ причины неудачи движенія, на которыя указываютъ сами дѣятели послѣдняго. Настроеніе интеллигентнаго общества въ шестидесятыхъ годахъ,—говорить, напр., одинъ изъ инициаторовъ артельнаго движенія, Н. В. Верещагинъ.—«можно охарактеризовать, съ одной стороны, сильнѣйшимъ желаніемъ принести какую нибудь пользу родной странѣ, съ другой—малымъ знакомствомъ тогдашнихъ молодыхъ дѣятелей съ условіями народной жизни. Это малое знакомство съ условіями народной жизни и вообще моя тогдашняя непрактичность (хотя мнѣ было 26 лѣтъ) были причиной всѣхъ неудачъ, которыя переносило дѣло (устройства артельныхъ сыроваренъ) въ началѣ своего развитія» *).

Благодаря исключительно идеалистическому происхожденію артельнаго движенія среди нашего общества и полному разрыву между обществомъ и массами трудящагося населенія, это движеніе (за исключеніемъ области кредита и частью потребленія) прошло почти безслѣдно для послѣдняго. Увлеченіе идеей кооперацин нашего общества не встрѣтилось съ артельнымъ теченіемъ въ народной массѣ, не внесло въ него культурной струи и не позаимствовало отъ него въ свою очередь практической жизненности. Въ этомъ смыслѣ отсутствія воздѣйствія на настроеніе населенія и на характеръ существующаго среди него артельнаго движенія, кооперативное движеніе 60—70 гг. среди нашей интеллигенціи должно быть признано оставшимся безъ результатовъ.

Исторію кооперативной идеи среди русскаго просвѣщеннаго общества можно подраздѣлить на три, приблизительно равные періода: «время съ половины 60-хъ до начала 70-хъ годовъ отличается сильнымъ увлеченіемъ общества идеей артели и попытками примѣненія ея къ области производства (а также кредита и потребленія); съ половины 70-хъ и до половины 80-хъ гг. обнаруживается равнодушіе общества къ идеѣ промышленныхъ артелей

*) Артельныя начинанія русскаго общества, с. 26.

и отсутствіе сколько-нибудь широкихъ попытокъ осуществленія ихъ на практикѣ; со второй же половины 80-хъ гг. проявилось опять стремленіе къ внесенію артельного начала въ область мелкаго производства, но уже не въ видѣ увлеченія идеей массы общества, какъ въ первый періодъ пореформеннаго времени, а въ формѣ заботъ объ этомъ со стороны дѣловыхъ людей, соприкасающихся съ нуждами населенія и пытающихся дать отвѣтъ на возникающіе въ данной сферѣ запросы»¹⁾).

И такъ, новѣйшее артельное движеніе среди русскаго общества не имѣетъ идеалистическаго характера увлеченія идеей кооперации, отличающаго движеніе шестидесятыхъ годовъ. Съ другой стороны и настроеніе народной массы въ настоящее время выгодно отличается отъ настроенія ея 20—30 лѣтъ назадъ, въ томъ смыслѣ, что эта масса начинаетъ сознавать необходимость участія въ ея промышленной дѣятельности образованныхъ элементовъ; что она почерпнула уже кое-что изъ тѣхъ обрывковъ идей и знанія, которые случайно достигаютъ до нея, и что вмѣстѣ съ ростомъ ея сознанія идея артели не только не отступаетъ на задній планъ передъ началомъ индивидуалистическимъ, но, сообразно требованіямъ обстоятельствъ, традиціонная идея артели расширяется въ содержаніи и облекается въ формы, вызывающія въ сознаніи кустарей мысль о необходимости совмѣстной дѣятельности въ этой области населенія и образованнаго общества. Такъ, по словамъ бывшаго директора Мальцевскихъ заводовъ В. К. Стукалича, мысль о передачѣ этихъ заводовъ въ руки артели, въ аренду или на выкупъ, «чрезвычайно популярна на мальцевскихъ заводахъ. Въ Радицѣ, Любохнѣ, Чернятинѣ, Ивотѣ, въ Песочкѣ—всюду готовы, по первому приглашенію, образоваться артели для эксплуатаціи существующихъ въ этихъ селахъ заводовъ... Даже громадный Людиновскій заводъ, вмѣстѣ съ тѣсно связаннымъ съ нимъ Сукремлевскимъ, оцѣненные конкурсомъ въ 3 милліона, вмѣстѣ съ относящимися къ нимъ лѣсными дачами,—даже этотъ громадный заводъ рабочіе готовы взять—лишь бы конкурсъ не потребовалъ чрезчуръ большой ежегодной платы»²⁾). Одинъ изъ читателей «Сельскаго Вѣстника» и пропагандистъ сообщаемыхъ въ немъ фактовъ среди мѣстнаго населенія, крестьянинъ слободы Головчиной Грайворонскаго уѣзда, Курской губерніи, пишетъ въ названную газету, что подъ вліяніемъ чтенія этой газеты среди крестьянъ возникъ вопросъ о передачѣ въ руки сельскаго общества существующихъ въ сло-

¹⁾ Артельные начинанія русскаго общества, с. 17.

²⁾ Мальцевскіе заводы, с. 14—15.

бодѣ питейныхъ и другихъ торговыхъ заведеній и о замѣнѣ индивидуальной аренды крестьянами окрестныхъ земель арендой общественной. Сказанное до извѣстной степени получило осуществленіе въ 1893 г., когда 30 молодыхъ хозяевъ взяли въ аренду на 6 лѣтъ 130 десятинъ пахатной и сѣнокосной земли, которая раньше попадала въ руки зажиточныхъ лицъ и передавалась ими за тройную плату бѣднымъ домохозяевамъ ¹⁾. Въ теченіе 1895 г., подѣ влияніемъ открывшейся, благодаря преобразованію Государственнаго Банка, возможности для крестьянъ получить дешевый кредитъ — и по инициативѣ интеллигентнаго лица, въ нѣсколькихъ селахъ Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи отъ 250 до 300 домохозяевъ заключили договоры объ артельномъ веденіи сельскаго хозяйства группами въ 4—5 человекъ, при чемъ осуществленіе этихъ договоровъ на практикѣ въ большинствѣ случаевъ задержалось, по причинѣ отказа Банка въ выдачѣ необходимой для начала дѣла ссуды. Изъ многихъ кустарныхъ районовъ имѣются извѣстія о томъ, что для улучшенія своего положенія мелкіе производители считаютъ необходимымъ образованіе правильно устроенныхъ артелей, но что сдѣлать это безъ помощи извнѣ они не находятъ возможнымъ. Извѣстно, что даже первое проявленіе участія состоявшей подѣ предсѣдательствомъ покойнаго Е. Н. Андреева Комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, участія въ дѣлѣ организациі артелей вызвано обращеніемъ къ этой Комиссіи со стороны Воткинскихъ кустарей.

Имѣя въ виду одновременное существованіе кооперативнаго движенія въ верхнихъ и низшихъ слояхъ населенія нашей страны и обнаруживающееся въ народной массѣ стремленіе получать помощь въ дѣлѣ организациі артелей со стороны; опытъ предшествующихъ неудачъ устройства артелей сверху и лучшее знаніе лицами образованнаго общества народнаго быта—слѣдуетъ ожидать, что новѣйшія попытки общества къ устройству промышленныхъ артелей не испытаютъ неудачи 70-хъ гг., и что дѣятели кооперативнаго движенія не ограничатся устройствомъ отдѣльныхъ артелей въ той или другой промышленной области, а будутъ стремиться къ тому, чтобы соединить стихійный и культурный кооперативные потоки, внести свѣтъ сознанія въ первый изъ нихъ и дать жизненные корни второму и достигнуть въ концѣ концовъ объединенія обоихъ теченій въ одно кооперативное движеніе русскаго народа.

Слѣдуетъ, однако, сказать, что, какъ проявляется до сихъ

¹⁾ Сельскій Вѣстникъ, 1895 г., № 28.

поръ въ обществѣ сочувствіе къ артелямъ — въ немъ не видно стремленія дѣйствовать въ указанномъ направленіи. Офіціальные и частные представители идеи кооперативной организаціи народныхъ промысловъ заботятся о соединеніи тамъ и здѣсь десятка-другого кустарей въ постоянныя общества для закупки сырья и сбыта готовыхъ издѣлій и для ихъ производства: но они не обнаруживаютъ намѣренія взять за исходную точку уже существующее въ народной средѣ артельное движеніе, объединить его и систематизировать, внести въ него недостающіе элементы и сдѣлать способнымъ къ широкому распространенію въ соціальной обстановкѣ, характерной для конца XIX вѣка. Сказаннымъ мы не думаемъ отрицать умѣстности обнаружившагося артельнаго движенія среди нашего общества. Мы хотимъ только указать на его односторонность, а также на несообразность того факта, что преосвѣщенные радѣтели артельнаго дѣла оставляютъ безъ вниманія существующее широкое движеніе этого рода, какъ бы признавая его не отъ міра сего. Мы думаемъ, напротивъ того, что стихійность и непосредственность этого движенія служатъ лучшимъ доказательствомъ его жизннности, а что отвращеніе отъ него вниманія общественныхъ дѣятелей является выраженіемъ общей разьединенности нашей интеллигенціи и народа и лишнимъ подтвержденіемъ того положенія, что тѣ или другія наши программы воздѣйствія образованнаго общества на народную жизнь не столько диктуются ходомъ этой послѣдней, сколько являются результатомъ самостоятельной работы идей въ культурномъ обществѣ; что эти программы—больше идеологическаго, нежели соціологическаго происхожденія. Однако, не смотря на всю необходимость работы чистой мысли, въ практическихъ дѣлахъ слѣдуетъ исходить изъ того, что уже существуетъ въ дѣйствительности, и стремиться къ объединенію всѣхъ ея сродныхъ элементовъ. Такое объединеніе необходимо и въ разсматриваемомъ нами дѣлѣ, и до тѣхъ поръ пока интеллигентные представители идеи артели не внесутъ измѣненія въ свой «неартельный» способъ дѣйствія,—нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что существующее среди русскаго общества кооперативное движеніе не испытаетъ судьбу своего предшественника 60—70-хъ гг., и что черезъ нѣсколько лѣтъ общество не охладѣетъ къ артелямъ, подобно тому какъ оно охладѣло къ нимъ послѣ горячаго увлеченія 60-хъ годовъ.

Но чтобы примкнуть къ стихійному артельному движенію, нужно хорошо знать это послѣднее, знать формы имъ принимаемыя и районы его распространенія.

Къ сожалѣнію, изслѣдованіе народныхъ артелей не привлекало серьезно ничьего спеціального вниманія, и факты, касаю-

щейся этой формы народнаго быта, разбросаны въ видѣ случайныхъ примѣровъ и бѣглыхъ замѣчаній въ сотняхъ разнообразнѣйшихъ изданій. Благодаря сказанному, у насъ нѣтъ возможности нарисовать сколько нибудь полную картину распространенія артели въ Россіи, и литературная разработка предмета должна по необходимости ограничиться, главнымъ образомъ, сводомъ имѣющагося отрывочнаго матерьяла, какъ первымъ шагомъ на пути систематическаго изслѣдованія предмета. Въ настоящей статьѣ мы намѣрены познакомить читателя съ одной изъ наиболѣе распространенныхъ формъ артели среди русскаго народа, одной изъ тѣхъ формъ, которая имѣетъ основаніе рассчитывать на широкое развитіе и въ томъ случаѣ, когда стихійное кооперативное теченіе сольется съ культурнымъ. Мы говоримъ о соединеніяхъ трудящихся для подряда на различнаго рода работы, которыя назовемъ не ко всякому случаю подходящимъ терминомъ артелей для подрядныхъ работъ.

II.

Мы уже знаемъ, что, говоря вообще, для устройства производительной ассоціаціи требуется продолженіе большаго числа затрудненій, нежели для организаціи товариществъ кредитнаго, потребительнаго, сырьеваго и т. п. Къ сказанному прибавимъ, что въ различныхъ отрасляхъ промышленности эти затрудненія далеко не одинаковы, и что есть такія отрасли труда, гдѣ эти затрудненія, сравнительно, не велики. Къ числу этихъ отраслей принадлежитъ, между прочимъ, строительное дѣло, лѣсные промыслы, грузка кладей и т. п.

Въ самомъ дѣлѣ, однимъ изъ существеннѣйшихъ препятствій организаціи производительной артели вообще служитъ необходимость затратить на предпріятіе значительный основной капиталъ. Указанное обстоятельство является тормазомъ въ развитіи артелей не только потому что трудящійся людъ не имѣетъ свободныхъ средствъ, но и по причинѣ крѣпости связи, какая, благодаря крупной затратѣ капитала, образуется между предпріятіемъ и каждымъ членомъ артели, крѣпости, затрудняющей перестановку составляющихъ артели лицъ и подборъ въ каждую изъ нихъ болѣе или менѣе подходящихъ элементовъ. Названные-же выше роды производительной дѣятельности принадлежатъ къ числу требующихъ минимальной затраты капитала. Подрядныя работы выполняются надъ матерьяломъ работодателя, и для производства не требуется употребленія сколько нибудь дорого стоящихъ

инструментовъ. Такимъ образомъ, для начала дѣла, со стороны трудящихся не требуется затраты средствъ ни на сырой материалъ, ни на приспособленія промысла; а отсутствіе медленно возвращающихся затратъ даетъ возможность свободного входа лица въ члены артели и выхода изъ нея, благодаря чему, по возможности, предупреждаются внутренніе раздоры, имѣющіе источникомъ несходство характеровъ, воззрѣній и интересовъ.

Другая особенность сколько-нибудь сложнаго предпріятія производительнаго характера заключается въ томъ, что такое предпріятіе основано на далеко проведенномъ раздѣленіи труда, требующемъ не только участія въ одной промышленной единицѣ специалистовъ разнаго рода, но и соединенія ихъ здѣсь въ опредѣленномъ отношеніи.

Названныя выше отрасли труда и въ этомъ отношеніи поставлены иначе, потому что, по простотѣ операций, онѣ не требуютъ профессиональнаго раздѣленія труда, а гдѣ, какъ въ отрасляхъ строительнаго дѣла, нѣкоторыя части работы нуждаются въ особо искусныхъ исполнителяхъ, таковыми являются не особые специалисты, но тѣ же плотники, каменщики и т. п., которые могутъ входить въ артель въ большемъ или меньшемъ числѣ, такъ какъ, за отсутствіемъ специальной работы, они участвуютъ на ряду съ прочими въ общемъ дѣлѣ.

Отсутствіе въ названныхъ промыслахъ необходимости закупать сырье, пріобрѣтать орудія, слѣдить за успѣхами техники, въ видахъ своевременнаго примѣненія ихъ къ производству, освобождаетъ артель отъ обязательства имѣть въ своей средѣ значительное число лицъ коммерчески опытныхъ и технически образованныхъ или приглашать такихъ лицъ со стороны. Что же касается заботы о сбытѣ готовыхъ издѣлій, требующемъ въ свою очередь большой коммерческой снаровки,—въ разсматриваемыхъ отрасляхъ труда она замѣняется заботой о присканіи работы—дѣломъ, сравнительно нетруднымъ, при чемъ неудача въ отысканіи заказа не ведетъ къ потерямъ, неизбѣжнымъ въ случаяхъ, когда эта неудача постигаетъ готовый продуктъ, а будетъ имѣть слѣдствіемъ лишь замѣну на время самостоятельнаго труда нѣкотораго числа промышленниковъ работой въ качествѣ чужихъ наемниковъ.

Указанныя особенности вышепоименованныхъ отраслей труда, повторяемъ, дѣлаютъ ихъ особенно пригодными для артельной организаціи—заключеніе, подтверждаемое тѣмъ фактомъ, что съ появленіемъ кооперативнаго движенія въ Западной Европѣ, въ сферѣ собственно производства оно въ нѣкоторыхъ странахъ выразилось преимущественно организаціей строительныхъ и имъ подоб-

ныхъ ассоціацій. Это можно сказать, напр., объ Италіи, производительныя товарищества которой относятся главнымъ образомъ къ строительному (и вообще подрядному) отдѣлу, а также о Франціи. Довольно широкимъ распространеніемъ пользуются строительныя артели (плотниковъ, землекоповъ, каменщиковъ) и въ Россіи. Въ виду того обстоятельства, что значительная часть относящагося къ этому предмету матерьяла уже собрана въ недавно вышедшемъ трудѣ ¹⁾, мы не будемъ останавливаться на названныхъ отрасляхъ промышленности, а ограничимся нѣсколькими замѣчаніями. Характерные признаки строительныхъ промысловъ заключаются въ томъ, что промышленники обыкновенно работаютъ по заказу, что заказы въ теченіи рабочаго сезона они получаютъ не отъ одного, а отъ многихъ лицъ, что рабочей сезонъ продолжается въ теченіи части года и что, по причинѣ происхожденія работающихъ изъ опредѣленныхъ мѣстностей, главные работы производятся ими на сторонѣ. Въ силу того обстоятельства, что работа можетъ быть выполнена болѣе и менѣе искусно и что контролировать ее въ теченіи самаго процесса труда для заказчика не всегда представляется возможнымъ, болѣе или менѣе крупныя изъ нихъ предпочитаютъ сдавать подрядъ въ такія руки, которыя до извѣстной степени обезпечиваютъ надлежащее его выполненіе, т. е. въ рукѣ извѣстныхъ имъ лицъ. А такъ какъ артели строительныхъ рабочихъ организуются лишь на промышленный сезонъ, или даже на часть такового, а въ зимнее время онѣ распадаются и не имѣютъ своихъ постоянныхъ агентовъ, которые-бы проводили зиму въ главныхъ пунктахъ строительнаго дѣла (въ большихъ городахъ) и припасали для лѣтняго времени заказы, то огромное большинство крупныхъ строительныхъ работъ попадаетъ въ руки частныхъ лицъ, въ руки предпринимателей, берущихъ на себя отвѣтственность за надлежащее выполненіе подряда. Болѣе мелкія изъ этихъ предпринимателей для исполненія взятаго заказа организуютъ артель, становясь сами ея членами; другіе передаютъ подрядъ, за извѣстное вознагражденіе, уже составившимся артелямъ рабочихъ; наконецъ, крупныя подрядчики сами ведутъ строительное дѣло, нанимая рабочихъ. Помимо указаннаго обстоятельства, препятствующаго широкому распространенію артельной организациіи строительныхъ промысловъ, въ томъ-же направленіи дѣйствуетъ и отсутствіе въ деревняхъ организованнаго дешеваго кредита, вынуждающее многихъ плотниковъ, каменщиковъ и др. прибѣгать въ весеннее время къ займамъ денегъ у богатыхъ одес-

¹⁾ В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ.

сельцевъ-подрядчиковъ, дающихъ въ суду подь условіемъ поступления кредитующихся въ формируемыя ими партіи рабочихъ за опредѣленную повременную плату.

Изъ сказаннаго ясно видны тѣ мѣры, какія надлежало бы принять въ видахъ распространенія артельной организациі строительныхъ работъ. Они заключаются съ одной стороны въ организациі кредита, съ другой—въ учрежденіи бюро для приѣма заказовъ на работу, въ видахъ передачи таковыхъ артелямъ. Если удовлетвореніе перваго требованія зависитъ отъ общаго хода дѣла развитія народнаго кредита въ Россіи, то выполнение втораго можетъ сдѣлаться задачей опредѣленнаго учрежденія, открывающагося въ томъ или другомъ крупномъ центрѣ строительныхъ работъ.

Ограничиваясь, по предмету строительныхъ работъ, сказаннымъ выше, перейдемъ къ болѣе подробному ознакомленію съ другими видами артелей для подрядныхъ работъ, начавъ наше обозрѣніе съ лѣсной промышленности, занимающей многія сотни тысячъ рабочихъ рукъ.

III.

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ нашего отечества важнымъ источникомъ подсобныхъ заработковъ для сельскаго населенія служатъ работы по выработкѣ лѣса, так. наз. боровой или рощенскій промыселъ. Важность участія въ этомъ промыслѣ для земледѣльческаго населенія заключается въ томъ, что работа производится зимой, т. е. въ свободное отъ сельско-хозяйственныхъ занятій время, и что она даетъ возможность употребить въ дѣло лошадь домохозяина, которая при другихъ обстоятельствахъ ни чѣмъ-бы не окупала ея прокормленіе въ зимнее время. Лѣсная работа заключается въ рубкѣ лѣса, обработкѣ его въ бревна или дрова, вывозкѣ заготовленныхъ матерьяловъ къ пристанямъ и образованіи изъ нихъ плотовъ или въ погрузкѣ (дровъ) въ барки: наконецъ—въ сплавлѣ барокъ и плотовъ на мѣсто назначенія. Обыкновенно одни и тѣже лица подряжаются на всѣ перечисленныя операціи, но иногда сплавъ производится другимъ персоналомъ рабочихъ.

Процессъ рубки и выработки лѣса только съ большими затрудненіями можетъ быть исполняемъ однимъ лицомъ, а требуетъ участія двухъ или нѣсколькихъ рабочихъ, между прочимъ, въ зависимости отъ рода приготавлиаемаго матерьяла (дрова, брусъ и т. п.). Единично или съ помощью подростка или женщины рубка лѣса производится, напр., въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губ.; въ Малмыжскомъ уѣздѣ, Вятской губ., на выработку

и вывозку сотни брусевъ требуется участіе не менѣе двухъ человѣкъ при двухъ лошадахъ; въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, Казанской губ., совмѣстно работаютъ при томъ-же числѣ лошадей не менѣе 3 человѣкъ. Во всякомъ случаѣ нормальная производительная единица въ разсматриваемомъ промыслѣ, въ особенности при заготовкѣ дровъ, не настолько велика, чтобы выполненіе работы было недоступно силамъ крестьянской семьи. Вслѣдствіе этого весьма часто практикуется наемъ лѣсопромышленниками рабочихъ для заготовки лѣса поодиночно. Но еще чаще на работу крестьяне подражаются цѣлыми артелями, даже сельскими обществами (напр., Макарьевскій у.). У насъ нѣтъ данныхъ для отвѣта на вопросъ, почему въ однихъ случаяхъ или въ однихъ мѣстностяхъ (напр., Козьмодемьянскомъ уѣздѣ, Казанской губ.) господствуетъ наемъ одиночныхъ рабочихъ, въ другихъ—отдача выработки лѣса артелямъ. Мы можемъ только указать на тѣ выгоды, какія артельное веденіе этого дѣла доставляетъ хозяевамъ и рабочимъ.

Предпринимая лѣсную операцію, лѣсопромышленникъ долженъ быть увѣренъ въ томъ, что въ теченіе рабочаго зимняго сезона онъ успѣетъ заготовить то количество лѣсныхъ матерьяловъ, какое, по размѣрамъ предпріятія, считается имъ необходимымъ. Чтобы быть обезпечену въ этомъ отношеніи, при наймѣ отдѣльныхъ рабочихъ, лѣсопромышленнику пришлось-бы организовать неусыпный надзоръ за ходомъ дѣла, въ видахъ заблаговременнаго пріисканія новыхъ рабочихъ въ случаѣ, если-бы дѣйствующихъ рукъ оказалось недостаточно для выполненія лѣсной операціи въ предположенныхъ размѣрахъ. Правда, при общераспространенной въ боровомъ промыслѣ системѣ расплаты за трудъ издѣльно, по количеству заготовленнаго матерьяла, лѣсопромышленникъ избавленъ отъ необходимости слѣдить за усердіемъ работающихъ; а въ обезпеченіе заготовки лѣса въ требуемыхъ размѣрахъ, съ каждымъ крестьяниномъ можно заключить условіе о выработкѣ имъ въ теченіе зимы опредѣленнаго количества матерьяловъ, съ назначеніемъ штрафовъ за невыполненіе этого условія. Но и такая система не всегда гарантируетъ желательный ходъ дѣла, какъ потому, что исправность въ исполненіи взятаго на себя отдѣльнымъ лицомъ обязательства не всегда зависитъ отъ этого самаго лица, такъ и по причинѣ трудности произвести взысканіе съ крестьянина, нарушившаго договоръ. По высказаннымъ соображеніямъ, лѣсопромышленники во многихъ случаяхъ должны приходиться къ мысли о сдачѣ подрядовъ по выработкѣ лѣса не отдѣльнымъ работникамъ, а артелямъ, берущимъ на себя обязательство заготовить въ теченіе зимы опредѣленное коли-

чество бревенъ, дровъ и т. п. И дѣйствительно, извѣстны случаи, когда артельная организація борового промысла введена по инициативѣ хозяевъ. Сказанное относится, напр., къ Малмыжскому уѣзду, Вятской губ., въ которомъ въ прежнее время крестьяне подражались на лѣсные работы порознь, а теперь лѣсопромышленники требуютъ составленія артелей.

Со своей стороны и крестьяне только выигрываютъ отъ артельной организаціи промысла. Не говоря о томъ, что слабые по рабочему составу или имѣющіе недостаточное число лошадей семьи, только соединяясь съ другими, могутъ участвовать, въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ, въ выработкѣ, напр., бревенъ,—даже въ тѣхъ случаяхъ, когда участіе артели ограничивается взятіемъ подъ круговую отвѣтственность подряда, а самая работа выполняется членами ея порознь, и каждый получаетъ деньги по количеству выработанныхъ имъ матеріаловъ,—организація артели все-таки представляетъ для работающихъ много выгодъ. Во-первыхъ, отвѣчая другъ за друга, они могутъ надѣяться всѣ получить заработокъ, тогда какъ при отсутствіи этого условія, многіе изъ нихъ, быть можетъ, показали бы хозяину не надежными. Сказанное имѣетъ особенное значеніе въ случаяхъ, когда подрядъ берется цѣлой деревней, обеспечивающей такимъ способомъ производительное употребленіе зимняго времени всѣмъ своимъ членамъ. Такіе общественные подряды встрѣчаются, напр., въ Костромской губ., а въ Холмогорскомъ уѣздѣ Архангельской губ. для исполненія подряда, напр., въ 10 тысячъ деревъ, въ артели иногда соединяются нѣсколько деревень. Этимъ объясняются факты существованія общественныхъ подрядовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ система индивидуальнаго найма рабочихъ въ лѣсномъ промыслѣ. Такіе факты встрѣчаются, напр., въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ: несмотря на то, что, для заготовки дровъ, лѣсопромышленники входятъ здѣсь въ соглашеніе съ отдѣльными хозяевами, деревни Еникеева и Иксы-Куртни Ардинской волости обществами снимаютъ у арендаторовъ казеннаго лѣса цѣлые участки, которые для разработки разверстываютъ между отдѣльными семьями по ихъ хозяйственной силѣ ¹⁾. Во-вторыхъ, обеспечивая хозяину заготовку лѣсныхъ матеріаловъ въ требуемыхъ размѣрахъ, работающіе тѣмъ самымъ уменьшаютъ его расходъ по надзору за предпріятіемъ и черезъ то нѣсколько повышаютъ вознагражденіе за свой трудъ, а также предупреждаютъ сдачу лѣсныхъ разработокъ крупнымъ подряд-

¹⁾ Сб. матер. объ артеляхъ, в. 2, с. 105. Матер. для оцѣнки земель въ уѣздахъ Казанской губ., в. X, с. 84.

чикамъ, у которыхъ имъ пришлось бы работать на менѣе выгодныхъ условіяхъ. Въ-третьихъ, въ артели рабочіе приобретаютъ силу, какой они лишены въ одиночку, и благодаря этому обстоятельству избавляются отъ многихъ притѣсненій со стороны нанимателей. Дѣло въ томъ, что заключая съ крестьянами условіе на заготовку опредѣленнаго количества лѣсныхъ матеріаловъ, лѣсопромышленники нерѣдко вставляютъ въ него такіе пункты, которые способны лишить подряжаемыхъ всего ихъ заработка (напр., уплата ими за недоставленное количество лѣса по цѣнамъ матеріаловъ на Нижегородской ярмаркѣ—тамъ, гдѣ сбывается заготовленный лѣсъ). Артели соглашаются на эти условія, но въ предупрежденіе большихъ потерь отъ хищничества нанимателя, они забираютъ деньги впередъ и ведутъ работу пропорціонально ихъ долгу хозяину; въ случаѣ же прижимокъ они грозятъ нарушить заключенное условіе и оставить нанимателя безъ дровъ, брусевъ и т. п. ¹⁾ Такая самостоятельность рабочаго въ артели не нравится хозяевамъ, и многіе изъ нихъ предпочли бы имѣть дѣло съ отдѣльными крестьянами; но послѣдніе на это не соглашаются, что наблюдается, напр., въ Яранскомъ уѣздѣ, Вятской губ., гдѣ лѣсопромышленники охотнѣе сдаютъ выработку лѣса черемисамъ, подряжающимся на работу отдѣльными семьями, нежели русскимъ, вступающимъ въ договоръ артелями.

Приведенный фактъ указываетъ на новое условіе, не остающееся безъ вліянія на организацію разсматриваемаго промысла, условіе, уже не имѣющее экономического характера: въ одной и той же мѣстности лица русской національности соединяются для работы въ артели, а черемисы подряжаются на заготовку лѣса единолично. Указанное различіе въ организаціи работы отражается и на личномъ составѣ участвующихъ въ промыслѣ: русскія семьи въ Яранскомъ уѣздѣ, составляя часть производительной единицы, могутъ ограничиться участіемъ въ работѣ мужского персонала; черемисская семья, образующая цѣлую и независимую отъ другихъ промысловую единицу, принуждена высылать на работу женщинъ и дѣтей. Женщины, подростки и дѣти отъ 8 до 10 лѣтъ принимаютъ участіе въ лѣсныхъ промыслахъ также въ Ардатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ., гдѣ работа производится, повидимому, главнымъ образомъ, отдѣльными семьями: они помогаютъ сносить и свозить бревна и дрова въ опредѣленное мѣсто. Впрочемъ, для подростковъ найдется подходящая работа и при артельной разработкѣ лѣса: они исполняютъ обязанности погонщиковъ при вывозкѣ готоваго матеріала на

¹⁾ «Русская Мысль», 1887 г., № 2 «Лѣсные промыслы и артели».

«новое слово», № 1, о. 1. 1895 г.

плотбища, а въ Макарьевскомъ уѣздѣ они помогаютъ своимъ отцамъ и при выработкѣ лѣса.

Такимъ образомъ, въ лѣсныхъ промыслахъ развито въ значительной степени примѣненіе въ томъ или въ другомъ видѣ артельного начала, благодаря чему все веденіе этого дѣла лежитъ на работающихъ, а хозяинъ можетъ ограничиться самымъ общимъ надзоромъ. Такъ, въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губ., «хозяинъ или подрядчикъ, еще съ осени подрядивши рабочикъ (условившись съ каждымъ изъ нихъ о заготовкѣ извѣстнаго количества дровъ) и получивъ лѣсорубочные билеты, болѣе ни о чемъ не заботится, такъ какъ все дальнѣйшее лежитъ на обязанности работниковъ. Они должны заготовить указанное количество дровъ, перевести ихъ на удобныя, водопоемныя плотбища и сплавить въ указанное хозяиномъ мѣсто» ¹⁾.

Артели для подрядныхъ лѣсныхъ работъ составляются изъ 3 человекъ и болѣе, доходя иногда до 70 участниковъ ²⁾. Въ большинствѣ случаевъ, повидимому, онѣ образуются изъ 10—20 человекъ. Одна изъ операций лѣснаго дѣла заключается въ вывозкѣ заготовленнаго матеріала къ плотбищамъ; для этого прибѣгаютъ къ лошадиной силѣ, причемъ для вывозки бревна нужна пара, иногда тройка лошадей. Такимъ образомъ, для выработки бревень требуется обыкновенно совмѣстная работа не менѣе 2-хъ взрослыхъ мужчинъ и пары лошадей. Въ Царевококшайскомъ уѣздѣ комбинируется работа трехъ человекъ и двухъ лошадей; составляя артели, крестьяне соблюдаютъ указанное соотношеніе, и численность состава артели опредѣляется ими числомъ входящихъ въ нее «головъ»: артель изъ 3-хъ человекъ считается состоящей изъ 5 головъ (3 людскихъ и 2 конскихъ), артель изъ 4-хъ человекъ—изъ десяти головъ. Въ артеляхъ Яранскаго уѣзда одна

¹⁾ Сб. ст. свѣд. по Чердынскому у. с. 68.

²⁾ Въ Царевококшайскомъ у., Казанской губ., артель составляется изъ 3 или 6 человекъ; въ Пинежскомъ уѣздѣ, Архангельской губ., изъ 10—20 лицъ и болѣе; въ Яранскомъ и Малмыжскомъ уѣздахъ, Вятской губ. изъ 3—12 человекъ, въ Кологривскомъ уѣздѣ, Костромской губ. изъ 10—30 человекъ; 176 дроворубовъ с. Н. Яксарка Шемышейской вол., Кузнецкаго уѣзда въ Саратовской губ. ходятъ на работу артелями въ 10—20 человекъ. Подражающіеся приготовить дрова и уголь для Уральскихъ заводовъ, соединяются въ артели численностью въ 10—30, даже 70 человекъ: поставка дровъ и угля на Кушвинскій заводъ сдается артелямъ въ 10—30 человекъ, на Сысертскій—въ 15—25 человекъ, крестьяне Покровской вол. Ирбитскаго у. (въ количествѣ около 300 человекъ) подражаются на выжиганіе и доставку угля въ Режевскій заводъ Екатеринбургскаго у. артелями въ 20—70 чел.; 200 крестьянъ Воронинской вол., Глазовскаго у., Вятской г., подрядились выжечь Омутницкому заводу уголь, раздѣлившись на 10 артелей.

лошадь приходится на двухъ человѣкъ. Въ Макарьевскомъ уѣздѣ рабочую единицу образуетъ «пара», составленная изъ одного или двухъ рабочихъ и двухъ лошадей. Лѣсные артели обыкновенно состояются изъ односельцевъ; въ Архангельской же губерніи, при маленькихъ деревняхъ, артель часто составляется изъ жителей разныхъ поселеній. Иногда и въ другихъ губерніяхъ, въ особенности при работѣ на сторонѣ, въ нее входятъ совершенно постороннія другъ другу лица.

Артели образуются или изъ полноправныхъ членовъ, или съ участіемъ наемнаго элемента: въ Яранскомъ уѣздѣ обыкновенно въ количествѣ 1—2 и не больше 4-хъ человѣкъ на артель. Происхожденіе наемнаго элемента въ артели объясняется наличиемъ въ деревняхъ безлошадныхъ домохозяевъ; таковыя, напр., въ Царевококшайскомъ и Яранскомъ уѣздахъ, нанимаются къ лошаднымъ малорабочимъ хозяевамъ и вмѣстѣ съ ними работаютъ въ артели. Въ Царевококшайскомъ у. они обыкновенно получаютъ при готовыхъ харчахъ отъ 1 р. до 1 р. 20 к. въ недѣлю, т.-е. отъ 18 до 20 к. въ день; валовой-же заработокъ полноправнаго члена артели съ лошадью опредѣляется въ 1 р. 10 к. а за вычетомъ рыночной стоимости содержанія человѣка (10 к.) и лошади (40 к.)—въ 60 к. въ день. Такое же вознагражденіе (18—20 к. въ день) получаютъ наемные рабочіе и Яранскомъ уѣздѣ; но такъ, какъ заработки артели отъ лѣсныхъ промысловъ здѣсь ниже, нежели въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, и работа почти всегда оканчивается долгомъ на артели, за который отвѣчаютъ полноправные ея члены, то въ концѣ концовъ положеніе наемныхъ рабочихъ въ лѣсныхъ артеляхъ этого уѣзда не хуже, если не лучше, положенія ихъ хозяевъ.

Лѣсныя артели составляются или до полученія подряда на заготовку лѣса, или послѣ того какъ кто либо изъ крестьянъ условился съ лѣсопромышленникомъ относительно выработки опредѣленнаго количества лѣсныхъ матерьяловъ. Въ послѣднемъ случаѣ, когда члены артели, такъ сказать, пристають къ готовой работѣ, распорядителемъ артели становится безъ выбора лицо, взявшее подрядъ. Это впрочемъ незначитъ, что указанное лицо пользуется властью, какой неимѣетъ выборный распорядитель: въ Кологривскомъ уѣздѣ, напр., оказавшійся негоднымъ распорядитель смѣняется съ должности или даже совершенно удаляется изъ артели, независимо отъ того, самъ-ли онъ занялъ это мѣсто, или избранъ товарищами. Въ небольшихъ артеляхъ Архангельской губ. главами артели становятся болѣе опытные порубщики. Артели, формирующіяся заблаговременно, для руководства дѣломъ избираютъ особое лицо, именуемое подрядчикомъ. Иногда, какъ

напр., въ Ливенскомъ уѣздѣ Калужской губ., населеніе котораго занимается лѣсными промыслами (дроворубнымъ, углежженіемъ, пилюю лѣса) на сторонѣ, распорядитель не назначается особымъ актомъ избранія, а выдвигается самъ собой изъ числа лицъ, выдающихся умомъ, изворотливымъ характеромъ и т. п., къ которому остальные естественно обращаются за совѣтомъ или указаніемъ. Неоправдавшій ожиданій молчаливо согласившейся на его руководство артели, такъ-же молчаливо ступшевывается и на его мѣсто выдвигается другой. Обязанности подрядчика заключаются въ представительствѣ артели передъ нанимателемъ, надзорѣ за правильнымъ ходомъ работъ, вденіи счета заготовляемаго матерьяла (при безграмотности подрядчика, въ артеляхъ Кологривскаго уѣзда эта обязанность возлагается на кого либо другого), полученіи денегъ отъ хозяина, при чемъ, если подрядчикъ любитъ выпить, съ нимъ идетъ за деньгами вся артель или послѣдняя поручаетъ получку другому лицу.

Подрядчики не всегда строго соблюдаютъ интересы артели. Въ Яранскомъ уѣздѣ, напр., они «находятся въ близкихъ отношеніяхъ къ приказчику, и нерѣдко оба вмѣстѣ обманываютъ артель». Въ Архангельской губ. главы артелей пользуются особымъ вниманіемъ нанимателей: получаютъ отъ нихъ лишнее на водку, выработанный ими лѣсу принимается безъ особыхъ придирокъ и т. п. Съ своей стороны и они часто склоняютъ артель взять подрядъ отъ того изъ нанимателей, отъ кого надѣются лично получить больше выгодъ. Въ Кологривскомъ уѣздѣ подрядчикъ почти всегда получаетъ отъ хозяина такъ называемую «темную», въ размѣрѣ 5—10, иногда 50 р. Этотъ подарокъ дѣлается конечно въ цѣляхъ побужденія подрядчика держать сторону хозяина—угговорить, напр., артель взять работу на выгодныхъ для послѣдняго условіяхъ и т. п. Тѣмъ не менѣе артель не протестуетъ противъ этого обычая и только держитъ себя на сторожѣ. Въ свою очередь и подрядчики не скрываютъ отъ товарищей факта полученія ими «темной», они впередъ заявляютъ, какого размѣра будетъ подарокъ, а иногда отдаютъ полученную сумму на вышивку артели.

Артели Кологривскаго уѣзда стараются избрать въ подрядчики челоѣка расторопнаго и по возможности трезваго. Избранное лицо собираетъ свѣдѣнія о сдающихся работахъ, цѣнахъ на нихъ и т. п., ведетъ предварительные переговоры съ лѣсопромышленниками, и всѣ собранныя свѣдѣнія и свои о нихъ заключенія представляетъ на усмотрѣніе артели. Послѣдняя, обсудивъ всѣ обстоятельства дѣла, останавливается на какомъ либо планѣ и командируетъ подрядчика съ 3—4 другими лицами для

осмотра лѣса, гдѣ предполагается работа. Осмотръ длится 4—5 дней и заканчивается выборомъ участка для разработки, наиболѣе удовлетворяющаго требованіямъ артели. Послѣ этого начинается торгъ съ работодателемъ, при чемъ переговоры съ нимъ ведутся неоднократно и всей артелью, и однимъ подрядчикомъ. По окончаніи торга и по заключеніи условія лѣсопромышленникъ выдаетъ артели отъ 1 до 5 р. на водку.

Обыкновенно одни и тѣ же рабочіе подряжаются на выдѣлку лѣса, возку его къ свалкамъ на берегъ сплавной рѣки, нагрузку въ барки или сборку въ плоты, а иногда и для сплава лѣсного матерьяла на мѣсто назначенія. Что касается организациі самой работы, въ Малмыжскомъ уѣздѣ «нѣкоторыя артели подряжаются на работу такъ, что одни только рубятъ и обдѣлываютъ брусья, а другіе — съ лошадьми только вывозятъ; первые получаютъ плату по числу деревъ, а вторые — по разстоянію вывозки. Если работаетъ артель въ три пары или «схватки», то работа распределяется такъ: трое рубятъ и пилятъ лѣсъ, а трое, — каждый съ парой лошадей, — возятъ бревна на пристань». Въ артеляхъ Царевкокшайскаго уѣзда двое работаютъ около дерева, а одинъ возитъ выдѣланный матеріалъ. Въ Архангельской губ. взятый артелью подрядъ исполняется членами ея раздѣльно, за исключеніемъ рубки лѣса, производимой иногда сообща, при чемъ семьи съ разнымъ числомъ рабочихъ входятъ въ эту работу разнымъ числомъ паевъ. Больше извѣстна организациа лѣсныхъ работъ въ Кологривскомъ уѣздѣ; ее мы и опишемъ.

При подрядахъ на заготовленіе дровъ, съ вывозкой и погрузкой въ барку, участіе артели (изъ 10—15 человекъ) ограничивается заключеніемъ съ лѣсопромышленникомъ контракта о заготовленіи опредѣленнаго количества дровъ по опредѣленной цѣнѣ. Самая-же работа исполняется членами артели независимо другъ отъ друга, и каждый получаетъ расчетъ по тому количеству дровъ, какое онъ заготовилъ. Въ подрядахъ-же на заготовку бревенъ, артель организуется не только для договора съ лѣсопромышленникомъ, но и для выполненія работы. Взавъ подрядъ (выработать условленное количество деревъ) артель прежде всего опредѣляетъ, какое число деревъ, при данныхъ условіяхъ работы, можетъ приготовить за зиму одинъ полномочный работникъ и соответственно этому и по соображенію съ величиной артели назначаетъ общее число паевъ, имѣющее быть распределеннымъ между участниками предпріятія. Послѣ этого отдѣльные члены артели, сообразуясь съ своимъ семейнымъ составомъ и хозяйственной силой, берутъ на себя одинъ—два или половину пая. Этимъ распределеніемъ между членами артели пая опредѣляется, какое

количество рабочей силы долженъ выставить каждый изъ нихъ для общей работы, или, по мѣстному выраженію, какимъ числомъ «топоровъ» (однимъ—двумя или половиной) входитъ въ работу каждый членъ артели. Такъ какъ работа распадается на нѣсколько операций, требующихъ примѣненія неодинаковой рабочей силы, то человѣкъ, входящій въ артель опредѣленнымъ числомъ топоровъ, долженъ выставить для каждой операции соответствующую силу. Такъ, входящій однимъ топоромъ выставляетъ: 1) для рубки и обдѣлки лѣса одного взрослога мужчину; 2) для возки обдѣланныхъ бревенъ къ свалкамъ на берегъ рѣки—одну лошадь съ погонщикомъ; 3) для сгонки связанныхъ плотовъ къ ярмарочному пункту—если на «топоръ» приходится не меньше цѣлаго плота (100—150 деревъ)—двухъ взрослыхъ мужчинъ. Кромѣ того онъ долженъ заготовить опредѣленное количество «припасовъ» для сплотки лѣса (канаты, гребля и т. п. ¹⁾) и участвовать въ работѣ по сплоткѣ бревенъ въ плоты. Вошедшій въ артель полутопоромъ участвуетъ въ работахъ половиной указанного времени, а для сплава лѣса выставляетъ одного человѣка.

Работы по заготовкѣ лѣсныхъ матерьяловъ дѣлятся съ осени до весны. Такъ какъ обыкновенно мѣсто работы находится въ болѣе или менѣе значительномъ отдаленіи отъ деревень, то крестьяне-лѣсопромышленники поселяются на всю зиму въ лѣсахъ, гдѣ будетъ вестись ихъ работа. Они тамъ устраиваютъ себѣ изъ валежника избушки или землянки въ 2—2½ аршина высоты. Въ центрѣ избушки устроенъ очагъ, въ которомъ поддерживается неугасимый огонь, а по ея стѣнамъ расположены нары для спанья. Трубы въ избушкѣ нѣтъ, а для выхода дыма служитъ дверь или окно, или въ стѣнѣ, надъ головами спящихъ, продѣлываются отверстія. По причинѣ такого устройства жилища, оно постоянно переполнено дымомъ и чадомъ и не напрасно въ Вятской губ. и др. носитъ характеристическое наименованіе «чадовка»; въ Кологривскомъ уѣздѣ и др. оно зовется «зимница». Для лошадей такъ же устраиваются шалаши, при чемъ въ Царевококшайскомъ у. стараются помѣстить каждую лошадь особо, во избѣжаніе ссоръ, могущихъ произойти вслѣдствіе того, что крестьяне задаютъ своимъ лошадямъ не одинаковый по качеству и количеству кормъ. Кормятся члены артели изъ общаго котла, принося припасы изъ дому, съ которымъ они не прерываютъ сношеній въ теченіе зимняго времени; въ случаѣ-же недостатка собственныхъ припасовъ, рабочіе забираютъ провизию, въ счетъ зара-

¹⁾ Въ Архангельской губ. нѣкоторыя изъ принадлежностей для сплотки лѣса—поворники, крутя—доставляются хозяевами.

ботка, изъ хозяйскихъ складовъ. Въ Яранскомъ у. крестьяне-промышленники даже обязуются всѣ припасы для себя и для лошадей забирать у хозяевъ, по назначенной послѣдними цѣнѣ. Всю зиму занимающіеся боровымъ промысломъ питаются растительной пищей (Малмыжскій, Макарьевскій уѣзды).

Плата за работу по заготовкѣ лѣсныхъ матерьяловъ, назначаемая отъ дерева или сажени дровъ, зависитъ отъ условій, при которыхъ происходитъ работа. По формѣ эта плата обыкновенно денежная, но, при выработкѣ круглаго лѣса въ Костромской губерніи, вознагражденіе за трудъ крестьяне въ большинствѣ случаевъ получаютъ лѣсомъ же («по исполицѣ»), при чемъ на долю рабочихъ выговаривается отъ 30 до 70% выдѣланнаго матерьяла. Въ Кологривскомъ уѣздѣ, кромѣ условленной платы, артель выговариваетъ себѣ отъ хозяина «приговоръ», заключающійся въ 1—2 ведрахъ водки, пятипудовомъ мѣшкѣ пшена и 10—15 фунтахъ постнаго масла. Хозяинъ въ свою очередь выговариваетъ себѣ съ артели по 1—2 лишнихъ бревна на топоръ. Въ Вятскомъ уѣздѣ сверхъ условленнаго количества бревенъ, подлежащихъ оплатѣ по опредѣленной цѣнѣ, крестьяне обязуются представить «надрубъ», достигающій 10% заготовленнаго матерьяла.

Въ условіи, заключаемомъ лѣсопромышленникомъ съ артелями, послѣднія обязуются заготовить лѣсной матерьялъ опредѣленнаго достоинства (въ отношеніи длины бревна, его толщины и т. п.), при чемъ, въ предупрежденіе неисполнительности работниковъ, въ контрактъ включаются статьи о неустойкахъ, объ отвѣтственности всѣмъ имуществомъ артельщиковъ по круговой поруцѣ и т. п. При этомъ часто артель отвѣчаетъ и за такія потери лѣса, которыя ни мало не зависятъ отъ ея дѣйствій, напр., если бревна разнесетъ во время сілава бурей и т. п. (Архангельская губ. и др.). Приѣмъ готоваго матерьяла отъ артели хозяиномъ также весьма часто заканчивается не къ выгодѣ работающихъ. Въ Кологривскомъ уѣздѣ, напр., при сдачѣ лѣса, выработаннаго «по цѣнѣ» (за денежное вознагражденіе), хозяинъ почти никогда не производитъ обмѣра принимаемаго матерьяла, а прямо предлагаетъ скинуть съ партіи опредѣленное число деревьевъ. Обмѣръ производится лишь въ случаѣ несогласія артели на предъявленное условіе, и при этомъ на рабочихъ насчитывается гораздо больше того, что они потеряли бы, удовлетворивъ первое требованіе лѣсопромышленника. Новыя потери крестьяне Кологривскаго уѣзда, работающіе исполу, несутъ при самой расплатѣ. Хотя, по условію, артель имѣетъ право продать отъ себя слѣдующую ей часть лѣса, но обыкновенно она продается хозяиномъ вмѣстѣ съ его собственнымъ матерьяломъ. При этомъ, не-

смотря на то, что работающіе, доставивъ лѣсъ, по условію, въ Нижній Новгородъ, остаются здѣсь до его продажи, лѣсопромышленникъ, пользуясь ихъ незнаніемъ рынка, умѣетъ сдѣлать такъ, какъ будто бы доля рабочихъ продана дешевле его собственной. Послѣ заключенія условія съ лѣсопромышленникомъ крестьяне обыкновенно получаютъ отъ него задатки. Слѣдующая выдача денегъ въ артеляхъ Архангельской губерніи совершается послѣ пріема лѣса на катицахъ (для спуска въ воду), а окончательный расчетъ производится при сдачѣ лѣса на мѣстѣ назначенія. Общая выручка артели дѣлится пропорціонально сдѣланной каждымъ работѣ, въ Кологривскомъ уѣздѣ, напр., по топорамъ, въ Макарьевскомъ уѣздѣ—по «парамъ». Валовой заработокъ отъ лѣсного промысла опредѣляется на человѣка: въ Царевококшайскомъ уѣздѣ около 1 р. 10 к. въ день при 60 рабочихъ дняхъ въ сезонъ, въ Малмыжскомъ уѣздѣ отъ 23 до 65 р. за 3—4 мѣсяца, въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ 50—150 руб. почти за круглый годъ; въ Кологривскомъ уѣздѣ 60—80 и до 120 р. на топоръ, при затратѣ труда 165 дней взрослого человѣка, 65 дней подростка и 60 конныхъ дней; средній заработокъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ 75 р. на «пару». Въ Царевококшайскомъ уѣздѣ въ 80-хъ годахъ, по причинѣ сокращенія работы лѣсовъ, заработная плата очень упала.

Для лучшаго ознакомленія съ обстановкой и условіями лѣсного промысла, приводимъ нижеслѣдующее описаніе лѣсной заготовки крестьянами одной изъ деревень, Макарьевскаго уѣзда, въ зиму 1877—1878 г.г. Крестьяне этой деревни осенью подрались цѣлымъ обществомъ разработать 70 дес. строеваго и дровяного лѣса, находящагося въ 3-хъ верстахъ отъ р. Неледы, по которой выработанный матеріалъ долженъ быть сплавленъ въ Волгу и доставленъ безъ всякой утраты въ Юрьевоцъ, на ярмарку. За работу они обязались получить половину валовой выручки. На Николинъ день всѣ работники деревни, исключая 2—3 безлошадныхъ, отправляются въ лѣсъ и выстраиваютъ 2 зимницы. Хотя всѣ работники составляютъ одну артель, и общій заработокъ дѣлится между «парами» (числомъ 30) поровну, но работа производится раздѣльно «парами», состоящими изъ взрослого работника, часто съ помощникомъ, при двухъ лошадяхъ, при чемъ однолошадные домохозяева соединяется въ одну пару. Обдѣланныя деревья (4—5 въ день каждымъ) отвозятся на берегъ рѣки и здѣсь на низкомъ, поемномъ мѣстѣ («ставежѣ») связывается наемнымъ отъ артели человѣкомъ въ плоты. Весной, въ большую воду, плоты вводятся въ фарватеръ, подхватываются быстрымъ весеннимъ потокомъ и съ силою мчатся

внизъ съ находящимися на нихъ людьми, при чемъ нерѣдко бывають несчастія, какъ съ рабочими, такъ и съ лѣсомъ, и въ послѣднемъ случаѣ за утрату матеріала отвѣчаютъ работающіе. Доведши плоты до Юрьевца, артельщики идутъ домой, оставляя при лѣсѣ сторожей, черезъ нѣсколько дней смѣняемыхъ другими. Продажа лѣса иногда затягивается до мая мѣсяца. Доходъ въ описываемомъ году (за 100 дней) опредѣлился выше средняго, въ 3.000 р. на артель. Расходы артели составились изъ жалованья ставежнику за 2 мѣсяца 40 р., стоимости снастей 50 р., 4 лодокъ 20 р., топоровъ 60 р., рукавицъ 23 р., всего 193 р. Прокормленіе человѣка стоило около 15 коп. въ день ¹⁾.

IV.

Одинъ изъ видовъ лѣсного промысла составляетъ пила лѣса на тесь, и этотъ промыселъ въ значительной степени ведется артельнымъ путемъ. Продольная пила всегда требуетъ совмѣстной работы двухъ человѣкъ, и такъ какъ по незначительной цѣнности нужныхъ для этого приспособленій здѣсь не можетъ наблюдаться особыхъ преимуществъ одного трудящагося надъ другимъ, почему оба пильщика обыкновенно участвуютъ въ работѣ на равныхъ правахъ, то въ этомъ смыслѣ про всякую работу пилки лѣса, вознаграждаемую издѣльно, можно сказать, что она ведется небольшими артелями. Въ нижеслѣдующемъ, однако, мы будемъ вести рѣчь не объ этомъ элементарномъ видѣ артелей пильщиковъ, а о тѣхъ соединеніяхъ промышленниковъ, которыя охватываютъ нѣсколько паръ работающихъ. Такія артели встрѣчаются въ различныхъ губерніяхъ. Такъ, въ Уржумскомъ уѣздѣ, Вятской губ., насчитывается 2.584 пильщика, въ томъ числѣ 1.940 работаютъ на мѣстѣ, а 644—въ отходѣ. Отхожіе пильщики нанимаются къ подрядчикамъ; мѣстные же организуются, большею частью, въ самостоятельныя артели, состоящія изъ 4—12 паръ. Одинъ, болѣе искусный пильщикъ выбирается артелью въ «настоятели» или «установщики». Кромѣ работы, выполняемой каждымъ членомъ артели, настоятель точитъ всѣмъ

¹⁾ «Русская Мысль» 1887 г., № 2, С. Дороватовскаго «Лѣсные промыслы и артели». Сборникъ правовѣднiя и общественныхъ знанiй, т. III, ст. Чуранова «Экономическое положеніе боровщиковъ Яранскаго уѣзда. Матеріалы для статистики Вятской губ., т. I, с. 24—31. Труды Ком. для изслѣдованія вуст. пром., в. XI, с. 146—8. Сб. стат. свѣд. Тверской губ., т. III, с. 114—115. «Волжскій Вѣстникъ» 1889 г., № 25. «Русское Богатство» 1879 г. «Одна изъ лѣсныхъ губерній». Сborn. Пермск. Зем. 1873 г., с. 774, 778; id. 1874 г. № 1—4, Сborn. матер. объ артеляхъ въ Россіи в. 2, с. 104—111.

пилы и наблюдаетъ за общей работой. Хотя самостоятельныя артели работаютъ на болѣе выгодныхъ для лѣсопромышленниковъ условіяхъ, нежели несамостоятельныя, но, во избѣжаніе хлопотъ по надзору за работающими, лѣсопромышленники предпочитаютъ имѣть дѣло съ подрядчикомъ, вслѣдствіе чего работа самостоятельными артелями сокращается. Изъ Обоянскаго уѣзда, Курской губ., пильщики, въ числѣ 822 человекъ, отправляются на работу къ купцамъ и лѣсопромышленникамъ, преимущественно на Донскія и Днѣпровскія пристани, или парами (что предпочтается болѣе состоятельными крестьянами), или артелями изъ нѣсколько паръ, или наконецъ, по найму отъ подрядчиковъ. Подряжась на работу (съ платою издѣльно) артелями, пильщики принимаютъ на себя круговое ручательство въ томъ, что выставляютъ условленное число паръ работниковъ, отработаютъ взятые задатки, будутъ работать весь условленный срокъ и исполнять свое дѣло, какъ слѣдуетъ. Продовольствуются артели во время работы на свой счетъ. Роль рядчика часто ограничивается присканіемъ работы, передаваемой имъ артели за извѣстное вознагражденіе (напр. 1—2 к. съ доски). Иногда артельное начало проявляется только въ заключеніи общаго условія съ нанимателемъ (безъ круговой поруки) и въ одновременной работѣ всѣхъ нанявшихся. Изъ 700 отхожихъ пильщиковъ Дмитровскаго уѣзда, Курской губ. самостоятельными артелями работаетъ до 30%. Организациія артелей пильщиковъ сходна съ организаціей плотничьихъ артелей. Изъ Ветлужскаго края Костромской губ. пильщики отправляются на сторону (между прочимъ на Нижегородскую ярмарку) артелями до 80 человекъ. «Работаютъ и получаютъ вознагражденіе все парами. Всю полученную плату дѣлятъ между собой поровну. Кто меньше работаетъ (напр. старикъ), тотъ не получаетъ меньше, а его равняютъ тѣмъ, что онъ обязанъ угостить артель. Нельзя равнять деньгами: кому попадется дерево крѣпче, тому работа труднѣе, а получается за нее таже плата. За тѣмъ, кто работаетъ плохо,—смотрятъ. Артельщикъ (староста) покупаетъ припасы для харчей и ими распоряжается; онъ за то меньше работаетъ. Въ дорогѣ несутъ пилы по очереди». Пильщики Сукромлинской волости Новоторжскаго уѣзда, Тверской губ., отправляются на заработки, преимущественно въ предѣлахъ уѣзда, артелями изъ 2—5 паръ. Въ отлучкѣ они находятся весь годъ, за исключеніемъ времени покоса, и зарабатываютъ въ это время (чистыхъ) до 70 р. на человека. Пильщики Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губ., отправляются на заработки артелями отъ 2 до 8 человекъ и болѣе и берутъ подряды. Въ артеляхъ Оренбургскихъ пильщиковъ часть членовъ работаетъ, а часть оты-

скиваетъ новый заработокъ; когда пильныхъ работъ нѣтъ, артель берется за землекопныя и др. Пильщики (30 паръ) Усманской волости, Бузулукскаго уѣзда, Самарской губ., занимаются на работу артелью. Если подрядъ берется на 100 и болѣе лѣсинъ, то становится врядъ нѣсколько паръ, и заработокъ дѣлится по ровну между всѣми артельщиками. Инструменты—пила, гасперъ, желѣзный крюкъ, нитка, ручка—приобрѣтаются или на общій счетъ, или на средства одного, состоятельнаго пильщика, получающаго за это съ артели «прокатъ» по 10 к. съ заработаннаго рубля. Въ Тамбовскомъ уѣздѣ пильщики (въ 600 крестьянскихъ дворахъ) работаютъ на лѣсныхъ пристаняхъ артелями въ 10—20 человекъ; живутъ въ помѣщеніяхъ нанимателя, а пищу имѣютъ свою (нанимаютъ спряпуху). Изъ Усманскаго уѣзда, Тамбовской губ., пильщики (изъ 305 дворовъ) отправляются на заработки артелями въ 6—10 человекъ; меньшій численный составъ артели неудобенъ, такъ какъ при этомъ трудно было бы поднимать лѣсъ на козлы. Артели пильщиковъ крестьянъ Темниковскаго уѣзда (изъ 723 дворовъ) состоятъ изъ 5—6 паръ; ходятъ на работу преимущественно въ предѣлахъ собственнаго уѣзда. Пильщики Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губ., с.с. Камышника (80 человекъ) и Старый Черчимъ, Теряевской волости, отправляются на заработки артелями въ нѣсколько паръ. Артель въ 5—6 паръ избираетъ «большака», на обязанности котораго, кромѣ общей всѣмъ работы, лежатъ сношенія съ нанимателемъ, веденіе счетовъ и т. п. Каждая пара пильщиковъ покупаетъ пилу, стоящую 5 р. и служащую два года; если-же, инструментъ принадлежитъ одному изъ нихъ, то другой платитъ ему «прокату» 10 к. съ заработаннаго рубля. Изъ сельца Ивановки, Чаадаевской волости пильщики ходятъ на работу по окрестнымъ селеніямъ въ одиночку или артелями въ 8—10 человекъ. Изъ с. Топовки, Камышинскаго уѣзда, небольшую работу пильщики берутъ парами, а болѣе крупную—артелью въ 6—8 паръ. Артелями (безъ старшаго и кашевара) отправляются на работу въ Царицынъ и Дубовку и пильщики д. Давыдовки Царицынскаго уѣзда ¹⁾).

¹⁾ Мат. по Стат. Вятской губ., т. II, ч. 2, с. 73—74. Сб. ст. свѣд. по Обоянскому уѣзду, с. 49—52. Пром. и грам. центр. района. Курской губ., ч. II, с. 43. Безобразовъ, Народное хозяйство Россіи, ч. II, с. 96. Сб. ст. св. по Тверской губ., т. II, с. 161. Нижегородск. Сб., т. VIII, с. 163, 165. «Сѣв. Вѣстн.» 1888 г., № 6, отд. II, с. 86. Сб. ст. св. по Самарской губ., т. III, с. 127. Сб. ст. св. по Тамбовской губ., т. XII, с. 253; т. IX, с. 106, т. IV, с. 189. Сб. ст. св. по Саратовской губ., т. X, с. 338, 368, 152; т. XI, с. 103, 115; т. III, с. 92.

Лѣсные промыслы составляютъ одно изъ наиболѣе распространенныхъ занятій сельскаго населенія сѣверной части Россіи, поэтому можно безъ преувеличенія сказать, что лѣсопромышленныя артели нужно считать десятками тысячъ. Такъ, напр., въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ лѣсными промыслами занято до 4 тыс. человѣкъ, въ Малмыжскомъ уѣздѣ около 9,5 тыс. (въ томъ числѣ дроворубовъ около 6,5 тыс.), въ Яранскомъ уѣздѣ около 10 тыс. чел., въ Кологривскомъ у. 25 т. человѣкъ, (группирующихся приблизительно въ 2000 артелей) въ Царевококшайскомъ у. почти все мужское населеніе; въ Архангельской губ. многія тысячи народу и т. д. Обыкновенно, какъ мы видѣли, крестьяне обрабатываютъ чужой лѣсъ по найму; но встрѣчаются мѣстности, гдѣ они артелями или единолично снимаютъ дѣлянки и добываютъ лѣсной матерьялъ для продажи. Сказанное наблюдается, напр., въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, Казанской губ., въ Ардатовскомъ у., Нижегородской губ. и др. Въ послѣднемъ изъ названныхъ уѣздовъ лѣсными промыслами, преимущественно въ видѣ самостоятельнаго веденія дѣла, занято 1200—1300 человѣкъ, сгруппированныхъ въ 18-ти поселеніяхъ девяти волостей. Послѣ того какъ послѣдуетъ оглашеніе о продажѣ такихъ-то казенныхъ и частныхъ лѣсовъ, крестьяне, занимающіеся лѣснымъ дѣломъ, составляютъ компаніи отъ 5 до 30 человѣкъ и покупаютъ участокъ лѣса, смотря по средствамъ артели, цѣлыми кварталами, или отдѣльными десятинами. Купленные участки разрабатываются или отдѣльными семьями, независимо другъ отъ друга, или нѣсколькими семьями вмѣстѣ. «Село Сарминскій Майданъ (въ немъ насчитывается 500 лѣсорубовъ и дроворубовъ), гдѣ замѣтно существуетъ артельное начало, входитъ въ сношенія даже съ жителями Тамбовской губ., откуда приходятъ на работы изъ извѣстнаго села Мотызли». Неимущіе крестьяне или нанимаются къ зажиточнымъ односельчанамъ, или отправляются для той же работы на сторону, преимущественно артелями. Такъ, напр., жители Сорминскаго Майдана артелями подряжаются рубить лѣсъ и дрова у Шипова въ его собственномъ лѣсу, или въ снимаемыхъ имъ лѣсахъ казенныхъ и удѣльныхъ. Крестьяне Краснослоботовской волости, Дорогобужскаго у., Смоленской г., покупаютъ лѣсъ единолично или товариществами отъ 2 до 30 домохозяевъ и выдѣлываютъ изъ него матерьялы, при чемъ иногда для работы также соединяются въ артели. Въ 70-хъ гг. крестьяне с. Челмохты Холмогорскаго у., соединившись человѣкъ 5 и болѣе, брали общій порубочный билетъ на извѣстное число деревъ, рубили каждый отдѣльно отъ другихъ и сплавляли сообща въ Холмогоры, гдѣ каждый обращалъ свои

дерева въ дрова и продавалъ послѣднія. Жили здѣсь на общей квартирѣ и имѣли общій столъ. Крестьяне Дремайловской вол. Нѣжинскаго у., парами покупаютъ брусья, распиливаютъ ихъ и продаютъ досками. Пильщики Заклинской вол., Бѣжецкаго уѣзда Тверской губ., товариществами покупаютъ лѣсъ, товариществами-же иногда и распиливаютъ его. Товариществами-же изъ 3—4 человекъ приобрѣтаютъ лѣсъ для распилки и крестьяне с. Старое Устиново Раковской волости, Зубцовскаго у. Семья съ тремя работниками справляется съ дѣломъ одна; малосемейные-же соединяются для общей работы, при чемъ одинъ членъ артели по очереди занимается возкою теса, а два другіе пилкой лѣса. Если лѣсъ купленъ сообща, то артельщики раздѣляютъ между собой выручку отъ промысла; при отдѣльной-же его покушкѣ, артельщики производятъ его распиливаніе у каждаго изъ соучастниковъ по очереди. Выработанный тесъ продается на мѣстныхъ базарахъ. Въ так. наз. Шиповыхъ дачахъ Павловскаго уѣзда, Воронежской губ., самостоятельная крестьянская разработка лѣса для продажи,—за которую населеніе берется въ одиночку и товариществами «имѣя въ виду, главнымъ образомъ, примѣненіе въ зимнюю пору своихъ рабочихъ рукъ, которыя иначе не имѣли бы занятія»—развилась на столько, что повела къ возвышенію цѣны на дѣлянки, сдаваемые на вырубку и къ устраненію отъ торговли лѣсомъ около половины крупныхъ промышленниковъ. Нѣкоторые крестьяне Гдовскаго у., Петербургской губ., прежде занимавшіеся лѣсными промыслами по найму отъ лѣсохозяевъ, стали затѣмъ самостоятельно покупать лѣсъ и пилить его на дрова для продажи. Тогда «нѣкоторые лѣсопромышленники, видя въ этихъ крестьянахъ конкурентовъ и не желая терпѣть убыль въ рабочихъ рукахъ, стали притѣснять ихъ выгонами, не позволяя пастись скоту крестьянъ, не работающихъ въ дачахъ лѣсопромышленника, вмѣстѣ съ скотомъ волею-неволею болѣе податливыхъ сосѣдей, между тѣмъ какъ у крестьянъ общее стадо и общій пастухъ», и т. д. ¹⁾.

Малораспространенность самостоятельнаго лѣсного крестьянскаго промысла объясняется отсутствіемъ у нашего населенія свободныхъ средствъ для уплаты за снимаемый лѣсъ, а иногда и для содержанія работающихъ въ теченіе промышленнаго сезона. Во многихъ мѣстностяхъ (напр., въ Каргопольскомъ у.) крестьяне кромѣ того попадаютъ въ зависимость отъ своихъ

¹⁾ Нижегородск. сборн., т. VIII, с. 159—163. Русскій лѣсопромышленникъ 1877, № 27. Сб. мат. объ артеляхъ, 6, 2, с. 104 Нѣжинскій у. А. Руцова, с. 74. Сб. ст. свѣд. по Тверск. г. т. VI, с. 169; т. VII, с. 186. Рус. лѣсопром. 1888 г., № 33. Мат. по стат. народн. хоз. въ Спб. губ., в. IV, с. 187.

богатыхъ односельцевъ, занимая у нихъ деньгами и продуктами изъ года въ годъ и беря на себя обязательство отработать занятую сумму на лѣсныхъ промыслахъ у тѣхъ лѣсопромышленниковъ, къ которымъ направятъ ихъ кредиторы, служащіе поставщиками рабочей силы. Такъ какъ большая часть лѣсовъ въ сѣверной половѣ Россіи принадлежитъ казнѣ, сдающей ихъ подъ выработку крупнымъ лѣсопромышленникамъ, то вводя условія отвода участковъ, допускающія снятіе ихъ артелями или обществами крестьянъ, лѣсное вѣдомство могло-бы сдѣлать многое въ смыслѣ обращенія несамостоятельныхъ лѣсныхъ крестьянскихъ промысловъ въ самостоятельные. Доказательствомъ сказаннаго можетъ служить опытъ допущенной въ 1882 г. продажи лѣса въ казанскомъ лѣсничествѣ съ разсрочкою платежа, причѣмъ гарантіей уплаты отсроченной суммы служить выработанный лѣсной матеріалъ: въ первый-же годъ дѣйствія новыхъ правилъ заготовокъ лѣса по ручательствамъ и мірскимъ приговорамъ сдѣлано на сумму 221,5 тыс. рублей.

V.

Намъ извѣстно, что крестьяне, занимающіеся выработкой лѣса по найму отъ крупныхъ промышленниковъ, обыкновенно берутъ на себя обязательство не только заготовить лѣсной матеріалъ, но и сплавить его на мѣсто назначенія. Иногда же послѣдняя операція отдѣляется отъ другихъ и исполняется особыми лицами. Кромѣ того перевозкѣ по водѣ подвергаются и многіе другіе товары, кромѣ лѣсныхъ матеріаловъ. Такимъ образомъ, работа по сплаву образуетъ особый видъ труда, исполняемый специально для этого дѣла нанимающимся рабочимъ персоналомъ. Эти лица, подъ именемъ бурлаковъ, коренныхъ рабочихъ, осначей и т. п. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., Черниговской губ.) нанимаются единолично, прикащиками, отправляющимися для этого въ концѣ зимы по деревнямъ и пользующимися затруднительнымъ финансовымъ положеніемъ населенія, имѣвшего въ теченіе зимы недостаточные заработки. При этомъ наниматели иногда требуютъ включенія въ договоръ найма пунктовъ о круговой другъ за друга отвѣтственности нанятыхъ лицъ въ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ. Въ Архангельской губ. въ большинствѣ случаевъ сплавщики, во время нужды въ деньгахъ, нанимаются десятниками, соединяются ими въ группы до 100 человекъ, связанныхъ круговой порукой, и продаются нуждающимся въ рабочей силѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ артели бурлаковъ составляются заранее, и уже послѣ этого они нанимаются

на работу. Сказанное относится, напр., къ Тверскому уѣзду, высылающему коренныхъ рабочихъ артелями въ 10—20 человекъ; къ Вышневолоцкому (артели изъ 10 чел.); Ржевскому (813 сплавщиковъ); къ Бѣжецкому уѣзду, изъ Яковлевской волости котораго крестьяне отправляются въ Петербургъ, соединяются тамъ въ артели и нанимаются къ лопману, управляющему судномъ, для перевозки кирпича или камня по р. Невѣ; къ Юхновскому уѣзду Смоленской губ., высылающему 560 сплавщиковъ; къ Кемской волости Никольскаго уѣзда, Вологодской губ., гдѣ собираются артели сплавщиковъ, состоящія человекъ изъ 8 чел. (между ними есть и женщины); къ Мамадышскому уѣзду Казанской губ., Орловскому уѣзду Вятской губ. и т. д. Болѣе или менѣе обстоятельное описаніе организаціи артелей бурлаковъ имѣется относительно послѣдней изъ названныхъ мѣстностей.

По свѣдѣніямъ отъ половины 80-хъ гг., работой на баржахъ, баркахъ, пароходахъ, лѣсныхъ плоткахъ и т. п. изъ крестьянъ Орловскаго уѣзда занято было слишкомъ 4,3 тыс. человекъ, изъ того числа $\frac{2}{5}$ нанимались матросами на баржи и пароходы, а $\frac{2}{5}$ —на барки и плоты (около 100 человекъ—самыхъ бѣдныхъ—брались за тягу судовъ, поступали въ «лямошники»). На барки бурлаки нанимаются артелями, численностью въ 7—20 человекъ ¹⁾; строящіяся въ послѣднее время суда требуютъ меньшаго числа рабочихъ, нежели прежнія. Артель составляется изъ хорошо знающихъ другъ друга односельцевъ, заключающихъ условіе съ нанимателемъ черезъ своего «выборнаго». Артель беретъ на себя отвѣтственность не только за исправность каждаго изъ своихъ членовъ, но и за цѣлость сопровождаемаго товара. Нанятые отправляются на пристань всей артелью; часть пути идутъ, а часть ѣдутъ. На суднѣ рабочіе подчиняются нанятымъ отъ хозяина лицамъ (сплавщику и водоливу). Для варки пипци (изъ хозяйскихъ припасовъ) артель нанимаетъ кашевара, обыкновенно подростка отъ 13 до 16 л. «За обѣдъ бурлаки садятся большею частью всей артелью («артель все одна семья», говорятъ они). Въ продолженіе обѣда порядокъ, тишина, мѣрное опусканіе ложекъ въ чашку, одновременное прилебываніе щей и прикусываніе хлѣба—поразительны. Нарушающій этотъ порядокъ немедленно наказывается сосѣдомъ ударомъ ложки въ лобъ» ²⁾.

¹⁾ По изслѣдованію г. Козаченко, относящемуся къ началу 80-хъ годовъ, крестьяне Орловскаго уѣзда нанимались для сплава товаровъ артелями отъ 30 до 100 человекъ, имѣя въ своей средѣ лопмановъ и водоливовъ. См. Труды вом. для изслѣд. вуст. пром. въ Россіи, в. XII, с. 551—2.

²⁾ Сб. ст. свѣд. по Тверск. г., т. VIII, с. 188; т. VI, с. 173; т. III, с. 114—115. Ржевскій уѣздъ, с. 133. Сб. стат. св. по Смоленской г., т. IV, с. 56.

Одинъ изъ видовъ бурлачества составляетъ такъ называемый путанный промыселъ—тяга судовъ человѣческой или лошадиной силой. До введенія паровой тяги, этому промыслу отдавалось до 600 тыс. человѣкъ; послѣ же введенія ея онъ сильно упалъ и теперь встрѣчается только на каналахъ и второстепенныхъ рѣкахъ или на участкахъ рѣки, отличающихся очень быстрымъ теченіемъ.

Такъ, движеніе судовъ вверхъ на протяженіи 7 верстъ по р. Наровѣ близъ с. Омутъ, Гдовскаго уѣзда, Петербургской губ., по причинѣ быстроты теченія, можетъ совершаться только лошадьми; и вотъ почти всѣ лошадные домохозяева названнаго поселенія занимаются тягою судовъ. Кромѣ лошадей, для тяги требуются лодки и канаты («тростъ»), стоимостью отъ 50 до 70 р. каждый, при чемъ канатъ служить всего одно лѣто. Лодки и канаты имѣются только у нѣкоторыхъ, зажиточныхъ домохозяевъ, и этимъ обстоятельствомъ предопредѣляется характеръ организаціи и распределеніе доходовъ отъ промысла. Хозяинъ, имѣющій названные предметы, набираетъ артель, съ которою онъ будетъ работать, и при появленіи судна условливается съ его владѣльцемъ относительно платы за проводъ; за проводъ судна тридцатью лошадьми взимается 30—35 р., двѣнадцатью—10 р. Четвертая часть этой платы поступаетъ въ пользу хозяина артели, остальная распределяется между владѣльцами лошадей, причемъ на cadaго приходится по 1 руб. за рабочій день. Крестьяне с. Чудь и сосѣднихъ съ нимъ деревень Муромскаго уѣзда, Владимірской губ.,—бобыли и не имѣющіе лошадей,—занимаются тягою на себѣ судовъ изъ Нижняго Новгорода вверхъ по р. Окѣ. Для этого они соединяются въ артели. Полная артель «лямошниковъ» состоитъ изъ 95 человѣкъ; на cadaго полагается 300 пуд. груза. За провозъ судна до Мурома платится 5 р. съ человѣка ¹⁾).

Всего больше движеніе судовъ человѣческой и конной тягой распространено по Марининской системѣ. По свѣдѣніямъ, относящимся къ участку пути между Константиновскими порогами и Николаевскимъ шлюзомъ, въ районѣ Олонецкой губерніи, для тяги людьми составляются артели отъ 6 до 14 человѣкъ, смотря по размѣрамъ судна. Выборный такой артели предъявляетъ хозяину судна или его приказчику свой паспортъ, который оставляется

«Сѣверный Вѣст.», 1888 г., № 11, отд. II, с. 146. Матеріалы для оцѣнки земел. угод. въ Казанской г., в. VI, с. 62. Мат. для статистики Вятск. губ., в. III, с. 34—42. Сб. мат. объ артеляхъ въ Россіи, в. 2, с. 112—116.

¹⁾ Мат. по стат. народн. хов. въ Петерб. г., в. IV с. 200. Владимірскія Губернск. Вѣдом. 1889 г., № 2.

у хозяина, а взаи́мъ его выдается расчетный листъ со внесеніемъ въ него имени и фамиліи представителя артели, числа нанятыхъ тяглицевъ и суммы выданнаго задатка (обыкновенно въ размѣрѣ 50 к. на каждаго путиннаго). Такъ какъ, по § 89 временныхъ правилъ для плаванія по внутреннимъ водамъ, на одного тяглица, впрягающагося въ лямку, полагается опредѣленный вѣсъ груза, то судовозинъ, нанимая артель, заботится лишь о томъ, чтобы число ея членовъ соотвѣтствовало вѣсу груза его судна. Что-же касается возраста лямочниковъ,—сами рабочіе заинтересованы въ томъ, чтобы артель составлялась изъ полныхъ работниковъ. Впрочемъ, нерѣдко туда поступаютъ подростки и старики, и таковыя, при раздѣлѣ заработка, получаютъ меньше другихъ членовъ артели (какъ общее правило, заработанная сумма дѣлится между всѣми членами поровну). Окончательный расчетъ хозяина съ артелью производится по доставкѣ судна на мѣсто назначенія. Плата одному человѣку за тягу между г. Бѣлозерскомъ и Вытегрою на протяженіи 170 верстъ, смотря по мѣсяцу, составляла: въ 1887 г. отъ 3 до 9 р., въ 1888 г. отъ 3 до 5 р., въ 1889 г. 2, 5—4, 5 р. За протяженіе въ 90 вер. отъ Константиновскихъ пороговъ до Вытегры платили въ 1887 г. 2, 5—9 р., въ 1888 г. 3—5 р., въ 1889 г. 2—3, 5 р., въ 1890 г. 1,75—6 р.; за протяженіе отъ Николаевскаго шлюза до Вытегры: въ 1887 г. 1,5—6 р., въ 1888 г. 1,5—5, 5 р., въ 1889 г. 1,7—4, 5 р., въ 1890 г. 0,5—5 р. Пониженіе платы объясняется вліяніемъ неурожаевъ 1888—1889 гг. Средній валовой заработокъ одного тяглица въ теченіе 1888—1891 г.г. былъ 20—35 р. въ сезонъ.

Въ путинномъ промыслѣ мѣстные жители принимаютъ участіе только въ свободное отъ земледѣлія время, когда къ тому же повышается и плата за тягу. Большая же часть тяглицевъ принадлежитъ къ пришлому, и обыкновенно бѣдному люду. По точнымъ записямъ врача при Рубежской больницѣ для судорабочихъ (въ Вытегорскомъ у.), А. Шепилевскаго, обнимающимъ 2.650 человѣкъ, наибольшее количество путинныхъ рабочихъ на Марійнскую систему даютъ Новгородская губ. (40%), Олонецкая (25%) и Вологодская (22%). По сословіямъ работающихъ крестьянамъ принадлежитъ 90%, мѣщанамъ 7%, духовному званію 2%, дворянамъ 1%. Большая часть рабочихъ находится въ возрастѣ отъ 20 до 40 л.; на возрастъ отъ 14 до 20 л. выпадаетъ 20%, отъ 50 до 60 л.—10%; старше 60 л. было 3, 2% лямочниковъ. Изъ среды крестьянъ было 26% безлошадныхъ домохозяевъ; контингентъ лошадныхъ бурлаковъ набирается изъ свободныхъ членовъ земледѣльческихъ семей, и домохозяевъ.

отправляющихся на промыселъ въ промежуткахъ между сельско-хозяйственными работами. Грамотныхъ среди путинныхъ рабочихъ насчитывается до 30%, въ томъ числѣ на долю разночинцевъ приходится 10%.

Для проведенія судна конной тягой требуется 4 (рѣдко 3) лошади, и такъ какъ немногіе крестьяне владѣютъ такимъ числомъ лошадей, то обыкновенно для работы соединяются 2—3 домохозяина (Вытегорскій у.), изъ коихъ одинъ, наиболѣе свободный, отправляется съ лошадьми на работу за условленную съ товарищами плату. Въ виду безпорядковъ, происходившихъ при наймѣ на конную тягу и крайняго колебанія цѣнъ, въ зависимости отъ прилива и отлива тягловъ ¹⁾, въ срединѣ навигаціи 1889 г., по взаимному согласію тягловъ и судовладельцевъ, — при участіи и руководствѣ начальника 1-го участка Десятинскаго отдѣленія Маріинскаго пути, Е. О. Шульцъ и уѣзднаго исправника — выработаны правила очередной тяги судовъ между Вытегрою и Вознесенскомъ и опредѣлена одинаковая для всѣхъ плата на одну лошадь. Всѣ наличные коневоды, по жребію, опредѣлили свои очереди тяги; вновь прибывавшіе тѣмъ-же способомъ заносились въ очередь. Требуемая для тяги судна лошади назначались по списку выборнымъ старостой, къ которому обращались судовладельцы. Весной 1890 г. крестьяне-тягловы обратились къ судоводному начальству съ просьбой организовать порядокъ тяги, подобный прошлогоднему. Ихъ просьба была исполнена, при чемъ для записи очередей и наблюденія за порядкомъ, по просьбѣ тягловъ и коневодовъ, начальникомъ 1 участка устроена контора и назначены староста и другіе служащіе. Въ теченіе навигаціи этого года въ тягѣ участвовало 1.570 конно-хозяевъ съ 3.017 лошадьми; всего поставлено 11.949 лошадей; выручено 50.132 р. или 16 р. 62 к. на лошадь ²⁾.

Такой-же порядокъ тяги еще раньше былъ установленъ на приладожскихъ каналахъ: Императора Петра I и Императора Александра II. До 1881 г. путинный промыселъ не имѣлъ здѣсь опредѣленной организаціи. Временами конновладельцы скоплялись на пристаняхъ въ необыкновенно большомъ количествѣ, тратились здѣсь на прожитіе въ ожиданіи прибытія судовъ и должны мѣстнымъ кулакамъ-лавоочникамъ. Въ другое-же время судовладельцы не находили нужнаго имъ числа путинныхъ или отказывались подрячать послѣднихъ, ожидая прибытія большаго ихъ числа и пониженія цѣнъ на тягу. Въ

¹⁾ Такъ, напр., за участокъ отъ Константиновскихъ пороговъ до Никольскаго шлюза плата на одну лошадь колебалась въ предѣлахъ: въ 1887 г. 6—22 р., въ 1888 г. 4—16 р., въ 1889 г. 3—14 р., въ 1890 г. 2—12 р.

²⁾ Олонецкія Губерн. Вѣдом. 1891 г., № 4—6, 89—91.

силу такихъ обстоятельствъ плата за тягу колебалась въ очень большихъ размѣрахъ, къ ущербу и судохозяевъ, и коновладѣльцевъ, а пристани временами переполнялись судами. Въ выигрышѣ оставались только лавочки, ссужавшіе тягловцовъ во время безработицы припасами въ кредитъ, и къ которымъ судохозяева обращались какъ къ посредникамъ по найму рабочихъ. Такое положеніе дѣлъ, въ связи съ эпизоотіями, ежегодно свирѣпствовавшими на каналахъ, побудило Министерство Путей Сообщенія сдѣлать попытку замѣны конной тяги судовъ на каналахъ паровою. Новый порядокъ дѣйствовалъ три года (съ 1881 по 1884 г.), послѣ чего министерство нашло нужнымъ восстановить прежнюю систему провода судовъ лошадьми. Паровая тяга оказалась непримѣнимой къ каналу—какъ по ея дороговизнѣ (стоимость конной тяги не превышаетъ $\frac{1}{600}$ съ пудо-версты), такъ и потому, что каналы стали мелѣть отъ размыва ихъ дна и береговъ глубоко сидящими пароходами.

При введеніи вновь старой системы тяги судовъ конной силой, въ виду стремленія тягловцовъ избавиться отъ участія посредниковъ, учреждена очередь коновладѣльцевъ (опредѣляющаяся по жребію), и составленные списки ихъ хранятся у избраннаго всѣми бичевниками старосты, назначающаго по нимъ лошадей при представленіи требованій со стороны судовладѣльцевъ. Благодаря этой системѣ, коновладѣльцы избавлены отъ необходимости проживаться на пристаняхъ, въ ожиданіи работы; имъ остается только заботиться о томъ, чтобы прибыть на мѣсто къ своей очереди. Вмѣстѣ съ тѣмъ ускорилось движеніе судовъ и въ общемъ понизились расходы на тягу, а также уменьшились эпизоотіи, по той причинѣ, что устранено излишнее скопленіе лошадей и облегченъ правительственный надзоръ за ихъ работой и содержаніемъ. Новый порядокъ вызвалъ, однако, недовольство среди кулаковъ и крупныхъ конно-промышленниковъ, неоднократно входившихъ въ Министерство Путей Сообщенія съ неосновательными жалобами и представленіями о возвращеніи къ прежней, неорганизованной системѣ тяги. Въ виду этого, и чтобы укрѣпить новые порядки санкціей закона, М. П. С. намѣрено внести этотъ вопросъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта ¹⁾.

Здѣсь кстати будетъ сообщить объ артеляхъ лодочниковъ въ Петербургѣ и Севастополѣ. Перевозъ людей и товаровъ на сѣверный берегъ р. Невы, гдѣ сосредоточены фабрики, издавна

¹⁾ Новости, 1892 г., 14 января, изъ засѣданія комиссіи при д-тѣ шоссе-ныхъ и водныхъ сообщеній М. П. С. въ 1892 г., по вопросу о конной тягѣ, на приладожскихъ каналахъ.

находится въ рукахъ крестьянъ деревень Темкина, Курдюкова, Петровска и др. Сосницкой волости, Юхновскаго уѣзда. Аренду перевоза берутъ на себя богатые крестьяне названныхъ поселеній и приглашаютъ для работы своихъ земляковъ. Въ 1894 г. этимъ дѣломъ занято было 200 человекъ, изъ коихъ немногіе зажиточные крестьяне дѣйствуютъ въ одиночку, а остальные образуютъ 12 артелей. Заработокъ каждаго достигаетъ 150—300 р. въ навигацію ¹⁾).

Такъ называемая сѣверная сторона Севастополя послѣ крымской компаніи была заселена бывшими защитниками этого города: отставными солдатами, матросами и выпущенными на волю арестантами; къ нимъ присоединились различные пришлецы и такимъ путемъ образовались предмѣстья города, жители которыхъ зимой занималось рыбнымъ промысломъ, а лѣтомъ—перевозкой пассажировъ и кладей съ одного берега бухты на другой. Въ этомъ послѣднемъ промыслѣ (общеніе между лодочниками ограничивались тѣмъ, что, останавливаясь у пристаней—городской, сѣверной и корабельной—они соблюдали очередь при перевозкѣ пассажировъ, при чемъ, въ цѣляхъ полученія возможно большаго заработка, очередной лодочникъ старался набрать побольше пассажировъ, что вело къ замедленію перевозки, и когда одинъ изъ предпринимателей учредилъ въ бухтѣ пароходное сообщеніе, лодочники стали больше и больше терять работу. Такое положеніе дѣлъ привело ихъ къ мысли устроить перевозку пассажировъ такимъ образомъ, чтобы избѣжать промедленія, и хотя-бы въ этомъ отношеніи получить преимущество надъ пароходомъ, который вѣдь не могъ отъѣзжать отъ берега съ однимъ—двумя пассажирами. Но чтобы, при достиженіи этой цѣли, предупредить случайную неравномѣрность заработка отдѣльных лодочниковъ, послѣдніе организовали одну артель, имѣвшую, между прочимъ, ту выгоду, что количество лодокъ могло быть принаровнено къ спросу на перевозъ (артель постановила имѣть на двухъ человекъ одну лодку), вслѣдствіе чего сократился и взносъ въ городскую думу за право извоза.

Артель лодочниковъ избираетъ старосту, не касающагося де нежныхъ счетовъ, а лишь надзирающаго за соблюденіемъ установленныхъ порядковъ, ведущаго дѣла артели въ ея сношеніяхъ съ городской думой и сторонними лицами. Что-же касается храненія денежныхъ заработковъ артели, послѣдняя не имѣетъ особо назначенныхъ для этого лицъ, а соотвѣтствующая обязанность несетя всѣми членами по очереди: каждый день оче

¹⁾ Сельск. Вѣсти., № 32.

редной артельщикъ получаетъ со всѣхъ лодочниковъ ихъ заработки, которые тотъ часъ же записываются неотлучно приемъ находящимся писаремъ въ особо заведенную книгу. Это лицо наблюдаетъ и за очередью при перевозкѣ. Въ концѣ рабочаго дня, по проверкѣ записей съ словесными показаніями лодочниковъ, выручка дѣлится между всѣми участвовавшими въ дневной работѣ поровну. Изъ наказаній провинившимся членамъ артели, встрѣчающихся впрочемъ рѣдко и налагаемыхъ въ большинствѣ случаевъ за утайку выручки, практикуется почти исключительно запрещеніе участвовать въ промыслѣ (и слѣдовательно въ полученіи дохода) въ теченіе 1 — 3 дней. Въ 1876 г. всѣхъ членовъ артели было 40 ¹⁾.

В. В.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Ф. Щербина, Очерки южно-русской артели и общинно-артельныхъ формъ, с. 316—22.

БЕЗЪ ОСОБЕННЫХЪ ПРАВЪ.

(ПОВѢСТЬ).

I.

Онъ проснулся съ тяжелой головой. Во всемъ тѣлѣ получалось такое ощущеніе, какъ будто это тѣло долго, много и сильно били. Сначала онъ не узналъ ни комнаты, ни мѣста, гдѣ находился, и брезгливо удивлялся ободраннѣмъ, захватаннымъ обоямъ, тусклому окну, давно не бѣленному потолку и тѣмъ страннымъ іероглифамъ на стѣнѣ у самой кровати, какіе остались вещественнымъ доказательствомъ счастливыхъ побѣдъ надъ трактирными клопами его предшественниковъ.

— Гдѣ я?—невольно думалъ онъ, стараясь что-то припомнить.

Въ этотъ моментъ гдѣ-то въ углу что-то такое зашипѣло, потомъ захрипѣло и, наконецъ, старинные часы прокуковали десять часовъ.

— Ага...—вслухъ проговорилъ онъ и даже улыбнулся.— Да, для начала не дурно!..

Онъ почему-то съ перваго раза возненавидѣлъ эту провлятую кукушку, какъ предвѣстницу всякихъ золъ и несчастій. Кажется, она отнесена въ народномъ представленіи къ числу вѣщихъ птицъ. Впрочемъ, чортъ бы ее побралъ... Вообще, скверная птица.

— А, чортъ, не все-ли равно!..

Онъ даже закрылъ глаза, точно стараясь представить во всей полнотѣ свое настоящее. Человѣкъ, который свалился откуда нибудь съ высоты, вѣроятно, испытываетъ тоже самое, когда начинаетъ приходить въ себя. Да, у него было даже

физическое ощущеніе этого паденія: болѣло все тѣло... И какъ не болѣть этому грѣшному тѣлу, когда его тащили по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ и, наконецъ, по сквернѣйшему сибирскому тракту. Ему припомнилась вчерашняя ночь. О, она была безконечна... Гдѣ-то перепрягали лошадей, гдѣ-то на грязномъ постояломъ онъ пилъ чай изъ грязной глиняной чашки, а потомъ точно утонулъ въ сырой осенней ночи. Кругомъ было темно, какъ въ трубѣ. Онъ зналъ, что это—послѣдняя станція, что далекая цѣль близка,—и оставался совершенно равнодушень. Развѣ у него могутъ теперь быть какія-нибудь „цѣли“? Смѣшное и глупое слово и больше ничего. Онъ даже сдѣлался равнодушнымъ къ толчкамъ проклятой дороги—э, все равно!.. Потомъ онъ дремалъ, и ему казалось, что время отъ времени кто-то колотить его по головѣ,—это онъ стучался головой о деревянную накладку почтовой телѣги. Потомъ гдѣ-то замелькали желтые огоньки, потомъ гдѣ-то лаяли собаки, потомъ ямщикъ возилъ его по какому-то улицамъ, тщетно разыскавалъ „фатеру“, пока, наконецъ, не наткнулся совершенно случайно на вновь открытые „проѣзжающіе номера“. Опять грязь и вонь, грязный лакей, грязный номеръ, грязный воздухъ... Онъ даже не посмотрѣлъ, который часъ.

— Что прикажете, господинъ?—спрашивалъ грязный лакей какимъ-то грязнымъ голосомъ.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на это живое олицетвореніе всяческой грязи и отвѣтилъ равнодушнымъ тономъ:

— Мнѣ ничего не нужно... Понимаешь: ничего!

— Какъ вамъ будетъ угодно-съ.

— Мнѣ ничего не угодно!

— Какъ знаете-съ...

— Я ничего не знаю и ничего не желаю знать!..

— „Вотъ такъ мудреный баринъ“,—подумалъ лакей.— „Должно полагать, съ дороги его вышибло изъ разума“...

Лежа въ постели, онъ нѣсколько разъ закрывалъ глаза, точно старался отогнать какое-то назойливое видѣніе. Потомъ онъ проговорилъ вслухъ:

— Если бы эта несчастная Александра Ивановна не болтала всего... о, какъ все это глупо, отчаянно глупо, мертво глупо!..

Онъ заломилъ въ отчаяніи руки и даже заскрипѣлъ зу-

бами въ безсильной ярости. Проклятый языкъ Александры Ивановны довелъ его до ссылки въ Сибирь. О, проклятый женскій языкъ... А онъ-то хорошъ: довѣрился женщинѣ. Правда, что онъ проболтался ей въ такую минуту... Вѣдь она его такъ любила, такъ безумно цѣловала, и кто бы могъ подумать, что его погубить именно вотъ эта любящая женщина. Воображеніе, противъ воли, рисовало одну картину соблазнительнѣе другой. Она долго его мучила, прежде чѣмъ позволила себя любить. И какъ артистически мучила, какъ умѣютъ мучить только очень умныя женщины, инстинктивно выкупающія этой дорогою цѣной собственное рабство. А, какъ она хорошо умѣла любить... Стихнеть вся, глаза примутъ испуганное выраженіе... И потомъ это зловѣщее молчаніе, разрѣшавшееся такими бурными ласками и неистовымъ восторгомъ. Какъ она умѣла любить, эта странная красавица. Онъ еще чувствовалъ ея крѣпкое, холодное тѣло, вздрагивавшее отъ каждаго поцѣлуя, точно отъ электрической искры. Какъ покорно она умѣла потомъ смотреть въ глаза, точно вѣчно была винована въ чемъ-то. И онъ ласкалъ ее, свою погибель, вздрагивалъ, когда слышалъ эти легкіе рѣшительные шаги, и забывалъ все, когда бѣломраморныя руки обвивали его шею и это чистое, свѣтлое, ясное лицо припадало къ его лицу. Да, онъ пилъ изъ этого источника и чѣмъ больше пилъ, тѣмъ сильнѣе хотѣлось еще пить.

Прочь вы, недостойныя воспоминанія!.. Проклятіе всѣмъ женщинамъ...

Но не было силъ отогнать роковыя воспоминанія. Вотъ залъ окружнаго суда... Вотъ приставъ вводитъ свидѣтельницу. Неужели это она, Александра Ивановна? Кабая она жалкая и всетаки красивая. Ему бросилось въ глаза прежде всего то, что въ ея простомъ и разсчитанно скромномъ костюмѣ замѣтна обдуманность. Да, она думала именно объ этомъ костюмѣ, когда шла въ судъ. Презрѣнная, жалкая, ничтожная женщина, у которой самая душа точно сшита изъ разноцвѣтныхъ тряпокъ. Вотъ она остановилась, сдѣлала разсчитанную паузу... Боже мой, кабая это была пытка!.. Каждое ея слово топило его все глубже и глубже... Она его медленно убивала. Адвокатъ нѣсколько разъ порывался остановить ее, сбить нить разсказа, но она уже ничего не сознавала, охваченная жаждой публичной исповѣди. Какой позоръ, какая пытка... О, если бы эта женщина умѣла молчать, если бы этотъ престест-

ный ротъ, съ такой жадностью цѣловавшій его еще такъ недавно, никогда не раскрывался! И онъ еще никогда такъ не любилъ ее, какъ въ этотъ моментъ. Ему хотѣлось крикнуть: „я ее люблю, вотъ эту женщину, которая меня сейчасъ погубила... Понимаете: люблю!“ И присяжные, и судьи, и адвокаты — всѣ понимали, что она губить его, и всѣ невольно любовались этой ядовитой красотою.

Ахъ, если бы она умѣла молчать!?. Несчастливая потому такъ горько раскаявалась и въ отчаяніи рвала на себѣ волосы. Но что могло значить раскаяніе такихъ натуръ? Онъ не пожелалъ ее видѣть предъ отъѣздомъ и возвратилъ цѣлый рядъ писемъ нераспечатанными. Для нея это было самымъ ужаснымъ наказаніемъ, потому что лишало возможности еще разъ краснорѣчиво раскаяться. Онъ боялся только одного, что она бросится за нимъ въ ссылку, но, къ счастью, она этого не сдѣлала, хотя онъ и желалъ бы теперь, чтобы она видѣла своими глазами его настоящее, до это провлятой кукушки вѣлочно. Пусть-бы полюбовалась... О, женщины, женщины, ничтожество вамъ имя! какъ сказалъ еще Шекспиръ, хотя онъ и не былъ лишенъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и не былъ сосланъ въ Сибирь изъ-за женщины.

Да, вообще, очень глупо и еще разъ: глупо.

Онъ поднялся, потому что надоѣло валяться, и съ тоской посмотрѣлъ кругомъ. Ему нечего было дѣлать, некуда идти... Въ окно видѣлась какая-то грязная базарная площадь, на которой вязли крестьянскія телѣги. Вчерашній дождь продолжалъ идти съ настойчивостью разсердившагося порядочнаго человѣка. Онъ стоялъ у окна и удивлялся, для чего существуетъ вотъ эта дурацкая площадь, куда тащатся эти нелѣпныя телѣги. Изъ этого раздумья его вывелъ осторожный стукъ въ дверь. Это былъ вчерашній корридорный.

— Баринъ, я на счетъ документу...

— Подождешь.

— У насъ строго-съ.

— Глупости.

— Нивагъ невозможно.

— Хорошо, запиши на доскѣ: Владиміръ Сергѣичъ Маркловскій, а документъ потомъ.

— Слушаю-съ. А только хозяинъ сказалъ...

— Скажи твоему хозяину, что онъ глупъ.

— Самоварчикъ прикажете-съ?

— Прикажу...

Напившись чаю, мудреный баринъ отправился къ мѣстному полицмейстеру, чтобы предъявить ему свою особу. Онъ даже былъ радъ этому случаю: все таки развлеченіе. Извозчиковъ не было, тротуаровъ тоже, и пришлось идти по грязнымъ улицамъ. Городишко былъ скверный до послѣдней степени. Полицейское управленіе оказалось самымъ грязнымъ мѣстомъ во всемъ городѣ. За то полицмейстеръ оказался почти джентльменомъ. Это былъ очень элегантный господинъ, хотя и съ поношеной фізіономіей. Пробѣжавъ глазами документы Марьловскаго, онъ вскинулъ на него глазами и любезно проговорилъ:

— Да, знаю... Читалъ въ газетахъ вашъ процессъ. Да... Что же и въ Сибири люди живутъ. Привыкнете понемногу...

— Плохое утѣшеніе...

— Кто знаетъ, можетъ быть, даже и понравится... Все случается... Вотъ я-же привыкъ и, право, вездѣ можно жить. Никто васъ беспокоить не будетъ: живите, какъ хотите.

Когда Марьловскій сдѣлалъ движеніе уходить, полицмейстеръ, въ видѣ утѣшенія, прибавилъ:

— Кстати, вы здѣсь встрѣтите нѣкоторое общество... да. Можетъ быть, даже знакомые по Петербургу... Соломинъ, который судился по дѣлу о растратѣ, баронъ Шпрингъ, Голховскій... У насъ образовалась маленькая колонія изъ ссыльныхъ.

II.

Глухой степной городишко Чурбанскъ былъ замѣчательнень тѣмъ, что въ немъ рѣшительно ничего замѣчательнаго не было, и его существованіе рѣшительно составляло загадку. Для чего онъ былъ построенъ, для чего влачилъ свое никому не нужное существованіе? У него не было ни прошедшаго, ни настоящаго, ни будущаго. Въ другихъ городахъ есть хоть женскій монастырь съ явленной иконой, какія-нибудь развалины, ярмарка, какое-нибудь мѣстное производство, въ родѣ выдѣлки пряниковъ, наконецъ просто зажился какой-нибудь древній старичокъ, помнящій, какъ французъ въ Москву приходилъ, а въ Чурбанскѣ ровно ничего.

У этого города не было даже окрестностей, куда купцы могли бы ѣздить пить чай, — даже не было воды. Маленькая степная рѣчонка Чурбанка лѣтомъ совсѣмъ пересыхала, и жители пили колодезную жесткую воду. Всѣхъ обывателей полицмейстеръ Сколовъ насчитывалъ у себя около трехъ тысячъ. Только въ послѣднее время Чурбанскъ нѣсколько оживился, благодаря тому, что его избрали мѣстомъ ссылки. Каждый новый человѣкъ въ Чурбанскѣ являлся рѣдкой находкой. Ссылные появлялись, отбывали свой срокъ и исчезали, какъ своего рода криминальные метеоры.

Сейчасъ въ Чурбанскѣ проживали четверо. Благочестивый старичокъ Соломинъ, не пропускавшій ни одной церковной службы и водившій знакомство съ разнымъ духовнымъ чиномъ, попалъ въ ссылку за растрату банковскихъ денегъ. Онъ служилъ артельщикомъ и похитилъ больше ста тысячъ. Молва гласила, что всѣ деньги цѣлы и только припрятаны про черный день въ надежномъ мѣстѣ. Всѣ слѣдили за Соломинымъ, когда совершится съ нимъ это волшебное превращеніе и онъ оставитъ, наконецъ, свою благочестивую нищету. Вторымъ номеромъ является благородный остзейскій баронъ Шпрингъ, бѣлокурый, стриженный подъ гребенку и налитый кровью, какъ клопъ. Онъ попалъ въ Чурбанскъ за то, что въ порывѣ благороднаго гнѣва застрѣлилъ собственнаго кучера. Баронъ, вообще, былъ помѣшанъ на благородствѣ, а поэтому ни съ кѣмъ не знакомился, ѣлъ свои кровавые бифштексы, занимался шведской гимнастикой и рѣшительно всѣхъ презиралъ. Только разъ онъ измѣнилъ самому себѣ и сообщилъ ссылному инженеру Голховскому подъ величайшимъ секретомъ, что онъ, баронъ Шпрингъ, послѣдній представитель самаго древняго рода меченосцевъ. Этотъ Голховскій, кажется, самъ не зналъ, за что онъ попалъ въ Сибирь, и сильно путался въ показаніяхъ. Онъ то увѣрялъ, что его судили за убійство любовницы, то рассказывалъ трогательный случай, что пострадалъ, не желая выдать друга, въ жену котораго былъ влюбленъ, то сообщалъ, что попалъ подъ какую-то внезапную ревизію и на его долю выпало сдѣлаться козломъ отпущенія. Въ дѣйствительности, онъ сосланъ былъ за двоеженство. Отличительной чертой этого субъекта было то, что онъ всѣмъ завидовалъ — Соломину, у котораго былъ припрятанъ капиталъ, барону Шпрингу, у ко-

того были предки меченосцы, даже акушеркѣ Ююкиной, сосланной за вытравленіе плода, потому что она даже въ ссылкѣ пользовалась нѣкоторыми преимуществами, какъ женщина. Голховскій считалъ себя обиженнымъ судьбой и постоянно перебиралъ всю свою жизнь, какъ, гдѣ и что должно было случиться и не случилось, потому что его преслѣдовалъ таинственный рокъ. Потомъ, Голховскій былъ неисправимый мечтатель и вѣчно носился съ какими-нибудь проектами, начиная съ воздухоплаванія и кончая приготовленіемъ консервовъ изъ моркови для армій всѣхъ странъ и народовъ. Такіе консервы должны были произвести величайшій переворотъ въ военномъ дѣлѣ. Акушерка Ююкина рѣшительно ни о чемъ не мечтала и страдала слабостью писать письма, — каждое, полученное на ея имя письмо, составляло для нея величайшій праздникъ, даже въ томъ случаѣ, если письмо было ругательное.

Появленіе новаго ссыльнаго, конечно, подняло на ноги всю колонію. Первымъ узналъ новость Голховскій, когда зашелъ въ полицейское управленіе, гдѣ сосредоточивались, вообще, всѣ новости.

— Марьловскій? — повторялъ онъ, напрасно стараясь припомнить дѣло, по которому этотъ гусь попалъ въ мѣста не столь отдаленныя.

— Что то такое на счетъ духовнаго завѣщанія и веселей, — объяснялъ полицмейстеръ. — Еще была замѣшана одна дама...

— Та-та-та... Марьловскій... тэ-тэ-тэ!.. Помню, помню... Эта самая дама его и утопила...

Голховскій изъ полиціи отправился прямо къ Соломину, который выписывалъ „Сынъ Отечества“. Тамъ долженъ былъ быть судебный отчетъ. Старикъ Соломинъ жилъ на квартирѣ у Ююкиной, чему Голховскій не могъ не завидовать — какое то бѣшеное счастье сверному старичонкѣ. Ужь, вѣдется, онъ, Голховскій, не ухаживалъ-ли за Ююкиной, когда она только что появилась въ Чурбанскѣ, и она, съ своей стороны, тоже оказывала нѣкоторые знаки вниманія, а вышло такъ, что воспользовался всѣмъ Соломинъ. Единственнымъ утѣшеніемъ для Голховскаго была только мысль, что тутъ дѣло не въ какиихъ-нибудь его личныхъ дефектахъ, а просто въ прирожденной всякой женщинѣ прародительской хитрости —

говоря проще, она рассчитывала забрать въ руки благочестиваго старца, другими словами, припрятанныя имъ денежки. Дѣло, конечно, ясно, какъ день...

И такъ, благочестивый старецъ сидѣлъ и медленно, съ чувствомъ пилъ свой утренній чай, къ которому отъ хозяйки полагались и домашніе крендельки, и сибирскія шаньги, и еще какаѣ-то лакомая стряпня. Соломинъ имѣлъ привычку именно въ это время прочитывать газету и не любилъ, чтобы ему мѣшали, а поэтому встрѣтилъ гостя довольно сухо.

— Мнѣ бы газетку просмотрѣть... — заискивающе проговорилъ Голховскій, здороваясь. — Я вамъ не помѣшаю...

— Для чего тебѣ газетку? — довольно грубо спросилъ Соломинъ, поправляя очки на носу. — Что такое загорѣлось?

— Да такъ... Видите-ли, было дѣло Марьловскаго, которое разбиралось въ петербургскомъ окружномъ судѣ съ годъ назадъ.

— Марьловскаго? Псы марьловскіе бываютъ, а дѣла такого что-то не помню.

— Нѣтъ, было.

— Ну, это спрости у Аграфены Степановны.

Зная аккуратный характеръ своего жильца, Ююкина тщательно берегла каждую бумажку, а „Сынъ Отечества“ былъ подобранъ по годамъ номеръ къ номеру и хранился на чердакѣ. Кстати, Аграфена Степановна подслушала разговоръ гостя и сама заинтересовалась.

— Да вамъ для чего это дѣло? — допытывалась она, появляясь въ утренней кофтѣ и съ завернутыми узломъ волосами.

— Да онъ пріѣхалъ вчера сюда самъ, этотъ Марьловскій... Интересно познакомиться, что за гусь такой.

Этого было достаточно, чтобы Ююкина съ легкостью молодой козочки полетѣла на чердакъ и вернулась оттуда съ пачкой газетъ. Соломинъ тоже встрепенулся.

— Пойдите, я вамъ прочитаю, — предлагалъ Голховскій, сгорая отъ нетерпѣнія.

— Ну, читай...

Всѣ усѣлись у чайнаго стола. Голховскій подобралъ номера, поправился на стулѣ, откашлялся и началъ чтеніе:

— Гмъ... 1888 года, 15 ноября... да... въ составѣ суда... прокуроръ... защитникъ Замарай-Чистинскій... такъ... А вотъ:

въ февралѣ 86 года умеръ потомственный почетный гражданинъ Кольчугинъ... послѣ котораго осталось громадное состояніе... съ женой онъ разошелся уже лѣтъ двадцать... Ого!..

Слушатели затаили дыханіе, стараясь не проронить ни одного слова. Дѣло въ сущности было самое обыкновенное съ поддѣлкой духовнаго завѣщанія на имя содержанки Кольчугина, Александры Ивановны Передериной.

— И фамилія такая... — замѣтила глубокомысленно Ююкина, относившаяся къ женщинамъ съ жестокостью великаго инквизитора.— Навѣрно, мерзавка...

— Ну, и франтъ-то хорошъ,— спорилъ Соломинъ.— Это ужъ послѣднее дѣло: женскія деньги... Такихъ-то франтовъ не ссылатъ надо, а прямо топить въ рѣкѣ. Она хоша, эта самая Александра Ивановна, изъ забвенныхъ мѣщаночекъ, а все таки вотъ какъ его отзолотила.

— И вышла дура!— спорила Ююкина. — Только чело-вѣка напрасно загубила... Онъ то еще молодъ, ну, и сдѣлалъ глупость.

— А векселя поддѣльные тоже глупость?.. Нѣтъ, такихъ франтовъ надо, вотъ какъ надо учить.

Въ качествѣ благочестиваго чело-вѣка, Соломинъ былъ строгъ къ чужимъ недостаткамъ и провинностямъ, особенно, когда въ дѣлѣ замѣшивался какой-нибудь франтъ.

Да, ничего, хорошъ гусь...— резюмировалъ свое впечатлѣніе Голховскій, что-то соображая про себя.

Когда Голховскій ушелъ, Соломинъ презрительно замѣтилъ:

— Ужъ молчалъ-бы лучше... Самъ-то еще похуже будетъ.

Ююкина быстро одѣлась, привела себя въ порядокъ и полетѣла къ барону Шпрингу. Онъ удостоивалъ ее нѣботораго вниманія, потому что Аграфена Степановна постигла тайны моднаго массажа и растирала лѣвую баронсею ногу, начинавшую пошаливать.

Баронъ жилъ отшельникомъ въ единственномъ каменномъ домѣ Чурбанска. Вся улица почему-то ненавидѣла гордаго нѣмца, который, по мнѣнію свѣдущихъ людей, всю жизнь только тѣмъ и занимался, что стрѣлялъ кучеровъ. Это былъ уже достаточно пожившій мужчина, одѣвавшійся съ претензіями совсѣмъ юной Германіи — носилъ лакированные бот-

форты съ кисточками, на головѣ кубольную шелковую шапочку и хлысть въ рукахъ. На улицу онъ всегда выходилъ въ сопровожденіи громаднаго датскаго дога. Каждое утро улица оглашалась отчаянными воплями этой несчастной твари, которую баронъ истязалъ съ наслажденіемъ заплечнаго мастера.

Когда, во время массажа, Аграфена Степановна передала во всѣхъ подробностяхъ біографію Марьеловскаго, баронъ, не выпуская коротенькой трубочки изо рта, презрительно процѣдилъ.

— Для чего вы это все рассказываете мнѣ, мадамъ Ююкинъ?

— Во первыхъ, я не мадамъ, а во вторыхъ...

— Во вторыхъ, всѣ русскіе—свиньи, что весьма извѣстно. Я хотѣлъ плевать... да.

Аграфена Степановна серьезно обидилась и мысленно обругала барона индѣйскимъ пѣтухомъ. Конечно, пѣтухъ... Послѣ нѣкоторой паузы произошла довольно бурная сцена, потому что въ Аграфенѣ Степановнѣ жила горячая патріотка. Баронъ покраснѣлъ до корня волосъ, вскочилъ и, сжавъ кулаки, проговорилъ:

— Если бы вы, м-ше Ююкинъ, не былъ дама, я бы сказалъ вамъ: дуракъ...

— А вы—несносный, гадкій, старый пѣтухъ!! Да, да, да... Потомъ отъ васъ постоянно воняетъ бензиномъ, потому что вы сами потихоньку чистите свое платье бензиномъ, а я не выношу этого запаха... Да, да, да!.. Вы и баронъ-то изъ бензина... бензинный...

III.

Новенькій ссыльный просидѣлъ въ своихъ номерахъ цѣлую недѣлю и рѣшительно никуда не показывался. Онъ самъ сравнивалъ себя съ птицей, попавшейся въ западню, или съ волкомъ, котораго посадили въ клетку. Вѣдь и они прячутся отъ всѣхъ... Больше всего онъ боялся встрѣчи съ „своими“, которые уже навѣрно все знаютъ и все таки будутъ выпытывать всю подноготную и тянуть жилы. О, онъ впередъ уже перемучивался и переживалъ новый позоръ, хотя, кажется, уже было бы довольно и того позора, какой былъ пере-

жить... Онъ, какъ волкъ, выходилъ изъ своего логовища и по долгу бродилъ по мертвымъ и сквернымъ улицамъ мертвого городишки, точно созданнаго съ спеціальной цѣлью, чтобы среди этой мертвой тишины громче раздавался голосъ совѣсти.

Въ сущности, Маркловскій сейчасъ переживалъ какой-то критическій моментъ, который для самого его еще не былъ ясенъ. Вынужденное одиночество точно заставило отвалиться что-то такое, что раньше заслоняло собой все, давило и угнетало. Вѣдь онъ такъ давно не былъ одинъ-на одинъ съ самимъ собой, даже въ тюрьмѣ. Сначала ему было какъ-то неловко остаться одному, а потомъ явилось что-то въ родѣ привычки. Каждый вечеръ, ложась въ постель, онъ точно переживалъ всю свою жизнь и не могъ не удивляться нѣкоторымъ пунктамъ. Неужели это былъ онъ, Маркловскій? Да, Маркловскій, который долженъ потерять цѣлыхъ три года въ этой дырѣ, молодой, полный силъ и мечтавшій совсѣмъ не объ этомъ. Да и всѣ другіе, вѣдь, тоже самое—развѣ кто нибудь добивался чести попасть въ Чурбанскъ? А за всѣми стоятъ еще родные, друзья, просто знакомые... Послѣднее было для Маркловскаго самымъ больнымъ пунктомъ, и онъ даже вздрагивалъ, когда на улицѣ встрѣчалъ почтальона. Хорошо еще, что о немъ, кажется, всѣ забыли. О, это цѣлое счастье, настоящее счастье...

А время шло и шло. Маркловскій привыкъ и къ своему грязному номеру, и къ грязному „человѣку“, и даже къ грязному самовару, который подавался ему утромъ и вечеромъ, хотя, съ другой стороны, оставаться „на трактирномъ положеніи“ было своего рода безуміемъ. Необходимо было помаленьку отыскивать квартиру, чтобы устроиться по семейному. Но послѣднее теперь ему казалось такимъ рѣшительнымъ шагомъ, что онъ отвлаживалъ день за днемъ, предоставивъ все времени. И дѣйствительно, случилось такъ, что все устроилось какъ-то само собой. Онъ какъ-то завернулъ въ полицію навести какія-то справки. Полиціймейстеръ былъ любезенъ, какъ всегда, и когда Маркловскій уходилъ, остановилъ его уже въ дверяхъ.

— Г. Маркловскій, вы, вѣроятно, охотникъ?

— Да, немножко...

— Вотъ и отлично... На дняхъ мы отправляемся съ барономъ на тетеревиные выводки. Хотите ѣхать вмѣстѣ? Кстати, у меня и ружье свободное найдется...

— Что же, я съ удовольствіемъ...

Потомъ Марьловскій раскаялся, что такъ скоро принялъ это любезное приглашеніе, но было уже поздно. Онъ все еще не могъ освоиться съ логикой человѣка „не столь отдаленныхъ мѣстъ“ и поступалъ, какъ прежде, когда былъ свободнымъ.

Когда онъ выходилъ изъ полиціи, его на лѣстницѣ догналъ какой-то лысый старичекъ, дѣлавшій таинственные знаки.

— Г. Марьловскій, г. Марьловскій... Извините, что я васъ задерживаю. Всего на одну минуточку... Видите-ли, вы живете въ номерахъ, а у меня есть комнатка свободная. Да... Такъ вотъ вы не пожелаете-ли взглянуть-съ?.. Очень миленькая комнатка-съ...

— Хорошо, я заверну какънибудь...

— Вторая Болотная улица, домъ Ушибова-съ... Тамъ ужъ знаютъ-съ. Будете довольны...

Согласившись во второй разъ, Марьловскій еще разъ раскаялся. Онъ забывалъ свою неволю, которая должна была научить осторожности.

Поѣздка на охоту была устроена черезъ два дня. Здѣсь Марьловскій познакомился съ барономъ Шпрингомъ и почувствовалъ сразу, что баронъ его возненавидѣлъ. Секретъ этой ненависти заключался въ двухъ обстоятельствахъ. Марьловскій былъ въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, а затѣмъ—его костюмъ отличался настоящей свѣжестью. Баронъ не могъ забыть, что долженъ былъ сохранять свои костюмы при помощи бензина.

Охота прошла очень непринужденно, благодаря захваченному полиціймейстеромъ дорожному сибирскому погребцу. Подъ конецъ полицмейстеръ даже расчувствовался и нѣсколько разъ повторялъ:

— Господа, за что же я то сосланъ въ эту проклятую трущобу? Эхъ, если бы только не жена и не дѣти... Вы—холостые люди и не поймете, что это значить.

Надутый баронъ отъ выпитаго шнапса покраснѣлъ еще больше и только разглаживалъ свои рыжіе щетинистые усы.

— Ну, что ты молчишь?—приставалъ къ нему полиціймейстеръ.—Бывалъ я, братецъ, въ вашихъ краяхъ и знаю ваши порядки... У васъ еще въ полной силѣ jus primaе пос-

tis. Да... Признайся, милашка, вѣдь ты любишь этакое не-
тронутое, свѣженькое, пугливенькое? Хе-хе... Знаю твой вкусъ.
Ахъ, есть тутъ одна штучка... да. Если бы у меня не жена
и не дѣти... Однимъ словомъ, служить у меня при полиціи
одна такая канцелярская крыса... Ушибовъ... Онъ еще деньги
даетъ за тройные проценты. Скверный старичишка. Изъ си-
бирскихъ засѣдателей... По третьему пункту уволенъ за взяточ-
ничество. Ну, такъ у него есть дочь... Прямо сказать: пшан-
кухенъ. Только тутъ, братъ, взятки-гладки... Старикъ сто-
рожить ее, какъ коршунъ. Какъ это одна дѣвушка отвѣтила
какому-то французскому маркизу: ходъ въ мою спальню че-
резъ алтарь...

Эта пьяная болтовня заинтересовала Марьловскаго, и онъ
скрылъ, что Ушибовъ приглашалъ его къ себѣ на квартиру.
Подвыпившій баронъ тоже разошелся и разсказалъ нѣсколько
пикантныхъ анекдотовъ изъ своего прошлаго. Но и въ этомъ
весельи было что-то злое и непріятное; такъ, вѣроятно, ве-
селится хищная птица. Марьловскій сдерживался и больше
наблюдалъ новыхъ друзей. Хороши гуси, нечего сказать...

По возвращеніи съ охоты, онъ на другой же день отпра-
вился на Вторую Болотную улицу, гдѣ и разыскалъ деревян-
ный домикъ Ушибова. Это былъ совсѣмъ маленький деревян-
ный домикъ, съ мезониномъ и палисадникомъ, выходившій
на улицу пятью окнами. Въ окна выглядывали какіе-то стран-
ные цвѣты, гдѣ-то трещала неистово канарейка. Марьлов-
скій нарочно выбралъ такое время, когда старикъ долженъ
былъ находиться въ полиціи. Ему отворила дверь средняго
роста блондинка, розовая и цвѣтущая, съ дѣтской наивностью
во взглядѣ. Она, судя по костюму, видимо была предупреж-
дена папашей.

— У васъ есть свободная комната?

— Да, есть... Угловая.

— Папа на службѣ? Какъ толь... Впрочемъ, вы, можете
быть, сами можете показать вашу комнату?

— Отчего-же... Пожалуйте.

Дѣвушка было всего лѣтъ семнадцать, и она такъ мило
дичилась. Марьловскому понравилась и комната, и садикъ во
дворѣ, и кисейныя занавѣски на окнахъ, и дорожки на по-
лу—все такъ мило, просто, а главное—уютно. Да и хозяйка
такая миленькая... Она густо покраснѣла, когда онъ мимо-

ходомъ бросилъ ей какой-то избитый комплиментъ. Красавица не была избалована...

— Я сегодня же переѣду къ вамъ,—заявилъ Маркловскій.—Въ цѣнѣ, надѣюсь, не разоидемса...

— Я не знаю... какъ папа...

— Предоставьте это уже мнѣ... Извините, не знаю, какъ васъ зовутъ?

— Зоей?..

— А папу?

— Игнатій Васильевичъ...

— Такъ и запишемъ: Зоя Игнатьевна...

Дѣвушка улыбнулась и какъ-то недовѣрчиво посмотрѣла на бойкаго квартиранта. Ахъ, какой бойкій... И такой красивый. Одѣтъ отлично. Не смотря на свою застѣнчивость, дѣвушка отлично рассмотрѣла всѣ мелочи костюма новаго квартиранта и по своему оцѣнила ихъ. Да, сейчасъ видно, что изъ столицы пріѣхалъ. Не то, что наши чурбанскіе кавалеры...

Маркловскій самъ удивился, когда вечеромъ очутился въ своей новой квартирѣ. Комната была небольшая, но такая уютная. Ему была приготовлена и кровать, и умывальникъ, и письменный столъ. Положимъ, что папа назначилъ за все почти столичную цѣну, но все это было пустяки. Главное, Маркловскій сразу почувствовалъ себя почти дома, уютно, тепло и добродушно.

Маркловскаго непріятно поразило только одно: какъ онъ переѣхалъ, такъ бѣлокурая хозяйка точно севозъ землю провалилась. За то папаша надѣдалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Его лысая голова поминутно появлялась въ дверяхъ.

— Можетъ быть, вы не любите герани?..

— Нѣтъ, мнѣ рѣшительно все равно...

— А канарейка вамъ не мѣшаетъ?

— Нисколько... Хоть ворону посадите.

Старикъ оказался большимъ хлопотуномъ. Онъ искренне старался угодить жильцу.

— Мы, вѣдь, по провинціальному, ужинаемъ,—объяснялъ онъ, врываясь въ сотый разъ. — Завтраковъ у насъ нѣтъ... обѣдъ ранній... Можетъ быть, вы хотите кушать у себя въ комнатѣ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Мнѣ пріятнѣе было бы вмѣстѣ съ вами, если, конечно, это васъ не стѣснить.

— Совершенно, наоборот...

Къ первому ужину Зоя не показалась. За то старикъ лѣзъ изъ кожи, чтобы угодить. Онъ даже вытащилъ какую-то завѣтную наливку, отъ которой Марьловскій великодушно отказался. Жилецъ и не подозрѣвалъ, что это было испытаніе.

— Что это у васъ тамъ?.. спрашивалъ онъ, заглядывая въ дверь сосѣдней комнаты.—Фортешіано?

— Да... такъ...

Хозяинъ немного нахмурился и посмотрѣлъ на жильца подозрительно. Вообще, какой-то старшій чудакъ, какъ рѣшилъ про себя Марьловскій.

IV.

Зоя не показывалась цѣлыхъ три дня, что уже принимало демонстративный характеръ. За то папаша приставалъ, какъ осенняя муха. Этотъ старшій сибирскій волкъ доходилъ до ребячества. Въ комнатѣ жильца не осталось ни одной бездѣлушки, которая не была бы осмотрѣна самымъ тщательнымъ образомъ.

— А сколько стоитъ штучка? заканчивалъ обыскъ старикъ неизмѣнной фразой, а потомъ считалъ долгомъ изумляться и долго качалъ головой, какъ фарфоровый китаецъ.—Да-съ, дороговьюно... Видно, нѣтъ глазъ у петербургскихъ денежекъ. Позвольте Зоичкѣ показать-съ...

— Пожалуйста... Я даже могу предложить вамъ небольшой подарокъ, т.-е. не вамъ, а Зоѣ Игнатьевнѣ. Вотъ самыя модныя духи... Я себѣ выпишу другіе.

— Ахъ, нѣтъ... Что вы, Владиміръ Сергѣичъ. Вещь дорогая, а Зоичка ничего еще не понимаетъ. Знаете, я ее не балую...

Скрыгавшаяся маленькая хозяйка заинтриговала жильца не въ шутку, потому что все это дѣлалось, вѣроятно, по приказанію родителя. вмѣстѣ съ тѣмъ, она невидимо наполняла собой рѣшительно весь домъ. Марьловскій съ утра слышалъ ея легкіе шаги, дѣловую суету, шелестъ юбокъ, переговоры съ кухаркой. Дѣвушка заботилась о немъ, и присутствіе ея маленькой женской руки чувствовалось на всемъ.

Такъ прошла недѣля, другая, а Марьловскій жилъ точно въ заколдованномъ царствѣ. Старикъ уже надоѣлъ ему, и онъ

старался избѣгать всякихъ встрѣчъ съ этимъ идиотомъ. Дѣлалось скучно, особенно по вечерамъ, когда затихалъ дневной шумъ и Вторая Болотная въ десять часовъ вечера засыпала отъ одного конца до другаго.

Гости въ Ушибовскомъ домикѣ почти не появлялись, за самыми рѣдкими исключеніями, когда завертывали какіе-то таинственные люди, съ которыми старіеъ запирался у себя въ кабинетѣ. Какъ онъ догадывался, это были его кліенты, вѣроятно, приходившіе вляничить какую-нибудь отсрочку по векселю или вносить тройные проценты. Что же, дѣло извѣстное... Только разъ, незадолго до обѣда, Марьловскій услышалъ незнакомый женскій голосъ и даже женскій смѣхъ. Гостья что-то выпрашивала хозяйку, чѣмъ то возмущалась, уговаривала и въ полголоса давала какіе-то таинственные совѣты. Марьловскій нарочно вышелъ въ залу и встрѣтился съ самой Аграфеной Степановной.

— Имѣю честь рекомендоваться: Ююгина...

— Очень пріятно...

— Ну, это меня не касается, пріятно вамъ или непріятно, молодой человѣкъ, а вотъ не хорошо то, что вы избѣгаете всѣхъ и прячетесь, какъ крокъ въ своей норѣ... Да. Я женщина прямая... Ужъ извините, такая уродилась.

— Я?!..

— Да, вы, вы...

Зоя сдѣлала было движеніе скрыться, но гостья ее удержала.

— Нѣтъ, крошка, я васъ не отпущу... Молодой человѣкъ, какъ вы думаете, кто долженъ первымъ начинать знакомство? Вѣдь вамъ, мужчинамъ, все позволено, а дѣвушкѣ неудобно первой знакомиться... Живете подъ одной крышей и не видите другъ друга въ глаза. Да я на мѣстѣ Зои давно глаза бы вамъ выпарала... Я сама дѣвушка и отлично понимаю, что должна чувствовать каждая неиспорченная дѣвица, когда ея пренебрегаютъ. И Голховскій говоритъ тоже самое...

Марьловскому ужасно хотѣлось оборвать эту нахальную особу и сказать ей какую-нибудь дерзость, но онъ взглянулъ на Зою и только пожалъ плечами. Дѣвушка смотрѣла на него такими умоляющими глазами. А гостья не желала ничего замѣчать и даже сдѣлала попытку ворваться въ комнату Марьловскаго.

— Мадамъ, куда вы прѣте?—оборвалъ ее Марьловскій и

сейчасъ-же поспѣшилъ поправиться:—т.-е. хочу извиниться, что моя комната не въ порядкѣ...

— Э, батенька, пашель чѣмъ удивить! ни мало не смутилась Аграфена Степановна. — Я у Голховскаго даже на вровати сплю... да. Для меня мужчины не существуютъ, хотя я и дѣвица. Да... Голховскій говорить...

— Послушайте, мнѣ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до какого-то Голховскаго...

— Что-о?.. Извините, это не „какой-нибудь“, а инженеръ Голховскій. Вотъ сами увидите... Я васъ какъ-нибудь познакомлю.

— А если я не желаю?

— А если мы прїедемъ съ визитомъ?..

— Визиты дѣлають обыкновенно прїѣзжіе...

— А если прїѣзжіе бывають невѣжами? Нѣтъ, ужъ вы лучше, батенька, со мной не разговаривайте... Голховскій сначала тоже пробоваль спорить и даже чортовой куелой называль меня, а теперь ручки у меня же цѣлуетъ. Зоичка, мужчины всѣ одинаковы... Имъ только позволь чуть-чуть...

Къ счастью, гостя не договорила, въ чемъ заключается чуть-чуть.

— Ахъ, заболталась я съ вами, а мнѣ, вѣдь, некогда... Дохнуть некогда. Во первыхъ, заверну въ женѣ почтмейстера, потомъ въ протопопскому зятю, потомъ Голховскій просиль... Кстати, я знаю, ш-г Марьловскій, какъ вы ѣздили съ барономъ на охоту... Голховскій тоже очень любить охоту, но у него нѣтъ своего ружья.

Марьловскій возненавидѣлъ этого инженера Голховскаго, который не сходилъ съ языка Аграфены Степановны. Должно быть, такой-же нахаль... Это предположеніе разсмѣшило Зою до слезъ.

— Онъ такой... объясняла она.—Ну, совсѣмъ простой и даже на инженера совсѣмъ не походить. Бѣгаетъ на посылкахъ у Аграфены Степановны. Она, вѣдь тоже добрая... Только болтаетъ очень много.

— Вообще, очень милая особа, по всѣмъ признавамъ.

— Нѣтъ, не говорите такъ. Вы, вѣдь, ея совсѣмъ не знаете... Аграфена Степановна о всѣхъ хлопочетъ и всѣмъ помогаетъ. Одинъ баронъ чего стѣдить... Она много терпитъ отъ него.

Зоя опять не показывалась нѣсколько дней, предоставивъ жильца въ жертву любопытному папашѣ.

Маркловскій даже пожалѣлъ, что оставилъ свой грязный трактирный номеръ. Вѣдь эта трактирная грязь такъ гармонировала съ его внутреннимъ настроеніемъ... А теперь извольте отражать всякими правдами и неправдами нападенія полицейскаго папаши. Вотъ проклятый старичишка навязался! Отъ любопытныхъ штучекъ и вещицъ, когда этотъ матеріалъ въ достаточной мѣрѣ исчерпался, Ушибовъ сосредоточилъ все вниманіе на ихъ владѣльцѣ и принялся постепенно производить настоящее слѣдствіе. Кто родители — помѣщики? Очень хорошо. Богатые бывали прежде помѣщиками, хотя все и прожили. А гдѣ изволили получить образованіе? Въ лицей? Очень пріятно... Такъ папаша померли? Какъ жаль... Да, нынче молодые люди мало уважаютъ родителей. А, можетъ быть, у васъ есть какая нибудь богатая тетка старушка? Вдругъ умереть и все вамъ оставить... Бываютъ такія добрыя женщины. И т. д., и т. д.

Оставаясь одинъ, Маркловскій считалъ себя счастливымъ, потому что могъ сколько угодно думать о странной дѣвушкѣ, которая положительно ему нравилась. Это была какая-то царевна-недотрога изъ дѣтской сказки... Знакомство, не считая случайныхъ встрѣчъ, положительно не вязалось. Въ качествѣ опытнаго человѣка, Маркловскій пускалъ въ ходъ самыя рѣшительныя средства. Во первыхъ, онъ предлагалъ Зоѣ книги изъ своей походной библіотеки и могъ только пожалѣть, что она не можетъ читать по французски, затѣмъ, онъ прикидывался удрученнымъ, разочарованнымъ, больнымъ—все было напрасно. А вѣдь онъ могъ прекрасно воспитать эту дѣвочку, т. е. дать ей именно тѣ знанія, какія только и дѣлаютъ женщину настоящей женщиной. О, у него былъ въ этомъ отношеніи вполне достаточный опытъ... Только разъ онъ сумѣлъ заинтересовать странную дѣвушку, когда случайно помѣстился за разстроенное фортепіано, очевидно принятое отъ кого-то въ закладъ, и сыгралъ нѣсколько вальсовъ. Онъ сдѣлалъ это машинально и очень удивился, когда, обернувшись, увидѣлъ стоявшую въ дверяхъ Зою.

— Вы любите музыку, Зоя Игнатьевна?

— Да...

— Хотите, я буду васъ учить?

Дѣвушка засмѣялась и убѣжала, а черезъ два дня фор-

тепiано оказалось запертымъ на ключъ. Конечно, послѣднее было дѣломъ предусмотрительнаго полицейскаго папаша.

Прошелъ мѣсяць, прошелъ другой, а дѣла Марьловскаго находились въ томъ же положеніи, за исключеніемъ скуки, которая сдѣлалась ожесточеннѣе. Онъ также гулялъ только по вечерамъ, когда стемнѣетъ, также упорно не желалъ ни съ кѣмъ знакомиться и также не могъ добиться той близости, на которую имѣетъ право всякій квартирантъ. Зоя упорно его избѣгала.

О своемъ прошломъ Марьловскій старался не думать, какъ проснувшійся человѣкъ старается забыть тяжелый сонъ. Нѣтъ прошлаго, какъ нѣтъ и настоящаго. Все дѣло въ томъ, чтобы потерять какънибудь цѣлыхъ три года. Вотъ уже прошло цѣлыхъ четыре мѣсяца, слѣдовательно остается всего два года восемь мѣсяцевъ, т. е. 136 недѣль, или 956 дней, или 22944 часа. Если выкинуть изъ нихъ третью часть на сонъ, то останется все таки 90 недѣль, или 630 дней, или 15120 часовъ бодрствованія. Получалось все таки много времени, которое приходилось убивать. Каждый часъ здѣсь являлся какимъ-то врагомъ. И въ тоже время настоящее не существовало. Марьловскій любилъ по цѣлымъ днямъ лежать на диванѣ и мечтать о будущемъ... Вѣдь у каждаго человѣка есть будущее, по крайней мѣрѣ, смутная мечта о немъ. Отчего бы, напримѣръ, ему не жениться на Зоичкѣ? Онъ уже видѣлъ ее настоящей женщиной, сформировавшейся, спокойной и немного брюзглой, потому что у нея уже есть дѣти, его дѣти... Мальчикъ и дѣвочка, нѣтъ—лучше два мальчика и одна дѣвочка. И всѣ они походятъ на него, Марьловскаго. Потомъ дѣвочка совсѣмъ уже взрослая, а состарившаяся Зоичка ищетъ ей жениховъ. Ушибовъ давно умеръ, оставилъ имъ небольшое состояніе, а Марьловскій совсѣмъ забылъ свое прошлое.

А Александра Ивановна? Эта мысль, какъ брошенный въ воду камень, разбивала всякую иллюзію... Марьловскій видѣлъ это улыбавшееся лицо и слышалъ презрительный голосъ:

— Такъ вы вотъ какой, Владиміръ Сергѣевичъ?.. А что вы мнѣ говорили *тогда*, обманщикъ?..

V.

Прошелъ цѣлый годъ, а Марьловскій продолжалъ отсиживаться въ своей комнатѣ и упорно не желалъ знакомиться

ни съ вѣмъ изъ ссыльныхъ. Примѣръ выходилъ самый возмутительный, какъ заявляла во всеуслышаніе Ююкина. Гдѣ же это видано? А потомъ, каковой примѣръ для другихъ, т. е. для слѣдующихъ, „не столь отдаленныхъ“?.. Навонецъ, въ переводѣ „на языкъ простыхъ кофеевъ“, поведение Марьеловскаго имѣло уже демонстративный характеръ и подъ нимъ скрывалось презрѣніе ко всѣмъ „не столь отдаленнымъ“, въ полномъ составѣ. Въ теченіе года въ Чурбанскъ прибыли еще двое новыхъ лицъ—вдова коллежскаго секретаря Молодцова, присужденная въ ссылку за ростовщичество, и капитанъ Скаблинъ за вытравленіе гдѣ-то какихъ-то „водяныхъ знаковъ“. Новички сразу применили въ колоніи „не столь отдаленныхъ“, какъ свои кровные, и не думали задирать носа и вообще фордыбачить.

Всѣхъ больше, конечно, негодовала и возмущалась Ююкина, потому что, не смотря на самыя отчаянныя средства, принятія ею, Марьеловскій не желалъ сдаваться на капитуляцію. Она была у Зои разъ десять, и онъ каждый разъ запирался въ своей комнатѣ, она нанесла ему визитъ вмѣстѣ съ Голховскимъ—онъ не отвѣтилъ на визитъ и т. д. Что же это такое? За кого онъ считаетъ себя и за кого принимаетъ остальныхъ? Принцъ каковой-то. Нужно замѣтить, что каждый „новичокъ“ проходилъ приблизительно одинъ и тотъ же путь. Во первыхъ, его принимали съ распростертыми объятіями и на первое время оказывали всякіе знаки вниманія; во вторыхъ, прирѣтый „новичокъ“ размякалъ и дѣлалъ кому-нибудь полное признаніе въ томъ, что его привело въ мѣста не столь отдаленныя, причемъ оказывалось самымъ несомнѣннымъ образомъ, что новичокъ пострадалъ самымъ невиннымъ образомъ и что его погубилъ какой-нибудь ядовитый прокуроръ или оплошность зазѣвшагося защитника, или „составъ“ присяжныхъ, или закостенѣвшій въ злобѣ на все человѣчество слѣдователь, у котораго какъ разъ передъ этимъ именно дѣломъ сбѣжала жена. Новичокъ самъ вѣрилъ въ свою невинность, — какъ же могли не вѣрить другіе? Тѣмъ болѣе, что каждый тоже пострадалъ невинно, благодаря роковому стеченію обстоятельствъ. Ну, скажите на милость, развѣ Аграфена Степановна способна была устроить что-то въ родѣ фабрики ангеловъ? Конечно, вздоръ, хотя фабрики ангеловъ и существуютъ, она даже могла бы назвать имена, но, вѣдь,

мало-ли что дѣлають другіе, именно тѣ другіе, которые остаются цѣлы и невредимы и выходят сухими изъ воды. Вторымъ періодомъ, послѣ того, какъ невинность такого новичка санкціонировалась общественнымъ мнѣніемъ, было то, что онъ вдругъ оказывался совсѣмъ не тѣмъ, за что выдавалъ себя. Открывалось это обыкновенно совершенно случайно и всѣхъ смущало. Но открытія такого сорта касались обыкновенно самой сущности человѣческой души, особенно, когда новичокъ выеидывалъ какую-нибудь непредвидѣнную штуку — получалъ съ почты чужія деньги, кралъ какую-нибудь цѣнную вещь у товарища по несчастію, а чаще всего писалъ на всю колонію самый невозможный доносъ. За такую пакость новичокъ извергался изъ общества своихъ, нѣкоторое время мыкалъ самое грустное существованіе и кончалъ обыкновенно тѣмъ, что приносилъ повинную, подвергался испытанію и дѣлался уже настоящимъ „не столь отдаленнымъ“. Ссылные ссорились, враждовали между собой, дѣлились на партіи и все таки не могли жить другъ безъ друга.

Исключеніе представлялъ собой одинъ Мареловскій.

Это было обидно. Аграфена Степановна раздумывала о немъ цѣлый годъ на всѣ лады и, наконецъ, пришла къ заключенію. Для нея вдругъ все сдѣлалось яснымъ, яснымъ, какъ бѣлый день. Она даже нарочно въ неурочное время побѣжала къ барону Шпрингу и, задыхаясь отъ волненія, заявила:

— Мареловскій-то, хорошъ...

— А что случилось? — невозмутимо процѣдилъ баронъ, точно вмѣсто зубовъ у него былъ устроенъ деревянный тынъ. — Укралъ чтонибудь?

— Хуже... О, несчастный!..

— Именно?

— Погибшій человѣкъ... Я бы его повѣсила своими руками. Представьте себѣ, чѣмъ онъ занимается... Онъ... онъ влюбился.

— О?! Въ тебя влюбился?..

— Тѣфу!.. Тоже и скажетъ нѣмецкій пѣтухъ... Да я бы... ну, однимъ словомъ, въ дѣвчонку влюбился, которая ему годится въ дочери. Онъ живетъ у этого полицейскаго крючка Ушибова...

— О, мой понимайтъ... фрейленъ Ушибъ... ха-ха!.. У него губа не дуракъ...

Вся ссыльная колонія волновалась въ полномъ составѣ,

и всѣ почему-то считали нужнымъ негодовать на Мареловскаго, точно онъ сдѣлалъ какое-то преступленіе. Голховскій теперь каждый день нарочно проходилъ подъ окнами Ушибовскаго дома, чтобы убѣдиться лично въ совершившемся фактѣ. Аграфена Степановна тоже приняла свои мѣры. Что ожидало впереди неопытную бѣдную Зоичку? Вѣдь она ребенокъ, совершенный ребенокъ... Вѣдь для всѣхъ ясно, что Мареловскій крутить дѣвчонѣ голову съ единственной цѣлью, чтобы подобраться въ ушибовскимъ капиталамъ. Кто же этого не видитъ... И старикъ совсѣмъ выжилъ изъ ума—пустилъ возла въ огородъ. Аграфена Степановна сочла своимъ священнымъ долгомъ все-таки предупредить этого стараго дурака, но встрѣтила неожиданный отпоръ.

— А вамъ то, мадамъ, какая печаль привлючилась? — довольно грубо спросилъ Ушибовъ, прищуривая одинъ глазъ. — Ни съ котораго бока это самое васъ не касается...

Мареловскій, дѣйствительно, влюбился. Это случилось какъ-то такъ неожиданно, что онъ сначала удивился, а потомъ даже испугался. Онъ, пропитанный насквозь дешевенькимъ скептицизмомъ петербургскихъ шато-бабаковъ, считалъ себя вполне застрахованнымъ отъ подобныхъ глупостей и смотрѣлъ на женщинъ съ легкой улыбкой самодовольнаго презрѣнія. Развѣ есть то, что называется порядочной женщиной? Ха... Есть глупыя женщины, которыя догадываются о смыслѣ жизни, когда уже молодость прошла, есть женщины ригористки, которымъ этотъ смыслъ въ жизни вполне замѣняютъ разныя высокія слова, есть, наконецъ, прямо сумасшедшія женщины, которыя хоронятъ и красоту и молодость въ одномъ чувствѣ въ одному мужчинѣ. А міръ такъ прекрасенъ, жизнь коротка, чувства измѣнчивы—никто не можетъ поручиться за завтрашній день. Нѣтъ ни любви, ни добродѣтели, а есть только глупые люди, которые всему этому вѣрятъ. Кажется, коротко, просто и ясно... И вдругъ, этотъ застрахованный отъ любви Мареловскій, извѣрившійся во всемъ, чего даже и не испыталъ, — вдругъ этотъ Мареловскій почувствовалъ что-то такое, что сразу захватило его всего, какъ пожаръ, отъ котораго горять старыя постройки еще лучше, чѣмъ новыя. Да, онъ влюбился, въ чемъ, наконецъ, вынужденъ былъ признаться самому себѣ. И вѣдь ничего особеннаго не было сказано, ничего особеннаго не было сдѣлано.

Перебирая всё обстоятельства, Марьловскій ничего не могъ припомнить такого, что служило бы опредѣленной гранью, поворотнымъ пунктомъ или рѣшительнымъ моментомъ. Все шло самымъ будничнымъ образомъ, очень скучно, какъ только можетъ идти время въ глухой провинціи. Зоя только черезъ полгода начала выходить къ чаю и обѣду, занимала свое мѣсто хозяйки и сейчасъ-же скрывалась. Марьловскаго она точно не замѣчала, какъ не замѣчала окружающей ее мебели. Есть—хорошо, нѣтъ—тоже хорошо. Онъ пробовалъ не выходить по нѣсколькимъ дней подъ рядъ и изъ этого ничего не получилось. Зоя даже не спросила, что съ жильцомъ и гдѣ онъ пропадаетъ. Впрочемъ, разъ она поинтересовалась узнать, отъ кого онъ получаетъ такъ аккуратно письма.

— Вѣроятно отъ вашей мамы?—сдѣлала она предположеніе, пытливо глядя ему прямо въ глаза.

— Вы угадали... У меня есть мать. Старушка, какъ всё матери, видѣла во мнѣ что-то особенное и теперь боится повѣрить, что я есть именно то, что я есть.

— Мнѣ ее очень жаль, Владиміръ Сергѣевичъ.

— И мнѣ тоже.

— Тѣмъ болѣе жаль, что въ сущности вы, вѣроятно, не дурной человѣкъ, а только крайне легкомысленный...

Дѣвушка говорила такимъ серьезнымъ тономъ и дѣлала такое милое строгое лицо, что Марьловскій даже расхохотался. Этотъ ребенокъ, кажется, собирается читать ему нотации... Она обидѣлась и ушла.

Потомъ Марьловскій передумалъ эту сцену и пожалѣлъ, что такъ глупо держалъ себя. Ему даже захотѣлось, чтобы она пожурила его, какъ старшая сестра. Въ сущности, она была права, хотя и не знала той жизни, которая привела его въ Чурбанскъ. О, какъ ему вдругъ захотѣлось рассказать ей все, исповѣдаться, выложить всю душу, чтобы, она убѣдилась, что онъ, дѣйствительно, не безнадежно испорченный человѣкъ. Да, онъ легкомысленъ, не привыкъ къ серьезному труду, всегда думалъ только объ однихъ удовольствіяхъ, но онъ никогда не былъ злымъ и никому не желалъ вредить.

Если раньше Марьловскій искалъ случая поближе познакомиться съ интересной маленькой хозяйкой, причѣмъ у него являлись игривыя мысли и онъ впередъ улыбался, пред-

вкусная легкую побѣду, то теперь онъ просто искалъ ея общества, потому что оно было ему необходимо. Больше — день былъ потерянь, если онъ не видалъ ея. Онъ такъ хорошо, просто и спокойно чувствовалъ себя въ ея присутствіи, точно это была его живая совѣсть, то зеркало, въ которомъ онъ видѣлъ лучшую часть самого себя. Какъ она хорошо смущалась, когда чувствовала на себѣ его пристальный взглядъ, какъ мило дѣлала строгое лицо... Теперь ужъ она для Маркловскаго не была ни красивой, ни некрасивой и онъ какъ-то не могъ отдѣлать самого себя отъ нея. Ясно было одно, именно, что онъ не могъ представить себѣ существованія безъ того, чтобы вотъ эта самая простенькая провинціалочка не освѣщала его день своимъ присутствіемъ...

И все такъ просто, хорошо и ясно! Это было какое-то воскресеніе, тихое и радостное, какъ занимавшаяся весенняя заря.

VI.

Формальнаго объясненія въ любви не было да и не могло быть, потому что развѣ можно было выразить словомъ то, что сейчасъ чувствовалъ и переживалъ Маркловскій. Это походило бы на то, если бы человѣкъ всенародно вздумалъ снять съ себя все и явиться нагимъ... Именно хорошо и было то, что чувствовалось безъ словъ, даже боялось своего названія и было такъ полно само собой, что не нуждалось въ средствахъ внѣшняго выраженія. Величайшимъ моментомъ было то, когда Маркловскій почувствовалъ, что и сердце Зои бьется въ униссонъ съ его сердцемъ. Она приняла свою тайну съ такой чудной покорностью, впередъ готовая на все. Это было во взглядѣ, въ тонѣ голоса, въ каждомъ движеніи.

— О, милая... думалъ Маркловскій.

Ни онъ, ни она не сказали ни одного слова и любили молча, какъ герои какого-то стариннаго сентиментальнаго романа. Ни онъ, ни она не думали о будущемъ и удивились бы искренне, если бы ихъ спросили, что изъ этого выйдетъ. Все было въ настоящемъ, въ томъ днѣ, который занимался съ зарей.

Маркловскій чувствовалъ себя въ Ушибовскомъ домѣ необыкновенно хорошо и дошелъ до того, что старался угодить

старшеу. Онъ по цѣлымъ часамъ разговаривалъ съ нимъ о послѣднихъ городскихъ новостяхъ, о цѣнахъ на разные припасы—больное мѣсто стараго скраги и даже занимался хозяйствомъ, т.-е. ѣздилъ закупать сѣно для коровы, кормъ курамъ и т. д. Корова и куры были слабостью Зои, и Марьловскій не могъ ихъ не любить. Онъ теперь могъ рассказать біографію каждаго цыпленка и даже гордился этими знаніями, потому что это было нужно, гораздо болѣе нужно, чѣмъ все остальное.

Прошелъ цѣлый годъ, прежде чѣмъ Зоя рѣшилась переступить порогъ комнаты Марьловскаго. Это было утромъ, когда приходилъ почтальонъ.

— Вамъ письмо... только не отъ матери, — проговорила она, подавая большой конвертъ, въ которомъ по твердости и тяжести чувствовалась фотографія.

Марьловскому достаточно было взглянуть на адресъ, чтобы понять, отъ кого письмо. Онъ еще издали узналъ эти безграмотныя каракули, какъ узнала ихъ Зоя, хотя и видѣла ихъ первый разъ. Ей подсказало внутреннее чувство, какая рука выводила ихъ. По тому же инстинкту дѣвушка не ухидила, пока Марьловскій разрывалъ конвертъ и быстро пробѣгалъ глазами исписанный листочекъ почтовой бумаги.

— Вотъ... проговорилъ онъ наконецъ, подавая ей фотографію.

На фотографіи была снята хорошенькая дѣвочка лѣтъ двухъ, пухленькая и улыбающаяся; ее портило только какое-то жесткое выраженіе лица, несвойственное возрасту.

— Она нѣмая... объяснилъ Марьловскій.

На оборотѣ фотографіи стояла безграмотная надпись: „отъ Апочки папочки“.

— Это ваша дочь?—тихо спросила Зоя.

— А дочка? Не знаю... Впрочемъ, вотъ прочтите письмо.

Зоя отрицательно покачала головой.

— Мать пишетъ, т.-е. мать этой дѣвочки, что это моя дочь...

— И вы не имѣете права сомнѣваться... Бѣдная дѣвочка!.. Ахъ, какая она бѣдная...

Марьловскій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и потомъ заявилъ рѣшительно:

— Нѣтъ, вы прочтите письмо... Это нужно.

Она безмолвно повиновалась, хотя маленькая рука и дрожала, когда брала этотъ роковой лоскутокъ бумаги, точно въ немъ заключался смертный приговоръ.

— Вотъ отсюда... указаль Мареловскій мѣсто въ письмѣ, откуда слѣдовало читать.

Дѣвушка прочла: ...„посылаю тебѣ, Володя, письмо со вложеніемъ портрета *нашей* Апочки... Меня удивляетъ, что въ теченіе цѣлаго года ты даже ни разу не поинтересовался ея судьбой. У меня не было адреса и я едва раздобыла его отъ твоей сестры, которая наговорила мнѣ по этому случаю дерзостей. Въ другое время я не перенесла-бы, а теперь мнѣ рѣшительно все равно... Дѣло, вѣдь, не во мнѣ, а въ Апочкѣ. Ты ее оставилъ еще годовымъ ребенкомъ, когда я выдавала ее за дочь старика Кольчугина и меня тогда еще обижало, что ты первый этому вѣрилъ. Тогда мнѣ это было нужно для дѣла, а теперь все равно. Къ несчастію, дѣвочка, какъ рѣшили доктора, останется навсегда глухонѣмой. Сначала я плакала и убивалась, а теперь думаю, что это даже лучше. Дѣвочка, по крайней мѣрѣ, не услышитъ многого, что ей было бы больно слышать о своихъ родителяхъ. Что она твоя дочь, а не Кольчугина — достаточно взглянуть на портретъ. Это лучшее доказательство... Бѣдненькая не можетъ сказать даже: папа и мама. Можетъ быть и это въ лучшему... Какой это отецъ, который въ теченіе цѣлаго года даже не вспомнилъ о дочери? Лучше ужъ оставаться нѣмушкой... А потомъ, когда выростетъ большая, сама все пойметъ“.

Перечитавъ еще разъ письмо, Зоя посмотрѣла фотографію Апочки, сравнила ее съ оригиналомъ „папы“ и проговорила:

— Да, это ваша дочь, Владиміръ Сергѣичъ...

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Больше...

Дѣвушка хотѣла выйти, но Мареловскій ее удержалъ. Это было первое насиліе съ его стороны. Онъ усадилъ ее на диванъ и, шагая по комнатѣ, быстро заговорилъ, точно кого-то хотѣлъ догнать.

— Я вамъ расскажу все... Да, вы должны *это* знать.

Она сидѣла блѣдная и покорная, въ позѣ чловѣка, приготовившагося слушать. Ахъ, какъ ему было жаль ее, эту чистую невинную душу, которой еще не коснулась ни одна капля житейской грязи. И онъ первый долженъ былъ развер-

нуть страницу за страницей всю свою жизнь, чтобы все связать, объяснить и точно оправдаться предъ ней. Да, это было нужно, хотя и тяжело... Марьловскій началъ свою исповѣдь съ самого дѣтства: рассказывалъ объ отцѣ, старомъ николаевскомъ генералѣ, впадшемъ въ дѣтство, о матери, вышедшей замужъ изъ бѣдной семьи за богатаго старика, о своемъ воспитаніи, о той жизни, въ которую онъ окунулся съ головой сейчасъ по выходѣ иль лица. И вѣдь онъ подавалъ надежды, ему предсказывали будущность, мать души не чаяла въ своемъ любимцѣ... Его закружила мутная волна петербургской жизни, онъ лучшіе молодые годы погубилъ въ обществѣ прожитавшихъ жизнь такихъ же подававшихъ надежды молодыхъ людей, пока не встрѣтился съ Александрой Ивановной, о которой тогда говорилъ „весь Петербургъ“, т.-е. та специальная публика, которая толчется въ оперѣ, на гуляньяхъ и въ шато-кабакахъ.

„Женскій вопросъ“ сначала немного смутилъ Марьловскаго и онъ замаялся. Какъ передать, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые пикантные моменты, свои успѣхи у женщинъ *demi-monde'a* и т. д.

— Мнѣ приходится вычеркнуть кое-какіе эпизоды... объяснилъ онъ, дѣлая паузу.— Но это все равно. Перехожу прямо въ своему „дѣлу“, которое все основано на знакомствѣ вотъ съ этой Александрой Ивановной.

Онъ откровенно и подробно рассказалъ, какъ въ первый разъ познакомился съ ней, какъ съ перваго-же раза увлекся ею — увлекся по-мальчишески, какъ сталъ бывать у нея своимъ человѣкомъ и чѣмъ все это роковое знакомство разыгралось.

— Она дурная женщина?—тихо спросила Зоя.

— И да, и нѣтъ, какъ всѣ русскіе люди... Главный недостатокъ—отсутствіе образованія, а затѣмъ жизнь сложилась какъ-то совсѣмъ дико. Прямо отъ бѣдности она перешла къ сумашедшей роскоши... Старикъ Кольчугинъ баловалъ ее, какъ ребенка.

— Она очень красивая?

— Да... Т.-е., вѣрнѣе сказать, была красивая.

Марьловскій въ этомъ простомъ вопросѣ почувствовалъ недосказанную ревность, первую ревность просыпавшейся женщины. О, какъ она была хороша, эта маленькая фея, тронутая первымъ дуновеніемъ неоформившейся еще страсти...

— Къ чему вы все *это* мнѣ рассказываете? — грустно замѣтила Зоя, поднимаясь съ дивана. — Лучше было бы ничего не знать...

— А дѣвочка?

— Ахъ, да... Въ самомъ дѣлѣ, что вы думаете теперь дѣлать?

— Не знаю...

Дѣвушка ушла къ себѣ совсѣмъ разбитая, уничтоженная и такая жалкая. Мысль о нѣмой дѣвочкѣ Адочкѣ пронеслась надъ ея головой первой черной тѣнью... Развѣ несчастный ребенокъ виноватъ въ чемъ-нибудь? И какая злая иронія судьбы: отецъ и мать никогда не будутъ названы этимъ дѣтскимъ языкомъ, точно связаннымъ самой судьбой. Плохой отецъ, плохая мать, но все-таки отецъ и мать... Потому дѣвочка будетъ расти, развиваться и все-таки пойметъ горькую истину своего позорнаго происхожденія.

— Ахъ, ужасно, ужасно! — повторяла Зоя, ломая руки.

Марьловскій тоже волновался и не спалъ всю ночь, шагая по комнатѣ. Вѣдь нужно же было всему такъ случиться... Хуже ничего не могло быть. И когда получилось роковое письмо? Впрочемъ, все складывается одно къ одному.

— Нѣтъ, это обманъ! — повторялъ онъ вслухъ, убѣждая самого себя. — Конечно, обманъ, ложь, интрига... Раньше Александра Ивановна обманывала этой дѣвочкой Кольчугина, а теперь принялась за меня.

Онъ десятки разъ подходилъ къ письменному столу и принимался разсматривать портретъ Адочки. То ему казалось, что у нея есть сходство съ нимъ въ очеркѣ лба, въ линіи носа, въ разрѣзѣ глазъ, то смотрѣло на него чужое совсѣмъ лицо. Это изученіе измучило его и привело въ какое-то отчаяніе... Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ, какъ въ немъ закипаетъ какая-то мучительная жалость вотъ къ этому неизвѣстному ребенку — вѣдь съ нимъ родился цѣлый, міръ и онъ, сомнительный отецъ, вошелъ въ этотъ міръ безповоротно. Если бы теперь Александра Ивановна отказалась отъ своихъ словъ, онъ бы ей крикнулъ: „нѣтъ, ты лжешь, я — отецъ этого несчастнаго ребенка“!

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. В. ШЕЛГУНОВА ¹⁾.

Май 1868 г.

Вологда.

К... привезли ко мнѣ утромъ 8-го Августа 1865 года. Я занялъ передъ тѣмъ квартиру въ четыре комнаты, съ передней: двѣ комнаты назначались для меня, двѣ для К.

О выборѣ няни я особенно не заботился, потому что ожидалъ няню вмѣстѣ съ К., но я нанялъ помощницу нянѣ, думая, что одной нянѣ трудно будетъ исполнять свою обязанность.

Привезенный мальчугашка изумилъ меня смѣлостью, съ какою пошелъ ко мнѣ на руки, точно мы были съ нимъ старые знакомые. Это былъ красивый, бѣлокурый, голубоглазый ребенокъ, смотрѣвшій ясно во всѣ глаза. Няня сказала мнѣ, что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ они останавливались дорогой (а въ Вологдѣ, напр., они прожили у моихъ знакомыхъ, Косинскихъ, 10 дней), вездѣ онъ нравился своимъ кроткимъ характеромъ и неплаксивостью.

¹⁾ Покойный Николай Васильевичъ всегда живо интересовался вопросами воспитанія. Это можно видѣть уже изъ одного ряда педагогическихъ статей, вошедшихъ въ собраніе его сочиненій. У него была задумана даже цѣлая книга по педагогикѣ, изданіе которой, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не осуществилось. Часть ея вошла въ собраніе сочиненій. Интересовался онъ вопросами воспитанія не какъ педагогъ, каковымъ никогда не былъ (онъ читалъ только лекціи въ Лисинскомъ училищѣ и Лѣн. институтѣ), а просто какъ образованный человѣкъ съ отзывчивою душою, понимавшій всю важность воспитанія съ индивидуальной и общественной точки зрѣнія. Никогда не теряя широты горизонта, онъ отличался въ тоже время замѣчательною наблюдательностью, до самыхъ незначительныхъ съ перваго взгляда мелочей. Стоило только его послушать и познакомиться съ богатымъ запасомъ его наблюденій, чтобы пожалѣть, что не всѣ они появились въ свѣтъ и не всѣ даже записаны. Кромѣ наблюденій, такъ сказать, внѣшнихъ, стороннихъ, Н. В. имѣлъ и нѣкоторый личный воспитательный опытъ, какъ это можно видѣть изъ предлагаемыхъ нами записокъ. Записки эти (предназначавшіяся, повидимому, судя по поправкамъ и абзацамъ въ рукописи, къ печати) интересны не только въ смыслѣ біографическомъ, по отношенію къ его личности, но и вообще для людей, интересующихся воспитаніемъ.

Послѣ перваго знакомства я осмотрѣлъ К. и учинилъ испытаніе его силъ и талантовъ. По испытаніи оказалось, что у пугала во рту два зуба, что онъ ходитъ не умѣетъ и произноситъ съ грѣхомъ пополамъ: папа, мама, баба и няня.

Такъ какъ К. былъ только кусокъ мяса, то всѣ мои заботы были направлены на то, чтобы растить его въ возможной чистотѣ. Къ сожалѣнію, воспитаніе въ чистотѣ, въ вологодскихъ трущобахъ, оказывалось вовсе не такъ легко.

Хотя я и ожидалъ няню изъ Петербурга, и хотя эта няня дѣйствительно и пріѣхала, но оставаться у меня не согласилась.

Впрочемъ и лучше. Случилось мнѣ разъ на подушкѣ петербургской няни подмѣтить пятна, показавшіяся мнѣ подозрительными; не менѣе подозрительной казалась мнѣ и пишка на ея лбу. Я обратился къ доктору и оказалось, что у няни наслѣдственный сифилисъ.

О пригодности устюжскихъ нянекъ можно судить изъ того, что въ три мѣсяца я пережънилъ ихъ девять: одѣхъ за пичканье К. всякою дрянью, другихъ за нечистоплотность. Наконецъ я остановился на одной, хотя тоже родившейся въ Вологодской губерніи, но очень чистоплотной и научившейся нѣмецкимъ порядкамъ въ Архангельскѣ.

Жизнь К. велъ самую строгую, по часамъ: вставалъ онъ часовъ въ шесть или семь, получалъ чай съ молокомъ, бѣлымъ хлѣбомъ или сухарями; черезъ три часа давался ему завтракъ; черезъ три часа опять обѣдъ, что приходилось въ два часа дня; въ шесть часовъ вечера опять чай и въ половинѣ восьмага его укладывали спать. Забылъ: его укладывали спать еще и передъ обѣдомъ.

Чистоплотность, конечно, не врожденная черта характера. Если это справедливо, то теперешнія особенности К.,—а ему уже четыре года,—нужно приписать первоначальному чистоплотному воспитанію. Напримѣръ, онъ ни за что не надѣнетъ рубашку, если замѣтитъ на ней какое-либо пятно, хоть бы затѣмъ она была бѣлѣе снѣгу. Вчера, напримѣръ, я далъ ему семь копѣекъ, чтобы онъ купилъ себѣ рисовальной бумаги. Няня, принеся бумагу, извинялась, что купила слишкомъ хорошую. Въ лавкѣ были сорта поскрѣбе, но К. ни за что не хотѣлъ ихъ взять и выбралъ бумагу самую бѣлую. Я приписываю эту прихотливость на бѣлый цвѣтъ тому, что съ самаго начала глазъ его привыкъ къ бѣлому. Кровать его была бѣлая, сѣтка вокругъ—бѣлая, столъ, на которомъ онъ мылся, былъ бѣлый, закрытый кругомъ бѣлыми коленкоровыми передниками; столъ, на которомъ онъ ѣлъ, былъ тоже бѣлый; наконецъ въ день пережънялось нагрудниковъ три, четыре, а иногда и пять. Однимъ словомъ, бѣлый цвѣтъ для него былъ

цвѣтомъ господствующимъ; даже платя онъ носилъ бѣлыя, пикейныя. Такъ какъ воспитаніе есть поселеніе извѣстныхъ привычекъ, то очень естественно, что чувство зрѣнія, получавшее постоянно впечатлѣнія бѣлаго цвѣта, должно было усвоить къ нему привычку.

Рядомъ съ этой хорошей привычкой заронилось въ К. и впечатлѣніе вредное. У няни была дочь, маленькая дѣвочка четырехъ лѣтъ, воспитанная въ Архангельскѣ у одной бѣдной солдатки. Эту дѣвочку няня выписала изъ Архангельска. Дѣвочку воспитали сѣдуньей. Она могла просидѣть на одномъ мѣстѣ, не перемѣняя позы, цѣлый день; она не говорила почти ни слова, имѣла голову страннаго образованія, въ видѣ утюга, и вообще была ребенкомъ чрезвычайно медленнымъ и противнымъ. Мать наказывала ее, и, хотя въ началѣ я просилъ няню, чтобы она не совершала своихъ операций и не давала толчковъ въ присутствіи К., но потомъ началъ глядѣть на это дѣло менѣе строго, а К., видя, какъ бьютъ Груню, вздумалъ проявлять, по отношенію къ ней, воинственныя наклонности. Случалось, что онъ билъ ее палкой очень больно, конечно, не понимая, что онъ дѣлаетъ. Хотя ему это и строго запрещалось, но тѣмъ не менѣе К. получилъ привычку драться.

Въ Устюгѣ я прожилъ около 10 мѣсяцевъ и затѣмъ былъ переведенъ въ Никольскъ; изъ Никольской жизни осталось во мнѣ воспоминаніе только о трехъ обстоятельствахъ. Придерживаясь той теоріи, что чистый воздухъ есть лучшее гигиеническое средство, я, кромѣ хорошаго провѣтриванія комнаты К., водилъ его каждый день гулять. Разъ въ Январѣ, на другой день послѣ ванны, я велѣлъ вывести его прогуляться. Правда, день былъ теплый, ясный, солнечный, но все таки зимній, — и К. жестоко простудился. Мнѣ стало такъ жаль его, что если бы для его выздоровленія требовалось выкопать дыру въ землѣ до самаго центра, то я, кажется, выкопалъ бы ее тогда собственными руками. Въ Никольскѣ хотя и былъ докторъ, но, изъ благоразумной осторожности, онъ никого никогда не лѣчилъ, представляя всѣмъ больнымъ города выгоду умирать безъ его медицинской помощи. Не желая уморить К., я отправился къ повивальной бабушкѣ. Больному были поставлены горчичники, дано внутрь потогонное, и на другой день онъ всталъ. Но послѣдствіе этой простуды продолжались долго и при всякомъ малѣйшемъ, почти ничтожномъ обстоятельствѣ, у него являлся кашель, такъ что я принужденъ былъ держать въ своей домашней аптекѣ, въ видѣ постоянного медикамента, грудной чай. Я нисколько не убѣжденъ, чтобы послѣдствія этой простуды совершенно уже уничтожились.

Другой случай—дизентерія, начавшаяся безъ всякой ясной для меня внѣшней причины. Я не придавалъ этому обстоятельству особенной важности и только пересталъ давать ему молочную пищу. Однако, болѣзнь не прекращалась... Я струсилъ и обратился за совѣтомъ къ доктору въ Вельскъ и къ доктору въ Тотму. Наставленія Тотемскаго доктора пришлись мнѣ болѣе по вкусу по своей рѣшительности. Я началъ съ слизистыхъ средствъ и сдѣлалъ кисель существеннымъ блюдомъ завтрака и обѣда К. Слизистыя средства не помогли. Наконецъ я рѣшился дать ему ляписъ. Средство это оказалось дѣйствительнымъ. Бѣдный мальчикъ за время болѣзни сильно исхудалъ.

Третій случай не особенно важенъ. Забрался я разъ вмѣстѣ съ К. къ исправнику О.....ву, съ которымъ находился почти въ дружескомъ отношеніи и даже былъ крестнымъ отцомъ его сына. Иванъ Павловичъ подарилъ К. множество игрушекъ, принадлежавшихъ его сыну. Взять подобные подарки мнѣ казалось неудобнымъ, и когда, выходя отъ О.....ва, я увидѣлъ К., державшаго обѣими руками кучу разныхъ разностей, то попросилъ его отдать игрушки назадъ. К. безпрекословно, безъ малѣйшаго неудовольствія возвратилъ всѣ игрушки, точно онъ и самъ раздѣлялъ мое мнѣніе.

Когда К. пріѣхалъ ко мнѣ, то мать его писала мнѣ, что онъ очень прожорливъ, и просила меня обратить вниманіе на этотъ его недостатокъ. Дѣйствительно, по приему, съ какимъ К. относился къ манной кашѣ, можно было счесть его прожорливой акулой. Когда кашу только что еще брали на ложку, онъ разѣвалъ уже ротъ во всю величину и, проглотивъ кашу въ одно мгновеніе, разѣвалъ ротъ снова. Однимъ блюдечкомъ каши appetite его не удовлетворялся, и онъ требовалъ еще. Зная склонность его къ заболѣванію, я смотрѣлъ строго, чтобы его не кормили до отвала и чтобы въ пищѣ соблюдались строго часы. Теперь все это уже миновало. Прожорливости не только нѣтъ и слѣда и желудокъ варить у него, какъ у утки, но я даже настаиваю на томъ, чтобы онъ ѣлъ больше.

По отношенію къ физическому воспитанію, я держусь того правила, что порядокъ и строгое соблюденіе часовъ есть основа будущаго физическаго благополучія человѣка. Поэтому я придерживаюсь съ самымъ строгимъ педантизмомъ принятаго мною разъ порядка жизни и не позволяю себѣ отъ него никакихъ отступленій. Я зорко слѣжу за тѣмъ, чтобы онъ ѣлъ и ложился спать въ опредѣленные часы, чтобы его окружала безукоризненная чистота и чтобы было отстранено отъ него все то, что можетъ нарушить его спокойное и довольное состояніе духа. И въ

Устюгѣ и Никольскѣ я строго наблюдалъ за няней; сначала ей это не нравилось, но потомъ привыкла. Въ Устюгѣ и Никольскѣ о моемъ воспитательномъ отношеніи къ К. многіе составили весьма ошибочное заключеніе. Говорили, что я черезчуръ его нѣжу, что я его слишкомъ много лѣчу и что ребенка необходимо закалять. Мнѣнія эти мнѣ казались пустяками, не заслуживающими вниманія. Все мое лѣченіе ограничивалось тѣмъ, что я берегъ его отъ простуды и одѣвалъ въ фланель. Порицателямъ не нравилось, что я не позволяю ему выходить послѣ шести часовъ на улицу, что я его укладываю въ половинѣ восьмага и кормлю по часамъ. Система закаленія, о которой они отзывались съ такою похвалою, можетъ имѣть смыслъ, когда ребенку уже минуло пять лѣтъ. До этого же возраста всякое закаленіе не болѣе, какъ безуміе. Какое тутъ закаленіе, когда слабый дѣтскій организмъ надо оберегать на каждомъ шагѣ отъ грозящихъ ему вѣчной бѣдой мелочныхъ опасностей? Кто же не знаетъ того, что изъ общаго числа родившихся—въ первый годъ умираетъ половина, что смертность уменьшается только съ 5-ти-лѣтняго возраста? Что же причиною этого явленія, какъ не то обстоятельство, что на воспитаніе дѣтей или не обращается никакого вниманія, или что ихъ закаляютъ. Въ Устюгѣ противъ меня жилъ нѣкто Р...овъ, богатый господинъ, имѣвшій до 100,000 денегъ и раздававшій нищимъ каждый день по полупуду хлѣба. У этого почтеннаго господина сдѣялось съ ребенкомъ дизентерія, ну и конечно ребенокъ умеръ, потому что ему не только не перемѣнили діету, но кормили даже ягодами и всякою дрянью. Схоронивъ одного ребенка, господинъ Р...овъ схоронилъ и другого по той же причинѣ. Этой системы закаленія я никогда не признавалъ, ибо считалъ ее слѣдствіемъ невѣжества... Думаю также, что если-бы мною не принимались никакія медицинскія средства, то К. успѣлъ бы помѣреть по крайней мѣрѣ пять разъ. Думаю, что лучше, не закаляя ребенка, сохранить ему жизнь, чѣмъ, дѣлая опыты закаленія, переселить его къ праотцамъ.

Вообще, мнѣ приходилось слышать въ жизни много упрековъ въ педантизмѣ, но чѣмъ дольше я живу на свѣтѣ, тѣмъ больше убѣждаюсь, что правота на моей сторонѣ, ибо, соблюдая строго свои педантическія правила, я составилъ репутацію человека точнаго, аккуратнаго и держащаго свое слово. Не ради излишняго каприза требовалъ я отъ своихъ домашнихъ, чтобы они держались строгаго порядка въ жизни. Публицистика и литературное занятіе заставили меня передумать о многомъ, о чемъ при иныхъ условіяхъ жизни, конечно, я думать бы не сталъ. Эти размышленія показали мнѣ, что основная причина, управляющая поступ-

ками людей, есть экономическая, что трудъ есть основа чело-вѣческаго благополучія, но успѣшный трудъ невозможенъ безъ строгаго порядка жизни, а успѣхи въ дѣлахъ—безъ довѣрія и кредита, которые создаются строгимъ и точнымъ выполнениемъ всѣхъ своихъ обязательствъ, какъ бы они ни были мелочны. Сказалъ-ли ты, напримѣръ, что придешь въ 10 часовъ и приходи лучше 10 минутами ранѣе, чѣмъ одной минутой позже. Сказалъ-ли ты, что занятыя деньги отдашь черезъ мѣсяць и приноси ты ихъ лучше наканунѣ, чѣмъ на другой день. Этимъ мелочамъ жизни русскій чело-вѣкъ, по своей привычкѣ къ беспорядочности и по своей полуобразованности, не умѣетъ придавать настоящаго значенія. Что же для него не мелочь? Въ чемъ заключаются его великія дѣла и великіе подвиги? Живемъ мы въ бѣдности, ѣдимъ всякую дрянъ, изолгались и изворовались мы до того, что намъ не вѣрять ни одинъ иностранецъ и не вѣрять никто у себя дома, и все это только отъ того, что честность, порядочность, аккуратность и трудолюбіе мы считаемъ пустяками и мелочами.

Наблюдая недостатки людей и вникая въ недостатки русскаго общества, мнѣ хотѣлось бы воспитать К. отъ нихъ свободнымъ. Думать объ его умственномъ развитіи еще рано, и теперь я направляю всѣ свои усилія на то, чтобы вложить въ него внѣшнюю, механическую привычку къ порядку, аккуратности и точности. Я не знаю, какія обнаружатся у него способности и таланты. Выйдетъ ли изъ него мыслитель, ученый, литераторъ, музыкантъ или какойнибудь деревенскій кузнецъ. Но кѣмъ бы онъ тамъ ни вышелъ, честность, точность, аккуратность и дѣльность будутъ ему всегда нужны. Мнѣ, главное,—хотѣлось бы освободить его отъ недостатковъ тѣхъ беспорядочныхъ и дурно направленныхъ людей, которые испортили жизнь самому мнѣ и сторониться отъ которыхъ долженъ всякій, кому дорого его спокойствіе.

Въ ноябрѣ 1866 года, живя еще въ Никольскѣ, я получилъ отъ жены извѣстіе, что она желаетъ пріѣхать ко мнѣ. Было предположено, что я переѣду въ Ярославль или Самару. Мы условились съ женой съѣхаться въ Нижнемъ-Новгородѣ, чтобы оттуда продолжать путь въ Самару вмѣстѣ. Въ ожиданіи перевода, я переѣхалъ въ Кадниковъ, съ тѣмъ, чтобы не измучить К. большимъ зимнимъ путемъ въ одинъ разъ; но, пріѣхавъ въ Кадниковъ, узналъ, что вмѣсто Самары могу ѣхать въ Кологривъ. Я конечно не поѣхалъ и написалъ женѣ, что-бы она перебиралась ко мнѣ въ Кадниковъ.

Въ ожиданіи жены, я ископоталя, отыскивая квартиру, ибо

въ Кадниковѣ домовъ съ шестью, хотя бы даже маленькими комнатками, найти невозможно. Наконецъ мнѣ удалось вытѣснить одного своего пріятеля и другаго чиновника изъ дома священника Резухина, между прочимъ, съ надбавкой платы за квартиру съ шести рублей въ мѣсяцъ до десяти.

Разсказывать, какъ я суетился и горячился, оклеивая квартиру обоями, и какъ меня бѣсили мелочное мошенничество, надувательство и всякая ложь и обманъ людей, хотѣвшихъ поживиться на мой счетъ, я не буду.

Въ одинъ прекрасный день, когда еще работа не была совершенно окончена, въѣхалъ внезапно ко мнѣ на дворъ возокъ, а изъ возка выгѣзли старшій сынъ М., кухарка Софи (шведка) и горничная Мина (прусачка).

М. и Софи я очень обрадовался, ибо съ М. не видѣлся я три года, а Софи жила у насъ девять лѣтъ. Отъ пріѣхавшихъ я узналъ, что жена осталась въ Вологдѣ для нѣкоторыхъ покупокъ и что пріѣдетъ она на слѣдующій день.

Теперь для К. мой прежній педантизмъ кончился и наступила новая жизнь. Онъ, правда, попрежнему ложился спать въ половинѣ восьмаго, завтракалъ въ одиннадцать, обѣдалъ въ два и чай пилъ въ шесть, но затѣмъ во всемъ остальномъ случилась полная радикальная перемѣна. Въмѣсто прежней спокойной машинной жизни, наступила жизнь шума, движенія и суеты. Мою власть смѣнила новая власть, и мое міровоззрѣніе смѣнилось новымъ міровоззрѣніемъ.

Прежде, даже и въ маленькихъ квартирахъ, намъ жилось просторнѣе. У насъ не было менѣе четырехъ комнатъ: спальнѣ ему и мнѣ, игральной комнаты ему и рабочей комнаты мнѣ. Теперь же потребовалось: отдѣльныя спальни для жены и для меня, отдѣльныя рабочія комнаты для жены и для меня, дѣтская, комната для пріема гостей и столовая. Такъ какъ квартирѣ съ такимъ большимъ помещеніемъ въ Кадниковѣ не имѣлось, то намъ пришлось сжаться. Въмѣсто двухъ комнатъ, какъ это бывало у К., нашлась только одна комната на двухъ дѣтей. Къ счастью, дѣло шло къ веснѣ, и затворничество, которому подвергались дѣти въ дѣтской, должно было скоро кончиться. А не запирать ихъ было тоже нельзя, ибо и жена и я (по тѣснотѣ мы имѣли общій кабинетъ) жили литературной работой: жена переводила, я работалъ въ журналѣ (Дѣло). Поэтому намъ было необходимо оградить себя отъ дѣтской бѣготни, писку, визгу и всякаго дѣтскаго надоеданія.

Бѣднѣе было Божеское наказаніе сидѣть взаперти въ своей дѣтской: кровать няни, двѣ дѣтскихъ кровати, комодъ, умы-

важный столъ, шкафъ занимали такъ много мѣста, что по серединѣ комнаты оставалось свободнаго мѣста не болѣе шести квадратныхъ аршинъ. На такомъ тѣсномъ пространствѣ было удобно сидѣть неподвижно, но отнюдь не играть, въ особенности такому шаловливому и подвижному ребенку, какъ М. Поэтому, когда мы съ женой садились за работу и дѣти спроваживались въ дѣтскую, то имъ объявлялось, что они заключаются въ тюрьму. Повѣсивъ носы и скорчивъ печальныя фізіономіи, дѣти, впрочемъ, не всегда безропотно, отправлялись въ свою тюрьму. Но чтобы дѣтская и въ самомъ дѣлѣ не превратилась въ тюрьму, мы выпускали ихъ побѣгать у себя въ кабинетѣ и въ залѣ черезъ каждыя три четверти часа, на четверть часа. Этой четвертью мы пользовались и сами, какъ роздыхомъ.

Вмѣстѣ съ тѣснотой К. пришлось испытать неудобство и отъ первыхъ уроковъ общественности, которые далъ ему М. Это былъ ребенокъ крайне разбалованный; даже его бабушка, чело-вѣкъ невозмутимости безпримѣрной и беспорядочности невообразимой, называла М. — киргизомъ. Проживя три года въ Швейцаріи на улицѣ съ мальчишками, М. приобрѣлъ нѣкоторыя привычки, вовсе неудобныя въ тѣсныхъ квартирахъ. Онъ цѣлый день пѣлъ, онъ взвизгивалъ какимъ то особенно рѣзкимъ визгомъ, онъ стучалъ то молоткомъ, то палками, онъ подражалъ языкомъ ямскому колокольчику, а завываніемъ пароходу, онъ плакалъ какимъ то особеннымъ образомъ, не всхлипывая или рыдая, а въ родѣ волчьего воя, онъ отличался невыносимой привычкой быть всегда первымъ и забирать все себѣ, наконецъ, знакомство за границей съ одной дѣвочкой (С.....ной), по словамъ жены, сдѣлало его до крайности своевольнымъ и непослушнымъ. Надобно отдать М. справедливость, онъ былъ пренесноснѣйшій ребенокъ. При какой то женской изнѣженности и разслабленности и вполне дѣвичьей трусости, онъ отличался мужской неукротимостью и настойчивостью, явившимися въ немъ не вслѣдствіе силы его характера, а исключительно отъ безграничнаго блаводства. М. былъ способный ребенокъ, нѣжнаго, мягкаго сердца, кроткаго характера, но всѣ эти добрыя качества были въ немъ подавлены отсутствіемъ полнѣйшаго надзора за его первоначальнымъ развитіемъ. Предоставленный улицѣ и нянюшкамъ, онъ росъ, какъ грибокъ, и все, окружавшее его, старалось его ублажать и потакать ему, ибо мать любила его до страсти, и каждое огорченіе М. принималось ею болѣзненнымъ, враждебнымъ образомъ, по отношенію къ причинѣ огорченія.

Этотъ новый компаньонъ явился съ первыхъ же дней мучи-

телемъ К. Нельзя сказать, чтобы М. не чувствовалъ къ нему нѣжнаго чувства, но это нѣжное чувство уступало стремленію къ превосходству и дѣтской своекорыстности.

Нужно сознаться, что нѣтъ на свѣтѣ гаже существа, какъ ребенокъ. Евангельское ученіе о дѣтской чистотѣ нисколько не подтверждается наблюденіемъ. Дѣти всегда завистливы и стяжательны. Все хорошее чужое ребенокъ старается взять себѣ. Каждый ребенокъ стремится воспользоваться всѣми выгодами и пускаетъ въ ходъ всѣ средства, какими располагаетъ по своему характеру. Дѣти съ воинственными наклонностями прибѣгаютъ къ насилію, болѣе робкія къ вымогательству и обману. М. принадлежалъ къ дѣтямъ послѣдней категоріи. Я не скажу, чтобы М. не пускалъ въ ходъ насилія, но вмѣстѣ съ насиліемъ онъ прибѣгалъ къ хитрости и къ умасливанію. Съ появленіемъ М. начались въ дѣтской вѣчныя ссоры и вѣчный плачь. Няня К., конечно, держала его сторону. Нужно замѣтить, что она не полюбила М., и, хотя ее нельзя оправдать за неумѣніе держать себя объективно, но нужно тоже согласиться, что держать себя совершенно спокойно съ такимъ ребенкомъ, какъ М., было мудро.

Держа сторону К., какъ существа болѣе слабого, я первое время являлся въ дѣтскую для разбирательства неудовольствій, но жена находила систему вмѣшательства въ дѣтскія дѣла неудобной и говорила, что дѣти примирятся сами собою. Хотя по времени я и уступилъ женѣ, но съ ея теоріей не соглашался. Примиреніе дѣйствительно всегда послѣдуетъ, потому что нѣтъ на свѣтѣ такого существа, которое могло бы помнить зло вѣчно. Поэтому и обиженный ребенокъ примирится наконецъ съ обидчикомъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы не оскорблялось дѣтской враждой чувство равенства и правоты. Бойкій ребенокъ можетъ наконецъ до того загонять ребенка тихаго и взять надъ нимъ такую власть, что послѣдній утратитъ наконецъ всякую самостоятельность и самодѣятельность.

Нѣчто подобное и случилось. М. былъ старше К. тремя съ половиною годами. Первому было семь лѣтъ, второму три съ половиною года. Въ братьяхъ была огромная разница, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ силъ. М., легкій и быстрый ребенокъ, былъ ловокъ, увертливъ и весьма подвиженъ. К., напротивъ, отличался полнотой, дѣлавшей его нѣсколько медленнымъ. Что М. дѣлалъ легко, то многое для К. было совершенно недостижимо.

Въ умственномъ отношеніи неравенство было также велико. М. уже видѣлъ многое, жилъ три года за границей, гдѣ на-

смотрѣлся на всякія чудеса. Онъ свершилъ путешествіе въ Петербургъ, изъ Петербурга въ Кадниковъ. Онъ видѣлъ и воздушные шары, и пароходы, и желѣзныя дороги, онъ видѣлъ удивительныя зданія, гигантскіе мосты, изящныя постройки желѣзныхъ дорогъ, изящныя магазины Женева и другихъ европейскихкихъ городовъ. Онъ видѣлъ въ Берлинѣ пушки, поразившія австрійцевъ подъ Садовой, онъ видѣлъ и даже имѣлъ игрушки великой замысловатости и даже научнаго достоинства.

К., напротивъ, былъ простякъ, роспій въ Устюгѣ, Никольскѣ и Кадниковѣ. Правда, онъ родился за границей, ѣздилъ тоже по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, но путешествія и заграничная жизнь по малому его возрасту не пробудили въ немъ никакихъ впечатлѣній. Для ребенка, не видѣвшаго ничего, кромѣ деревенской простоты вологодскихъ уѣздныхъ городовъ, разностороннія познанія М. и его изобрѣтательное воображеніе въ играхъ казались чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Простоватый и добродушный К. былъ совершенно подавленъ авторитетомъ М. Ему никогда и въ умъ не приходило, что стулъ можетъ изображать лошадь, что разными комбинаціями табуретокъ, стульевъ, одѣялъ и досокъ можно создать телѣгу, коляску, сани, дрожки, что, выставивъ руки прямо противъ груди и вертя одну вокругъ другой, что шаркая при этомъ ногами и фыркая ртомъ, можно изобразить изъ себя пароходъ. Человѣкъ подобной сообразительности, конечно, долженъ былъ казаться очень умнымъ ребенку съ скромнымъ воображеніемъ, и М. явился наконецъ въ глазахъ К. вполне непогрѣшимымъ авторитетомъ. К. сдѣлался совершенной его обезьяной. Онъ повторялъ его слова, его шалости, его игры, усвоилъ его манеру хныканія, заразился отъ него непослушаніемъ и вообще сдѣлался не такимъ ребенкомъ, какимъ былъ ранѣе.

Вначалѣ я хотѣлъ было заняться приученіемъ М. къ порядочности, которой въ немъ вовсе не было. Но, во-первыхъ, мои замѣчанія недостатковъ М. возбудили неудовольствіе въ моей женѣ, а во-вторыхъ, требовалось для этого много времени, постоянное вниманіе и постоянный надзоръ, что при моей рабочей жизни было совершенно невозможно. Чтобы показать, какъ трудна была возня съ М., я сообщу только одинъ фактъ. Во время вечерняго раздѣванія и утренняго одѣванія, онъ копался такъ, что на одну подобную операцію у него уходило иногда полтора часа времени. Каждую вещь, которую онъ надѣвалъ на себя, онъ смотрѣлъ, разсматривалъ, поворачивалъ, въ промежуткахъ зѣвалъ по сторонамъ, пѣлъ и посторонними, не относящимися къ дѣлу, дѣйствіями удлинялъ нестерпимо всю процедуру одѣванія.

Начнетъ ли онъ мыться, чашка съ водой въ его воображеніи превращалась въ озеро, а его руки въ пароходы и лодки; онъ производилъ бурю, заливалъ пароходъ водой и вообще занимался не тѣмъ, чѣмъ было нужно. Мать находила, что причиною этого— сильное воображеніе. Я этого, конечно, не отрицаю, но только думаю, что оно работало въ этомъ случаѣ совершенно не кстати. А что еще удивительнѣе, что въ годъ и три мѣсяца ежедневной возни съ М. утромъ такъ-таки и не добились, чтобы онъ одѣвался скорѣе. Въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ его жизни въ Вологдѣ (въ Кадниковѣ я пробылъ всего семь мѣсяцевъ и затѣмъ перевелся въ Вологду) няней была польская нѣмка Розалія, дѣвушка очень скорая, вспыльчивая и повелительнаго характера. Она обращалась съ дѣтьми круто и, поступая къ намъ, выговорила себѣ право наказывать дѣтей. М. доставалось отъ нея порядочно, и нѣкоторыя ея наказанія отличались непозволительной суровостью. Такъ мы узнали впоследствии, правда, еще при ней, что она ставила М. на колѣни и заставляла его при этомъ держать надъ головою тяжелую книгу. Даже и этотъ суровый менторъ былъ не въ состояніи одолѣть М., и, хотя онъ ее боялся и слушался, но нѣкоторыя дурныя привычки такъ въѣлись въ него сильно, что выкурить ихъ изъ него оказывалось невозможнымъ. Конечно, выростеть—отвыкнетъ; но жаль, что разъ силы даромъ тратились на приобрѣтеніе дурныхъ привычекъ, а другой разъ онѣ потратятся на приобрѣтеніе хорошихъ: напрасная трата!

Дѣти, находившіяся подъ надзоромъ Розаліи, жили жизнью, для меня неизвѣстною. По безпрестанному разбирательству и плачу видно было, что ссоры въ дѣтской продолжаются и что строптивыхъ и непослушныхъ постигаютъ наказанія. За что, про что и какъ—мнѣ неизвѣстно. Событія, свершавшіяся въ дѣтской, дѣлались намъ извѣстными только изъ рассказовъ М., что имѣло дурную сторону: приучало его къ выдуманнымъ, или, по крайней мѣрѣ, преувеличеннымъ жалобамъ. Онъ скоро подмѣтилъ, что Розалія не пользуется у насъ особеннымъ сочувствіемъ и, какъ балованный ребенокъ, очень скоро нашелъ себѣ пріютъ въ пристрастномъ покровительствѣ любящей его матери.

На К. нравственное вліяніе отразиться не могло, потому что онъ былъ еще малъ и глупъ. На К. не имѣла вліянія даже внѣшняя безпорядочность Розаліи. Розалія была человекъ суетный, тщеславный и легкомысленный, и, какъ всѣ люди такого характера, была добра и незлопамятна. Она любила наряжаться и тратила свои послѣднія деньги на тряпки. Что же

касается до дѣйствительной порядчности, то она такой привычкою не отличалась. На занавѣси вокругъ ея кровати, на кровати, на столикѣ лежала вѣчная пыль на цѣлый палецъ. Подъ кроватью у нея лежали въ кучѣ старые искривленные башмаки, грязные чулки, какія-то картонки и тряпки. Все это въ такомъ же порядкѣ и того же достоинства, какъ хламъ въ мѣшкѣ ветошника. Про нѣмокъ говорятъ, что онѣ любятъ чистоплотность и порядокъ. Про французенокъ и полекъ сказать этого нельзя. Не знаю, сидѣлъ ли гдѣ нибудь въ Розалии нѣмецкій элементъ, но польская беспорядочность и неряшество въ ней рѣшительно преобладали. Въ дѣтскомъ комодѣ у нея было столпотвореніе вавилонское. Раздѣвая дѣтей, она бросала ихъ платья и бѣлье кое какъ. Она никогда не чистила ихъ башмаковъ, не приводила въ порядокъ ихъ бѣлья и вообще своимъ дѣломъ занималась неохотно. Но зато тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ она бралась не за свое дѣло и за изящныя работы. Такъ, она съ удовольствіемъ шила и перешивала платья жены, вышивала по канвѣ, вязала для жены чулки и исправляла должность камеръ-фрейлины. Для жены такая помощь была, конечно, выгодна, но дѣти отъ нея не выигрывали ничего. Только крайняя молодость К. спасла его отъ беспорядочнаго вліянія Розалии. Что же касается до М., то своимъ неряшествомъ онъ былъ родственъ Розалии. Не смотря на восьмой годъ, онъ не умѣлъ еще одѣваться, какъ слѣдуетъ. Онъ дѣлалъ все кое какъ и для него было рѣшительно все равно: надѣнуть ли на него платье дырявое и съ пятнами, или цѣльное и не запачканное; бѣлье—грязное или чистое. Новое щеголеватое платье онъ любилъ, любилъ и яркіе галстучки, но все это плѣняло его только въ первое мгновеніе. Неприхотливый на чистоплотность, онъ былъ очень прихотливъ въ ѣдѣ. То говядина казалась ему жирна и жестка, то невкусна, то онъ находилъ какой-то запахъ и вообще не проходило ни одного чая, завтрака и обѣда, чтобы М. не выразилъ своего неудовольствія къ молоку, хлѣбу, супу и т. д. Хлѣба онъ почти не ѣлъ, такъ что за обѣдомъ нужно было его принуждать. Неприхотливость онъ проявлялъ только относительно сладкаго и постиралъ ее до того, что ѣлъ сахаръ кусками. К. напротивъ. Онъ не былъ прихотливъ на ѣду, но за то былъ прихотливъ на одежду; конечно и К. не ѣлъ жесткой говядины или жилистыхъ котлетъ, но онъ ихъ не ѣлъ безъ гримасничанія и безъ фификанія и вообще держалъ себя за ѣдой съ приличною скромностью, которую нарушалъ только изъ обезьянства. Такъ, если М. скажетъ: «невкусно, не хочу ѣсть», то и К. говорилъ то же самое и ѣсть переставалъ.

2-го мая 1868 года жена уѣхала изъ Вологды и взяла М. съ собою, К. былъ оставленъ у меня. Съ отъѣздомъ жены наступила снова пора моего главенства, и я, конечно, постарался устроить жизнь К. по своему образцу. Я перемѣнилъ немедленно квартиру, и, вмѣсто прежней, рассчитанной больше для приема гостей, имѣвшей столовую, залъ и гостинную, но зато не имѣвшей порядочной дѣтской, я нанялъ по своему старому обычаю квартиру въ четыре комнаты: двѣ для К. и двѣ для меня.

Съ отъѣздомъ жены, была отпущена и Розалія; но отыскать новую няню оказалось весьма хитрой задачей. Дряни брать не хотѣлось, а хорошія были на мѣстахъ, слѣдовательно, приходилось сманивать. Мы платили своей прислугѣ въ Вологдѣ небывалое жалованье, почти вдвое выше противъ существовавшей платы. У горничной моей жены была сестра, толстая, маленькая старуха, весьма симпатичная, кроткая и весьма спокойная. На эту то старуху я и рассчиталъ. Оказалось, что она на мѣстѣ. Я предложилъ ей четыре рубля въ мѣсяцъ жалованія въ то время, какъ у своего теперешняго хозяина она получала полтора рубля. Старуха было заколебалась и даже согласилась на мое предложеніе, но когда она объявила о томъ своему хозяину и когда хозяинъ надулся, а хозяйка заплакала, ей сдѣлалось совѣстно и жалко ихъ, и она пришла ко мнѣ съ отказомъ.

Мнѣ говорили уже ранѣе объ одной бѣдной чиновницѣ, вдовѣ, обремененной большимъ семействомъ, которая охотно пошла бы ко мнѣ въ няни. Я съѣздилъ къ этой госпожѣ, переговорилъ съ ней и она приняла мои условія.

Случилось вотъ какое странное дѣло. Съ перваго же дня К. почувствовалъ къ ней непріязнь. Она была съ нимъ, повидимому, нѣжна и ласкова, но онъ постоянно ея дичился, убѣгалъ отъ нея ко мнѣ и ни ласками, ни угрозами нельзя было принудить его идти съ нею гулять. Не знаю, происходило ли это отъ того, что она была глуха и, слѣдовательно, была не въ состояніи исполнять многихъ его просьбъ, или же, будучи вѣжлива при мнѣ, она была крутенька съ нимъ глазу на глазъ.

Кромѣ этого неудобства, которому я и не приписывалъ особенной важности, ибо, наконецъ, К. къ ней бы привыкъ, я замѣтилъ въ ней другую особенность, которая, по моему мнѣнію, дѣлала ее совершенно неспособной для нянюшки. Не смотря на свое чиновное происхожденіе, она держала себя какъ салопница, принижалась, бѣднилась, вѣчно жаловалась на свою судьбу и была вся погружена въ экономическіе интересы своей семьи. Въ моемъ домѣ она не видѣла своего дома и жила двойною жизнью: у меня, какъ чиновникъ на службѣ, а всею душою и стремленія

ми въ своей нуждающейся семьѣ. Все это хотя и весьма естественно, но мнѣ не нравилось, что она желала меня эксплуатировать и не стыдилась собирать у меня въ домѣ всякую дрянъ и ломанья игрушки, которыя и относила своимъ внучатамъ. Я былъ для нея благодѣтель и кормилецъ, а К. не больше, какъ сынъ этого кормильца. Такія отношенія казались мнѣ фальшивыми, ибо у К. няни не было. Кромѣ того, я боялся, что человекъ, привыкшій въ теченіе четырнадцати лѣтъ унижаться и цѣловать руки кормильцамъ и благодѣтелямъ, усвоилъ такое мировоззрѣніе, что будетъ имѣть вредное воспитательное вліяніе на К. Я рѣшился разстаться съ этой няней и снова обратился къ прежней старухѣ, тѣмъ болѣе, что, подумавъ хорошенько, она потомъ и сама жалѣла, что не согласилась на мое предложеніе. Въ этотъ разъ дѣло сладилось легко, и на новую квартиру я перѣхалъ съ новой няней. Чиновница жила у меня всего шесть дней.

У новой няни К. съ перваго же дня оказался другимъ мальчикомъ. Она была постоянно съ нимъ равна, ласкова, она вся отдалась его интересамъ и, такъ сказать, жила его жизнью. Ребенокъ тотчасъ же почувствовалъ эту разницу. Въмѣсто прежней няни—чиновницы—занимавшейся съ нимъ по казенной надобности, онъ нашелъ, такъ сказать, няню-друга, жившую его, а не своими интересами. Прежде его нельзя было заставить гулять даже силой, а нынче съ ранняго утра онъ бѣжитъ ко мнѣ съ просьбой о гуляньѣ.

Когда уѣзжала жена и съ нею М., то нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ спрашивали, не будетъ ли К. скучать безъ нихъ въ первое время. На этотъ вопросъ я не могъ дать никакого точнаго отвѣта, но зная, что онъ разставался довольно спокойно съ своими нянями, даже такими, къ которымъ привыкъ, я думалъ, что и настоящая разлука не будетъ для него особенно чувствительной. На дѣлѣ оказалось, что К. перенесъ разлуку болѣе спокойно, чѣмъ бы можно было ожидать. На другой день послѣ отъѣзда матери и брата, оставшись только со мной и няней — чиновницей, К. проявилъ необычайную строптивость и непослушаніе, былъ рѣзвъ и шаловливъ болѣе обыкновеннаго и находился вообще какъ бы не въ своемъ духѣ.

Я не зналъ, чему приписать такое обстоятельство и сначала далъ ему фальшивый толкъ, допустивъ въ К. невозможную еще для его лѣтъ сообразительность. Но потомъ дѣло оказалось гораздо проще. Въ лицѣ М., при всемъ его авторитетѣ и остроуміи въ изобрѣтеніи игръ, К. находилъ все-таки маленькаго мучителя, утѣснявшаго и обижавшаго его на каждомъ шагу. К. чувствовалъ постоянно свою подавленность авторитетомъ и

свою подчиненность: М. всегда былъ первымъ, К. вторымъ; и оба они это знали. Кромѣ того и мать была для К. силой болѣе суровой, чѣмъ я. Я никогда его не наказывалъ и меня жена даже укоряла въ томъ, что своимъ баловствомъ я развиваю въ немъ капризъ. Надо согласиться, что въ этихъ словахъ была доля правды. К. не признавалъ моего авторитета и со мной капризничалъ, дѣйствительно, болѣе, чѣмъ съ матерью, которой онъ боялся и которая, обращаясь съ нимъ нѣжно, въ то же время наказывала его, т. е. въ случаѣ непослушанія, капризовъ или ссоръ, сажала его на стулъ. Болѣе строгаго наказанія онъ не испытывалъ.

Освободившись отъ авторитета подобной карающей силы и не чувствуя надъ собою тираніи М., К. почувствовалъ особенную развязность и захотѣлъ воспользоваться свободой, даже съ понятнымъ при внезапномъ къ ней переходѣ злоупотребленіемъ. Впрочемъ, злоупотребленіе свободой продолжалось недолго: только на старой квартирѣ и при нянѣ—чиновницѣ, то есть шесть дней. Съ переѣздомъ на новую квартиру и съ поступленіемъ въ управленіе новой няни, К. вступилъ въ новый міръ и въ новыя условія жизни и сталъ какъ бы инымъ человѣкомъ. Старая вещь, что человѣкъ зависитъ отъ окружающихъ его обстоятельствъ, оправдалась въ миллионный разъ на немъ.

У насъ въ домѣ все направлено и устроено для К.: онъ, такъ сказать, первый человѣкъ. Всѣ его ласкаютъ и любятъ, и онъ не чувствуетъ надъ собой ни малѣйшаго посторонняго мучительства. Я не хочу сказать этимъ, что всякое желаніе его исполнялось безпрекословно; напротивъ,—ни одно его глупое желаніе не исполняется, но не въ грубой формѣ грубаго отказа, брани или наказанія, а мягкимъ образомъ, или отвлеченіемъ его вниманія на другой предметъ, или же объясненіемъ и вразумленіемъ, понятнымъ для его маленькаго ума. Вообще, мы стараемся дѣйствовать на его интеллектъ и заставляемъ его понимать, почему для него нельзя то или другое. Я не скажу, чтобы его интеллектъ былъ особенно силенъ, но также не могу и сказать, чтобы на него не дѣйствовали и резоны.

У меня еще не выяснился вполне систематически во всѣхъ частностяхъ методъ моихъ отношеній къ нему. И въ настоящее время я обратилъ свое вниманіе преимущественно на то, чтобы кротостью и вниманіемъ развивать въ К. — доброту, а строгимъ внѣшнимъ порядкомъ—порядочность, аккуратность и привычку къ исполненію извѣстныхъ правилъ. Въ М. мнѣ не нравилась его распушенность и полное отсутствіе внутренней дисциплины. Онъ рѣшительно маленькій дикарь, у котораго каждое внѣшнее

возбужденіе переходитъ въ импульсъ движенія. Въ К. мнѣ хочется развить уже съ самыхъ первыхъ лѣтъ привычку къ самовладѣнію, приучить его къ тому, чтобы между впечатлѣніемъ и движеніемъ явилась бы промежуточная интеллектуальная инстанція. До нѣкоторой степени мнѣ удалось уже этого достигнуть, хотя и не всегда съ полнымъ успѣхомъ. Такъ, если онъ заплачетъ отъ воображаемой обиды или неисполненія его желанія, я говорю ему: «а какъ мальчики смѣются?», и онъ очень часто переходитъ быстро отъ слезъ къ смѣху, переламывая такимъ образомъ рѣзко свое внутреннее настроеніе. Или, если онъ упадетъ и ушибется, иногда довольно чувствительно, я говорю ему смѣясь: «вотъ поймалъ зайца-то!», и онъ, не смотря на надутое лицо и желаніе плакать, начинаетъ улыбаться и отвѣчаетъ мнѣ съ гордостью: «а вѣдь я не заплакалъ».

Рядомъ съ этимъ воспитаніемъ духа, мы начали приучать его къ порядку. Прежде, чѣмъ лечь спать, онъ долженъ убрать свои игрушки. И онъ дѣлаетъ это охотно, потому что няня умѣетъ занимать его, говорить понятнымъ для него языкомъ и сдѣлать для него это занятіе пріятнымъ. Убравъ игрушки, онъ начинаетъ раздѣваться, чистить и складываетъ свое платье и кладетъ его въ порядкѣ на стулъ. Конечно, платье перечищается потомъ снова, потому что онъ не столько чиститъ, сколько хлопаетъ платье метелкой, да и то кое гдѣ и кое какъ. Но дѣло въ томъ, чтобы вложить въ него привычку къ чистоплотности и порядку, а умѣнье явится и впоследствии. Сложивъ платье, онъ начинаетъ мыться. Моется онъ самъ и, разумѣется, еще не съ достоинственнымъ искусствомъ. Но это не важно. Во время мытья ему внушаютъ, какъ обращаться съ мыломъ. Напримѣръ, я не позволяю ему класть замыленное мыло въ мыльницу. Онъ долженъ его всполоснуть и положить извѣстнымъ образомъ, чтобы оно просохло.

Я объясняю ему, что значитъ порядокъ, и онъ повторяетъ мои слова. А порядокъ, по нашему, чтобы каждая вещь знала свое мѣсто. Мнѣ подарили маленькій серебряный стаканчикъ, который я, въ свою очередь, подарилъ К. Онъ былъ очень доволенъ этимъ подаркомъ и первое время игралъ имъ очень настойчиво. Но ему позволялось играть стаканчикомъ только на условіи: ставить его послѣ всякой игры на извѣстный столъ. И онъ это правило соблюдалъ всегда охотно и неупустительно. Понравился ему еще маленькій пробочникъ, лежавшій на моемъ письменномъ столѣ. Такъ какъ поиграть такой заманчивой вещью было очень плѣнительно, то К., конечно, и не могъ устоять противъ такого невиннаго искушенія. Послѣ заявленнаго имъ

желанія, онъ получилъ разрѣшеніе и, кончивъ играть съ пробочникомъ, клалъ его каждый разъ на свое мѣсто. Продолжая эту систему, я, конечно, добьюсь того, что въ немъ явится привычка обращаться какъ слѣдуетъ съ вещами и привычка къ чистоплотности и порядку.

Нравственное воспитаніе, конечно, будетъ труднѣе. Вслѣдствіе указанія жены на нервность К., зависѣвшую, быть можетъ, отъ нѣкоторой асиметріи черепа, я съ самаго начала старался постоянно устранять всѣ причины, порождающія приливы крови къ головѣ и все то, что можетъ раздражать К., Но, къ сожалѣнію, въ присутствіи М. было довольно трудно устранять отъ него всѣ раздражающія вліянія. К. по характеру много сильнѣе М. Тотъ вспылчивъ и беретъ короткимъ ударомъ, К. золь и упорнѣе въ своемъ неудовольствіи. Когда онъ разсердится, у него наливаются глаза кровью, сдвигаются брови, и онъ слѣдитъ тупымъ, воловьимъ взглядомъ. Если обида, нанесенная ему, по его мнѣнію, очень велика, то онъ можетъ злиться даже полчаса. Въ такіе моменты внезапное переламываніе духа оказывается невозможнымъ. Убѣжденія и ласки его не успокаиваютъ, а напротивъ, болѣе раздражаютъ. Въ такія минуты я оставляю его въ покоѣ, чтобы кровь пришла постепенно въ свое нормальное обращеніе и отлила отъ головы. Успокоившись, онъ дѣлается снова ласковымъ и кроткимъ ребенкомъ, и неудовольствія какъ будто-бы не бывало. Но я думаю, что частое повтореніе подобныхъ припадковъ прилива крови къ головѣ можетъ имѣть на состояніе его мозга весьма вредное вліяніе. И вотъ причина, почему мнѣ бы хотѣлось отстранить отъ него всѣ раздражающія виѣшнія вліянія. Важно это не потому, чтобы усладить ему дѣтскую жизнь и на весь вѣкъ сохранить въ немъ пріятное воспоминаніе о жизни въ родительскомъ домѣ, какъ оправдываетъ жена свое баловство М.: это важно исключительно въ гигиеническомъ отношеніи, важно, какъ воспитаніе здороваго ребенка.

Съ тою же цѣлью я стараюсь укрупнять нервы К., для чего обливаю его каждый вечеръ водою лѣтней температуры.

Съ тою же цѣлью я думаю воспитать его образованнымъ ремесленникомъ. То воспитаніе, которое дается у насъ обыкновенно, такъ называемой, благородной молодежи, конечно, никуда не годится. Они способны быть только чиновниками, существовать службой. Поэтому наша образованная молодежь лѣзетъ на мѣста чиновниковъ, адвокатовъ, въ телеграфное вѣдомство, т.-е. стремится къ такимъ занятіямъ, для исполненія которыхъ нужно только читать да писать. Изъ К. мнѣ хотѣлось бы создать чело- вѣка самостоятельнаго, насыщенный хлѣбъ котораго зависитъ не

отъ ваканціи на то или другое казенное мѣсто, а отъ своихъ собственныхъ силъ. Въ этомъ случаѣ, если изъ него нельзя создать писателя публициста, то, конечно, будетъ лучше всего сдѣлать изъ него механика, машиниста, или, наконецъ, простаго ремесленника. Ремесленное воспитаніе важно еще и въ томъ отношеніи, что оно не дѣйствуетъ излишне возбуждительно на нервную систему и на мозгъ.

Н. В. Шелгуновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НА КРАЙ СВѢТА.

Изъ записной книжки.

(Посвящается Д. И. Звѣреву).

I.

...То, что такъ долго всѣхъ волновало и тревожило, наконецъ разрѣшилось... „Великій Перевозъ“ опустѣлъ. Сразу опустѣлъ на половину...

Много бѣлыхъ и голубыхъ хатъ многолюднаго села стало одинокими и безмолвными въ этотъ лѣтній вечеръ! Много народу на вѣкъ покинуло родимое село—его зеленые переулки между садами, пыльный базарный выгонъ, гдѣ такъ весело и оживленно въ солнечное воскресное утро, когда кругомъ стоитъ говоръ народа, гудитъ бранью и спорами корчма, выкрикиваютъ торговки, поютъ нищія, пиликаетъ скрипка, меланхолично жужжитъ тихой музыкой лира, а важные волю, прикрывая отъ солнца глаза, сонно жуютъ подъ эти нестройные звуки сѣно; покинуло разноцвѣтные огороды и густые верболозы съ матово-блѣдной, длинной листвою надъ зеркальной „крынцой“, при спускѣ въ затону рѣки, гдѣ въ тихіе вечера въ водѣ что-то стонетъ—глухо и однотонно, словно дуетъ въ пустую бочку... покинуло родину—„край веселый, степь широкий“—для далекихъ Уссурийскихъ земель и исчезло за горою, ушло въ безконечныя дороги на край свѣта!..

Когда на село, расположенное въ долинѣ, легла широкая, прохладная тѣнь отъ горы, закрывающей западъ, а въ долинѣ—туда, къ горизонту—все зарумянилось закатомъ, зардѣлись рощи, вспыхнули алымъ блескомъ изгибы рѣки и за рѣкой, какъ золото, засверкали равнины песковъ,—на селѣ

прекратилась торопливая, общая суматоха, скрипъ телѣгъ, шумный беспорядокъ послѣднихъ сборовъ, и народъ, пестрѣющій нарядами, надѣтыми на этотъ грустный праздникъ, собрался на зеленую леваду, въ бѣлой, старинной церковкѣ, гдѣ молились еще казаки и чумаки передъ своими далекими походами.

Тамъ, подъ открытымъ небомъ, между нагруженныхъ обозовъ, въ многолюдной толпѣ, какъ передъ ярмаркой, начался молебень. Но теперь, въ толпѣ стояла мертвая тишина. Голосъ священника звучалъ внятно и раздѣльно, и каждое слово молитвы скорбно пронизало до глубины важдаго сердца...

Много слезъ упало на этомъ мѣстѣ и въ былые дни. Также молча, и прежде, стояли здѣсь снаряженные въ далекій путь „лыцари“. Они тоже прощались, какъ передъ кончиной, и съ дѣтьми, и съ женами. Ихъ ожидали, можетъ быть, и невзгоды, и бури, и въ сердцахъ ужъ заранѣе звучала величаво—грустная „дума“ о томъ, „якъ на Чорному морю, на білому вамені сидить ясенъ совіль—білозірець, жалібненько квиле-проквиле, на святее небо, на Чорнее море спильна поглядае, що на святому небі, на Чорному морю не гараздъ починае“... Ихъ ожидали, можетъ быть, „вайданы турецькїи, ваторга бусурманьская“, и „сиви туманы“ въ дорогѣ, и одинокая смерть подъ степнымъ курганомъ, и стаи орловъ сизокрылыхъ, что будутъ „на чорній вудри наступати, зъ лоба очи казацькїи выдирати“... Но тогда были и другїя мечты и надежды, и гордая казачья воля. Тогда это были „лыцари“... А теперь стоитъ сѣрая толпа, забитая нуждою, которую навсегда выгоняетъ на край свѣта не прихоть казачья, а будничная, горькая бѣдность, эти желтые пески, что свервають за рѣкою... „Степъ веселый“, достался не тому, кто выросъ на немъ и сповонъ вѣку любилъ и прославлялъ его и въ пѣснѣ, и въ думѣ!.. И какъ на великой панихидѣ, заказанной по самомъ себѣ, грустно стоялъ народъ на молебнѣ съ понившими, обнаженными головами. Только ласточки звонко щебетали надъ ними, проносясь и утопая въ вечернемъ воздухѣ, въ голубомъ, глубокомъ небѣ.

А потомъ снова поднялись вопли...

И среди смутнаго говора, нестройнаго плача и криковъ двинулись эти странные, словно похоронные обозы по дорогѣ въ гору... Съ горы въ послѣдній разъ открылся „Великій

Перевозъ “ въ родной долинь—и скрылся... И сами обозы скрылись наконецъ за хлѣбами, въ поляхъ, въ блескѣ низкаго вечерняго солнца...

„Великій Перевозъ“ опустѣлъ.

Но говоръ и плачь еще не затихли совсѣмъ.

Взволнованный народъ толпами валилъ подъ гору, къ хатамъ. Были и такіе, что только вздохнули и пошли домой торопливо и безопасно: кончено, моль, и надо зажечь по прежнему... что-жъ дѣлать?.. Но такихъ было мало.

Молча шли и плакали древніе старики и старухи; хмурились суровые, хозяйственные мужики; ревѣли въ безсознательномъ страхѣ дѣти, которыхъ тащили за маленькія ручки отцы и матери, громко кричали молодыя бабы и дивчины...

Вотъ онѣ двѣ сзади всѣхъ спускаются подъ гору, по бѣлой каменистой дорогѣ. И онѣ наряжены по праздничному, но ужъ праздникъ кончился, и еще грустнѣй глядѣтъ на этотъ нарядъ похоронъ, на это безутѣшное горе милой, нѣжной молодости, украшенной дѣвичьимъ нарядомъ—легкой бѣлой сорочкой и разноцвѣтною плахтою, дорогой, старинной плахтой, береженной на веселую свадьбу!

А какъ горько плачетъ теперь дѣвушка, прижимая къ глазамъ рукава сорочки! Она почти не идетъ—каждую минуту спотыкаются на камни дѣвичьи ножки въ сафьяныхъ сапогахъ, на которые падаетъ изъ подъ плахты бѣлоснѣжный подолъ рубашки.

— Зинька, слухай-же!.. шепчетъ ей другая быстрымъ, умоляющимъ шепотомъ, сдерживая подступающія слезы,—хай ему чортъ, чога ты такъ плачешь?..

А ужъ какое тамъ „хай ему чортъ“! У самой разрывается сердце отъ нестерпимаго горя. Вѣдь все теперь кончено, все прошло безъ возврата, на вѣки.

Развѣ чаяла Зинька, что скоро проводить Юхыма, какъ въ могилу, проводить, чтобы уже никогда больше не видать его въ жизни? Какъ звонко и съ какою неудержимой, дѣтской радостью пѣла она до глубокой ночи, бѣгая съ рѣпки и на рѣку съ ведрами для огорода, когда отецъ Юхыма твердо сказалъ, что не пойдетъ на новыя мѣста.

А потомъ...

— Провинулись въ сю нічь, говорилъ Юхымъ, растерянно блѣднѣя,—провинулись вонь, Зинька, та й кажутъ:

„Идемо на переселеніе“!

— Якъ же такъ, тату, вы-жь казали...

— „Ни, кажутъ, я сонъ бачивъ“...

И сонъ все погубилъ — всѣ молодыя мечты и надежды! Впрочемъ, сонъ-ли?..

Вонь онъ стоитъ на горѣ, около мельницъ, въ толпѣ стариковъ старый Василь Шкутъ. Ему вотъ—вотъ собираться въ могилу, а онъ уже никогда больше не услышитъ родного слова и помретъ въ чужой хатѣ, одинокій на старости, и некому будетъ ему глаза закрыть. Передъ смертью оторвало его отъ семьи, отъ дѣтей и внучатъ это переселеніе. Онъ бы дошелъ, онъ еще крѣпокъ, но гдѣ-же взять эти 70 рублей, которыхъ не хватило для разрѣшенія идти на новыя земли?

Старики, разсѣянно переговариваясь, каждый съ своей думой, стоятъ на горѣ. Они все глядятъ въ ту сторону, куда отбыли земляки, на дорогу, гдѣ скрылись обозы.

Уже давно не стало видно и послѣдняго обоза.

Опустѣла и степь.

Но какая это чудная степь! Даже въ этотъ вечеръ весело въ ней! Весело и кротко расплѣваются, сыплютъ трели жаворонки. Мирно и спокойно догоряетъ ясный день. Привольно зеленѣютъ кругомъ хлѣба и травы, далеко—далеко темнѣютъ курганы; а за курганами необъятнымъ полукругомъ простерся горизонтъ и между землей и небомъ охватываетъ степи полоса, голубоватой воздушной бездны, какъ полоса далекаго моря.

— Шо воно таке, сей Уссурійскій край?—думаютъ старики, прикрывая глаза отъ солнца, и напрягаютъ воображеніе представить себѣ эту сказочную страну на концѣ свѣта и то громадное пространство, что залегаетъ между ней и „Великимъ Перевозомъ“.

— Далеко-ли отыхали? соображаютъ другіе и представляютъ себѣ, какъ это медленно тянется длинный обозъ, нагруженный добромъ, бабами и дѣтьми, медленно скрипятъ колеса, бѣгутъ собаки и шагаютъ за обозами по мягкой пыльной дорогѣ, пригрѣтой догорающимъ солнцемъ, „дядюшки“ въ широкихъ шароварахъ.

Небось и они все глядят въ эту загадочную, голубоватую даль:

— Шо воно таке и де винь—Уссурійскій край?

А старый Шкутъ, опершись на палку, представляет себѣ среди этихъ воевъ возъ сына и въ какомъ-то умиленіи, съ поворной улыбкой, отъ которой выступаютъ слезы, бормочетъ все про тоже:

— Я ему усе, усе давъ... И пилу, и фугановъ... И хату якъ строить винь теперь знае... Не пропаде!

II.

...Ахъ, что за странный это вечеръ!...

Какая-то новая, непонятная тишина стоитъ на селѣ въ эти сумерки.

Сумерки неясной дымкой теплой южной ночи смягчаютъ вечернюю синеву глубокой долины; сумерки окутываютъ тѣнями эту огромную картину широкой низменности съ темными кущами прибрежныхъ рощъ, съ тускло блестящими изгибами рѣчки, съ одиновими тополями, что чернѣютъ, выдѣляясь колоннами, надъ долиной. Старинный „Великій Перевозъ“ сѣрѣетъ своими свученными хатами въ котловинѣ у подошвы каменистой горы. Смутно, какъ полосы спѣлыхъ ржей, желтѣютъ за рѣкою пески. За песками опять, уже совсѣмъ неясно, темнѣютъ лѣса... И даль становится дымчато-лиловой и сливается съ сумеречными небесами...

Все какъ всегда бывало въ этой мирной долинѣ въ лѣтнія сумерки...

Но нѣтъ, не все! Много—много хатъ стоитъ темными, забитыми и нѣмыми...

Уже почти всѣ разбрелись по домамъ. Пустѣетъ дорога...

Медленно бредетъ по ней нѣсколько человѣкъ, провожавшихъ переселенцевъ до ближняго перекрестка.

Они чувствуютъ, должно быть, ту внезапную пустоту въ сердцѣ и непонятную тишину вокругъ себя, которая всегда охватываетъ человѣка послѣ тревоги проводовъ, при возвращеніи въ опустѣвшій домъ. Спускаясь подъ гору, они глядятъ на село другими глазами, чѣмъ прежде — какъ послѣ долгой отлучки...

Вотъ неясно разстиляется пахучій дымовъ надъ чей-то хатой... покойно и по будничному...

Къ чему это? Онъ не идетъ въ общему настроенію.

Вотъ красной звѣздочкой, среди темныхъ садовъ, среди скученныхъ дворовъ, загорѣлся огонекъ на селѣ...

И онъ не идетъ,—не надо огоньковъ въ этотъ грустный вечеръ!

На горѣ, близъ дороги, стоятъ одни темные и глухіе вѣтраки съ неподвижно распростертыми крыльями. Старики разошлись.

Молча пошелъ подъ гору, улыбаясь своей странной улыбкой старческаго, тихаго горя, осиротѣвшій Василь Швуть. Медленно отложилъ онъ калитку плетня, медленно прошелъ черезъ дворикъ и скрылся въ хатѣ.

Хата родная. Но Швуть больше въ ней не хозяинъ. Ее купили чужіе люди и позволили ему только дожить въ ней недолгій вѣкъ. Должно быть, это надо сдѣлать поскорѣе...

Въ теплое и душное мравѣ выжидательно трюкаетъ сверчокъ изъ-за печки... Словно прислушивается... Сонныя мухи гудятъ по потолку... Старикъ, опершись обѣими руками на лавку, согнувшись, сидитъ одинъ—одиношенекъ въ темнотѣ и безмолвіи.

Что-то онъ теперь думаетъ? Можетъ быть, про то, какъ гдѣ-то тамъ, по смутно блѣбющей дорогѣ тихо поскрипываютъ обозы?

Э, что про это думать!

Что-же дѣлать? Заснуть? Да развѣ заснешь теперь своро?.. А что дѣлать завтра, послѣ-завтра?

На блѣдно-свинцовомъ фонѣ маленькаго окошечка, выходящаго въ садъ, чернѣютъ силуэты двухъ-трехъ покосившихся намогильныхъ крестовъ. Тутъ, возлѣ родной хаты, давнымъ-давно почиваютъ вѣчнымъ сномъ всѣ его родные... Онъ остался съ ними. Надо поскорѣе къ нимъ, въ ихъ вѣчную „домовину“, въ дубовую „труну“. Теперь пора, пора на покой, на долгій безмятежный отдыхъ!

А пока—долга будетъ эта одинокая ночь.

Звонкій дѣвическій голосъ звенитъ слезами и замираетъ надъ селомъ, за рѣкою.

Ой, зійды, зійды,
Ясенъ місяцю!

плачетъ грустная пѣсня, обрывается и замолкаетъ надолго-надолго.

Ночь давно наступила. И вотъ въ тишинѣ приближается та роковая въ каждомъ горѣ минута, когда послѣ слезъ, послѣ перваго потрясенія, затихаетъ на мгновение сердце и вдругъ съ новой, поразительной силой и ясностью сознаетъ свою потерю, свое потерянное счастье и безумно рвется къ нему, и страшно дѣлается человѣку за самого себя...

И въ разлукѣ—что мучительнѣе и больнѣй той минуты, когда вдругъ ясно сознаешь, что разлука эта непоправима и что жизнь бы отдалъ за то только, чтобъ хоть еще разъ въ эту горькую минуту увидеть, чудомъ увидеть, возлѣ себя близкаго человѣка!..

Ой, зійды, зійды,
Ясенъ місяцю!

снова раздается звонкая-звонкая пѣсня, надрывая душу своюю безконечной, призывною грустью...

Южное ночное небо въ крупныхъ жемчужныхъ звѣздахъ. Темный силуэтъ неподвижнаго тополя рисуется на фонѣ ночного неба. Подъ нимъ чернѣетъ крыша, бѣлѣютъ стѣны хаты. Звѣзды сіяютъ сквозь листья и вѣтви....

III.

А они еще не далеко.

Они ночуютъ въ степи, подъ роднымъ небомъ, но имъ уже кажется, что они за тысячи верстъ отъ всего дорогаго и родного. И въ тоже время—близко.

Это—последняя ночь на степи!

Какъ цыганскій таборъ, расположились они у дороги. Распрягли лошадей, сварили ужинъ... То вели безконечные разговоры, то угрюмо молчали и сторонились другъ отъ друга.

Наконецъ таборъ затихъ.

Въ звѣздномъ свѣтѣ темнѣли беспорядочно скученные обозы, виднѣлись фигуры лежащихъ людей и наклоненныхъ къ травѣ лошадей. Сторожевые, поставленные на ночь, съ кнутами въ рукахъ, сонно ежились возлѣ телѣгъ, зѣвали и съ тоскою глядѣли въ темную степь...

Но—Боже мой!—съ какою радостью встрепенулись они,

когда услышали скрипъ проѣзжей телѣги и сопѣніе сѣрыхъ воловъ!

Землякъ!.. Они окружили его, улыбались и жали ему руку, словно не видались много-много лѣтъ.

Разбуженные разговоръ, подымались съ земли и другіе, и, застѣнчиво скрывая свою дѣтскую радость, тоже толпились къ телѣгѣ проѣзжаго, начинали разспросы, закуривали трубки и были готовы говорить хоть до самаго свѣта.

Потомъ опять все затихло.

Взволнованные встрѣчей, засыпали они, закрывая головы одеждами, и все думали объ одномъ, о далекой неизвѣстной странѣ на краю свѣта, о дорогахъ и большихъ рѣкахъ въ пути, о покинутомъ селѣ. И, казалось, что ихъ сердца незримо звучатъ въ ладъ съ сердцемъ каждаго, кто остался въ селѣ, трепещутъ одной грустью и одними желаніями, братской близостью и братскимъ горемъ...

Холодѣло.

Глубокая ночь царила надъ степью. Все спало ерѣпкеимъ сномъ — и люди, и дороги, и межи, и росистые, наклонившіеся хлѣба.

Съ отдаленнаго хутора чуть слышно донесся крикъ пѣтуха. Серпъ мѣсяца, мутно—краснаго и понижаго на одну сторону, показался на краю неба. Онъ почти не свѣтилъ. Только небо около него приняло зеленоватый оттѣнокъ, почернѣла степь отъ горизонта, да на горизонтѣ показалось что-то темное. Это были курганы. И только звѣзды и курганы слушали эту мертвую тишину на степи и дыханье людей, позабывшихъ во снѣ свое горе и далекія дороги.

Но что имъ, этимъ вѣковымъ молчаливымъ курганамъ до горя или радости небольшой кучки бабихъ-то существъ, которыя проживутъ мгновение и уступятъ мѣсто другимъ такимъ-же снова волноваться и радоваться и также безслѣдно исчезнуть съ лица земли? Много почевавшихъ въ степи обозовъ и становъ, много людей, много горя и радостей видѣли эти курганы. Для нихъ это все мелко и незначительно!

Однѣ звѣзды мерцаютъ, можетъ быть, не безстрастно. Онѣ, должно быть, знаютъ, что свято во вѣки вѣковъ человѣческое горе—будь это горе дикаго гунна или вафра или кого другого...

Оно свято и велико, потому что вѣчно.

Ив. Буяинъ.

ЗАГАДКА.

Разказъ Гейнца Товота, пер. съ нѣм. З. Журавской.

— Тебѣ надо жениться,—сказала она, какъ всегда, спокойно и просто, подошла ко мнѣ сзади и остановилась.

Я сидѣлъ у окна и угрюмо вглядывался въ надвигающіяся сумерки. Мятель въ вечеру усилилась; въ воздухѣ кружились хлопья снѣга.

— Вѣдь я знаю, что ты думаешь объ этомъ... Другъ мой, право, мысль обо мнѣ не должна смущать тебя. Я никогда не создавала себѣ глупыхъ иллюзій; я смотрю просто и на жизнь, и на наши съ тобой отношенія. Я никогда не забуду, какъ мило ты сказалъ мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что, еслибъ ты нашелъ дѣвушку, похожую на меня... ну, и такъ далѣе—помнишь?.. Я всегда буду благодарна тебѣ за эти слова, но я знаю, что это были только слова, какія принято говорить въ подобныхъ случаяхъ. Намъ пожениться немислимо; сдѣлавъ такую глупость, мы оба были бы всю жизнь несчастны; а я хочу твоего счастья...

Все это она говорила съ гордой самоувѣренностью, возмущавшей меня, и спокойствіемъ, вызывавшимъ во мнѣ тревогу. Еслибъ она не была такъ увѣрена въ себѣ, такъ безгранично разсудительна... Но, можетъ быть, это-то именно мнѣ и нравилось въ ней.

— Видишь-ли,—продолжала она и тихо опустила мнѣ на плечо свою руку,—видишь-ли, когда мы узнали другъ друга,—тому уже три года,—я сразу поняла, что наши отношенія не могутъ быть вѣчными... что придетъ минута, когда намъ нужно будетъ разстаться, потому что другого выхода нѣтъ. Такъ лучше же намъ разстаться добрыми друзьями, какъ подобаешь благороднымъ людямъ, которые очень любили другъ друга и теперь еще любить.

Я могъ только вивнуть головой, а она все стояла за моимъ стуломъ и ласково, точно старшая, гладила меня по волосамъ и по лбу.

— Все равно, этимъ кончится... Я давно уже чувствую, что тебѣ надоѣла эта жизнь, что для тебя наступило время подумать о будущемъ, что тебя тянетъ къ порядку, къ семьѣ. Если кто и станетъ у тебя на дорогѣ, то во всякомъ случаѣ не я. Ты честолюбивъ; чтобы достигнуть чего-нибудь, тебѣ надо взять жену изъ общества. Я хочу только одного—чтобъ ты былъ счастливъ, и потому повторяю тебѣ: женись!.. Только объ одномъ прошу тебя, не бросай меня, какъ бросаютъ въ уголь старый, увядшій бузетъ; слышишь? Этого я бы не вынесла; ты знаешь, какъ я тебя всегда любила...

Не въ первый разъ она такъ говорила со мной. И прежде у насъ бывали подобные разговоры, но теперь она вооружилась противъ меня моими же аргументами. Она хорошо знала, что я не могу бросить ее такъ, на произволь судьбы, послѣ трехъ лѣтъ совмѣстной жизни. Уже одна мысль, что другой послѣ меня будетъ обладать ею... Да нѣтъ, разумѣется, я обезпечу ее.

— Можетъ быть,—кто знаетъ,—улыбнулась она какой-то усталой улыбкой,—можетъ быть, найдетъя человекъ, который женится на мнѣ... Потому что иначе я никогда не соглашусь. Прямо тебѣ говорю—никогда!

Сначала я думалъ, что все это она говоритъ только для того, чтобы вѣрнѣе привязать меня къ себѣ; она знала, что такія ея рѣчи возмущаютъ меня: я, обыкновенно, начиналъ возражать, увѣрять, что я никогда ее не покину, что я слишкомъ люблю ее...

Но и я хорошо зналъ ее и видѣлъ, что она говоритъ серьезно.

Странно даже, какъ при такой красотѣ и молодости,—вѣдь ей было всего 22 года,—она могла разсуждать всегда такъ спокойно и такъ благоразумно. Никогда я не замѣчалъ въ ней увлеченія или пристрастія, никогда не слышалъ отъ нея сентиментальныхъ фразъ, какія сплошь и рядомъ говорятся при подобныхъ отношеніяхъ.

Мы даже никогда не ссорились.

На первыхъ порахъ меня возмущали ея холодность и безстрастіе, но потомъ и это прошло. При всемъ желаніи я не могъ сомнѣваться въ томъ, что она меня любитъ.

Но любовь эта проявлялась только мгновениями; потому эти мгновения часто казались мнѣ сномъ.

Она была всегда вѣрна себѣ и непоколебимо тверда въ своихъ рѣшеніяхъ; это, кажется, больше всего привлекало меня въ ней. Я не имѣлъ никакого предлога покинуть ее; подозрѣвать ее или сомнѣваться въ ея вѣрности казалось невозможнымъ—она была такъ холодна, такъ неприступна!..

Вначалѣ я употреблялъ всѣ средства, чтобы разогрѣть ее, пробить эту кору безстрастія; я прямо таки мучилъ ее, но ничего не могъ добиться:—разсердился, бывало, и только. Я постоянно искалъ въ ней женственной слабости, увлеченія, того сладкаго безумія, которымъ такъ любятъ опьянять себя женщины, но не находилъ. Она вѣчно ускользала изъ моихъ рукъ, вѣчно оставалась для меня загадкой, но загадкой интересной и милой.

Она откровенно высказывала мнѣ свои взгляды на жизнь и людей, но о себѣ самой и о своей любви почти не упоминала. Для нея эта любовь была чѣмъ-то, что подразумевается само собой, такъ что и говорить то объ этомъ не стоить.

Помню, раза два мы чуть было не порвали съ ней окончательно, изъ-за того, что я приставалъ въ ней съ вопросомъ: „Да вправду ли ты меня любишь?“ И все старался поймать ее врасплохъ, уловить подходящее настроеніе, чтобы добиться отвѣта.

Въ такія минуты она какъ-то вся сжималась, уходила въ себя, какъ улитка прячется въ своей домикъ, когда до нея дотронешься пальцемъ; холодомъ вѣяло отъ нея; ея тонкія брови вытягивались въ прямую линію; глаза смотрѣли такъ странно, такъ чуждо, и она замыкалась въ такое упорное молчаніе, что никакими силами нельзя было добиться отъ нея ни единого слова.

Напротивъ, когда я былъ холоденъ и спокоенъ, когда я отталкивалъ ее или говорилъ съ нею рѣзко,—тогда она измѣнялась: тогда она начинала ухаживать за мною, тогда у нея находились и любовныя рѣчи, и ласки. Разъ вечеромъ, я рѣшительно объявилъ ей, что ухожу.—Она вдругъ вскочила, загородила мнѣ дорогу и уцѣпилась за меня дрожащими пальцами, вскрикивая отъ боли, словно въ смертельной тоскѣ.

Ее не надо было ни въ чемъ принуждать, ничего не требовать отъ нея, но ждать, пока придетъ ея часъ, пока она

сдастся добровольно,—она была такъ стыдлива, стѣснялась даже говорить о любви.

Съ нѣкоторыхъ поръ ее преслѣдовала мысль, что я хочу жениться.

Нельзя сказать, чтобы она была неправа. Вокругъ меня всѣ мои пріатели, одинъ за другимъ, создавали себѣ семью, домашній очагъ, и я невольно спрашивалъ себя: неужели мнѣ суждено остаться холостымъ? Вѣдь я совершенно неспособенъ жить одинъ; я ничего такъ не боюсь, какъ одиночества.

Какъ-то она узнала, что я довольно живо заинтересовался одной молодой особой, но знакомство наше оборвалось въ самомъ началѣ, —вѣроятно, изъ-за моихъ отношеній къ ней.

Съ того дня она стала употреблять всѣ усилія, чтобы облегчить осуществленіе моей тайной мечты.

Такъ нѣжна, такъ кротка и покорна, какъ въ это время, она никогда еще не была, пока не замѣтила, что этимъ она дѣлаетъ разлуку для меня еще тяжеле.

Тогда она приняла энергическое рѣшеніе, и, какъ я ни противился, поставила на своемъ: мы стали жить отдѣльно, на разныхъ квартирахъ.

Прошла недѣля, другая, мѣсяцъ,—она мало-по-малу приучила меня къ мысли, что я долженъ жениться,—и вотъ, въ одинъ прекрасный день мнѣ показалось, что я нашелъ себѣ подходящую жену.

Эту молодую дѣвушку нельзя было не любить, такъ она была хороша, мила и добра; скоро я узналъ, что и она меня полюбила.

Мнѣ казалось, что она во всемъ во мнѣ подходитъ и удовлетворяетъ моимъ требованіямъ—у меня были свои понятія о женѣ; поэтому я сближался съ нею все больше и больше и наконецъ, послѣ зрѣлаго обсужденія, рѣшилъ посвататься...

Моя милая была всегда такъ искренна и правдива со мной, что и я съ самаго начала рассказалъ ей о *той, другой*, а потомъ о своемъ рѣшеніи.

Она очень поблѣднѣла, когда я сказалъ ей, и въ глазахъ у нея что-то затрепетало, какъ будто слезы готовы были политься; я привлекъ ее къ себѣ, чтобы успокоить.

Съ минутой ея головка лежала на моемъ плечѣ; съ минутой губы мои цѣловали ея лобъ, ея мягкіе пепельные во-

лосы; потомъ она тихонько высвободилась и отошла, уже совсѣмъ сповойная, владѣющая собою, опять такая, какъ всегда.

Мы усѣлись въ нашемъ любимомъ уголкѣ, у камина, придвинули ближе къ огню мягкія кресла и стали говорить, какъ добрые, старые друзья; темная комната по временамъ озарялась свѣтомъ; зубчатый отблескъ желтаго пламени скользилъ по стѣнамъ, а мы все говорили—о прошломъ и о будущемъ, умно, разсудительно...

Только въ этотъ вечеръ я понялъ, какъ она мнѣ близка. Ей стоило сказать одно слово, и я вернулся бы къ ней; но это слово не было сказано, и мы продолжали жить рядомъ, но не вмѣстѣ.

Раза два я пытался обнять ее, привлечь къ себѣ, приглубить, какъ прежде; но она, бывало, только взглянетъ на меня своими говорящими глазами, и я отворачиваюсь, чтобы скрыть отъ нея, насколько я слабѣе ея.

А время шло и наконецъ я рѣшился сдѣлать предложеніе родителямъ молодой дѣвушки.

Наканунѣ вечеромъ мы сидѣли далеко за полночь, вспоминая минувшіе годы—и наши путешествія, и лѣто, проведенное въ Швейцаріи, и все, что было сообща передумано и пережито, что насъ такъ соединило и сблизило, что мы точно слились въ одну душу, понимали другъ друга съ полуслова, что достаточно было одному изъ насъ намегнуть, чтобы въ умѣ другаго сложилась одинаковая цѣпь мыслей, что намъ казалось, будто мы не можемъ уже больше разъединиться и жить врозь, потому что слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга, потому что каждый изъ насъ пересоздалъ другого по своему образу и подобию.

Прожить три года подъ одной кровлей, въ одинаковыхъ условіяхъ, питаться одной пищей, дышать однимъ воздухомъ, думать и чувствовать заодно, отдаться другъ другу душою и тѣломъ—и вдругъ такъ, сразу, разойтись!—Да зачѣмъ же это?—Зачѣмъ?!

Все влекло меня къ ней, сюда; все здѣсь было мнѣ такъ знакомо, а я собирался уйти и связать свою жизнь съ юнымъ, чуждымъ мнѣ существомъ, невѣдомымъ и таинственнымъ, которое, при моемъ медлительномъ, нерѣшительномъ характерѣ, я могу узнать лишь съ теченіемъ времени, когда-нибудь, постепенно.

А она тутъ же, возлѣ, такъ умна, такъ разсудительна, такъ хороша! Никогда она не казалась мнѣ краше, чѣмъ въ это время, когда она уже не принадлежала мнѣ, когда я соби-рался пожертвовать ею—ради чужой.

Я сидѣлъ и говорилъ о быломъ, старомъ, знакомомъ, чтобъ заглушить свои мысли, потому что вѣдь мнѣ надо было уйти изъ этой уютной комнатки, гдѣ каждый предметъ имѣлъ свою исторію, гдѣ все, все навѣвало воспоминанія.

Мнѣ не вѣрилось, что это конецъ. Промѣнять этотъ покой, этотъ душевный миръ и довольство на какое-то сомнительное счастье, которое, *можетъ быть*, явится въ будущемъ, да это—преступленіе, это—какая-то смѣшная нелѣпость!..

Я не въ силахъ былъ уйти отъ нея; я готовъ былъ остаться, на сегодня, на завтра—навсегда! Я ждалъ только одного ея слова и не хотѣлъ оставлять ее, но ея умныя ручки тихонько подталкивали меня къ двери, а милый голосъ баюкалъ мое волненіе.

Все, что она мнѣ говорила, было такъ благоразумно, такъ страшно справедливо: что вся моя карьера стоитъ на картѣ, что мнѣ необходимо создать себѣ домашній очагъ, семью, а на ней жениться невозможно,—всѣ знаютъ, что мы раньше жили вмѣстѣ, и общество никогда не простило бы мнѣ этого,—да и мать свою я не имѣю права огорчить такимъ образомъ.—Все это я сотни разъ повторялъ и ей, и себѣ, но мнѣ было страшно больно слушать, когда она сама говорила объ этомъ, точно о чемъ-то таковомъ, противъ чего мы оба бессильны; мнѣ хотѣлось кривнуть ей: Да вѣдь это неправда, я останусь съ тобой! Не гони меня отъ себя,—я не могу уйти, я слишкомъ люблю тебя!

И все-таки я ушелъ, и, уходя, каждую минуту готовъ былъ вернуться, и долго стоялъ передъ домомъ, и долго глядѣлъ на ея окно—не выглянетъ ли она.

Но въ домѣ ничто не шевелилось, и я собралъ все свое мужество и пошелъ—медленно, еле передвигая ноги, въ темнотѣ, въ обходъ, узкими переулками, все время борясь съ желаніемъ возвратиться къ ней...

Такъ я вошелъ въ свой одинокій домъ.

Долго я сидѣлъ, опустивъ на руки усталую голову, старался поймать нить своихъ мыслей—и не могъ; мнѣ все представлялось, какъ она теперь сидитъ дома, тоже одна, и я

зналъ, что теперь она уже не удерживаетъ слезъ, которыя такъ мужественно подавляла при мнѣ...

Но такъ должно быть! Какъ же иначе могло это кончиться!

* * *

На другое утро я пошелъ къ *другой*.

За ночь я твердо рѣшился и передумать не хотѣлъ, но едва ли когда-нибудь мужчина съ такой болью въ сердцѣ выходилъ изъ дому, чтобы связать свою судьбу съ судьбой дѣвушки.

Я не ошибся въ расчетѣ, я зналъ съ самаго начала, что меня примутъ съ распростертыми объятіями.

Потомъ я поцѣловалъ свою невѣсту, и она меня поцѣловала. Все было кончено безвозвратно.

Я поспѣшилъ домой и послалъ къ ней слугу извѣстить ее.

Она сама просила дать ей знать и просила еще, чтобы въ этотъ день, въ сумеркахъ, я еще разъ зашелъ къ ней—подъ вечеръ, не раньше, какъ добрый другъ, какимъ отнынѣ я долженъ стать для нея...

Наконецъ-то, наконецъ,—насталъ этотъ часъ!

Какъ это будетъ? Какъ мы встрѣтимся съ ней?—У меня не было въ головѣ ни одной ясной мысли; сердце колотилось, какъ безумное.

Вотъ я и у дома, медленно поднимаюсь по широкой лѣстницѣ; въ первый разъ за все время мнѣ бросаются въ глаза танцующіе амуры, нарисованные на стѣнахъ; я ищу въ карманѣ ключей; они еще у меня, но сегодня я передамъ ихъ ей—разорву послѣднюю связь... Вотъ и дверь...

Я отворяю... Все тихо... горничная не вышла мнѣ на встрѣчу, какъ обыкновенно; надо самому повѣсить пальто и шляпу на вѣшалку. Я все это продѣлываю медленно, обстоятельно,—потомъ, по привычкѣ, стучусь въ дверь гостиной.

Ни звука.

Я открываю дверь, иду по мягкому ковру, чувствуя какое-то стѣсненіе въ груди, отдергиваю портьеру, закрывающую дверь въ самый укромный, самый любимый нашъ уголокъ и тамъ...

Тамъ, на коврѣ, лежала она на боку... Страшный испугъ охватилъ меня, потомъ такое чувство, какъ будто въ волнѣ крови, прихлынувшей къ сердцу, вертится и таетъ маленькая, острая льдинка...

Въ одной рукѣ у нея было зеркальце слоновой кости, въ другой маленькій револьверъ съ ручкой изъ чернаго дерева — хорошенькаяя грушка, которую она, своими неотступными просьбами, таки заставила меня подарить себѣ въ прошломъ году.

А на висѣхъ пепельные волосы слегка обожжены — и подними крошечное, окруженное черными точками отверстие, изъ котораго, капля за каплей, вытекала темно-алая кровь, рѣзко рѣзко выдѣляясь на блѣдной кожѣ.

Лицо совсѣмъ спокойное; вокругъ тонкихъ губъ даже что-то вродѣ улыбки.

Въ первый моментъ я не испыталъ ничего, — ни горя, ни боли; даже мыслей не было; только свинцовая тяжесть во всѣхъ членахъ.

Я поднялъ ее — какъ она была тяжела! — и осторожно положилъ на chaise-longue; при этомъ я почувствовалъ холодъ ея тѣла, страшный холодъ...

Долго я сидѣлъ, держа ее за плечи и глядя въ блѣдное, прекрасное лицо, и все спрашивалъ только одно: зачѣмъ-же? зачѣмъ?

Зеркало упало на полъ, разбилось...

Потомъ я съ трудомъ вынулъ изящный револьверъ изъ оковчѣвшихъ пальцевъ и положилъ его на маленькій столикъ и тутъ мнѣ попалась на глаза, лежавшая на немъ, визитная карточка, возлѣ карандашъ, а на карточкѣ одно слово, только одно слово:

„Прости!“

И еще въ уголкѣ, внизу, совсѣмъ мелко: „Пожалуйста, вспомни свое обѣщаніе!..“

Мое обѣщаніе!

Однажды, еще въ то время, когда мысль о разлукѣ была совсѣмъ чужда и далека отъ меня, она, стыдливо спрятавъ головку у меня на груди, попросила:

— Если мы когда-нибудь разстанемся — все равно, друзьями или врагами, — обѣщай мнѣ, обѣщай мнѣ только одно: если ты тогда услышишь, что я умерла, — приди ко мнѣ и поцѣлуй меня еще разъ, — одинъ разъ, послѣдній, въ губы... Обѣщай мнѣ, что ты это сдѣлаешь!

Это было такъ непохоже на нее, что у меня невольно сжалось сердце, и я обѣщала ей, среди страстныхъ поцѣлуевъ, терзаясь мыслью, что я могу когда-нибудь потерять ее.

И вотъ, она ушла отъ меня добровольно, и ничего не оставила мнѣ, кромѣ одного слова: „Прости!“.. Но въ этомъ словѣ сказалась вся ея жизнь и вся ея любовь.

Прости!..

Въ тотъ же день я взялъ назадъ слово, данное утромъ, потому что не могъ сдержать его, потому что мнѣ и давать-то его не слѣдовало.

Только теперь я понялъ, какъ она любила меня и что я никогда больше не забуду ея ради другой женщины,—никогда!..

РОДИНА.

Гдѣ моя родина? Тамъ, гдѣ впервые
Очи увидѣли свѣтъ,
Слухъ убаюкали звуки родные,
Душу обвѣяли сны золотые?..
Сердце отвѣтило: нѣтъ!

Тамъ ли она, гдѣ, на смѣну ненастья
Юныхъ загубленныхъ лѣтъ,
Горькихъ обидъ, тайныхъ мукъ безъ участя,—
Ждутъ меня годы покоя и счастья?..
Сердце отвѣтило: нѣтъ!

Тамъ ли она, гдѣ въ дѣянья народа
Вписанъ ужъ правды завѣтъ,
Совѣсть и мысль осѣнила свобода,
Смѣлымъ умамъ поворилась природа?..
Сердце отвѣтило: нѣтъ!

Тамъ ли, гдѣ жизнь—роковое страданье,
Смерть—только радость врагамъ,
Гдѣ моя пѣснь успокоить рыданье,
Гдѣ мой призывъ окрылить упованье?..
Сердце отвѣтило: тамъ!

А. Колтоновскій.

ДЕКАДЕНТСТВО ВЪ МОРАЛИ.

Nomina sunt odiosa.

I.

Въ послѣдніе годы не только у насъ, но и въ Европѣ, вопросы о морали пользовались исключительнымъ вниманіемъ публики. Сочиненія Достоевскаго и Толстого не только изучались и читались нарасхватъ за-границей, но и вызвали толпу подражателей,—какъ беллетристовъ, такъ и философствующихъ публицистовъ. Въ западной Европѣ и Америкѣ явленіе это обусловлено иными причинами, чѣмъ у насъ. Западные общества стоятъ на рубежѣ между старымъ строемъ жизни, развившимся у нихъ въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ, и строемъ грядущимъ. Старый строй ставилъ въ переднемъ углу капиталъ; грядущій строй ставить во главѣ всего трудъ.

Подобныя соціальныя перемѣны не мыслимы безъ обширныхъ измѣненій во всемъ остальномъ ходѣ жизни—умственной, моральной и т. д. Наше время поэтому можно справедливо назвать временемъ смутнаго умственного броженія, или, употребляя терминъ Огюста Конта,—умственной анархіей. Что такое умственная анархія? Это—такое состояніе общества, когда еще не выработались, не установились общественные, философскіе и моральные идеалы и принципы, болѣе или менѣе тождественные у всего общества, а потому способные объединить его, т.-е. ведущіе къ одинаковымъ общимъ цѣлямъ и задачамъ. Подобное состояніе общественного интеллекта напоминаетъ тотъ разбродъ, который символически прекрасно изображенъ въ исторіи съ Вавилонской башней: люди вдругъ заговорили на разныхъ языкахъ и перестали понимать другъ друга. При такихъ условіяхъ постройка башни сдѣлалась невозможной.

Если, вмѣсто башни, мы подставимъ въ этой исторіи задачу устройства общественной жизни, а вмѣсто смѣшенія языковъ—смѣшеніе идей, вѣрованій, идеаловъ, принциповъ, то мы поймемъ

великій дидактическій смыслъ древней священной легенды. Она учить людей—стремиться къ умственному и моральному единству, безъ котораго общество, какъ цѣлое, не можетъ существовать прочно, — жить и развиваться успѣшно. Впрочемъ, эта истина бессознательно живетъ въ каждомъ: она заставляетъ людей пропагандировать среди близкихъ или согражданъ свои идеи, идеалы, принципы; она заставляла въ древнія эпохи заботиться объ обращеніи всѣхъ членовъ общественнаго тѣла къ какой нибудь одной религіи; она заставляетъ въ наше время лихорадочно заботиться о распространеніи просвѣщенія среди народныхъ массъ, оторванныхъ умственно отъ жизни, задачъ и интересовъ интеллигенціи; она же заставляетъ, напримѣръ, въ Англии, устраивать тысячи учреждений для проведенія въ народъ результатовъ современной науки, а въ Америкѣ она же вызвала, — наряду съ дѣятельной пропагандой различныхъ религіозныхъ сектъ, — такую же пропаганду, напр., эволюціонной этики Герберта Спенсера: множество кружковъ и обществъ разрабатываютъ основныя начала этой этики, популяризируютъ ихъ въ массѣ путемъ чтеній и публичныхъ дебатовъ, напоминающихъ церковныя проповѣди и т. д., и т. д. Такимъ-то образомъ совершается работа необходимаго общественнаго объединенія въ тѣхъ странахъ, гдѣ частная инициатива сильна и предприимчива. И вотъ почему, въ такихъ странахъ, умственная и моральная анархія не носитъ того остраго характера, парализующаго жизнь и дѣятельность общества, — какой она имѣетъ въ странахъ застоя, въ странахъ, не развившихъ у себя самодѣятельности и частной инициативы. Здѣсь кризисы мысли и морали могутъ затягиваться на безконечное число лѣтъ, обостряясь все больше и больше и доходя до настоящаго вавилонскаго смѣшенія языковъ.

Откуда же возникаетъ умственная анархія? Нельзя-ли ее прекращать мѣрами внѣшними, внѣшнимъ подавленіемъ и запрещеніемъ мысли и разсужденія?

Исторія показываетъ, что такія внѣшнія мѣры приводили къ обратнымъ результатамъ. Умственная анархія не есть какая либо болѣзнь, а лишь естественный моментъ въ процессѣ постояннаго развитія, временами усиливающейся, выступающей сильнѣе. Причиной умственной анархіи бываетъ вначалѣ естественное стремленіе человѣческаго ума къ изобрѣтательности или творчеству во всѣхъ областяхъ, а, въ томъ числѣ, и въ области мысли, науки, морали. Цѣлыя столѣтія кажущагося затихшья и полнаго единообразія — умственнаго, религіознаго, моральнаго, политическаго смѣняются, повидимому, внезапно — общей умственной дифференціацией. Но это только такъ кажется. При самомъ полномъ за-

тишьѣ, при самомъ глухомъ единообразіи, какое, напр., было въ Европѣ, въ средніе вѣка, мысль работала энергично у отдѣльныхъ единицъ, критикуя настоящее и создавая тѣ поправки, которыя называются обыкновенно «новыми идеями». Эта работа мысли зарождается все въ большемъ и большемъ числѣ умовъ, создаетъ новыя приемы мысли и научнаго изслѣдованія, открываетъ новыя факты, изъ нихъ создаются новыя гипотезы, новыя теоріи... Въ слѣдующей затѣмъ стадіи, мысль начинаетъ работать въ направленіяхъ совершенно неожиданныхъ, разбивается на множество группъ, борющихся за свое преобладаніе; одні изъ нихъ, дѣйствительно, побѣждаютъ и охватываютъ тысячи и миліоны людей; другія вырождаются и гибнутъ; такимъ-то образомъ, напр., въ средніе вѣка одержали верхъ, съ одной стороны—нѣсколько реформаціонныхъ ученій въ области религіи, раздѣливъ Европу на извѣстное число вѣроисповѣданій, а, съ другой стороны, надъ этимъ раздѣленіемъ уцѣлѣло могучее общее и объединяющее научное мышленіе или наука, которая потому и стала центромъ и источникомъ надеждъ,—что только она, въ концѣ долгаго процесса, оказалась *универсальной*, всемірной, тогда какъ всѣ другія теченія мысли, хотя и побѣдившія,—оказались мѣстными, раздѣляющими *человѣчество*, т.-е. объединяющими только его *отдѣльныя группы*.

Этотъ великій процессъ, являющійся то въ большихъ, то въ меньшихъ размѣрахъ у всѣхъ историческихъ народовъ, можетъ казаться анархіей мысли и морали только въ періодъ своего апогея, послѣ котораго начинается новое перераспредѣленіе силъ и общественныхъ группъ,—новыя формы единства и соответствующей жизни. Проходятъ года, и въ этомъ новомъ единствѣ опять работаетъ мысль единицъ, снова зарождается тотъ же процессъ критики настоящаго и творчества новыхъ идей, формъ и отношеній.

Такъ происходитъ дѣло, когда процессъ развивается нормально, изъ нѣдръ самого общества и на почвѣ живыхъ потребностей улучшенія жизни. Иной характеръ носитъ тотъ же процессъ тамъ, гдѣ интеллигенція возникла искусственно, подражательно, или отдѣлена отъ народа китайской стѣной, не позволяющей сдѣлать почти ни одного шага къ тому умственному эндосмозу и экзосмозу, который является неизбѣжнымъ условіемъ жизнениности и здоровья—и самой интеллигенціи, и народа. Только при постоянномъ общеніи съ народомъ, интеллигенція можетъ проникаться его потребностями, нуждами, скорбями, его умственными теченіями и запросами. Только при такомъ общеніи, она можетъ вносить въ народъ здоровый и правильный прогрессъ, отвѣчающій непосредствен-

но на нужды народной жизни,—какъ матеріальныя, такъ и духовныя; только при такомъ общеніи возможенъ обоюдный живой духовный обмѣнъ. Безъ этихъ условій, народъ является, говоря словами Достоевскаго, —одинокимъ и покинутымъ, а интеллигенція—висящей въ пустотѣ или замуравленной въ четырехъ стѣнахъ своихъ мертвящихъ кабинетовъ. И, понятно, что интересы такой интеллигенціи оказываются,—по крайней мѣрѣ, у большинства ея,—интересами призрачными, выдуманнми, искусственно-болѣзненными, какимъ-то кошмаромъ. Или же, еще чаще, у нея атрофируются какіе бы то ни было интересы; время ея ничѣмъ живымъ не наполнено; его приходится «убивать», а не употреблять на живое дѣло или живую мысль. Самая мысль вырождается и гложетъ подъ гнетомъ сознанія, что она не нужна для жизни, что она, въ такой средѣ—забава, а не живое дѣло, могущее перейти въ дѣйствительность. Подобное состояніе мысли особенно бросается въ глаза у насъ въ провинціи: люди, совсѣмъ молодые и еще недавно выступившіе въ жизнь съ запасомъ прекрасныхъ стремленій, уже черезъ годъ, много два, теряютъ всякій аппетитъ къ умственной жизни, къ чтенію, къ какой бы то ни было общественной инициативѣ. Карты становятся единственнымъ ихъ занятіемъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ кто-то собралъ статистическія данныя о томъ, сколько истрачено денегъ на карты въ Одессѣ,—этомъ «центрѣ южно-русской цивилизаціи», въ этомъ приморскомъ, университетскомъ городѣ, гдѣ умственная жизнь могла бы быть ключомъ; оказалось, если память не измѣняетъ мнѣ, что картъ было куплено въ Одессѣ на 40.000 рублей. Интересно бы сопоставить суммы, затрачиваемыя въ Россіи съ одной стороны на книги, а съ другой—на карты. Желающіе ознакомиться болѣе подробно съ совершеннымъ оскудѣніемъ русскаго общества въ умственномъ отношеніи могутъ найти убѣдительны матеріалъ по этому вопросу въ книгѣ г. Н. Рубакина «О русской читающей публикѣ». Понятно, что при такихъ условіяхъ умственной жизни, даже и та работа мысли, какая имѣется въ наличности, носить,—за небольшими исключеніями,—характеръ скорѣе праздной забавы и развлеченія отъ тоски, чѣмъ серьезнаго дѣла. Вотъ почему у насъ вдругъ ни съ того, ни съ сего объявляются какія нибудь «новыя» направленія въ литературѣ, не только не имѣющія въ себѣ ничего новаго, но давно сданныя въ архивъ. Ихъ новизна состоитъ развѣ только въ неожиданности того сумбура, который казался совершенно забытымъ, но вдругъ снова выплываетъ въ новой обложкѣ и съ новыми словами. Такимъ образомъ, мы, напримѣръ, имѣли удовольствіе пережить свою «эпоху возрожденія», но только не европейскую, которая была возрожденіемъ наукъ и

искусствъ, а эпоху возрожденія мистицизма 20-хъ годовъ, эстетизма 30-хъ годовъ, метафизики 40-хъ годовъ и даже Грече-Булгаринскаго патриотизма. И все это въ то время, когда народъ переносилъ величайшія невзгоды холерной эпидеміи, голода, — когда онъ тонулъ въ безпросвѣтномъ мракѣ невѣжества, безграмотности и такихъ суевѣрій, которыя кончались человѣческими жертвоприношеніями!

Такое состояніе русской общественной мысли не есть, конечно, состояніе анархіи мысли въ томъ видѣ, какъ оно бывало въ Европѣ. Это—просто *вырожденіе мысли, атавизмъ, декадентство*. Правда, подобное декадентство замѣчалось въ послѣднее время и у нашего политическаго «друга», Франціи. Но тамъ, среди кипучей умственной и политической жизни, среди гигантской научной, умственной и просвѣтительной дѣятельности, оно—незамѣтная капля въ океанѣ; тамъ оно—плодъ нѣсколькихъ больныхъ и вырождающихся мозговъ, которые неизбѣжны во всякой странѣ, какъ неизбѣжны обитатели домовъ для умалишенныхъ.

Въ странѣ, гдѣ представители интеллигенціи могутъ считаться сотнями тысячъ и милліонами, подобное явленіе не представляетъ ничего характеристическаго. Наоборотъ, тамъ, гдѣ представители умственной жизни должны считаться, если не сотнями, то маленькими тысячами, это-же самое явленіе весьма знаменательно: тутъ оно является плодомъ жизни въ пустомъ пространствѣ; такая жизнь порождаетъ невольно, — вмѣсто здоровой мысли, отвѣчающей на запросы народной жизни, — безплодную *тру* въ умственныхъ бирюльки, безцѣльное толченіе воды въ ступѣ...

Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ нашего умственнаго декадентства являются, напр., нападенія на науку, составляющую у насъ первую и важнѣйшую потребность. Наши декаденты зовутъ общество въ таинственныя дебри метафизическаго мистицизма, сбивая съ толку слабое сознаніе общества, которое и безъ того мечется изъ стороны въ сторону, не умѣя въ темнотѣ отыскать себѣ опредѣленнаго принципа или критерія для правильной постановки своихъ отношеній къ дѣйствительной жизни и ея вопросамъ.

Но, конечно, наши декаденты мысли удѣляютъ особое вниманіе моднымъ моральнымъ вопросамъ. И чего тутъ только нельзя встрѣтить: одинъ, смѣшивая свободу воли съ внѣшней свободой, доказываетъ, что намъ не нужно ничего, кромѣ выработки личной внутренней свободы; другой, — путая этику, какъ *науку о морали*, съ *научною моралью*, какъ суммой принциповъ, вытекающихъ изъ широкаго научнаго міросозерцанія, — громитъ науку за ея вторженіе въ область интимныхъ вопросовъ сердца и чувства;

третій требуетъ, чтобы всѣ научныя и философскія теоріи морали были забыты, и мы руководились бы только совѣстью: она все знаетъ и всему научить... Я не предполагаю въ этой небольшой статьѣ рассмотреть это декадентство мысли въ его цѣломъ. Для перваго этюда я беру только маленькій уголокъ, касающійся той путаницы, какая вносится декадентствомъ въ область морали.

Я постараюсь показать, что отрицаніе въ этой области значенія науки и мысли не оправдывается ни одной изъ существующихъ этическихъ теорій,—конечно, если мы будемъ примѣнять ихъ основныя положенія съ должной послѣдовательностью.

II.

Если игнорировать мелкія детальныя различія, то всѣ существующія нынѣ теоріи морали можно раздѣлить прежде всего на двѣ большія группы.

Одна группа выводитъ мораль изъ непосредственнаго разсчета пользы или эгоизма; другая—изъ внутренняго голоса или моральнаго чувства, совѣсти и т. п.

При этомъ, вторая группа раздѣляется на нѣсколько второстепенныхъ группъ, смотря потому, какъ эти группы объясняютъ происхожденіе внутренняго голоса. Однѣ объясняютъ его мистическими наитіями таинственной сверхчувственной силы или «Разума», стоящаго внѣ человѣка; другія видятъ въ немъ продуктъ эволюціи, т.-е. накопленія въ мозгу и нервахъ тысячелѣтняго опыта предковъ; наконецъ, третьи,—какъ Шопенгауэръ,—думаютъ, что этотъ внутренній голосъ есть голосъ симпатіи, зависящей отъ внутренняго единства или тождества всего міра, а слѣдовательно, и всѣхъ людей. Это внутреннее единство состоитъ въ томъ, что всѣ явленія міра имѣютъ своей подкладкой единую «міровую волю» и представляютъ только ея проявленія. Къ этой послѣдней группѣ можно отнести еще одну теорію, заслуживающую особаго вниманія: она признаетъ, какъ и Шопенгауэровская, источникомъ моральнаго чувства—единство всего существующаго и вытекающую изъ него симпатію, но это единство она видитъ не въ метафизической міровой волѣ, а въ научно-доказанномъ единствѣ вещества и тождествѣ біологическаго строенія.

Для наглядности, я перечислю еще разъ поименованныя выше группы:

- 1) Мораль разсуждающая или утилитаріанизмъ.
- 2) Группа моральныхъ теорій, опирающихся на внутренній голосъ:

- а) Мистическое наитіе или мистическій интуитивизмъ.
- б) Наитіе или интуитивизмъ, выработанные въ мозгу и нервахъ эволюціей организмовъ и обществъ.
- в) Интуитивизмъ, вытекающій изъ внутренняго единства всѣхъ индивидуумовъ или мораль непосредственной симпатіи.

Читатели увидятъ дальше, что эти группы приблизительно охватываютъ всѣ отгѣнки главнѣйшихъ моральныхъ теорій.

Разсмотримъ теперь по порядку, съ точки зрѣнія каждой группы въ отдѣльности,—насколько знаніе и мысль оказываются необходимыми для нихъ.

III.

Что касается утилитаріанизма или разсуждающей морали, то, само собою разумѣется, она совершенно невозможна безъ мысли и науки: въ нихъ ея главное основаніе. Въ виду этого объ утилитаріанизмѣ мы могли бы даже и не говорить вовсе, если бы именно онъ не былъ въ послѣднее время предметомъ особыхъ нападеній со стороны философствующихъ декадентовъ. Еще недавно, въ одномъ изъ толстыхъ нашихъ журналовъ, открыто взявшемъ подъ свою защиту литературное декаденство, мы читали самыя бурныя нападенія на эту теорію морали, считающую въ числѣ своихъ главныхъ основателей Бентама и Джона Стюарта Милля. Молодой журнальный невѣжда называетъ ее узкоголовой, бездушной, противопоставляетъ ей какую-то «вышнюю красоту», «внутреннее чувство», «мистическое вдохновеніе», etc., etc.

Замѣтимъ, что истинный, философскій утилитаріанизмъ никогда не отрицалъ ни внутренняго чувства, ни красоты. Утилитаріанизмъ требуетъ отъ насъ прежде всего, чтобы мы разобрались въ своихъ потребностяхъ, а, слѣдовательно, и въ чувствованіяхъ, и путемъ строгой психологической оцѣнки ихъ постарались бы опредѣлить, какія изъ потребностей даютъ болѣе устойчивое благо, и при томъ сопровождаемое менѣе тяжелыми примѣсями и послѣдствіями. Конечно, только удовлетвореніе такихъ потребностей можетъ дать наиболѣе цѣнное и чистое счастье. Такимъ путемъ, утилитаріанизмъ ставитъ впереди другихъ потребностей потребности моральныя и умственныя. Затѣмъ онъ добавляетъ къ этимъ психологическимъ изслѣдованіямъ,—соціологическія, и они приводятъ его къ тому, что «счастье отдѣльныхъ единицъ тѣсно связано съ благомъ общества, т. е. невозможно безъ счастья большинства». Отсюда—принципомъ разумнаго эгоизма утилитаріанистовъ является не узкій личный эгоизмъ, а *наибольшее счастье наибольшаго числа людей*. Этотъ принципъ сближаетъ мораль ути-

литеріанізма практически съ моралью «любви къ ближнему», съ моралью симпатіи и внутренняго голоса, требующаго служенія другимъ. Разница, въ сущности, лишь въ томъ, что здѣсь разумнымъ убѣжденіемъ и научнымъ изслѣдованіемъ достигается то, что, по другимъ теоріямъ, является вложеннымъ въ насъ будто бы въ видѣ готовыхъ побужденій, наитій и интуицій.

Какое же право имѣютъ наши декаденты громить утилитаріанистовъ за безсердечіе, за неуваженіе къ какимъ-то «высшимъ требованіямъ духа»? Не слѣдуетъ-ли, наоборотъ, сказать утилитаріанистамъ огромное спасибо за то, что они подтвердили и доказали научно справедливость тѣхъ требованій, которыя ставятся непосредственнымъ нравственнымъ чувствомъ? А они сдѣлали именно это, потому что, повторяю, ихъ принципъ «наибольшаго блага наибольшаго числа людей», есть практически то же, что и заповѣдь «любви къ ближнему» или знаменитая формулою Канта, требующая такого поведенія, которое мы сами могли бы желать, какъ всеобщаго закона. Вѣдь, если утилитаріанисты приходятъ къ требованію—служить благу большинства и при томъ предпочитать высшія потребности низшимъ,—если они приходятъ къ этому разумными разсужденіями и изслѣдованіями, опирающимися на начало пользы,—то это, во 1-хъ, не значитъ, что они этого разумнаго вывода не чувствуютъ или не чувствовали даже ранѣе того, чѣмъ пришли къ нему разсужденіемъ; во 2-хъ, это значитъ только, что они критически *дополнили слѣпое чувство* разумнымъ убѣжденіемъ, и въ 3-хъ, что они поставили, такимъ образомъ, лучшія положенія интуитивной морали *на новую высоту*, придали имъ *новую силу* и освободили человѣка отъ обычнаго раздвоенія требованій разума и внутренняго чувства. Это—величайшая заслуга, и громить ее упреками значитъ не понимать того, что говорятъ другіе, и что говоришь самъ.

Нужно-ли добавлять, что мораль утилитаріанистовъ или, по меньшей мѣрѣ, — попытки оправдать для себя самого разумомъ лучшія побужденія своего нравственнаго чувства. (т. е. доказать ихъ пользу для себя и для другихъ)—испытывалъ каждый мыслящій и добросовѣстный человѣкъ. Отрицать это можетъ или лицемѣръ, или человѣкъ, не умѣющій наблюдать надъ собою. Этими я не хочу сказать, что мораль утилитаріанистовъ охватываетъ и объясняетъ *всю* мораль, какой мы живемъ. Но она несомнѣнно составляетъ одинъ изъ элементовъ *всей* морали, управляющей каждымъ изъ насъ, какой бы теоріи онъ ни держался. Въ теченіе дальнѣйшаго изложенія читатель убѣдится, что мораль—вещь вовсе не такая простая, какъ кажется,—что ея источникъ не одинъ, и что цѣлое зданіе морали слагается изъ источниковъ, уло-

высшихъ въ отдѣльности (хотя и не точно и черезчуръ ревниво—односторонне) различными и даже враждебными теоріями.

Мнѣ остается относительно утилитаріанизма сказать еще только два слова: онъ нуждается, какъ мы видѣли, въ мысли и наукѣ даже для самого своего *построенія*, и этимъ отличается отъ морали внутренняго наитія. Но въ приложеніяхъ своего принципа къ дѣйствительности, т. е. въ опредѣленіи того,—что-же именно считать благомъ большинства, онъ не отличается даже этимъ, потому что, какъ я покажу сейчасъ,—*всѣ теоріи морали нуждаются для примѣненія къ жизни своихъ повелѣній, въ знаніи, изслѣдованіи и мысли*. Къ этому и перейду теперь, начавъ съ тѣхъ доктринъ, которыя полагаютъ, что моральныя внушенія диктуются мистически сверхчувственной Силою или Разумомъ, стоящими внѣ обычнаго человѣческаго познаванія (Кантъ и мн. др.).

IV.

Начну самымъ простымъ и нагляднымъ примѣромъ. Я вижу на улицѣ, что одинъ человѣкъ нападаетъ на другого. Что-же можетъ мнѣ подсказать внутреннее чувство или совѣсть (допустимъ, что происхожденіе ихъ мистично)? Совѣсть или долгъ скажутъ, положимъ: «вмѣшайся и заступись за обиженнаго».

Но кто-жъ обиженный? Допустимъ, я предполагаю, что обиженный тотъ, на кого нападаютъ. Но объ этомъ мнѣ сказалъ уже не мистическій голосъ, а обыкновенное размышленіе, которое могло и ошибиться. И въ обыденной жизни, и въ исторіи встрѣчаются тысячами случаи, когда нападающій былъ въ то же время и обиженнымъ,—когда обида, тяготѣвшая надъ нимъ годами и даже столѣтіями, становилась, наконецъ, до такой степени невыносимой, что этотъ кроткій, миролюбивый человѣкъ доходилъ до состоянія афекта, умоизступленія и бросался на обидчика...

О всѣхъ подобныхъ случаяхъ нельзя судить по внѣшнему ихъ проявленію: они требуютъ тщательнаго, глубокаго изслѣдованія, иногда историческаго, иногда экономическаго, иногда просто житейскаго.

Отсюда очевидно, что совѣсть или нравственное чувство также нуждаются въ точномъ изслѣдованіи или знаніи фактической стороны жизненныхъ отношеній, какъ напр., справедливый судья нуждается въ судебномъ слѣдствіи, что-бы изрѣчь правильный приговоръ. *Совѣсть говоритъ только, что нужно быть на сторонѣ праваго и обиженнаго, но кто правъ и обиженъ, она не знаетъ сама и требуетъ «слѣдствія», т. е. знанія фактовъ*. Этого-то и не

хотятъ понять новѣйшіе поборники непогрѣшимости внутренняго голоса.

У той старухи, которая благоговѣнно подложила и свое погѣно въ костеръ Іоанна Гусса, совѣсть требовала, какъ и у насъ, послужить правдѣ и ближнему, но только ея убѣжденія указывали благо Іоанна Гусса въ очищеніи отъ грѣха огнемъ и страданіемъ. Совѣсть ея была покойна: вѣдь, она была увѣрена, что помогла не только торжеству того, что считала правдой, но и будущему «вѣчному» блаженству этого грѣшника. Не совѣстью она отличается отъ насъ, а своими взглядами на благо людей. Взгляды-же эти являются результатомъ ея знаній и мысли, совершенно также, какъ и наши современные взгляды, напр., на вѣротерпимость и костры ¹⁾).

По всей вѣроятности, эта благочестивая старушка принесла бы погѣно дровъ на костеръ родного сына-еретика! Чѣмъ сложнѣе задачи морали, тѣмъ наука оказывается нужнѣе: напримѣръ, внутренній голосъ несомнѣнно говоритъ каждому: не убей, не помогай убійству и не оставайся хладнокровнымъ, когда можешь помочь гибнущему; но вотъ вы узнаете изъ цифръ западно-европейской статистики, что средняя жизнь рабочаго класса тамъ ниже средней жизни другихъ классовъ. Во-первыхъ, безъ науки вы не узнали бы даже и этого факта, а онъ имѣетъ огромное значеніе для вашей совѣсти; узнавъ о немъ, совѣсть можетъ спросить васъ: какая причина этого явленія? Не виноваты ли и ты въ немъ прямо или косвенно (т. е. тѣмъ, что могъ-бы противо-дѣйствовать этой преждевременной смерти миллионувъ)? Во 2-хъ, кто-же можетъ отвѣтить на эти вопросы вашей совѣсти, кромѣ науки и изслѣдованія о *причинахъ* даннаго явленія? Если окажется, что вы не виноваты въ немъ ни прямо ни косвенно и ничѣмъ помочь не можете,—совѣсть васъ оправдаетъ,—и—наоборотъ.

И такихъ вопросовъ можно указать множество: почти всѣ современные намъ общественные вопросы отчасти открыты, отчасти уяснены намъ наукой. И весьма понятно, что и моральные вопросы, связанные съ ними, уясняются только тѣмъ же путемъ. Напримѣръ, еще древній міръ осуждалъ лихоимство, т. е. крупный процентъ съ капитала, даннаго въ ссуду. Современная экономическая наука показала, что капиталъ состоитъ не въ однихъ деньгахъ,—что матеріалы

¹⁾ Въ недавно вышедшей книгѣ Мармери «Progress of Science», которая появится скоро въ русскомъ переводѣ, прекрасно доказано, что ослабленіе, а затѣмъ и уничтоженіе религіозныхъ жестокостей западной церкви было обяано развитію науки и научной мысли. См. сбъ этомъ также у Лекки въ «Исторіи раціонализма».

и орудія производства—также капиталъ. И вотъ, понятіе о «лихоимствѣ» теперь уже иное, чѣмъ въ библійскія времена. Наука вскрыла лихоимство тамъ, гдѣ его не подозрѣвали.

Совѣсть есть только стремленіе идти правильно. Но одно это стремленіе не можетъ, напр., въ самомъ обычномъ пути, въ глухую ночь,—указать намъ дороги, если у васъ нѣтъ фонаря. Въ сложныхъ жизненныхъ отношеніяхъ этотъ фонарь и есть наука, знаніе, мысль...

Не слѣдуетъ ли изъ этого, что совѣсть или нравственное чувство не нужны? Подобный вопросъ такъ же страшенъ, какъ былъ бы страшенъ вопросъ, сдѣланный человѣкомъ, которому въ темную ночь предложили фонарь: «не желаютъ ли этимъ заставить его отказаться отъ самаго желанія идти?»

Совѣсть,—повторяю еще разъ,—есть именно это желаніе идти къ лучшему, идти по правильному пути. Какимъ же образомъ можно считать отрицаніемъ совѣсти то, что ей предлагаютъ научный свѣтильникъ?!

Если бы совѣсть сама по себѣ, т. е. взятая отдѣльно, безъ знаній, даваемыхъ обыкновеннымъ людямъ жизнью, а культурнымъ людямъ наукой, могла открывать полную истину, то не было бы ни нравственныхъ ошибокъ, ни преступленій, ни различій въ морали отдѣльныхъ странъ и эпохъ. Если все это есть, то очевидно, что въ морали играетъ роль и что-то еще, кромѣ совѣсти. Или же нужно предположить, что она не у всѣхъ одинакова; но въ такомъ случаѣ, не стоитъ и взывать къ ней: вѣдь, другой совѣсти этимъ не вложишь и совѣсти не передѣлаешь. А если признаютъ, что взывать къ ней все же нужно, то стало быть признаютъ, что на нее дѣйствуетъ убѣжденіе. Тогда въ чемъ же дѣло? Въ чемъ разногласіе?

Это лучший признакъ декадентства: оно никогда не хочетъ додумываться до конца; истощенному, усталому мозгу тяжело и лѣнь поставить передъ собой вопросъ съ полной ясностью, и онъ отдѣливается громкими, красивыми, блестящими фразами, сквозь золотой туманъ которыхъ самая вопіющая чепуха кажется какой-то высшей и сверхчувственной истиной, а простыя и ясныя идеи точнаго, научнаго мышленія представляются чѣмъ-то маленькимъ, темнымъ и пошлымъ.

Часто въ доказательство безсилія науки и мысли въ области морали приводятъ Франциска Бэкона, но теперь можно считать вполне доказаннымъ, что Фр. Бэконъ не былъ ни крупнымъ ученымъ, ни серьезнымъ мыслителемъ. Все, что есть лучшаго въ его знаменитомъ «Новомъ Органѣ», взято у Роджера Бэкона, да и то испорчено. Но всѣмъ тѣмъ, что я сказалъ выше, я вовсе

не желалъ бы принизить значенія совѣсти и внутренняго моральнаго голоса. Я утверждаю только, что ея значеніе заключается не въ томъ, что ей желаютъ навязать декаденты. Совѣсть нераздѣльна съ общимъ стремленіемъ человѣка къ жизни и самосохраненію; жить и самосохраняться человѣкъ хочетъ, конечно, какъ можно лучше. Отсюда постоянный голосъ совѣсти, зовущій къ лучшему. Но содержаніе ему даетъ мысль и знаніе.

V.

Посмотримъ теперь на теорію эволюціонную, которая допускаетъ внутренній голосъ, подъ именемъ моральныхъ чувствованій или эмоцій, нравственныхъ инстинктовъ и т. п. При этомъ, происхожденіе его объясняется тѣмъ, что тысячелѣтній опытъ предковъ отлагался въ строеніи мозга и нервовъ. Этимъ способомъ постепенно образовались внутри насъ готовые *механизмы морали*, «организованный опытъ ея», и даже совѣсть. Существуютъ ли въ наукѣ положительные факты, подтверждающіе эту гипотезу?—Фактическое подтвержденіе существованія подобныхъ механизмовъ мы находимъ въ явленіяхъ, такъ называемаго «нравственнаго помѣшательства» (*moral insanity*).

Замѣчено, что при этой болѣзни, нравственныя свойства людей угасаютъ съ замѣчательной постепенностью—отъ самыхъ высшихъ къ низшимъ. Гёглингсъ Джексонъ назвалъ это явленіе «диссолюціей» въ противоположность «эволюціи». То есть, въ моральномъ помѣшательствѣ должны атрофироваться мозговые наслоенія, постепенно приобрѣтавшіяся въ процессѣ эволюціи, но только въ обратномъ порядкѣ: эволюція сперва развивала низшія свойства, а потомъ высшія. Диссолюція начинается этими послѣдними и кончается первыми.

Такимъ образомъ, вопросъ о существованіи моральныхъ «механизмовъ» (въ той или иной формѣ) можетъ считаться безспорнымъ. Но есть другое затрудненіе: по ученію эволюціонной морали, эти механизмы вырабатывались, какъ приспособленіе или отпечатки наилучшаго поведенія *въ тѣхъ условіяхъ жизни, какія переживали наши предки*. Но, въ теченіе тысячелѣтій эти условія могли быть—и, очевидно, были—совершенно не похожи на наши современныя условія. Стало быть, то, что было тамъ наилучшимъ поведеніемъ и приспособленіемъ, можетъ для нашей эпохи быть наихудшимъ. Напр., механизмы, выработавшіяся въ періодъ хроническихъ войнъ, хищничества, родовой мести, насильственнаго приобрѣтенія собственности, рабства, людоедства,

многоженства, многомужества и т. п., могут только мѣшать намъ жить въ современной дѣйствительности. И это подтверждается отчасти фактами, отчасти научными теоріями современныхъ криминалистовъ—антропологовъ: они утверждаютъ, что, такъ называемые, преступники (хотя не всѣ, конечно) представляютъ собою не болѣе какъ возвращеніе къ типу предковъ (атавизмъ). То есть, у нихъ или атрофированы механизмы болѣе современной морали, и поэтому дѣйствуютъ механизмы древніе, или просто эти древніе механизмы дѣйствуютъ въ нихъ съ особой силой. И вотъ, человѣкъ, котораго въ какую нибудь древнюю эпоху считали бы великимъ героемъ, въ наше время попадаетъ въ тюрьму, ибо тогдашняя добродѣтель,—напр., кровавая месть врагу и его близкимъ,—теперь есть преступленіе. Что механизмы старой, архаической морали не уничтожаются въ мозгу, а только прикрываются новыми механизмами,—какъ геологическіе слои земной коры,—ясно изъ тѣхъ же фактовъ атавизма. Вѣдь, современный человѣкъ не могъ бы обращаться въ типъ своего предка—людоеда или полигама, или тальониста,—если бы въ немъ не сохранились, гдѣ-то подъ спудомъ, механизмы тысячелѣтняго прошлаго. Но изъ всего вышеизложеннаго возникаетъ вопросъ: можетъ ли современный человѣкъ *безусловно* *отречь* своему побужденію, вызываемому этими механизмами? Можетъ ли онъ *безъ какого-то иного критерія* сказать,—не дѣйствуетъ ли въ немъ механизмъ, совершенно негодный и даже опасный въ наше время, и не является ли его побужденіе продуктомъ атавизма?

Каждому безпристрастному мыслителю станетъ отсюда очевиднымъ, что внутренній голосъ, обусловленный *этими механизмами*, никоимъ образомъ не можетъ и не долженъ быть критеріумомъ или руководителемъ нашего поведения, хотя *de facto* очень часто, если не постоянно,—онъ является имъ.

Гдѣ же критерій, который помогъ бы намъ разобраться въ этихъ самопротиворѣчивыхъ «голосахъ» эволюціонныхъ механизмовъ?

Быть можетъ, этотъ критерій заключается въ томъ *альтруизмѣ* (побужденіи жить для другихъ), который выработался,—по той же эволюціонной теоріи,—какъ высшій продуктъ всего моральнаго процесса?

Посмотримъ.

Эволюціонныя теоріи (вѣдь, ихъ нѣсколько) предлагаютъ и нѣсколько объясненій этого эволюціоннаго альтруизма, заложеннаго у насъ въ мозгу.

По теоріи «естественнаго подбора» и «борьбы за существованіе», этотъ альтруизмъ могъ возникнуть слѣдующимъ образомъ: для сохраненія какого-либо общества животныхъ или из-

вѣстнаго племени людей было нужно, чтобы отдѣльные индивидуы жертвовали собою для цѣлаго стада или общества. Тѣ общества, которыя имѣли большее число индивидуумовъ, одаренныхъ героическимъ самоотверженіемъ или преданностью своему племени, должны были побѣждать племена эгоистовъ, разрозненныхъ и незащищающихъ другъ друга. Такимъ образомъ этотъ альтруизмъ усиливался подборомъ, на развалинахъ эгоистическихъ общинъ и племенъ.

Другое объясненіе,—ближе стоящее къ Спенсеровской эволюціонной теоріи, и могущее дополнить первое объясненіе,—состоитъ въ слѣдующемъ: самъ опытъ борьбы и жизни заставлялъ избирать болѣе альтруистическія дѣйствія, ради самосохраненія и эгоизма, т. е. заставлялъ приспособляться къ общественной средѣ и ея требованіямъ. Такимъ образомъ, создавались все большія и большія привычки къ самопожертвованію или альтруизму, переходившія затѣмъ въ механизмы.

Наглядно это можно представить въ видѣ человѣка, изучающаго фортепіанную игру: онъ сперва сознательно ищетъ на клавишахъ ногу, изображеніе которой видитъ на бумагѣ; потомъ упражненіе переходитъ въ привычку нервовъ и мышцъ—безсознательно брать нужные клавиши; наконецъ, образуется, по всей вѣроятности, нѣчто въ родѣ механизма или механическаго приспособленія (протореннаго пути въ нервахъ).

Это сравненіе всего нагляднѣе показываетъ намъ полную недостаточность одного такого альтруизма для руководства въ нашихъ современныхъ жизненныхъ условіяхъ.

Для наглядности, продолжимъ наше сравненіе съ виртуозомъ: его механизмы прекрасно приспособлены, напр., для скрипки, но онъ ничего не въ силахъ сдѣлать съ ними на фортепіано: тѣ мѣста, которыя приходится трогать пальцами для полученія извѣстныхъ нотъ, здѣсь—другія, какъ и въ каждомъ другомъ инструментѣ—гитарѣ, трубѣ, флейтѣ и т. п. Приходится начинать упражненіе сначала.

Но не тоже ли самое въ альтруизмѣ, выработанномъ среди общественныхъ условій, непохожихъ на наши? Спенсеръ доказываетъ, что наилучшее поведеніе въ обществахъ воинственнаго типа вредно въ обществахъ промышленнаго типа, смѣнившихъ первый изъ этихъ типовъ.

Напр., воинственный альтруизмъ требовалъ абсолютнаго подчиненія вождь и командѣ одного лица, т. е. требовалъ подавленія въ себѣ способности размышлять и обсуждать свои дѣйствія. Успѣхъ же промышленныхъ обществъ требуетъ, наоборотъ, вездѣ и всюду личной инициативы, изобрѣтательности, самодѣтельности, личнаго творчества.

Ограничусь этой небольшой иллюстраціей, хотя могъ бы привести ихъ сотнями, взявъ у того же Спенсера. И такъ, надо ждать тысячелѣтія, чтобы новая практика, новыя приспособленія выработали новыя аппараты этого альтруизма, годные для нашей эпохи? Но, къ счастью, ожидать этого не нужно, и есть въ основѣ морали еще сила, работающая постоянно, и эволюція которой во все не требуетъ тысячелѣтій упражненія и приспособленія. Но о ней послѣ; теперь же подведемъ итогъ тому, что дала намъ эволюціонная теорія по занимающему насъ вопросу. Изъ предыдущаго очевидно, что чувствованія, развившіяся въ насъ эволюціоннымъ путемъ, требуютъ научной провѣрки и работы мысли, безъ чего мы можемъ оказаться въ положеніи слѣпого, котораго ведутъ другіе слѣпые.

Но не слѣдуетъ забывать, что весьма многія изъ чувствованій, заложенныхъ въ насъ эволюціоннымъ путемъ, мы способны принимать за самыя чистѣйшія внушенія совѣсти. Вѣдь, никакого внутренняго, субъективнаго признака для отличія ихъ другъ отъ друга не существуетъ. Разобраться же въ этихъ чувствахъ возможно только на основаніи знанія объ ихъ происхожденіи, такъ какъ генезисъ ихъ, во многихъ случаяхъ, уже объясненъ эволюціонистами. Только зная этотъ генезисъ, т.-е. условія ихъ происхожденія, мы въ состояніи бороться съ такими побужденіями и мотивами, которые представляютъ собою остатки формъ жизни дикой или варварской и уцѣлѣли въ насъ только какъ «переживанія» давно исчезнувшаго состоянія морали, приспособленнаго къ условіямъ, совершенно не соответствующимъ теперешней дѣйствительности.

VI.

Теперь перейдемъ къ чувствамъ той симпатіи (или альтруизма), которую я называлъ субъективной, въ отличіе отъ альтруизма, развитаго отпечатками прошлаго опыта въ мозгу и нервахъ. Какъ я уже показалъ въ первой главѣ, причины или источники этой симпатіи объясняются различно разными теоріями. Такъ Шопенгауэръ видитъ ея причину въ единствѣ міровой воли. Однако, можно объяснить существованіе этого чувства, не прибѣгая къ метафизикѣ. Я вкратцѣ уже упоминалъ, что она зависитъ отъ одинаковаго вещества и устройства организмовъ у однихъ и тѣхъ же породъ или видовъ (species). Чѣмъ ближе сходство, тѣмъ болѣе возможна симпатія, которая не нуждается въ помощи механизмовъ, выработанныхъ эволюціей, чтобы дать моральные результаты. Если я знаю, что извѣстное положеніе или

условіе возбуждаетъ во мнѣ самомъ страданіе, то, видя другого въ томъ же положеніи, я могу ясно вообразить его страданіе. Для этого требуются только два условія: во 1-хъ, *знаніе*, что данное существо устроено не только снаружи, но и внутри также, какъ и я, т.-е. такъ-же чувствуетъ (имѣетъ—какъ говорится—такую же душу) и во 2-хъ, *воображеніе*, которое бы заставляло меня, видя страдающее существо, ясно представить себѣ его душевное состояніе по воспоминанію о какомъ либо бывшемъ своемъ страданіи.—Очевидно, что, *чѣмъ больше въ человѣкѣ сознание внутренней сродства другого существа съ нимъ самимъ, и чѣмъ сильнѣе у него воображеніе въ области душевныхъ состояній и эмоцій,—тѣмъ сильнѣе будетъ его симпатія, сочувствіе, состраданіе къ данному существу.*

И, наоборотъ, *человѣческое безсердечіе, жестокость, нечувствительность, равнодушіе къ страданіямъ ближняго, а стало быть, и всѣ безнравственные поступки относительно другихъ объяснима или несовершенствомъ нашего знанія о внутренней природѣ другого существа, или несовершенствомъ нашего воображенія, его слабостью или извращенностью.* Этотъ видъ симпатіи пытались объяснить также путемъ эволюціоннымъ и механическимъ; но необходимо строго различать симпатію механическую или рефлекторную отъ непосредственной субъективной симпатіи. Механическая симпатія зависитъ отъ того, что, видя выраженія какаго либо страданія въ лицѣ или движеніяхъ, или крикахъ другого мы совершенно рефлекторно напрягаемъ у себя тѣ же мышцы, которыя служатъ для выраженія этого состоянія. Отъ мышцъ идутъ токи къ нервнымъ и мозговымъ центрамъ и вызываютъ чувствованія, соотвѣтствующія даннымъ мышечнымъ сокращеніямъ. По крайней мѣрѣ, такова фізіологическая гипотеза симпатіи (состраданія, сорадованія и т. п.). Но я говорю о *непосредственной, субъективной* симпатіи, которая не нуждается въ подобномъ, чисто—механическомъ возбужденіи. Такъ, напримѣръ, мы сочувствуемъ другимъ, даже не видя ихъ, не слыша ихъ воплей или жалобъ. Достаточно простого разсказа о чужомъ страданіи, и мы путемъ одного воображенія можемъ ясно представить его себѣ и тотчасъ же въ насъ является жалость и состраданіе, побуждающія къ ряду альтруистическихъ дѣйствій.

Мы сочувствуемъ страданію, *даже еще не наступившему*, а только грозящему, и лишь потому, что *воображаемъ его заранѣе.*

Точно также, собираясь совершить какое-нибудь выгодное или пріятное для васъ дѣло, но, вообразивъ то страданіе, которое оно можетъ создать другимъ, вы отказываетесь отъ него. Почему? Потому, что *воображаете* чужое страданіе. А вообразить

вы можете потому, что знаете, какъ подѣйствовалъ бы на васъ самихъ подобный поступокъ, т.-е. вы знаете, что данныя существа чувствуютъ одинаково съ вами.

Вотъ чѣмъ можно объяснить себѣ обратный фактъ, когда, напр., толпа разоряетъ жилища иноплеменниковъ во время погрома: внутренній міръ этихъ иноплеменниковъ кажется человѣку необразованному какимъ-то инымъ, чѣмъ у него. Поэтому, даже явное выраженіе страданій, вопли и крики—въ этихъ случаяхъ не вызываютъ состраданія толпы, а, наоборотъ, сопровождаются ея насмѣшками, хохотомъ, злорадствомъ. Совершенно также, когда рабовладѣлецъ бичевалъ своего чернаго раба или своего крѣпостного, имѣвшаго, по мнѣнію крѣпостника, иную «неблагородную кровь»,—симпатія молчала въ немъ, не смотря на вопли и стоны: вѣдь, это стоналъ негръ, стоналъ крѣпостной, а у нихъ, (по гипотезѣ аристократизма и «крови») — душа была другая, потому что была другая кровь.

Не трудно доказать, что безсердечіе зависитъ тутъ, главнымъ образомъ, отъ *убѣжденія* и *воображенія*.

Такъ, напр., появленіе романа Бичеръ-Стоу или у насъ соч. Григоровича и Тургенева, показавшихъ съ художественной наглядностью сходство души и чувствованій раба или крѣпостного съ остальными людьми, сразу измѣняетъ прежнія отношенія, конечно, у людей чуткихъ. Являются люди, идущіе умирать за освобожденіе негровъ; является «кающійся дворянинъ», отдающій и жизнь, и душу, и знаніе, и талантъ на служеніе народу, который еще вчера презирался, какъ существо другой породы.

Тутъ мы видимъ и великую функцію искусства; оно имѣетъ способность путемъ воображенія рисовать намъ «одинаковую душу» у другого класса или другого племени, и этимъ объединять людей, уничтожать у нихъ повязку индивидуальности—кастической, племенной, религіозной.

То же самое, но другимъ способомъ, можетъ дѣлать религія.—какъ это и замѣтилъ уже Тардъ (см. мою статью въ «Русской Мысли» о его «логикѣ чувствованій»).

Религіи достигали этой цѣли двумя путями: однѣ изъ нихъ прямо объявляли, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ частица одного и того же единого Божества, и посредствомъ этого убѣжденія приводили къ сознанію, что нѣтъ «ни грека, ни іудея, ни раба, ни господина», а существуютъ только «дѣти одного отца» (т.-е. братья съ одинаковой душой). Другія религіи достигали объединенія людей тѣмъ естественнымъ чувствомъ симпатіи, которое вообще рождается къ единомышленнику и единовѣрцу. Единство вѣровавшей заставляетъ предполагать единство внутрен-

няго міра. Отсюда широкое распространеніе симпатіи. Подобнымъ же способомъ помогла симпатіи наука, а раньше ея—философія природы. Наука и философія, объясняя человѣчеству устройство міра и самихъ людей, сдѣлали очевидной единство матеріи и одинаковость строенія сходныхъ организмовъ. Это легло въ основаніе будущаго отрицанія неравенства людей и ихъ раздѣленія на касты, а также ихъ племенной или національной розни и вражды.

Теперь вы видите отличіе симпатіи, развившейся путемъ биологической эволюціи, отъ симпатіи, являющейся непосредственно, благодаря тождеству строенія, а потому и внутреннихъ психическихъ процессовъ. И эта симпатія имѣла свои стадіи развитія, но это были не стадіи биологической эволюціи, а *ступени умственной, научнаго развитія мысли и художественнаго развитія вообразженія* относительно внутреннихъ состояній другихъ людей.

Если въ настоящее время мы больше любимъ своихъ близкихъ, своихъ родныхъ, друзей, единомышленниковъ, то это, главнымъ образомъ, потому, что ближе и непосредственнѣе знаемъ ихъ внутренній міръ и его тождество съ нашимъ. Но зато нигдѣ не бываетъ такого сильнаго взаимнаго озлобленія въ случаѣ размолвки, какъ между людьми близкими, прежними единомышленниками и друзьями. Зависитъ это отъ того, что люди, живущіе вблизи другъ друга, могутъ, при постоянныхъ столкновеніяхъ, замѣтить сильнѣе мелочныя, индивидуальныя различія другъ друга. Эти различія, накопляясь постепенно, заслоняютъ какъ бы экраномъ, прежнее сознаніе или чувство единства. Особенно удобно наблюдать это явленіе въ интеллигентныхъ колоніяхъ: люди сходятся въ нихъ ради одинаковыхъ цѣлей и убѣжденій, и сперва все идетъ прекрасно. Никто не замѣчаетъ въ другихъ ничего, кромѣ этого единства, и взаимная любовь членовъ не позволяетъ желать ничего лучшаго. Но мало-по-малу, на этомъ фонѣ начинаютъ выступать мелочныя индивидуальныя особенности, и, при постоянномъ сожительствѣ, становятся взаимной пыткой. Общность уходитъ изъ глазъ, а съ нею и любовь; индивидуальности, наоборотъ, выходятъ на первый планъ, и взаимная вражда становится неизбежною ¹⁾.

Историческія доказательства независимости этого рода симпатіи отъ эволюціонныхъ механизмовъ прекрасно показалъ молодой итальянскій психологъ Ферреро, въ статьѣ о «Моральной эволю-

¹⁾ Я не буду говорить здѣсь о препятствіяхъ, лежащихъ для развитія симпатіи въ столкновении одинаковыхъ потребностей. Подробное изслѣдованіе этого чувства не было здѣсь моей цѣлью.

ціи», напечатанной два года тому назадъ въ «Revue Philosophique». Онъ собралъ множество фактовъ, показывающихъ временной подъемъ симпатіи до необыкновенной высоты, и временное же паденіе ея, иногда почти моментальное. Еслибы симпатія зависѣла отъ механизмовъ въ мозгу и нервной системѣ, она не могла бы измѣняться такъ быстро въ смыслѣ подъема и паденія. Только элементъ интеллектуальный способенъ къ быстрымъ и крутымъ перемѣнамъ. И мы видимъ, дѣйствительно, факты почти невѣроятные, напримѣръ, во время распространенія какой нибудь религіозной секты, когда сотни людей вдругъ охватываются необычайной любовью другъ къ другу, отдають свое имущество, забываютъ вражду и ненависть. Не менѣе поразительны примѣры паденія симпатіи, напр., во время войнъ внѣшнихъ или внутреннихъ. Вчерашніе друзья, вчерашніе мирные граждане, становятся кровожадными врагами и разрушителями.

Изъ всего вышеизложеннаго вы видите, какое огромное значеніе имѣетъ интеллектъ, мысль, знаніе и въ этого рода морали, опирающейся на непосредственной симпатіи или любви къ ближнему. Для расширенія этой симпатіи на большій кругъ лицъ требуется широта умственнаго кругозора, знанія о единствѣ и, наконецъ, воображеніе. Я уже не говорю о томъ, что симпатія,—взятая сама по себѣ, была бы бесильна безъ знанія и мысли въ осуществленіи своихъ стремленій: самый добрый человѣкъ, но съ ограниченнымъ кругозоромъ, будетъ направлять своего доброту и любовь на явленія ничтожныя, ближайшія къ нему; онъ будетъ помогать людямъ, но, если онъ не знаетъ источниковъ и причинъ господствующаго зла, онъ станетъ помогать паліативами, станетъ бороться съ поверхностными проявленіями зла, а не съ его корнями и источниками, открываемыми наукой.

Все, что здѣсь сказано о симпатіи, вытекающей изъ одинаковаго строенія людей, относится и ко всякаго рода симпатіи, какъ бы мы не объясняли ее теоретически: Шопенгауэровская симпатія такъ же слѣпа сама по себѣ, какъ и буддійское самоотреченіе, или требованіе любви у нѣкоторыхъ религіозныхъ сектъ. Если проповѣдникъ сумѣлъ возбудить въ человѣкѣ тѣмъ или другимъ способомъ—жажду самоотреченія и жертвы, то это еще не значитъ, что такой человѣкъ будетъ знать, какъ лучше осуществить свою любовь, куда ее направить и за что принести себя въ жертву.

Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, «Professional Institutions» Спенсеръ показываетъ, что муки и пытки, которымъ подвергали колдуновъ и волшебницъ въ средніе вѣка, имѣли цѣлью причинить зло не самому истязуемому, а сатанѣ, сидящему въ немъ.

Наоборотъ, объ истязуемомъ заботились, какъ о любимомъ чадѣ, котораго нужно было спасти отъ сатаны и т. д.

Симпатія принадлежитъ къ самымъ первобытнымъ чувствамъ человѣка, но только въ примитивныя времена она не шла дальше тѣсной родовой или семейной группы. Дикарь умиралъ за своего родича, но это не мѣшало ему въ каждомъ чужакѣ видѣть врага, мясомъ котораго можно [полакомиться, какъ мясомъ звѣря. Современная широта симпатіи, охватывающая у цивилизованныхъ націй все человѣчество, есть продуктъ расширенія умственного кругозора.

Теперь я могу кончить и сдѣлать практическій выводъ изъ всего изложеннаго выше. Для этого пракческаго вывода я и набросалъ эту статью. Мы видѣли, что какое бы объясненіе не давала этика, философія и даже религія моральному чувству, это чувство нуждается для своего осуществленія въ знаніи и мышленіи. Безъ этихъ послѣднихъ, оно приводило къ такому моральному варварству, которое охватываетъ ужасомъ современнаго человѣка. Достаточно вспомнить священную проституцію Вавилона, или мораль дикарей, требующую предложить гостю свою жену, съѣсть своего умирающаго отца и т. д.; достаточно вспомнить пытки и костры, которыми средневѣковое папство надѣялось дать блаженство десяткамъ тысячъ своихъ истерзанныхъ жертвъ, чтобы согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ еще Боклемъ о томъ, какъ часто наиболѣе моральные дѣятели исторіи причиняли человѣчеству наибольшую сумму зла. Только наука, знаніе, научное мышленіе очищаютъ моральные инстинкты отъ дикихъ и варварскихъ заблужденій. Поэтому, наши декаденты, поднимая крикъ противъ вмѣшательства науки въ моральную область, не только обнаруживаютъ недомысліе и невѣжество, но и вносятъ опасную ошибку въ общественное сознаніе, которое, наоборотъ, слѣдуетъ привести къ тому, что безъ науки и научнаго мышленія теперь нѣтъ истинной морали.

Л. Оболенскій.

БЕССИ КОСТРЕЛЬ.

Повѣсть мистрисъ Гумфри Уордъ, автора «Роберта Эльсмира» и «Дэвида Грива».

СЦЕНА I.

Быль августовскій вечеръ, тихій, пасмурный. Послѣ необыкновенно прохладнаго для этого времени года, дня, при закатѣ солнца нѣсколько потеплѣло, и послѣдніе его лучи, пронизывая облака, испещряли ихъ, какъ-бы золотыми узорами. На блестящемъ фонѣ освѣщаемыхъ вечерней зарей, мѣловыхъ горъ и полей пшеницы возвышалось селеніе, на которое уже ложились преждевременныя тѣни. Ближайшія деревья, составлявшія днемъ одну общую зеленую массу, теперь выступали рѣзко и рельефно поодиночкѣ. Каждый предметъ въ природѣ словно приобрѣталъ опредѣленное очертаніе и болѣе индивидуальную красоту при медленно догоравшемъ свѣтѣ.

По дорогѣ къ селенію шелъ пожилой поселянинъ. Направо отъ него, въ крестьянскихъ садибахъ, слышались голоса взрослыхъ и дѣтей. Далѣе высилась четырехугольная колокольня церкви; налѣво начинались уступы горъ, а прямо тянулись скромные домики селенія, со струившимся изъ трубъ легкимъ дымкомъ. Медленно переступая нога за ногу, поселянинъ машинально бросалъ взоры на всѣ эти привычныя предметы. У одной изгороди онъ остановился, сорвалъ два колоса овса, старательно разсмотрѣлъ ихъ и, закинувъ голову назадъ, съ удовольствіемъ втянулъ въ себя воздухъ. Потомъ онъ бросилъ пытливый взглядъ на небо. Да, лѣто было позднее и холодное, но наконецъ устанавливалась хорошая погода, и двухъ, или трехъ теплыхъ дней достаточно, чтобы созрѣлъ овесъ, не говоря уже о пшеницѣ.

Эти мысли наполнили его сердце радостью. Онъ желалъ, чтобы поскорѣй наступила жатва, такъ какъ, по всей вѣроятности, она будетъ для него послѣдней въ Клинтонъ-Магна, гдѣ онъ работалъ уже пятьдесятъ шесть лѣтъ. Его послѣдняя жатва! Думая объ этомъ, онъ ощущалъ особое чувство довольства, потому что его ждала пріятная переменна въ жизни, благодаря уменьшенію того тяжелаго бремени, которое насильственно согнуло его шею и состарило, хотя для шестидесяти двухъ лѣтъ онъ былъ еще бодръ и силенъ.

Всѣ обстоятельства сложились въ одному. Арендаторъ, у котораго онъ работалъ семнадцать лѣтъ, неожиданно умеръ отъ варбункула на шеѣ, и ферма должна была перейти въ другія руки, въ Михайловъ день. Онъ, Джонъ Больдерфильдъ, продолжалъ работать на вдову фермера, но, по его мнѣнію, она не была пригодна для дѣла, и чѣмъ скорѣе удалится съ дѣтьми къ своей матери въ Барнетъ, тѣмъ было бы выгоднѣе для нея. Что касается до жатвы, то она не могла даже оплатить долговъ. Новаго арендатора для фермы не предвидѣлось, да и врядъ-ли таковой могъ скоро найтись. Поэтому еще одна ферма должна была пустовать на горе землевладѣльца. Но въ этомъ не было бѣды: пусть землевладѣльцы немного опустятъ носъ, а что касается рабочихъ, оставшихся безъ занятій, то для нихъ найдется достаточно дѣла на сосѣдней желѣзной дорогѣ.

Впрочемъ Джонъ Больдерфильдъ былъ слишкомъ старъ для подобнаго тяжелаго труда, и, если бы онъ остался въ Клинтонѣ, то ему было-бы трудно найти для себя работу. Но дѣло было въ томъ, что онъ не намѣренъ былъ тамъ оставаться. Бѣдная Элайза была очень больна и не могла прожить болѣе одной, или двухъ недѣль, а схоронивъ её, онъ рѣшился навсегда покинуть ферму.

Бѣдная Элайза! Она была вдовой его брата, у котораго онъ прожилъ большую часть своей жизни. Когда же Томъ умеръ, то онъ остался жить въ домѣ вдовы. Они подходили характерами другъ къ другу и жили спокойно, особенно послѣ того, какъ дѣти Элайзы, мало-по-малу, разбрелись по свѣту. Въ сущности, она даже не знала, гдѣ находились ея дѣти, кромѣ Мэри, которая вышла замужъ и уѣхала въ Лондонъ, и Джима, жившаго неподалеку съ дочерью Луизой. Хотя Элайза была очень довольна, что отдѣлалась отъ дѣтей, которыя не

знали цѣны деньгамъ и быстро проживали шиллинги, какъ только они заводились; но ей жилось одиноко и скучно, такъ какъ одна только Луиза иногда ухаживала за ней.

Мысль о скорой разлукѣ съ женщиной, съ которой онъ жилъ въ одномъ домѣ въ продолженіе столькихъ лѣтъ, навела Джона на горькую думу. Послѣ ея смерти ему некуда было дѣваться. Правда, у него была племянница, Беси Кострель съ ея мужемъ и старая, глупая, двоюродная сестра, вдова Воллеръ. Вѣроятно, онъ обѣ желали, чтобы онъ поселился съ ними. Но подобное существованіе ему не улыбалось. Онъ зналъ, что имъ было извѣстно его сокровище, и что именно поэтому онъ и желали, чтобы онъ перебрался къ нимъ. Но онъ этого ни за что не сдѣлаетъ, по крайней мѣрѣ,—на первое время. Все таки онъ чувствовалъ нѣкоторую привязанность къ Бесси и ея мужу. Бесси была всегда очень любезна съ нимъ, и если бы онъ взялся за дѣло, которое ему предлагали въ Фрамптопѣ, отстоявшемъ за пять миль, а потому представилось бы необходимымъ отдать кому нибудь на сохраненіе свое сокровище, то онъ предпочелъ бы для этого всѣмъ сосѣдамъ Исаака Костреля и Бесси. Хотя можно было назвать Исаака простакомъ и не сочувствовать его ханжеству, доходившему до того, что онъ эвспромтомъ произносилъ безконечныя молитвы, но Джонъ питалъ въ нему какой-то почтительный страхъ. Если былъ на свѣтѣ человѣкъ, который былъ обезпеченъ въ томъ, что получить царство небесное, то это, конечно, Исаакъ Кострель. Характеръ его былъ непріятный, благодаря чему, ему, по всей вѣроятности, пришлось бы дать отвѣтъ на страшномъ судѣ, и, кромѣ того, его дѣти отъ первой жены не дѣлали ему чести, не смотря на всю его набожность, но, не смотря на это, Джонъ желалъ находиться въ такихъ же хорошихъ отношеніяхъ съ небомъ, какъ Исаакъ.

Что касается Бесси, то она всю свою жизнь отличалась расточительностью; у нея никогда не было ни гроша денегъ, ни хорошаго платья на плечахъ. Но Джонъ зналъ много женщинъ хуже Бесси. Она дышала веселостью и могла всякаго заставить смѣяться. Много пріятныхъ вечеровъ провелъ онъ, болтая съ ней, и всегда былъ желаннымъ гостемъ за ея столомъ, когда у ней было приготовлено что нибудь вкусное. Вообще Бесси всегда была для него доброй племянницей, и если бы пришлось кому нибудь оказать до-

вѣрія, то онъ скорѣй довѣрилъ бы ей и ея мужу, чѣмъ кому либо другому.

— Ну, какъ здоровье Элайзы, Больдерфильдъ? — спросила какая-то женщина, проходя мимо него, въ ту самую минуту, какъ онъ поровнялся съ селеніемъ.

Онъ отвѣтилъ и продолжалъ свой путь, насушивъ брови и боясь мысли, что вскорѣ онъ снова очутится одинъ съ умирающей женщиной въ маленькой комнатѣ на чердакѣ. Въ сущности онъ, однако, не былъ печаленъ, по крайней мѣрѣ, пока находился на чистомъ воздухѣ. Одна постоянная мысль не давала ему грустить и теперь, проходя по селенію, не смотря на близкую смерть Элайзы и на свои шестьдесятъ лѣтъ, онъ шагаль увѣренно и гордо посматривалъ по сторонамъ.

Онъ прошелъ мимо выгона и направился по дорогѣ, которая шла въ гору. На половинѣ этой дороги стояли бочкомъ двѣ хижины, вокругъ которыхъ росли розы и флюусы. Сравнительно говоря, эти жилища были новыя и удобныя, съ двумя спальнями наверху и двумя жилыми комнатами внизу; имъ далеко уступали болѣе живописныя, но старыя и неудобныя хижины въ главной улицѣ.

Джонъ тихо вошелъ въ одинъ изъ этихъ домиковъ, положилъ на столъ свою котомку и снялъ тяжелые сапоги. Затѣмъ, онъ отворилъ внутреннюю дверь въ кухнѣ и осторожно пошелъ по лѣстницѣ наверхъ.

У кровати больной сидѣла дѣвочка и при видѣ краснаго, загорѣлаго лица Джона, приложила палецъ къ своимъ губамъ, въ знакъ того, чтобы онъ молчалъ.

На ципочкахъ приблизился онъ къ кровати, и не успѣли его глаза остановиться на лицѣ больной, какъ онъ поблѣднѣлъ.

— Она умираетъ? — спросилъ Джонъ съ замѣтнымъ волненіемъ.

Луиза покачала головой. Это была тяжелая, простоватая, круглолицая дѣвочка. Но она очень ревностно ухаживала за своей бабушкой.

— Нѣтъ, она спитъ. Тутъ былъ мистеръ Дрю, и пока онъ говорилъ съ ней, — она заснула.

Мистеръ Дрю былъ пасторъ конгрегаціонной секты.

— Она послала за нимъ?

— Да. Она сказала, что у нея ноги холодѣютъ, и про-

сила, чтобы я поскорѣе сбѣгала за пасторомъ. Но я не думаю, чтобы ей было хуже.

Джонъ пристально посмотрѣлъ на спавшую. Неожиданно она повернулась и сказала относительно столь сильнымъ голосомъ, что онъ удивился:

— Джонъ, мистеръ Дрю говоритъ, что вы будете дуракомъ, если не положите своихъ денегъ въ банкъ.

Больная смотрѣла на него съ напряженнымъ вниманіемъ. Лицо ея было очень блѣдно, и на щекахъ виднѣлись синія пятна; съ утра она сильно измѣнилась, но глаза все еще поражали своей живостью.

Джонъ не тотчасъ отвѣчалъ, и на лицѣ его показалась улыбка.

— А мнѣ какое дѣло до того, что говорить вамъ пасторъ, — произнесъ онъ наконецъ.

— Сядьте.

И она знакомъ пригласила его занять стулъ, который ему уступила Луиза.

— Если вы, Джонъ, не сдѣлаете того, что совѣтуетъ мистеръ Дрю, то куда вы намѣрены помѣстить свои деньги?

Она говорила тихо, но ясно.

Джонъ почесалъ въ головѣ. Его пухлыя щеки сохраняли свѣжій, розовый цвѣтъ; очертаніе рта обнаруживало хитрость, но этому выраженію противорѣчили глаза, отличавшіеся чисто дѣтскимъ, слабохарактернымъ взглядомъ.

— Предоставьте это мнѣ, Элайза, — сказалъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія: — я уже устрою все къ лучшему.

— Нѣтъ, Джонъ, вы надѣлали бы въ жизни много глупостей, если бы я васъ не останавливала. Меня скоро не будетъ, а Бесси вы не оставите своихъ денегъ?

— А кому же вы хотите, чтобы я поручилъ ихъ? Вѣдь Бесси дочь моей сестры.

Больная освободила изъ-подъ простыни свои сухощавые пальцы и положила ихъ на руку Джона.

— Если вы это сдѣлаете, то жестоко раскаетесь. Вы никогда не умѣли распознавать людей. А меня скоро не будетъ и некому научить васъ добру. Поручите, Джонъ, деньги Саундерсу.

Наступило молчаніе.

— Саундерсъ нивогда не былъ моимъ другомъ, сказалъ

Джонъ послѣ продолжительной паузы: — особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ помѣшалъ моей сдѣлкѣ съ мистрисъ Мольсей, и я не намѣренъ снова заводить съ нимъ дружбы.

Элайза отдернула свою руку, тяжело вздохнула и закрыла глаза. У нея сдѣлался припадокъ кашля и ее пришлось приподнять, такъ она задыхалась. Джонъ былъ очень озабоченъ не только мыслью о деньгахъ, но и грустнымъ положеніемъ бѣдной женщины, а потому, какъ только ей стало немного легче, онъ нагнулся и сказалъ ей на ухо:

— Элайза, не думайте больше объ этомъ. Мистеръ Дрю прочиталъ-ли вамъ молитвы? Спокойно-ли у васъ на душѣ?

Она утвердительно вивнула головой, но не обнаружила большого интереса въ затронутому имъ вопросу. Долгое время они оба молчали. Луиза ушла внизъ ужинать, а Джонъ, уставъ отъ тяжелаго дневного труда, а также подъ вліяніемъ духоты въ комнатѣ, началъ дремать въ креслѣ.

— Джонъ, что вы думаете о Маріаннѣ Воллеръ?— произнесла неожиданно больная шопотомъ, но съ такой живостью, что Джонъ открылъ глаза и засмѣялся.

— Отчего вы вдругъ вспомнили о Маріаннѣ? Я никогда много о ней не думалъ, да и вы, кажется, также?

Элайза обвинила комнату смутнымъ взглядомъ.

— Можетъ быть,—начала она, но остановилась и болѣе не могла продолжать.

Она впала въ безпамятство, и Джонъ позвалъ Луизу.

Въ эту ночь Джону плохо спалось и, неожиданно проснувшись отъ тревожнаго сна, онъ сталъ съ безпокойствомъ прислушиваться. Въ домѣ было тихо, а, конечно, его позвали-бы, если бы старуха умерла. Но онъ не могъ спокойно лежать, вскочилъ и поспѣшно одѣлся. Желая подслушать у двери въ комнату Элайзы, что тамъ дѣлается, онъ потихоньку направился въ ней; но дверь оказалась отворенной, и, не слыша никакого шума въ комнатѣ, онъ осторожно вошелъ въ нее.

Бѣдная Элайза находилась въ предсмертной агоніи: она ничего не сознавала и тяжело дышала. Подлѣ кровати сидѣли неподвижно и сълонивъ голову Маріанна Воллеръ и Луиза. На полу въ чашкѣ горѣла свѣчка, бросающая мерцающій свѣтъ на выбѣленный потолокъ и потускнѣвшія фотографіи на каминѣ.

Джонъ неслышно подошелъ къ кровати. Обѣ женщины молча посмотрѣли на него и посторонились, чтобы дать ему мѣсто.

— Отчего вы не дадите ей водки? Это поддержало-бы ее,—сказалъ Джонъ шепотомъ.

— Докторъ Мурчъ запретилъ ее беспокоить,—отвѣчала Маріанна Воллеръ, качая головой:—она, вѣроятно, не переживетъ этой ночи.

Это была маленькая, сухощавая женщина, съ очень тонкими губами, которыя дрожали, когда она говорила.

Джонъ и Элайза были невысокаго мнѣнія о ней, хотя она приходилась ему двоюродной сестрой. Она уже давно была вдовой, и ея дѣти, а также сосѣди не ставили ее въ грошъ. Всѣ ея дѣти были уже взрослые и болѣе, или менѣе проложили себѣ дорогу въ свѣтъ, но они безцеремонно пользовались старухой, когда лишь это приходило имъ въ голову. Что же касается до всего селенія, то оно относилось къ ней, какъ къ бѣдному существу, не заслуживающему никакого вниманія.

Однако, когда Элайза, долго бывшая здоровой, сильной женщиной, слегла въ постель, то Маріанна Воллеръ предложила свои услуги, и онѣ были приняты. Она ухаживала за больной очень смиренно и даже позволяла Луизѣ помыкать собой. Мало-по-малу Элайза такъ къ ней привыкла, что начала тревожиться, когда ея не было въ комнатѣ.

Теперь умирающая ничего не сознавала, а вдова молча смотрѣла на нее со слезами на глазахъ. Даже Джонъ почувствовалъ влажность на своихъ рѣсницахъ.

Прошло полчаса, и онъ, не видя перемѣны въ больной, хотѣлъ уйти въ свою комнату, но вдова остановила его за руку и тихо сказала:

— Вы бы поцѣловали ее, Джонъ, вѣдь она была хорошей для васъ невѣсткой.

Джонъ вздрогнулъ и молча повиновался. Поцѣловавъ впервые въ своей жизни Элайзу, онъ неслышно удалился изъ комнаты.

Мужчины вообще не ощущаютъ, подобно женщинамъ, притягательной силы предсмертной агоніи. Напротивъ, Джонъ ощущалъ какую-то тошноту при видѣ умирающей невѣстки и съ удовольствіемъ очутился снова въ своей комнатѣ. Его

только пугала мысль, что ему надо будет вернуться къ умирающей въ послѣднюю минуту. Не смотря на сильную физическую натуру и цвѣтущее здоровье, онъ часто подвергался нервнымъ припадкамъ страха и въ послѣдніе годы старательно избѣгалъ видѣть покойниковъ.

Однако, мало-по-малу, сидя на своей кровати, въ темнотѣ, онъ сталъ забывать о неприятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него больной, и всецѣло предался своимъ обычнымъ утѣшительнымъ мыслямъ, дававшимъ ему возможность хладнокровно ожидать смерти Элайзы и наступленія одинокой, бездѣтной старости. Онъ чувствовалъ-бы себя совершенно несчастнымъ и погибшимъ, еслибы эти мысли не поддерживали его, не придавали ему сознанія превосходства надъ всѣми другими и не обѣщали ему счастливаго будущаго, не смотря на все. Инстинктивно онъ засунулъ свои босыя ноги подъ кровать, и его пятки дотронулись до чего-то деревяннаго. Это прикосновеніе мгновенно разогнало его мрачныя думы: онъ уже болѣе не думалъ объ Элайзѣ, и голова его была полна планами, предположеніями, намѣреніями.

Деревянный предметъ, къ которому прикоснулись его ноги, былъ сундукъ съ деньгами, отложенными имъ на черный день. Тутъ было семьдесятъ одинъ фунтъ стерлинговъ. Эта сумма казалась ему моремъ золота, котораго никогда нельзя было исчерпать. Онъ долго копилъ эти деньги, но приближалось время пользоваться ими. Онъ рѣшилъ, что, по окончаніи работы въ Фрамptonѣ, онъ станетъ отдыхать, конечно, сначала работая не много по привычкѣ, а потомъ все болѣе и болѣе расширяя свое праздное время.

Вся сладость жизни сосредоточивалась для него въ этомъ сундукѣ. Онъ теперь съ интересомъ вспоминалъ, какъ его соевровище потихоньку росло, такъ какъ онъ не только постоянно откладывалъ деньги, но и отдавалъ малепькія суммы взаимны родственникамъ и пріятелямъ, при чемъ бралъ процентовъ не менѣе, но и не болѣе одного шиллинга за фунтъ. Онъ никогда не ссужалъ деньгами незнакомыхъ и рѣдко отдавалъ ихъ болѣе чѣмъ на три мѣсяца, такъ какъ не могъ надолго разставаться съ ними,—это причиняло ему физическую боль. Однажды онъ одолжилъ своему брату, Джемсу, тридцать фунтовъ и сильно страдалъ, пока тотъ не выплатилъ ему всего, до послѣдняго пенса. Онъ до сихъ поръ помнилъ—съ какой радостью онъ

получилъ обратно золотыя монеты и добавочные полтора фунта стерлинговъ, въ видѣ процентовъ.

И къ чему мистеръ Дрю вмѣшивался въ чужія дѣла, думалъ Джонъ, съ неудовольствіемъ обсуждая совѣтъ пастора о помѣщеніи его денегъ въ сберегательную кассу. Онъ часто слыхалъ этотъ совѣтъ, часто самъ останавливался на этой мысли и, если уже давно не распорядился своими деньгами такимъ образомъ, то лишь потому, что безъ сундука, съ его сокровищемъ подъ кроватью, онъ потерялъ бы всякую цѣль въ жизни и ничто не утѣшало бы его въ одинокой старости. У него не было ни жены, ни дѣтей, но онъ не сожалѣлъ о своемъ одиночествѣ, пока могъ любоваться своими деньгами. Кромѣ того, онъ питалъ общее всѣмъ поселянамъ недовѣріе къ канцелярщинѣ, письменнымъ сдѣлкамъ и всякаго рода рутинѣ, которыя ограничиваетъ свободную волю и пугаютъ неопытныхъ людей. Онъ все еще думалъ объ этомъ, когда первые лучи утра освѣтили его комнату и женщины позвали его внизъ.

Но теперь онъ уже не плакалъ. Онъ молча взглянулъ на мертвую Элайзу и едва ощутилъ сожалѣніе, хотя провелъ съ нею въ одномъ домѣ сорокъ лѣтъ. Его занимала только мысль, что онъ уже никогда не узнаетъ, почему она была такъ противъ отдачи денегъ на храненіе Бесси.

СЦЕНА II.

Все селеніе Клинтонъ-Магна полагало, что Джонъ Болдерифильдъ слишкомъ легко перенесъ смерть своей невѣстки. Особенно женщины упрекали его въ безсердечіи. Бѣдная Элайза заботилась о немъ и преданно ухаживала за нимъ въ продолженіе сорока лѣтъ, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, посвистывалъ и болталъ. Однако, онъ щедро принялъ участіе въ расходахъ на погребеніе Элайзы, которая сама позаботилась внесеніемъ денегъ въ похоронное общество для приличнаго преданія землѣ ея останковъ. Кромѣ того, онъ спилъ на свой счетъ траурное платье для Луизы. Не смотря на все это, сосѣди рѣшили, что онъ не былъ достаточно пораженъ этой смертью, и всѣ громко одобряли слова жены кузнеца, мистрисъ Смитъ, которая публично сказала, что нельзя было

ожидать обычныхъ человѣческихъ чувствъ отъ Джона Болдерфильда, въ виду его денегъ. Изъ этого вытекаетъ, что капиталистъ столь же непопуляренъ въ мелкихъ, какъ и въ крупныхъ общинахъ.

Но Джонъ не обращалъ никакого вниманія на эти толки. Онъ ревностно работалъ по уборкѣ жатвы на фермѣ и постоянно, какъ днемъ, такъ и ночью, размышлялъ, что ему было сдѣлать со своими деньгами.

Когда послѣднее поле было сжато и окончился обычный ужинъ послѣ уборки хлѣба, Джонъ вернулся домой очень поздно, изнемогая отъ усталости. Его трудовая жизнь въ Клинтонѣ-Магна была окончена, и, хотя семья, на которую, онъ трудился столько лѣтъ, покидала ферму въ крайней бѣдности, онъ не думалъ объ этомъ, а радостно мечталъ о томъ счастьи, которое ожидало его послѣ столь долгихъ, усиленныхъ трудовъ.

На другой день онъ принялся за ликвидацію своихъ дѣлъ. Элайза завѣщала всю обстановку хижины своему сыну, Джиму, и его дочь Луиза наняла возъ, который долженъ былъ на слѣдующее утро перевезти весь домашній скарбъ къ ея родителямъ, жившимъ на разстоянii двѣнадцати миль. Она сама намѣревалась отправиться съ возомъ, а Джонъ располагалъ сдать свой домъ и пойти въ Фрамptonъ, гдѣ уже нанялъ себѣ жилище.

Ему оставалось провести на старомъ пепелищѣ только двадцать четыре часа, а онъ все-таки не рѣшилъ, куда помѣстить свое сокровище — у Саундерса, въ сберегательной кассѣ, или у Бесси?

Онъ укладывалъ свое имущество въ различные узлы, большіе и малые, когда Бесси Кострель постучалась къ нему въ дверь. Она раньше уже предложила ему оставить у нея все, что ему было не нужно.

— Я думала, что у васъ много дѣла, и пришла вамъ помочь, сказала она, входя въ комнату: — это вещи, которыя вы оставите у меня?

Джонъ кивнулъ головой.

— Возъ, на которомъ Луиза перевезетъ свой скарбъ, произнесъ онъ, доставить и вамъ все это. Вещей набралось больше, чѣмъ я думалъ, но вѣдь у васъ найдется для нихъ мѣсто?

— Конечно.

Она сѣла на стулъ и молча смотрѣла, какъ онъ завязывалъ послѣдній узелъ.

— А какіе бываютъ злые люди,—сказала она гнѣвнымъ тономъ.

— А что же они говорятъ?—спросилъ Джонъ, взглянувъ на нее съ любопытствомъ.

— Вотъ мистеръ Саундерсъ всегда говоритъ дурно обо всѣхъ. А вѣдь и его можно было бы во многомъ упрекнуть. Салли также подбиваетъ его на эти злобныя выходки.

Саундерсъ былъ сельскій кузнецъ, человѣкъ высокаго роста, чрезвычайно загорѣлый и считавшійся по своему уму общимъ совѣтникомъ всего Клинтонна. Онъ принималъ участіе въ заключеніи всѣхъ духовныхъ завѣщаній сосѣдей, прикладывалъ руку ко всѣмъ совершавшимся сдѣлкамъ и зналъ подноготную всѣхъ семействъ въ околодѣѣ. Честность его была выше всякихъ сомнѣній, объ его умѣ всѣ отзывались съ почтительнымъ страхомъ, но такъ какъ у него былъ злой языкъ, и онъ не жалѣлъ никого для краснаго словца, то въ Клинтонѣ существовала оппозиція противъ него.

Джонъ сѣлъ на деревянный ящикъ, который только что перевязалъ веревкой, и насупилъ брови.

— Что же онъ говоритъ, хотя мнѣ и плевать на его слова,—произнесъ онъ съ раскраснѣвшимися щеками, частью отъ усталости, а частью отъ гнѣва.

— Онъ говоритъ, что вы не выказываете чувствъ, какихъ бы слѣдовало о бѣдной Элайзѣ, и что вы должны были бы сдѣлать для нея гораздо болѣе. Онъ прибавляетъ, что вы всегда думали только о своихъ деньгахъ и что онъ не разъ мѣшалъ вамъ злоупотребить ими. Наконецъ, онъ высказываетъ, что изъ вашихъ денегъ ничего не выйдетъ хорошаго, такъ какъ послѣ Элайзы некому сберечь ихъ.

— Онъ говоритъ все это? произнесъ Джонъ, свергая глазами: Саундерсъ всегда былъ скотиной и останется скотиной до конца своей жизни.

И онъ гнѣвно задумался, подперевъ подбородокъ своими большими, грязными руками.

Дѣйствительно, Саундерсъ не разъ вмѣшивался въ дѣла Джона. Напримѣръ, старая мистрисъ Мольслей, желавшая купить ферму въ Потеръ-Ро, и Самъ Фильдъ заняли бы у

него значительныя суммы денегъ, если бы Саундерсъ не отговорилъ ихъ. Онъ увѣрялъ, что Джонъ беретъ жидовскіе проценты и ни за что не дастъ фунта стерлинговъ на три мѣсяца иначе, какъ за шиллингъ. По его совѣту мистрисъ Мольсей взяла деньги изъ строительнаго общества, а Фильдъ обошелся безъ займа. Такимъ образомъ Больдерфильдъ не заработалъ трехъ фунтовъ стерлинговъ, которые непременно были бы его, если бы не болтовня Саундерса. А теперь онъ снова поносить его, проклятая скотина!

— Потомъ онъ говоритъ, продолжала Бесси, съ обыкновенной живостью, что вы слишкомъ невѣжественны, чтобы помѣстить свои деньги въ сберегательную кассу. Онъ увѣряетъ, что вы боитесь, чтобы кассиръ не стащилъ вашихъ денегъ, и презрительно надъ вами смѣется. По его словамъ, вы не видите далѣе своего носа, потому что вы круглый невѣжа. Что касается до него, то онъ съ удовольствіемъ сохранилъ бы ваши деньги, но, конечно, вы не поручите ему ихъ, такъ какъ сердитесь на него послѣ исторіи съ мистрисъ Мольсей.

— Въ этомъ онъ правъ, произнесъ мрачно Джонъ, — хоть разъ въ жизни, онъ сказалъ разумное слово. Я скорѣе выкопаю яму въ горѣ и похороню тамъ свои деньги, чѣмъ повѣрю ихъ этому негодяю. Всѣ Саундерсы были разбойники и сороки-тараторки.

Слова эти онъ произнесъ съ накипѣвшимъ много лѣтъ въ его сердцѣ гнѣвомъ, и Бесси смотрѣла на него, сочувственно сверкая глазами.

— Онъ просто говоритъ гадости про васъ изъ зависти, — сказала она, — такъ какъ никогда не могъ бы накопить столько денегъ изъ жалованья, даже если бы Салли привязала его веревками къ кровати и не пускала бы въ деревенскую таверну.

Она весело засмѣялась, какъ ребенокъ, и Джонъ также улыбнулся, хотя не былъ въ веселомъ настроеніи.

— Вотъ мистеръ Дрю—дѣло другое, продолжала Бесси. — Возвращаясь вмѣстѣ со мной съ владбища, онъ сказалъ: мистрисъ Кострель, то, что сдѣлалъ Джонъ, заслуживаетъ всякаго уваженія. Работникъ, получающій пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю и счумѣвшій отложить столько денегъ, — достойный примѣръ для всѣхъ. Объ этомъ фактѣ слѣдуетъ разглашать всюду.

Выраженіе лица у Джона смягчилось и глаза его стали обнаруживать обычное равнодушіе, вмѣсто только что сіявшаго въ нихъ гнѣва.

Наступило молчаніе. Бесси сидѣла, обернувъ лицо въ открытой двери. За красными флокусами, виднѣвшимися передъ порогомъ жилища Джона, дорога шла внизъ къ деревнѣ, за которой простиралось большое, только что сжатое поле, кишѣвшее бѣдняками, собиравшими остатки жатвы. Въ концѣ поля темнѣлъ густой лѣсъ, огибавшій горный скатъ. Налѣво, за горой, тянулась широкая равнина, тамъ и сямъ перерѣзываемая чахлыми вязыми и зелеными изгородами. Чисто англійская красота этого пейзажа отличалась скромнымъ, умѣреннымъ характеромъ; глазъ преимущественно останавливался на безконечной шири воздуха и залитомъ солнцемъ пространствѣ, на мягкихъ очертаніяхъ, на пріятномъ чередованіи лѣсовъ и полей, на игрѣ свѣта и тѣней.

Однако ни Бесси, ни Джонъ не любовались этой панорамой. Она думала о многочисленныхъ домашнихъ заботахъ, а онъ внимательно разсматривалъ ее. Она была красивая женщина и сидѣла въ дверяхъ, повернувъ голову къ свѣту, который рельефно очерчивалъ ея каштановые волосы. Но Джонъ ни мало не думалъ объ этомъ. Онъ колебался и не зналъ, на что рѣшиться.

— А что бы вы сказали, Бесси, произнесъ онъ наконецъ: если бы я попросилъ Исаака и васъ взять на храненіе мое сокровище?

Бесси слегка вздрогнула, потомъ пристально посмотрѣла на него. У нея были живые пронизательные глаза, а ея исхудалыя щеки горѣли румянцемъ. Всѣ сосѣди называли ее легкомысленнымъ, увлекающимся существомъ, но она была очень популярна и имѣла много друзей.

Конечно, въ глубинѣ своего сердца, она рѣшила, что дядя долженъ оставить свой сундукъ съ деньгами у нея съ мужемъ; ея гордость была даже оскорблена, что Джонъ еще не сдѣлалъ подобнаго предложенія, хотя она знала, подобно всему селенію, что его очень тревожила мысль, куда дѣтъ свое сокровище, но она не смѣла посовѣтовать ему въ этомъ отношеніи, изъ боязни Элайзы. Она знала, что Элайза ее недолюбливала и стала бы отговаривать Джона отъ подобной мысли, а Элайза была такая упрямая и суровая женщина, что Бесси

боялась ея даже на смертномъ одрѣ, хотя не прочь была сосориться со всѣми другими. Во всякомъ случаѣ она полагала, что будетъ стыдомъ и оскорбленіемъ для нея и для мужа, если Джонъ не отдастъ имъ на сохраненіе своихъ денегъ. Она, можетъ быть, желала главнымъ образомъ сдѣлать впечатлѣніе на сосѣдей, которые, какъ ей хорошо было извѣстно, не имѣли о ней высokaго мнѣнія. Наконецъ она думала и о томъ, кому достанутся деньги Джона послѣ его смерти, хотя онъ всегда говорилъ, что намѣренъ прожить, а не завѣщать ихъ кому бы то ни было, но привычка быть бережливымъ такъ овладѣваетъ человѣкомъ, что Джонъ могъ продолжать по привычѣ свою скромную жизнь и также могъ умереть раньше, чѣмъ ожидалъ, при чемъ естественно было оставить свое наслѣдство тѣмъ, у которыхъ оно фактически находилось.

Въ сущности Бесси въ этотъ день пошла къ Джону съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы добиться отъ него передачи денегъ на храненіе; но ею руководило въ этомъ случаѣ гораздо менѣе чувство корысти, чѣмъ можно было предположить. Самолюбіе и желаніе оградить свою гордость отъ униженія—вотъ мотивы, которые заставляли ее желать передачи имъ сокровища дяди. Во всякомъ случаѣ, когда онъ задалъ ей желанный вопросъ, отвѣтъ у нея былъ уже готовъ.

— Если вы спрашиваете нашего мнѣнія, — отвѣчала она, — то мы оба полагаемъ, что вамъ совершенно натурально оставить деньги на храненіе мнѣ и Исааку, вашимъ ближайшимъ родственникамъ, но мы не хотѣли говорить объ этомъ ни слова, чтобы насъ не заподозрили въ насилуваніи вашей воли.

Джонъ всталъ, опустилъ засученные рукава рубашки, надѣлъ сюртукъ и произнесъ серьезнымъ тономъ.

— А куда вы поставили бы мой сундукъ?

— Вы знаете нашъ шкафъ на лѣстницѣ? Тамъ прекрасно помѣстился бы вашъ сундукъ. Въ шкафу хорошій замокъ, да и мы привели-бы его въ порядокъ, на всякій случай.

Бесси бросила на него нетерпѣливый взглядъ. Она жаждала доказать всѣмъ, что ей довѣряли въ важныхъ дѣлахъ. Гордость ея слишкомъ часто оскорблялась, чтобы не желать, хоть однажды, удовлетворить свое самолюбіе въ этомъ отношеніи.

Джонъ дотронулся рукой до чернаго шнура на шеѣ, съ двумя ключами: отъ комнаты и отъ сундука.

— Ну, покончимъ это дѣло,—сказалъ онъ, — я завтра покидаю ферму въ шесть часовъ утра. Сбѣгайте за Исаакомъ и приведите его сюда.

— Сейчасъ!—воскликнула Бесси, надѣвая себѣ на голову платокъ,—онъ дома и пьетъ чай.

Она быстро выскочила изъ хижины и побѣжала изъ всѣхъ силъ по крутой дорогѣ. Джону не понравилась эта чрезмѣрная поспѣшность, но жребій былъ брошенъ. Онъ спокойно продолжалъ свою уборку.

Бесси выбилась изъ силъ, такъ она скоро бѣжала, пока, наконецъ, достигла своей хижины, находившейся въ боковой улицѣ селенія, надъ фермой, гдѣ жилъ Джонъ. Мужа она застала сидѣвшимъ у открытой двери, съ трубкой во рту и газетой въ рукахъ. Трое изъ ея четырехъ дѣтей играли невдалекѣ.

Исаакъ слегка кивнулъ ей головой, и лицо его, всегда сумрачное, едва освѣтилось улыбкой. Это былъ красивый человѣкъ, съ загорѣлымъ лицомъ, посѣдѣвшими волосами и соннымъ, меланхоличнымъ лицомъ. Онъ былъ гораздо старше жены и считался выдающимся старшиной въ маленькой церкви индипендентской секты въ Клинтонѣ. Его обычная меланхолія по временамъ нарушалась гнѣвными вспышками. Такъ онъ почти обезумѣлъ отъ злобы, когда Бесси, имѣвшая склонность къ англиканской церкви по той причинѣ, что въ ней было по воскресеньямъ многолюднѣе и веселѣе, предложила окрестить ихъ младшаго ребенка по обряду этой вѣры. Другіе члены индипендентской секты поступали такимъ образомъ и почему ей не послѣдовать ихъ примѣру? Но Исаакъ пришелъ въ такую ярость, что Бесси убѣжала съ ребенкомъ въ свою комнату и отъ страха заперла дверь. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ былъ очень смиренный, даже до нелѣпости смиренный мужъ, ни на что не жаловался, ни на что не обращалъ вниманія. Онъ равнодушно относился къ легкомыслію Бесси, и весь жизненный интересъ для него заключался въ религиозномъ созерцаніи и въ чтеніи индипендентской газеты, въ которой онъ по временамъ помѣщалъ письма по религиознымъ вопросамъ. Онъ былъ садовникомъ у одного домовладѣльца на

горѣ и отличался бѣльшимъ образованіемъ, чѣмъ всѣ его сосѣди. Вообще онъ очень любилъ своихъ дѣтей и въ глубинѣ сердца гордился женою, ея красивой внѣшностью и живостью. Она была очень хорошенькой дѣвушкой, когда онъ женился на ней, спустя восемь лѣтъ послѣ смерти своей первой жены. Двое старшихъ дѣтей его отъ перваго брака уже давно повидали его домъ. Дочь поступила въ услуженіе, а сынъ, къ огорченію отца, сбился съ пути. Что касается до дѣтей Бесси, то они были еще маленькими, и она сама казалась еще молодой, хотя ей было за тридцать лѣтъ.

Подойдя теперь къ мужу, Бесси оглянулась по сторонамъ, и, убѣдившись, что никто ея не слышитъ, послѣдно передала ему полупешотомъ о случившемся. Онъ долженъ былъ тотчасъ и какъ можно скорѣе отправиться за сундукомъ Джона. Она общалась дядѣ, что они возьмутъ на сохраненіе его деньги, такъ какъ ихъ связывали между собой кровныя узы. Къ тому же у шкафа на лѣстницѣ былъ отличный замокъ и нечего было опасаться за сокровище.

Исаакъ слушалъ ее сначала съ удивленіемъ, а потомъ съ неудовольствіемъ. Она часто говорила съ нимъ о деньгахъ Джона, но онъ не обращалъ большого вниманія на ея слова, и теперь его неприятно поразила необходимость беречь чужія деньги.

— Не бѣзъ чему намъ заботиться о чужихъ грошахъ, сказалъ онъ, пусть они остаются у того, кто ихъ нажилъ. Богатство большой соблазнъ, и если мы возьмемъ чужое золото, то оно только принесетъ горе нашему дому.

Сопровивленіе мужа вывело Бесси изъ терпѣнія, и она забросала его гнѣвными аргументами и упреками, которые преимущественно касались ея недавняго посѣщенія старшаго сына Исаака. Ей приходилось возиться съ пьяницей, а для нея Исаакъ не хотѣлъ ничего сдѣлать. Хорошо. Она не станетъ болѣе вмѣшиваться въ чужія дѣла ради своего мужа.

Исаакъ молча курилъ, а Бесси продолжала все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ:

— Ты всегда такой, низкій эгоистъ. Ты не думаешь о своихъ дѣтяхъ. Кому оставить старикъ Джонъ свои деньги? Отчего бы ему не оставить ихъ нашимъ дѣтямъ, если мы обойдемся съ нимъ по-дружески и по родственному? Но тебѣ какое дѣло до своихъ дѣтей! Ты, словно богачъ, ни о чемъ

не думаешь. Посмотри, вѣдь одинъ бѣдняжка хромаетъ, а тебѣ и гора мало.

И она со слезами на глазахъ указала на одного изъ дѣтей, у котораго правая нога была короче лѣвой.

Исаакъ продолжалъ курить, но онъ сталъ видимо колебаться, подъ давленіемъ краснорѣчія своей жены.

— Замокъ ненадеженъ, сказалъ онъ неожиданно, вынимая изо рта трубку.

Бесси немедленно пресѣкла нить своихъ доводовъ и сказала торжествующимъ тономъ:

— Въ такомъ случаѣ я послѣ ужина сбѣгаю за Флакомъ, онъ живо приведетъ замокъ въ порядокъ.

Флакъ былъ деревенскій плотникъ.

— Но весь шкафъ занятъ сундукомъ матери, снова замѣтилъ Исаакъ, насупивъ брови.

Бесси громко засмѣялась.

— Какой ты дуракъ, отвѣчала она: одинъ сундукъ можно поставить на другой. Ну, будь умницей, Исаакъ, пойдн сейчасъ къ Джону; онъ тебя ждетъ. А ты не безпокойся, я всегда готова присмотрѣть за твоимъ сыномъ.

Онъ все таки не двигался съ мѣста.

— И ты, вѣроятно, захочешь, чтобы всѣ въ селеніи знали объ этомъ?

— Н... нѣтъ, отвѣчала Бесси перѣшительно, — я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Вернись къ Джону и скажи ему, что я приду къ нему въ сумерки. Если онъ не дуракъ, то пойметъ, въ чемъ дѣло.

Бесси согласилась съ тѣмъ, что ея мужъ былъ правъ, и побѣжала къ Джону съ его отвѣтомъ.

Въ восемь съ половиною часовъ, когда уже совершенно стемнѣло, Исаакъ постучалъ въ двери къ Джону. Тотъ немедленно отворилъ еѣ и сказалъ:

— Здравствуйте, Исаакъ, вы согласны взять сундукъ?

— Если вамъ некуда его дѣтъ иначе, отвѣчалъ Исаакъ неохотно; но я ни мало не склоненъ къ тому, чтобы сохранять чужія деньги.

Джону очень понравилось это отношеніе къ дѣлу Исаака.

— Но вѣдь вамъ не будетъ никакихъ заботъ, произнесъ онъ:—вы запрете шкафъ, и сундукъ будетъ стоять тамъ въ безопасности. Ну, помогите мнѣ.

Исаакъ выглянулъ въ дверь, и убѣдившись, что за ними никто не слѣдилъ, поднялъ вмѣстѣ съ Джономъ сундукъ и вынесъ его изъ дома.

Но не успѣли они выйти изъ дверей, какъ изъ сосѣдней хижины выглянулъ, жившій тамъ, сельскій полицменъ Ватсонъ. Джонъ такъ перепугался этого неожиданнаго свидѣтеля, что едва не уронилъ сундука.

— Что вы тамъ дѣлаете, Больдерфильдъ? спросилъ Ватсонъ своимъ добродушнымъ голосомъ: — не помочь ли мнѣ вамъ?

— Нѣтъ, благодарю, отвѣчалъ Джонъ въ большомъ волненіи: — и пожалуйста, мистеръ Ватсонъ, не говорите никому объ этомъ.

Блюстителъ порядка пристально взглянулъ на обоихъ людей, а потомъ на сундукъ и понялъ, въ чемъ было дѣло, такъ какъ всѣ сосѣди знали о сокровищѣ Джона.

— Богъ съ вами, сказалъ онъ со смѣхомъ: — я никому не проболтаюсь. Идите себѣ спокойно, если я вамъ ненуженъ. Добраго вечера.

И онъ быстро удалился.

Исаакъ и Джонъ понесли сундукъ въ гору. Сундукъ былъ старый, тяжелый, окованный желѣзомъ. Исаакъ сомнѣвался, былъ ли онъ такъ тяжелъ отъ оковки, или отъ денегъ, но не сказалъ ни слова. Ему не было извѣстно, сколько Джонъ накопилъ денегъ и ни за что на свѣтѣ онъ не спросилъ бы его объ этомъ. Что касается до самого Джона, то хотя онъ постоянно думалъ и говорилъ о своемъ сокровищѣ, но никому не сообщалъ его точной цифры, и никто, кромѣ Элайзы, не видалъ скопленнаго стариеомъ золота. Его очень тѣшили деревенскіе толки объ его капиталѣ, который, конечно, въ устахъ сосѣдей удваивался и утраивался Поэтому онъ не заботился исправлять ихъ ошибки и тѣмъ болѣе хвастался своимъ богатствомъ.

Когда они достигли хижины Костреля, то Джонъ прежде всего осмотрѣлъ шкафъ на лѣстницѣ. Потомъ онъ, вмѣстѣ съ Исаакомъ, поставилъ внизъ свой сундукъ, а на него нагромоздилъ находившійся тамъ большой деревянный ящикъ съ домашнимъ скарбомъ. Наконецъ онъ попробовалъ замокъ и нашелъ его въ достаточномъ порядкѣ, такъ что не надо было прибѣгать къ помощи Флака. Въ минуту разстава-

нія со своимъ сокровищемъ онъ болѣе, чѣмъ когда либо, хотѣлъ окружить его тайной. Между тѣмъ Бесси снова встала взадъ и впередъ по хижинѣ, очень взволнованная и болтала безъ умолку. Что же касается до дѣтей, то ихъ заперли на кухнѣ, гдѣ они съ удивленіемъ спрашивали другъ друга, что происходило въ домѣ.

Когда все было кончено, Исаакъ заперъ шкафъ и торжественно передалъ ключъ Джону, который повѣсилъ его на свой шнурокъ вокругъ шеи. Тогда Бесси выпустила дѣтей изъ кухни и стала вмѣстѣ съ ними собирать ужинъ. Никогда она не была такъ жива и весела, какъ въ этотъ вечеръ, никогда она не пекла такихъ вкусныхъ пышекъ и не наливала Джону болѣе полной кружки пива. Но старикъ сидѣлъ молча, угрюмо.

Наконецъ онъ простился, тяжело вздыхая, а спустя полчаса, когда Исаакъ и Бесси собирались идти спать, послышался стукъ въ дверь, и Джонъ снова явился передъ ними.

— Позвольте мнѣ ночевать здѣсь, — сказалъ онъ, указывая на старый диванъ, стоявшій подъ окномъ, — мнѣ тамъ скучно и я сказалъ Луизѣ, что не буду спать дома.

Оваймлявшіе его круглое, красное лицо сѣдые волосы и бакенбарды торчали во всѣ стороны. Онъ казался больнымъ, истощеннымъ и Бесси его пожалѣла.

Она постлала ему постель на диванѣ, и онъ провелъ тутъ ночь, тяжело вздыхая и постоянно просыпаясь. Онъ теперь, болѣе чѣмъ когда либо, чувствовалъ потерю Элайзы и смутно сознавалъ себя несчастнымъ существомъ. Среди ночи онъ тихо всталъ, босымъ пробрался въ шкафу и ощупалъ замокъ. Убѣдившись, что все было въ порядкѣ, онъ вернулся назадъ, болѣе довольный, чѣмъ прежде.

Спустя часа два, на ранней зарѣ, онъ вышелъ изъ хижины и побрелъ въ Фрамptonъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ПРОФЕССИИ.

(Соч. Герберта Спенсера ¹⁾).

I.

О профессіяхъ вообще.

Не особенно легко сказать, какимъ общимъ признакомъ отличаются социальныя профессіи и въ чемъ именно заключается различіе образуемыхъ ими группъ отъ другихъ общественныхъ группъ, но намъ поможетъ достигнуть, по возможности, вѣрнаго понятія объ этомъ—разсмотрѣніе функций каждой изъ этихъ группъ въ ея окончательномъ опредѣлившихся особенностяхъ.

Жизни общества и каждаго изъ его членовъ помогаютъ, такъ или иначе, всѣ такія профессіи; при этомъ поддержка жизни общества, представляющаго организмъ не чувствующій, въ сущности, есть только ближайшая цѣль, которая сама служитъ средствомъ для достиженія конечной задачи — поддержанія жизни членовъ общества, которые являются чувствующими организмами. Первая функция общества, по времени и значенію, заключается въ защитѣ племенной или національной жизни, въ охраненіи общества отъ враговъ. Для лучшаго осуществленія этой цѣли является необходимой нѣкоторая регламентація жизни. Ограниченіе индивидуальныхъ дѣйствій нужно для успѣшнаго веденія войны, которая подразумеваетъ подчиненіе предводителю, или главѣ; а когда такое временное главенство, въ случаѣ успѣха, оканчивается учрежденіемъ постоянной власти, то она въ дальнѣйшемъ развитіи вноситъ такое регулированіе жизни внутри общества, которое обезпечиваетъ готовность къ войнѣ во всякое вре-

¹⁾ Эти очерки, печатающіеся одновременно въ англійскомъ журналѣ *Socetemporary Review*, американскомъ *Popular Science Monthly* и французскомъ *Revue des Revues*, — составляютъ седьмую часть Основъ Соціологіи, подъ заглавіемъ *Professional Institutions* (Профессіональныя Учрежденія), а потому въ нихъ встрѣчаются ссылки на предыдущія части этого труда.

мя. Вслѣдъ за подобнымъ установленіемъ лучшихъ условій защиты отъ враговъ, начинается переходъ къ защитѣ однихъ гражданъ отъ другихъ, а отъ первоначально введенныхъ удачливымъ предводителемъ общественныхъ правилъ — одинъ шагъ до освященія ихъ, послѣ его смерти, санкціей, приписываемой его духу. Такимъ образомъ, къ контролю живого повелителя и представителей его власти постепенно присоединяется контроль умершихъ повелителей и представителей ихъ. Вмѣстѣ съ появленіемъ посредствующихъ силъ, для защиты жизни и ея регулированія, образуются такія же посредствующія силы и для поддержанія жизни. Хотя сначала каждый самъ добываетъ себѣ пищу, одежду, кровь; однако, торговля, начинающаяся съ простаго обмѣна предметовъ потребленія, мало по малу, приводитъ къ пользованію такими примѣненіями, которыя во многомъ способствуютъ физической поддержкѣ жизни. Но когда достигнуты—защита жизни, ея упорядоченіе и ея поддержка, то остается ли еще какая нибудь функція, необходимая для общества? Эта функція дѣйствительно существуетъ и заключается въ расширеніи жизни, чему успѣшно служатъ вообще человѣческія профессіи. Очевидно, что врачи, устраняющіе страданія, излѣчивающіе болѣзни и предохраняющіе отъ преждевременной смерти,—увеличиваютъ сумму жизни въ обществѣ. Музыкальные исполнители, сочинители, а также учителя музыки и танцевъ усиливаетъ человѣческія эмоціи (чувствованія), и тѣмъ придаютъ интенсивность жизни. Поэты — эпическіе, лирическіе и драматическіе, а равно актеры,—каждый въ своемъ родѣ,—возбуждаютъ чувство удовольствія и тѣмъ служатъ повышенію тона жизни. Историки и писатели, отчасти своимъ вліяніемъ, а, главное, — возбужденіемъ интереса къ сообщаемымъ ими фактамъ, или къ создаваемымъ ими образамъ, возвышаютъ умственное состояніе человѣка, и тѣмъ расширяютъ кругозоръ человѣка. Хотя мы не можемъ сказать, чтобы законовѣды дѣлали тоже, въ прямомъ смыслѣ; но, помогая людямъ ограждать себя отъ насилій, они содѣйствуютъ поддержкѣ жизни, а, слѣдовательно, увеличиваютъ ея мощь. Всѣ разнообразныя примѣненія науки, которыя дѣлаются возможными, благодаря открытіямъ ученыхъ, безконечные интеллектуальные интересы, возбуждаемые ими, и общій свѣтъ, проливаемый ихъ трудами, возвышаютъ и распространяютъ жизнь. Наставники и профессора, какъ сообщаемыми свѣдѣніями, такъ и устанавливаемой ими умственной дисциплиной, даютъ возможность болѣе успѣшно заниматься тѣмъ или другимъ дѣломъ, обезпечивать себѣ лучшее существованіе и вообще открываютъ двери къ удовлетворенію разныхъ специальныхъ стремленій; всѣмъ этимъ они служатъ къ про-

дленію жизни. Наконецъ, всѣ, занимающіеся пластическимъ искусствомъ, — живописцы, скульпторы, архитекторы — возбуждаютъ эстетическое удовольствіе и этимъ расширяютъ жизнь.

Какимъ образомъ возникаютъ профессіи? Изъ какихъ, ранѣе существующихъ общественныхъ тканей, расчлѣняются онѣ, — или дифференцируются, какъ говорятъ на эволюціонномъ языкѣ? Признавая общую истину, доказанную много разъ въ предыдущихъ частяхъ этого труда (Основы Соціологии), — что всѣ общественныя учрежденія происходятъ отъ спеціализаціи сравнительно однородной массы, — мы вынуждены, прежде всего, разрѣшить вопросъ: изъ какой части подобной массы ведутъ свое начало человѣческія профессіи?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ опредѣленной формѣ состоитъ въ томъ, что слѣды профессій, если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ изъ нихъ, можно усмотрѣть въ первоначальныхъ политико—духовныхъ факторахъ общества и что, при отдѣленіи политической функціи отъ духовной, послѣдняя спеціально сохранила въ себѣ ядро профессій и мало-по-малу развила ихъ. Если мы припомнимъ, что въ раннихъ общественныхъ группахъ существуетъ временное главенство предводителей въ теченіи войны, а затѣмъ, постепенно, это временное главенство переходитъ въ постоянное; что успѣшное содѣйствіе въ войнѣ обусловливается подчиненіемъ предводителямъ, а это подчиненіе, хотя главнымъ образомъ предназначенное для войны, обнаруживается и въ другія времена, служа къ развитію общественнаго сотрудничества; если мы припомнимъ далѣе, что, когда подъ руководствомъ своего правителя, племя подчиняетъ себѣ сосѣдей, которые начинаютъ умиловать этого повелителя, то въ тоже время его собственное племя начинаетъ питать къ нему восторженное уваженіе; если вспомнимъ затѣмъ, что, по всеобщей теоріи духовъ, эти правители предполагаются обладающими послѣ смерти еще большей силой, чѣмъ при жизни, то мы легко поймемъ, что поклоненіе имъ продолжается въ томъ же видѣ и еще усиливается послѣ ихъ кончины. Первобытныя народы полагаютъ, что жизнь въ другомъ мірѣ тождественна съ той, которую они ведутъ здѣсь, а потому, зная что ихъ предводители ири жизни пили и ѣли, они несутъ къ нимъ на могилы пищу и питье. Такъ какъ въ честь ихъ при жизни убивали животныхъ, то ихъ приносятъ имъ въ жертву и послѣ смерти. Если подобный правитель былъ могущественнымъ государемъ, окруженнымъ большимъ дворомъ, для подержанія котораго убивалось много скота, то такую же громадную рѣзню производятъ и для умиловленія его души. Если этотъ повелитель былъ людодѣдомъ, то человѣческія жертвы приносятся ему одина-

ково, какъ при жизни, такъ и по смерти; въ послѣднемъ случаѣ кровью этихъ жертвъ поливается его могила или жертвенникъ, изображающій её. Такъ какъ при жизни онъ имѣлъ много слугъ, и предполагается, что они нужны ему и на томъ свѣтѣ, то часто при его погребеніи убивали этихъ слугъ, для того, чтобы они послѣдовали за нимъ въ замогильный міръ. Если женщины его гарема не предавались смерти, какъ иногда случалось, то ему посвящались дѣвы, которыя должны были жить въ его храмѣ. Посѣщенія дворца при его жизни, съ цѣлью поклоненія, переходятъ, послѣ его смерти, въ паломничества на его могилу, или въ храмъ, воздвигнутый въ честь его; приношенія, которыя прежде лично отдавались ему, потомъ преподносятся его душѣ на этой могилѣ или въ этомъ храмѣ. Точно также какъ кланялись и падали ницъ въ его присутствіи, такъ кланяются и падаютъ ницъ, съ тѣми же церемоніями, передъ его духомъ, витающимъ въ пространствѣ. Его прославляли, когда онъ былъ живъ, а послѣ смерти эти прославленія еще усиливались. Танцы, бывшіе вначалѣ непосредственнымъ выраженіемъ радости, при его видѣ, и принимавшіе мало-по-малу характеръ официальной церемоніи, происходили, сохраняя тотъ же характеръ, на его и могилѣ или въ его храмѣ. Одинаково и музыка, инструментальная или вокальная, исполнявшаяся при живомъ повелителѣ, потомъ исполнялась и въ честь его души.

Такимъ образомъ, если подобныя проявленія, общія, какъ политической преданности, такъ и духовному поклоненію, имѣютъ родственныя черты съ нѣкоторыми проявленіями социальныхъ профессій, то эти послѣднія, очевидно, имѣютъ двойной корень въ политико-духовномъ факторѣ. Столь же очевидно, что при расчлененіи этого фактора-двойни, наибольшее развитіе внушительности и широты оказывается у духовнаго его подраздѣленія. частью отъ предполагаемаго увеличенія сверхъестественной силы души покойника, а частью отъ распространенія по многимъ мѣстамъ его культа; въ связи съ этимъ развиваются больше и проявленія социальныхъ профессій, соответствующихъ духовному фактору.

Большинство означенныхъ проявленій, какъ политическаго, такъ и духовнаго характера, имѣютъ уже указанный видъ. Мѣры, принимаемыя къ умилостивленію живого вождя или мертваго, но обоготворяемаго, имѣютъ, конечно, цѣлью частью— сохраненіе своей жизни, а отчасти усиленіе ея интенсивности, такъ какъ прославленіе повелителя путемъ похвалъ, пѣсенъ и различныхъ видовъ эстетическаго наслажденія даетъ эмоциональное удовлетвореніе самому поклоннику. Естественно, что профессіи, которыя поддерживаютъ этотъ культъ хвалебными рѣчами, поэтическими и дра-

матическими произведеніями, скульптурной и живописью, развиваются соразмѣрно усиленію того класса, который служитъ для апоеоза правителей, именно духовнаго класса.

Другая причина, почему профессіи, уже указанныя и другія, не входящія въ число ихъ, какъ, на примѣръ, профессіи законовѣдovъ и педагоговъ, имѣютъ духовное происхожденіе,—заключается въ томъ, что духовный классъ, по необходимости, возвышался надъ другими классами по знанію и умственнымъ способностямъ. Его ловкость, хитрость и знаніе свойствъ вещей давали первобытному духовному лицу и врачу большое вліяніе на его согражданъ; эти же черты продолжали отличать его и впослѣдствіи, когда духовная его функція стала специализироваться. Его власть, какъ духовнаго лица, увеличивалась, благодаря тѣмъ способностямъ и тому знанію, которыя были недоступны всему народу, а потому въ его интересѣ было достигать того высшаго образованія и умственнаго развитія, которыя необходимы для того, что мы назвали общественными профессіями.

Здѣсь мы имѣемъ еще разъ столь часто доказанный фактъ, что духовный классъ, которому другіе классы доставляютъ средства къ жизни, естественно имѣетъ много свободнаго времени. Не вынужденные работать для своего существованія, члены этого класса могутъ посвящать больше времени и энергіи интеллектуальной работѣ и развитію умственной дисциплины, которыя необходимы для успѣха въ общественныхъ профессіяхъ и служатъ отличительной ихъ чертой, въ сравненіи съ другими человѣческими занятіями.

Усвоивъ себѣ эти общія понятія о природѣ общественныхъ профессій и ихъ происхожденіи, мы теперь уже можемъ оцѣнить значеніе той группы фактовъ, которую представляетъ историческое развитіе каждой изъ нихъ.

II.

Медики и хирурги.

Во второй главѣ этого труда (Основы Соціологіи) уже были приведены доказательства той общей истины, что въ первобытныхъ племенахъ трудно отличить духовное лицо отъ врача. Тѣ и другія обязанности обыкновенно исполняются однимъ лицомъ. Приведемъ еще нѣсколько фактовъ въ подтвержденіе этого тезиса.

По словамъ Гумбольта, карибскіе марири въ одно и то же время — кудесники, духовныя лица и врачи. У тушівъ, такъ называемые пайи совмѣщали въ себѣ и знахаря, и ку-

десника, и духовное лицо. Переходя изъ южной Америки въ сѣверную, мы видимъ, что каріи имѣютъ мало понятія о медицинскихъ травахъ, а ихъ духовныя лица или кудесники исполняютъ обязанности врачей. О дакотахъ Скулькрафтъ говоритъ:— «духовное лицо у нихъ и—пророкъ, и врачъ». Азія представляетъ намъ такіе же примѣры. Въ южной Индіи курумбы исполняютъ обязанность врачей среди бадаговъ и о нихъ говорятъ:—«Курумбы вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и священниками при бракахъ и похоронахъ». Тоже замѣчается и на сѣверѣ. «Мѣстныхъ врачей много въ Монголіи, но они большею частію ламы; нѣкоторые изъ мірянъ присоединяютъ медицину къ своимъ другимъ занятіямъ, но большая часть врачей—духовныя лица». То же самое мы видимъ и на другомъ большомъ континентѣ. Ридъ рассказываетъ, что въ экваторіальной Африкѣ люди-фетиши въ одно и то же время врачи, духовныя лица и кудесники; относительно джолоховъ и еггараховъ сообщаются подобныя же свѣдѣнія Молліеномъ, Алленомъ и Томсономъ.

Эти доказательства вмѣстѣ съ тѣми, которыя приведены ранѣе, вполне подтверждаютъ, что соединеніе этихъ двухъ функций представляетъ нормальную черту первобытныхъ обществъ.

Происходитъ это соединеніе отъ того, уже указаннаго, обстоятельства, что первобытное духовное лицо и первобытный врачъ имѣли дѣло съ предполагаемыми сверхъестественными существами; подобное смѣшеніе обязанностей отчасти объясняется существовавшимъ понятіемъ о мірѣ боговъ и духовъ, изъ которыхъ одни считались всегда вредящими людямъ, а другіе, хотя обыкновенно и относились къ человѣку еружелюбно, но иногда поддавались гнѣву и въ этомъ состояніи причиняли вредъ.

Врачи, имѣющіе дѣло съ духами, вліянію которыхъ дикари приписываютъ возникновеніе болѣзней, подвергаютъ своихъ пациентовъ частью естественнымъ средствамъ врачеванія, но, главнымъ образомъ, тому или другому способу заклинанія духовъ. Китингъ говоритъ объ индѣйскомъ племени чиппева: «ихъ способы лѣченія основаны болѣе на заговорахъ или чарахъ, чѣмъ на подходящихъ медицинскихъ средствахъ». Среди обитателей залива Нутки, «физическія страданія всегда приписываются удаленію души или ея уклоненію отъ истиннаго пути, или вліянію злыхъ духовъ, а потому все врачеваніе заключается въ томъ, чтобы вернуть человѣка на истинный путь и умиловить злыхъ духовъ».

Точно также рассказываютъ, что у оканагановъ: «когда болѣзнь принимаетъ серьезный, таинственный характеръ, то бросаютъ медицинскія средства, а пациента предають кудеснику, который дѣйствуетъ на него своими чарами».

Прямымъ слѣдствіемъ подобной вѣры въ сверхъестественное происхожденіе болѣзней представляются различные народные обычаи. Такъ, говорятъ, что когда у кареновъ «кто нибудь заболѣваетъ, то врачи—кудесники, за извѣстное вознагражденіе, говорятъ—какой злой духъ произвелъ недугъ и какимъ приношеніемъ можно его умилостивить». У ароканіевъ врачъ-кудесникъ, приведшій себя,—дѣйствительно или притворно,—въ изступленіе, во время котораго онъ, по общему предположенію, входитъ въ сношеніе съ духами,—объясняетъ по окончаніи припадка: «въ чемъ заключается болѣзнь, гдѣ она сосредоточивается и какими средствами ее слѣдуетъ излѣчить; потомъ онъ подвергаетъ пораженную часть различнымъ манипуляціямъ до тѣхъ поръ, пока не извлекаетъ источника болѣзни, который торжественно показываетъ всѣмъ. Обыкновенно это—паукъ, лягушка или какое либо другое пресмыкающееся, которое онъ предварительно скрылъ въ своей одеждѣ».

Говоря о таитскихъ врачахъ, которые всегда—духовныя лица, или кудесники, Эллисъ рассказываетъ, что за излѣченіе болѣзни они берутъ плату, часть которой идетъ, по общему предположенію, богамъ, такъ какъ, въ виду ниспосланія ими болѣзни, боговъ слѣдуетъ умилостивить, чтобы эти болѣзни прекратились. И болѣе развитые народы представляютъ такіе же примѣры. Такъ, по словамъ Джильмора, «монголы рѣдко отдѣляютъ медицину отъ молитвы, и духовный врачъ имѣетъ то преимущество надъ мирскимъ, что въ одно и тоже время онъ можетъ давать медицинскія средства и совершать религіозные обряды».

Отсюда естественно вытекаетъ исполненіе духовными лицами врачебныхъ обязанностей. Если болѣзни не причинены волей злыхъ боговъ, то причина ихъ заключается въ бѣсахъ, посѣлившихся въ человѣкѣ, и ихъ надо изгнать изъ него двоякимъ путемъ: или сдѣлавъ человѣческое тѣло неприятнымъ для нихъ жилищемъ, или призвавъ на помощь боговъ, пользующихся большею властью, чѣмъ бѣсы.

Первобытные врачи часто прибѣгали въ одно и то же время къ естественнымъ и сверхъестественнымъ средствамъ лѣченія; поэтому можно было-бы предположить, что, употребляя физическія или химическія средства, они были прототипами медиковъ. Но это видимое сходство въ сущности только иллюзія, такъ какъ тѣ самыя средства, которыя мы считаемъ естественными, въ ихъ глазахъ не имѣли этого характера. Въ первой части этого труда было указано, что вліяніе на человѣческое тѣло нѣкоторыхъ растений или продуктовъ этихъ растений объяснялось тѣмъ, что въ растеніяхъ жили духи. Поэтому первобытные врачи или ку-

*

десники, имѣвшіе въ виду только сверхъестественную силу въ томъ или другомъ видѣ, если и могутъ считаться прототипами медиковъ, то лишь потому, что прибѣгали иногда къ одинаковымъ средствамъ; но не потому, чтобы они руководствовались одинаковыми идеями.

Мы сейчасъ увидимъ что врачи происходятъ скорѣе отъ тѣхъ духовныхъ лицъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, которыя дѣйствовали противъ злыхъ духовъ не враждебными имъ, а симпатическими средствами.

Тогда какъ врачъ - кудесникъ, или знахарь составляетъ особенность мелкихъ и неразвитыхъ общинъ, духовныя лица появляются въ процессѣ агрегаціи (соединенія) обществъ и возникновенія установленныхъ правительствъ. Мы уже ранѣе видѣли, что первобытное умилоствивленіе духовъ умершихъ родителей и другихъ членовъ каждой семьи обыкновенно производилось ихъ живыми родственниками, а, слѣдовательно, сначала обязанности духовныхъ лицъ исполнялись многими лицами. Съ теченіемъ времени, эти обязанности сосредоточиваются на старшемъ членѣ семьи; а, съ установленіемъ опредѣленной и наследственной должности предводителя племени, этотъ предводитель приносилъ умилоствивительныя жертвы умершему предшественнику, дѣлая это иногда и за свой народъ; этимъ-то путемъ и установилась officialная должность духовнаго лица. При расширеніи человѣческаго общества союзомъ съ подчиненными племенами и при усиленіи власти предводителя, получившаго княжеское достоинство, а также при установленіи намѣстниковъ, представлявшихъ эту власть въ различныхъ общественныхъ группахъ, появляются духовныя лица, составляющія особую касту, выполняющую господствующій культъ и дѣлающуюся, по вышеуказаннымъ причинамъ, средоточіемъ культуры вообще.

Благодаря этой-то культурѣ, появляется большее знаніе медицинскихъ средствъ, которыя мало-малу теряютъ свой сверхъестественный характеръ. Первобытныя цивилизаціи указываютъ намъ примѣры подобнаго превращенія. По словамъ Масперо, «въ древнемъ Египтѣ исцѣлители болѣзней дѣлились на различныя категоріи: одни предавались колдовству и вѣрили только въ талисманы и заговоры; другіе употребляли различныя снадобья, для чего изучали свойства растений или минераловъ и опредѣляли то время, когда ихъ лучше всего добывать, а также пользоваться ими; но лучшіе врачи старательно избѣгали specialнаго примѣненія того или другого способа, а пользовались заговорами и снадобьями, смотря по пациентамъ. Обыкновенно такими врачами были жрецы или духовныя лица». Вмѣстѣ съ этимъ

прогрессомъ началось и раздѣленіе функцій духовнаго лица и врача. Къ низшимъ разрядамъ жрецовъ принадлежали, по словамъ того же Масперо, «пасторы или лица, занимавшіяся врачеваніемъ».

Относительно Вавилона и Ассиріи мы имѣемъ не столь ясныя свидѣтельства. Ленорманъ говоритъ о халдеяхъ: «замѣчательно, что три части, на которыя распадаются найденные сѣромъ Генри Роленсономъ остатки большого сочиненія о магіи, вполне соотвѣтствуютъ тѣмъ тремъ классамъ халдейскихъ врачей, которые упоминаются въ книгѣ Даниила, рядомъ съ астрологами и духовенствомъ (*каздимъ* и *газримъ*), а именно заклинателей, теозофовъ и собственно врачей».

Точно также профессоръ Сейсъ говоритъ: «врачъ былъ давнишнимъ учрежденіемъ въ Ассиріи и Вавилонѣ. Правда, большинство народа, въ случаѣ болѣзни, прибѣгало къ чарамъ и религиознымъ обрядамъ, приписывая происхожденіе болѣзней не естественнымъ причинамъ, а бѣсамъ, которыми одержимы больные. Но постоянно увеличивалось число болѣе развитыхъ людей, которые, въ случаѣ болѣзни, искали помощи скорѣе у врачей съ ихъ снадобьями, чѣмъ у духовныхъ лицъ или кудесниковъ съ ихъ чарами». Изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ можно ясно вывести, что врачи явились какъ подраздѣленіе духовнаго класса.

Естественно, что и у евреевъ происходило то же, что и у ихъ, болѣе цивилизованныхъ сосѣдей. По словамъ Готье: «среди евреевъ медицина долго имѣла духовный характеръ, какъ почти у всѣхъ древнихъ народовъ; только левиты исполняли обязанности врачей».

У самыхъ древнихъ народовъ Азіи, именно индусовъ и персовъ, искусство врачеванія находилось въ рукахъ духовныхъ лицъ.

«Впослѣдствіи эта связь между духовными лицами и врачами стала ослабѣвать, и они раздѣлились между собою. Такъ въ Еклезіастѣ прямо говорится: «сынъ мой, не запускаяй болѣзни, а обратись съ молитвой къ Господу, и Онъ тебя исцѣлитъ; покинь пути грѣха, очисти длани свои и изгони изъ сердца своего всякое нечестіе. Приготовь обильное жертвоприношеніе, а затѣмъ позови врача, Господь создалъ его, и мы нуждаемся въ немъ, а потому не прогоняй его».

На соотвѣтственные факты указываетъ и Дрепперъ. По его словамъ: «талмудская литература представляетъ свѣдѣнія о переходномъ положеніи медицины: сверхъестественный факторъ мало-по-малу переходитъ въ физическій, и къ духовнымъ средствамъ все болѣе и болѣе примѣшиваются научныя и точныя. Такъ раввинъ можетъ исцѣлять болѣзни наложеніемъ рукъ, но вмѣстѣ съ

тѣмъ объясняетъ, хотя и ошибочно, но чисто физически, лихорадочные симптомы, а происхождение паралича заднихъ ногъ животнаго правильно приписываетъ давленію опухоли на спинной мозгъ».

О происхожденіи врачей у индусовъ, исторія которыхъ очень осложнена постепеннымъ наслоеніемъ религій и правительственныхъ системъ,—свѣдѣнія довольно смутны, но въ одномъ согласны всѣ свидѣтельства, именно въ томъ, что медицина имѣетъ божественное происхождение,—разумѣя, вѣроятно, подъ этимъ, что врачи вели свое начало отъ духовныхъ лицъ. Въ введеніи къ труду Харака прямо говорится, что знаніе медицины передано Брамой Индрѣ, а Барадвая научился ей у Индры и самъ передалъ это знаніе шести Ришамъ, въ числѣ которыхъ былъ Агниваза. О соединеніи медицинской практики съ обязанностями духовныхъ лицъ говоритъ и Гунтеръ, доказывая, что «національная астрономія и національная медицина Индіи одинаково ведутъ свое начало отъ потребностей національнаго культа». Та же связь замѣчается и во время господства буддизма: «медицину изучали въ главныхъ центрахъ буддійской цивилизаціи, какъ, напримѣръ, въ Наландскомъ монашескомъ университетѣ, близъ Гайи».

Подобнымъ же происхожденіемъ отличалась и медицинская профессія въ Греціи. «Это происхождение признавалось божественнымъ, и врачи считались, въ настоящемъ смыслѣ, потомками Асклепія. Грогъ говоритъ: «многочисленныя семьи, называвшія себя Асклепіадами, посвящали себя изученію медицины и практическому ея примѣненію. Они жили преимущественно вокругъ храма Асклепія,—куда прибѣгали за помощью больные,—и признавали въ этомъ богѣ не только предметъ своего культа, но и прямого своего предка».

Съ теченіемъ времени эта профессія дѣлалась свѣтской.

«Мало-по-малу связь между духовными лицами и врачами стала уменьшаться, а затѣмъ и среди врачей начались подраздѣленія по предметамъ (т.-е. дѣленіе на хирурговъ, фармацевтовъ и т. д.), а съ тѣмъ вмѣстѣ и различія по ихъ общественному положенію».

По разнообразнымъ даннымъ можно судить, что въ первые времена Рима, когда не существовало особаго врачебнаго класса, считалось, что болѣзни навѣяны сверхъестественной силой и что ихъ можно излѣчить только умилостививъ разгнѣванныхъ боговъ. Определенныя болѣзни приписывались вліянію определенныхъ боговъ, и, чтобы отъ нихъ излѣчиться, нужно было умилостивить соответственное божество; поэтому приносились жертвы то Фебрису, то Мефитамъ, то Оссипагъ, то Карнѣ т. д. Одинъ островъ на Тибрѣ, который уже имѣлъ мѣстнаго, вылѣчивающаго болѣзни

бога, сдѣлался мѣстомъ культа Эскулапа, къ которому прибѣгали по случаю эпидеміи. Такимъ образомъ очевидно, что и въ Римѣ, какъ и повсюду, врачи имѣли сначала тѣсную связь съ духовными лицами. Впослѣдствіи естественный ходъ эволюціи нарушался вліяніемъ другихъ обществъ. Побѣжденные народы, отличавшіеся дѣйствительнымъ или предполагаемымъ медицинскимъ искусствомъ, доставляли Риму врачей. Въ продолженіе долгаго времени они составляли необходимую принадлежность домовъ патриціевъ. По словамъ Гуля и Конера, «медиками и хирургами были большею частью рабы или вольноотпущенники». Когда начала развиваться медицинская профессія, она отличалась чужеземнымъ происхожденіемъ. Момзенъ говоритъ: «въ 535 году поселился въ Римѣ первый греческій врачъ, пелопонезецъ Архагатъ, и приобрѣлъ такую извѣстность своими хирургическими операціями, что ему даны были права римскаго гражданина и отведено помѣщеніе на счетъ государства. Съ тѣхъ поръ его товарищи наводнили Римъ, и медицинская профессія, одна изъ самыхъ выгоднѣйшихъ профессій въ Римѣ, сдѣлалась монополіей чужестранцевъ».

Такъ какъ первоначальное христіанство вело борьбу съ язычествомъ, то естественно предположить, что первобытная связь между духовенствомъ и врачами должна бы была прекратиться, какъ только стало господствовать христіанство. Но корни человѣческихъ чувствъ и вѣрваній лежатъ глубже, чѣмъ корни частныхъ религіозныхъ системъ, переживая и даже пуская новыя вѣтви уже въ то время, когда на поверхности старый культъ замѣнился новымъ. Во многихъ отношеніяхъ языческіе обычаи и идеи значительно измѣнили догматы и обряды католичества; такъ было и въ медицинѣ. Первобытная теорія сверхъестественнаго происхожденія болѣзней сохранилась, и, естественно, священникамъ пришлось заниматься врачеваніемъ. Средневѣковые христіане строили больницы» и обыкновенно священники завѣдывали ими. Такъ, въ Александріи этимъ дѣломъ занимался Св. Исидоръ, при патріархѣ Теофилѣ, а въ Константинополѣ Св. Зотикъ, а затѣмъ Св. Сампсоній».

Относительно замѣны языческихъ медицинскихъ учрежденій христіанскими мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство: «уничтоженіе Асклеіевъ не повело за собой принятія обширныхъ мѣръ для обезпеченія медицинскаго обученія; слѣдствіемъ этого было то, что постепенно увеличивалось довѣріе ко всякаго рода обманамъ и, наконецъ, установилась почти всеобщая вѣра въ сверхъестественное врачеваніе».

Справедливѣе было бы сказать, что вновь возникло языческое

понятіе о болѣзняхъ и о способахъ ихъ излѣченія. По словамъ Шпренгеля, послѣ VI в. монахи почти исключительно занимались медициной. Въ какомъ положеніи находилась медицина въ первыя времена среднихъ вѣковъ, о которыхъ мы знаемъ такъ мало, можно заключить по тому факту, что въ XII столѣтіи занятіе медициной священниками было найдено столь большей помѣхой для должнаго исполненія ими своихъ обязанностей, что были приняты мѣры противъ этого Латеранскимъ соборомъ въ 1123 году, Рейскимъ — въ 1131 и Второмъ Латеранскимъ — въ 1139 году. Но этотъ обычай сохранился въ продолженіе многихъ вѣковъ во Франціи и, вѣроятно, въ другихъ странахъ. Кажется, только тогда, когда папской буллою было разрѣшено медикамъ жениться, священники стали меньше заниматься медициной. По словамъ Вортонна, «медикамъ Парижскаго университета не разрѣшалось жениться до 1452 года».

Въ Англіи пережило такое же языческое родство между докторами и духовенствомъ. Въ 1456 году «занятіе медициной все еще сосредоточивалось въ значительной мѣрѣ въ рукахъ духовныхъ лицъ. Что они не переставали пользоваться влияніемъ на ея практику во времена Генриха VIII, доказывается закономъ, изданнымъ въ третій годъ его царствованія и гласившимъ: «постановлено, что ни одинъ человекъ въ Лондонѣ, или на семь миль вокругъ него, не можетъ практиковать, какъ медикъ или хирургъ, не выдержавъ экзамена и не получивъ диплома отъ лондонскаго епископа или декана собора Св. Павла, при содѣйствіи медицинскаго факультета; а внѣ этихъ границъ — безъ диплома мѣстнаго епископа или его викарія, при такомъ же содѣйствіи медицинскаго факультета».

Извѣстно, что до начала нашего столѣтія архіепископъ Кентерберійскій сохранялъ право выдавать медицинскіе дипломы. Такимъ образомъ отдѣленіе врачей души отъ врачей тѣла, которое проявляется у дикихъ народовъ, при ихъ переходѣ въ цивилизованную націю, очень медленно совершилось въ христіанской Европѣ.

Это долговременное сохраненіе древнихъ вѣрованій и обычаевъ до сихъ поръ проявляется въ объясненіи нѣкоторыхъ болѣзней католической и протестантской церквами, а также замѣтно въ нѣкоторыхъ способахъ медицинскаго лѣченія и въ народныхъ понятіяхъ относительно означенныхъ болѣзней.

До сихъ поръ многіе на западѣ полагаютъ, что эпидеміи служатъ результатомъ небснаго гнѣва. Даже выказывается со стороны, напримѣръ, англиканскаго духовенства и его сторонниковъ упорная рѣшимость сохранить соединеніе духовнаго и медицин-

скаго элементовъ въ врачеваніи. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было предложено, чтобы въ одномъ отдѣленіи больницы только молились о выздоровленіи больныхъ, а въ другомъ только лѣчили ихъ, но англиканское духовенство съ негодованіемъ отвергло подобное предложеніе, не желая расчленять то, что въ его глазахъ должно было оставаться соединеннымъ.

Точно также падучая болѣзнь многими приписывается доселѣ бѣсовскому навожденію, и въ католической церкви существуетъ особый обрядъ изгнанія бѣсовъ. Подобную же вѣру высказалъ недавно одинъ англійскій первый министръ, приводя примѣръ изъ древнихъ сказаній объ изгнаніи бѣсовъ. Все это ясно доказываетъ, что даже при современной высшей культурѣ совмѣстимо соединеніе духовнаго и медицинскаго элементовъ въ дѣлѣ врачеванія.

Эта первобытная теорія сохранилась еще въ одной замѣчательной формѣ. Древнее понятіе, что надо изгнать изъ человѣка бѣса, который причинялъ ему болѣзнь, придадо особый характеръ нѣкоторымъ медицинскимъ способамъ и до сихъ поръ вліяетъ на взгляды многихъ на счетъ медицинскихъ средствъ. Первобытные знахари, съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ для бѣсовъ пребываніе въ тѣлѣ, подвергали своего пациента угрожающимъ, болѣзненнымъ или отвратительнымъ манипуляціямъ. Они производили передъ нимъ ужасный шумъ и страшно искажали свои лица гримасами, или подвергали его нестерпимому жару, невыносимому зловонію и невозможной пищѣ. Существуютъ многочисленныя доказательства, что не только въ средніе вѣка, но и въ сравнительно недавнее время, дѣйствительность лѣкарствъ соразмѣрялась съ ихъ отвратительнымъ вкусомъ; чѣмъ непріятнѣе было лѣкарство, тѣмъ предполагалось, что оно сильнѣе дѣйствуетъ. Монтень поднимаетъ на смѣхъ чудовищные рецепты современныхъ ему докторовъ, которые примѣшивали, напримѣръ, къ своимъ лѣкарствамъ пометъ слона, лѣвую ногу ежа, печень крога, калъ крысы и т. д. Въ одномъ рецептѣ, приводимомъ въ «Сокровищахъ Анатоміи» Викарія (1641), говорится: «примите пять ложекъ урины невиннаго ребенка». Согласно такимъ же рецептамъ, «падучая болѣзнь излѣчивалась питьемъ воды изъ черепа самоубійцы, или кровью убійцы», а головная боль нюханьемъ въ видѣ табаку, превращенной въ порошокъ, плѣсени, найденной на человѣческомъ черепѣ. Одинаково существовало убѣжденіе, что веревка и щепы отъ висѣлицы имѣли свойство излѣчивать извѣстныя болѣзни. Подобныя же понятія существуютъ и въ настоящее время между необразованными людьми и молодежью. Убѣжденіе въ тождественности отвратительнаго вкуса и силы лѣкарства такъ сильно, что многіе трудно вѣрятъ въ полезныя дѣйствія вкусной микстуры.

Какъ вообще въ эволюціи,—органической или соціальной,—за первичнымъ подраздѣленіемъ или дифференцированіемъ, слѣдуетъ вторичное, такъ и, рядомъ съ отдѣленіемъ врачей отъ духовныхъ лицъ, шло внутреннее ихъ подраздѣленіе на особыя классы.

Самое рѣзкое изъ этихъ подраздѣленій составляетъ раздѣленіе на медиковъ и хирурговъ. Происхождение этого факта затемнено различными явленіями и кажется теперь еще темнѣе, чѣмъ было прежде, потому что въ послѣднее время стало замѣчаться не дальнѣйшее развитіе того же принципа, а, напротивъ, обратное направленіе. Въ наши дни обыкновенно въ Англіи берутъ дипломы въ знаніи и медицины, и хирургіи, соединяя такимъ образомъ эти оба вида своей профессіи. вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ и другіе стали все болѣе и болѣе отличаться отъ лицъ, приготовляющихъ лѣкарство по ихъ рецептамъ. До послѣдняго времени не только хирурги обыкновенно сами приготовляли лѣкарства, но и врачи, имѣя пріемные покои, не всегда имѣли лаборантовъ,—что встрѣчается и въ настоящее время въ деревняхъ. Но теперь и хирурги и доктора уступаютъ эту функцію своей профессіи аптекарямъ.

Но видимое несоотвѣтствіе эволюціонному процессу исчезаетъ, если мы вернемся къ болѣе отдаленнымъ временамъ. Отличіе между медикомъ и хирургомъ явилось не путемъ дифференціаціи, а сказалось съ самаго начала. Хотя тѣ и другіе лѣчили физическія болѣзни, но медики имѣли дѣло съ страданіями, причиненными сверхъестественными причинами, а хирурги — съ естественными. Первые лѣчили болѣзни, причиненныя бѣсовскимъ навожденіемъ, а послѣдніе—животными и неодушевленными предметами. Поэтому мы видимъ во времена первобытной цивилизаціи болѣе или менѣе ясныя отличія между ними.

«Брамины были врачами, но одинъ изъ видовъ врачеванія, именно хирургію, не могли исполнять чистые брамины, а потому, съ самыхъ древнихъ временъ, была образована особая каста, которая вела свое начало отъ союза одного брамина съ дочерью Вайшии». Существуютъ достаточныя доказательства, что подобное же раздѣленіе было и въ Египтѣ до христіанской эры, а также сохранились ясныя свидѣтельства, что арабы систематически дѣлили врачей на три самостоятельныя профессіи: медиковъ, хирурговъ и фармацевтовъ. Среди грековъ однако не замѣчалось подобнаго распредѣленія, и греческій медикъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ хирургомъ и аптекаремъ. Имѣя въ виду эти свѣдѣнія о первоначальномъ положеніи врачей, мы должны осторожно относиться къ тѣмъ свидѣтельствамъ, которыя говорятъ о подраздѣленіи врачей въ средніе вѣка. Помня, что тогда всѣ знанія и культура сосредоточивались въ духовенствѣ и въ монасты-

ряхъ, мы можемъ заключить, что священники и монахи исполняли обязанности медиковъ и хирурговъ, а потому нельзя признать, чтобы, напримѣръ, въ V вѣкѣ хирургія составляла отдѣльный видъ медицинской практики. Но все-таки несомнѣнно, что духовныя лица обыкновенно воздерживались отъ операцій, и только руководили въ этихъ случаяхъ дѣйствіями своихъ помощниковъ мірянъ; причина этого заключалась въ томъ, что духовныя лица не могли проливать кровь, а, слѣдовательно, и производить операціи. Этимъ отчасти объясняется и появленіе свѣтскихъ врачей, которые обучались въ монастырскихъ школахъ, а потомъ приглашались, какъ и фельдшера, большими городами, для пользованія публики. По всей вѣроятности, процессу дифференціаціи содѣйствовали папскія буллы, запрещавшія духовнымъ лицамъ заниматься медициной вообще; выходъ изъ этого затруднительнаго положенія нашелся въ компромиссѣ, по которому духовнымъ лицамъ позволялось писать рдцепты, а вся хирургическая практика предоставлялась мірянамъ.

Рядомъ съ этимъ главнымъ разчлененіемъ, какъ мы видѣли, довольно сбивчивымъ, существовали и другія, болѣе мелкія подраздѣленія медицинской профессіи внутри каждой изъ раздѣлившихся специальностей. Нѣкоторыя изъ нихъ возникли въ самыя отдаленныя времена. Напримѣръ, въ первобытной Индіи существовала «особая вѣтвь хирургіи, посвященная исправленію неправильныхъ ушей и носовъ, а также замѣнѣ ихъ новыми». Что подобная специализація была дѣйствительнымъ фактомъ, доказываетъ еще тѣмъ, что въ сочиненіяхъ древнихъ хирурговъ описано до ста двадцати различныхъ хирургическихъ инструментовъ, а также свидѣтельствомъ, что въ санскритской періодъ «число медицинскихъ трудовъ и авторовъ было очень значительно, при чемъ первые представляютъ или систематизированный обзоръ всей медицинской науки, или изслѣдованія спеціальнаго предмета».

Такъ было и въ древнемъ Египтѣ; Геродотъ говоритъ: «медицина практикуется среди египтянъ на основаніи принципа специализаціи, и каждый врачъ лѣчитъ только извѣстную болѣзнь. Такимъ образомъ существуютъ врачи, которые лѣчатъ глаза, другіе—голову, третьи—зубы, четвертые—внутренніе органы и пятые—общіе недуги».

Хотя между греками долго не замѣчалось подраздѣленія на медиковъ и хирурговъ, но въ послѣднія времена существованія древней Греціи «врачебная наука дѣлилась тамъ на многіе отдѣльные виды, именно на лѣченіе глазъ, зубовъ и т. д.».

Относительно промежуточныхъ эпохъ мы имѣемъ только от-

рывочныя свѣдѣнія, но въ наше время несомнѣнно произошелъ большой прогрессъ въ раздѣленіи труда среди врачей. Теперь одни доктора посвящаютъ себя преимущественно груднымъ болѣзнямъ, другіе—сердечнымъ, третьи—нервнымъ, четвертые—желудочнымъ, пятые—накожнымъ; точно также и больницы устроены исключительно для той или другой болѣзни. Одинаково и среди хирурговъ замѣчаются специалисты: одни славятся искусствомъ по операціямъ глазъ, другіе—ушей, третьи—мочевого пузыря, четвертые—кишечника, пятые—яичника, шестые—перелома костей, уже не говоря о такъ называемыхъ костоправахъ, которые, несмотря на отсутствіе въ нихъ научной подготовки, какъ говорилъ мнѣ одинъ хирургъ, часто приносятъ больше пользы, чѣмъ патентованные представители этого класса.

Согласно нормальному порядку эволюціи,—процессу дифференціаціи соответствуетъ процессъ интеграціи. Сначала мы видимъ стремленіе къ заключенію союзовъ тѣми лицами, которые практиковали въ медицинѣ, и появленіе учреждений для обученія медицинѣ, а также ассоціацій врачей съ одинаковой спеціальностью; въ послѣднее же время стали возникать и общіе, но менѣе сплоченные союзы всѣхъ врачей. Въ Александріи «въ храмѣ Сераписа была устроена больница, куда принимали больныхъ и лицъ, занимающихся медициной,—для опытнаго изслѣдованія болѣзней, какъ это дѣлается и въ подобныхъ учрежденіяхъ нашего времени».

Въ Римѣ, вмѣстѣ съ распространеніемъ культа Эскулапа, развивалось изученіе медицины въ посвященныхъ ему храмахъ. Въ первыя времена среднихъ вѣковъ, монастыри, служа центрами обученія, объединяли въ нѣкоторомъ отношеніи медицинскую профессию, какъ это дѣлаютъ нынѣшніе факультеты, коллегіи и школы. Позднѣе въ Италіи возникли училища для образованія докторовъ, какъ, напримѣръ, медицинская школа въ Салерно, основанная въ 1140 году. Во Франціи, въ концѣ XIII вѣка, создана была особая коллегія фельдшеровъ, по стопамъ медицинской корпорациі, и при этомъ фельдшера изъ своей среды выдѣлили пирульниковъ, которымъ запрещено было производить операціи, а дозволялось только перевязывать раны и т. д. Въ Англіи замѣчаются тѣ же явленія. При Эдуардѣ IV лондонскіе фельдшера—пирульники составляли особую корпорацію, а въ XV вѣкѣ создана коллегія медиковъ, которая получила право выдавать дипломы для практикованія медицины, что прежде было привилегіей епископовъ. При Карлѣ I было запрещено заниматься хирургіей въ Лондонѣ, не выдержавъ экзамена, а при Георгѣ II образована королевская коллегія хирурговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ

различныхъ мѣстахъ возникли медицинскія школы, а больницы сдѣлались средоточіями клиническихъ занятій, при чемъ нѣкоторыя были подчинены коллегіямъ, а другія нѣтъ. Наконецъ къ процессу интеграціи надо отнести и появленіе медицинскихъ журналовъ, которые служатъ объединенію медицинскихъ школъ, корпорацій и всей профессіи вообще.

Прежде, чѣмъ кончить эту главу, надо обратить вниманіе на два факта. Во-первыхъ, въ послѣднее время нѣкоторые профессора анатоміи и физиологіи сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ профессорами біологіи, расширяя такимъ образомъ изслѣдованію человеческой жизни изученіемъ жизни вообще; повидимому, этотъ фактъ какъ будто не имѣетъ ничего общаго съ медициной, но въ сущности знаніе животной жизни дѣйствительно расширяетъ знаніе человеческой жизни, а, слѣдовательно, и увеличиваетъ медицинскую науку. Во-вторыхъ, съ образованіемъ корпорацій для патентованныхъ врачей явилось ревнивое отношеніе съ ихъ стороны къ лицамъ, занимающимся медициной безъ диплома. Подобно духовнымъ лицамъ, и тѣ, которые священнодѣйствуютъ въ медицинѣ, преслѣдуютъ еретиковъ. При этомъ существуютъ гоненія не только на врачей безъ дипломовъ, но и на аптекарей и дрогистовъ, которые даютъ медицинскіе совѣты. Иначе говоря, замѣчается постоянное стремленіе къ болѣе опредѣленному обособленію интегрированной медицинской профессіи.

ВЪ РАЗЛУКѢ.

(изъ дневника).

Безъ нѣжныхъ словъ, безъ поцѣлуя
Разстались мы, любовь тая,
Шутили вслухъ, въ душѣ тоскуя,
И жали руки—какъ друзья.
Обѣтовъ рабскихъ не шептали
Разсудку вѣрныя уста,
Но изъ-подъ траура печали
Намъ улыбалася мечта.

Мы вѣрили, что въ дни разлуки
На подвигъ волю завалимъ,
Вернемся съ свѣточемъ науки,
Какъ со святыней пилигримъ,
Возьмемъ среди народной нивы
По силамъ пажити свои—
И жизнь сольемъ въ союзъ счастливый
На трудъ и радости любви.

Идемъ мы разною дорогой,
Мужая въ думахъ и борьбѣ,
И я съ ревнивою тревогой
Мечтаю часто о тебѣ.
Я вѣрю въ благо испытанья,
Я жду, какъ праздника, свиданья...
Но, милый другъ, дождусь ли я
И нѣжныхъ словъ, и поцѣлуя?
Иль мы сойдемся—какъ друзья,
Ты—вновь шутя, я—вновь тоскуя?..

А. Колтоновскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА

Эллы Жепвортъ Дижсонъ.

Перевела съ англійскаго В. Масолова.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Конецъ и начало.

На улицѣ ярко свѣтило весеннее солнце, дулъ пронзительный восточный вѣтеръ, сѣвозъ голубую дымку тамъ и сямъ, яркими пятнами красовались полныя цвѣтовъ клумбы. Но въ комнатахъ большого лондонскаго дома господствовали болѣзненно-желтыя сумерки, такъ какъ оранжевыя жалюзіи были тщательно задвинуты. Въ корридорахъ было жутко и даже въ кухнѣ переговаривались шопотомъ, какъ будто покойникъ могъ услышать. Въ залѣ, на столѣ, лежало нѣсколько вѣнковъ и крестовъ изъ тропическихъ, похожихъ на восковые, цвѣтовъ, наполняя квартиру тяжелымъ ароматомъ. Цвѣты эти принесли сочувствующіе друзья, но ихъ не пригласили въ комнату, гдѣ въ покорномъ безмолвіи лежала на постели мраморная фигура, до странности непохожая на профессора Эрля при жизни.

Внизу, въ кабинетикѣ, выходившемъ на тѣсный лондонскій дворъ, сидѣла за конторкою дѣвушка.

— „Я знаю, васъ огорчитъ извѣстіе, что мой дорогой отецъ внезапно скончался третьяго дня ночью“ .., писала она, между тѣмъ какъ на лбу ея замѣтно билась напряженная артерія.

Цѣлый день смѣнялись посѣтители, оставляли карточки, тихо и съ любопытствомъ разспрашивали. При каждомъ звонкѣ доносились подавленные восклицанія:— „Какъ ужасно—такъ внезапно!“ Мэри слышала, какъ освѣдомляются о

ней, Елизавета отвѣчаетъ: „Миссъ Эрль здорова, насколько это теперь возможно“. Эта тривиальная, избитая, пошлая фраза почти смѣшила ее. Всѣ эти традиціонныя выраженія сочувствія, вся эта личина скорби вазались приготовленными на заказъ, какъ траурныя юбки и навидки, взятые изъ магазина траурной одежды на Раджентъ-Стритъ. „Да, я здорова, насколько это теперь возможно, а папа умеръ, папа умеръ“.

Всю остальную половину дня она провела въ механическомъ переписываніи на бумагу съ черною каймою въ дюймъ ширины словъ: „съ душевнымъ присорбіемъ сообщаю вамъ, что мой дорогой отецъ“. Какъ ему не понравилась бы эта выставка печали! Она противорѣчила всему направленію его жизни.

— Завтра,—сказала она себѣ,—я пошлю за бумагою съ каймою поуже.

Эти письма предназначались за границу; въ Англии вѣсть о смерти профессора Эрля уже распространили газеты, такъ какъ онъ былъ, наиболѣе популярнымъ изъ современныхъ ученыхъ.

Въ задней комнатѣ пришлось рано зажечь лампу; предстояло много мелочныхъ хлопотъ. Похороны предполагались самыя простыя; не было приглашено священника, который за деньги „возблагодарилъ“ бы Всевышняго за „избавленіе“ великаго мыслителя отъ „бѣдствій сего грѣшнаго міра“. Отъ лица грѣшнаго міра долженъ былъ говорить другой знаменитый профессоръ, который просилъ позволенія сказать нѣсколько словъ. Кромѣ того, были журналисты. Пришелъ живой, изящно одѣтый молодой человекъ за матеріаломъ для газетной статьи и сталъ дѣлать множество стенографическихъ замѣтокъ, предлагая безчисленные вопросы и жаднымъ взоромъ оглядывая всю комнату. Другой журналистъ, сѣдоватый, все время извинявшійся человекъ, съ робкимъ показливаньемъ попросилъ позволенія осмотрѣть весь домъ для описанія въ „Еженедѣльной Планетѣ“. На лѣстницѣ онъ спросилъ Елизавету, не сказалъ ли профессоръ передъ самою смертью чего нибудь особеннаго, чтѣ годилось бы въ эпиграфъ.

— О, сэръ!—сказала Елизавета.—Развѣ вы не слышали? Баринъ ничего не сказалъ. Онъ умеръ, вѣдь, во снѣ.

Дочь исполняла свои обязанности машинально, точно совершенно посторонняя. — Не знаю, чувствую-ли я хоть чтонибудь! думала она. — И почему я не плачу? Хотѣлось бы заплакать, но не выходитъ. Нѣтъ, мнѣ ужъ никогда, никогда больше не плавать! — Иногда она рисовала въ воображеніи себя на похоронахъ, въ длинномъ крѣповомъ вуалѣ и слышала соболѣзнованія знакомыхъ, идя за гробомъ по Гайгетскому сѣлону. Алисона Айвзъ, конечно, будетъ съ нею; можетъ быть, станетъ рядомъ и возьметъ ее за руку. Вѣроятно и Винцентъ Хеммингъ будетъ тутъ же. Да, онъ тоже будетъ.

Обѣдать ей пришлось одной. Она чувствовала голодъ и не разбирала, что ѣла. Все было совсѣмъ не такъ, какъ пишутъ въ книгахъ. Она читала въ безчисленныхъ романахъ, что героиня въ погруженномъ въ трауръ домѣ по цѣлымъ днямъ лежитъ на кровати и настойчиво отказывается отъ пищи. Ею же въ эту несчастную недѣлю овладѣлъ какой-то демонъ суеты, и она съ ненасытностью поглощала самую питательную пищу. Она безостановочно убирала, писала, сводила счета. Читать нечего было и пробовать. Стоило ей взять книгу, какъ властвующій въ душѣ ея образъ—образъ любимаго озаменѣвшаго лица съ холодной, торжествующей улыбкой вѣчности на губахъ,—заслонялъ собою смыслъ словъ, по которымъ скользили ея глаза. А странный, характерный запахъ смерти, смѣшанный съ удушливымъ ароматомъ безжизненныхъ оранжерейныхъ цвѣтовъ, день и ночь наполнял собою лѣстницу.

Къ концу недѣли шумъ и суета увеличились, и наконецъ настало утро, когда домъ наполнился толпою служащихъ изъ похороннаго бюро, а Мэри и младшій братъ ея, Джимми, сидя съ нѣсколькими старинными знакомыми въ столовой, ждали сигнала къ отбытію. Зашаркали ноги носильщиковъ, сходявшихъ по узкой лондонской лѣстницѣ со своей тяжелой ношей, потомъ кто-то поднесъ дѣвушкамъ нюхательной соли, и ее потихоньку посадили въ первую траурную карету вмѣстѣ съ братомъ. Мальчику тоже дали соли, и оба ощущали странную напряженность и приподнятость нервовъ.

Ихъ теперь было только двое, и Мэри чувствовала горячую симпатію къ Джимми, сидя съ нимъ рядомъ въ по-

вомъ черномъ платьѣ и сознавая себя и его главными лицами въ предстоящей церемоніи. Она притворилась, что не слышала мальчишескаго хихиканья Джимми по поводу шутокъ уличныхъ ребятъ, платившихъ проходящей процессіи дань своихъ шалостей.

Путь въ Гайгетъ показался безконечнымъ; наконецъ длинная процессія медленно вползла на холмъ. Дѣвушка въ какомъ-то оцѣпенѣніи присутствовала при обрядѣ. Она припоминала вполсѣдствіи длинную вереницу народа, молчаливо поджидавшую ихъ въ владбищенской оградѣ; колокольный звонъ, лошадиное ржанье, рѣзкій запахъ ранней сирени, солнечный свѣтъ на дорожкахъ, на блестящемъ мраморѣ памятниковъ, на скромныхъ холмикахъ, покрытыхъ бархатистой травкой; затѣмъ движущуюся черную массу, зіяющую яму, шуршанье веревокъ и медоточивый голосъ знаменитаго профессора, произносившаго рѣчь надъ свѣже-насыпанной землей.

— Вся Англія, могу сказать—весь міръ, оплакиваетъ сегодня своего знаменитаго сына. (Въ эту минуту народъ стѣснился вокругъ зіяющей ямы и стиснулъ розовый кустъ, посаженный въ головахъ, такъ, что лепестки посыпались мелкимъ бѣлымъ дождемъ на дубовый гробъ). Слезы эти текутъ не напрасно: они увлажняютъ и оплодотворяютъ почву, на которой возрастаетъ древо истины, древо, вѣчно дающее свѣжія вѣтви и плоды, необходимые для физическаго и духовнаго прогресса человѣчества...

Рядомъ, въ ракивовомъ кустѣ, дроздъ раздувалъ свое коричневое горлышко, распѣвая веселую утреннюю пѣсню. На фонѣ блѣднаго, испещреннаго „барашками“ неба, сиреневые кусты наливали свои розоватые почки. Воздухъ былъ словно напоенъ зарождающейся жизнью.

— Природа,—продолжалъ ораторъ своимъ размѣреннымъ, обличавшимъ привычку къ аудиторіи, тономъ,—природа, неумолимо идущая своимъ путемъ, отняла у насъ жизнь полную суроваго труда, уже приведшаго къ выдающимся результатамъ и неизмѣримо много обѣщавшаго въ будущемъ. Ради чего, съ какою цѣлью — этого не дано знать намъ, стоящимъ съ полными скорбью сердцами и тоскливыми взорами вокругъ мѣста его послѣдняго успокоенія.

Солнце начинало припекать головы; аромат розоваго

мая вторгался въ легкія; радостное щебетанье въ ближнемъ вустѣ говорило о любви, о новой жизни въ гнѣздахъ, о природѣ, ликующей съ нахальнымъ торжествомъ. Ораторъ на минуту смолкъ, откашлялся и оцупалъ въ боковомъ карманѣ свой конспектъ. Онъ болѣе всего на свѣтѣ боялся, какъ бы репортеры не исказили его рѣчи. Вокругъ незасыпанной могилы тѣснились приверженцы науки, послѣдователи „религіи человѣчества“: мужчины и женщины съ сѣроватыми лицами, тревожными взорами, морщинистыми лбами и раннею просѣдью въ волосахъ; большія головы съ выдающимися лбами, тонкими шеями и покатыми плечами; женщины съ нервными, переутомленными лицами, мужчины съ трагическимъ неспокойнымъ выраженіемъ людей, которыхъ поддерживаетъ въ жизни, полной самоотреченія, одно лишь сознаніе нравственнаго долга. Эти похороны являлись нѣкоторой демонстраціей. Всѣ мыслящіе классы имѣли здѣсь своихъ представителей. Рядомъ съ сѣдовласой графиней—радикалкой въ простомъ полутраурномъ нарядѣ, стояла худая фигура социалистки-работницы съ красными руками безъ перчатокъ и вдохновеннымъ выраженіемъ истомленнаго лица. Тутъ же была и Алисона Айвзъ съ своею матерью, леди Дженъ. Впечатлительная леди Дженъ уже вытаскивала носовой платокъ, а близъ нея Мэри замѣтила Винцента Хемминга съ вдумчивымъ взглядомъ его карихъ глазъ.

Солнце пекло все жарче и жарче. Кое кто изъ провожавшихъ распустилъ уже зонтикъ. Запахъ розоваго боярышника сдѣлался почти удушливымъ; весенняя бабочка порхала надъ могилой ребенка, усаженной нѣжно-пахучими цвѣтами. Легкій вѣтерокъ пошевеливалъ вѣтви ракитоваго куста, нависшія надъ сосѣднимъ большимъ и роскошнымъ мраморнымъ монументомъ, на которомъ сіяла золотая надпись: „Тавовыхъ есть царствіе Божіе“. Вездѣ бѣлѣли памятники, словно зубы, выросшіе изъ плодородной земли, сіяя издали яркими полосами вверхъ до вершины холма, а затѣмъ спускались внизъ до владбищенскихъ воротъ.

Ораторъ дошелъ до заключительной части своей рѣчи.

— Хотя отдѣльные люди, — говорилъ онъ, такъ повысивъ голосъ, чтобы слышно было всѣмъ, — и могутъ порою подниматься на высочайшія вершины, однако надъ этими высотами возстаютъ все новыя и новыя въ той великой, еще мало

извѣстной странѣ, которую мы зовемъ областью науки; здѣсь конечно соприкасается съ безконечнымъ, и намъ придется признать несовершенство и безсиліе' человѣческой природы. Передъ нами внезапно опускается черная, непроницаемая завѣса, которую отдернуть не можетъ никто. Мы не знаемъ, всему ли конецъ въ этомъ послѣднемъ нашемъ пріютѣ, или существуютъ еще дальнѣйшія сферы для нашихъ стремленій и дѣятельности“.

Молчаніе, послѣдовавшее затѣмъ, было прервано продолжительнымъ, нѣжнымъ, громкимъ птичьимъ призывомъ.

Одно изъ главныхъ лицъ процессіи, мальчижь Джимми громко рыдалъ, когда смолье' голосъ профессора, и сестра, сама чувствуя спазмы въ горлѣ, увела его. Она упрекала себя за то, что привезла его сюда: по ея мнѣнію, дѣтямъ не слѣдовало знать, что такое горе. Худенькіе, одѣтые въ черное, они отошли въ сторону, вверхъ по отвосу.

У ногъ ихъ широко разстилался Лондонъ; темная окраска его зданій сливалась съ пасмурнымъ горизонтомъ. Тамъ и сямъ куполъ или шпиль выдвигались изъ мутной голубоватосѣрой массы. Облака пара висѣли надъ громаднымъ городомъ; кое-гдѣ едва замѣтная бахромка древесныхъ вершинъ указывала на паркъ; время отъ времени рѣзкій свистокъ локомотива, говорилъ о хлопотливыхъ переѣздахъ, о суетѣ на вокзалахъ, о разлукахъ и встрѣчахъ, о перемѣнахъ и заботахъ жизни человѣческой, о вновь прибывшихъ новичкахъ и увѣжающихъ неудачникахъ.

— Джимъ, — сказала вдругъ дѣвушка, взявъ мальчика за плечо. — Вотъ Лондонъ! Мы съ тобою заставимъ его обратить на насъ вниманіе. Мы его не испугаемся потому только, что онъ великъ, грубъ и силенъ.

— Д... да, милочка, — отвѣтилъ мальчикъ, поднимая хорошенькое, полное чувства личико съ розовымъ носикомъ, все вымазанное слезами. — Разумѣется, нѣтъ.

Черная толпа внизу растягивалась, расходилась и распадалась на отдѣльныя черныя точки, которыя теперь спускались по дорожкамъ къ воротамъ кладбища. Наконецъ и сестра съ братомъ медленно пошли по усыпанной гравіемъ дорожкѣ.

Они вернулись въ опустѣвшій и приведенный въ порядокъ домъ, гдѣ *его* дверь была насежь' растворена и не

повинутая имъ комната была залита блѣднымъ сіяніемъ весенняго дня. Жалузи подняли, а внизу, въ кухнѣ, прислуга начинала болтать и смѣяться.

Когда стало смеркаться, Джимъ уже погрузился въ новую книгу путешествій; но дѣвушка, не находя покоя, все ходила по дому въ черномъ платьѣ и глядѣла на все странными глазами. Случилось нѣчто ужасное, непредвидѣнное, и перевернуло всю ея жизнь. Чувство ея къ мальчику, согнувшемуся надъ книгой съ картинками, было очень похоже на материнское: она сознавала, что обязана заботиться о немъ теперь, когда отца уже нѣтъ. Какъ ужасно тянется время! Неужели никогда не пройдетъ этотъ безконечный день? У нея впереди столько дѣла. И перебравши всѣ дѣла въ умѣ, она вспомнила, что въ этотъ день обыкновенно выдавала бакалею изъ кладовой; вромѣ того, надо было заплатить портнихѣ, которая наверху перешивала для нея черное платье. Поэтому Мэри отправилась въ кухню, а за тѣмъ въ верхній этажъ дома. Она полагала, что окажется любезность, если поговорить съ женщиною, которая тамъ шьетъ одна. Молодой женщинѣ грустно быть одной.

Блѣдный розоватый свѣтъ весенняго вечера падалъ на темнолицую дѣвушку, пухлая рука которой машинально двигалась надъ шитьемъ, съ однообразіемъ и правильностью часоваго маятника. Это было покорное, смиренное, безропотное существо, невольно напоминавшее какого-то терпѣливаго домашняго животнаго. Черты ея, стертые и сглаженные поколѣніями службы другимъ, говорили о мелкомъ попрашайничествѣ женщинъ, потабающихъ, ради хлѣба, капризамъ зажиточныхъ людей. Сегодня она, повидимому, приняла приличный случаю видъ грусти.

Шитье иногда успокоительно дѣйствовало на Мэри. Взявъ полосу чернаго кашемира, она стала подрубать.

Рука портнихи продолжала двигаться съ покорною правильностью и, взглянувъ на нее, Мэри, страннымъ образомъ, припомнила многихъ видѣнныхъ ею женщинъ: барынь, матерей многочисленныхъ семей, которыя такъ же сидѣли и шили, съ такимъ же выраженіемъ безропотной покорности. Легкій звукъ иголки, шуршанье продергиваемой нитки, тяжелое дыханье швей—все усиливало впечатлѣніе. Да, и онѣ удовлетворялись подчиненнымъ положеніемъ, всегда отъ кого

нибудь завися, прибѣгая къ избитымъ женскимъ хитростямъ для достиженія своихъ цѣлей. Женщины, которыя шьютъ, вѣчно однѣ и тѣ же.

Наступили сумерки; очень скоро должно было стемнѣть совершенно. Мэри съ нетерпѣніемъ бросила работу и проринялась безпредѣльной жалостью къ терпѣливой фигурѣ, которая въ сѣрыхъ сумеркахъ, у окна, гнулась надъ дурацкими полосками оборокъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ребенокъ.

Жизнь Мэри Эрль, какъ и всякой другой женщины конца девятнадцатаго вѣка, была болѣе или менѣе жизнію проложенія новыхъ, невѣдомыхъ путей. Она родилась слишкомъ поздно для простоты пятидесятихъ годовъ, когда отъ молодой дѣвицы требовалось лишь вниманіе въ приходорасходной книгѣ, чтеніе Теннисона, подобающее увлеченіе изящными вышивками и, наконецъ, принятіе руки перваго же юноши, который пожелаетъ платить налоги и исполнять обязанности честнаго британскаго подданнаго (надо помнить, что въ половинѣ столѣтія молодые люди дѣйствительно дѣлали то и другое). Но вмѣстѣ съ тѣмъ она увидѣла свѣтъ ранѣе того времени, когда родители начали серьезно относиться къ своей задачѣ и такъ же заботливо готовить, такъ же прочно вооружать дѣвушекъ для борьбы за существованіе, какъ и — мальчиковъ. Садъ, полный цвѣтовъ, домъ полный книгъ, нѣсколько путешествій — вотъ въ чемъ состояло ея воспитаніе. Изъ ряда прошедшихъ лѣтъ она могла выбрать наиболѣе типичныя въ этомъ отношеніи сцены и лица.

Передъ нами некрасивая и неособенно чистая дѣвочка, постоянно копавшадся въ саду, такъ какъ семья жила въ С. Джонс-Вудѣ. Дѣвочка любила животныхъ и насѣкомыхъ и находилась въ тѣснѣйшей дружбѣ съ многоногими мобрицами, которыя торопливо свертывались въ шарики, какъ только прикасались къ нимъ дѣтскія ручки.

Улитки и черные жуки вовсе не внушали ужаса ребенку, и дѣвочка подолгу бесѣдовала съ зелеными волосатыми гусеницами на грушевомъ деревѣ. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производила на нее большая, пушистая, черная кошка. Дитя обо-

жало ее, но обожаніе это соединялось со страхомъ, зависившимъ отъ нѣкоторыхъ незаслуженныхъ наказаній въ видѣ царапинъ на толстенныхъ голыхъ ножкахъ дѣвочки. Впрочемъ кошка бывала часто и благослонна, позволяла даже уносить себя въ постель, при чемъ ея заднія лапы безпомощно висѣли изъ подъ локтя дѣвочки которая торопливо и осторожно прятала ее подъ простыню и одѣяло, откуда пресмѣшно высовывались черныя щеки и остроконечныя уши кошки. Какимъ непроницаемымъ взглядомъ янтарныхъ глазъ по цѣлымъ часамъ магнитизировала кошка малютку! Какъ она подавляла ея дѣтское воображеніе своими сдержанными, величественными движеніями, своимъ видомъ презрѣнія къ суетѣ мірской! Человѣкъ съ доброй улыбкой, котораго малютка звала отцомъ, смѣялся надъ ея благоговѣніемъ къ кошке, говорилъ, что она—маленькая египтянка и называлъ кошку „Пахть“. Дѣвочка находила это имя очень смѣшнымъ, но не была увѣрена, что оно понравится кошке и потому въ бесѣдахъ съ нею избѣгала всякаго обращенія. А кошка въ долгіе лѣтніе дни сидѣла на травѣ подъ грушей, туманною же осенью—на табуреткѣ у камина, аккуратно спрятавъ когти, распушивъ шерсть на шеѣ и добродушно мурлыча въ отвѣтъ на рѣчи дѣвочки. Первою трагедіею въ жизни дѣвочки является смерть черной кошки. Въ одинъ душный іюльскій день, она растянулась подъ лавровымъ кустомъ въ саду и глаза ея стали безжизненны и стекловидны. Все утро и весь день дитя просидѣло надъ нею, отмахивая мухъ, пока его кумиръ не застылъ; тогда торопливо вырыли яму, и черная кошка исчезла изъ глазъ. И не ходило ужъ больше, въ теплые лѣтніе дни, мягкое, пушистое существо, задравъ хвостъ, по ровно-подстриженной лужайкѣ; не слышно стало мѣрнаго мурлыканья въ зимніе вечера у большой рѣшетки камина въ дѣтской. Это была первая крупная потеря, первая сердечная скорбь.

Станнымъ и безопаснымъ росъ этотъ ребенокъ, вѣчно прятавшій ручки подъ передникъ, когда кто нибудь вступалъ съ нимъ въ разговоръ. Вѣдь, нельзя же было постоянно мыться; да и кто близокъ съ насѣемыми и всякой всячиной, тотъ не можетъ вѣчно, какъ большіе, думать о чистотѣ ногтей. Дѣвочка часто носила съ собою комочекъ замазки—непростительное прегрѣшеніе въ глазахъ матери и няньки! За-

мазка мольа всегда понадобится и, кромѣ того, какъ восхитительно-весело тайно ощупывать ее на самомъ днѣ кармана! Въ это время, дѣвочка съ величайшимъ презрѣніемъ относилась ко всему кукольному роду: куклы были глупы, черезчуръ нарядны, неинтересны, съ неправдоподобными щеками и рѣсницами и такими же искусственными улыбочками, какъ у тѣхъ барынь въ шиньонахъ и оборкахъ, которыя являлись съ визитами передъ обѣдомъ. Сильнѣйшую радость доставляли ей миниатюрныя ружья и настоящій порохъ, а также трудолюбивая постройка флота изъ деревянныхъ лодокъ при помощи тупого ножа и деревянной дощечки,—флота, который съ развѣвающимися флагами спускался въ кухонную кадку. По сосѣдству жили мальчики, которые содѣйствовали этимъ начинаніямъ, и въ кухонной кадкѣ происходили большія морскія сраженія между голландскимъ и англійскимъ флотами, въ которыхъ побѣда оставалась то за Ван-Тромпомъ, то за Блэкомъ. Дѣвочка, пожалуй, не была такой убѣжденной патріоткой, какъ мальчики, и удовлетворялась ролью Ван-Тромпа, разъ мальчики непремѣнно настаивали на томъ, чтобы быть Блэкомъ и Менкомъ. Для нея существенную важность имѣло лишь то, чтобы сраженіе состоялось.

Мать рано исчезла съ ея горизонта. Сначала говорили, что она нездорова и уѣхала въ Италію, а потомъ, что ей хуже, и наконецъ, что она—на небѣ; такъ что дѣвочка долгое время смутно предполагала, стругая съ нахмуренными бровями и сжатыми губами въ бесѣдѣ свои лодочки, что Италія и небо должно быть одно и то же. Няня говорила, что ея мама теперь ангель; но у ангеловъ на всѣхъ картинкахъ были длинные гладкіе волосы, одежда въ родѣ ночной рубашки и громадныя сложенныя крылья. Дѣвочка не могла вообразить себѣ мать въ такомъ видѣ: она помнила ее всегда всю въ оборкахъ и съ головной болью; и конечно у мамы никогда не росло крыльевъ изъ спины.

Дѣвочка помнила, что незадолго до отъѣзда матери въ Италію, ее повели наверхъ и показали маленькаго ребенка съ краснымъ, морщинистымъ личіемъ въ разукрашенной колыбели. Она не любила ребятъ и предпочла бы хорошенькаго пушистаго котеночка въ качествѣ замѣстителя старой черной кошки; однако, когда ей сказали, что это—маленькій братецъ, мнѣніе ея измѣнилось. Ей жалко было,

что братецъ такъ малъ, безпокоенъ и красенъ; лучше-бы онъ былъ одного роста съ нею, чтобы ему можно было тотчасъ-же стать Ван-Тромпомъ, а ей—побѣдоноснымъ Блэвомъ; но все-же каковой ни на есть братъ все лучше нивакого. Хотя черезъ годъ, или около того, крошка сдѣлался подозрительно похожъ на кукулу съ пухлыми красными щеками, круглыми, точно фарфоровыми, голубыми глазами, носомъ въ видѣ пуговички и полнымъ отсутствіемъ подбородка; однако онъ былъ гораздо занимательнѣе жеманнаго и глупаго кукольнаго народа. Розовыя ножки маленькаго Джима умѣли лягаться; кулачки, со складочками отъ жира, умѣли бить; въ немъ зарождались воинственныя наклонности. Однимъ словомъ, маленькій Джимъ былъ живой.

Въ десять лѣтъ на дѣвочку стали находить припадки кокетства. Одни башмачки и платица пользовались особымъ ея предпочтеніемъ, другихъ-же она ни за что не хотѣла надѣть. Ходить въ передникъ казалось ей горькимъ униженіемъ, и у нея составились опредѣленные теоріи о причесываніи волосъ. Препирательства о прическахъ обыкновенно происходили во время купанья, когда маленькая скользкая фигурка, вся въ мыльной пѣнѣ, вступала съ нянькою въ споръ, который нерѣдко поддерживался физическимъ насиліемъ, относительно преимуществъ гофрированныхъ волосъ передъ локонами. Въ десять лѣтъ, по ея мнѣнію, она была совсѣмъ большая. Какъ же: вѣдь взрослые, высокіе мужчины съ большими бородами и въ очкахъ, приходя къ отцу въ гости, наклонялись и серьезно спрашивали, не хочетъ-ли она стать ихъ женой? Дѣвочка побывала на нѣсколькихъ свадьбахъ и знала, что жена—это особа которая надѣваетъ платье съ великолѣпнымъ бѣлымъ атласнымъ шлейфомъ, бѣлыя цвѣты и вуаль; особа настолько-же величественная, какъ тотъ ангелъ, въ котораго, по словамъ няньки, превратилась ея мать, хотя, разумѣется, безъ крыльевъ. Дѣвочка еще не рѣшила, чѣмъ лучше быть; женою или ангеломъ. У послѣдняго, правда, привлекало сверхъ всего золотое сіяніе; но она, полагала что можно какъ-нибудь уладить дѣло такъ, чтобы быть женою и имѣть въ то же время и сіяніе.

Затѣмъ сцена мѣняется вслѣдствіе переселенія въ другую часть Лондона, и эта перемѣна производитъ переворотъ во вкусахъ и наклонностяхъ ребенка. Не стало подстрижен-

ной лужайки, на которую грушевое дерево лѣтними вечерами бросало длинныя тѣни и гдѣ у дѣвочки былъ собственный клочокъ земли, а также хотя-бы и лишь шапочное знакомство съ цѣлымъ роемъ суетливыхъ шмелей, веселыхъ желтыхъ бабочекъ, мохнатыхъ гусеницъ и лѣзвивыхъ улитокъ. Не стало бесѣды, въ которой можно было заниматься кораблестроеніемъ, и кадди, удобной для маневрированія флотомъ. Стрѣльба изъ игрушечныхъ ружей была вычеркнута изъ списка развлеченій. Домъ былъ большой, на одной изъ центральныхъ улицъ, и деревенскимъ забавамъ можно было предаваться лишь на квадратномъ заднемъ дворѣ, посѣщаемомъ бродячими худыми кошками и украшенномъ одинокой хилой сивоморой.

Но съ другой стороны явилась новая радость: стѣны всѣхъ комнатъ, были уставлены книгами и дѣвочкѣ стоило лишь влѣзть на стулъ, протянуть ручку и восторги любви и битвы, смѣхъ и слезы были къ ея услугамъ. Все зависѣло отъ выбора книги. Это было откровеніемъ жизни.

Глядя со стороны, надо сознаться, она вела странное существованіе. Человѣкъ съ доброй улыбкой любилъ свою дочку; но онъ всегда бывалъ занятъ или опытами въ лабораторіи, или въ кабинетѣ за конторкой. Ничто не приходилось ей узнавать такъ, какъ другимъ дѣтямъ. Разъ вечеромъ, отецъ въ первый разъ повелъ ее въ театръ. Знаменитая актриса, его старинная пріятельница, ставила „Антонія и Клеопатру“. Они прошли по обширному пустому пространству, похожему на большую пещеру, съ пыльными деревяннымъ покатымъ поломъ. Ребенокъ поднялся вверхъ, и тамъ дали ему взглянуть въ дырочку, проверченную въ красной бархатной занавѣси. Сѣвозъ эту дырку видѣлъ былъ полукругъ, наполненный множествомъ людей, которые чего-то ждали и болтали. Тутъ было много мишурной позолоты и газовыхъ рожковъ; а люди, особенно наверху полукруга, топали ногами и свистѣли. Она не обратила особаго вниманія на пьесу, когда они, вслѣдъ затѣмъ, помѣстились въ ложѣ у самой сцены. Вышла полная дама въ свѣтлооричневой драпировкѣ и все время обнимала утомленнаго на видъ человѣка со смуглымъ лицомъ и въ золотомъ вооруженіи. Дѣвочка заинтересовалась гораздо болѣе, когда въ антрактѣ пошли опять черезъ сцену въ уборную знаменитой

актрисы Вблизи толстая дама казалась еще жирнѣе; но у нея было столько занимательныхъ вещей:—парикъ съ длинными косами, нѣсколько браслетовъ въ видѣ змѣй, діадема и великолѣпный золотой поясъ съ изумрудами величиною въ фазанье яйцо! Тутъ находился еще господинъ среднихъ лѣтъ, который, удобно усѣвшись въ потертое кресло, попивалъ красноватое игристое вино изъ низенькаго круглаго бокала. Кто-то сказалъ, что это—издатель большой газеты. Дѣвочка никогда не видывала издателей и обрадовалась, что видитъ хоть одного, потому что всегда считала ихъ совершенно особыми людьми. Она съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ онъ смѣялся и пріятельски, снисходительно шептался съ толстой дамой, продолжая попивать красное вино изъ круглаго бокала.

Дѣвочка была неисправимо лѣнива. Кроткая, безличная, лишенная всякой изобрѣтательности гувернантка и толстый лысый французъ, приходившій разъ въ недѣлю преподавать ей французскій языкъ, не сумѣли пріохотить ее къ урокамъ. Она читала по цѣлымъ днямъ, лежа подъ длиннымъ обѣденнымъ столомъ въ столовой, „Старинначо мореходца“, свою любимую поэму, или замирала отъ ужаса надъ „Вутеринговыми высотами“. Нѣсколько позже ея любимой книгой сдѣлалась „Вилетта“. Бѣдная, невзрачная, терпѣливая, сдержанная миссъ Спеу! Какъ страдало дѣтское сердце, вообразая ее себѣ въ уютной, пустой, бельгійской классной, когда д-ръ Джонъ измѣнилъ ей! Какъ радовалась дѣвочка, когда ея героиня нашла своего некрасиваго суженаго; какъ сжимали рыданія ея горло, когда она читала послѣднія, полныя пессимизма и отчаянія слова, подобныя шуму и реву разгнѣваннаго моря и стонамъ вѣтра! Неужели этому бѣдному, терпѣливому, страдающему ипохондріей созданію вовсе не суждено было счастье? И всѣ эти лица были живыми для ребенка, гораздо болѣе живыми, нежели тѣ, которыхъ она видѣла, бывая въ гостяхъ въ лучшемъ своемъ платьѣ и поясѣ,—такими же живыми, какъ „маленькая морская царевна“, или „оловянный солдатикъ“ Ганса Христіана Андерсена, типы, которые будутъ жить до тѣхъ поръ, пока существуютъ нѣжныя человѣческія сердца, доступныя чувству.

Затѣмъ, передъ нами не особенно красивая четырнадцатилѣтняя дѣвочка съ какими-то непроницаемыми глазами и серьезностью, которая казалась бы злобщей, если бы не

была смѣшна. Въ эту пору исчезли припадки веселья и дикой рѣзвости, пропала любовь къ войнѣ и даже къ описаніямъ войны. Многое занимало умъ подростка, уже начинавшаго нѣсколько понимать жизнь. Послѣдняя не представлялась уже какою-то книжкою съ картинками, предназначенной для привлеченія глазъ и забавы въ свободные полчаса; нѣтъ, въ картинкахъ жизни было больше смысла. Онѣ скрывали въ себѣ нѣчто грозное, печальное, ужасное, о чемъ дѣвочка могла лишь догадываться, но въ существованіи котораго была увѣрена твердо. Мірѣ, какъ она заключила изъ книгъ и газетъ, былъ полонъ неправды.

Во первыхъ, величайшая несправедливость была совершена около восемнадцати вѣковъ назадъ, когда прекраснѣйшему изо всѣхъ существованію былъ положенъ позорный конецъ. Дѣвочка снова и снова перечитывала эту трогательную исторію; Ветхій завѣтъ, съ его мстительнымъ, Божествомъ, не привлекалъ ея нисколько. Раздирающая трагедія, разыгрывавшаяся въ Іерусалимѣ, терзала ея сердце и четырнадцатилѣтній ребенокъ чувствовалъ на себѣ все то бремя, которое уже около двухъ тысячъ лѣтъ, лежитъ на совѣсти человѣчества въ видѣ этаго бессмысленнаго преступленія.

Да, серьезные это были дни. На порогѣ юности предъ ней предстало множество вопросовъ о бракѣ, материнствѣ, воспитаніи. Теперь дѣвочка знала по французски, и случай, давшій ей въ руки маленькій французскій томикъ конца прошлаго вѣка, навелъ ея мысли на эти чисто женскія темы подъ руководствомъ Жанъ-Жака Руссо. Она стала поглощать разглагольствованія швейцарскаго философа о добродѣтели, прежде чѣмъ поняла, что цивилизованный міръ влеймить именовъ порока. „Эмилъ“ былъ съ трудомъ, но добросовѣстно прочитанъ ею. Такое произведеніе, какъ „Общественный Договоръ“ также не могло остаться неизвѣстнымъ четырнадцатилѣтней дѣвицѣ, желавшей понимать ходъ цивилизаціи.

Странные тревожные дни провела она въ сумракѣ невѣдѣнія, ощущеніемъ двигаясь среди призраковъ, которыми люди, въ своей премудрости, сочли нужнымъ окружить будущихъ матерей своего потомства. Разумѣется, только много лѣтъ спустя Мэри уяснила себѣ, сколько тонкаго комизма заключается въ томъ, что мужчина—высшій интеллектъ—дер-

жить свою будущую подругу въ четырехъ стѣнахъ, населяетъ эту сумрачную темницу призраками фактовъ и чувствъ, не существующихъ на самомъ дѣлѣ, а затѣмъ, вдругъ подвергнувъ ее ослѣпительному сіянію дѣйствительности, изумляется, что его нѣжныя заботы о ея нравственности притупили ея мозгъ.

Дѣвушка читала „Давида Копперфильда“, когда разъ сошла, сдвинувъ брови, въ ту комнату, гдѣ ея гувернантка трудолюбиво срисовывала акварелью литографированный букетъ розъ.

— Что такое, падшая женщина, миссъ Броунъ?—спросила она со своимъ напряженнымъ взглядомъ.—У Диеенса сказано, что маленькая Эмилиа — падшая женщина, потому что она ѣдетъ въ Италію съ м-ромъ Стирфортомъ. Развѣ и мистеръ Стирфордъ былъ тоже падшій мужчина?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Молодая дѣвушка.

При взглядѣ назадъ, сѣвось дымку прошедшаго, свирѣпый эгоизмъ молодой дѣвушки кажется почти невѣроятнымъ. Въ восемнадцать лѣтъ, съ пушистыми волосами и бѣлыми плечами, она является главнымъ средоточіемъ своего маленькаго міра. Въ одинъ прекрасный день, она впервые убѣждается, что у нея красиво очерчена шея; съ тайнымъ восторгомъ она слышитъ отъ художника, что ея движенія граціозны. Что лучше къ ней идетъ: черное, синее или бѣлое? Для нея никогда не поздно, и она никогда не чувствуетъ такой усталости, по возвращеніи съ бала, которая помѣшала бы ей зажечь свѣчи въ спальнѣ и тревожно, критически осмотрѣть себя въ зеркалѣ. На щекахъ горитъ румянецъ возбужденія, волосы неприглажены. Она привлекательна; она была счастлива нынче вечеромъ: это то, — все равно кто, — сказалъ ей, что она прелестна.

Въ молодой дѣвушкѣ просыпается желаніе кокетничать, играть, мучить, какъ только она узнаетъ о томъ всемогуществѣ, которое даетъ ей одна ея принадлежность къ прекрасному полу. Со всѣмъ высовомѣріемъ личной непорочности она стоитъ на своемъ пьедестальчикѣ и сверху внизъ, со снисхс-

дительной улыбкой глядит на человечество. Инстинктъ подсказываетъ ей, что она — существо особенное, родъ махроваго растенія, продуктъ цивилизаціи. Теперь бальная зала со своей искусственной атмосферой, своими поверхностными чувствами, своей граціозной поддѣлкой подь дѣйствительную жизнь становится ареною ея маленькихъ триумфовъ. Взоры всѣхъ мужчинъ, и молодыхъ и старыхъ, слѣдятъ за ней со вниманіемъ и одобреніемъ, когда она поднимается по лѣстницѣ съ сердцемъ, бьющимся подь тонкимъ атласнымъ лифомъ, съ нѣжными, подобными персикамъ, щеками, розовыми отъ возбужденія, и влажными глазами, призывно обращенными къ какому-нибудь любимому танцору или опущенными при проходѣ мимо человѣка, котораго она хочетъ избѣжать. Въ дверяхъ, ея бѣлыя тонкія руки и плечи исчезаютъ въ тонѣ черныхъ фраговъ; она съ восторгомъ замѣчаетъ, что два кавалера хмурятся другъ на друга и что у нея нѣтъ свободнаго танца для опоздаваго. Это первое предвѣщеніе женской власти.

Ощущается, кромѣ того, „радость жизни“, упоеніе юнаго животнаго игрою, настойчивое желаніе жить, свойственное вполне здоровому организму. Дѣвушка необходимо плясать, пока ноги у нея не заболятъ, вся комната не поидетъ кругомъ и розовая заря не начнетъ просвѣчивать сквозь спущенныя шторы. Она не можетъ остановиться, пока не умолкнетъ музыка, увлекательная, страстная, надрывающая сердце, не дающая ей покоя. Рыдающія ноты скрипокъ, человѣческіе скорбные возгласы кларнетовъ, блестящіе, металлическіе, искусственные звуки фортепіано—все могущественно вліяетъ на ея нервную систему. Затѣмъ ужинъ въ удушливой атмосферѣ биткомъ набитой столовой: неудобоваримая пища, шампанское, и кавалеры, которые придвигаются къ ней ближе и глядятъ странными глазами, послѣ ѣды и выпивки. Все это ново, очаровательно и нѣсколько страшно; но это—жизнь или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе близкое ея подобіе, какое только можетъ видѣть дѣвушка, нѣжно воспитанная и находящаяся подь заботливымъ присмотромъ.

Въ этотъ періодъ восхищеніе окружающихъ составляетъ атмосферу, въ которой она существуетъ. Все равно чье восхищеніе, гдѣ и когда. Улыбка, промелькнувшая молніей на лицѣ въ проѣхавшемъ экипажѣ; неблаговоспитанная настой-

чивость наведеннаго бинокля въ театрѣ; сомнительные взгляды мужчинъ, стоящихъ въ дверяхъ большой залы—ничто ея не оскорбляетъ. Это просто фиміамъ, воссуряемый ея юности.

Но, наконецъ, изъ сплошной массы фраковъ и внимательныхъ глазъ выдѣляется предметъ первой любви.

Немного трудно припомнить лицо его черезъ столько лѣтъ. Если взглянуть на прошлое безпристрастно, предметъ окажется точно такимъ же, какъ и остальные, только съ тою разницею, что онъ заставлялъ ея страдать, тогда какъ другіе ради нея слегка страдали сами. Ужасно мучительны были минуты ожиданія, на многолюдныхъ вечерахъ, когда покажется въ дверяхъ его гладкая голова и глуповатая улыбка; безмысленны, пусты казались дни, когда не получалось писемъ; стыдливая, сладкая, невѣроятная уступка его первому, пробному объятію мучила ея день и ночь,—и затѣмъ слѣдовала радость, безпредѣльная радость увѣренности въ его любви.

Теперь все это отошло въ область прошлаго, но тогда эта чудная тайна хранилась, точно сокровище. Онъ былъ молодъ, бѣденъ; приходилось считаться со всевозможными препятствіями и, наконецъ, въ одинъ теплый вѣтряный ноябрьскій вечеръ, наступила разлука. Было воскресенье, около семи часовъ, и въ непритворенное окно въ гостиной, гдѣ они стояли, врывался колокольный звонъ. Благовѣстили къ вечернѣ, но звонъ казался похороннымъ. Надежды у нихъ почти не оставалось и единственное, что было возможно,—писать другъ другу.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль дѣвушка слѣдила по газетамъ за шедшимъ въ Австралію пароходомъ, а потомъ, по утрамъ, въ тѣ дни, когда приходила почта, простаивала по нѣсколько минутъ съ бьющимся сердцемъ у двери столовой, боясь войти и не увидѣть заграничнаго конверта у своей тарелки. Разумѣется, нѣсколько мѣсяцевъ письма неизмѣнно оказывались на своемъ мѣстѣ, но мало по малу начали получаться рѣже и рѣже, и однажды ей пришлось убѣдиться, что больше ихъ ждать нѣчего. Постепенность въ мученіи вовсе не дѣлаетъ его сносно. Въ теченіе тѣхъ мѣсяцевъ, когда письма изъ Австраліи стали приходиться рѣже, дѣвушка впервые поняла, на какую беспомощность, на какую невыносимую тяготу обреченъ обществомъ ея полъ. Все предписывается переносить съ вѣжливой улыбкой. Она понимала, что будь она мужчиной,

она постаралась бы заглушить свое горе распутствомъ, путешествованіемъ, или упорнымъ трудомъ. Обычный же круговоротъ цивилизованнаго женскаго существованія въ эти дни превратилъ ее въ автомата. Воспоминаніе о ея мужествѣ возбуждало въ ней самой изумленіе. Съ улыбкою встрѣчать отца за обѣденнымъ столомъ; принимать участіе въ школьныхъ подвигахъ Джимми; выражать изумленіе каждый разъ, какъ братишка возвѣщалъ о новомъ выводкѣ кроликовъ и восторгъ по поводу взбучки, которую Смитъ младшій задалъ Джонсу старшему—таковы были ея прямыя обязанности.

Не чувствуя себя достаточно сильной волею дѣвушка отказалась отъ выѣздовъ на балы; они слишеомъ напоминали ей то, что она желала забыть. И вотъ передъ нею открылась длинная перспектива научныхъ вечеринокъ, гдѣ приходилось ходить по большимъ многочленнымъ комнатамъ и заглядывать въ микроскопъ, подъ которымъ что-то карабкалось и извивалось. Иногда дѣвушка казалась себѣ до странности похожей на одну изъ этихъ бациллъ: будучи дочерью ученаго, она хорошо знала, что ея личныя горести для обширнаго міра ничуть не важнѣе бѣдствій этихъ иациллъ. И ей приходилось сидѣть подъ стекломъ, выдерживая холодно-наблюдательные взоры окружающихъ. Ахъ, какъ мучительно быть молодымъ тому, кто несчастливъ, чья жизнь постоянно какъ бы упирается въ глухую стѣну, причемъ каждая глава ея, едва начавшись, обрывается внезапно, грубо, безпричинно и безцѣльно.

Молодую дѣвущку не огорчало, что она оттерта, выкинута, такъ сказать, за бортъ въ ужасной борьбѣ за существованіе. Не чувствуя къ себѣ жалости, она никогда не ставила вопроса о справедливости удара, постигнаго ее. Впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, она, можетъ быть, и стала недоумѣвать, за что ей пришлось столько выстрадать,—но не тогда. Первое горе бываетъ намъ дорого. Въ то далекое время, она съ радостью пожертвовала бы всѣмъ, даже жизнью, ради того молодого человѣка, который забывалъ ей писать и лицо котораго, съ его глуповатой улыбкой, ей такъ трудно припомнить теперь.

Около того времени, когда она начала посѣщать центральную Лондонскую художественную школу, отецъ и дочь стали большими друзьями. Въ тѣ дни, когда онъ отправлялся

читать лекціи въ университетъ, она или шла съ нимъ, или заходила за нимъ, если онъ намѣревался идти прямо дамой, къ чаю, а не въ Атенеумъ-клубъ. Приподнявъ голову и глядя прямо передъ собою, она шла въ полумракѣ съ царственнымъ пренебраженіемъ къ хорошо одѣтымъ бездѣльникамъ, которые находятъ удовольствіе въ приставаніи къ женщинамъ на улицахъ. Ей минуло двадцать одинъ годъ. Она была вполне взрослая и ей подобало умѣть самой защитить себя. Да и съ такими кавалерами, пожалуй, легче было справляться, нежели съ нѣкоторыми изъ господъ, которые водили ее къ столу, отличались утомленнымъ взоромъ и скептической улыбкой и любили начинать двусмысленные разговоры, предварительно бросивъ искоса испытующій взглядъ.

Она стала работать вмѣстѣ съ отцомъ, замѣняя ему секретаря, когда у него уставали глаза, или дѣлая справки въ библіотекѣ. Маленькій братъ Джими превратился въ мальчика съ прелестными, вкрадчивыми манерами и совсѣмъ не англійской общительностью. Сестра его, по его словамъ, — была прелестнѣйшая изъ дѣвушекъ и онъ объявилъ, что будетъ жить съ нею всегда. Ничто не разлучитъ ихъ. Вся его жизнь, увѣрялъ онъ, обвивши руками ея шею, будетъ посвящена его милой Мэри.

Какъ ей памятенъ послѣдній разъ, когда она выѣхала вмѣстѣ съ отцомъ! Они ѣхали въ кабриолетѣ, и она помнить, о чемъ они говорили на пути въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Его предпослѣдняя книга только что вышла и подвергалась всяческому нападкамъ клерикаловъ, между тѣмъ какъ обширный классъ людей, любящихъ, чтобы ихъ передовыя идеи обдумывались за нихъ другими и появлялись каждые три года въ крупной печати съ широкими полями, приняли ее съ восторгомъ. Лѣстница была полна народа и представляла собою пастоящую выставку зубовъ, діадемъ, звѣздъ, орденовъ и сіяющихъ лысинъ. Жена министра иностранныхъ дѣлъ была въ восторгѣ, что видитъ профессора. Его превосходительство германскій посланникъ задержалъ отца и дочь, такъ какъ слышалъ, что императоръ намѣренъ пожаловать англійскому профессору орденъ короны за важныя услуги, оказанныя имъ прогрессу современной мысли. Они шли дальше и попадали въ другіе кружки, гдѣ слышали пріятныя общія мѣста, гдѣ всё разумѣлось само собою,

гдѣ имѣлись гладкія фразы и сіяли гладкія лица, отъ многихъ поколѣній наслѣдственно воспринявшія искусство вѣжливымъ образомъ ничего не выражать. Все здѣсь было любовно, искусственно и театрально. Не слышно было ни одной эпиграммы среди благовоспитанной болтовни, а одна знатная дама, обнаженная до чрезмѣрности, подняла черепашковъ лорнетъ, когда кто-то—кто-бы это могъ быть?—безыскусственно разсмѣялся. Одинъ очень извѣстный гвардеецъ произнесъ нѣсколько очень милыхъ фразъ, въ тоже время дѣвушка замѣтила что ея болтовню выслушиваетъ съ лестнымъ вниманіемъ красивый человѣкъ въ орденѣ подвязки, вице-король и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріятнѣйшій изъ дипломатовъ. Не мудрено, что въ этотъ вечеръ глаза ея снова блестяли; бѣлокурые волосы были полны электричества; къ ней вернулась, курьезно смѣшиваясь съ солидностью манеръ, частичка ея девятнадцатилѣтняго искренняго веселья. Жизнь есть комромиссъ и къ ней не слѣдуетъ относиться черезчуръ серьезно. Нелѣпо быть слишкомъ серьезной; этимъ надоѣдаешь другимъ. Дѣвушка уже знала это.

Слѣдующіе два или три дня они почти не выходили изъ кабинета, если не считать короткой прогулки послѣ обѣда, такъ какъ профессоръ былъ поглощенъ своею книгою. Чувствуя себя плохо, онъ боялся, страшно боялся, что не кончитъ ея. Потомъ они уѣдутъ за границу и долго будутъ отдыхать. Онъ собирался въ Церматъ. Пребываніе въ Альпахъ дастъ ему воздухъ и движеніе, въ которыхъ онъ испытывалъ потребность. Нѣтъ, онъ положительно былъ не въ своей тарелкѣ: чувствовалъ переутомленіе, нервность, постоянную головную боль и говорилъ, что это, можетъ быть, все шалить печень.

Но въ одинъ прекрасный день, какъ разъ къ обѣду, книга была готова. Наклонясь надъ дѣвушкой, сидѣвшей за конторкой, онъ поцѣловалъ ея волнистые волосы и самъ написалъ внизу страницы своимъ неровнымъ почеркомъ слово: „Конецъ“.

И въ самомъ дѣлѣ, это былъ конецъ.

На другое утро, когда слуга вошелъ къ профессору, онъ былъ уже мертвъ. Доктора говорили о параличѣ мозга, о непосильномъ трудѣ, о переутомленіи...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Алисона.

Какъ нерѣдко бываетъ у занятыхъ людей въ Лондонѣ, у Эрлей были сотни знакомыхъ и мало близкихъ друзей. Дружба требуетъ большой траты времени, и Мэри когда одна глава ея жизни закончилась въ это весеннее утро, почувствовала настоятельную потребность видѣться лишь съ двумя лицами: съ однимъ мужчиною и одною женщиною,—съ Винцентомъ Хеммингомъ и Алисоной Айвзъ. Какъ рѣзко выдѣлялись ихъ лица среди толпы туманныхъ фигуръ, мельбавшихъ въ ея прежней жизни! Особенно Алисона Айвзъ, похожая на картину Рейнольдса со своимъ красивымъ, умнымъ личикомъ, гордымъ видомъ и большою шляпою съ лентами, завязанными подъ подбородкомъ. Съ серьезной прелестью, картину Сиддонса въ Національной Галлерей, она соединяла взглядъ мыслителя. Слегка свучающее выраженіе придавало ей отбѣнокъ современности и такое достоинство въ манерахъ, что другія женщины рядомъ съ нею сразу казались плохо одѣтыми и ординарными. Платья ея всегда къ ней шли, какъ перья въ птицѣ. Есть женщины, похожія на роскошныя изданія плохой книги; Алисона Айвзъ напоминала роскошное изданіе классическаго произведенія.

За послѣднее время она приобрѣла привычку сидѣть у ногъ профессора Эрля и постоянно повторять, что онъ—единственный человѣкъ, за котораго ей хочется выйти замужъ, но что онъ непреклоненъ и не уступаетъ ея желанію. Кроме того, невозможно соперничать съ ея матерью, леди Джэнь, которая въ шестьдесятъ пять лѣтъ... неотразима. Въ наши дни, увѣряла она, только шестидесятипятилѣтнія женщины могутъ внушать сильныя страсти; она надѣялась, что и ея очередь наступитъ такъ черезъ четверть столѣтія... Однако, и дочерью, очень восхищались въ свѣтѣ; впрочемъ то, что разумѣла подъ именемъ „свѣта“ мать, никакъ не могло совершенно удовлетворить дочь, кака вполне современную молодую особу. Толковали, что она мѣтитъ высоко; правда, она была достаточно красива, чтобы понравиться премьеръ-министру и достаточно умна, чтобы занять бесѣдою гвардейца, сидя рядомъ съ нимъ за обѣдомъ. Сама она говорила, что ей все

равно, тотъ или другой, и даже, проведя цѣлый день въ Истъ-Эндѣ ¹⁾ и уставши, она положительно предпочитала гвардейца, который удовольствовался бы разсужденіями о призовыхъ лошадяхъ, тогда какъ, чтобы сидѣть рядомъ съ первымъ министромъ, надо имѣть поистинѣ блистательную внѣшность. Хотя она не курила, и не имѣла понятія ни о бильярдѣ, ни о стрѣльбѣ, однако употребляла иногда несалонныя восклицанія. Эту привычку она приобрѣла въ Парижѣ, работая въ студіи скульптора, и постоянно увѣряла, что „*dame*“ и „*sargisti*“, будучи сказаны на иностранномъ языкѣ, гораздо деликатнѣе, а слѣдовательно, и простительнѣе, чѣмъ подобныя же присловья на родномъ нарѣчій. Сверхъ всего этого, она имѣла доброе сердце, нѣсколько злой языкъ, артистически исполняла музыку Шопена и всегда была причесана восхитительно.

Особенно привлекательна была ея женственность и полное отсутствіе чванства. Подобно всѣмъ исключительнымъ личностямъ, она была подвержена внезапнымъ переменамъ въ настроеніе; иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ жила въ какомъ нибудь другомъ богатомъ замкѣ, а затѣмъ, вернувшись въ городъ, начинала порывисто учиться или принималась помогать нуждающимся дѣвушкамъ. Однажды, въ самый разгаръ сезона, она заняла квартиру въ переулкѣ близъ Майль-Эндъ-Роуд, но прожила тамъ всего семь недѣль, и когда вернулась домой, лицо ея было печальнѣе обыкновеннаго.—Разумѣется, надо *знать*, что это такое,—сказала она, когда Мери спросила, почему она пробыла такъ недолго.—Этотъ опытъ необходимъ, но ужасенъ. Дѣло не только въ пьянствѣ, всяческихъ порокахъ, изумительномъ отсутствіи какой либо запасливости или предусмотрительности и невѣроятномъ безобразіи эпитетовъ, Миѣ только кажется, что если кто нибудь изъ насъ, одинъ или вдвоемъ, поселится тамъ, то положительно не принесетъ никакой пользы. Надо привлечь истэндцевъ къ намъ,—по одному, конечно, вмѣсто того, чтобы ходить къ нимъ.

Алисона сдержала слово. Весна застала ее въ домѣ наполненномъ рабочими, въ Мэфэрѣ съ одной молоденькой служанкой, съ которой она подружилась въ Хуайтчәпелѣ.

— Я дѣлаю это столько же для себя, сколько для нея,—

¹⁾ Вѣдный кварталъ Лондона.

смѣясь объясняла Алисона, — она не выносила, чтобы ее считали филантропкой. Всѣ мы, женщины, находимся въ невѣроятной зависимости отъ другихъ. Глупо, что мы не умѣемъ дѣлать ничего полезнаго. Я оставляю за собою эту квартиру и буду отдыхать въ ней отъ разныхъ parties de plaisir. Она станетъ пріютомъ для Ист-Эндскихъ дѣвицъ, воспитаніемъ которыхъ я хочу заняться. Полагаю, что меня ждетъ разочарованіе, но оно неизбѣжно при всякихъ попыткахъ. Во всякомъ случаѣ, я извлеку болѣе пользы, нежели онѣ. Единственное настоящее рабство нашихъ дней — рабство роскоши. Мы стали такими изнѣженными, что жить безъ нея не можемъ. Происходятъ невѣроятнѣйшія вещи. Я знала одну женщину, жившую съ мужемъ, котораго она ненавидѣла и съ которымъ жить было позорно, только изъ за того, что не умѣла сама чесаться. Я велю нашей кухаркѣ въ Айвзъ-Кортѣ научить меня варить баранину, хотя это покажется ей слишкомъ для меня низкимъ; и буду ходить въ прачешную смотрѣть какъ стирають.

— А твои руки, сумасшедшая? — воскликнула Мэри. — Воображаю тебя съ трещинами и мозолями!

— О! — разсмѣялась Алисона, — я велю маникюрѣ ¹⁾ изъ Бонд-Стрита навѣщать меня по два раза въ недѣлю. Есть какая-то новая жидкость „Eau des Orchidées“, — дѣйствуетъ поразительно! Не думай, чтобы я утратила старомодное качество, свойственное и намъ, современнымъ женщинамъ, т.-е. кокетство. Оно одно дѣлаетъ насъ еще сносными.

Вотъ какова была молодая особа, введенная Елизаветою въ кабинетъ однажды утромъ, черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ въ Гайгетѣ. Мэри сидѣла надъ конторкой, читая отцовскую корректуру. Красивые каріе глаза Алисоны были полны слезъ: очевидно, ей не легко было войти въ хорошо знакомый кабинетъ. Обѣ дѣвушки молча стиснули другъ другу руки. Но послѣ перваго же поцѣлуя, которымъ Алисона выразила все, чего не рѣшилась сказать словами, она, со своимъ обычнымъ тактомъ, перешла къ бесѣдѣ о дѣлахъ.

Мэри откровенно высказала свои намѣренія. Денегъ было ровно столько, чтобы прожить скромно и тихо нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ она попытается счастья въ области

¹⁾ Специалиста по уходу за руками.

искусства. Мэри всегда собиралась учиться живописи, какъ скоро въ состояніи будетъ располагать своимъ временемъ. Стать художницей—было ея любимой мечтой, которой она предавалась въ сумрачные дни за чтеніемъ въ Британскомъ Музеѣ или за конторкой, во время терпѣливаго записыванія того, что диктовалъ профессоръ, рассказывая по маленькой комнаткѣ. Джимми предполагалось оставить въ Винчестерѣ, а если ему удастся получить стипендію, то пусть поступаетъ въ Оксфордъ, согласно желанію отца. При экономной жизни это возможно.

— До сихъ поръ еще ни одна женщина не бывала великой художницей,—сказала Алисона, помолчавъ;—но если ты согласна на извѣстность третьяго сорта, то попробуй. Это, значить: Соутъ Кенсингтонъ, Академія, а затѣмъ—пастельные портреты ребятъ или деревенскіе виды до конца жизни.

— Ну, пожалуйста!..

— Ничего, милое дитя. Надо же тебѣ работать. Отвѣдай Британской художественной школы. А Винцентъ Хеммингъ былъ?—довольно непослѣдовательно прибавила она.

— Какъ же, приходилъ два или три раза. Мнѣ сказала Елизавета, но я никого не принимала,—сказала Мэри, вспоминая, съ легкою дрожью, о разспросахъ у дверей.

— Не знаю, почему бы,—раздумчиво проговорила Алисона,—тебѣ не помѣститься въ одномъ домѣ со мною? Конечно, есть маленькія неудобства. Тамошнія дамы употребляютъ, правда, эффектные слова, не въ большомъ, правда, количествѣ, и время отъ времени приходится шагать черезъ пожилого джентльмена, живущаго какъ разъ подо мною и порою отъ усталости засыпающаго, при возвращеніи домой, на лѣстницѣ. Но ко всему этому привыкаешь.

— Я думаю,—сказала Мэри улыбаясь,—что поселюсь гдѣ нибудь по близости. Въ Бульстридъ-Стритѣ одна наша бывшая служанка держитъ мемблированныя комнаты. Мнѣ, видишь ли, надо подумать о Джимми и его отпускахъ.

— А встати, гдѣ же теперь мальчикъ?

— О! бѣдный Джимми! Я проводила его на другой день послѣ того... Онъ былъ очень милъ: говорилъ, что ни за что меня не оставитъ и сидѣлъ по крайней мѣрѣ часъ, обнявшись со мною и плача. А тутъ получила записка отъ

Смита младшаго—помнишь, мальчика, у котораго такое множество лопухихъ кроликовъ,—съ приглашеніемъ погостить недѣлю у него въ деревнѣ.

— Ну, и что-жъ? — спросила Алисона быстро: — ахъ, могу себѣ представить, какъ Джемми говорилъ, что и думать не можетъ о поѣздѣ, а потомъ сталъ ходить по комнатѣ и спрашивать, не поѣдешь-ли и ты куда нибудь. А въ семи часамъ былъ готовъ отвѣтъ, что онъ очень радъ поѣхать, и на другое утро Джимъ уѣхалъ въ коляскѣ и съ веселымъ лицомъ.

Мэри противъ воли улынулась.

— Бѣдный мальчикъ,—сказала она мягко, извиняющимъ тономъ.—Онъ не выносить ничего печальнаго!

— Ну, сказала Алисона, помолчавъ;—довольно о братьяхъ.

— Къ счастью или къ несчастью,—заговорила Мэри,—намъ не на кого рассчитывать, какъ лишь на себя самихъ. Мнѣ еще столько надо сдѣлать: повидаться съ адвокатами, просмотрѣть корректуру и устроить свою будущность.

— Только и всего? Немного-же!—сказала Алисона.—Я скромно довольствуюсь устройствомъ будущности Эвелины, моей послѣдней протѣгее. Что-же касается меня самой, то эту заботу предоставляю Провидѣнію.

— Что жъ, для тебя это возможно!—отвѣтила Мэри.—Но даже пословица утверждаетъ, что на Бога надѣйся, а самъ не плошай.

— Милая, никогда не слѣдуетъ говорить шаблонныхъ вещей: такъ часто приходится ихъ дѣлать. Но мнѣ хочется рассказать тебѣ объ Эвелинѣ,—продолжала она съ нервной торопливостью, боясь, что которая нибудь изъ нихъ поддастся своей скорби.—Эвелина—моя новая протѣгее—продолжала она, усаживаясь на скамеечку передъ каминомъ.—Ее въ самомъ дѣлѣ зовутъ Эвелиной,—не правда-ли, какъ нелѣпо? Мнѣ все хотѣлось звать ее Полли, только я не люблю манеры мѣнять имена бѣдныхъ людей по своему произволу, точно они—кошки или канарейки. Итакъ, Эвелининъ ребенокъ...

— О, у нея есть и ребенокъ?

— Конечно! Несчастное, точно восковое существо, и цѣлый день пицить. Я отдала его въ ясли, которыя одна

моя пріятельница основала въ Кентишъ-Гарденѣ. А теперь стараюсь развить въ Эвелинѣ чутье комизма.

— Это трудно, не правда-ли? — спросила Мэри, изо всѣхъ силъ стараясь заинтересоваться разговоромъ.

— Ничего! Это—самое необходимое качество для женщинъ, особенно для бѣдныхъ. Умѣя тонко подмѣчать смѣшное, онѣ никогда-бы не влюблялись, и неразумныхъ браковъ не заключалось-бы вовсе. Еслибъ ты видѣла отца этого ребенка! Мальчишка съ лицомъ похожимъ на пуддингъ,—приказчикъ въ крошечной сырной лавченкѣ въ тѣхъ мѣстахъ. Она „загуляла“ съ нимъ два года назадъ. Ему теперь почти девятнадцать лѣтъ. Тебѣ хорошо улыбаться, но это ужасно—для женщины. Вечеромъ, кончивъ работу, она зажигаетъ лампу у меня въ комнатѣ (все, знаешь, самое простое: всего нѣсколько книгъ и картинъ изъ Айвзъ-Корта, между прочимъ—рисунки Россетти), и я читаю вслухъ, а она вяжетъ. Я читаю смѣшныя вещи—Диккенса, Марка-Твэна и т. п., и когда бѣдняжка смѣется, я чувствую, что кое-чего достигла. Она, знаешь, совсѣмъ ребенокъ, и сердце у нея предоброе. Она, любитъ говорить со мною и рассказывать мнѣ свою біографію.

— Біографію?—повторила Мэри.—Значить у нея такая имѣется?

— О, самая обыкновенная для той мѣстности. Она попала въ Ист-Эндъ изъ Эссекса, три года назадъ, и поступила одной прислугой въ семью изъ десяти человѣкъ, въ Майль-Эндъ Родъ. Хозяину однажды вздумалось за ней ухаживать, когда его жена и восьмеро ребятъ отправились на цѣлый день въ Соутъ-Эндъ. Эвелина убѣжала изъ дому, оставивъ свой сундукъ и потомъ побоялась туда вернуться... Ахъ, Мэри, эти лондонскія идилліи вовсе не красивы. Впрочемъ, теперь она начинаетъ понимать смѣшное. Я думаю, что сдѣлаю разумную женщину изъ Эвелины.

Мэри подняла голову: она слушала безъ всякаго вниманія, устремивъ глаза на черпильныя пятна на отцовской конторкѣ,—той конторкѣ, гдѣ такъ часто покоилась его рука. Однако, причудливая и энергическая личность подруги дѣйствовала на нее ободряюще. Она казалась такой яркой, подвижной, на все способной, въ хорошенькомъ черномъ платьѣ и ухорской шляпкѣ, немного сдвинутой вѣтромъ.

— Кстати, рассказывала я тебѣ, что со мной было у Блэдветовъ? Милая, единственно вмѣшательство Провидѣнія избавило меня отъ необходимости выйти въ первый вечеръ къ обѣду въ дорожномъ платьѣ. Ъхала я, разумѣется, въ третьемъ классѣ...

— Вѣрно, бережешь деньги для ребенка Эвелины?— перебила Мэри.

— Конечно,—продолжала Алисона, не обращая вниманія на перерывъ,—ихъ лакею и въ голову не пришло искать меня въ третьемъ классѣ. Экипажъ уѣхалъ безъ меня, а моя корзина съ моимъ любимымъ бѣлымъ платьемъ попала куда-то за пять миль, къ чужимъ. Какъ ни какъ, но ее вернули во—время, и когда я за обѣдомъ рассказала объ этомъ событіи сэру Горесу, онъ ужасно смѣялся, зато леди Блэдветъ, я увѣрена, сочла меня кандидаткой въ домъ умалишенныхъ. Кто меня хорошо не знаетъ, тотъ всегда такъ думаетъ.

— А рассказывала ты сэру Горесу Блэдвету о квартирѣ и Эвелинѣ? — спросила Мэри со смѣхомъ. Алисона была уже у двери, туго подвязывая шляпу.

— Ты знаешь, я никогда не болтаю объ этомъ,—отвѣтила она, вспыхнувъ. — Это вышло бы, будто я рисуюсь, считаю себя лучше другихъ. Я не могла-бы вынести, если бы ктонибудь сказалъ, что „поймалъ меня на благотворительной экскурсіи“. Ты знаешь, какъ мнѣ ненавистно все въ отношеніяхъ высшихъ и среднихъ классовъ въ низшимъ. Поднимать крышки у чужихъ кострюль и заглядывать подъ чужія кровати, нѣтъ ли тамъ сору, — просто дерзость. Посѣщеніе бѣдныхъ по участкамъ есть ничто иное, какъ величайшая невѣжливость, пожалуй, хуже, чѣмъ обходъ избирателей передъ выборами.

— Сейчасъ отправляюсь,—продолжала она, придавая ухорскій видъ концамъ бархатныхъ завязокъ шляпы,—въ ясли, въ Кентишъ-Тоунъ, навѣстить ребенка Эвелины. Поѣду на верхушкѣ одной изъ нашихъ предестныхъ конокъ. Когда я была въ Парижѣ, то сказала Вурту, что всегда ѣзжу наверху омнибусовъ, и онъ специально для этого избрѣлъ мнѣ это платье. Мило, да? Но не слишкомъ-ли „ingénué“ для меня? Напоминаетъ „французскую комедію“—нерѣшительно сказала Алисона, приглаживая складки своего лифа.—Ну, теперь обѣщайся придти пообѣдать со

мной и мамой въ Портманъ-Сквэръ. Будемъ однѣ. Въ восемь часовъ.

— Глупости! Это съ твоей стороны очень мило, но мнѣ никакъ нельзя,—крикнула Мэри ей вслѣдъ, въ корридоръ. Черезъ минуту Алисоны уже не было, и домъ опять сталъ пустъ и скученъ. Стараясь не думать о своемъ горѣ, Мэри настойчиво продолжала читать корректуру.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Женихъ Мэри.

Профессоръ, Джимми, прислуга, словомъ, всѣ, кромѣ самой Мэри, считали м-ра Винцента Хемминга ея исключительной собственностью. Въ самомъ дѣлѣ, онъ принадлежалъ къ числу немногихъ друзей, заходившихъ въ домъ на Гарлей-Стритъ запросто, когда вздумается и явившись черезъ годъ послѣ воскреснаго вечера, ознаменовавшагося извѣстною намъ разлукою, когда весь міръ казался Мэри пустымъ, сдѣлался впослѣдствіи необходимымъ міромъ для нея. Оттѣнокъ почтительности въ его обращеніи былъ очень привлекателенъ для молодой дѣвушки, воображавшей, что она навѣкъ повончила съ чувствомъ. А Джимми обожалъ Винцента; впрочемъ Джимми обожалъ всѣхъ новыхъ знакомыхъ въ продолженіе шести недѣль.

Отецъ Хемминга былъ довольно извѣстный политическій дѣятель, дважды находившійся у дѣлъ, и Винценту наслѣдственно досталась осанка человѣка, обремененнаго государственными тайнами. Его маленькія недомолвки, видъ какой то осторожности, скромности—все это воспринято было въ раннемъ дѣтствѣ, когда былъ живъ еще отецъ. Разумѣется, у него были прелестныя, немного старомодныя манеры; онъ нарочно употреблялъ выраженія пятидесятихъ годовъ и мало увлекался новомодными маніями и коньками. Красивой формы лобъ волнистые волосы съ просѣдью, короткая, остроконечная борода и невинные, но пронизательные варіе глаза нравились и пожилымъ дамамъ, и молодымъ дѣвицамъ. За столомъ онъ былъ хорошъ, хотя плечи, пожалуй, могли показаться слишкомъ покатыми; но когда онъ вставалъ, то оказывалось, что ему вовсе не свойственна была британская при-

вычка становится на ноги твердо, крѣпко, самоувѣренно. У него было имѣніе, дававшее около 300 ф. въ годъ; старики-же не смотря на сѣдину въ его волосахъ, отзывались о немъ, какъ о „многообѣщающемъ юношѣ“.

Будучи консерваторомъ, онъ однако вѣрилъ въ высшее образованіе и даже въ эмансипацію женщинъ. На эту тему м-ръ Хеммингъ даже бывалъ особенно краснорѣчивъ. Барыни находили очень пріятнымъ слушать, какъ онъ говорилъ о своихъ мечтахъ и пожертвованіяхъ; а статьи, которыя ему удавалось при случаѣ помѣщать въ „Fortnightly“ или „Contemporary“, бывали написаны старательно, убѣдительно и тщательно — отдѣланнымъ слогомъ. Въ нихъ онъ много толковалъ о будущности человѣчества, о необходимости поддерживать высокой нравственный уровень, постоянно выражалъ чрезвычайное негодованіе на литературныя крайности г.г. Зола и братьевъ Гонкуровъ, и, благодарилъ небо за то, что эти выдающіеся пионеры реализма не принадлежатъ англосаксонской расѣ.

— Мы переживаемъ, — объявилъ онъ однажды, сидя въ гостяхъ у лэди Джэнь Айвзъ, — переходный періодъ во всемірной исторіи. При такихъ условіяхъ искусство по необходимости носитъ характеръ попытокъ и рѣдко достигаетъ совершенства.

— Да, — замѣтила Алисона сухо, — а при перестройкахъ, знаете, всегда бываетъ беспорядокъ. Дымъ отъ извести, грязь отъ глины, дурной запахъ отъ обжигаемыхъ кирпичей при этомъ неизбежны. Но лэди Джэнь, которая полстолѣтія провела среди самыхъ развратныхъ кружковъ Европы и съ милой настойчивостью держалась своихъ иллюзій, постоянно соглашалась съ м-ромъ Хеммингомъ. Лэди Джэнь, бывшая хорошимъ судьей въ этомъ дѣлѣ, говорила, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ изъ современныхъ молодыхъ людей, которыхъ она можетъ терпѣть у себя въ гостиной долѣе двадцати минутъ.

Дня черезъ два послѣ посѣщенія Алисоны, къ Мэри явился м-ръ Винцентъ Хеммингъ, восхитительно степенный и симпатичный, въ черномъ галстухѣ съ бѣлыми крапинами и вѣтромъ на шляпѣ, съ величайшею точностью выражая туалетомъ степень своей близости къ покойному ученому.

День былъ ясный; очертанія предметовъ вырисовывались рѣзко, краски блестяли; во всемъ была какая-то твердость, жесткость, опредѣленность. Комнаты имѣли безпорядочный неуютный видъ, свойственный покидаемому жилью.

Одна или двѣ любимыхъ картины были уже сняты со стѣны, оставивъ на себѣ пятна чистыхъ обоевъ; одна изъ книжныхъ полокъ уже зѣла мрачной пустотой, а книги лежали стопками на полу, готовые къ укладкѣ. Большая часть библиотеки предназначалась въ продажу. Мэри стояла на лѣстницѣ, окидывая горестнымъ взоромъ полеу любимыхъ томовъ, когда вошелъ Винцентъ Хеммингъ.

— Бѣдное дитя мое! — сказалъ онъ своимъ сочувствующимъ голосомъ, — почему вы не позволили мнѣ повидать васъ до сихъ поръ?

— Мнѣ было некогда, — отвѣтила Мэри, слѣзая съ лѣстницы и протягивая пыльную руку. — Было такъ много дѣла. Повѣренный отца былъ здѣсь все время, и всѣ были очень добры... Мнѣ обо всемъ пришлось подумать: и о Джимми, и объ остальномъ....

— Что жъ вы намѣрены дѣлать? — спросилъ онъ, помолчавъ и обведя глазами опустѣвшія стѣны и полки когда-то уютной гостиной.

— Разумѣется, нельзя оставаться въ этомъ большомъ домѣ, — принялась она объяснять. — Я заняла помѣщеніе въ Бульстродъ Стритъ, близъ Лондонской центральной школы живописи.

— Будете жить однѣ, милое дитя?

— Думаю пока такъ, — отвѣтила она, ударя другъ о друга двѣ книги, чтобы выбить изъ нихъ пыль. Въ углахъ ея рта появились тѣ упрямыя складочки, которыя были ему такъ хорошо извѣстны. — Тетя Юлія, — знаете, мамина сестра, — написала мнѣ, предлагая у себя пріютъ. Она очень ревностная англичанка и живетъ въ Бурнемоутъ, въ одной изъ тамошнихъ ужасныхъ островерхихъ дачъ.

— А вы, конечно, предпочитаете жизнь артистки въ Лондонѣ. — Онъ объявилъ, что почувствовалъ облегченіе, истинное облегченіе, когда Мэри высказала намѣреніе избрать своей профессіей живопись. Рисованіе, особенно акварелью, онъ считалъ самымъ дамскимъ занятіемъ; въ его воображеніи оно было неразлучно пейзажами Уэльскихъ горъ и рѣкъ, испол-

ненными его матерью съ манерной техникой сороковыхъ годовъ и теперь украшавшими его комнаты въ Темплѣ.

— Это такъ славно, и такъ похоже на васъ,—сказаль онъ, снова обводя взглядомъ всю комнату. Тонъ его былъ неопредѣленный: очевидно, онъ обдумываль что-то, поглощавшее все его вниманіе.

— Ничего тутъ нѣтъ славнаго,—отвѣтила она просто.— Заставляетъ физическая необходимость. Я съ ума сойду, если все буду такъ сидѣть и думать. Такъ это жестоко, ужасно, несправедливо. Ему было всего пятьдесятъ три года и столько еще оставалось сдѣлать. Онъ часто говорилъ, что обыкновенной долгой жизни не хватило бы...

— Смерть профессора Эрля — національное бѣдствіе, замѣтилъ Винцентъ,—величины котораго невозможно опредѣлить сразу.

Наступило долгое мечтаніе, въ продолженіе котораго оба думали о томъ, чтѣ эта потеря значила для каждаго изъ нихъ. Теперь они стояли у окна, черезъ которое прониваль легкій вѣтерокъ. Высокіе, коричнево-сѣрые дома были изукрашены сообразно времени года чистыми ставнями и ящиками съ маргаритками и спиреей.

Двѣ бѣлокурыя дѣвушки въ розовомъ ситцѣ образовали яркое пятно на сѣромъ фонѣ улицы, шумно проходя по ней. Къ свѣтлозеленому подъѣзду подкатилъ кабріолетъ, изъ котораго выпрыгнуль молодой человекъ въ блестящей шляпѣ, съ гарденіей и въ лаковыхъ сапогахъ. Какъ разъ напротивъ, рабочіе натягивали красный съ бѣлымъ наметъ для вечеринки на воздухъ. Во внѣшнемъ мірѣ ничто не измѣнилось.

— Я чувствую,—сказала Мэри, глядя на полосатый наметъ, который рабочимъ удалось наконецъ прикрѣпить, — что покончила съ *этимъ* міромъ навсегда. А теперь мнѣ нужно что нибудь дѣлать, чтобы жить. О, м-ръ Хеммингъ,—прибавила она съ одною изъ своихъ обычныхъ комично-хмурыхъ минъ,—я не желаю быть „барышней“! Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что такъ какъ я женщина, то должна сидѣть сложа руки и ждать?

— Вы очень современны въ одномъ, дорогое дитя: въ стремленіи къ труду.

— Онъ спасаетъ вѣроятно многихъ изъ насъ отъ дома умалишенныхъ.

— Ахъ, но вѣдь вы скоро выйдете замужъ и въ чему же тогда вашъ трудъ? — возразилъ Винцентъ, улыбаясь не безъ фатовства.

Мэри вдругъ отвернулась отъ окна.

— Пересмотримъ повнимательнѣе книги, — сказала она съ рѣзкостью, которую иногда на себя напускала. — Помогите мнѣ разобрать, — продолжала она, влѣзая на лѣстницу и начиная передавать ему внизъ книги. — Я хочу оставить Ламба и Гейне, Гете и Жана Поля Рихтера. Вотъ, ловите „Phaedo“ и положите съ Маркомъ Аврелиемъ и маленькимъ Эпиктетомъ вонъ туда, на шкапъ.

— Бѣдное дитя, вамъ, конечно, понадобятся всѣ утѣшенія, какія въ состояніи дать философы, — сказалъ Винцентъ Хеммингъ со своей старомодной манерой рѣчи.

— Вотъ „Proverbes“ Мюссе, вотъ мой собственный Шелли, и „Анатомія Меланхолин“. Да, да, эти тоже!

Щеки дѣвушки порозовѣли, пока она сидѣла наверху лѣстницы и сбрасывала книги ему въ руки, покрывая его при этомъ легкимъ облакомъ пыли; но дѣвушка все таки возбежала жалость своимъ тщедушнымъ видомъ, въ плотно прилегающемъ темномъ платьѣ, выдѣлявшемъ блѣдность шеи, синеватымъ отливомъ губъ и темною тѣнью подъ глазами. Какovy бы ни были планы Винцента Хемминга при входѣ въ эту разрушаемую гостиную, онъ увлекся созерцаніемъ дѣтскаго личика Мэри и ея ручекъ, нервно и торопливо перестраивавшихъ ея судьбу со свойственной дѣвушкѣ рѣшительностью. Эта картина трогала и, вмѣстѣ, раздражала его, пробуждая сознаніе, что онъ, какъ мужчина, долженъ что нибудь сдѣлать. Однимъ шагомъ ближе — и перемѣнится направление цѣлой жизни...

— Мэри, милое дитя, — сказалъ онъ вдругъ умоляющимъ тономъ, и ихъ обоихъ изумило зазвучавшее въ его голосѣ волненіе; — думаете ли вы, что могли бы... полюбить меня немножко?

Дѣвушка обернулась, и взглянула на него. Его пронзительные каріе глаза были полны слезъ; ей показалось это чѣмъ-то невѣроятнымъ, невозможнымъ. Винцентъ Хеммингъ, ея старинный пріятель, превратился въ этого умоляющаго, видимо страдающаго человѣка. У Мэри вырвался короткій нервическій взрывъ смѣха.

— Но вы... Вѣдь, вы меня не любите? Вы говорите это только потому, что я одна, и вы думаете, что мнѣ нуженъ благодѣтель, который заботился бы обо мнѣ,—правда?—спросила она послѣшно. — Вѣдь мы такъ давно знаемъ другъ друга,—прибавила она, видя, что онъ все еще молчитъ.

Онъ съ непринужденнымъ тавтоомъ смахнулъ пылъ съ лица и сюртука и стоялъ, улыбаясь ей вверхъ.

— Не знаю,—съ сомнѣніемъ продолжала дѣвушка, медленно крутя одну изъ пуговицъ его сюртука. Она спустилась на нѣсколько ступенекъ, такъ что глаза ихъ были на одномъ уровнѣ. Волненіе м-ра Хеминга утихло, а во взглядѣ выражалась уже нѣчто сродное торжеству.

— Не улыбайтесь, милый,—сказала она очень серьезно. Я не могу терпѣть, чтобы вы такъ смотрѣли на меня. Вы... въ самомъ дѣлѣ... хотите, чтобы я?..

— Милое сердце мое, я всегда мечталъ жениться на ввсъ, сказалъ онъ измѣнившимся низкимъ голосомъ ей на ухо, и въ ту же минуту ее обвили двѣ руки, а къ губамъ прижались другія губы. Въ первый моментъ ею всецѣло овладѣло скорбное чувство. Дѣвушка знала, что и на радость, и на горе отдаетъ себя этому человѣку, котораго минуту назадъ она окидывала холоднымъ взоромъ и судила безпристрастнымъ судомъ простой дружбы. Всѣ трагическія возможности женской жизни, вся неувѣренность и скорбь человѣка, отдающаго свое счастье въ руки другого, промелькнули въ ея умѣ съ быстротой молніи. Зачѣмъ, зачѣмъ это случилось? Всего минуту назадъ она готова была одна вступить въ жизнь, быть собою, создать сама свою судьбу. А теперь все измѣнилось. Что-то захватило ее противъ воли. Этотъ человѣкъ,—минуту назадъ ея другъ, а теперь, ставшій женихомъ и стоявшій передъ ней съ краскою въ лицѣ, вперивъ въ ея глаза взглядъ полный желанія,—этотъ человѣкъ уже сообщилъ ей свое волненіе. Руки его, словно желѣзныя, крѣпко сжимали ея ручку.

Въ эту многозначительную минуту Мэри Эрль почувствовала впервые вполнѣ беспомощность женщины, врожденное стремленіе подчиниться болѣе сильной волѣ, унаследованное отъ ряда поколѣній покорныхъ женскихъ душъ.

— Я не могу, охъ, не могу,—сказала она. Не спрашивайте меня теперь. Вы не понимаете, не можете понять, что я чувствую. И я не знаю, понравится ли вамъ это. Я всегда

считала васъ другомъ,—прибавила она, отодвигаясь, со своей тонкой улыбкой. — Кромѣ того, ужасно думать... о любви... когда отецъ...

— Я не прошу васъ думать объ этомъ именно теперь, голубчикъ,—сказалъ Винцентъ.—Я... я... у меня много дѣлъ и множество плановъ у самого. Я... не имѣю права связывать васъ окончательно, Мэри. Я серьезно подумываю проѣхать въ Индію и Австралію, какъ ужъ говорилъ вамъ.

— Вы... уѣзжаете?—спросила она печально. Неумолимая природа сковала уже ее своею цѣпью съ этимъ человѣкомъ.

— Да, за матеріаломъ для моей книги о женскомъ вопросѣ. Я, можетъ быть, вернусь черезъ Канаду, и въ такомъ случаѣ на это уйдетъ около года. Потомъ, по возвращеніи, надо будетъ написать книгу, и если теперешнее министерство останется у дѣлъ, я надѣюсь получить официальное назначеніе. Итакъ, вы видите, дѣточка, что вполне успѣете все обдумать, равно какъ и усовершенствоваться въ вашемъ искусствѣ, прибавилъ онъ съ отгнѣнкомъ своей старосвѣтскости. Онъ теперь сидѣлъ на диванѣ и снова былъ такимъ же спокойнымъ, благовоспитаннымъ, слегка почтительнымъ какъ и всегда.

Часъ спустя Винцентъ неохотно всталъ, чтобъ уходить.

— Я обѣдаю съ однимъ членомъ парламента въ четверть восьмого,—объяснилъ онъ.—Новую статью свою мнѣ также надо кончить до отъѣзда, а я думаю очень скоро уѣхать.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказала Мэри съ огорченіемъ, поворачиваясь къ окну и глядя на улицу. Теперь все было совсѣмъ другое. Она принадлежала этому человѣку, который уѣзжалъ. Зачѣмъ онъ объяснился? Нельзя ли, чтобы все опять было по старому?.. Въ нѣсколькихъ ярдахъ разстоянія шарманка гудѣла извѣстный нѣмецкій вальсъ. Солнце уже не освѣщало домовъ, и улица приняла свой обычный тусклый видъ.

Среди сдвинутой мебели и стопокъ книгъ Винцентъ разыскалъ свою шляпу; Мэри проводила его до двери. Ей хотѣлось сказать что нибудь милое, но ничего не приходило въ голову. При расставаніи онъ снова ее обнялъ и коснулся губами ея опущенныхъ рѣсницъ. Во время этого объятія она думала только о томъ, что всегда его любила.

— Милая,—прошепталъ онъ,—боюсь, что если я уѣду, то лучшая часть меня останется здѣсь.

Когда онъ ушелъ, она опять нагнулась надъ рядами книгъ, машинально ихъ сортируя, но почти не думая о томъ, что дѣлаетъ. Маленькія облачка пыли разлетались по полутемной комнатѣ. Большіе мрачные дома закрывали послѣдній кусочекъ лиловатаго неба. Усталая и разстроенная дѣвушка бросилась на диванъ, гдѣ только что сидѣла съ Винцентомъ Хеммингомъ, и въ собственному удивленію замѣтила, что по ея запыленнымъ щекамъ пролагаютъ себѣ путь двѣ крупныя, соленыя слезы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Центральная лондонская школа живописи.

Центральная лондонская школа живописи, не смотря на всю величину правительственной поддержки, производила съ перваго взгляда нѣсколько разочаровывающее впечатлѣніе на юношей, стремящихся въ славу. Изысканныя натуры, конечно, чувствовали въ ней отсутствіе художественной „атмосферы“, если не считать ту, которая создается присутствіемъ старыхъ трубочекъ отъ красокъ, масляныхъ тряпокъ, тайкомъ поѣдаемыхъ буттербродовъ и преобладаніемъ людей, для которыхъ ежедневная порція пици, еще не составляетъ всего на свѣтѣ. Внѣшнимъ образомъ, школа живописи была просто № 55 въ мрачномъ переулкѣ близъ Портландъ-Роудъ,—узкомъ проѣздѣ зловѣщаго вида, гдѣ всѣ дома точно хмурились на подозрительную внѣшность другъ друга. Бѣлыя ставни, посѣрѣвшія отъ времени и грязи, всегда казались запертыми; и думалось, будто никто нивогда не выходитъ изъ этихъ линючихъ, забрызганныхъ грязью подъѣздовъ. Это былъ угрюмый, таинственный переулокъ, и Мэри, даже въ воображеніи, неизмѣнно видѣла его погруженнымъ съ обоихъ концовъ въ мутный, желтоватый туманъ.

Внутри храмъ изящныхъ искусствъ состоялъ изъ одной длинной комнаты со стекляннымъ потолкомъ, завѣшаннымъ съ одного конца саржевой желтовато-зеленой занавѣской. Стѣны были окрашены въ грязно-оливковый цвѣтъ, и на этомъ фонѣ отчетливо и рѣзко выдѣлялись гипсовый Лаокоонъ, торсъ Тезея, Аполлонъ Бельведерскій со своимъ слегка надменнымъ видомъ, хмурый Моисей Микель Анжело и жантильная Кли-

тія. Маленькая фигурка съ обнаженными мускулами стояла на полкѣ, а вокругъ, подобно замороженнымъ отбросамъ какой нибудь чудовищно-громадной операціонной залы, лежали странныя на видъ локти, бедра, ноги и руки, отрѣзанныя у кисти.

Здѣсь же находились и кандидаты на поступленіе въ королевскую академію, прилежно тушуя кусочками хлѣба и растушевками свои копіи Лаокоона—дѣло, которымъ они заняты были уже съ полгода,—тогда какъ въ другомъ отдѣленіи позировала дѣвочка, одѣтая итальянской крестьянкой и окруженная мольбертами. Былъ часъ рисованія съ натуры. Живописи съ натуры въ центральной лондонской школѣ посвящалось всего два вечера въ недѣлю, причемъ она считалась такими легкомысленными пустяками, которыми никакъ не слѣдовало отвлекать вниманіе серьезныхъ учениковъ отъ тушеванія Лаокоона.

Былъ суровый декабрьскій день; угаръ отъ желѣзной печи туманилъ головы учениковъ. Странное было общество, собиравшееся сюда въ зимній предвечерній часъ. Дѣвушки принадлежали къ низшему слою средняго класса; это были дочери мелочныхъ торговцевъ, въ оранжевыхъ или зеленыхъ саржевыхъ платьяхъ съ воротами, вырѣзанными ниже, чѣмъ слѣдуетъ, и украшенными ожерельями изъ янтаря или венеціанскихъ бусъ, а нѣкоторыя изъ нихъ по праздникамъ являлись даже съ украшеніями изъ крыльевъ блестящихъ жуковъ. Хотя прическа ихъ, равно какъ и рѣчь, — оставляли многого желать, однако, вообще говоря, дѣвицы были менѣе невозможны, чѣмъ молодые люди съ далеко небезупречнымъ бѣльемъ, исчезашіе среди урока группами по пяти-шести человекъ, чтобы тотчасъ же вернуться на мѣста, принося съ собою запахъ горькаго пива и дешеваго табаку.

Въ англійской художественной школѣ нѣтъ ничего общаго съ бурной, заразительной веселостью французскаго atelier. Господствовало благопристойное молчаніе, прерываемое лишь хриплымъ хихиканьемъ пары юношей, шопотомъ обмѣнивавшихся островами, или рѣдкимъ, почти неслышнымъ смѣшкомъ ученицы съ локончиками, наклонившейся надъ мольбертомъ.

Мэри Эрль, азеуратно причесанная и въ хорошо сшитомъ черномъ платьѣ, глядѣла маленькой принцессой, сидя

съ нахмуренными бровями и плотно сжатыми губами во вѣшномъ кругѣ мольбертовъ. На лицѣ ея было тоже выраженіе, что въ старину, въ С. Джонс-Вудѣ, въ бесѣдѣ, гдѣ она сживала, стругая и вырѣзывая свой деревянный флотъ. И въ самомъ дѣлѣ, теперь въ этой залѣ, полной людей, дѣвушка была такъ же одинока, какъ тогда, въ тиши густого сада. Винцентъ уѣхалъ путешествовать—вотъ уже почти полгода, какъ уѣхалъ,—и единственнымъ напоминаніемъ о его неожиданномъ признаніи въ любви въ Гарлей-стритской гостиной было смятое письмо съ индійской маркой, которое она носила въ карманѣ. Да, она была одна; потому что вздумай она заговорить съ молодыми людьми, они стали бы стараться острить; а откровенностей молодыхъ дѣвицъ, изъ которыхъ нѣкоторые успѣшно кокетничали въ сосѣднихъ кондитерскихъ съ учениками, она просто, боялась. Единственно, съ кѣмъ она говорила, былъ одинъ прежній ученикъ, прошедшій уже черезъ Академію и посѣщавшій Центральную Школу, чтобы писать съ драпированной натурѣ, пока реставрировалась его мастерская въ Хаверстонъ-Хиллѣ.

М-ръ Перри Джексонъ былъ приземистый смугловатый человѣкъ лѣтъ тридцати, производившій на посторонняго зрителя впечатлѣніе выросшаго лондонскаго уличнаго мальчишки. На самомъ же дѣлѣ, его вступленіе въ жизнь было далеко не столь драматично. Его родители, зажиточные владѣльцы небольшого мебельнаго магазина на Хампстедъ-Родѣ, дали ему приличное воспитаніе и гордились тѣмъ, что вывели единственнаго сына въ „артисты и джентльмены“. Для Мэри м-ръ Перри Джексонъ былъ столь абсолютно, всецѣло оригиналенъ, представлялъ собою такой незнакомый, новый типъ, что въ концѣ концовъ сталъ казаться ей забавнымъ. Перри Джексонъ былъ, несомнѣнно, „восходящее свѣтило“: онъ имѣлъ необыкновенную способность рисовать хорошенькія личики. Его рисунки углемъ въ „Иллюстраціяхъ“ вызывали восхищеніе на желѣзнодорожныхъ вокзалахъ, а въ Королевской Академіи уже сіяли на стѣнѣ одна или двѣ его картины.

Какъ хорошо Мэри помнила тотъ день, когда начала своего Лаокоона для ближайшаго конкурса. На него должно было пойти, при требуемой тонкости отдѣлки, никакъ не менѣе полугода.

— Совѣтую не терять времени и начинать, миссъ Эрль, — сказала м-ръ Джаксонъ, который, хотя смущался манерами сосѣдки, однако чувствовалъ къ ней благосклонность. — На одну змѣю убьете не менѣе шести недѣль, не говоря ужъ о фигурѣ. Ужасно преслѣдуютъ, скажу вамъ, въ академіи, если тѣни положены не такъ хорошо. Рисунокъ, видите-ли, всякій можетъ вамъ поправить, а ужъ тушевать-то приходится самой.

— Благодарю. Я думаю начать теперь же.

— И правильно. Садитесь сюда, миссъ Эрль: здѣсь освѣщеніе лучше, — посоветовалъ м-ръ Джаксонъ, весь превратившійся въ само добродушіе. — Дайте, я установлю вашу мольбертъ. Вотъ. Можете употреблять отвѣсъ сколько угодно, — продолжалъ молодой человекъ, съ живостью блестя своими маленькими, блѣдными глазами; а я поправлю вамъ контуръ. Мнѣ это хорошо извѣстно, — прибавилъ онъ съ внезапной откровенностью. — Я самъ попалъ въ академію только съ третьяго раза.

Кромѣ нея, готовилось въ академію еще двѣ или три дѣвушки и нѣсколько мужчинъ, изъ которыхъ одному было уже подъ пятьдесятъ, что доказывали его сѣдые волосы и нечесанная борода. Ходившая по школѣ легенда гласила, что этотъ господинъ готовится въ академію съ восемнадцатилѣтняго возраста. Тутъ же была и миссъ Симпкинсъ, видная молодая особа, съ широкимъ неопредѣленнымъ лицомъ, наминавшемъ булку, постоянно носившая съ собою маленькое изданіе „Современныхъ живописцевъ“ въ кожаномъ ридикюль, вмѣстѣ съ карманной гребенкой, ручнымъ зеркаломъ, буттербродами съ ветчиною и подборомъ разноцвѣтныхъ карандашей, и постоянно имѣвшая какія-то таинственныя бесѣды съ блѣдной дѣвушкой въ рыжихъ буколькохъ, дочкою кондитера въ С. Джонс-Вудѣ, дѣвушкой, любившей яркосиній вельветинъ и, періодически влюблявшейся въ м-ра Джаксона открыто, передъ всею школою.

Въ декабрьскій день, о которомъ идетъ рѣчь, стеклянная дверь отворилась, и небольшой, блѣдный человекъ во фрагѣ и узкомъ черномъ галстухѣ, похожій внѣшностью и манерами на письмоводителя у повѣреннаго, наклонился надъ первымъ мольбертомъ. М-ръ Сандерсонъ, главный учитель, рѣдко выражалъ опредѣленное мнѣніе, особенно не благоприят-

ное. Онъ болѣе всего желалъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ учащимися, такъ что замѣчанія его обыкновенно принимали слѣдующую форму:

— О-ч-ень, о-ч-ень мило, миссъ Симпкинсъ. Можетъ быть, не провѣрить ли еще поворотъ головы? Да, вотъ такъ. Ну, а руки, не скажете ли, что онѣ грѣшатъ рисункомъ? А правая нога, а? Да не провѣрить ли ужъ положеніе торса? Очень мило, миссъ Симпкинсъ.

И миссъ Симпкинсъ, дѣвица, преданность которой доктринамъ Рёскина была, пожалуй, замѣчательнѣе ея художественнаго дарованія, поправляла свое янтарное ожерелье и продолжала работать.

У слѣдующаго мельберта слышалось:

— А, очень трудный поворотъ фигуры, миссъ Эрль! Не измѣнить ли ея положеніе? Художнику, пожалуй, лучше не создавать себѣ излишнихъ затрудненій. Очень, очень хорошо, общаетъ успѣхъ, миссъ Эрль.

Въ Центральной Лондонской Школѣ, какъ видно, все шло какъ по маслу. Каждая черта, каждая северно нарисованная голова, каждая смазанная драпировка получали свою долю похвалъ. Не было слезъ, орошающихъ путь ученика въ парижскомъ *atelier*, ни взрывовъ честолюбія, ни увлеченій, ни соперничества. Никто въ Центральной Лондонской школѣ не имѣлъ собственныхъ воззрѣній на искусство, а если кто и имѣлъ, таилъ ихъ въ своей душѣ.

Мэри уже начинала догадываться, что все это — глупая карикатура настоящаго дѣла. Вставъ съ мѣста, она подошла къ мольберту, на которомъ красовалась ея копія Лаокоона, уже начавшая походить, какъ и требовалось, на тонко-исполненную гравюру. Она не безъ унынія стояла передъ этой штукой, стѣдившей ей столько труда и отъ успѣха которой столько зависѣло, когда дверь распахнулась и появилось лучезарное видѣніе въ бархатѣ, соболахъ и такой отчаянной шляпѣ, какую могла изобрѣсть лишь Алисона Айвзъ въ одномъ изъ своихъ припадковъ „свѣтскости“.

— *Nom de chien!*— вскричала молодая особа, набрасываясь на Мэри и съ силою отодвигая ея мольбертъ. — Что жъ мнѣ стоять и глядѣть, какъ ты будешь дѣлаться англійской художницей? Поѣдемъ чай пить, къ намъ, домой, въ Портмэнъ-Скверъ. Мы — прямо туда, мама ждетъ въ каретѣ. Ыдемъ!

— Нельзя мнѣ,—отвѣтила Мэри.—Я говорила тебѣ, что нельзя. Я не выѣзжаю, да и надо поработать еще съ часъ. Эту штуку надо представить черезъ два дня.

— У!..—сказала Алисона, разыскивая ея шляпу и пальто и безъ церемоніи вталкивая ее въ карету.—Все это вздоръ!

— Но я думаю, что эти школы очень хороши для... для такого сорта личностей, которыхъ такъ забавно описываетъ милая Мэри,—вставила лэди Джэнь.

— Пустяки, мама,—сказала Алисона.—Ты, вѣдь, не глядывала туда. Онѣ просто невозможны. Школы стряпни, а не живописи, вотъ что имъ нужно!—воскликнула она, когда колеса задрезбуждали по камнямъ.—Художественный геній самъ пробьетъ себѣ дорогу, а вареный картофель — вещь первой необходимости. Поговорите-ка, — продолжала дѣвушка улыбаясь,—о вашихъ прилизанныхъ гладиаторахъ да Лаокоонахъ въ серьезной французской мастерской, гдѣ *работаютъ*. Всѣ засмѣются вамъ въ глаза.

— Какъ хорошо должно быть въ Парижѣ!—сказала Мэри со вздохомъ. Мѣсто, гдѣ отвергается копированіе Лаокоона, какъ упражненіе въ искусствѣ, представлялось ей преддверіемъ въ восхитительнѣйшимъ перспективамъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ гостяхъ у лэди Джэнь.

Лэди Джэнь Айвзъ всегда можно было застать въ Портмэнъ-Скверѣ въ пять часовъ; но сегодня она сверхъ того разослала карточки, такъ что часъ спустя высокія неуютныя комнаты съ выцвѣтшими красными коврами, мебелью въ букетахъ и множествомъ зеркалъ, были полны гостей. Лэди Джэнь не любила новыхъ модъ у себя въ домѣ, и поэтому общій видъ ея комнатъ въ наше чрезмѣрно роскошное время представлялся нѣскольکو унылымъ. Холодныя, жесткія произведенія Гуарди по стѣнамъ, съ оловянными гондольерами, направлявшими желѣзныя гондолы по свинцовымъ лагунамъ, мимо сѣрыхъ цинковыхъ дворцовъ, едва были видны при невѣрномъ свѣтѣ свѣчей въ колеблющейся люстрѣ. Между крахмальными кружевными занавѣсками стояли громадныя китайскія вазы, раздутыя.

Участіе общественнаго элемента въ от- правленіи правосудія.

Участіе общества въ отправленіи правосудія выражается въ двухъ видахъ: 1) присяжными засѣдателями и 2) выборною мировою юстиціею. Вотъ тѣ два элемента, которые даетъ общество для труднаго и отвѣтственнаго дѣла правосудія. Ни одинъ изъ институтовъ, введенныхъ судебной реформой, не вызывалъ столько дикихъ и невѣжественныхъ нападокъ, — какъ судъ присяжныхъ. Во всѣхъ этихъ нападкахъ, которыя продолжаются до нашихъ дней, замѣчательна одна черта: всѣ онѣ являются повтореніемъ задовъ; начиная съ дикихъ нападокъ крѣпостнической «Вѣсти» и кончая патологическимъ бредомъ «Гражданина», всѣ лица и органы, писавшіе и агитировавшіе противъ суда присяжныхъ, повторяютъ одни и тѣ же доводы, одни и тѣ же аргументы, не подтверждая ихъ ни однимъ примѣромъ, ни одной сколько-нибудь убѣдительною и точною статистическою данною, между тѣмъ какъ защитники и сторонники суда присяжныхъ приводятъ съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе убѣдительныя доказательства, все болѣе и болѣе неопровержимыя данныя въ пользу того положенія, что при данномъ состояніи развитія общества, при данномъ состояніи культуры и науки, судъ присяжныхъ есть лучшая, возможная въ настоящее время для человѣчества форма суда. Со временемъ, можетъ быть, человѣчество додумается до другой, болѣе совершенной формы отправленія правосудія, но до сихъ поръ оно ничего лучшаго не выдумало.

I.

Какъ мы уже сказали, измѣняясь въ теченіе тридцати лѣтъ по своей формѣ, нападки на судъ присяжныхъ остаются неизмѣнными по своей сущности и вкратцѣ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ группамъ:

1) Судъ присяжныхъ чуждъ русскому народу; учрежденіе его лишено историческихъ традицій и заимствовано изъ иностранныхъ законодательствъ, преимущественно—изъ французскаго.

2) Такъ какъ французскій судъ присяжныхъ былъ порожденіемъ республиканской страны, то онъ представляется учрежденіемъ политическимъ и будто бы ограничивающимъ монархическій принципъ.

3) При судѣ присяжныхъ число оправдательныхъ приговоровъ увеличивается, и этимъ уменьшается уголовная репрессія.

4) Что народъ нашъ недостаточно развитъ, чтобы исполнять функціи присяжныхъ засѣдателей.

Разберемъ каждое изъ этихъ обвиненій отдѣльно и посмотримъ: есть ли въ нихъ доля правды и справедливости.

Противъ указанія на то, что судъ присяжныхъ чуждъ русскому народу и не имѣетъ историческихъ традицій, мы находимъ прекрасные доводы въ XVII т. «Дѣла о преобразованіи судебной части», въ превосходной запискѣ Д. А. Ровинскаго «Устройство уголовного суда». Говоря о недостаткахъ нашего стараго судоустройства и о томъ, что уголовный судъ, руководствуясь теоріею уликъ и совершенныхъ доказательствъ и придерживаясь весьма удобнаго для скорого обсужденія уголовного дѣла и для освобожденія судьи отъ всякой отвѣтственности—правила Императрицы Екатерины II, что лучше освободить отъ наказанія десять виновныхъ, нежели приговорить одного невиннаго,—постоянно освобождалъ преступниковъ не только по десяти, но цѣлыми сотнями и оставлялъ, за недостаткомъ совершенныхъ доказательствъ, явныхъ воровъ и грабителей въ разномъ подозрѣніи, Ровинскій замѣчаетъ ¹⁾, что правительство, считая полезнымъ избавить общество отъ проживанія посреди него воровъ и преступниковъ, устроило рядомъ съ судомъ короннымъ судъ общественный, другими словами, предоставило обществу судить въ другой разъ преступника, не попавшаго по суду на поселеніе.

Такимъ образомъ оно предоставило мѣщанскимъ обществамъ удалять изъ своей среды, а въ сущности—ссылать на поселеніе (по прежнему и отдавать въ солдаты) въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Если мѣщанинъ судебнымъ рѣшеніемъ, вошедшимъ въ законную силу, оставленъ въ подозрѣніи по такому преступленію, за которое, на основаніи закона, подлежалъ бы лишенію или всѣхъ правъ состоянія, или же всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, какъ личныхъ, такъ и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ссылкѣ въ Сибирь на ка-

¹⁾ Дѣло о преоб. суд., т. XVII, стр. 12 и сл.

торгу или на поселеніе, отдачѣ въ арестантскія роты, или рабочіе дома, и когда притомъ, во время слѣдствія на повальномъ обыскѣ, онъ опороченъ въ поведеніи (IX т. 567 ст., п. 1).

2) Если мѣщанинъ, по выдержаніи по суду въ арестантскихъ ротахъ и рабочемъ домѣ, возвращенъ въ общество для водворенія (Улож. о наказ. 52 и 53, IX т., 567 ст. прим.).

3) Если мѣщанинъ не менѣе трехъ разъ былъ, по приговору суда, подвергнутъ разнымъ исправительнымъ наказаніямъ, безъ лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, какъ лично, такъ и по состоянію ему присвоенныхъ (IX т., 567 ст., п. 2).

Наконецъ, 4) если и не бывшій подѣ судомъ мѣщанинъ изобличается въ порочномъ и развратномъ поведеніи, какъ-то: въ буйствѣ, бродяжествѣ, въ продолжительномъ пьянствѣ и неплатежѣ податей, по нерадѣнію или по безпутной жизни, и не измѣнится въ поведеніи послѣ предоставленныхъ обществу по статьѣ 570 мѣръ исправительныхъ (IX т., 567 ст., п. 3). А мѣры эти заключаются въ томъ, что обществу предоставляется право отдавать его, по мірскимъ приговорамъ, въ разныя работы казенныя, городскія и частныя, въ первый разъ на время отъ одного до двухъ мѣсяцевъ, а въ третій разъ отъ четырехъ до шести мѣсяцевъ (570 ст. IX т.).

Почти тѣ же права предоставлены и другимъ податнымъ сословіямъ.

Не есть ли этотъ судъ послѣ суда и безъ суда тотъ же судъ присяжныхъ, но въ самой первобытной формѣ его? Правительство въ лицѣ уголовного суда освобождаетъ преступника отъ наказанія, а общество обвиняетъ и ссылаетъ его въ Сибирь. Кромѣ того, правительство постоянно прибѣгаетъ къ общественному суду, основанному на одномъ убѣжденіи въ виновности подсудимаго, въ тѣхъ случаяхъ, когда коронный судъ, обвиняющій на основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ, оказывается несостоятельнымъ и несогласнымъ съ его цѣлями. Такимъ образомъ въ дѣлахъ о членовредительствѣ для избѣжанія рекрутской повинности, за недостаткомъ свидѣтельскихъ показаній и другихъ доказательствъ, *если изъ общества, къ коему членовредитель принадлежитъ, двенадцать человекъ подѣ присягою покажутъ, что увѣче или причинено себѣ съ намѣреніемъ избѣжать рекрутства то онъ признается членовредителемъ умашленнымъ* (IV т., ст. 775), т. е. подвергается тѣлесному наказанію и отдается въ солдаты, а за негодностью въ арестантскія роты на 12 лѣтъ, а взамѣнъ ихъ ссылается въ Сибирь. Здѣсь показаніе подѣ присягою 12 человекъ не составляетъ показанія свидѣтелей, хотя преступнику и предоставлено нѣкоторое право отводить ихъ (775 ст.), но есть

*

какъ бы дѣйствіе суда присяжныхъ, на основаніи котораго коронный судъ обязанъ непрекословно назначить членовредителю положенное законами наказаніе.

На томъ же основаніи правительство, кромѣ обыкновенныхъ коронныхъ судовъ, устроило множество мелкихъ безапелляционныхъ судовъ—сельскихъ расправъ, ремесленныхъ управъ и разныхъ цеховыхъ и сословныхъ инстанцій, рѣшающихъ дѣла на основаніи одного убѣжденія въ виновности подсудимаго, которое, впрочемъ, склоняется по большей части къ явной выгодѣ одной старшей изъ заинтересованныхъ сторонъ. На этомъ же основаніи правительство установило въ послѣднее время для временно-обязанныхъ крестьянъ подобіе суда присяжныхъ въ болѣе опредѣленныхъ формахъ: именно волостной судъ. Волостной судъ собирается въ каждыя двѣ недѣли разъ и состоитъ изъ судей, которые выбираются изъ цѣлой волости или для *безсмыннаго*, въ теченіе цѣлаго года, отпращиванія своей должности, или для отпращиванія оной *по очереди, заранее определенной сходомъ* (Общ. Полож. 19 февраля, ст. 93, п. 2). И этому суду предоставлено право рѣшать окончательно всѣ споры по имуществу и тяжбы о вознагражденіи за убытки и ущербъ, цѣною до ста рублей (стр. 96). Ему же предоставлено право присуждать виновныхъ въ мало-важныхъ проступкахъ безъ апелляціи къ денежному взысканію, аресту и даже къ тѣлесному наказанію до 20 ударовъ. И все это на основаніи одного убѣжденія въ виновности подсудимаго. Шаткость понятія о томъ, что должно считаться проступкомъ и что преступленіемъ, придаетъ праву этому еще большіе размѣры.

Если мы взглянемъ на вопросъ съ историко-сравнительной точки зрѣнія, то увидимъ, что судъ присяжныхъ существуетъ у самыхъ дикихъ народовъ и встрѣчается на первоначальной ступени человѣческой культуры. Это объясняется тѣмъ, что присяжное начало, какъ вполне правильно замѣтилъ Д. А. Ровинскій въ другомъ мѣстѣ своей записки, удивительно просто и справедливо, и потому очень понятно для народа. Судъ присяжныхъ, конечно, въ самой первобытной его формѣ, встрѣчается въ древнѣйшихъ европейскихъ, въ томъ числѣ и нашихъ, законодательныхъ памятникахъ. Слѣдовательно, составители судебныхъ уставовъ, предлагая и вводя у насъ судъ присяжныхъ, нисколько не отрѣшились, а, напротивъ, именно слѣдовали традиціямъ русской исторіи.

Такимъ образомъ, первое обвиненіе противъ суда присяжныхъ, что онъ чуждъ духу русской исторіи, при ближайшемъ его разсмотрѣніи, оказывается совершенно неосновательнымъ.

II.

Дальнѣйшія обвиненія противъ суда присяжныхъ сводятся, какъ мы уже указывали, къ тому, что нашъ судъ присяжныхъ не представляетъ собою чего-либо оригинальнаго, а есть простой сколокъ съ французскаго законодательства, и что такъ какъ послѣднее есть порожденіе республиканское-то и нашъ судъ присяжныхъ есть учрежденіе *политическое*, чуждое строю нашей жизни. Мы остановимся сначала на послѣднемъ, самомъ тяжкомъ и имѣвшемъ, къ сожалѣнію, наибольшій успѣхъ обвиненіи суда присяжныхъ въ политической неблагонадежности.

Въ запискѣ Заруднаго «Общія соображенія по вопросу о составѣ уголовного суда», помѣщенной въ XVII т. дѣла о преобр. суд. ч., въ запискѣ, въ которой впервые былъ предложенъ судъ присяжныхъ, мы на стр. 4-й находимъ слѣдующія замѣчательныя строки: «*Существенное отличіе суда присяжныхъ у насъ отъ существующаго почти во всей Европѣ суда присяжныхъ должно состоять въ томъ, что наше учрежденіе не можетъ и не должно имѣть характера политическаго*». Изложивши затѣмъ краткую исторію введенія суда присяжныхъ въ Западной Европѣ, указавши на то, что во Франціи судъ присяжныхъ введенъ въ 1791 году, Зарудный замѣчаетъ: «Вслѣдствіе этого развилось и утвердилось то весьма неправильное понятіе, что судъ присяжныхъ есть учрежденіе не только либеральное, но революціонное и потому-то вся Европа до первой половины настоящаго столѣтія смотрѣла на него съ какимъ-то недоумѣніемъ и даже страхомъ. Только въ послѣднее время, когда германскіе юристы стали разрабатывать вопросы о правильномъ устройствѣ суда, когда сдѣланы были во многихъ государствахъ опыты введенія слов снаго и публичнаго производства безъ присяжныхъ, при участіи однихъ судей-юристовъ, понятіе это измѣнилось, и большая часть ученыхъ нынѣ признаетъ, что судъ присяжныхъ есть не что иное, какъ *судебный методъ*, какъ самое вѣрное и надежное средство къ правильному рѣшенію дѣлъ уголовныхъ, какъ *особая форма организаціи суда*, и что сіе установленіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должно быть смѣшиваемо съ политическимъ устройствомъ государства» ¹⁾.

Послѣ этихъ ясныхъ, логическихъ, основанныхъ на строго-научныхъ данныхъ разсужденій, казалось бы, не должно быть больше мѣста инсинуаціямъ и обвиненіямъ суда присяжныхъ въ поли-

¹⁾ Т. XVII Дѣла, стр. 6.

тической неблагонадежности. Но если этого мало, то мы приведемъ еще сужденія по этому вопросу Государственнаго Совѣта, гѣ основанія, по которымъ послѣдній *единогласно* призналъ необходимость введенія у насъ суда присяжныхъ. Сущность этихъ замѣчательныхъ разсужденій, изложенныхъ къ журналахъ Государственнаго Совѣта за 1862 годъ, сводится къ слѣдующему:

Соединенные департаменты *единогласно* признали, что если рѣшеніе о винѣ или невинности подсудимаго будетъ постановляемо по внутреннему убѣжденію судей, то необходимо, чтобы составъ присутствія суда и способъ постановленія рѣшенія внушали къ себѣ довѣріе и представляли надлежащія ручательства въ томъ, что судьи не употребятъ во зло власть, имъ ввѣренную.

Условіями, внушающими общее довѣріе къ уголовному суду, обыкновенно почитаются:

1) отдѣленіе въ уголовныхъ дѣлахъ вопроса о виновности отъ вопроса о наказаніи, съ предоставленіемъ разрѣшенія каждаго изъ этихъ вопросовъ особымъ судьямъ;

2) многочисленность судей, принимающихъ участіе въ рѣшеніи дѣла, и

3) широкое право отвода судей какъ обвиняемымъ, такъ и обвинителемъ.

Въ важности этихъ условій убѣждаютъ слѣдующія соображенія: замѣчено, что когда рѣшеніе вопросовъ о виновности и наказаніи принадлежитъ однимъ и тѣмъ же судьямъ, то суды часто стараются опредѣлить степень вины такъ, чтобы подсудимый подлежалъ тому наказанію, которому судьи желали его подвергнуть. Этимъ искажается правильность приговора, потому что отъ личнаго убѣжденія судьи можетъ зависѣть только разрѣшеніе вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, а отнюдь не вопроса о слѣдующемъ ему наказаніи. Преступленія преслѣдуются во имя государственныхъ интересовъ, и изблеченные преступники должны быть наказываемы по законамъ, утвержденнымъ Верховною законодательною властію, а не по произволу судей. Поэтому необходимость отдѣльнаго, и даже различными судьями, рѣшенія вопросовъ о виновности и наказаніи представлялась каждый разъ, когда какое-либо законодательство приходило къ сознанію, что первый изъ этихъ вопросовъ можетъ быть рѣшенъ справедливо только по совѣсти.

При рѣшеніи вопроса о винѣ или невинности подсудимаго по внутреннему убѣжденію судей предполагается, что каждый судья даетъ мнѣніе по чистой совѣсти, ничѣмъ не стѣсняемой. Какъ это есть единственное качество, которое требуется отъ мнѣнія судьи по означенному вопросу, и какъ по этому, собственно, ка-

честву это мнѣніе почитается истиннымъ, то отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе лицъ признають по совѣсти вину или невинность подсудимаго, тѣмъ болѣе вѣроятія, что ихъ убѣжденіе есть истина дѣйствительная. Когда судьи во мнѣніяхъ своихъ связаны закономъ, то и меньшее число голосовъ можетъ имѣть преимущество предъ большимъ, если оно ближе подходитъ къ требованію закона, чѣмъ послѣднее. Но когда судьи даютъ мнѣнія лишь по внутреннему убѣжденію, тогда сильнѣйшимъ можетъ быть только то мнѣніе, которое соединяетъ въ себѣ болѣе голосовъ, и поэтому именно необходимо, чтобы судъ, рѣшающій по совѣсти вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго, былъ по возможности въ наибольшемъ составѣ.

Право отвода судей есть также необходимое условіе довѣрія къ суду. Но это право тогда только доставляетъ надежащее огражденіе, когда отводъ можетъ быть предъявленъ безъ представленія къ тому причинъ. Не всегда легко доказать причины отвода и не всегда даже можно ихъ объяснить, а между тѣмъ, если такія причины существуютъ, нельзя положиться на безпристрастіе судьи. На этомъ основаніи лучшія законодательства признають, что обвиняемый и обвинитель должны имѣть право отвести извѣстное число судей, безъ представленія причинъ своего подозрѣнія.

Всѣ вышеобъясненныя условія полного довѣрія къ составу присутствія суда для дѣлъ уголовныхъ указываютъ прямо на существующій въ иностранныхъ государствахъ судъ присяжныхъ.

Главное возраженіе противъ введенія у насъ суда присяжныхъ состоитъ въ томъ, что народъ нашъ недостаточно еще развитъ для того, чтобы входить въ соображенія, требующія логическихъ выводовъ и достаточной степени образованности. Возраженіе это неубѣдительно. Конечно, развитость народа имѣетъ немалое вліяніе на достоинство его учреждений; но не подлежитъ также сомнѣнію и то, что хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество. Въ этомъ отношеніи правильный судъ едва ли не желательнѣе всякаго иного учрежденія, ибо онъ распространяетъ въ народѣ понятія о справедливости и законѣ, безъ чего не можетъ быть ни благосостоянія, ни порядка въ обществѣ. Неразвитость нашего народа не только не подтверждаетъ мнѣнія о преждевременности введенія у насъ суда присяжныхъ, но, напротивъ, представляетъ основанія къ противоположному заключенію, потому что такой-то именно народъ и нуждается въ особыхъ огражденіяхъ въ судѣ, [нуждается въ судьяхъ, которые бы вполне его понимали и были къ нему сколь возможно ближе.

Разумѣется, опредѣленіе наказанія должно быть предоставлено исключительно судьямъ-юристамъ, потому что оно назначается не иначе, какъ на основаніи законовъ, а для этого требуется знаніе ихъ не по одному буквальному содержанію, иногда неясному или неполному, но также и по ихъ внутреннему разуму. Такимъ судьей можетъ быть только тотъ, кто сверхъ основательной науки приобрѣлъ опытность въ примѣненіи законовъ практикою. Но для рѣшенія по совѣсти вопроса о винѣ или невинности подсудимаго нѣтъ особенной нужды ни въ специальномъ юридическомъ образованіи, ни въ судебной практикѣ: этотъ вопросъ можетъ быть правильно рѣшенъ всякимъ, даже и мало образованнымъ человѣкомъ, если онъ имѣетъ здравыя понятія.

Мысль, что введеніе у насъ суда присяжныхъ было-бы преждевременно, по недостатку хорошихъ адвокатовъ для защиты подсудимыхъ, также не можетъ быть признана справедливою. Изъ того, что у насъ нѣтъ адвокатовъ, еще не слѣдуетъ, чтобъ у насъ не нашлось людей, которые были-бы въ состояніи защищать обвиняемыхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что допущеніе официальной, предъ судомъ, защиты подсудимыхъ, хотя бы въ первое время присяжные повѣренные не были вполнѣ опытными защитниками, несравненно лучше беззащитнаго положенія подсудимыхъ.

Мысліе нѣкоторыхъ теоретиковъ, что судъ присяжныхъ имѣетъ *политическій* характеръ, много препятствовало введенію въ разныхъ государствахъ этого учрежденія. Не говоря о томъ, что такое мысліе не имѣетъ надлежащаго основанія, нельзя не замѣтить, что отъ законодателя зависитъ обставить это учрежденіе такими условіями, при которыхъ оно не могло бы имѣть никакого политическаго характера, какъ это сдѣлано въ другихъ государствахъ, установившихъ у себя въ недавнее время судъ присяжныхъ. Лучше допустить на первое время нѣкоторыя изыятія изъ общаго правила о рѣшеніи вопроса о виновности или невинности присяжными, нежели совершенно лишить страну самаго естественнаго и справедливаго суда. Введеніе суда присяжныхъ въ Россіи было болѣе необходимо, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, потому что нигдѣ, можетъ быть, историческая жизнь народа не положила такихъ рѣзкихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ, вообще, къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій замѣчается большое различіе.

Существующее у насъ учрежденіе сословныхъ засѣдателей включаетъ уже въ себѣ нѣкоторые элементы суда присяжныхъ. Ныгѣ слѣдуетъ развить это учрежденіе согласно съ требованіями

правильнаго образованія суда. Нѣтъ достаточныхъ причинъ полагать, чтобы, при отдѣленіи въ уголовныхъ дѣлахъ вопроса о виновности подсудимыхъ отъ вопроса объ опредѣленіи наказанія, сословные засѣдатели, какъ судьи одной *фактической* стороны дѣла, были ниже своихъ обязанностей. Напротивъ того, есть много оснований думать, что они, въ этомъ ограниченномъ кругѣ дѣйствія, будутъ достойными органами правосудія.

Отъ присяжныхъ судей, собственно, требуется рѣшеніе того, изобличается ли подсудимый въ преступленіи, которое выставляется обвиненіемъ и слѣдствіемъ. Если законъ требуетъ отъ осуждающихъ фактическую сторону дѣла только одного полного внутренняго убѣжденія, нестѣсняемаго никакими формальными доказательствами, то очевидно, что для справедливаго рѣшенія такого вопроса присяжные, избираемые, обыкновенно, изъ той же среды, къ которой принадлежитъ обвиняемый, имѣютъ болѣе средствъ къ оцѣнкѣ факта, чѣмъ судьи, чуждые мѣстности или кругу, въ коемъ совершилось преступленіе. Какъ тѣ, такъ и другіе пользуются однѣми и тѣми же данными, обнаруженными слѣдствіемъ, и едва-ли возможно допустить, чтобы изъ этихъ данныхъ естественная логика, присущая каждому человѣку съ здоровымъ умомъ, не могла вывести относящихся къ предмету обвинения соображеній. Но сверхъ этихъ общихъ данныхъ присяжные для открытія истины могутъ пользоваться ближайшею извѣстностью имъ поведенія и наклонностей подсудимаго, а равно мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и порядковъ домашней жизни, что проливаетъ иногда свѣтъ на такія обстоятельства, которыя для людей, посвятившихъ себя исключительно кабинетнымъ занятіямъ, кажутся или темными, или не имѣющими связи съ преступленіемъ. Правда, что задача присяжныхъ иногда усложняется опредѣленіемъ, въ смыслѣ дѣйствующихъ законовъ, свойства или степени умысла подсудимаго или обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ его вину; но въ этихъ случаяхъ присяжнымъ могутъ быть сдѣланы предсѣдателемъ суда всѣ надлежащія объясненія о существующихъ въ законѣ правилахъ и о практическомъ ихъ примѣненіи, какъ это постоянно соблюдается въ судахъ съ присяжными въ Англіи.

До настоящаго времени учрежденіе сословныхъ засѣдателей было, въ отношеніи къ городскому и сельскому сословіямъ, одною мертвою буквою, потому что сельскіе и городскіе представители, обязанные примѣнять законную теорію доказательствъ, но не имѣющіе юридическихъ свѣдѣній, не могли исполнять удовлетворительно своихъ обязанностей и подчинялись обыкновенно вліянію или коронныхъ судей, или секретарей. Если такой неправиль-

ный исходъ учрежденія, задуманнаго съ благой цѣлю, не выказать еще вполне всѣхъ вредныхъ послѣдствій своихъ, то, конечно, потому только, что, при существовавшей у насъ системѣ уголовного судопроизводства, осужденію подвергались, преимущественно, одни тѣ преступники, которыхъ удавалось привести къ собственному сознанию. Но съ отмѣною этой системы, развившей у насъ безнаказанность за преступленія до крайнихъ предѣловъ, и съ предоставленіемъ суду рѣшать вопросъ о винѣ и невинности подсудимыхъ по однѣмъ уликамъ, сила которыхъ опредѣляется нерѣдко лишь ближайшимъ знакомствомъ съ нравами, обычаями, образомъ жизни и кругомъ занятій подсудимыхъ, представляется совершенно необходимымъ дать нашимъ сословнымъ засѣдателямъ значеніе судей одной фактической стороны уголовного дѣла, т.-е. образовать изъ нихъ присяжныхъ судей со всѣми гарантіями, представляемыми этимъ учрежденіемъ.

Вслѣдствіе этихъ соображеній соединенные департаменты признаютъ необходимымъ постановить общимъ правиломъ, исключеніе изъ котораго нынѣ должно быть сдѣлано лишь для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, что по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собою наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или съ потерей всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, опредѣленіе вины или невинности подсудимыхъ предоставляется особымъ присяжнымъ засѣдателямъ, а по всѣмъ прочимъ дѣламъ — постояннымъ членамъ присутствія суда.

Вотъ тѣ глубокія, чуждыя всякихъ политическихъ тенденцій соображенія, которыми руководился Государственный Совѣтъ, вводя у насъ судъ присяжныхъ.

III.

Посмотримъ теперь, насколько правильно то соображеніе, что нашъ судъ присяжныхъ есть простой сколокъ съ иностранныхъ образцовъ. Для этого намъ необходимо ознакомиться, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, съ устройствомъ суда присяжныхъ въ главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы.

Начнемъ съ Англіи—этой классической страны суда присяжныхъ ¹⁾. Въ Англіи судъ присяжныхъ существуетъ на слѣдующихъ основаніяхъ: есть три рода суда присяжныхъ. Большое или обвиняющее жюри, малое или жюри рѣшенія особое или специаль-

¹⁾ Свѣдѣнія объ устройствѣ суда присяжныхъ въ Западной Европѣ заимствованы нами изъ цитированный уже записки С. И. Заруднаго.

ное жюри. *Большое* жюри составляется изъ лицъ высшаго класса, джентльменовъ, и собирается въ числѣ 23 человекъ; *особое* жюри составляется изъ эсквайровъ, банкировъ, негоціантовъ и другихъ богатыхъ людей, а *малое*—изъ лицъ, принадлежащихъ къ среднимъ классамъ, т.-е. изъ фермеровъ, промышленниковъ, мелкихъ торговцевъ и т. п. Какъ малое, такъ и особенное или специальное жюри составляется каждое изъ 12-ти присяжныхъ. Большое жюри разрѣшаетъ вопросъ,—подлежитъ-ли обвиняемый суду, а особое и малое рѣшаютъ по существу какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла. Въ дѣлахъ гражданскихъ большого жюри не бываетъ. Списки присяжныхъ составляетъ шерифъ, т.-е. *административная власть, назначаемая правительствомъ*; въ эти списки включаются лица, соединяющія въ себѣ предписанныя для сего по закону условія: владѣніе опредѣленною собственностью и способности. Обвиняемый имѣетъ безграничное право отвода, какъ порознь каждаго присяжнаго, такъ и цѣлаго списка присяжныхъ; но обвинитель этимъ правомъ не пользуется, потому что присяжные избираются агентомъ правительства. Присяжные разрѣшаютъ или вопросъ о правѣ, или смѣшанный вопросъ о фактѣ и правѣ и кромѣ того вопросъ о количествѣ убытковъ. Въ первомъ случаѣ приговоръ ихъ называется *спеціальнымъ*, а во второмъ—*общимъ*; такъ, напр., въ уголовномъ дѣлѣ присяжные могутъ ограничиваться простымъ признаніемъ факта или могутъ объявить вмѣстѣ съ тѣмъ и приговоръ о юридическомъ значеніи факта: они могутъ вовсе отвергнуть уголовный характеръ дѣйствія, вмѣняемаго подсудимому въ вину. Въ прежнее время правительство оспаривало право присяжныхъ *объявлять общіе* приговоры, потому что присяжные иногда отвергали преступность дѣйствія, преслѣдуемаго правительствомъ; въ настоящее время, при единствѣ интересовъ общества и правительства, присяжные на практикѣ никогда почти не пользуются своимъ правомъ объявлять *общіе* приговоры. Присяжные во всякомъ случаѣ должны дать единогласное рѣшеніе, къ чему даже понуждаются голодомъ и жаждою. Рѣшеніе ихъ или *вердиктъ* апелляціи не подлежитъ; но главный судья, собирающій присяжныхъ, имѣетъ право признать вердиктъ ничтожнымъ, если онъ несогласенъ съ выводомъ его о значеніи законныхъ доказательствъ; въ такомъ случаѣ онъ собираетъ новыхъ присяжныхъ въ двойномъ числѣ, т. е. 24 человекъ для новаго рѣшенія дѣла.

Англійская система принята и въ сѣверо-американскихъ штатахъ, гдѣ для присяжныхъ требуется, равнымъ образомъ, условіе владѣнія собственностью и обладаніе способностями, не смотря на преобладаніе демократическаго начала въ этомъ законода-

тельствѣ; существенное различіе между Англіей и Америкой состоитъ въ томъ, что въ Америкѣ шерифъ, составляющій списки обвиняющихъ присяжныхъ, или большого жюри, назначается не правительствомъ, а по выбору; а составленіе списковъ малаго жюри возлагается на депутатовъ, избираемыхъ общинами.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію устройства суда присяжныхъ во Франціи. Во Франціи институтъ присяжныхъ развивался исключительно подъ вліяніемъ понятія, что присяжные суть чисто политическое учрежденіе, и потому-то исторія образованія суда присяжныхъ во Франціи представляетъ рядъ непрерывныхъ перемѣнъ въ этомъ учрежденіи. Въ 1791 году званіе присяжныхъ было присвоено всѣмъ лицамъ, уплачивающимъ самый незначительный налогъ; въ 1793 г. выборъ присяжныхъ поставленъ былъ въ исключительную зависимость отъ произвола правительства, въ 1800 году они избирались посредствомъ двойныхъ выборовъ; въ 1815 году званіе присяжныхъ присвоено собственникамъ, уплачивающимъ 300 франковъ налога; въ 1831 году налогъ этотъ уменьшенъ до 200 фр., а съ 1848 г. званіе присяжныхъ присвоено всѣмъ вообще обывателямъ безъ всякаго ценза.

Первоначально во Франціи были учреждены присяжные, по примѣру Англій, трехъ родовъ: *обвиняющіе* (jury d'accusation); *постановляющіе приговоръ* (jury de jugement), и спеціальныя для особыхъ родовъ дѣлъ (*spécial*), какъ-то: о банкротствѣ и подлогахъ и т. п. Не касаясь всѣхъ перемѣнъ въ учрежденіи суда присяжныхъ до изданія въ 1810 г. французскаго кодекса уголовного судопроизводства, мы изложимъ здѣсь однѣ только главнѣйшія черты закона по сему предмету со времени изданія этого кодекса по настоящее время.

По кодексу 1810 года префектъ департамента, за 15 дней до открытія періодическихъ засѣданій ассизнаго суда, составляетъ списокъ 60 присяжныхъ и представляетъ его предсѣдателю ассизнаго суда, который въ теченіе 24 часовъ уменьшаетъ этотъ списокъ до 36 человѣкъ. Такимъ образомъ, чѣмъ шире было право присяжныхъ, тѣмъ шире былъ и произволъ префекта въ ихъ избраніи—и присяжные при этой системѣ были не чѣмъ инымъ, какъ комиссарами префекта.

Такой порядокъ былъ измѣненъ закономъ 2-го мая 1827 г. Этотъ законъ принялъ *два основанія* для избранія въ присяжные: собственность и способности. Для этого установлены *два* общіе списка присяжныхъ: *въ первый* включались всѣ собственники, уплачивающіе не менѣе 300 фр. налога; *во второй* списокъ включались люди образованные и ученые. Изъ этихъ двухъ списковъ префектъ избиралъ ежегодно 200 человѣкъ, а аллеяціонная па-

лата изъ 200 человекъ, назначенныхъ на годъ, выбирала по жребію на каждые три мѣсяца 40 человекъ для періодическихъ засѣданій ассизнаго суда.

Въ 1848 году этотъ порядокъ совершенно измѣненъ. По закону 7-го августа 1848 года ни для избирателей, ни для присяжныхъ не требуется никакого ценза: всѣ обыватели, пользующіеся гражданскими правами, вносятся въ общій списокъ присяжныхъ; изъ нихъ исключаются только лица признаваемые неспособными по закону. Кантональная комиссія, составленная изъ генеральнаго совѣтника кантона, мирового судьи и двухъ членовъ муниципальнаго совѣта, избранныхъ этимъ совѣтомъ, избираетъ изъ общаго списка ежегодный, включая туда одного присяжнаго на 200 человекъ. Изъ ежегоднаго списка президентъ апелляціоннаго суда вынимаетъ по жребію, за 10 дней до открытія ассизныхъ судовъ, имена 36 присяжныхъ и 6 дополнительныхъ присяжныхъ для рѣшенія дѣлъ въ теченіе періодичныхъ засѣданій.

На практикѣ оказалось, что кантональныя комиссіи составляли ежегодный списокъ присяжныхъ весьма небрежно; а такъ какъ административныя власти были вовсе устранены отъ составленія этихъ списковъ, то законодательство имперіи измѣнило этотъ порядокъ закономъ 4-го іюня 1853 года, дѣйствующимъ во Франціи и до настоящаго времени.

По этому закону, равнымъ образомъ, не полагается для присяжныхъ никакого ценза; но общаго списка вовсе не составляется: остался только ежегодный списокъ. Для cadaго департамента назначается по закону опредѣленное число присяжныхъ, вносимыхъ въ ежегодный списокъ: отъ 30—до 200 присяжныхъ, смотря по народонаселенію департамента. Назначенное на *департаментъ* по закону число присяжныхъ префекты департаментовъ распредѣляютъ, по своему усмотрѣнію, по всѣмъ *округамъ* департамента и *кантонамъ* округа. Для составленія ежегоднаго списка присяжныхъ въ опредѣленномъ по закону числѣ въ каждомъ округѣ учреждается двѣ комиссіи: кантональная и окружная; *первая* составляетъ предварительный списокъ, *вторая*—окончательный; первая состоитъ изъ мирового судьи и всѣхъ мэровъ кантона; они избираютъ присяжныхъ въ тройномъ числѣ противъ числа присяжныхъ, причитающагося на кантонъ по распредѣленію префекта; *вторая* комиссія состоитъ изъ префекта или его товарища и всѣхъ мировыхъ судей округа. Эта послѣдняя комиссія избираетъ изъ предварительныхъ списковъ окончательный ежегодный списокъ присяжныхъ, включая туда опредѣленное префектомъ для cadaго округа число присяжныхъ изъ общаго числа присяж-

ныхъ, назначаемаго для департаментовъ. Изъ ежегоднаго списка избираются по жребію въ апелляціонной палатѣ 36 присяжныхъ и 4 дополнительныхъ для періодичныхъ трехмѣсячныхъ засѣданій.

Списки дополнительныхъ присяжныхъ по своему практическому значенію весьма важны; эти списки составляются особо отъ высшихъ списковъ изъ жителей тѣхъ только городовъ, гдѣ собираются ассизные суды. Число присяжныхъ въ дополнительныхъ спискахъ самое назначительное—отъ 50 до 200 человекъ, смотря по народонаселенію города. Они избираются единственно на случай неявки присяжныхъ, включенныхъ въ общій списокъ, и такъ какъ они живутъ въ городѣ, гдѣ собираются ассизы, то явка ихъ не сопровождается никакими особыми затрудненіями.

Не останавливаясь на устройствѣ суда присяжныхъ въ нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ государствахъ Западной Европы, а также и въ Германіи, въ которой, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствуютъ шеффены (институтъ нашему законодательству совершенно неизвѣстный), мы перейдемъ къ разсмотрѣнію суда присяжныхъ въ Италіи, такъ какъ введеніе института присяжныхъ въ этой послѣдней странѣ представляетъ много интересныхъ и для насъ назидательныхъ подробностей.

При введеніи въ 1859 году суда присяжныхъ въ Италіи, законодатели этой страны смотрѣли на этотъ институтъ исключительно съ юридической точки зрѣнія.

Законъ 13-го ноября 1859 г. о судоустройствѣ Пиемонта и присоединенныхъ къ нему провинцій Италіи разсматривался въ теченіе восьми лѣтъ. Первый проектъ, внесенный министромъ юстиціи въ законодательныя палаты 27 мая 1851 года, былъ возвращенъ для дополненія и исправленія и внесенъ вторично 27 декабря 1853 года. Въ этомъ проектѣ не было введено учрежденія присяжныхъ; причина этого, какъ замѣчалъ министр юстиціи, состояла въ томъ, что министерство не рѣшалось сдѣлать изъ вопроса о присяжныхъ кабинетнаго вопроса, какъ потому, что во многихъ частяхъ государства обязанность быть присяжнымъ могла-бы быть принята, какъ весьма тяжелая общественная повинность, такъ какъ мѣстные жители не любятъ, чтобы ихъ постоянно отрывали отъ ихъ обыкновенныхъ занятій; а въ другихъ частяхъ государства присяжные не могли-бы, можетъ быть, исполнять своихъ обязанностей съ тѣмъ душевнымъ спокойствіемъ, которое необходимо для исполненія столь важной должности. Впрочемъ, министр юстиціи изъявлялъ надежды, что приближается время, когда въ Италіи можно будетъ ввести это учрежденіе безъ всякихъ ограниченій.

Коммиссія, коей поручено было разсмотрѣніе проекта судо-

устройства, признала однако, что нѣтъ практическихъ препятствій ко введенію въ Италіи такого учрежденія, которое всѣми считается единственнымъ средствомъ образованія правильнаго суда и что, вообще, соображенія политическія не должны служить причиною къ остановкѣ въ улучшеніи судоустройства, и потому предоставила министру юстиціи вновь сообразить этотъ вопросъ; министръ юстиціи представилъ объ этомъ разномыслии совѣту министровъ, который согласился съ мнѣніемъ комиссіи, и затѣмъ министръ юстиціи 17 мая 1854 года внесъ вновь проектъ судоустройства, въ которомъ, между прочимъ, предположено было учредить и судъ присяжныхъ.

Проектъ этотъ былъ напечатанъ въ журналахъ и возбудилъ большую полемику и возраженія, въ особенности со стороны практиковъ: практики доказывали, что въ Италіи большинство народонаселенія къ учрежденію присяжныхъ не готово; что образованіе еще не развито тамъ до такой степени, чтобы можно было рѣшиться на такое усовершенствованіе суда; что людей, которые могли бы быть присяжными, въ Италіи очень мало; что введеніе этого института остановитъ теченіе судебныхъ дѣлъ и т. п. Одинъ изъ этихъ практиковъ, совѣтникъ апелляціоннаго суда Ж. Р., въ своемъ сочиненіи: *Sul riordinamento giudiziario coi giurati*, доказывая мысль, что Италія еще не готова принять учрежденіе присяжныхъ, ссылаясь на то, что самъ министръ юстиціи признавалъ это еще 27 декабря 1853 года, а менѣе чѣмъ черезъ пять мѣсяцевъ, именно 17 мая 1854 года, самъ внесъ проектъ о судѣ присяжныхъ, причемъ очень удивлялся такой скороспѣлости Италіи въ головѣ министра юстиціи. Кромѣ того, многіе продолжали доказывать и ту общую мысль, что учрежденіе присяжныхъ есть установленіе ультралиберальное и несогласное съ формою конституціоннаго правленія.

Комиссія, учрежденная для разсмотрѣнія проекта судоустройства въ Италіи, отвѣчала на всѣ упомянутыя и подобныя имъ возраженія слѣдующими словами: «справедливо говорятъ, что учрежденіе присяжныхъ, облегчая и смягчая здравое примѣненіе законовъ, составляетъ самую твердую опору правительства. Судъ присяжныхъ устраняетъ всякую мысль о пристрастіи, о произволѣ и притѣсненіи. Правительство, довѣривъ присяжнымъ огромную власть признавать кого-либо виновнымъ въ преступленіи и подвергать его наказанію, законами установленному, ставитъ себя въ счастливую невозможность сдѣлаться притѣснительнымъ и ограждаетъ себя отъ нравственной отвѣтственности за тѣ ошибки или проступки, которые всегда могутъ сдѣлать судьи, избранные правительствомъ и получающіе отъ него жалованье.

Власть опредѣлять наказанія есть самая благодѣтельная, но въ то же время и самая *опасная*: она ограждаетъ общественный порядокъ и обезпечиваетъ свободу и спокойствіе всѣхъ гражданъ; но если эта власть дурно устроена, то она вмѣсто того разрушаетъ общественный порядокъ, стѣсняетъ свободу и уничтожаетъ спокойствіе гражданъ. Эта опасность устраняется учрежденіемъ присяжныхъ, соединяющихъ въ себѣ всѣ тѣ условія обезпеченія, которыхъ напрасно искали бы въ судьяхъ, не смѣняемыхъ, избранныхъ, награждаемыхъ или наказываемыхъ правительствомъ. Знаменитый криминалистъ, которымъ, по справедливости, гордится вся Германія, Миттермайеръ, въ сочиненіяхъ своихъ, изданныхъ въ началѣ своей ученой дѣятельности, приводилъ возраженія противъ учрежденія присяжныхъ и, изучая внимательно это учрежденіе, доказывалъ, что введеніемъ публичнаго или словеснаго судопроизводства, основаннаго на обвинительномъ началѣ, можно достигнуть такихъ результатовъ, что рѣшенія судей, назначаемыхъ правительствомъ, будутъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ справедливости. Мнѣніе свое онъ основывалъ на предположеніи установить законную теорію доказательствъ и обязать судей мотивировать свои рѣшенія. Затѣмъ, въ теченіе болѣе 40 лѣтъ, онъ продолжалъ изученіе свойствъ и значенія судебныхъ рѣшеній въ разныхъ государствахъ Европы, не ограничиваясь однимъ чтеніемъ книгъ, но дѣлая личныя наблюденія во время неоднократныхъ путешествій по Европѣ. То онъ бесѣдовалъ съ судьями, то пригласивался къ общественному мнѣнію, составившемуся между лицами, къ судебному сословію не принадлежащими. Когда въ 1846 г. онъ возвратился въ Италію и имѣлъ новый случай наблюдать въ Тосканѣ и Неаполѣ публичное и словесное судопроизводство безъ присяжныхъ, при содѣйствіи однихъ судей-юристовъ, и кромѣ того имѣлъ много разнообразныхъ сношеній съ судьями, адвокатами и другими обывателями этихъ странъ, то послѣ всего этого онъ провозгласилъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, помѣщенномъ во всѣхъ почти юридическихъ журналахъ, что онъ вполне убѣдился въ томъ, что надежды его на судопроизводство безъ присяжныхъ не сбылись, что народъ не имѣетъ рѣшительно никакого довѣрія къ уголовнымъ рѣшеніямъ судей-юристовъ, и что сіи послѣдніе, какъ они ему объявляли по секрету, разрѣшали дѣла сами, какъ присяжные, по убѣжденію, не смотря на то, что порядокъ назначенія ихъ не представляетъ вовсе такихъ обезпеченій, какъ судъ присяжныхъ. Кромѣ того, Миттермайеръ объявилъ, что бесѣды его съ судьями разныхъ государствъ доказывали ему все болѣе и болѣе, что законная тео-

рія доказательствъ останется всегда пустою формою, а дозволить судьямъ-юристамъ рѣшать дѣла по внутреннему убѣжденію, значило бы изъ судей сдѣлать присяжныхъ, между тѣмъ какъ учрежденіе судей не представляетъ тѣхъ гарантій, которыя внушаютъ всеобщее довѣріе, т.-е. участіе въ рѣшеніи большаго числа голосовъ и, въ особенности, рѣшительное право отвода, предоставляемое обвиняемому. Наконецъ, авторъ прибавляетъ, что въ 1847 году онъ былъ избранъ докладчикомъ комиссіи, составленной изъ юристовъ разныхъ мнѣній, и имѣлъ случай дѣлать новыя изслѣдованія о важности присяжныхъ, переписывался по этому предмету съ своими знакомыми, живущими въ Америкѣ, въ Англии, во Франціи и въ Бельгіи, и въ подробномъ докладѣ многочисленному ученому собранію въ Любекѣ выразилъ свое мнѣніе, что судъ присяжныхъ, своевременно учрежденный, составляетъ лучшее средство для того, чтобы достигнуть въ уголовныхъ дѣлахъ рѣшеній, возбуждающихъ истинное довѣріе; что болѣе 500 человекъ практиковъ изъ всѣхъ германскихъ государствъ согласились при этомъ въ Любекѣ съ его мнѣніемъ; что въ 1849 году въ большей части Германіи введенъ судъ присяжныхъ, и всѣ, вообще, остались довольны дѣйствіями этого суда. Знаменитый писатель, оставляющій мнѣніе, къ которому онъ въ особенности былъ привязанъ, и принимающій противное мнѣніе, при даетъ этому послѣднему такую силу, которая не можетъ не служить лучшимъ основаніемъ къ тому, чтобы откровенно отказаться отъ противоположнаго убѣжденія. Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: *о доказательствахъ въ уголовныхъ дѣлахъ*, написанномъ еще въ то время, когда авторъ сомнѣвался въ своевременности введенія присяжныхъ въ Германіи, онъ, изложивъ со всею силою всѣ возраженія юристовъ-практиковъ противъ суда присяжныхъ, между прочимъ, предлагаетъ вопросъ: могутъ ли эти возраженія поколебать мнѣніе внимательнаго и здравомыслящаго наблюдателя. Мы никакъ этого не думаемъ,—отвѣчаетъ онъ,—потому что аналитическое разсмотрѣніе ихъ доводовъ обнаруживаетъ заблужденіе, и все, что въ этихъ доводахъ заключается существеннаго, только побуждаетъ къ ближайшему разсмотрѣнію этого учрежденія, а это разсмотрѣніе приводитъ къ убѣжденію, что недостатки суда присяжныхъ зависятъ не отъ существа этого учрежденія, а отъ неправильной его организаціи, въ нѣкоторыхъ государствахъ; что судъ присяжныхъ заключаетъ въ себѣ такого рода гарантіи, коихъ нельзя достигнуть при другомъ устройствѣ суда, однимъ словомъ, что судъ присяжныхъ есть единственное средство примирить общественное мнѣніе съ необходимостью справедливаго суда; а противъ преимуществъ суда,

имѣющаго эти обезпеченія, продолжаетъ онъ, нельзя спорить ни одной минуты».

Соображенія, изложенныя въ докладѣ этой комиссiи, послужили основаніемъ ко введенію въ Италіи суда присяжныхъ; законъ объ этомъ послѣдовалъ 13 ноября 1859 г., а судъ присяжныхъ введенъ съ 1 мая 1860 года, и никто не замѣтилъ, чтобы введеніе этого учрежденія остановило или хотя сколько-нибудь замедлило ходъ судебныхъ дѣлъ или, говоря вообще, отправленіе правосудія.

IV.

Обращаясь отъ иностранныхъ законодательствъ къ отечественному и останавливаясь на вопросѣ о слѣпкомъ заимствованіи института присяжныхъ изъ иностранныхъ образцовъ, мы прежде всего считаемъ нужнымъ замѣтить, что заимствовать *слѣпо* можно только то, что совершенно чуждо намъ, между тѣмъ этого далеко нельзя сказать про институтъ присяжныхъ засѣдателей. Мы уже выше видѣли, что институтъ этотъ, хотя и въ иной формѣ, существовалъ и дѣйствовалъ у насъ предъ самымъ началомъ судебной реформы. А эта форма института присяжныхъ, въ свою очередь, имѣетъ за собою у насъ историческія традиціи. Еще во время дѣйствія Русской Правды въ удѣльныхъ княжествахъ судья судилъ въ присутствіи и съ помощью судныхъ мужей, которые представляли собою нѣчто въ родѣ присяжныхъ. Во время дѣйствія судебниковъ Іоанна III и Іоанна IV, т. е. въ періодъ единой державы, московскій судъ, по существу своему, былъ также присяжный, хотя мало развитый. При судѣ намѣстниковъ и волостей были всегда выборные отъ общинъ, сперва подъ именемъ судныхъ мужей, позднѣе подъ названіемъ старостъ и цѣловальниковъ. При Грозномъ многимъ общинамъ, городскимъ и сельскимъ, дано было право судиться только своими выборными людьми, но впоследствии общины утратили это право ¹⁾. Трудно опредѣлить съ точностью по источникамъ, въ чемъ именно состояло содѣйствіе судныхъ мужей короннымъ судьямъ, или княжескимъ чиновникамъ, но, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что старосты и цѣловальники,—люди добрые, люди лучшіе,—представляются, во первыхъ, свидѣтелями того, что происходило на судѣ, и охранителями судебныхъ формъ и обрядовъ, а во вторыхъ, вѣщателями народныхъ обычаевъ, въ которыхъ жило тогдашнее право. Неоспоримо также то, что важ-

¹⁾ См. прилож. къ мѣсяцеслову на 1862 г., статью о тысячелѣтiи Россіи.

нѣйшія уголовныя дѣла предоставлены были разбирательству исключительно выборныхъ людей, губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, сначала въ видѣ привилегій, а со времени Грознаго въ видѣ общаго учрежденія. Существованіе этого учрежденія, хотя не безъ колебаній, продолжалось довольно долго, какъ можно видѣть изъ того, что въ 1684 году велѣно было во всѣхъ городахъ выбрать губныхъ старостъ, которыхъ назначеніе отмѣнено окончательно лишь въ 1702 году ¹⁾). Изъ этого видно, что до преобразованій Петра I-го присяжное начало было у насъ въ ходу, и что ему дано наибольшее развитіе тѣмъ самымъ государемъ, который пользовался безпредѣльно своими самодержавными правами, а именно Іоанномъ Грознымъ. Впрочемъ, мысль о необходимости удержанія на судѣ присяжнаго или, по крайней мѣрѣ, выборнаго начала, никогда не была оставляема вполнѣ нашимъ правительствомъ и отъ времени до времени проявлялась въ различныхъ учрежденіяхъ. Такимъ образомъ, въ 1702 году велѣно было, вмѣсто прежнихъ губныхъ старостъ, вѣдать съ воеводами всякія дѣла городовымъ дворянамъ, по выбору тѣхъ городовъ, помѣщиковъ и вотчинниковъ. Еще прежде того, въ 1699 году предоставлено было посадскимъ людямъ выбирать бурмистровъ въ земскія избы, какъ для суда, такъ и для денежныхъ сборовъ, и къ выбору бурмистровъ были допущены не однѣ свободныя общины, но также дворцовыя волости, села и деревни. Впослѣдствіи на этомъ же основаніи образовались ратуши, изъ коихъ каждая состояла изъ 12 бурмистровъ и изъ нихъ одного президента. Въ 1720 году возникли магистраты, состоявшіе тоже изъ выборныхъ бурмистровъ и ратмановъ, которымъ для совѣщанія о городскихъ дѣлахъ дозволено было призывать «изъ первостатейныхъ и изъ среднихъ людей добрыхъ и умныхъ». Магистраты вѣдали не только гражданскія, но и всѣ уголовныя дѣла. Въ 1761 году однодворцамъ предоставлено было разбираться въ спорныхъ дѣлахъ и ссорахъ мірскимъ сходомъ, состоящимъ изъ старостъ и лучшихъ людей, а на рѣшеніе мірскаго схода подавать апелляцію губернатору. Черносошные крестьяне имѣли также выборное начало, старостъ и сотскихъ, у которыхъ и судились подъ апелляціею губернаторовъ ²⁾). Наконецъ Екатерина II, провозгласивши въ жалованныхъ грамотахъ дворянскому и городскому сословіямъ, что дворяне и городскіе обыватели судятся одними равными себѣ, изъ среды ихъ избранными, вмѣстѣ съ тѣмъ провела эту мысль и черезъ все учрежденіе о губер-

¹⁾ Исторія судебныхъ инстанцій, отъ судебника до учрежденія о губерніяхъ, соч. Дмитриева.

²⁾ Ibid.

ніяхъ, въ которомъ избирательное начало соединяется съ правительственнымъ. Учрежденіе это, дѣйствующее въ главныхъ основаніяхъ и по настоящее время, было дополнено въ позднѣйшія царствованія уставами для сельскихъ управленій, предоставляющими сельскимъ обывателямъ, въ составѣ волостныхъ и сельскихъ расправъ, судъ о маловажныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, а въ составѣ цѣлыхъ обществъ—удаленіе изъ мѣста жительства людей порочнаго поведенія, оказавшихся неисправимыми, или оставленныхъ въ подозрѣніи по суду въ важныхъ преступленіяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ нынѣ законовъ присяжное начало совершенно ясно опредѣляется. Такимъ образомъ, по закону о судѣ надъ членовредителями, если изъ податного общества, къ коему членовредитель принадлежитъ, двѣнадцать человѣкъ, не отведенныхъ обвиняемымъ по правиламъ объ отводѣ свидѣтелей, подъ присягою покажутъ, что увѣче причинено имъ себѣ съ намѣреніемъ избѣгать рекрутства, то онъ признается членовредителемъ умышленнымъ (свод. 1857 г. т. IV уст. рекр., ст. 775), и по такому приговору общества, утвержденному губернаторомъ, подвергается опредѣленному членовредителямъ наказанію (т. XV зак. суд. уголов., ст. 835 и 736). По закону, изданному въ 1851 году, обществамъ мѣщанскимъ предоставляется право постановлять приговоры, какъ объ употребленіи исправительныхъ мѣръ противъ порочныхъ мѣщанъ, такъ и объ окончательномъ исключеніи ихъ изъ общества. Приговоры эти составляются или мѣщанскими депутатами, гдѣ таковыхъ положено выбирать, или наличными домохозяевами въ числѣ не менѣе двадцати четырехъ, если общество состоитъ изъ большого числа членовъ, а въ противномъ случаѣ не менѣе, по крайней мѣрѣ, двухъ третей членовъ общества. Явившіеся въ собраніе члены или депутаты мѣщанскаго общества, предварительно приводятся къ присягѣ въ томъ, что они будутъ разсматривать предоставленный имъ на обсужденіе предметъ безъ всякаго лицепріятія. Члены собранія не могутъ быть отводимы по подозрѣніямъ, но, для огражденія обвиняемаго, онъ долженъ быть призываемъ въ собраніе для принесенія своихъ оправданій, и по указанію его надлежитъ выслушивать и тѣхъ членовъ общества, которые, хотя не участвуютъ въ собраніи, но находятся на лицѣ въ городѣ или посадѣ. Для дѣйствительности приговора требуется, чтобы онъ былъ постановленъ по большинству двухъ третей присутствующихъ въ собраніи членовъ ¹⁾).

¹⁾ Дѣло о преобр. суд. части т. XVII записка Буцковскаго объ основныхъ началахъ уголовного судопроизводства, стр. 44 и слѣд.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что для того, чтобы ввести у насъ присяжное начало, слѣдовало только улучшить и узаконить нѣчто, уже существовавшее у насъ. Творцы Судебныхъ Уставовъ такъ и сдѣлали: они, вопреки взведеннымъ на нихъ обвиненіямъ, не списывали съ иностранныхъ образцовъ, они глубоко и тщательно обдумывали каждый шагъ. Если мы сравнимъ иностранныя законодательства относительно присяжныхъ засѣдателей съ дѣйствующими у насъ узаконеніями, то увидимъ огромное принципиальное различіе по самымъ основнымъ вопросамъ института: по составленію списковъ засѣдателей, по отношенію присяжныхъ къ предсѣдателю и сторонамъ, по способу постановки вопросовъ, по способу постановленія приговора присяжныхъ и т. д. Вездѣ въ нашемъ законодательствѣ мы найдемъ оригинальныя, своеобразныя черты; и во многихъ детальныя вопросахъ наше законодательство отстываетъ отъ иностранныхъ, при чемъ иногда постановленія нашего законодательства гораздо гуманнѣе и цѣлесообразнѣе. Такъ, напримѣръ, почти всѣми иностранными законодательствами рѣшается утвердительно вопросъ о томъ, могутъ-ли присяжные, удаляясь въ особо назначенную для нихъ комнату для постановленія приговора, взять съ собою какіе-либо документы. У насъ этотъ вопросъ рѣшается отрицательно. Въ основу такого рѣшенія этого вопроса были положены слѣдующія глубокія соображенія: «У насъ передача какихъ-либо актовъ предварительнаго слѣдствія присяжнымъ была бы тѣмъ болѣе опасна, что большинство нашихъ присяжныхъ едва-ли будетъ имѣть достаточное образованіе, для самостоятельной ихъ оцѣнки. Въ присутствіи присяжныхъ, состоящемъ частію изъ такъ называемыхъ письменныхъ людей, а частію изъ людей неграмотныхъ, вліяніе первыхъ сдѣлается неотразимымъ, коль скоро они будутъ вооружены какими-либо письменными документами. Извѣстно, какое значеніе придаютъ наши простолюдины каждой писанной строкѣ, независимо отъ ея содержанія. Вообще, трудно представить себѣ возможность диспута между такими присяжными, изъ коихъ одни, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, предъявляютъ документъ, недоступный для другихъ. Говорятъ, что не слѣдуетъ лишать присяжныхъ возможности имѣть подъ рукою нѣкоторые акты слѣдствія, основываясь на одномъ невѣроятномъ предположеніи, что средство это можетъ быть употреблено во зло грамотными присяжными. Дай Богъ, чтобы это предположеніе дѣйствительно оказалось невѣроятнымъ. Но какъ законодательству несвойственны никакія оптимистическія иллюзіи, то оно и не можетъ пренебрегать никакими мѣрами, ограждающими отъ злоупотреб-

лений устанавливаемый имъ порядокъ. Кромѣ того, врученіе документовъ предварительнаго слѣдствія тѣмъ присяжнымъ, которые въ состояніи ими пользоваться, опасно не только въ томъ предположеніи, что, такимъ образомъ, можетъ быть усилено вліяніе недобросовѣстныхъ дѣйствій, но также и въ предположеніи неправильнаго, хотя и добросовѣстнаго толкованія тѣхъ самыхъ актовъ, которыхъ смыслъ установленъ судебными преніями. Наконецъ, ко всему этому должно присовокупить, что если будетъ постановлено о передачѣ актовъ слѣдствія присяжнымъ, то нѣкоторые изъ нихъ, рассчитывая на возможность прочесть акты, были бы менѣе внимательными къ происходившему на судѣ слѣдствію» ¹⁾).

Такія же глубокія теоретическія и практическія соображенія руководили творцами судебныхъ уставовъ при разрѣшеніи многихъ другихъ вопросовъ лучшаго устройства суда присяжныхъ.

В. Бияштокъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

¹⁾ См. цитир. выше Журн. Гос. Сов. 1862 г.

ВЗЫСКУЮЩЕ ГРАДА.

(ИЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ НАДЪ РУССКИМЪ ЧИТАТЕЛЕМЪ).

...Вотъ уже скоро шесть часовъ, какъ я сижу въ этомъ душномъ и неуклюжемъ ящикѣ, который зовется вагономъ третьяго класса Варшавской желѣзной дороги, шесть долгихъ и мучительно однообразныхъ часовъ, которыхъ не скрашиваютъ и пестрыя картины, мелькающія, словно въ калейдоскопѣ, по обѣимъ сторонамъ въ окнахъ вагона. Какъ извѣстно, для петербуржца, очумѣвшаго отъ суеты въ теченіе зимнихъ девяти мѣсяцевъ, нѣтъ сильнѣе наказанія, какъ пребываніе глазъ на глазъ съ самимъ собою. Въ такія то мгновенія всегда, откуда то изъ глубины души, всплываетъ то какая-либо старая, быть можетъ, полузабытая въ суетѣ, но еще острая боль,—отзвукъ пережитого и пережитываемаго, то щемящее, мучительное ощущеніе неудовлетворенности, недовольства прошлымъ и настоящимъ, недовольство окружающимъ и въ особенности недовольство самимъ собой. Въ минуты такого настроенія всѣ завѣтные планы кажутся какъ-то неисполнимыми, и самыя задушевные стремленія такими далекими отъ цѣли. Обрывки мыслей, разрозненные образы далеко не одинаковой яркости быстро мелькаютъ въ душѣ, сочетаясь въ самыхъ разнообразныхъ ассоціаціяхъ,—мелькаютъ вотъ какъ эти картины, видимыя изъ окна несущагося вагона. Близкіе предметы,—кусты, деревья, камни, сторожевыя будки, стремительно несутся назадъ; вотъ эта береза, такая раскидистая, стройная, съ вѣтвями, изогнутыми столь своеобразно, отодвигаясь, вдругъ словно съеживается, сжимается и вдали теряетъ свою индивидуальность, сливается съ безконечной зеленой полосой на горизонтѣ. А тамъ, на этомъ горизонтѣ, тусклые образы, подернутые дымкой тумана, какъ будто несутся впередъ и уходятъ изъ глазъ медленно, словно нехотя. Только бѣлое облачко надъ лѣсомъ, нѣжно выступая на голубомъ фонѣ, вотъ уже сколько времени плыветъ впередъ и впередъ, съ такою же скоростью, какъ и самый поѣздъ, оставляя позади, за собою, и де-

ревья, и кусты, и избушки, и цѣлыя селенія. Во всей этой мелькающей панорамѣ такое облачко, долго и неподвижно стоящее передъ вашими глазами, производитъ впечатлѣніе также чего то неотвязнаго, мучительнаго. Оно какъ то соотвѣтствуетъ тому настроенію, какое вы чувствуете внутри себя и отъ котораго не можете освободиться.

Читать какъ то не хочется, но, не зная куда дѣваться отъ своихъ думъ, невольно развертываешь газету и быстро пробѣгаешь глазами столбецъ за столбцомъ. Ахъ, какъ это скучно! Все тоже, все тоже вотъ уже въ теченіе цѣлыхъ десяти, а то и больше лѣтъ. Тотъ же пестрый калейдоскопъ съренькихъ, похожихъ на далекую старину, фактовъ, «миѣній», предположеній, разсужденій pro et contra по ихъ поводу и—опять таки мучительно щемящее чувство, возбуждаемое невольнымъ сопоставленіемъ ихъ и анализомъ. Пишутъ, что сахарозаводчики, устроившіе «спасительный» для всей Россіи вообще, а для рабочихъ въ особенности синдикатъ, все еще не находятъ его результатовъ достаточною наградой за свое самоотверженіе. Пишутъ о циркулярѣ тамбовскаго губернатора и о совѣтѣ его земскимъ начальникамъ, чтобы тѣ приучали «лѣниваго и безпечнаго» мужика къ заботамъ о его собственномъ благополучіи и благосостояніи посредствомъ «принудительныхъ, но сердечно примѣняемыхъ мѣръ», до сердечнаго тѣлеснаго наказанія включительно. Пишутъ о провалѣ городского ломбарда, объ учрежденіи новыхъ штатовъ полиціи въ такой то палестинѣ. Мелькаетъ цѣлый рядъ вопросовъ,—рабочій, переселенческій, женскій, восточный,—при чемъ о нихъ разсуждаютъ такъ, что невольно какъ то вспоминаешь Бэду-проповѣдника. Даже и тонъ выработался какой то особенный, словно все, что говорится, въ одно и тоже время и ни къ чему, и къ чему, и важно и не важно. Прочтешь одинъ номеръ одной газеты,—тоже найдешь и въ другомъ номерѣ другой, и въ третьей и такъ далѣе, съ какиминибудь небольшими вариациями, вродѣ того, что такая то газета травитъ жида, а такая то травитъ земца, а такая то ищетъ опасность въ обществѣ грамотности или въ комиссіи народныхъ чтеній... Нѣтъ. положительно лучше ничего не дѣлать, ничего не читать, ни о чемъ не думать, запрятать газеты куданибудь подалеже и уйти съ головой въ буддійское созерцаніе окружающаго.

И правда, неужели російскій интеллигентный читатель еще не отвыкъ за десятки то лѣтъ бѣгать глазами по этимъ печатнымъ простынямъ и искать, искать чего-то, для него нужнаго, и вверху, и внизу, и на строкахъ, и между строкъ? Да, не отвыкъ. — я на себѣ это чувствую. А искать между строкъ. —

что ни годъ, то привыкаетъ все больше и больше людей, начиная отъ князя Мещерскаго и кончая широкой публикой. Что же дають эти исканія? Дали ли они отвѣтъ на какой-либо вопросъ? Не лучше ли посмотрѣть на все окружающее и поискать отвѣта именно здѣсь, въ этой пестрой и шумной толпѣ. Закупоренный ящикъ вагона, полный самой разнообразной и пестрой публики, начиная отъ чистой, очевидно переправляющейся на дачи, и кончая торговымъ и рабочимъ людомъ, спѣшащимъ куда-то по дѣламъ, кажется мнѣ по временамъ какимъ-то движущимся садкомъ, куда набралось всевозможной рыбы со всего житейскаго моря.

Противъ меня въ вагонѣ помѣстились и весело щебетали двѣ молоденькія барыни, похожія на трясогузокъ, такія изящныя, воздушныя и подвижныя, не смотря на свой дорожный костюмъ и кучу багажа. И сверху, и снизу онѣ обложились узелками и кардонками, запихали ихъ подъ сидѣнье, втискали на полки, положили большой узелъ и пледъ чуть ли не на колѣни ко мнѣ и затѣмъ щебетали и щебетали, неустанно вертятся и подпрыгивая на своей вертикальной оси. Сквозь стукъ и грохотъ вагонныхъ колесъ до меня то и дѣло долетали всевозможныя междометія и отдѣльныя слова: «Яковлевъ, ахъ! Мазини, ахъ!.. Фигнеръ, Фигнеръ!» Я мысленно благодарилъ и Мазини, и Яковлева и Фигнера, что они дають столько матеріала для разсужденій и очевидно и для мышленія такихъ милыхъ головокъ, какъ эти, потому что вотъ уже почти шесть часовъ, съ самаго отъѣзда изъ Петербурга, я слышалъ все тѣ же имена: «Яковлевъ, ахъ! Фигнеръ, Фигнеръ»...

Позади же меня разговоръ шель о высокихъ матеріяхъ. Первоначально я лишь слышалъ, что тамъ кто то все чавкаетъ и что то хруститъ. Затѣмъ бабій голосъ высказалъ сожалѣніе, что въ этомъ году раковъ уродилось очень мало. На это другой голосъ, мужской, отчеканенный, авторитетный, произнесъ многозначительно: «кто-жъ ихъ знаетъ, — когда какъ!» Снова хрустѣнье и опять вопросъ:

— А отчего это у рака хвостъ названъ шейкой?

— Потому, что это шейка и есть, — слышу авторитетный отвѣтъ. Монашекъ одинъ мнѣ этта сказывалъ, что голова у рака сначала и вправду на шейкѣ сидѣла. Да вотъ ракъ прогнѣвилъ Господа, — за это и переставили его голову къ хвосту...

— Ой! Да какъ же такая тварь могла прогнѣвить Господа? Въ бабьемъ голосѣ прозвучала сильная нота сомнѣнія.

— А, извѣстно, могла. Послѣ потопа всемірнаго ракъ первый

поползъ изъ Ноева ковчега. А это не ему было положено. Тогда и переставили ему голову.

— А! А!

— Оттого вотъ теперь ракъ и пятится шейкой впередъ, а голова смотреть назадъ *).

Снова раздалось хрустѣнье и затѣмъ опять бабій голосъ:

— И гдѣ же это монашекъ могъ узнать-то?

— Гдѣ?! Извѣстно, въ книгахъ. Тамъ все прописано...

Наискось отъ меня сидѣли четыре человекъ, больше всего привлекшіе къ себѣ мое вниманіе. На одной скамьѣ сидѣли два парня въ фуражкахъ съ синимъ бархатнымъ околышемъ. Одному парню, казалось, было лѣтъ двадцать пять, другому лѣтъ тридцать.

Тотъ, что помоложе, былъ одѣтъ въ черное драповое пальто, широкое, неуклюжее, и самъ казался отъ этого какимъ то четырехугольнымъ. На старшемъ былъ одѣтъ сѣрый «пинжакъ», изъ подъ котораго сквозила синяя рабочая блуза, довольно таки засаленная. Оба были въ высокихъ сапогахъ. У того и другого кожа рукъ была пропитана чѣмъ то чернымъ, что, очевидно, не поддавалось никакому мытью. У старшаго на лѣвой рукѣ, какъ я замѣтилъ, не было двухъ пальцевъ,—мизинца и безымяннаго. Лицо молодого положительно сразу же поразило меня вдумчивымъ, глубокимъ выраженіемъ своихъ глазъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣли на все окружающее какъ то просто и ясно. Особенный отпечатокъ кляло на это лицо то, что между бровями чернѣла глубокая складочка, а правая бровь нѣсколько была приподнята. Во время нашей продолжительной дороги я очень часто взглядывалъ на это лицо, въ которомъ мнѣ нравилось все:— и высокій лобъ, и прямой красивый носъ, и энергично очерченный подбородокъ, покрытый русой, шелковистой бородкой. И въ теченіе долгихъ часовъ пути лицо сохраняло почти неизмѣнно свое задумчивое выраженіе. Товарищъ этого человекъ былъ высокій, рослый дѣтина, съ угрюмымъ лицомъ, которое по временамъ принимало даже злое выраженіе, съ черными, глубоко посаженными глазами, съ черной бородой, дѣлавшей ея обладателя еще болѣе мрачнымъ и угрюмымъ... Обоихъ этихъ пассажировъ я сразу же принялъ за мастеровыхъ, и, какъ потомъ оказалось, не ошибся. Тотъ, что помоложе, во все время пути, пока было свѣтло, усердно читалъ, шевеля губами, какую то книжку. Я видѣлъ, что на полкѣ, среди багажа, лежатъ у него еще нѣсколько толстыхъ книгъ. На корешкѣ одной книжки я съ удивленіемъ прочелъ «Cours élémentaire de la langue française», не помню

*) Въ точности записано со словъ говорившаго.

чей,—кажется Марго. Тотъ мастеровой, который былъ постарше, больше мечталъ.

Противъ этихъ двухъ пассажировъ сидѣли два, повидимому, торговца,—одинъ низенькій, толстый, съ рыжей окладистой бородой и свинными глазками; другой—средняго роста, плотный мужчина съ усами, одѣтый довольно прилично. Почти отъ самаго Петербурга толстый купецъ принялся за чаепитіе, къ которому вскорѣ пригласилъ и своего сосѣда. Долгое время до меня долетали отрывочныя слова о погодѣ, объ урожаѣ, о какомъ то убійствѣ, подробно описанномъ въ «Петербургскомъ Листкѣ», о японцахъ и китайцахъ. Но мало по малу разговоръ перешелъ на другія темы.

— А вы сами то кто будете?—спросилъ сильнымъ голосомъ купецъ своего сосѣда.

— Мы изъ Кіевской губерніи, служимъ въ конторѣ рафинаднаго завода братьевъ Кроликовыхъ,—отвѣчалъ тотъ. Онъ говорилъ ровно, мягко, довольно тихо. Его голосъ рѣзко отличался отъ силлага голоса купца.

— Бойко у васъ дѣла идутъ?

— И! Дѣла очень хороши! Благодареніе Господу! Семь лѣтъ тому назадъ нашъ заводъ изъ одного флигелька состоялъ. Ну, работало тамъ человѣкъ пятьдесятъ, восемьдесятъ рабочихъ. Только и всего.

— А теперь?

— Теперь нашъ заводъ—машина. Два громадныя корпуса надъ Днѣпромъ, тысяча человѣкъ рабочихъ, не считая тѣхъ, что на свекловичныхъ плантаціяхъ, свой подѣздной путь къ вокзалу—это въ прошломъ году выстроили,—обошелся сто тысячъ рублей, двѣ паровыя машины по семидесяти силъ, шесть выпаривательныхъ приборовъ, электричество... Такъ дѣла пошли,—рѣдко у кого такъ идутъ.

— Много готовите?

— Въ прошломъ году полтора милліона пудовъ рафинаду, почти три милліона сахарныхъ головъ, хе, хе!..

— Знаемъ вашъ сахаръ. И имъ тоже торгуемъ. Хорошій товаръ.

— А гдѣ берете?

— Черезъ Мустерштюка выписываемъ.

— Знаю, знаю.

Молчаніе. Вагонъ дребезжитъ и несется. За стѣной уже раздается храпъ. Двѣ барыньки выпрыгнули на какой то промежуточной дачной станціи. Изъ за далекихъ низкихъ тучъ на гори-

зонгѣ выдвинулся огненно-красный шаръ заходящаго солнца и сразу освѣтилъ вагонъ оранжевыми лучами.

— А по какой нуждѣ въ Питеръ изволили ѣздить?—спова спросилъ купецъ.

— Такъ, у насъ тамъ одна небольшая заминка вышла,— порученіе мнѣ давали къ одному человѣчку.

— Какая же заминка? — довольно таки назойливо продолжалъ приставать купецъ. Собесѣдникъ его, повидимому, сначала не хотѣлъ отвѣчать, но, затѣмъ, послѣ небольшой паузы, все же сказалъ:

— Такъ, несчастный случай вышелъ.

При этихъ словахъ, пассажиры, сидѣвшіе визави съ говорившими, оглянулись. Молодой отвелъ глаза отъ книги. Купецъ нѣкоторое время молчалъ. Но, очевидно, молчаніе такъ тяготило его, что въ концѣ концовъ, даже подмѣтивъ свою назойливость, онъ опять спросилъ:

— А какой же это случай?

— Несчастіе,—въ одинъ день двухъ человѣкъ у насъ машинами убило. Такая страсть, прости Господи!

Купецъ вытаращилъ глаза. Чтобы удобнѣе было слушать, я растянулся на освободившейся скамьѣ. Очевидно, сейчасъ мнѣ предстояло услышать кое-что объ интимной жизни сахарнаго и рафинаднаго завода. Но разказчикъ, повидимому, не обладалъ никакимъ желаніемъ все рассказывать и объяснять.

— Вотъ несчастіе. сочувственно произнесъ купецъ.—Заразъ двоихъ убило? Какъ же это такъ? Одной машиной?

— Нѣтъ, не заразъ... Въ разныхъ отдѣленіяхъ...

Затѣмъ, какъ бы спохватившись, конторщикъ вдругъ сказалъ:

— Да что вамъ рассказывать? Въ газетахъ все описано, тамъ и читайте.

Любопытство купца было раздражено до крайности. Мастеровые тоже слушали очень внимательно.

— Да гдѣ ужъ мнѣ газету искать,—сказалъ купецъ.—Лучше вы расскажите. Значить, не секретъ, если въ газетахъ описано...

Но разговоръ начался не раньше какъ черезъ нѣсколько минутъ. Сначала разказчикъ какъ будто бы чего-то опасался, но затѣмъ самъ же первый прервалъ молчаніе.

— Да, было страсти. Сижу я этакъ въ конторѣ, обѣда поджидаю. До обѣда еще часа полтора остается. Вдругъ слышу гудокъ. Смотрю въ окно,—изъ слесарни народъ бѣжитъ. И я вскочилъ и побѣжалъ. «Что такое?» спрашиваю. «Человѣка у машины убило!» кричитъ мнѣ Иванъ Семенычъ, другой контор-

щикъ. Я бѣжать со всѣхъ ногъ къ машинѣ. Бѣжать не близко. И народъ туда бѣжитъ. Машина ужъ остановлена. У насъ въ одномъ отдѣленіи съ нею и насосы воздушные поставлены, которыми воздухъ изъ вакуумъ-аппаратовъ выкачиваютъ. Вотъ такъ машина стоитъ, а къ сторонкѣ немного—двойной насосъ. Къ нему отъ машины идетъ толстый желѣзный валъ, этакъ на полъ-аршина отъ пола. Такая тѣснота въ отдѣленіи, что и сказать не могу. У насъ на заводѣ и всегда-то очень жарко, а тутъ и дышать нельзя. И директоръ тутъ, и мастеръ, и инженеръ-механикъ. А на полу вотъ у этого самаго вала, по ту сторону его,— вотъ такъ, перекинувшись, голая баба лежитъ. И молодая такая, красивая; какъ-то вся вотъ скрючилась неловко, руку назадъ откинула, щекой прямо на каменный полъ. А на полу кровь,— такъ цѣлая лужа крови. Какъ сейчасъ помню, черная, густая кровь, въ одномъ мѣстѣ и въ другомъ. И на лицѣ кровь,— такъ черезъ всю щеку кровяная жилка. Глаза закрыты, не дышетъ. А на всемъ валу желѣзномъ какія-то тряпки намотаны. Тутъ у этого самаго вала стоитъ желѣзный тоже столбъ. Вижу и на немъ кровь. И, не приведи Боже, какъ страшно. А рабочіе,— они у насъ народъ все глупый, все бѣлоруссы,— всѣ съ своихъ мѣстъ поразбѣжались. Прибѣжить этакъ голышомъ къ двери,— у насъ на рафинадныхъ многіе голышомъ работаютъ,— протолкается, заглянетъ на покойницу и драла—боится. И на волосахъ я вижу кусокъ чего-то бѣлаго... Рядомъ со мной директоръ стоитъ, и слышу я, какъ онъ говоритъ механику: «Нужно скорѣе унести!» «Не имѣемъ права, отвѣчаетъ тотъ, надо сначала, чтобы протоколъ составили!» Вижу я, что директоръ сердится: «Ахъ, оставьте пожалуйста, ваши права. Она еще жива, нужно ее въ больничный покой!»—«Но вѣдь она мертва!» говоритъ механикъ. «А я вамъ говорю, что она жива! еще больше сердится директоръ. Чтò вы самыхъ простыхъ вещей не понимаете!» Я то нялъ, чего хочетъ директоръ. Но механикъ нашъ хоть понимай-не понимай, а все же долженъ былъ слушаться. Принесли носилки какія-то, положили на нихъ тѣло. Директоръ все утверждаетъ вслухъ:—«дышетъ, дышетъ! несите скорѣе!» А я вижу, что ему хочется перенести тѣло, пока еще полиція не пришла. Это ужъ всегда такъ дѣлается.

— А зачѣмъ такъ?—спросилъ купецъ.

— Ну, подумайте сами, развѣ можно заводу день или два стоять? Вѣдь полиція когда еще можетъ собраться придти.

— А почему же такое несчастіе случилось?—допытывался купецъ.

— Да очень просто. Бабѣ-то и не мѣсто въ машинномъ

отдѣленіи. И бѣсъ ее што ли попуталъ гѣзть къ машинному валу. Вишь ты, она мыла полъ, подошла значить къ валу, ну, платье и замотало на валъ, а ее этакъ захватило и стукнуло со всего маху головой о столбъ, а потомъ объ полъ.

— Голову и пришибло?—спросилъ опять купецъ.

— Страшно сказать, какъ. Лѣвый високъ въ дрызгъ разбилъ,—на мелкія косточки, Мозгъ такъ и вылетѣлъ кусочками, а кровь полилась. А одежду съ бабы такъ всю машина и стащила.

Я съ содроганіемъ сердца слушалъ этотъ разсказъ. Дѣйстви-тельно, все случилось «оченно просто». И именно въ этой то про-стотѣ и было нѣчто ужасное.

— А отчего чехля на валу не было?—вмѣшался въ разговоръ тотъ пассажиръ, который помоложе.

— Кто-жъ его знаетъ, отчего?—сказалъ разсказчикъ.—По-томъ и чехоль сдѣлали.

— У нихъ-то, на сахарныхъ заводахъ, не всѣмъ сладко приходится!—вмѣшался въ разговоръ и другой рабочій.

Эти слова онъ сказалъ довольно громкимъ и весьма рѣзкимъ голосомъ. Замѣчаніе, по всей видимости, весьма не понравилось разсказчику. Но онъ удержался и сдѣлалъ видъ, что не желаетъ даже говорить съ авторомъ замѣчанія.

— Ну, что же,—продолжалъ спрашивать купецъ.—Померла тутъ же? Мужъ послѣ нея остался, дѣти?

— Остались и дѣти, и мужъ.

— Чтожъ, за увѣче заплатили? Вѣдь должны бы заплатить!

— Чего должны! Сама неосторожна то была да неловка. Вѣдь мыли же другія бабы тотъ же полъ, да ничего, — живы остались.

— Вы то всѣ тамъ больно ловки,—опять вставилъ свое словечко старшій мастеровой и сурово посмотрѣлъ на говорившаго. Но тотъ опять почтилъ его нулемъ вниманія.—Это такой народъ, рабочіе, скажу я вамъ,—продолжалъ онъ,—что съ ними нужно пожить да пожить! Нашъ директоръ, хоть и не долженъ бы былъ платить, а семьсотъ рублей далъ и за погребеніе заплатилъ. Мужиченко пьяница-распьяница. Зараньше можно знать, что всѣ деньги пропьетъ и дѣтямъ ничего не оставитъ.

— У васъ небось, что ни рабочій, то пьяница! — вставилъ опять свое словечко мрачный мастеровой, который, повидимому, чѣмъ дольше слушалъ разсказъ, тѣмъ болѣе приходилъ въ ражъ.

— А позвольте,—мягко спросилъ конторщика другой масте-ровой, — отчего-же вы инымъ путемъ дѣтей не позаботились обезпечить? Вѣдь если заводъ не долженъ платить, такъ зна-

читать эти 700 рублей онъ какъ бы дарить; значить, его воля, какъ подарить ихъ,—положили бы эти деньги въ банкъ на имя дѣтей, а то бы земли купили на ихъ же имя.

— Эге! Вѣдь отецъ—ихъ опекунъ. Да и есть-же намъ время возиться...—отвѣчалъ конторщикъ.

— Вотъ оно то то и есть!—вставилъ опять свое словечко мрачный мастеровой.

— Ну, такъ извольте видѣть—дальше продолжалъ рассказчикъ, опять не обращая вниманія на эти слова: никогда у насъ этихъ несчастіевъ не было. Такъ только, иногда, ну палецъ тамъ оборветъ или что такое...

— Что палецъ то оторветъ,—это у нихъ ни за что не считается!

Дѣлая это замѣчаніе, мастеровой поднялъ свою изуродованную руку, уже прямо обращаясь ко мнѣ. Но рассказчикъ очевидно рѣшилъ подавить его своимъ презрѣніемъ и продолжалъ:

— Да, а тутъ вотъ въ одинъ день случилось два: центрофугой еще одного убило.

— Это что за центрофуга?—спросилъ купецъ.

— Такой чанъ, очень быстро вертящійся и весь въ рѣшеткахъ. Здѣсь сахарный песокъ отъ патоки отдѣляютъ. И какъ скоро вертится—нѣсколько тысячъ разъ въ минуту. Рабочимъ строго на строго запрещается мѣшать въ этомъ чану. Да вѣдь имъ что ни говори,—ничего они не понимаютъ. А тамъ за нихъ и отвѣчай. Вотъ одинъ и помѣшалъ такъ то деревянной лопаткой.

— Ну и что-жъ изъ того?

— А то, что тутъ же и упалъ и Богу душу отдалъ. Даже крикнуть не успѣлъ. И крови немного вышло: небольшая пробоинка вотъ здѣсь (рассказчикъ указалъ на грудь, гдѣ сердце)—только и всего.

— Ахъ, ты Господи! Вотъ дѣла!

— Да, были дѣла, не приведи Боже! И слѣдствія тутъ сколько. и инспекторъ прискакалъ, и полиція...

— Жмутъ, поди?

— Э, полиція еще ничего,—къ той привыкли. Знаютъ, какъ съ ней говорить.

— Еще бы вамъ не знать! Обдираете потребителя всякими нормировками, да чтобы разговаривать не умѣли! Эхъ вы, друзья отечества!

Тутъ ужъ и купецъ не вытерпѣлъ, какъ то сразу вздулся, словно волъ, покраснѣлъ и оскалилъ зубы:

— Ты чего въ чужой разговоръ лѣзешь?—воскликнулъ онъ.—

Добрые люди промежъ себя говорятъ, а тебя и знать не хотятъ. Вотъ еще какой выискался. Туда же ученые слова говорить: «вормировки», «потребители». Вотъ еще какой ученый выискался!

— Кто изъ насъ еще не понимаетъ,—неизвѣстно! громко и еще рѣзче произнесъ мрачный мастеровой, не обращая никакого вниманія на то, что его товарищъ усиленно дергаетъ его за рукавъ.— Вы, что ли, ученые то? Что котелки-то носите, такъ и учеными стали? Вотъ, господинъ,—обратился тогда говорившій уже прямо ко мнѣ,—какъ они на нашего брата смотрятъ, словно у насъ и своихъ понятіевъ нѣтъ. А намъ ли наше *экономическое положеніе* не понимать, если на себѣ его чувствуемъ?

— Хе, хе!—засмѣялся и конторщикъ.—Тоже похвастанъ хочеть, что «экономическое положеніе»,—экое словечко-то—знаеть!

— Да, знаю. А вы вотъ, хоша и на сахарномъ заводѣ конторой управляете, а все жъ не сможете самаго простого слова растолковать... Ну знаете ли вы, что есть за слово «отечество»?

Такимъ оборотомъ рѣчи я рѣшительно былъ заинтересованъ, а тѣ, къ кому относился вопросъ, были поставлены имъ въ тупикъ. Но, чтобы не показаться смѣшными въ моихъ глазахъ, купецъ пренебрежительно отвѣчалъ:

— Намъ то очень хорошо извѣстно, что есть отечество.

— Ну такъ скажи, что?

— Дурацкія вещи спрашиваешь! И отвѣчать то тебѣ не стоить!—небрежно сказалъ купецъ, даже не смотря на спрашивающаго.

— А вотъ ты скажи, тогда мы и—посмотримъ, дурацкія ли?

— Извѣстно, отечество—Россія.

Мастеровые засмѣялись.

— Вотъ то то оно и есть! Я про Ерему, а ты про Кузьму. Я не про то тебя спрашиваю, какое у тебя отечество. Ты скажи мнѣ, почему его такъ называешь.

— Потому, что я російскій почетный гражданинъ и родился здѣсь.

Купецъ очевидно хотѣлъ порисоваться своимъ званіемъ «почетнаго». Собесѣдники это замѣтили и подняли опять его на смѣхъ.

— Что мнѣ изъ того, что ты почетный. А что ты въ Россіи родился, — это ничего не доказываетъ. Мало-ли и поляковъ, и евреевъ, и нѣмцевъ здѣсь родится. Да и тебя твоя матушка могла вѣдь произвести на свѣтъ гдѣ нибудь за границей.

Купецъ начиналъ сердиться. И общій смѣхъ, и общее вниманіе поставили его въ неловкое положеніе. Изъ-за скамеекъ

выглядывали фізіономіи другихъ пассажировъ, которымъ, очевидно, надоѣло созерцать въ окно широкую панораму, все больше и больше погружавшуюся въ темноту. Конторщикъ деликатно молчалъ, впрочемъ изображая все время на своемъ лицѣ прежнее пренебреженіе. Я не могъ удержаться отъ улыбки. Чувствуя всю выгоду своего положенія, мрачный пассажиръ наступалъ все энергичнѣе на своего противника и уже прямо съ презрѣніемъ смотрѣлъ на него.

— Да что мнѣ съ тобою толковать-то!—воскликнулъ купецъ, лицо котораго опять какъ то раздулось и покраснѣло. Это можетъ твоя матушка по заграницамъ таскалась и тамъ дѣтей рожала. А моя такъ російская гражданка...

— А Польша—твое отечество?—не унимался мастеровой.

— Извѣстно, Російская держава,—вставилъ свое слово конторщикъ.

— Такъ значитъ вся держава—твое отечество? И Польша, и Финляндія, и Камчатка?. Посадить бы тебя въ Камчатку, такъ сказалъ бы ты тогда, что въ отечествѣ находишься.

Раздался общій смѣхъ. Очевидно, понятіе объ отечествѣ и у купца, и у конторщика было довольно смутно. Этого рода фактъ не представлялъ для меня никакой новизны и оригинальности. Не разъ приходилось мнѣ бесѣдовать на эту тему съ людьми самыхъ разнообразныхъ положеній, начиная отъ рабочихъ и крестьянъ и кончая людьми болѣе культурныхъ слоевъ. Это слово, повидимому, для всѣхъ такое извѣстное, въ сущности до такой степени понимается смутно, такъ примѣшиваются къ нему всевозможныя толкованія, то квази-патріотическаго свойства, то просто избрѣтенныя «отъ вѣтра главы своея», что врядъ ли нужно сомнѣваться, что изъ ста человѣкъ, спрошенныхъ такимъ образомъ, лишь въ лучшемъ случаѣ десять дадутъ на вопросъ болѣе или менѣе правильный и сознательный отвѣтъ. Во всякомъ случаѣ, изслѣдованіе о томъ, какъ понимаетъ народъ и различныя группы общества это слово было бы крайне интересно и поучительно. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что матеріалъ, собранный съ этою цѣлью, пришелся бы многимъ очень не повкусу. Даже слѣпые убѣдились бы, что истинный патріотизмъ, истинная любовь къ отечеству возможны лишь при условіи сознательнаго отношенія къ нему, къ различнымъ сторонамъ жизни родной страны, то есть возможны лишь при условіи широкаго распространенія образованія, распространенія знаній, развитія, пониманія, словомъ — просвѣщенія. Если же все это мы будемъ стремиться замѣнить какой-то гипнотизаціей одними словами, норовя показывать жизнь непременно съ одной стороны, то истиннаго патріотизма въ народѣ, кромѣ развѣ

проявленія народнаго чувства въ минуты общенациональнаго бѣдствія, — и быть не можетъ. Исторія голода 1892—1893 годовъ показала это въ весьма достаточной степени. Правда, наши квасные патриоты больше всего натуживаютъ насаждать патриотизмъ, по отношенію къ внѣшней политикѣ. Но и въ этомъ отношеніи за послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ на нашихъ глазахъ происходитъ въ народѣ удивительная перемѣна. Уже много лѣтъ меня интересуетъ, какъ относится читатель изъ народа къ вопросамъ внѣшней политики? Въ матеріалахъ, какія мнѣ удалось собрать за время 1889—1895 года, имѣются и кое-какія интересныя данныя по этому вопросу. Когда нибудь я еще вернусь къ ихъ детальной разработкѣ. Выводъ-же, къ которому я пришелъ, познакомившись съ ними до сего дня, тотъ, что нашъ народъ рѣшительно никакихъ внѣшнихъ отношеній близко къ сердцу не принимаетъ, да и не можетъ принимать. Все его патриотическое чувство прежде всего сосредоточено на его родной землѣ, землѣ кормилицѣ. Что касается до другихъ народовъ и другихъ странъ, то онъ знаетъ лишь ихъ имена, да и то передѣланныя по своему («англичанка», «французъ»). А что такое «англичанка», что такое «французъ» — навѣрное не много такихъ, кто отвѣтитъ на этотъ вопросъ мало-мальски опредѣленно. Какъ-же могутъ пониматься отношенія Россіи къ другимъ народамъ, если объ этихъ народахъ не имѣется никакого понятія? Не мудрено, что при такихъ условіяхъ всѣ другіе народы только и могутъ казаться врагами, казаться по далекой, далекой традиціи, переданной отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Такъ, въ моментъ кронштадтскихъ торжествъ я имѣлъ случай странствовать по деревнямъ Петергофскаго уѣзда (близъ столицы и близъ Кронштадта). Какъ-же тамъ знали француза? Какъ виновника 1812 года и какъ участника въ крымской войнѣ. *И только!* Къ сожалѣнію, мы должны признаться, что у насъ не образованіе, не школа запечатлѣваетъ въ душѣ простого народа понятіе о той или иной великой націи, а традиція о какомъ либо международномъ насиліи, кровавомъ столкновеніи, гдѣ справедливости и истинѣ, какъ извѣстно, отводится самый скромный уголокъ. Я видѣлъ, какъ въ деревнѣ читается мужиками газета «Свѣтъ». Какъ извѣстно, она тоже стоитъ на почвѣ этого международнаго человѣконенавистничества, на чемъ стоятъ, къ сожалѣнію, и многіе другіе наши органы печати... Вотъ этимъ то и пополняется въ душѣ самаго мирнаго изъ европейскихъ народовъ понятіе о патриотизмѣ. Ко всему предыдущему слѣдуетъ прибавить, что народу и негдѣ черпать свѣдѣній о жизни, бытѣ, государственномъ устройствѣ, исторіи другихъ странъ. Такихъ книгъ не существуетъ или почти не существуетъ. Объ ихъ созданіи и рас-

пространеніи мало кто и заботится. А изъ тѣхъ, кто заботится, нѣкоторые подчасъ издають такую дрянъ, что только остается развести руками, какъ и почему сіе? Напримѣръ, одна официальная издательская фирма на случай кронштадтскихъ торжествъ издала книжицу «О Франціи и французахъ». Изъ этой книжицы читатель имѣетъ счастье узнать, что Франція замѣчательна, во первыхъ, тѣмъ, что тамъ есть Эйфелева башня и устрицы, и во вторыхъ, что тамъ были Орлеанская дѣва и «умный и храбрый генераль Бонапартъ», который смирилъ своеволие... ¹⁾. Такихъ книжекъ для народа, которыя помогали-бы развитію въ немъ истиннаго патріотизма, насаждали-бы знанія своего края, своей жизни, тѣхъ учреждений, которыми управляется эта жизнь, знанія умственныхъ, религіозныхъ и всякихъ иныхъ теченій, порождаемыхъ ею, дѣятелей за улучшенія этой жизни,—стати сказать, изъ этихъ послѣднихъ имена Новикова и Сперанскаго гораздо меньше извѣстны, чѣмъ имя Аракчеева,—такихъ книжекъ, говоримъ мы, пока не создано. Не насаждаетъ знаній о своемъ отечествѣ и объ отношеніяхъ къ нему другихъ странъ и народная школа. И странно сказать, въ эту послѣднюю идеи мира и братства народовъ, патріотизмъ внутренній взаимнѣи вѣшняго не проникаютъ и теперь, когда всевозможные органы печати такъ много и такъ хорошо разсуждаютъ о и миролюбіи. Вопросъ о патріотизмѣ есть вопросъ широкаго, нетенденціознаго просвѣщенія. А разъ этого послѣдняго условія нѣтъ, поневолѣ онъ будетъ заключаться въ однихъ ходячихъ словахъ, похожихъ на цвѣтную бумажку, которою заклеена такая-то дыра. Меня не удивило неумѣнье купца опредѣлить, что есть отечество, но мнѣ было очень интересно узнать, какъ опредѣлить это слово самъ мастеровой. Тамъ какъ было очевидно, что ходячія опредѣленія его не удовлетворяли, то, несомнѣнно, онъ имѣлъ про себя свое собственное, до котораго дошелъ своими средствами.

— Вотъ то-то и есть, — ужъ прямо въ глаза и безцеремонно смѣялся надъ конторщикомъ и купцомъ мастеровой. — Хоть вы и большіе обороты тамъ дѣлаете, а все же, что есть отечество,—до того не додумались.

Тѣ, къ кому относились эти слова, чувствовали себя очень неловко. Чтобы выручить ихъ изъ такого неприятнаго положенія, я тоже вмѣшался въ разговоръ и спросилъ:

— А что это такое,—скажите тогда вы.

¹⁾ См. «Свѣ. Вѣстникъ» 1892 года, августъ. Библиографія народныхъ книгъ Н. Р.

— А вотъ что, — отвѣчалъ храбро мастеровой: Отечество есть доброе для своихъ гражданъ общество, на точномъ основаніи справедливыхъ законовъ управляемое.

Уже по первымъ словамъ мастерового я понялъ, что имѣю дѣло съ человѣкомъ богѣе или менѣе начитаннымъ и книжнымъ, но все же я никакъ не ожидалъ услышать такое опредѣленіе, которое такъ своеобразно рѣшало вопросъ. Опредѣленіе, сдѣланное мастеровымъ, я воспроизвожу буквально, такъ какъ хорошо запомнилъ его. Можно съ нимъ не соглашаться, можно находить не полнымъ или черезчуръ полнымъ, но нельзя отказать ему въ томъ, что оно — результатъ работы мысли, мысли критической и творческой.. Какъ отнесутся къ такому опредѣленію купецъ и конторщикъ, къ сожалѣнію, мнѣ узнать не удалось. Опредѣленіе это было встрѣчено ими — громкимъ смѣхомъ... Въ это время въ вагонъ желѣзной дороги вошелъ кондукторъ и объявилъ, что на ближайшей станціи предстоитъ пересадка тѣмъ, кто ѣдетъ на Ровно. Купецъ и конторщикъ начали готовить свои вещи. Мнѣ и мастеровымъ приходилось ѣхать еще дальше. Тотъ мастеровой, что постарше, все же не воздержался, чтобы не кольнуть своего противника.

— Такъ вотъ вы надъ этимъ и подумайте, если сами не додумались. Я то ужъ много думалъ! Хоть и въ деревенской школѣ быть не удалось, а знаю-то и понимаю побольше вашего!

— Мы еще съ тобой каши-то не ѣли! — отрѣзалъ купецъ, увязывая свою подушку. — Кто тебя тамъ знаетъ, много ты понимаешь или больше бахвалишься...

Тотъ, къ кому относились эти слова, нѣсколько осѣкся. Въ душѣ я тоже не могъ не согласиться съ купцомъ, что спорщикъ-мастеровой нѣсколько рисовался. Тотъ, кому приходилось встрѣчаться съ начетчиками изъ крестьянъ и рабочихъ, тотъ знаетъ, что таковъ ужъ общій грѣхъ у всѣхъ у нихъ, за очень рѣдкими исключениями. Но меня все же интересовало узнать поближе, какъ дошелъ до такого понятія объ отечествѣ тотъ, кто его высказалъ. Интересно мнѣ было познакомиться и съ молчаливымъ товарищемъ спорщика, молчавшимъ почти во все время пути.

Когда поѣздъ снова тронулся въ путь, было уже очень поздно. Въ вагонѣ стало просторнѣе. Тѣ, кто отстался, спали, помѣстившись кто какъ умѣлъ. Купецъ и конторщикъ ушли. Я передвинулся на ихъ мѣсто и заговорилъ съ молодымъ.

— А вы далеко ли ѣдете?

— Къ Варшавѣ, — сказалъ тотъ.

— Онъ то еще дальше, — добавилъ старшій.

— Мастерствомъ занимаетесь?

— До сихъ поръ все въ слесаряхъ работали, по заводамъ.

— Я такъ и родился на фабрикѣ, — добавилъ старшій. — А онъ вотъ ужъ изъ деревни пришелъ. Это фабричное дѣло вотъ какъ знаемъ! Можетъ быть, и голову придется на фабрикѣ сложить. Два пальца ужъ тамъ у меня остались.

И онъ улыбнулся. Но это не была улыбка добродушная и мягкая, а скорѣе жесткая и злая.

— А вы сами-то кѣмъ будете? — спросилъ вдругъ въ свою очередь и онъ меня.

Я сказалъ, чѣмъ занимаюсь.

— Такъ, такъ. Очень пріятно!

Мои слова, повидимому, развязали языкъ обоимъ мастеровымъ.

— Вотъ этотъ, конторщикъ-то сахаро заводскій, что здѣсь сидѣлъ, свое дѣло вотъ какъ нахваливалъ. Только и жить — не тужить тамъ у нихъ, началъ опять старшій. Что говорить! Хорошо! А тутъ вдругъ несчастный случай, одинъ, а потомъ и другой. А почему, позвольте васъ спросить, это такъ дѣлается, что вотъ онъ, конторщикъ, у себя тамъ за стеклами сидитъ да пописываетъ, и больше нашего не въ примѣръ получаетъ, а мы у такихъ машинъ день и ночь стоимъ, которыя того и гляди возьмутъ насъ и прихлопнуть? Почему мы отъ бѣды не застрахованы ¹⁾?

Я сказалъ, что въ другихъ странахъ вводится и все больше и больше распространяется страхованіе рабочихъ; кромѣ того, существуютъ еще вспомогательныя кассы, устраиваемыя самими рабочими. Оказалось, что мои собесѣдники обо всемъ этомъ отлично знаютъ. Младшій даже назвалъ нѣкоторыхъ лицъ, извѣстныхъ въ литературѣ по данному вопросу. Онъ плавно, обстоятельно и убѣдительно привелъ всѣ основные доводы, которые приводятся въ защиту страхованія рабочихъ, затѣмъ принялся доказывать, что это дѣло можно бы безъ труда устроить и у насъ. Онъ приводилъ не только доводы, но, въ довершеніе всего, досталъ изъ кармана толстую, довольно засаленную тетрадку и отыскалъ въ ней выписанныя откуда-то цифры, очевидно, поразившія его своею величиною и значеніемъ. Очевидно, данный вопросъ настолько интересовалъ говорившаго, что онъ не только читалъ все, что могъ найти о немъ въ книжкахъ, какія удалось добыть, но и искалъ такихъ книгъ, и изучалъ вопросъ. Я съ большимъ интересомъ и вниманіемъ слушалъ его рѣчь.

¹⁾ Намъ приходилось наблюдать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ между рабочими и «конторскими» существуетъ значительный антагонизмъ.

— Страховать-то можно и хорошо-бы, сказалъ онъ, только, я думаю, этого никогда не будетъ.

— Почему такъ? спросилъ я.

— Да такъ... И онъ загадочно замолчалъ и лишь послѣ небольшой паузы прибавилъ:— Кто насъ будетъ страховать-то? Намъ самимъ—невозможно, а другимъ—какая охота?

Я началъ оспаривать этотъ взглядъ. Я говорилъ, что есть фабриканты, которые страхуютъ всѣхъ своихъ рабочихъ и что такихъ является все больше и больше.

— Отъ чего страхуютъ-то?—вмѣшался вдругъ въ разговоръ мрачный товарищъ. Слышали вы о сахарномъ рафинадномъ заводе? Бывалъ я на такихъ, знаю. И вотъ что скажу: весь ихъ заводъ, вся тамъ маята рабочая—одинъ сплошной несчастный случай... Знаю, видѣлъ. А вы бывали тамъ?

Я сказалъ, что нѣтъ.

— Посмотрѣли бы вы, что тамъ только дѣлается. Все время, какъ идутъ работы, жара стоитъ такая, что работаютъ голышомъ. Рубашку снимаютъ, штаны. Одѣнетъ на голову колпакъ, сложенный изъ бумаги, поясокъ этакъ изъ тряпки навѣситъ, чтобы не очень зазорно было, да такъ и работаетъ. Бабы и дѣвки тутъ-же, ничего, всѣ привыкли. Вѣрите-ли, когда сахарныя формы ставятъ въ сушку, такъ тамъ градусовъ семьдесятъ жары. Непривычный человѣкъ тутъ-же упадетъ, а тѣ привычныя, ничего—терпятъ. Сушильныя камеры—словно пекло. У иного вся спина въ ранахъ, а лѣзетъ въ этотъ жаръ.

— Въ какихъ ранахъ? спросилъ я.

— Извѣстно въ какихъ. Тамъ дурная болѣзнь такъ ходитъ, какъ нигдѣ. Я года три на рафинадномъ заводе работалъ,—все видѣлъ ¹⁾. Язвины—во какія. А есть и такой народъ, что вотъ-вотъ носъ провалится. Дѣвки тоже не чисты. Иныя еще отъ отца и матери заплучили. И такія-то рѣжутъ сахаръ, плюютъ на полъ, а пыль сахарная съ полу опять въ дѣло идетъ... Такая гадость, что и сказать скверно. А еще есть раны особыя, онѣ дѣлаются только у тѣхъ рабочихъ, кто работаетъ на сахарныхъ заводахъ. Кто ихъ знаетъ, отчего онѣ. Сказываютъ, будто кровь отравляется сахаромъ. Только я это доподлинно не знаю...

— И много такихъ больныхъ?

— Много. Вотъ я и говорю, что весь такой заводъ—просто одинъ несчастный случай... Какое жъ тутъ страхование поможетъ...

¹⁾ Пишущій эти строки нѣсколько позднѣе тоже имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости этихъ словъ на одномъ изъ сахарныхъ заводовъ Черкасского уѣзда, Кіевской губ.

— Что же рабочіе не остерегаются?

— И какой тамъ темный народъ. Все пришлые,—изъ Смоленской, Могилевской губерніи,—все бѣлоруссь. Онъ не только ничего не понимаетъ, такъ и грамотѣ-то не обученъ. Получить двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ,—и доволенъ. Что ему тутъ втолкуешь?

Я сказалъ, что такимъ темнымъ людямъ свой братъ, рабочій, кто поумнѣе да поученѣе, и долженъ бы былъ втолковать.

— Это мы отлично понимаемъ, сказалъ мнѣ на это молодой. Что можемъ, то и дѣлаемъ. Только въ такой бѣдности не все и на умъ пойдетъ. Нашему брату добраться до книжекъ— какъ трудно!..

— Да вѣдь вы же добрались? возразилъ я.

— А многіе ли добираются? Иной живетъ, живетъ, и интереса ни къ чему не имѣетъ. И не знаетъ онъ, что есть интереснаго.... А иному только покажи, такъ ужъ онъ самъ пойдетъ, себя не пожалѣетъ... Это я по себѣ знаю.

— А вы какъ же до книжки дошли? Вамъ кто-нибудь помогалъ?

— Нѣтъ, никто не помогалъ. Въ нашей деревнѣ и школы не было.

— Какъ-же вы грамотѣ научились?

— Солдатикъ отставной у насъ въ деревнѣ жилъ, такъ ребятшекъ обучалъ. И я научился. Сначала, какъ водится, молитвенникъ читалъ и календарь,—отъ сосѣдей доставалъ, что можно. Только все это такъ, не очень интересно было. Больше читалъ, чтобы грамоту не позабыть.

— А что-же васъ пріохотило къ книгѣ?

— Да *книга-же*. Изъ нашей деревни издавна народъ на мальцевскіе заводы работать ходитъ. И я пошелъ. И читать я тамъ сталъ больше, потому что книги легче стало доставать. Да и народъ на фабрикахъ— какъ бы сказать, *посамодѣятельнѣе*, потароваѣе, чѣмъ въ деревнѣ. И понимаетъ лучше, чѣмъ деревенскіе. Тамъ на фабрикѣ мнѣ и подвернулась одна книжка, отъ которой,—я отлично помню,—у меня даже духъ захватило, да такъ захватило, словно я новый материкъ рядомъ съ собою отыскалъ. Читалъ я ее, читалъ, пока, кажется, наизусть не выучилъ. И не столько она мнѣ новыхъ свѣдѣній сообщила, сколько я понялъ, благодаря ей, все свое незнаніе. Съ этого и пошло.

— Какая же это книжка?—спросилъ я. То, что рассказывалъ мнѣ этотъ рабочій о себѣ, разумѣется, происходитъ и со многими тысячами другихъ. Съ этого, т. е. съ интереса къ какой либо *одной* книжкѣ обыкновенно начинается самообразование со-

тенъ и тысячь людей,—начетчиковъ изъ народа. Я уже имѣлъ случай не мало видѣть такихъ людей. Мнѣ кажется даже, что въ ихъ появленіи есть даже какая то законосообразность.

Въ этомъ созданіи начетчика, въ этомъ пробужденіи дремлющаго, такъ сказать, или потенциальнаго читателя не книга играетъ главную роль. Книга въ данномъ случаѣ часто является совершенно случайнымъ элементомъ. Вся сущность въ запасѣ, который создаетъ не книга, а жизнь. Въ исторической жизни народа, какъ извѣстно, бываютъ такіе моменты, когда самый ходъ вещей волей неволей толкаетъ къ участию въ этой жизни не только личность грамотную, но и неграмотую. Есть такіе вопросы, которые носятъ въ воздухѣ и требуютъ своего разрѣшенія. Многія, очень многія головы долгое время работаютъ безсознательно, рѣшая ихъ. Сознательная работа начинается лишь много позднѣе, а съ какого конца она начнется — это вопросъ опять таки личности. Намъ приходилось видѣть случаи, когда сознательная работа начиналась въ человѣкѣ послѣ того, какъ случайно ему попалась подъ руки книжка Л. Толстого «Чѣмъ люди живы», Грибоѣдова «Горе отъ ума», статья изъ «Историческаго вѣстника», «Разказы о силахъ земныхъ» Ивалова и проч. И индивидуальныя особенности личности, и мельчайшія условія обстановки, душевное настроеніе, испытываемое въ такой то моментъ,—все это вліяетъ на то, *какая* книга подѣйствуетъ на такого то читателя. Но что *какая* либо книга изъ десятковъ и, можетъ быть, сотенъ, имѣющихъ случай проходить черезъ его руки, на него подѣйствуетъ *непретѣнно* — это ужъ несомнѣнно. Въ этомъ, въ сущности, и заключается громаднѣйшій интересъ изученія читателей изъ народа,—интересъ, можно сказать, историческій. Изучать читателя изъ народа,—это значитъ изучать пути мышленія народнаго въ лицѣ его наиболѣе культурныхъ представителей, изучать, какъ народъ додумывается до *своего*, читая *чужое* и размышляя надъ *чужимъ*.

— Какая же книжка такъ заинтересовала васъ? — спросилъ я моего собесѣдника.

— Ужъ не помню ея заглавія,—отвѣчалъ тотъ.—Только тамъ говорилось о звѣздахъ и о лунѣ, и о солнцѣ, и о многомъ, что есть на небѣ, просто говорилось, понятно. И свѣтъ показался мнѣ такимъ большимъ и такимъ просторнымъ, что и сказать вамъ теперь не могу. Такъ захотѣлось мнѣ знать, что есть на бѣломъ свѣтѣ,—трудно и выразить. Тогда я сталъ добывать книжки, какія только могъ. Что добывалъ,—все читалъ, понятно или непонятно. Понемногу и привыкъ.

— Какія же вы книжки больше читали?

— Да всякія, о чемъ приходилось,—сказалъ, улыбаясь, мой собесѣдникъ.—Вѣдь книгъ то не такъ много, чтобы выбирать. Только я старался, что ни прочитаю все *приводить въ связь* одно съ другимъ, все ставитъ рядышкомъ. Такъ и удалось дойти до многого... Читалъ и тоненькія книжки — листовки, инья самъ покупалъ; читалъ «Исторію» Карамзина, — восемь томовъ прочелъ, Путешествіе Норова по святымъ мѣстамъ, «Чудеса подземнаго міра», — сочинителя ужъ не помню, сочиненія Гюго — отличная книга «Девяносто третій годъ» — и много-много книжекъ «Русскаго вѣстника». Все это отъ конторщика добывалъ. Вотъ этого журнала я книжекъ двадцать перечиталъ. И сколько тамъ интереснаго было! Читалъ я тамъ о Галилеѣ, о Саванаролѣ, о Катеринѣ Медичи.

— И какъ же, все вы понимали?

— Нѣтъ, не все понималъ, только чтожъ изъ этого? Кое что изъ каждой книжки оставалось...

— А внутреннія обозрѣнія тоже читали?

— И ихъ читалъ иногда, — отвѣчалъ, улыбаясь, рабочий. — Только я ихъ тогда по настоящему не понималъ, хоть теперь и за нихъ спасибо скажу.

— За что же именно?

— Тамъ писали и о штундѣ, и крестьянскомъ банкѣ, и о многомъ другомъ. И ни о чемъ объ этомъ я раньше ниоткуда и не слышалъ, а тамъ изъ внутреннихъ обозрѣній «Русскаго вѣстника» и узналъ...

Услышавъ такое признаніе, не могъ не улыбнуться и я.

— Отчего же вы у другихъ служащихъ болѣе понятныхъ книжекъ не спросили?

— Нѣтъ, я спрашивалъ. Ходилъ къ одному инженеру, — онъ у насъ воскресную школу устраивалъ, — такъ онъ мнѣ и сталъ давать тоненькія. Я бралъ ихъ, бралъ, — надоѣли онѣ. И учительны очень, и ужъ больно просты. Какъ бы это сказать, — стало казаться мнѣ, что въ нихъ содержанія мало...

— Отчего же вы не попросили такихъ книжекъ, которыя были бы вамъ по душѣ?

— Какъ вамъ сказать, — сразу то не рѣшился.

— А тотъ чего смотрѣлъ, — вставилъ вдругъ свое слово другой рабочий, который все это время, какъ мнѣ казалось, дремалъ. — Вѣтъ видить, что съ нимъ говоритъ человекъ съ пониманіемъ — нечего было и совать тонкія книжочки... Нашего-то брата все больше ими пичкаютъ... Хе!

Это было сказано такъ рѣзко и такъ правдиво, что, при-

зваться, мнѣ стало совѣстно за тѣхъ нашихъ просвѣтителей, которые и понятія иной разъ не имѣютъ, что запросы просвѣщаемыхъ сплошь и рядомъ обогнали ихъ собственные...

— Только потомъ я сталъ и хорошія книжки добывать, продолжалъ молодой.

— Откуда же?

— Отъ священника. Его дочка была учительницей гдѣ то въ другомъ городѣ. Она немного и своихъ имѣла, а, главное,— научила меня въ библиотекѣ подписаться...

— А тамъ кто вамъ выбиралъ?

— Да самъ!—отвѣчалъ рабочій и даже вспыхнулъ. — Развѣ трудно научиться книжку отыскивать хорошую? О чемъ интересно,— я всегда самъ могу найти. Вѣдь вы же выбираете?

И этотъ вопросъ—я нашелъ вполне справедливымъ...

— И долго вы такъ читали?

— Да лѣтъ пять читалъ. И библиотека то была тамъ бѣдненькая, да вѣдь и у насъ времени немного. Вотъ когда приспособился къ слесарной работѣ, тогда легче стало...

— Ну, а теперь вы куда ѣдете?—полюбопытствовалъ я.

Мой собесѣдникъ нѣсколько мгновений какъ будто медлилъ отвѣчать.

— Мой товарищъ — въ Варшавскую губернію, а я то — я дальше ѣду.

— Куда же именно?—настаивалъ я.

— Въ Бельгію.

Признаюсь, я такого отвѣта никакъ не ожидалъ. Безспорно, я понималъ очень хорошо, что случай столкнулъ меня въ этомъ вагонѣ съ однимъ изъ многочисленныхъ самоучекъ - интеллигентовъ изъ народа, выдвигаемыхъ фабрикой и деревней. Я понималъ все значеніе передвиженій такихъ самоучекъ по лицу святой Руси. Но зачѣмъ было ѣхать въ Бельгію? Этого я еще не понималъ.

— Зачѣмъ же вы туда ѣдете?—спросилъ я.

— Такъ, надо поучиться, посмотрѣть, какъ тамъ люди живутъ,—замявшись отвѣтилъ мнѣ собесѣдникъ. И, какъ бы предугадывая мое возраженіе, онъ продолжалъ:—Да, да, это вѣрно. И здѣсь работы много. Что-же, и мы кое что дѣлаемъ. Вотъ мы съ товарищемъ промежъ себя библиотеку устроили. И еще какую! Мой собесѣдникъ вдругъ оживился. Хотите, расскажу? Складчину устроили, всѣхъ податью обложили, ха, ха, ха! По 20 коп. въ мѣсяцъ. А кто и больше давалъ. Рублей по десяти въ мѣсяцъ вотъ мы съ нимъ собирали. И книгъ на эти деньги чрезъ магазинъ выписали.

— Вотъ какъ! И кто же выбиралъ?

— Да я же! Вотъ бы вы посмотрѣли, какъ эти книги читаются,—не листовкамъ чета.

— А вы уѣхали, такъ и библіотека пропадетъ? — пожалѣлъ я.

— Зачѣмъ же? На нашемъ мѣстѣ другіе остались. Только покажи да докажи, что интересно, такъ ужъ не погибнетъ!

Это было сказано тихо, но такъ горячо, такъ убѣжденно, что мнѣ захотѣлось встать и пожать горячо, отъ всего сердца руку моего случайнаго спутника... Но я этого не сдѣлалъ. Почему—и самъ теперь хорошо не знаю. Вѣрнѣе всего въ силу какой-то неувѣренности... Вѣдь если мы начинаемъ понимать, какъ нужно смотрѣть на народъ и на ту интеллигенцію, которую онъ выдвигаетъ изъ своей среды, развѣ изъ этого уже слѣдуетъ, что онъ начинаетъ понимать насъ? Оттуда—идутъ бодрія силы, а отсюда—все больше кающіеся грѣшники... Нѣтъ, что то меня удержало отъ порыва. Удержало даже тогда, когда мой спутникъ сказалъ:

— Ужъ мы три библіотеки товарищескихъ устроили. Кассу товарищескую тоже... Вотъ мой товарищъ на новое мѣсто пріѣдетъ—и тоже соорудитъ.

И затѣмъ, улыбаясь своею хорошею, свѣтлою улыбкой, онъ прибавилъ:

— Мы все такъ: съ фабрики на фабрику; то мы сами ходимъ, то насъ гоняютъ. И, ей Богу-же, въ этомъ худого ничего нѣтъ, знаемъ вѣдь что намъ нужно,—свѣту, свѣту и знанія. Ну, какъ можемъ, такъ и работаемъ... Только...

— Только все же мнѣ непонятно, зачѣмъ вы уѣзжаете, — перебилъ я.

Мой спутникъ замылся снова. При свѣтѣ фонаря, колеблющемся въ тактъ громыханія несущагося вагона, я видѣлъ смущеніе на этомъ красивомъ, интеллигентномъ лицѣ и не понималъ его. Этотъ молодой человекъ, сидѣвшій предо мною, очевидно, чего-то искалъ, очевидно къ чему-то стремился, и этихъ стремленій и исканій я не могъ даже и угадать. Я понималъ, только то, что стремленія такихъ людей уже начинаютъ идти впереди нашихъ стремленій, что не мы обгоняемъ ихъ, а они насъ своими требованіями, что ихъ критическая и творческая мысль ушла впередъ такъ далеко, какъ, быть можетъ, и не снилось намъ.

Опять прошелъ кондукторъ съ фонаремъ и объявилъ, кому нужно переходить въ другой вагонъ. Предстояло переселяться и мнѣ. Никогда мнѣ не приходилось дѣлать это такъ неохотно, какъ тогда. Мнѣ хотѣлось о многомъ спросить, многое разъяснить.

— Теперь,—вдругъ прервалъ эти думы мой случайный собесѣдникъ,—хотѣлъ бы и я васъ спросить объ одномъ?

— Спрашивайте, пожалуйста,—сказалъ я.

— Вотъ о чемъ: если всѣ люди сдѣлаются людьми учеными. книжными, начитанными, понастроятъ вездѣ школъ да заведутъ библиотеки,—станетъ ли имъ отъ этого лучше жить?

На этотъ прямой вопросъ, признаюсь, я побоялся дать прямой отвѣтъ. Я не хотѣлъ сильно разувѣрять того, кто, очевидно, клалъ и душу, и свои скудные средства, чтобы распространять знаніе и свѣтъ въ толпѣ своихъ сотоварищей по труду.— Но я не могъ и увѣрять его, что просвѣщеніе и работа въ этой области—панацея отъ всякихъ бѣдъ и золъ....

— А какъ по вашему?—спросилъ я его.

— Дружества у насъ вотъ нѣтъ,—задумчиво сказалъ тотъ.— Какъ то всѣ ходимъ розно. Нѣтъ того, чтобы сообща. И съ библиотекой—и то сколько намучаешься. Тоже и съ кассой сколько намъ неприятностей пришлось терпѣть... Вотъ это такъ же худо, какъ тьма... Сказываютъ, въ Бельгіи нашъ братъ живетъ лучше, дружиѣ, не такъ, какъ мы.

Поѣздъ подѣзжалъ къ станціи, гдѣ предстояла пересадка. Раздался глухой и протяжный свистокъ. Замелькали станціонныя зданія и сигнальные столбы. Запестрѣли лица и одежды пассажировъ, стоящихъ на платформѣ... Я собралъ свои вещи и ужъ тутъ, на прощанье, горячо пожалъ руки моимъ случайнымъ спутникамъ, хотѣлъ бы сказать друзьямъ, если бы былъ увѣренъ, что это будетъ имъ пріятно.

И когда, полтора часа спустя, я снова сидѣлъ въ громяющемъ ящикѣ, называемымъ вагономъ, и несся дальше, то уже не чувствовалъ себя словно въ душной и тѣсной клѣткѣ. По прежнему громыхали колеса подъ ногами. Попрежнему близкіе предметы неслись назадъ и лишь далекіе-далекіе отъ меня—впередъ; попрежнему облачко, какъ неотвязная дума, все висѣло на голубомъ фонѣ неба прямо предо мною, но это уже была дума не мучительно-тревожная, а мучительно-радостная... Теперь уже я говорилъ себѣ, что въ удивительно интересный моментъ я живу. Что такое была эта случайная встрѣча? Единственный примѣръ? Нѣтъ. Примѣръ одинъ изъ многихъ. Ищутъ многіе, ищутъ по разному, но ищутъ. И идутъ многіе, и идутъ по разному, но идутъ. Мнѣ припомнились, по поводу этого стремленія къ свѣту и знанію, стихи Гюго:

Ты думалъ я волна?

Нѣтъ, я потопъ всемірный.

Всѣ знаютъ, что жизнь сложна. Но несомнѣнно она гораздо сложнѣе, чѣмъ многіе думаютъ. Есть нѣчто такое, чего она никому не уступаетъ. Мышленіе читающей публики—та же жизнь. Ужъ разумѣется, не для такого читателя писалъ свои статьи покойный редакторъ «Русскаго вѣстника»; а онъ читалъ ихъ. Его создавало все,—и урожай, и неурожай, и «Русскій вѣстникъ», и Пфейферъ, и «несчастный случай» на заводѣ, и дружеская библіотека, основанная товарищами...

Въ сосѣдномъ отдѣленіи вагона кто-то вдругъ заплѣлъ: «Не людимо наше море». Но тотъ же грохотъ подъ ногами заглушилъ слова пѣсни... А поѣздъ мчался и мчался впередъ. Деревья, дома, холмы, селенія, мелькали быстрѣе и быстрѣе...

Н. Рубакинъ.

Дахновка.

Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ.

(КРИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

I.

Подъ этимъ заглавіемъ я писалъ уже критическія письма въ одномъ изъ журналовъ, существовавшихъ гдѣтъ пятнадцать тому назадъ. Нынѣ я намѣренъ возобновить подобныя же открытыя письма читателямъ «Новаго Слова», посвящая ихъ обсужденію такого рода вопросовъ литературы и жизни, для которыхъ не требуется отдѣльныхъ и большихъ статей. Здѣсь будетъ имѣть мѣсто все мимолетное, преходящее, та въ истинномъ смыслѣ этого слова злоба дня, которая играетъ большую роль сегодня, а завтра забывается, если не навсегда, то на время.

Заглавіе это не случайно подвернулось мнѣ подъ руку: оно имѣетъ претензію на опредѣленіе такихъ двухъ вѣковѣчныхъ задачъ литературной критики, которыя, по мѣрѣ силъ своихъ, намѣренъ я имѣть въ виду въ своихъ критическихъ письмахъ. Критика имѣла, какъ извѣстно, и на Западѣ, и у насъ въ разные времена различный характеръ: была критика формальная, эстетическая, историческая, публицистическая, была попытка создать критику и исключительно моральную (Орестъ Миллеръ). Но при всѣхъ этихъ своихъ видахъ и направленіяхъ критика никогда и нигдѣ не измѣняла двумъ основнымъ своимъ задачамъ: во-первыхъ, она стремилась опредѣлить, какое мѣсто имѣетъ литература въ жизни, какое вліяніе производитъ то или другое произведение на общество, характеръ и степень этого вліянія; съ другой стороны — она никогда не упускала изъ вида, что въ литературѣ отражается жизнь общества; да мало сказать отражается — жизнь вліяетъ такъ или иначе всѣми своими теченіями и вѣяніями на литературу.

Въ самомъ дѣлѣ, если вы возьмете даже сошедшую съ поприща жизни и давно похороненную чисто-эстетическую критику, то вѣдь и она, во время своего процвѣтанія, не ограничивалась однимъ разсмотрѣнiемъ художественныхъ красотъ и эстетическихъ совершенствъ произведеній, а, въ свою очередь, стремилась къ опредѣленію вліянія литературы на жизнь въ смыслѣ развитія эстетическаго вкуса въ обществѣ, выработки изящества какъ литературнаго языка, такъ и различныхъ формъ культуры. Съ другой же стороны она не упускала изъ вида и вліянія жизни на литературу, тѣхъ условій ея, которыя содѣйствуютъ развитію эстетическихъ достоинствъ произведеній искусства или, напротивъ, вліяютъ на него вредно. Такъ напримѣръ, когда сошедшіе нынѣ въ могилу эстетики сороковыхъ годовъ много лѣтъ толковали о вредномъ дѣйствіи публицистической критики на эстетическія достоинства произведеній, то къ какой же категоріи принадлежали эти толки, какъ не къ опредѣленію вліянія на литературу жизни? Что же такое была въ глазахъ эстетиковъ публицистическая критика, какъ не такой фактъ жизни, который по ихъ мнѣнію, велъ къ упадку литературы въ эстетическомъ отношеніи?

Но эстетическая критика давно сошла съ своего поприща, и если только существуютъ два три поклонника ея, остающіеся вѣрными ея традиціямъ, то они ограничиваются лишь платоническими восхваленіями ея достоинствъ и отстаиваніемъ права ея на существованіе, не прилагая въ то же время ни малѣйшихъ стараній къ практическому осуществленію этого права, и въ теченіе многихъ уже лѣтъ мы не видимъ ни одной критической статьи, которая строго держалась бы въ эстетическихъ предѣлахъ.

Публицистическая критика, воцарившаяся на развалинахъ царства чистой эстетики, требуетъ, какъ извѣстно, чтобы писатели сознательно и разумно относились къ изображаемымъ явленіямъ жизни, а, главное дѣло, представляли бы собою *активную* силу, чтобы не жизнь неотразимо вліяла на нихъ, а, напротивъ того,—они сами стремились вліять на жизнь и создавали въ ней тѣ или другія теченія. Но было бы большимъ заблужденіемъ предполагать, чтобы подобное требованіе замыкало публицистическую критику въ одностороннее разсмотрѣніе одного только вліянія литературы на жизнь; вліяніе-же жизни на литературу было бы для нея вопросомъ празднымъ, и она игнорировала бы его. Во первыхъ, съ самого своего возникновенія она всегда удѣляла много мѣста разсмотрѣнію того, какіе факты жизни отражаются въ произведеніяхъ литературы, разбираала эти факты и на основаніи ихъ дѣлала свои выводы о характерѣ и усло-

вяхъ самой жизни. А развѣ отраженіе тѣхъ или другихъ фактовъ жизни въ произведеніяхъ искусства не принадлежитъ всецѣло къ категоріи вліянія жизни на литературу?

Во вторыхъ, какъ бы ни высоко ставила публицистическая критика произведенія искусства, сильно и благотворно вліяющія на жизнь, не можетъ она исключительно заниматься одними ими и оставлять безъ всякаго вниманія такія произведенія, авторы которыхъ не борются съ обстоятельствами жизни, а сами всецѣло и слѣпо подчиняются имъ и отдаются моднымъ теченіямъ, порою крайне низменнымъ и вреднымъ, въ родѣ, напримѣръ, романовъ скабрзнаго содержанія или же декадентской поэзіи. Указывая на вредъ, какой такія произведенія приносятъ обществу или же, по крайней мѣрѣ, на ихъ ничтожество и ефемерность, развѣ не обязана вмѣстѣ съ тѣмъ критика обстоятельно и всесторонне изслѣдовать тѣ враждебныя причины, тѣ вредныя вліянія жизни, которыя произвели тотъ или другой нежелательный родъ поэзіи. Наконецъ, еслибы критика занялась исключительно одними сильными и вліятельными произведеніями, развѣ можетъ она забывать, что прежде чѣмъ оказывать свое благотворное вліяніе на общество, произведенія эти должны были появиться въ свѣтъ, а развѣ это могло произойти вслѣдствіе одного только личнаго произвола авторовъ, безъ малѣйшихъ вліяній условій жизни на нихъ?

На всѣхъ этихъ основаніяхъ критика и не должна, и не можетъ не преслѣдовать тѣхъ двухъ существенныхъ и вѣковѣчныхъ цѣлей, безъ которыхъ она перестаетъ быть истинною критикою. Къ какому бы произведенію она ни приступала, она прежде всего старается опредѣлить, какое мѣсто занимаетъ это произведеніе въ жизни сообразно его вліянію на общество, и затѣмъ—какія условія жизни, влія на его автора, создали его.

Эти двѣ задачи критики постараюсь и я имѣть въ виду, какъ въ своихъ открытыхъ письмахъ читателямъ, такъ и въ отдѣльныхъ критическихъ статьяхъ.

На первый разъ я намѣренъ побесѣдовать съ читателями о тѣхъ выработанныхъ какъ прошлоу, такъ и настоящей жизни теченіяхъ, вслѣдствіе которыхъ современная беллетристика наша распадается на нѣсколько опредѣленныхъ группъ, отличающихся одна отъ другой и по характеру, и по степени своего вліянія на общество. При этомъ я напередъ оговариваюсь для избѣжанія какихъ бы то ни было недоразумѣній, что я постоянно буду имѣть въ виду не столько тѣхъ или другихъ писателей, сколько именно беллетристическія группы, а это нисколько не обязываетъ меня перечислять поголовно всѣхъ нынѣ пишущихъ беллетристовъ,

распредѣляя ихъ по различнымъ группамъ; я ограничусь лишь тѣми, которые наиболѣе рѣзко выражаютъ собою данную группу и наиболѣе пребываютъ ей вѣрными. Пусть поэтому не постѣтуютъ на меня тѣ изъ беллетристовъ, о которыхъ я умолчу. Это произойдетъ вовсе не потому, чтобы я ихъ считалъ несостоящими упоминанія по малости ихъ талантовъ, или же умышленно ихъ замалчивалъ, а по той единственной причинѣ, что для опредѣленія группы, для меня достаточно двухъ-трехъ именъ, попавшихся мнѣ подъ руку; а о прочихъ можетъ быть упомянуто въ другое время и въ другомъ мѣстѣ при разборѣ тѣхъ или другихъ ихъ произведеній. вмѣстѣ съ тѣмъ, пусть не будутъ удивлены читатели, если нѣкоторыхъ писателей придется причислить разомъ къ двумъ, къ тремъ группамъ: это зависитъ отъ того, что такіе писатели или временно, или же и постоянно находятся подъ вліяніемъ разомъ двухъ или трехъ теченій.

II.

Самой важной по своему общественному значенію, самой вліятельной и вмѣстѣ съ тѣмъ самой старѣйшей является, конечно, беллетристика изъ народнаго быта. Если оставимъ въ сторонѣ рассказы Даля, исключительно бытовые, этнографическіе и сказочно-археологическіе, а будемъ вести лѣтосчисленіе этой группы беллетристики съ первыхъ рассказовъ г. Григоровича—«*Деревня*» и «*Антонъ Горемыка*», въ которыхъ впервые появилась въ рассказахъ изъ народной жизни общественная струйка, то, принимая въ расчетъ, что рассказы г. Григоровича появились въ 1847 году,—мы можемъ судить, что беллетристическая группа эта существуетъ уже безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ. Одна эта продолжительность существованія группы свидѣтельствуетъ о томъ, что появленіе ея было дѣломъ не пустой, преходящей случайности, не какого-либо мимолетнаго вѣянія съ Запада, вродѣ увлеченія деревенскими рассказами Жоржъ-Заяда или Ауербаха, а насущною потребностью самой жизни, такими естественными и вполне самобытными причинами, которыя, возбудивъ ее, не перестаютъ поддерживать ея существованіе и понынѣ.

И дѣйствительно, возникновеніе ея не даромъ совпало съ такимъ моментомъ нашей жизни, когда впервые былъ серьезно поставленъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ не однимъ только десяткомъ людей «либеральнаго образа мыслей», какъ выражались въ то время, а самую государственною властью. Съ

той поры какъ общество, такъ и правительство съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе начали озабочиваться вопросомъ объ участи и положеніи податныхъ сословій и рабочихъ массъ. Наступили шестидесятые годы съ своими реформами, и главнымъ общественнымъ теченіемъ, обратившимся мало-по-малу во всеувлекающій потокъ было не что иное, какъ именно *демократизация* русской мысли. Во всѣхъ мѣропріятіяхъ, во всѣхъ проектахъ, толкахъ и пожеланіяхъ новыхъ и новыхъ реформъ на первомъ планѣ стояли народныя интересы, народное дѣло, уравненіе народа съ прочими сословіями во всѣхъ гражданскихъ правахъ, возвышеніе и упроченіе народнаго благосостоянія.

Если взоры всего общества были устремлены на народъ, то могли ли одни беллетристы оставить его безъ вниманія? Какъ нельзя болѣе естественно и неизбѣжно должна была явиться потребность присмотрѣться ближе къ людямъ, которыми всѣ такъ интересовались, изучить ихъ бытъ, нравы, ихъ нужды и потребности, постигнуть, къ чему они стремятся, что составляетъ существенный нервъ ихъ существованія. Такимъ образомъ и возникла беллетристика изъ народнаго быта, и я убѣжденъ въ томъ, что она возникла совершенно самобытно, независимо отъ того, существовали или не существовали на Западѣ Жоржъ-Зандъ или Ауербахъ; если бы послѣднихъ и вовсе не было бы, беллетристика изъ народнаго быта неминуемо возникла бы у насъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ее имѣемъ.

Пятьдесятъ лѣтъ — вѣдь это полвѣка, и какъ нельзя болѣе понятно, что если причины, обусловившія возникновеніе беллетристики изъ народнаго быта въ сороковыхъ годахъ, продолжаютъ дѣйствовать и понынѣ, если и теперь еще интересъ къ участи народныхъ массъ такъ великъ, что побуждаетъ и старыя, и новыя беллетристическія силы по прежнему устремляться къ изученію народнаго быта и изображенію жизни и крестьянъ, и фабричныхъ рабочихъ, и городскихъ мѣщанъ, — то не могла же вмѣстѣ съ тѣмъ беллетристическая группа, существующая такое продолжительное время, остаться безъ малѣйшихъ измѣненій, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ была она при самомъ своемъ возникновеніи. И дѣйствительно, разсматривая ее исторически, мы видимъ, какимъ значительнымъ измѣненіямъ и пертурбаціямъ подвергалась она въ различныя десятилѣтія своего существованія.

Такъ, беллетристы сороковыхъ годовъ имѣли въ виду преимущественно борьбу съ крѣпостнымъ правомъ. У нихъ не было возможности открыто обличать злоупотребленія этимъ правомъ и изображать страданія народа отъ него. Вмѣсто этого они употребляли другой приѣмъ: выводили въ разсказахъ талантливыхъ, нравственно-

симпатичныя и даже высокія личности изъ народа для того, чтобы съ одной стороны заинтересовать читателей народомъ, въ нѣдрахъ котораго таятся такія богатыя силы, а во вторыхъ, внушить, что столь прекрасныя личности имѣютъ всё права на самостоятельную жизнь, и сколь несправедливо заставлятъ ихъ плясать по чужой дудкѣ и вѣчно зависѣть отъ произвола и каприза людей иногда вполне безнравственныхъ. Очень возможно, что такого рода идеализація народа практиковалась беллетристами сороковыхъ годовъ отчасти и подѣ влияніемъ романовъ Ж. Зандъ.

Какъ-бы то ни было, но такое нѣсколько приподнятое на правленіе беллетристики изъ народнаго быта, наиболѣе рѣзко утрированными тонами спѣвшее свою лебединою пѣсню въ разсказахъ Марка-Вовчка, съ освобожденіемъ крестьянъ утратило свой смыслъ, и явилась реакція, ударившаяся,—какъ это всегда бываетъ,—въ противоположную крайность. Такъ, въ разсказахъ Ник. Успенскаго, П. Слѣпцова и многихъ другихъ писателей изъ народнаго быта, подвизавшихся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, народъ началъ изображаться со стороны крайней забитости, невѣжества и грубости своихъ нравовъ. вмѣсто прежняго прославленія мужикъ началъ осмѣиваться; про него начали разсказываться смѣшныя анекдоты, въ которыхъ онъ изображался подчасъ не имѣющимъ образа и подобія человѣческаго и лишенымъ всякаго здраваго смысла. Замѣчательно, что такія изображенія мужика вполне соответствовали царившей въ то же время критикѣ Писарева, которая, въ свою очередь, ничего не полагала въ народныхъ массахъ кромѣ до послѣдней степени забитаго стада челоуѣкообразнаго вьючнаго скота, и всю надежду россійскаго прогресса сосредоточивала въ интеллигентномъ меньшинствѣ трезвыхъ реалистовъ.

Но реакція юмористовъ изъ народнаго быта продолжалась недолго. Эпоха была слишкомъ серьезна и вдумчива, чтобы ограничиться однимъ зубоскальствомъ. Не успѣли еще сойти съ литературнаго поприща юмористы насчетъ народа, какъ въ томъ-же началѣ шестидесятыхъ годовъ вышли на литературное поприще беллетристы совсѣмъ иного направленія: появились «*Степные очерки*» Левитова, «*Подлиповцы*» Рѣшетникова, «*Сила соломѣ ломитъ*» Н. И. Наумова. Народъ началъ изображаться не только въ его забитости и невѣжествѣ, а обращалось главное вниманіе на гражданскій и экономическій гнетъ, тяготящій надъ нимъ. Писатели начали ставить на видъ, что выносить и терпитъ мужикъ отъ исправника, кулака и массы всякаго рода шіявицъ до волостнаго писаря и фельдшеравключительно, наживающихся на

его счетъ. Но какъ ни серьезно было такое отношеніе къ народу, какъ ни глубоко и страстно было проникнуто оно сочувствіемъ къ его потребностямъ, нуждамъ и страданіямъ, мало-по-малу это) направленіе беллетристики изъ народнаго быта перестало удовлетворять, какъ общество, такъ и самихъ литераторовъ. Явилось сознаніе, что сколько ни собирали - бы фактовъ народной нужды и притѣсненій, — конкретные факты всегда останутся конкретными, дѣйствующими на сердце, возбуждающими чувство жалости, состраданія, негодованія, но не приводящими ни къ какимъ общимъ выводамъ, не знакомящими читателей ни съ народнымъ міросозерцаніемъ, ни съ его индивидуально-нравственными и общественными стремленіями. И вотъ въ теченіе 70-хъ годовъ былъ произведенъ рядъ болѣе глубокихъ и всестороннихъ изслѣдованій общественнаго склада жизни народа, его симпатій и антипатій, основныхъ началъ, или, какъ тогда выражались, *устоевъ* его быта, равно и всѣхъ его нравственныхъ принциповъ. Результатами такого изученія явилась масса весьма любопытныхъ и почтенныхъ изслѣдованій объ общинѣ и артели въ ихъ историческомъ прошломъ и современномъ положеніи и во всѣхъ ихъ мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ. Не замедлило это изученіе отразиться и въ беллетристикѣ: здѣсь въ свою очередь возникъ рядъ беллетристовъ изъ народнаго быта, главная задача которыхъ заключалась въ освѣщеніи *устоевъ* народной жизни и въ проникновеніи въ народную душу. Нужно ли говорить о томъ, что во главѣ этой новой фазы беллетристики изъ народной жизни стали двѣ такія высокоталантливыя литературныя силы—какъ Гл. Ив. Успенскій и Н. Н. Златовратскій.

Оба эти писателя, представивши намъ массу чрезвычайно важныхъ и глубоко интересныхъ наблюденій надъ основами народной жизни, замѣчательны въ равной степени тѣмъ, что были далеки отъ какихъ-либо одностороннихъ и крайнихъ выводовъ. Такъ, у обоихъ этихъ писателей вы видите факты, свидѣтельствующія о томъ, что мужикъ только до тѣхъ поръ и сохраняетъ свою традиціонную нравственность, пока сидитъ въ деревнѣ подъ строгою властью земли и опекою сельскаго міра; едва же онъ освобождается отъ узъ общинныхъ устоевъ, становится на почву индивидуально-нравственной свободы и особенно если при этомъ уѣзжаетъ въ городъ,—онъ очень легко подвергается нравственной распущенности, и ему начинаетъ грозить гибель. Но нигдѣ вы не найдете у этихъ самыхъ писателей столь крайнихъ выводовъ изъ подобныхъ фактовъ, будто деревня со своими устоями представляетъ по своимъ нравамъ картину безусловной нрав-

ственной чистоты, единоклюшной взаимной солидарности, братства и высокохристіанской любви; города же суть смрадныя, вмѣстилища всѣхъ пороковъ. Вы встрѣтите у тѣхъ-же писателей немало примѣровъ крайняго недовѣрія, какое питаеть мужикъ къ барину; — но объясняя это недовѣріе отчасти историческими причинами, отчасти современными, оба писатели въ свою очередь весьма далеки отъ того, чтобы обусловить его тѣмъ, что будто бы вся интеллигенція, какъ произведеніе городовъ, являлась бы поголовно нравственно растленною до мозга костей и ничего не въ состояніи была бы возбудить въ мужикѣ, кромѣ одного отвращенія и ненависти.

Между тѣмъ въ теченіе восьмидесятихъ годовъ возникла группа публицистовъ, наименовавшихъ себя *народниками*, которые ударились именно въ подобнаго рода крайности.

Ученіе народниковъ этого рода является въ свою очередь вовсе не случайнымъ заблужденіемъ ума нѣсколькихъ личностей, имѣющихъ отъ природы склонность къ крайнимъ выводамъ. Оно весьма естественно возникло изъ грустнаго сознанія полнаго безсилія сдѣлать что либо существенное для народа, подъ гнетомъ котораго находилась интеллигенція наша въ продолженіе всѣхъ восьмидесятихъ годовъ, равно какъ и вслѣдствіе тяжкаго впечатлѣнія неудачъ въ прошломъ.

Ученіе это имѣеть тѣсную связь съ тѣмъ пессимизмомъ, который овладѣлъ нашимъ образованнымъ обществомъ въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, привелъ весьма многихъ къ скептическому отношенію и къ европейскому прогрессу, и къ наукамъ, и ко всѣмъ дарамъ цивилизаціи, и заставилъ такого рода скептиковъ бѣжать изъ городовъ въ деревни, и тамъ искать нравственнаго спасенія и оздоровленія въ крестьянскомъ трудѣ.

Въ беллетристикѣ это теченіе не выдвинуло ни одной силы, которая всецѣло была бы представительницею его. Только въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ покойнаго Петропавловскаго-Коронина и Эртеля мы видимъ кое-какіе отголоски ученія народниковъ.

Въ настоящее время, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ голосъ Гл. Ив. Успенскаго замолкъ, а—Н. Н. Златовратскаго началъ раздаваться значительно рѣже, чѣмъ это было прежде, рассказы, въ которыхъ выставались-бы общественные и нравственные устои народной жизни почти уже не появляются. Беллетристика изъ народнаго быта словно вернулась къ своему прошлому, и воскресила всѣ свои прежнія теченія, какія существовали въ пятидесятитѣмъ ея существованіи, исключая, конечно, лишь юмористическаго. Такъ, рядомъ съ повѣстями, въ которыхъ выступаютъ отдѣльныя личности изъ народа, замѣчательныя въ нрав-

ственнымъ и психическомъ отношеніяхъ,—повѣстями, напоминающими въ этомъ отношеніи портреты крестьянъ Тургенева, Григоровича или Л. Толстого, мы встрѣчаемъ очерки, рассказы, а иногда цѣлые романы, въ которыхъ народъ выставляется въ своемъ экономическомъ безправіи и разореніи. Такія два страшныя народныя бѣдствія, разразившіяся въ началѣ девяностыхъ годовъ, какъ голодъ и холера, а вмѣстѣ съ тѣмъ и переселенческое движеніе весьма естественно обратили снова вниманіе общества и литературы на народныя нужды и страданія, равно какъ и на отношенія интеллигенціи къ народу. Какъ на примѣръ такого возрожденія беллетристики изъ народнаго быта типа шестидесятыхъ годовъ, мы можемъ указать на серію романовъ Мамина, знакомящихъ насъ съ уральскою горнозаводскою промышленностью, сибирскими золотыми приисками, хлѣбною торговлею на Уралѣ и Камѣ и пр.

Къ тому же роду относятся рассказы В. Короленка, изданные подъ заглавіемъ «Въ голодный годъ»;—его же «Очерки села Павлова», Гарина «Годъ въ деревнѣ» и другіе рассказы его изъ народнаго быта...

III.

Вторую группу, не менѣе естественную и органическую, созданную всецѣло условіями жизни, представляютъ беллетристы пессимисты. Пессимизмъ въ свою очередь является не какимъ-либо случайнымъ и преходящимъ явленіемъ нашей жизни. Онъ глубоко коренится въ русской натурѣ и является созданнымъ исторіею, вполнѣ народнымъ элементомъ характера русскаго человѣка. Безконечный просторъ необъятныхъ степей, среди котораго теряется человѣкъ и невольно чувствуетъ свое ничтожество и беспомощность, суровость климата, представляющаго собою короткія, едва согрѣваемые скуднымъ солнцемъ лѣта и безконечныя зимы съ ихъ трескучими морозами, глубокими и наводящими тоску снѣжными саванами и грозными мятежами, тяжесть борьбы съ капризными стихіями, ежеминутно грозящими обратить въ ничто всѣ труды и усилія людей и оставить ихъ безъ пищи и крова; неблагоприятность историческихъ судебъ, поставившихъ народъ на распутьи всѣхъ массовыхъ движеній изъ Азіи въ Европу и заставившихъ его задерживать своею грудью напоръ азіатскихъ ордъ, въ то время какъ подъ его охраною западные народы завидно преуспѣвали во всѣхъ отношеніяхъ,—все это взятое, вмѣстѣ, не могло располагать къ жизнерадостности, къ свѣтлomu эллинскому ликованію. Понятно, что вслѣд-

ствіе всего этого вся наша народная поэзія является преисполненною грусти, тоски, унылыхъ тоновъ безнадежнаго и безотраднago отчаянія. Такой же характеръ сохранила русская поэзія, перейдя и на почву личнаго творчества. Какъ только успѣла она пережить періодъ рабской подражательности образцамъ западной поэзіи и сдѣлалась самостоятельною и самобытною, она тотчасъ же преисполнилась тѣми же жалобами и стопами, какіе господствуютъ въ поэзіи народной. Исключеніе составляетъ развѣ только гениальный олимпіецъ Пушкинъ, но и у него найдете вы не мало стихотвореній, преисполненныхъ тоски и грусти, и онъ считалъ жизнь «даромъ напраснымъ, даромъ случайнымъ, посланнымъ ему тайною властью на казнь». Но какъ ни много имѣетъ поклонниковъ Пушкинъ, а не менѣе, если не болѣе, пожалуй, наберется людей, которые предпочитаютъ ему Лермонтова, именно вслѣдствіе того, что мрачная, полная раздирающей тоски и безнадежнаго отчаянія поэзія его болѣе близка и понятна изстрадавшемуся русскому сердцу, чѣмъ эллинское ликованіе Пушкина.—Обратите затѣмъ вниманіе на такой фактъ, что чѣмъ народнѣе и популярнѣе являются всѣ послѣдующіе поэты, тѣмъ болѣе встрѣчается въ нихъ мрачныхъ пѣсенъ, исполненныхъ тоски безнадежной. Таковы Шевченко, Некрасовъ, Кольцовъ, Никитинъ. Хотя Надсонъ и далеко не народный поэтъ, но я убѣжденъ, что популярность его въ интеллигентныхъ классахъ общества, для которыхъ исключительно онъ пѣлъ, въ свою очередь основывается на томъ же пессимизмѣ, который проникаетъ его стихотворенія.

Беллетристикѣ нашей въ свою очередь съ самаго начала ея возникновенія, съ Гоголя, выпалъ печальный удѣлъ вѣчнаго выставленія отрицательныхъ сторонъ жизни.

«Зачѣмъ же, спрашиваетъ въ недоумѣніи Гоголь, въ концѣ уже своего литературнаго поприща,—выставляютъ на показъ бѣдность нашей жизни и наше несовершенство, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства?» И отвѣчаетъ съ грустью:

«Что же дѣлать, если *такого свойства сочинитель и такъ уже заболѣлъ онъ самъ своимъ несовершенствомъ, и такъ уже устроенъ талантъ его*, чтобы изображать ему бѣдность нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства!»

Увы, эти слова буквально примѣнимы не къ одному только Гоголю въ частности, а ко всѣмъ русскимъ сочинителямъ; всѣ они одного свойства, больны однимъ и тѣмъ же своимъ несовершенствомъ и одинаково устроены таланты ихъ, чтобы изображать однѣ мрачныя и неприглядныя картины жизни. И думалъ ли Го-

голь, какое пророчество изрекъ. онъ надъ всею русскою литературою, когда въ началѣ 7-й главы первой части «Мертвыхъ душъ» онъ заявилъ, что «долго еще опредѣлено ему чудною властью идти объ руку съ его странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченный въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почувють, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей»...

Да, это время далеко было не для одного только Гоголя: оно до сихъ поръ остается далекимъ для всей русской литературы и намъ, конечно, не дождаться величаваго грома другихъ рѣчей...

Въ ожиданіи этого грома, литература и до сихъ поръ остается вѣрна завѣщанію Гоголя: она грустно озираетъ жизнь, сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы, и скромно пробавляется своими странными героями, такими убогими, такими жалкими, которымъ ничего не удастся, которые вѣчно скучаютъ, ноютъ, вѣшаются, стрѣляются, или же чахнутъ, словно захваченные морозами цвѣты, не успѣвшіе разцвѣсть, какъ уже увядшіе въ утрѣ пасмурныхъ дней.

Обратите вниманіе на два неизмѣнныя свойства нашей беллетристики, начиная съ Гоголя и до сего дня: во-первыхъ, ни когда еще ни одному русскому писателю не удавалось выставить ни одинъ положительный типъ, подѣ идеальность котораго нельзя было бы подкопаться. Возьмите Костанюжогло и Муразова, Инсарова и Соломина, Штольца и Тушина, наконецъ героевъ Шеллера и Омуревскаго,—всѣ они ни мало не возбуждаютъ въ васъ чувства восторга и соревнованія, а, напротивъ того, на устахъ вашихъ, при представленіи о нихъ, невольно является улыбка ироніи: всѣ они представляются вамъ если не самовольными и нѣсколько ограниченными филистерами, то какими-то блаженными, простоватыми и приторно сентиментальными словьями. Во всѣхъ ихъ поражаетъ васъ что-то дѣланное, сочиненное, теоретическое, измышленное.

Во-вторыхъ, у большинства русскихъ беллетристовъ замѣчается непреоборимое отвращеніе отъ счастливыхъ развязокъ сюжетовъ. Писателя такъ и тянетъ въ концѣ повѣсти одного героя заставить повѣситься, другого застрѣлиться, героиню— умереть отъ чахотки или сойти съ ума. Русскій писатель словно боится, какъ-бы не подумали, что онъ столь наивенъ,—вѣрить, будто въ концѣ концовъ добродѣтель непременно должна быть вознаграждена, а порокъ наказанъ. Даже и тогда, когда писатель преодолѣетъ подобный стыдъ, и произведеніе его кончится

веселымъ пиркомъ и свадебкою, на манеръ большинства англійскихъ романовъ, — и у писателя, и у читателя невольно закрадывается въ душу сомнѣніе: да развѣ это конецъ?—Вѣдь вслѣдъ за свадьбою блаженныхъ молодыхъ ожидаетъ цѣлая жизнь впереди. А какова-то будетъ эта жизнь? Можно ли надѣяться на прочность земного счастья и воображать, что новобрачные такъ и проживутъ долгіе годы въ мирѣ, любви и согласіи, нѣжно воркуя, какъ голубочки!.. Что-то станетъ съ ними черезъ десять, пять лѣтъ, а можетъ быть и раньше!..

Въ основѣ всѣхъ этихъ намозолившихъ глаза свойствъ русской беллетристики лежитъ все тотъ-же врожденный русскому человѣку пессимизмъ. Напрасно беллетристы сороковыхъ годовъ заглушали этотъ пессимизмъ, различными напускными утѣшеніями: одни старались утѣшить себя вѣрою въ европейскій прогрессъ, который въ концѣ концовъ побѣдитъ наше исконное невѣжество; другіе—въ непреоборимыя силы нашего многострадальнаго народа; третьи—въ краеугольные камни разныхъ основъ. Сквозь всѣ эти утѣшенія такъ и выступаетъ грусть-тоска безысходная, которая шипитъ змѣей подколодной изъ-подъ каждой строки ихъ произведеній.

Шестидесятые годы представляются годами восторженнаго энтузіазма и слѣпой вѣры въ возрожденіе русской жизни посредствомъ ряда благодѣтельныхъ реформъ. Но обратите вниманіе, сколько мрака таилось подъ общимъ ликованіемъ, какою холодною водою обливала это ликованіе исполненная скептицизма критика Добролюбова, сколько удручающей хандры заключали въ себѣ сатиры Щедрина Въ большинствѣ же беллетристическихъ произведеній, какъ изъ народной жизни, такъ и изъ интеллигентной, по прежнему изображались одни печальныя и отрицательныя явленія жизни; по прежнему произведенія эти были преисполнены все той же безнадежной тоски и щеголяли все тѣми же трагическими концами.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что съ наступленіемъ восьмидесятыхъ годовъ, когда разомъ рушилось столько радужныхъ иллюзій, когда въ прошломъ оказалось столько горькихъ неудачъ, когда и западно-европейская жизнь начала принимать мрачный колоритъ какихъ-то безразсвѣтныхъ сумерокъ всеобщаго застоя и реакціи,—свойственный русской природѣ пессимизмъ разцвѣтъ пышнымъ цвѣтомъ и такъ обострился, какъ никогда прежде. Появился цѣлый рядъ беллетристовъ, которые сомнѣваются не въ одномъ лишь россійскомъ прогрессѣ, но въ прогрессѣ вообще, смотрятъ на весь міръ и всю жизнь съ шопенгауеровской и гартмановской точекъ зрѣнія неизбѣжности однихъ страданій, не

видятъ вокругъ себя ничего кромѣ безысходныхъ противорѣчій, всеобщаго раздора и взаимнаго поѣданія другъ друга всѣхъ земныхъ тварей.

Первый сигналъ къ такого рода обостренному пессимизму восьмидесятихъ годовъ былъ поданъ А. Ос. Новодворскимъ (А. Осиповичемъ), начавшимъ свою кратковременную литературную дѣятельность въ 1877 году повѣстью «Эпизодъ изъ жизни ни павы, ни вороны» и закончившаго ее въ 1882 г. смертью отъ чахотки. Пессимизмъ Новодворскаго не имѣлъ еще общепhilosophической подкладки и былъ навѣянъ прямо тѣми неудачами, какія испытала наша передовая интеллигенція въ теченіе предыдущаго десятилѣтія. Подъ перомъ Новодворскаго молодое поколѣніе возвѣстило о своей нравственной несостоятельности, о своей непригодности для рѣшенія тѣхъ великихъ и тяжелыхъ задачъ, какія наложило на его плечи время. Виноватыми оказывались не самыя эти задачи, и не время, поставившее ихъ, а грѣхи дѣдовъ и отцовъ, за которые казнились сыновья и внуки, родившіеся тщедушными пигмеями, и весь трагизмъ повѣстей Новодворскаго заключается въ томъ, что этимъ безсильнымъ и жалкимъ пигмеямъ суждено исполнять работу титановъ.

Рядомъ съ Новодворскимъ является Гаршинъ, пессимизмъ разсказовъ котораго идетъ значительно дальше, не ограничивается уже одними оплакиваніями несостоятельнаго поколѣнія, а обращается къ разнымъ идеаламъ, къ которымъ стремились люди его времени. Такъ, въ разсказахъ «Четыре дня» и «Трусъ» авторъ развѣнчиваетъ идеалы войны и ему кажется дико и нелѣпо, что интеллигентный и гуманный человѣкъ ни съ того, ни съ сего убиваетъ незнакомаго человѣка, котораго видитъ въ первый разъ въ жизни, который не причинилъ ему никакого зла, и лишаетъ, быть можетъ, семейство своего кормильца. Въ разсказѣ «Художники» въ свою очередь развѣнчивается искусство въ самомъ своемъ наивысшемъ и идеальнѣйшемъ проявленіи,—въ произведеніяхъ, преисполненныхъ гуманныхъ и гражданскихъ чувствъ и идей: что толку написать картину въ такомъ родѣ, когда на выставкѣ будутъ смотрѣть на нее разные свѣтскіе кривляки и судить вкривь и вкось о ея teknikѣ, не заглядывая глубоко въ ея содержаніе, а затѣмъ она будетъ рядомъ съ люстрами и канделябрами украшать салонъ какого-нибудь отъѣвшагося купчины.

Въ сказкѣ «Attalea Princeps» развѣнчиваются и самыя гражданскіе идеалы, вслѣдствіе чего сказку эту не рѣшился напечатать на своихъ страницахъ прогрессивный журналъ, въ которомъ чаще всего печатался Гаршинъ. Оказывается вдругъ, что

та самая свобода и просторъ, которые манили пальму и заставляли ее стремиться вырваться изъ душной тюрьмы аранжереи,—ничего не принесли ей кромѣ гибели, когда она достигла своей цѣли и переросла крышу. Наконецъ, въ разсказѣ «Ночь» устами героя авторъ раздражается беспощадными сарказмами противъ людей и жизни человѣческой вообще. Такъ, собираясь покончить съ собою, герой пишетъ письмо, въ которомъ заявляетъ, что онъ умираетъ спокойно, потому что жалѣть нечего: жизнь есть ложь, люди выдохлись, да и нечему было выдохаться, а просто потеряли для него интересъ, разъ онъ понялъ ихъ, понялъ и себя и убѣдился, что въ немъ, равно какъ и въ людяхъ ничего нѣтъ кромѣ одной лжи, и умираетъ онъ, съ презрѣніемъ къ себѣ не меньшимъ, чѣмъ и къ людямъ, къ которымъ онъ въ заключеніе письма, обращается съ такимъ прощаніемъ: «Прощайте, люди! прощайте, кровожадные, кривляющіяся обезьяны!»

Далѣе затѣмъ слѣдуютъ К. Ст. Баранцевичъ и М. Н. Альбовъ, пессимизмъ которыхъ сверхъ общихъ причинъ, лежащихъ въ духѣ времени, обусловливается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что оба эти писателя всецѣло являются цвѣтками, возросшими на почвѣ ингерманландскихъ болотъ. Подъ сумрачнымъ небомъ Петербурга они родились и провели всю свою молодость; подъ вліяніемъ петербургскихъ дождей и тумановъ разцвѣли ихъ таланты. Къ тому же въ столичныхъ сырыхъ промозглыхъ стѣнахъ сѣверной столицы кругъ наблюденій ихъ постоянно является ограниченнымъ узкимъ кругомъ монотонно скучной, лишенной всякихъ высшихъ умственныхъ интересовъ сѣренькой мѣщанской жизни заднихъ дворовъ, портерныхъ и трактирчиковъ, прозябающихъ на отдаленныхъ окраинахъ города.

При такихъ условіяхъ, статочное-ли дѣло, было бы ожидать отъ этихъ писателей какихъ-либо жизнерадостныхъ картинъ, бодрыхъ и свѣтлыхъ чувствъ, образцовъ доблести и нравственной высоты и т. п. Характеръ произведеній ихъ вполне можетъ быть опредѣленъ однимъ изобрѣтеннымъ Помяновскимъ словомъ «кладбищенство». Безысходный мракъ царить въ каждомъ ихъ повѣствованіи, и не найдете вы такого, въ концѣ котораго не разверзалась бы могила. Можно думать, что оба эти писателя, находятъ какое-то особенное наслажденіе въ томъ, что измучивать и выматывать нервы своихъ читателей безконечными зрѣлищами безотраднхъ и бессмысленныхъ существованій впроголодь, въ безысходной борьбѣ съ нищетою и болѣзнями, жестокихъ и бессмысленныхъ утратъ, медленныхъ агоній, и всякаго рода ужасающихъ маразмовъ.

Не меньшимъ пессимизмомъ отличаются произведенія и та-

кихъ двухъ, занимающихъ въ настоящее время первое мѣсто по своей талантливости, беллетристовъ, какъ Д. Н. Маминъ и А. П. Чеховъ.

Во всѣхъ какъ большихъ романахъ, такъ и мелкихъ разсказахъ Мамина васъ поражаетъ на первомъ планѣ, тотъ безысходный хаосъ, тотъ всеобщій раздоръ и разладъ человѣческой жизни, который ведетъ къ роковой гибели каждое мало-мальски прекрасное существованіе, каждое благое начинаніе. Но не одна человѣческая жизнь является, въ глазахъ Мамина, преисполнена кровавой борьбы за существованіе, не надъ однимъ человѣчествомъ, тяготѣетъ печать каинскаго проклятiя. Тотъ же суровый законъ взаимнаго поѣданiя таится, по мнѣнію писателя, во всей природѣ. Такъ, въ разсказѣ «Въ худыхъ душахъ», описывая лѣтнюю ночь, исполненную, повидимому, мирной безмятежности, онъ слѣшитъ разувѣрить читателей въ этомъ мнимомъ покоѣ, подозрѣвая въ немъ что-то скрытое, недосказанное, что, казалось, висѣло въ воздухѣ... «Вотъ въ этой сочной травѣ, говоритъ онъ, подернутой утренней росой, съ виду тоже тихо, какъ и въ воздухѣ, но сколько въ этотъ моментъ тамъ и здѣсь погибаетъ живыхъ существованiй, погибаетъ безъ крика и стонъ, въ нѣмыхъ конвульсiяхъ. Одна букашка душитъ другую, червякъ точитъ червяка, весело чирикающая птичка одинаково весело ѣстъ и букашку и червячка, дѣлаясь въ свою очередь добычей кошки или ястреба. *Въ этомъ концертѣ пожиранiя другъ друга творится тайна жизни...*»

Такова философія г. Мамина, проникающая всѣ его произведенiя.

Не уступаетъ ему и А. П. Чеховъ въ своемъ столь же безотрадномъ пессимизмѣ. И у г. Чекова, въ его наиболѣе сильныхъ произведенiяхъ (каковы напр., «Палата № 6», «Разсказъ неизвестнаго человека»), вы видите тотъ же мрачный хаосъ и разладъ въ человѣческой жизни, то же разочарованіе въ возможности достигнуть чего-либо желаннаго—хорошаго, то же гнетущее отчаяніе. Такъ, напримѣръ, что можетъ быть ужаснѣе города, въ которомъ всего только находится два человѣка, возвышающіеся надъ тиною мелочей и дразгъ чисто животнаго прозябанiя, да и тѣ оказываются вдругъ душевно больными. Въ «Разсказъ неизвестнаго человека» въ свою очередь единственныя двѣ мало-мальски симпатичныя личности оказываются кругомъ несостоятельными въ своей жизни: герою, извѣрившемуся во всѣхъ своихъ опытахъ осуществленiя идеаловъ, только и остается, что одинокая смерть отъ чахотки, а героинѣ, разочарованной въ поискахъ разумнаго и честнаго дѣла остается лишь отравиться.

IV.

Третью группу, въ свою очередь завѣщанную намъ сороковыми и шестидесятыми годами, составляютъ романы и повѣсти, посвященные тремъ, находящимся въ тѣсной и неразрывной связи, вопросамъ—семейному, женскому и дѣтскому. Принимая во вниманіе, какой важный и существенный элементъ представляетъ семья какъ въ общественной жизни, такъ и въ лично-индивидуальной, семья, изъ которой все исходитъ, и къ которой все въ концѣ концовъ сводится,—группу эту мы считаемъ столь же значительною и важною, какъ только что разсмотрѣнные нами. То переходное состояніе, которое переживаетъ русская семья, сойдя съ патріархальной почвы дореформенной эпохи, и не успѣвши еще вполне устроиться сообразно общественно-экономическимъ условіямъ жизни, создавшимся въ послѣднія сорокъ лѣтъ,—естественно ставить семейный, женскій и дѣтскій вопросы на первый планъ и привлекаетъ къ нимъ общее вниманіе, и поэтому какъ нельзя болѣе понятно, что нѣтъ такого современнаго русскаго беллетриста, къ какой бы группѣ онъ ни принадлежалъ, который не заплатилъ бы дани этимъ тремъ вопросамъ, являющимся для каждаго смертнаго прежде всего вопросами личными, касающимися своей собственной кожи. И у Гл. Успенскаго, и у Златовратскаго, и у Мамина, и у Чехова, и у Потапенка, и у Альбова, и у Баранцевича,—вы найдете рядъ произведеній, посвященныхъ семьѣ, женщинѣ и дѣтямъ. Но пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ безспорно подвизающимся нынѣ въ беллетристикѣ женскимъ силамъ. Какъ ни близокъ мужчинѣ семейный вопросъ и по дѣтскимъ воспоминаніямъ, по сознанію, чѣмъ онъ обязанъ родительской семьѣ и что онъ изъ нея вынесъ, и потому, что ему приходится испытывать, въ зрѣломъ уже возрастѣ, отъ своей собственной семьи,—но для женщины вопросъ этотъ еще ближе, и, конечно, она въ неизмѣримой степени компетентнѣе въ немъ, чѣмъ мужчина, какъ вслѣдствіе своей исторической замкнутости въ семейныхъ нѣдрахъ, такъ и удаленія отъ сферъ общественной жизни. И надо отдать справедливость, настоящее время можно по истинѣ назвать золотымъ вѣкомъ женской беллетристики: никогда, по крайней мѣрѣ, мы не имѣли такого числа болѣе или менѣе сильныхъ женскихъ талантовъ, какъ нынѣ. Стоитъ упомянуть только такія почтенныя имена, какъ г-жъ Смирновой, Микуличъ, Шапиръ, Шабельской, Дмитріевой, Безродной, Виницкой и пр.

Если примемъ во вниманіе всѣ эти женскія силы и присоединимъ къ нимъ мужскія, такъ какъ, — еще разъ повторяю, —

ни одинъ изъ современныхъ намъ беллетристовъ не преминулъ посвятить вопросамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, хотя одинъ или два разсказа,—то мы должны будемъ признать группу беллетристики по семейнымъ вопросамъ преобладающею въ настоящее время. Можно по всей правдѣ сказать, что современная намъ беллетристика по преимуществу *семейная*,—и эта какъ нельзя болѣе понятно. Съ паденіемъ волны общественной жизни, при томъ равнодушіи, какое овладѣло современными людьми къ вопросамъ политико-экономическимъ и социальнымъ,—на первый планъ естественно выдвинулись вопросы семейные. И къ тому же касаться ихъ и разрабатывать по мѣрѣ силъ и возможности не въ примѣръ оказалось удобнѣе и доступнѣе по многимъ причинамъ... Каждый художникъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, дорожитъ ясностью и рельефностью своихъ образовъ, и лишь въ сферѣ семейныхъ вопросовъ онъ можетъ избѣжать тѣхъ туманностей, обходовъ и всякаго рода элопта, которыя неизбѣжны въ беллетристикѣ, посвященной общественнымъ вопросамъ.

При этомъ слѣдуетъ отдать справедливость современной беллетристикѣ по вопросамъ семейному, женскому и дѣтскому, она разрабатываетъ эти вопросы несравненно глубже и добросовѣстнѣе, чѣмъ это было лѣтъ двадцать, тридцать тому назадъ. Тогда относились къ нимъ несравненно поверхностиѣе, съ болѣе легкимъ сердцемъ и оптимизмомъ. Всѣ эти вопросы сводились или къ борьбѣ жаждущей ученья барышни съ старомодными родителями, или же становились на жоржзандовскую почву свободы страсти нѣжной. Въ обоихъ этихъ случаяхъ побѣда оставалась за носителями новыхъ идей: барышни отважно уѣзжали на курсы; молодыя жены покидали постылыхъ мужей пошляковъ и свободно сходились съ идеальными свѣтилами прогресса.

Нынѣ такое рѣшеніе семейныхъ вопросовъ представляется слишкомъ простымъ и элементарнымъ. Жало разлагающаго скептицизма и пессимизма успѣло впустить свой ядъ и въ эту сферу жизни, и на каждомъ шагу являются передъ наблюдателями-художниками такія осложненія, такія взаимно-перекрепчивающіяся противорѣчія, которыя способны поставить втупикъ самыхъ глубокомысленныхъ философовъ. Что и говорить,—трудно бываетъ порою ревнительницѣ женскаго вопроса побороть гидру невѣжества и проложить себѣ дорогу хотя-бы лишь на курсы, ну, а что, какъ въ результатѣ этой тяжелой борьбы получится вдругъ не живой человекъ, а сухой и мертвый чиновникъ или педантъ-ученый въ юпкѣ? Что если идеальное свѣтило прогресса, ради котораго молодая женщина разрушила свое семейное гнѣздышко, по ближайшемъ разсмотрѣніи окажется вдругъ пошлѣе и дряннѣе покинутаго мужа?

Какъ сохранить такое душевное равновѣсіе, чтобы съ одной стороны неуклонное шествіе по пути прогресса не изсушило женскаго сердца и не обратилось въ черствое бездушіе, а съ другой—чтобы горячая страсть не омрачила разсудка и не привела къ постыдному рабству? Ну, а какъ же быть съ дѣтьми, если пламя любви перестаетъ согрѣвать семейный очагъ, распадется при этомъ семья или будетъ сохранять одну форму, благопристойную снаружи, и мертвую внутри,—какъ должна подѣйствовать на воспитаніе дѣтей смерть семьи въ обоихъ случаяхъ, что они должны пережить и переиспытать при этой грустной драмѣ?

А дагѣ слѣдуетъ рядъ мучительныхъ драмъ и страшныхъ трагедій, происходящихъ вслѣдствіе разнаго рода коллизій высокихъ и гуманныхъ идей съ низкими пороками, унаслѣдованными отъ отцовъ и дѣдовъ, или же съ общею малокультурностью нашего общества. Хорошо еще, если наслѣдственные пороки или малокультурность проявляются слишкомъ уже грубо и элементарно, если, напримѣръ, «свѣтило прогресса» является безпардоннымъ пьяницей, мотомъ, игрокомъ, способнымъ во хмѣлю заушаты подругу жизни безъ зазрѣнія совѣсти, или же «новая женщина», прошедшая нѣсколько курсовъ, обращается вдругъ въ мегеру, способную бить по щекамъ служанокъ и гоняться за мужемъ съ ухватомъ,—такая драма, конечно, можетъ разрѣшиться просто и безъ затѣй прямымъ разрывомъ. Но случается, что наслѣдственные пороки проявляются въ такомъ утонченномъ видѣ, что во вѣкъ не распутать, гдѣ прогрессъ, гдѣ регрессъ, гдѣ новыя идеи, гдѣ старыя дрожжи; случается, что малокультурность соединяется съ такими прекрасными душевными качествами и съ такою страстною и глубокою любовью, что не представляется никакой возможности и думать разорвать все разомъ,—пришлось бы на смерть рѣзать живое человѣческое тѣло... И какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ передъ нами является картина безысходныхъ мукъ взаимнаго поѣданья другъ друга.

Я, конечно, и въ сотой долѣ не исчерпалъ всѣхъ тѣхъ явленій жизни, тѣхъ драмъ и трагедій, которыя раскрываетъ передъ нами современная намъ беллетристика по семейному и женскому вопросамъ. Я убѣжденъ только въ одномъ: что какъ ни скромна ея доля, какъ ни тѣсенъ кругъ ея наблюденій, тамъ не менѣе она дѣлаетъ хорошее дѣло, за которое наши дѣти и внуки скажутъ ей большое спасибо.

V.

Къ четвертой группѣ современной беллетристики относятся всѣ такого рода беллетристы, которые не имѣютъ никакого

опредѣленнаго характера или направленія, не задаются никакими цѣлями и задачами, а безхитростно изображаютъ все то, что представляется имъ въ жизни характернаго и въ какомъ-либо отношеніи стоящаго изображенія. Судя по этому опредѣленію можно было-бы подумать, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ послѣдователями «чистаго искусства», но это было-бы не правильно. Чистое искусство имѣетъ въ виду вовсе не изображеніе чего-бы то ни было, что только кинулось въ глаза художника и поразило его. Оно имѣетъ свою опредѣленную область и свою специальную задачу: область эта—прекрасное, задача—возбуждать въ читателяхъ эстетическія эмоціи. Такого рода въ истинномъ смыслѣ этого слова «чистое искусство» вы найдете въ настоящее время развѣ-что въ области стихотворной лирики, да и то въ самомъ жалкомъ видѣ при томъ состояніи полного упадка, въ которомъ пребываетъ эта отрасль поэзіи. Въ беллетристикѣ же мы не замѣчаемъ давно уже ни одного произведенія, которое исключительно витало бы въ области прекраснаго и ничего не имѣло бы въ виду, какъ лишь возбудить въ читателяхъ художественные восторги. Далека отъ подобныхъ задачъ и та обширная группа беллетристовъ, о которой идетъ у насъ рѣчь.

Беллетристы эти имѣютъ въ виду вовсе не прекрасное, а любопытное, интересное въ какомъ бы то ни было отношеніи и цѣль ихъ просто-по-просту доводить до свѣдѣнія читателей это интересное, знакомить ихъ съ нимъ.

Существуетъ еще и другая кличка для беллетристовъ этого рода: называютъ ихъ часто беллетристами-фотографами, но и подобная кличка въ равной степени неудачна. Фотографія представляетъ собою мертвый аппаратъ, который, подобно зеркалу, съ математическою точностью отражаетъ все, что ни поставьте передъ нимъ. Беллетристы же, о которыхъ идетъ рѣчь, прежде всего живые люди; они имѣютъ побужденіе не безразлично изображать все, что бы ни представилось ихъ взору, а лишь то, что привлекаетъ ихъ вниманіе и чѣмъ-либо поражаетъ. Въ то же время дѣйствительность представляется имъ подъ различными углами и точками зрѣнія, не въ томъ видѣ, въ какомъ она есть сама по себѣ, а сообразно различнымъ настроеніямъ и эмоціямъ наблюдателя.

Да и гдѣ находится граница между фотографическимъ списываніемъ дѣйствительности и тѣмъ, что вы зовете творческимъ претвореніемъ ея въ перлъ созданія, художественнымъ обобщеніемъ. Зачѣмъ станетъ художникъ-творецъ исключительно только и дѣлать, что претворять и обобщать, когда въ жизни на каждомъ шагу встрѣчается столько типическаго, что только и остается

ся, что непосредственно изображать его; никто и не повѣритъ, чтобъ это была копія съ дѣйствительности, а не художественное претвореніе. И развѣ мы не видимъ, что самые великіе художники очень часто берутъ и образы, и типы, и портреты, и цѣлыя сюжеты драмъ и комедій прямо изъ жизни, нисколько не скрывая этого. Да и то сказать, на какомъ основаніи стали бы вы ставить въ заслугу истинному и великому художнику лишь творческое созданіе типовъ, какъ будто умѣнье находить и постигать типическое въ самой жизни не представляется въ свою очередь удѣломъ высшаго художественнаго чутья.

На этихъ основаніяхъ писатели всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами выше группъ, если не всегда, то очень часто, по характеру своего творчества, ничѣмъ не отличаются отъ беллетристовъ разсматриваемой нами въ настоящую минуту группы. Различіе заключается лишь въ самомъ содержаніи ихъ произведеній. Беллетристы разсмотрѣнныхъ нами выше группъ, силою различныхъ теченій жизни, устремились къ наблюденію и изображенію преимущественно однихъ какихъ-нибудь сторонъ и явленій дѣйствительности: одни—къ изображенію жизни народа, другіе—къ представленію того всеобщаго разлада въ человѣческомъ муравейникѣ, который, омрачая жизнь, приводитъ къ ея отрицанію, третьи къ изученію преимущественно различныхъ семейныхъ коллизій. Четвертые же, не подчиняясь ни одному изъ могучихъ и преобладающихъ теченій жизни, и не захватываемые ими, изображаютъ все, что можетъ быть интересно въ жизни въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Сюда принадлежатъ беллетристы—этнографы, беллетристы—психологи, патологи, обличители разныхъ частныхъ и мѣстныхъ злоупотребленій, наконецъ, просто-по-просту—жавристы.

Было бы въ то же время ошибочно предполагать, чтобы писатели этой четвертой группы по величинѣ своихъ талантовъ стояли на низшей степени, чѣмъ беллетристы предыдущихъ группъ. Здѣсь блестятъ въ своемъ родѣ выдающіеся таланты, каковы, напр., гг. Боборыкинъ, Потапенко, Саловъ. Наконецъ, и писатели предыдущихъ группъ очень часто создаютъ такія произведенія, которыя въ бѣльшей степени относятся къ этой самой четвертой группѣ, чѣмъ къ той, къ какой они принадлежатъ по большинству своихъ произведеній. Такъ, напримѣръ, въ какой изъ четырехъ группъ, какъ не къ этой послѣдней, отнесете вы «Слѣпого музыканта» г. Вл. Короленко. А г. Чеховъ: чѣмъ же онъ навлекъ на себя обвиненіе слишкомъ уже ригористической критики въ безыдейности, какъ не тѣмъ, что масса его мелкихъ рассказовъ, равно какъ и нѣкоторые изъ крупныхъ — принадлежатъ именно къ этой самой четвертой группѣ.

Значеніе и польза произведеній этой группы опредѣляются вполне тѣмъ, въ какой мѣрѣ интересны и важны явленія жизни, которыя они изображаютъ. Они или знакомятъ насъ съ такими явленіями, сторонами и закоулками русской жизни, съ которыми безъ нихъ вамъ никогда не пришлось бы познакомиться,—и этимъ расширяютъ кругъ вашего знанія русской жизни; или вводятъ васъ въ такіе лабиринты человѣческаго сердца, о которыхъ вамъ и не приснилось бы, или же, наконецъ, систематизируютъ и осмысливаютъ такіе факты и явленія жизни, которые хотя и знакомы вамъ, но въ отрывочномъ, безсвязномъ видѣ случайныхъ конкретностей.

Произведенія этой четвертой группы не чужды бываютъ порою и очень глубокихъ идей, но только идеи эти не представляютъ исходнаго пункта для творчества автора, а безсознательно для послѣдняго лежатъ въ изображаемыхъ образахъ произведенія.

Этими четырьмя группами исчерпывается въ настоящее время весь составъ современной русской беллетристики, не отличающейся какими-либо титаническими, гениальными силами, которымъ было бы суждено блистать на протяженіи многихъ вѣковъ, но тѣмъ не менѣе дѣлающей свое дѣло энергически, дружно и честно.

Какъ ни скромны по своимъ размѣрамъ въ настоящее время беллетристическія силы, тѣмъ не менѣе все-таки слѣдуетъ сказать, что все живое, свѣжее, выдающееся и дѣльное,—словомъ, все современное художественно-литературное движеніе — сосредоточивается въ беллетристикѣ. Если же мы обратимъ вниманіе на всѣ прочіе роды поэзіи,—то ничего мы тамъ не увидимъ, кромѣ самаго печальнаго упадка.

Такъ, напримѣръ, драматическая поэзія по смерти Островскаго представляетъ собою рядъ эфемерныхъ, легковѣсныхъ, шаблонныхъ пьесъ, которыя вывозятся лишь талантами актеровъ; рѣдкая переживаетъ сезонъ и почти ни одна не остается въ фондѣ репертуара. Все это по большей части жалкія передѣлки затасканныхъ французскихъ пьесъ на русскіе нравы, а встрѣчаются между ними и такія, которыя пишутся специально для той или другой любимицы публики, и нарочно подгоняются къ тому, чтобы дать ей возможность пустить барынямъ пыль въ глаза, выйдя на сцену въ шикарномъ костюмѣ по послѣдней модѣ, или же возбудить неистовую бурю аплодисментовъ какой-нибудь эффектно-мелодраматической сценой. Искусствомъ здѣсь и не пахнетъ. Довольно сказать, что драматическая литература давно уже сошла со страницъ толстыхъ журналовъ. Было время, когда въ лучшихъ журналахъ помѣщались пьесы Островскаго, Тургенева, Писемскаго, Мея, Ал. Потѣхина и пр. и пр.—и всѣ періодическія изданія щеголяли

этимъ. Нынѣ же многія редакціи установили разъ навсегда принципъ,—драматическія пьесы не помѣщать въ своихъ органахъ.

Еще бѣльшую мерзость запустѣнія представляетъ современная лирика. Главный ея недостатокъ заключается въ томъ, что въ ней не только изсякла та народная струя, которую мы замѣчали въ поэзіи Шевченка, Кольцова, Никитина, Некрасова, А. Толстого, но и всякое чутье русской жизни. Лирика стала вполне на какую-то отвлеченную интернаціональную почву шаблонныхъ стереотипныхъ образовъ и риторическихъ украшеній, поддѣльныхъ чувствъ и ходульныхъ восторговъ, псевдо философскихъ размышленій и псевдо-космическихъ, заоблачныхъ пареній. Въ такомъ видѣ она мало того, что совершенно бесполезна хотя бы даже въ чисто эстетическомъ отношеніи, но снотворна и неудобочитаема.

Оставалось только этой самой выродившейся лирикѣ сдѣлать послѣдній шагъ паденія въ видѣ декадентства, и она его сдѣлала. Явились поэты декаденты по чисто сумасшедшей безсмысленности и бреду, и по крайней бездарности далеко оставившіе за собою французскихъ символистовъ.

Есть наконецъ еще одна отрасль поэзіи, которая въ настоящее время совсѣмъ исчезла изъ нашей литературы. Это именно сатира. Мы имѣемъ лишь нѣсколько смѣхотворныхъ листковъ, которые наполняются чисто балаганными кривляніями въ стихахъ и прозѣ разнаго рода безвѣстныхъ потѣшниковъ и пасквилянтовъ. Смѣхъ удалился въ темныя области шантажа...

Честный же, великій, гражданскій смѣхъ Фонвизина, Грибоѣдова, Гоголя и Салтыкова изсякъ въ нашей литературѣ, исчезъ безслѣдно, но неужели вмѣстѣ съ тѣмъ и безвозвратно? Неужели намъ совсѣмъ ужъ нынѣ не до смѣху?..

А. Скабичевскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Политическая роль французскаго театра въ связи съ философией XVIII вѣка. Ив. Иванова. Москва, 1895 г. стр. 740. Ц. 3 р. 50 к.

Если когда-нибудь искусство оказало очевидную услугу обществу въ осуществленіи его социальныхъ и политическихъ идеаловъ, то прежде всего это можно сказать о французской просвѣтительной литературѣ XVIII вѣка. Авторъ труда, выставленнаго въ заголовкѣ рецензіи, г. Ивановъ, указываетъ, что до сихъ поръ не всѣ средства распространенія философскихъ идей пользовались одинаковымъ вниманіемъ историковъ: тщательныя изслѣдованія посвящались печати философскаго направленія, а также свѣтскимъ салонамъ, какъ очагамъ устной проповѣди, но недостаточно еще оцѣнена роль театра, какъ трибуны, съ которой шире всего распространились новыя идеи. Оцѣнкѣ этой роли и посвящена книга автора. По мнѣнію г. Иванова, первенствующее значеніе сцены въ этомъ отношеніи не подлежитъ спору. Салоны могли служить для распространенія идей лишь въ средѣ аристократическаго общества. Что же касается книжной проповѣди, то г. Ивановъ указываетъ цѣлый рядъ условій, парализовавшихъ ея воздѣйствіе на публику. Такъ, «отъ вниманія цензуры не ускользало ни одно сочиненіе, сколько нибудь намекающее на новую мысль. Во Франціи не могла пройти безпрепятственно даже геометрическая задача, и математическія книги приходилось печатать за границей». «Послѣ египетскихъ казней», пишетъ современникъ, «я не знаю сильнѣйшаго бѣдствія, чѣмъ то, которое распространилось во Франціи и произвело всеобщій недостатокъ въ умственной пищѣ... Приходится обманывать цѣлый отрядъ комиссаровъ, инспекторовъ, полицейскихъ, стражей, если хочешь имѣть эти драгоцѣнные товары» (141). «Печатаніе книгъ за границей не устраняло затрудненій и опасностей». Существовало два способа распространять заграничную литературу: «разноска и пересылка сочиненій самими авторами». Оба эти пути были ненадежны. «Торговля запрещенными книгами считалась преступнѣйшей контрабандой и каралась съ невѣроятной жестокостью». Пересылать книги въ письмахъ также бывало весьма опасно, въ виду того, что за письмами частныхъ лицъ былъ

учрежденъ бдительный надзоръ. Въ наказахъ (*cahiers*) избирателей депутатовъ послѣднихъ Генеральныхъ Штатовъ «одно изъ самыхъ распространенныхъ требованій направлялось на неприкосновенность писемъ, посылаемыхъ почтой». Вскрытіе писемъ наказы называютъ «постыднѣйшей формой шпіонства», «позорнѣйшимъ и бесполезнѣйшимъ актомъ»; а духовенство призывало «даже религію на защиту неприкосновенности писемъ» (145). Распространенію въ народныхъ массахъ книжной литературы препятствовало также одно чисто внѣшнее обстоятельство: сравнительная дороговизна книгъ. Въ иномъ положеніи, по мнѣнію г. Иванова, былъ театръ.

Страсть всѣхъ французовъ, а въ частности высшаго французскаго общества и двора, къ зрѣлищамъ сдѣлала то, что со временъ Мольера на сценѣ обсуждались вопросы, «изъятыя изъ обращенія въ остальной литературѣ». Но разъ пьеса попадала на общественную сцену, какого сорта публику она встрѣчала? Кто былъ призванъ выражать ей одобреніе или порицаніе? Подавляющая масса мѣсть въ театрѣ, именно мѣста партера, стояли очень дешево: 30 су первыя представленія и 14 су обыкновенныя (с. 299). Естественно, что эти мѣста наполнялись демократической публикой, издавна привыкшей къ тому, что авторы и актеры обращаются къ ея суду и вкусу. Театръ былъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ люди изъ низшихъ слоевъ общества могли свободно высказывать свое мнѣніе. Они и пользовались этою возможностью въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, не ограничиваясь эстетической оцѣнкой игры актеровъ и пьесы, но обращая главное вниманіе на смыслъ рѣчей дѣйствующихъ лицъ и на тенденцію авторовъ. Такими благоприятными условіями умѣли пользоваться прогрессивные писатели; всѣ ихъ идеи, какъ бы отвлеченны онѣ ни были, проповѣдывались устами героевъ трагедій, комедій, а особенно драмъ и встрѣчали въ партерѣ самую внимательную аудиторію, чуткую къ каждому оттѣнку мысли.

Впрочемъ г. Ивановъ нѣсколько увлекается своею мыслью о преобладающемъ значеніи театра въ дѣлѣ пропаганды философскихъ идей. Онъ самъ приводитъ много интереснѣйшихъ фактовъ, говорящихъ не въ пользу его мнѣнія. Театральная сцена, несомнѣнно, играла видную роль въ умственномъ развитіи французскаго общества, но ничто не доказываетъ, чтобы книги и особенно брошюры уступали театру въ этомъ отношеніи. Самъ авторъ говоритъ, что, не смотря на всѣ затрудненія, во Францію шли «тучи брошюръ» изъ-за границы, главнымъ образомъ, изъ Амстердама, затѣмъ изъ Лондона, Женевы и др. (с. 143). Издатели этихъ брошюръ были коммерсанты, заинтересованные исключительно въ барышахъ; авторы въ большинствѣ случаевъ цѣнили матеріальный успѣхъ не менѣе, чѣмъ идейный. Что же могло бы заставить однихъ—писать, другихъ издавать эти милліоны экземпляровъ контрабандной литературы, если бы товаръ оставался у нихъ на рукахъ. Ясно, что потребность читателей въ умственной пищѣ уравновѣшивала трудность ея добыванія. «Вольтеръ,

характеризуя свой вѣкъ, называетъ его, между прочимъ, «вѣкомъ брошюръ и извлеченій», а себя самого — *un brochurier*» (86). Бромъ денежныхъ брошюръ — другія, болѣе дорогія произведенія получали самую широкую популярность, разъ они соответствовали запросу читателя. Г. Ивановъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ *наказовъ* сельскихъ избирателей 1788 года, гдѣ съ полнымъ пониманіемъ воспроизводятся политическія и социальныя разсужденія Руссо, гдѣ попадаются мысли Монтескье, при чемъ составители совершенно опредѣленно указываютъ на источникъ своихъ воззрѣній и называютъ авторовъ по именамъ (30—35). Очевидно такія книги, какъ *Общественный договоръ* или *Духъ законовъ*, не нуждались въ посредничествѣ театра для популяризаціи своихъ идей. Что касается цензурныхъ условій сцены, то и здѣсь факты, приводимые г. Ивановымъ, не даютъ основанія для слишкомъ оптимистическаго взгляда. Сколько мытарствъ должна была пройти каждая пьеса, прежде чѣмъ появиться предъ публикой; какъ она уродовалась урѣзками и передѣлками, какъ порою отдѣльныя выраженія служили мотивомъ къ полному запрещенію ея постановки; какъ иногда старыя пьесы снимались съ репертуара, потому что духовенство, администрація или дворъ вдругъ открывали ихъ неблагонамѣренность, — такіе факты общеизвѣстны. При всемъ этомъ театръ, безспорно, не переставалъ служить школой, гдѣ развивалось чувство общественной солидарности, гдѣ крѣпло и выражалось общественное мнѣніе. Для того, чтобы партеръ высказалъ свое отношеніе къ данному вопросу или событію, вовсе не нужно было, чтобы пьеса была приноровлена къ этому. «Партеръ умѣетъ отыскать намекъ на какой угодно фактъ въ какой угодно пьесѣ. Въ этомъ отношеніи тонкость чутья у парижанъ безпримѣрна, и никакія предварительныя соображенія актеровъ и властей не въ силахъ предотвратить взрыва» Партеръ пользуется трагедіями Расина, чтобы протестовать противъ ненавистнаго канцлера Мопу, — комедіями Мольера, чтобы выразить свой восторгъ въ честь Неккера (322 — 324). Властямъ невозможно было бороться при такихъ условіяхъ съ народившейся силой общественнаго мнѣнія, хотя всѣ средства пускались въ дѣло, чтобы не дать партеру повода для протестующихъ демонстрацій, а въ крайнемъ случаѣ — заставить его молчать. «Ни одного представленія не бывало безъ присутствія въ залѣ по крайней мѣрѣ тридцати солдатъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ карманахъ». — «Уже со второй половины царствованія Людовика XV въ театрѣ у каждаго столба... стояло по полицейскому». Ничто не помогало: публика продолжала высказываться совершенно откровенно. «Аресты происходили почти каждый спектакль. Арестовывали за слишкомъ громкій вызовъ актера, иногда цѣлую толпу зрителей отправляли въ тюрьму даже вмѣстѣ съ авторомъ»... Иногда «спектакль превращался въ единоборство партера съ полиціей» (341 и сл.). «Партеръ умѣлъ налету схватить новую идею, оказать услугу философіи въ тѣ минуты, когда этого не ожидали ни философы, ни

ихъ враги,—это была своего рода партизанская война съ существующимъ порядкомъ, ставившая часто въ безвыходное положеніе его защитниковъ» (332). Но демократическая публика французскихъ театровъ вовсе не была послушнымъ орудіемъ въ рукахъ философовъ. Она выражала имъ сочувствіе и оказывала поддержку, когда была согласна съ ними; но и не стѣснялась высказывать совершенно самостоятельное отношеніе къ текущимъ вопросамъ. Самый знаменательный въ этомъ смыслѣ примѣръ—отношеніе публики къ Мопу и къ его реформѣ. Вольтеръ, а за нимъ Даламберъ и Кондорсе относятся равнодушно или даже сочувственно къ упраздненію парламентовъ, находя ихъ учрежденіемъ вполне отжившимъ. Но публика думала иначе и не преминула воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы отмстить министерскому произволу (699). Это лишній разъ подтверждаетъ, что французской демократіи нечего было «отправляться въ театръ за идеями для будущихъ *наказовъ*. Тѣ же самые избиратели, которые (между прочимъ) обличали министровъ въ невѣжество, объяснили, какимъ путемъ могли возникнуть *идеи* у самаго простого обывателя деревни: стоило только присмотрѣться къ современнымъ злоупотребленіямъ и неправдамъ» (518). Отсюда слѣдовало бы заключить, что главная роль театра состояла не въ томъ, что философы пользовались имъ для пропаганды своихъ идей, а скорѣе въ томъ, что имъ пользовалась демократія для выраженія своихъ недовольствъ и стремленій. Однако, не смотря на то, что факты, приводимые г. Ивановымъ, не всегда подтверждаютъ его основную мысль, его книга все таки полна живого интереса изъ сдѣланныхъ нами выдержекъ легко видѣть, сколько она заключаетъ любопытныхъ фактовъ, сколько въ ней затронуто вопросовъ. Живой, увлекательный языкъ г. Иванова извѣстенъ русской публикѣ. Жаль только, что эта интересная книга испещрена опечатками.

Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. М. Ковалевскаго. Спб. 1895 г., стр. 149, Ц. 60 к.

Настоящая книжка составляетъ лекціи, читанныя авторомъ въ Стокгольмѣ. Самъ авторъ извѣстенъ русской читающей публикѣ и какъ ученый, и какъ лекторъ, и потому, что касается отношенія литературнаго хроникера къ разсматриваемому труду, намъ оставалось—бы только отмѣтить появленіе его въ русскомъ переводѣ и рекомендовать читателю для первоначальнаго ознакомленія съ первобытной исторіей собственности и семьи. Если-же, не смотря на только что сказанное, мы посвятимъ лекціямъ г. Ковалевскаго цѣлую рецензію, то дѣлаемъ это по особой причинѣ.—Было время, когда фактъ господства среди великорусскаго племени формы общиннаго владѣнія землей съ періодическими ея передѣлами разсматривался какъ что-то въ родѣ исторической отрыжки, потому что онъ являлся будто бы повтореніемъ того, что переживалъ весь цивилизованный міръ и что,

по непреложнымъ законамъ исторіи, обречено на уничтоженіе. Въ новѣйшее время, однако, взгляды нѣсколько измѣняются. Не отрицая первобытнаго и всеобщаго характера коллективнаго владѣнія землей, нѣкоторые ученые считаютъ болѣе правильнымъ такой взглядъ на исторію земельной собственности, по которому послѣдняя не представляетъ повсюду прямолинейнаго однообразнаго движенія отъ принципа коллективизма къ индивидуализму. Согласно, напр., взгляду, развиваемому въ лекціяхъ г. Ковалевскаго, на зарѣ человѣческой исторіи господствовало не только коллективное владѣніе, но и такое-же пользованіе землей со стороны группъ лицъ, связанныхъ узами кровнаго родства, затѣмъ указанная семейная община распалась на отдѣльныя хозяйства, между которыми раздѣлялась пахатная земля и которыя пріобрѣтали право раздѣла и отчужденія своихъ долей. Эта форма землевладѣнія называется сосѣдской или деревенской общиной. Начиная съ этого пункта, исторія землевладѣнія въ разныхъ обществахъ пошла по разнымъ направленіямъ. Въ большей части ихъ,—обнимающей въ западной Европѣ крупные районы, если не цѣлыя государства,—начатая распаденіемъ семейной собственности индивидуализація послѣдней продолжала развиваться и привела къ образованію полной частной собственности на землю. Въ другихъ-же случаяхъ процессъ индивидуализаціи, выразившійся обращеніемъ семейной общины въ сосѣдскую, былъ прерванъ новымъ оживленіемъ общиннаго начала, при чемъ основная идея послѣдняго — уравниеніе всѣхъ въ пользованіи естественными свойствами земли—осуществилась въ новой формѣ, сохраняющей индивидуальное хозяйство каждаго—въ формѣ періодически повторяющихся передѣлокъ пашни. Такое направленіе эволюціи земельной собственности, какъ общее явленіе, наблюдается въ нѣкоторыхъ обществахъ востока и въ Россіи. Что-же касается передовыхъ странъ Западной-Европы,—оно обнаружилось въ очень ограниченныхъ размѣрахъ и было поглощено болѣе сильнымъ, индивидуалистическимъ теченіемъ.

Изъ всего, изложеннаго выше, не насилуя фактовъ и не забывая впередъ историческаго хода вещей, можно вывести только одно заключеніе. Естественный ходъ развитія поземельныхъ отношеній — отъ первобытной коммунистической формы ихъ до новѣйшаго момента господства полной частной собственности на землю—опредѣлился пока только въ одномъ направленіи, на пути котораго не было уклоненія отъ индивидуалистическаго теченія къ общинному, или это уклоненіе проявилось лишь въ весьма ограниченной степени. Что-же касается другого пути развитія поземельной собственности, начавшагося введеніемъ періодически подвергающагося уравниенію землепользованія членовъ деревенской общины—онъ еще не опредѣлился въ достаточной мѣрѣ для того, чтобы можно было рѣшительно утверждать, закончится-ли онъ, какъ и первый, полнымъ господствомъ индивидуальнаго начала или дастъ какіе-либо другіе образцы отношеній, съ большимъ или меньшимъ преобладаніемъ общинныхъ или индивидуальных

черть. Правда, разсматриваемое направлѣніе эволюціи земельной собственности въ Индіи и въ Центральной Америкѣ начинаетъ уступать индивидуалистическому теченію; но это происходитъ подѣ такимъ насиліемъ со стороны европейцевъ, что не можетъ быть и рѣчи о естественности процесса. Другая область господства указаннаго направлѣнія эволюціи есть Россія, имѣющая то преимущество передъ только что упомянутыми странами, что она застрахована отъ насильственного вышательства въ процессъ со стороны. Отличаясь, такимъ образомъ, отъ восточныхъ центровъ общиннаго владѣнія землей, Россія находится въ неодинаковыхъ условіяхъ развитія и по сравненію съ своими западными сосѣдями. Различіе между ними заключается не только въ общей экономической обстановкѣ, — способствовавшей капиталистической организаціи труда въ прошломъ и первой половинѣ настоящаго вѣковъ и препятствующей этой организаціи (въ отсталыхъ странахъ) въ новѣйшее время; оно проявляется также въ настроеніи и въ идеяхъ современнаго общества, обнаруживающаго несравненно большее участіе къ народнымъ интересамъ и проявляющаго болѣшую готовность обратить средства культуры на помощь трудящемуся люду, въ его борьбѣ за существованіе, нежели какія имѣли мѣсто въ соотвѣтствующіе моменты исторіи передовыхъ европейскихъ странъ. Если-бы даже община великороссійскаго типа и не удержалась, то все таки трудно предположить, чтобы, — въ виду кризиса, переживаемаго въ Европѣ крупнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ и крупной земельной собственностью, — у насъ водворилась та самая частная форма владѣнія, которая привела къ указанному кризису. Но мы не знаемъ, уничтожится община въ Россіи, или нѣтъ, а пока совершенно ясно не опредѣлится направлѣніе эволюціи земельныхъ отношеній въ такой обширной странѣ, какъ Россія, — оставаясь на научной точкѣ зрѣнія, — нельзя утверждать, что *общій* законъ развитія этихъ отношеній заключается въ движеніи отъ коллективной къ частной собственности на землю. Господинъ-же Ковалевскій не только продолжаетъ повторять это затасканное положеніе, но и пытается подтвердить его примѣромъ современной Россіи. При этомъ обнаруживается невѣроятный фактъ: ученый, взявшій своей спеціальностью изученіе закона развитія первобытныхъ учреждений, въ частности, изученіе эволюціи поземельныхъ отношеній, перерывшій въ этихъ видахъ не только литературу, но и западно-европейскіе архивы, — съ матеріаломъ, касающимся русской общины, знакомъ не по источникомъ, а изъ вторыхъ рукъ. Если-бы г. Ковалевскій лично познакомился съ данными, собранными по этому предмету при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ въ Европейской Россіи и въ Сибири, въ теченіе 70 и 80-хъ г. г., а не ограничился сводкой матерьяла, сдѣланной г. Кейслеромъ въ первой половинѣ 80-хъ г. и относящейся поэтому къ даннымъ, рисующимъ положеніе вопроса о передѣлѣ общинной земли, преимущественно во второй половинѣ 70-хъ г., то онъ убѣдился-бы въ томъ, что въ теченіи послѣдующаго десятилѣтія картина общиннаго настроенія народа, рѣшительно измѣняется и уже не повторилъ-

бы вслѣдъ за г. Кейслеромъ, что «передѣлы производятся все рѣже и рѣже». А если-бы нашъ авторъ, вмѣсто доктринерскаго отношенія къ вопросу о судьбѣ русской общины, счелъ нужнымъ воздержаться отъ рѣшительнаго заключенія до времени фактическаго разрѣшенія этого вопроса самой жизнью, и если-бы онъ наблюдалъ русскую общину за послѣдніе 5—10 лѣтъ, то увидѣлъ-бы, что передѣлы общинной земли не только расширяются территориально, но и измѣняются качественно; что отклоненіе эволюціи общинныхъ отношеній отъ направленія къ индивидуализму, — выразившееся введеніемъ въ сосѣдской общинѣ уравненія землепользованія путемъ періодически-повторяющихся передѣловъ, — сдѣлало въ Россіи въ послѣднее время новый шагъ введеніемъ болѣе строгихъ системъ уравненія, основывающихся на признаніи права на землю, не только за лицами мужского пола, но и женскаго. При большемъ вниманіи автора къ русской литературѣ и къ русской жизни, онъ своевременно могъ-бы замѣтить, что новѣйшая исторія Россіи обнаруживаетъ существованіе прогрессивныхъ теченій общиннаго характера, распространяющихся не только на системы разверстки земли, но и на хозяйственныя отношенія, въ формѣ активнаго участія общины въ дѣлѣ введенія сельско-хозяйственныхъ улучшеній (напр., травосѣянія). А въ виду такихъ фактовъ, онъ, можетъ быть, воздержался-бы отъ обреченія русской общины на погибель и отъ сомнительнаго въ научномъ отношеніи тезиса по болѣе общему вопросу. Но принялъ-ли бы онъ то или другое мнѣніе—это его дѣло, а что, въ качествѣ спеціалиста, онъ долженъ былъ бы быть спеціально знакомъ съ предметомъ, относительно котораго высказываетъ положительныя заключенія, это несомнѣнно; между тѣмъ такого знакомства съ русской общиной со стороны г. Ковалевскаго не видно, и это фактъ очень печальный!

Соціологическія основы исторіи. П. Лакомбъ. Переводъ съ французскаго Сиб. 1895 г. 1 р. 50 к.

Книга Лакомба имѣеть цѣлью проложить мостъ между исторіей и соціологіей. Разсматривая исторію не какъ хранилище отдѣльныхъ фактовъ и не какъ художественное повѣствованіе, а какъ науку, и опредѣляя содержаніе исторіи-науки, какъ обнимающее человѣческія установленія и событія, вызвавшія или уничтожившія эти установленія, авторъ приходитъ къ выводу, что исторія и соціологія въ сущности — два названія одной и той же науки. Задача научной исторіи, какъ и всякой другой науки, состоитъ въ констатированіи сходства явленій, въ эмпирическихъ обобщеніяхъ и въ выясненіи причинъ этихъ явленій и ихъ послѣдовательности, иначе говоря, въ установленіи законовъ, по которымъ эти явленія происходятъ. А такъ какъ явленія, съ которыми имѣеть дѣло исторія, суть явленія общественныя, то задача исторіи, какъ науки, и совпадаетъ вполне съ задачею соціологіи. То обстоятельство, что исторія, какъ наука, должна

изучать человѣка вообще и событія его жизни, поскольку они вызываютъ появленіе или исчезновеніе установленій.—образуетъ связь исторіи съ психологіей. Психологія заключаетъ въ себѣ объясненіе исторіи. Историческія обобщенія становятся научными истинами, лишь будучи приведены въ соотвѣтствіе съ болѣе широкими истинами психологіи. Въ свою очередь исторія можетъ дать точныя обоснованія психологіи. Только пользуясь историческимъ матеріаломъ, можно выдѣлить обще-человѣческія черты изъ чертъ случайныхъ, индивидуальныхъ, а предметъ психологіи и составляютъ эти обще-человѣческія черты.

Итакъ, исторія, социологія и психологія—это въ сущности разныя части одной и той-же науки, отгѣняющія только отдѣльныя ея особенности. Историкъ не можетъ не быть социологомъ и психологомъ. Исторія, полагающая свой предметъ и задачи иными, нежели предметы и задачи социологіи и психологіи, превращается въ складъ сырыхъ матеріаловъ, отдѣльныхъ фактовъ, или въ художественное повѣствованіе.

Задача книги Лакомба и состоитъ въ томъ, чтобы дать абрисъ исторіи человѣчества, какъ науки, тѣсно связанной съ социологіей и психологіей. Само собою разумѣется, что такъ понимаемая исторія совсѣмъ не похожа на ту, которая обыкновенно излагается въ историческихъ сочиненіяхъ. Въ книгѣ Лакомба читатель не найдетъ ничего похожего на хронологическое изложеніе историческихъ событій. Здѣсь нѣтъ ни древней, ни средней, ни новой исторіи, ни тѣмъ болѣе—исторіи той или другой страны. Это «исторія вообще», въ которой объясняется происхожденіе всякаго рода установленій—экономическихъ, нравственныхъ, сословныхъ, свѣтскихъ, политическихъ, художественныхъ и литературныхъ, научныхъ и религіозныхъ; отмѣчаются важнѣйшіе факторы, дѣйствовавшіе въ исторіи—богатство и его основы, трудъ и знаніе, открытія и усовершенствованія и нравственный элементъ, при чемъ дается психологическое обоснованіе этихъ факторовъ; выясняется органическій, психическій и социальный прогрессъ человѣчества; указывается значеніе въ исторіи индивидуальнаго элемента, расы и наследственности и ставится конечная цѣль исторіи—предвидѣніе будущаго.

Само собою разумѣется, что эта перая попытка дать «научную исторію» и притомъ въ одномъ томикѣ должна представлять собою скорѣе лишь программу «исторіи-науки», нежели ея выполненіе. Авторъ самъ говоритъ: «я не претендую создать въ этой книгѣ систему исторіи, какъ науки. Я хочу только выяснитъ пути, которые ведутъ къ этой цѣли: для одного человѣка и этой задачи болѣе чѣмъ достаточно» (стр. 57). Выполненіе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ частныхъ задачъ, вытекающихъ изъ предлагаемаго авторомъ преобразованія исторіи, авторъ обѣщаетъ дать въ своихъ послѣдующихъ трудахъ: «Эволюція экономическихъ установленій», «Эволюція нравственныхъ установленій» и т. д. И дѣйствительно, созданіе «исторіи» въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ авторъ, потребуетъ громаднаго труда многихъ и многихъ лицъ.

Можно, конечно, различно смотрѣть на предлагаемое авторомъ преобразование исторіи, но нельзя отрицать оригинальности точки зрѣнія, на которой онъ стоитъ. Эта своеобразная точка зрѣнія дѣлаетъ его книгу въ высшей степени интересною. Появление перевода книги Лакомба особенно своевременно въ данный моментъ, когда интересъ къ вопросамъ философіи исторіи у насъ такъ сильно выросъ, когда нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ (вопросы о роли идей, учреждений и личности въ исторіи) возбуждаютъ такую горячую полемику и когда обнаружилась такая путаница, какъ въ пониманіи этихъ вопросовъ, такъ и въ пониманіи методовъ, пригодныхъ для разрѣшенія историко-философскихъ вопросовъ. Книга Лакомба, безъ сомнѣнія, можетъ содѣйствовать устраненію этой путаницы. Въѣсть съ тѣмъ нельзя не признать книгу Лакомба и очень полезнымъ руководствомъ для начинающихъ знакомиться съ исторіей, такъ какъ она можетъ помочь разобраться въ грудѣ матеріаловъ, предлагаемыхъ историческими сочиненіями обычнаго типа, отдѣлать существенное отъ несущественнаго и, отбросивъ послѣднее, оцѣнить надлежащимъ образомъ первое.

Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ (1095—1270). Е. Лависъ и А. Рамбо; пер. съ фр. съ предисловіемъ В. Михайловскаго, приватъ-доцента Московскаго университета. изд. книжн. склада Н. Прянишникова. М. 95 г. 333 стр. ц. 1 р. 50 к.

Громадный трудъ, издающійся на французскомъ языкѣ подъ редакціей Е. Лависса и А. Рамбо, *Histoire universelle depuis IV siècle*, выходитъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и до сего времени доведенъ до Людовика XIV (70 выпусковъ, въ 6 большихъ томовъ). Богатѣйшій матеріалъ, легкое блестящее изложеніе, обиліе библиографическихъ указаній дѣлаетъ *Histoire universelle* весьма цѣннымъ вкладомъ въ общую историческую литературу, кстати сказать, далеко не богатую на русскомъ языкѣ. Книжка, изданная г. Прянишниковымъ, представляетъ изъ себя извлеченіе изъ второго тома французскаго изданія. Русский переводчикъ сдѣлалъ попытку «выбрать самыя выщуклыя и характерныя явленія» среднихъ вѣковъ и перевести изъ книги Лависса и Рамбо наиболѣе выдающіяся мѣста, посвященныя характеристикѣ этихъ явленій: феодальной системы, церкви и папской власти, городовъ и коммунъ, средневѣковой торговли и промышленности (главы I — IV). Послѣдняя глава книги, носящая заглавіе «Западная цивилизація въ XII и XIII вѣкахъ», даетъ матеріалы для характеристики нѣкоторыхъ основныхъ сторонъ западнаго-европейской, главнымъ образомъ, французской жизни за эти періоды, (нравы и религія, преподаваніе, наука и научныя сочиненія, народная литература, искусства). Такимъ образомъ, читатель выноситъ изъ книжки, изданной Прянишниковымъ, не мало свѣдѣній о куль-

турной жизни средневѣковой Европы и о ея основахъ. Научно-популярная литература по исторіи, особенно по среднимъ вѣкамъ, у насъ такъ бѣдна, что несомнѣнно извлеченіе изъ труда Лависса и Рамбо на русскомъ языкѣ весьма не бесполезно, по крайней мѣрѣ, пока не появится полного перевода всего труда. Особенно полезна эта книжка для учащихъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ, какъ извѣстно, культурная сторона исторіи до сего времени сплошь и рядомъ отодвигается въ дѣлѣ преподаванія на задній планъ, а на первый выдвигаются войны и генеалогіи историческихъ лицъ. Книжка читается съ интересомъ, но издана плохо и цѣна ея высока.

«Моя библіотека». Изданіе М. М. Ледерле и К°. МѢ 1—190 Ц. отъ 20 к. до 1 р. 20 к.

Подъ этимъ заглавіемъ уже слишкомъ два года издательская фирма М. Ледерле и К° выпускаетъ чрезвычайно изящно изданія книжечки самаго разнообразнаго содержанія. Въ числѣ этихъ книжечекъ имѣются романы, повѣсти, драматическія произведенія, сборники стихотвореній,] книжки историческаго и этическаго содержанія, и т. д. Каждая книжечка имѣетъ небольшой форматъ, напечатана четкимъ шрифтомъ и на хорошей бумагѣ, вообще, издана такъ красиво, что можетъ занять подобающее мѣсто не только въ библіотекѣ, но и въ будуарѣ, гостиной и пр. Цѣна книжки въ продажѣ, по приблизительному разсчету, равняется 4 копѣйкамъ за печатный листъ, т. е. настолько низка, что открываетъ доступъ изданіямъ Ледерле въ широкій кругъ читателей. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что очень многія книжки «Моей библіотеки» весьма желательны и въ народной читальнѣ, да и, вообще говоря, выборъ матеріала для этой серіи дѣлается довольно удачно. Прежде всего заслуживаетъ симпатіи самая мысль, положенная въ основаніе данной серіи, — общедоступное изданіе *классическихкихъ* и вообще *выдающихся* произведеній европейской литературы. Къ стыду русской читающей публики, слѣдуетъ замѣтить, что въ ея средѣ находится въ большемъ почетѣ всякая новая дребедень, чѣмъ произведенія классическія, которыя, кстаті сказать, до самаго послѣдняго времени даже и не существовали въ дешевыхъ изданіяхъ. Пустить, поэтому эти произведенія по дешевой цѣнѣ въ общество, — дѣло весьма почтенное. Уже по одному этому предпріятіе М. Ледерле заслуживаетъ вниманія со стороны читателей. Въ серію «Моя библіотека» между прочимъ вошли изъ Гете: «Страданія юнаго Вертера» (40 к.), «Гецъ фонъ-Берлихингенъ» (40 к.); изъ *Гейне*: «Флорентійскія ночи» (20 к.), «Записки Шнабельвопскаго» (20 к.); *Мольера* «Мѣщанинъ въ дворянствѣ» (40 к.), *Гюго*: «Ганъ Ислано», *Боккаччо*: «Избранныя новеллы» (20 к.), *Лессинга*: «Эмилія Галотти» (20 к.), *Донфелло*: «Стихотворенія» (40 к.), *Овидія Назона*: «Письма съ Понта» (40 к.),

Цезаря: «Записки о галльской войнѣ» (60 к.). Изъ другихъ авторовъ укажемъ *Бьернсона*: «Едиобрачіе и многобрачіе», «Марія Шотландская» (40 к.), *Дюма-сына*: «Дама съ камеліями» (60 к.), *Ауэрбаха*: «Шварцвальдскіе рассказы», (2 томика по 40 к.), *Лабулэ*: «Парижъ въ Америкѣ» (1 р.). *Ш. Бронте (Кереръ-Бель)*: Джени Эйръ» (80 к.), *В. Скотта*: «Айвенго» (80 к.), *Стендаля*: «Красное и черное» (1 р. 20 к.), *Гольдсмита*: «Векфильдскій священникъ» (40 к.); произведенія Э. Гофмана, Фр. Коппе, Бальзака, Ж. Занда, Гуцкова и пр. Это краткое перечисленіе вполнѣ даетъ понятіе о составѣ «Моей библіотеки». Но рядомъ съ произведеніями вышеперечисленныхъ авторовъ мы встрѣчаемъ въ той же серіи и такіа, отъ отсутствія которыхъ читатели ровно ничего не потеряли-бы. Къ числу такихъ принадлежитъ довольно извѣстное произведеніе С. Пеллико, «Обязанности человѣка», написанное имъ не въ то время, когда онъ былъ борцомъ за свободу Италіи, а когда обратился въ піетиста. Излишни также «Эвдоръ и Велледа» Шатобріана, сладчавыя произведенія Путлица «О чемъ говорить лѣсъ», и нѣкоторые, несомнѣнно удачно выбранные, рассказы Клади. Въ общемъ, переводы, удовлетворительны, за исключеніемъ Киркегора «Наслажденіе и долгъ»; переводъ этотъ сдѣланъ такимъ дубовымъ языкомъ, что не можетъ доставить читателю ни малѣйшаго наслажденія. Къ числу недостатковъ слѣдуетъ отнести и то, что нѣкоторыя произведенія появляются въ изданіи «Моей библіотеки» въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, напр. «Парижъ въ Америкѣ», далеко не такъ полный, какъ въ I изданіи, появившемся въ шестидесятыхъ или началѣ семидесятыхъ годовъ. За послѣднее время серія «Моя библіотека» обогатилась еще нѣсколькими недурными книжками; такъ, напр., вышло 2-е изданіе извѣстнаго произведенія Э. Арнольда «Свѣтло Азіи», переводъ стихотворный И. Сабаникова ¹⁾ и «Ихъ души» Жица.

Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матерьяловъ, собранныхъ М. Довнарѣмъ-Запольскимъ. Вып. 1. Пѣсни Пинчуковъ. Съ приложеніемъ карты сѣв. части уѣзда и статьи и говорѣ. Кіевъ 1895 г. (Изъ «Унив. Изв.»).

Сборникъ г-на Довнарѣ-Запольскаго заключаетъ въ себѣ матеріалы, записанные имъ во время двухъ лѣтнихъ поѣздокъ въ Пинцину, — малоислѣдованный уголокъ Россіи, населенный любопытной разновидностью нашего народа. Собранныя пѣсни г-нъ Довнарѣ-Запольскій дѣлитъ на отдѣлы такъ, какъ дѣлаетъ самъ народъ, чему, по нашему мнѣнію, должны-бы, не мудрствуя лукаво, слѣдовать всѣ составители подобныхъ сборниковъ; а то часто изслѣдователь бываетъ поставленъ въ полную невозможность опредѣлить — живетъ ли извѣстная пѣсня въ качествѣ обрядовой или лирической, и если обрядовой,

¹⁾ Кромѣ этого существуетъ переводъ въ провѣ.

то съ какимъ обрядомъ связана,— что имѣеть очень важное значеніе для изученія какъ пѣсни, такъ и обряда. Въ рамкахъ каждаго намѣченнаго народомъ отдѣла г-нъ Довнаръ-Запольскій располагаетъ свои пѣсни по мѣсту записи, что тоже нельзя не признать удачнымъ пріемомъ, способствующимъ выясненію фізіономіи мѣстности и изученію говоровъ. Что касается до самого матеріала, то среди него первое мѣсто занимаютъ пѣсни свадебныя, къ которымъ г-нъ Довнаръ-Запольскій питаетъ нѣкоторое, быть можетъ, чрезмѣрное пристрастіе, свойственное всякому много работавшему надъ извѣстнымъ вопросомъ (см. раб. г. Д. Зап. «Бѣлор. свад. въ культ. переживаніяхъ» Этн. Об. кн. XVI—XIX), затѣмъ идутъ лирическія. Но въ сборникѣ мало коладъ и хороводныхъ пѣсенъ, о чемъ нельзя не пожалѣть. Къ пѣснямъ приложены очень цѣнныя примѣчанія, содержащія ссылки на литературу вопроса и указаніе варьянтовъ. По полнотѣ примѣчаній сборникъ г-на Запольскаго не имѣеть себѣ равныхъ въ нашей литературѣ: кромѣ всѣхъ извѣстныхъ русскихъ сборниковъ и польскихъ сборниковъ русскихъ матерьяловъ, въ кругъ сравненія введены также инославянскіе матерьялы (сборникъ моравскихъ пѣс. Bartos'a, «Mazowsze» Kolberg'a и нѣк. друг.); въ указаніяхъ литературы вопроса мы находимъ ссылки на de Gubernatis'a и Mannhardt'a; словомъ, «примѣчанія» г-на Довнаръ-Запольскаго—цѣлое изслѣдованіе. Слабѣе же всего въ сборникѣ лингвистическая сторона.

Хотя статья о говорѣ Пинскаго уѣзда несравненно выше такихъ-же статей, приложенныхъ къ другимъ сборникамъ, напр. г. Булгаковского, г-жи Радченко, тѣмъ не менѣе, она не лишена довольно существенныхъ промаховъ. Такъ авторъ считаетъ бѣлоруссизмомъ дифтонги на мѣстѣ древняго долгаго О, тогда какъ это черта коренная малорусская, свойственная какъ наиболѣе древнимъ южно-русскимъ памятникамъ, такъ и наиболѣе архаичнымъ живымъ говорамъ малорусскаго нарѣчія (угорскимъ, сѣверно-малорусскимъ); есть и другіе промахи, но болѣе мелкіе. Существеннымъ недостаткомъ съ лингвистической стороны является также нѣкоторая условность въ передачѣ звуковъ въ текстѣ, скрывающая очень любопытныя и мало выясненныя описаніемъ черты говора.

Не можемъ не сказать нѣсколько словъ и о заглавіи «Бѣлорусское Подлѣсье». Весьма возможно, что это заглавіе будетъ вполнѣ соответствовать содержанію слѣдующихъ выпусковъ труда г-на Запольскаго, но въ данномъ случаѣ оно врядъ-ли уместно. Самъ г-нъ Запольскій признаетъ основу говоровъ Пинщины—малорусской; если прибавить къ этому, что г-нъ Запольскій счелъ за бѣлоруссизмъ одну изъ существеннѣйшихъ малорусскихъ чертъ пинскихъ говоровъ—дифтонги, то количество бѣлоруссизмовъ въ говорѣ окажется очень скромнымъ. Поэзія и обряды пинчуковъ роднятъ ихъ скорѣе съ малоруссами, чѣмъ съ бѣлоруссами, да и исторія говоритъ за ихъ малорусское происхожденіе: они, повидимому, колонисты съ юго-запада.

Желѣзо и уголь на югѣ Россіи: Е. И. Рагозинъ. Спб. 1895 г. стр. 170, цѣна 3 руб.

Матеріалы по пересмотру тарифовъ на перевозку каменнаго угля по всей сѣти російск. жел. дорогъ въ 1894 г. В. 1. Очеркъ положенія каменноугольной промышл. въ Россіи и за границей; в. 2. Обзоръ перевозокъ каменнаго угля по сѣти рус. ж. д. Изд. Минист. Фин. Спб. 1895 г.

Горное дѣло на югѣ Россіи выросло на нашихъ глазахъ. Это можно сказать буквально о желѣзной промышленности, получившей особенное развитіе именно въ послѣднее десятилѣтіе. Каменноугольное дѣло нѣсколько старше, но и оно за послѣднія 10 лѣтъ выросло втрое, и Донецкій бассейнъ даетъ теперь больше угля, нежели всѣ остальные каменноугольные районы: польскій, уральскій, подмосковный и др. Благодаря этой юности и быстрымъ переменамъ въ положеніи различныхъ отраслей горнаго дѣла, у насъ нѣтъ полнаго систематическаго изслѣдованія Донецкаго горно-промышленнаго района, и всякое такое изслѣдованіе черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлалось бы уже устарѣлымъ. Сказанное, однако, не остановило г. Рагозина въ его намѣреніи заполнить указанный пробѣлъ, а указанный въ заголовкѣ рецензіи его трудъ въ предисловіи названъ авторомъ даже «изслѣдованіемъ всѣхъ условій желѣзной промышленности на югѣ Россіи». На самомъ же дѣлѣ это есть не изслѣдованіе, да еще «всѣхъ условій», а простое сообщеніе нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ данныхъ, сопровождаемое собственными, довольно избыточными разсужденіями автора, съ присоединеніемъ описанія нѣсколькихъ осмотровѣнныхъ г. Рагозинымъ въ 1894 г. желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ и копей. При этомъ, благодаря тому, что осмотровѣнныя копи относились къ числу наиболѣе крупныхъ, и потому благоустроенныхъ предпріятій, общее положеніе дѣла и въ частности положеніе рабочихъ въ книжкѣ г. Рагозина рисуется въ болѣе розовомъ цвѣтѣ, чѣмъ какимъ оно окрашивается во всѣхъ извѣстіяхъ, идущихъ не со стороны прямо заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. — Посвятивъ всецѣло свое вниманіе крупнымъ предпріятіямъ, авторъ не даетъ никакого понятія ни о крестьянскихъ каменноугольныхъ шахтахъ, которыхъ, по его словамъ, въ районѣ насчитывается до 1000 (на 300 шахтъ капиталистическихъ), ни о болѣе мелкихъ механическихъ и другихъ заводахъ, основавшихся, благодаря развитію мѣтнаго производства чугуна и желѣза, число которыхъ значительно превышаетъ сотню. — Книжка издана роскошно и украшена фотографическими снимками и планами осмотровѣнныхъ предпріятій, чѣмъ и объясняется высокая продажная ея цѣна.

Въ противоположность труду г. Рагозина, главный интересъ котораго заключается въ описаніи осмотровѣнныхъ авторомъ заводовъ и копей, второе изъ названныхъ въ заголовкѣ рецензіи изданій заключаетъ сводъ цифровыхъ данныхъ о производствѣ и потребленіи каменнаго угля, причѣмъ,

кромѣ подробныхъ свѣдѣній относительно положенія каменноугольной промышленности въ Россіи, здѣсь приведены общіе итоги производства угля во всѣхъ главнѣйшихъ странахъ міра и сдѣланы нѣкоторыя вычисленія, рисующія ростъ мірового производства рассматриваемаго продукта и участія въ немъ главнѣйшихъ цивилизованныхъ странъ. Каждый выпускъ состоитъ изъ таблицъ и текста, на нихъ основаннаго. Таблицы 1-го выпуска заключаютъ цифры добычи угля за 25 лѣтъ по отдѣльнымъ странамъ и вывоза его изъ Англіи и Германіи; цѣны угля на важнѣйшихъ международныхъ рынкахъ и цѣны разныхъ видовъ топлива на главнѣйшихъ рынкахъ Россіи; цифры потребленія разныхъ видовъ топлива отдѣльными районами Россіи и ея желѣзными дорогами. Таблицы вып. 2-го касаются различныхъ сторонъ желѣзно-дорожной перевозки угля въ Россіи. Такимъ образомъ, рассматриваемое изданіе д-та жел.-дорожныхъ дѣлъ рисуетъ современное положеніе одной изъ важнѣйшихъ отраслей міровой промышленности и одной изъ наиболѣе быстро прогрессирующихъ отраслей русскаго промышленнаго дѣла, подобно тому, какъ въ другихъ изданіяхъ д-та, подъ тѣмъ-же общимъ заголовкомъ, обрисовано положеніе хлѣбной промышленности, льняной, пеньковой, сахарной и винокуренной. Не считая умѣстнымъ въ краткой рецензіи знакомить читателя съ дѣйствительнымъ положеніемъ каменно-угольной промышленности, какъ оно рисуется въ рассматриваемомъ трудѣ, мы не можемъ однако не привести нѣкоторыхъ цифръ, въ поясненіе того, какъ слѣдуетъ относиться, съ точки зрѣнія настоящей промышленно-развитой страны, къ тѣмъ быстрымъ успѣхамъ русской капиталистической промышленности, о которыхъ постоянно заявляется въ нашей литературѣ и которые измѣряются отношеніемъ количества нынѣ производимаго (или вывозимаго) извѣстнаго продукта къ тому количеству его, какое приготавливалось нѣсколько лѣтъ назадъ. Примѣняя этотъ способъ оцѣнки успѣховъ къ каменноугольной промышленности и зная, что за послѣднія 25 л. эта отрасль въ Россіи возросла почти въ 10 разъ, въ то время, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ всего въ 3½ раза, въ Австріи въ 3 раза, въ Германіи въ 2—3 раза и въ Англіи въ 1½ раза—мы будемъ только удивляться быстрымъ успѣхамъ нашего отечества. Но тѣ-же цифры получаютъ совершенно иное значеніе, если отъ относительныхъ величинъ мы перейдемъ къ абсолютнымъ и узнаемъ, что тогда какъ средняя ежегодная добыча угля въ теченіи 1881—1890 гг., сравнительно съ 5-ти-лѣтіемъ 1866—1870 гг., въ Австріи повысилась на 853 милл. пуд., въ Германіи на 2.635 милл. пуд., въ Великобританіи на 3.709 милл. пуд. и въ Соединенныхъ Штатахъ на 4.853 милл. пуд., въ Россіи она увеличилась всего на 261 милл. пуд.,—меньше, нежели въ крошечной Бельгіи (на 337 м. п.).

Страхование рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей В. Г. Яроцкаго. Т. I и II. Спб. 1895 г., стр. 1115. Ц. 5 р.
По идеѣ названный трудъ В. Г. Яроцкаго служить продолженіемъ изданія «новое слово», № 1, о. п. 1895.

наго имъ же въ 1887 г. сочиненія «Экономическая отвѣтственность предпринимателей»; по выполненію же и объему это—самостоятельная работа, имѣющая задачей «изслѣдованіе внутренней или основной идеи страхованія рабочихъ и изложеніе послѣдовательнаго ея развитія во внѣшнемъ проявленіи, въ литературѣ и жизни». Внутренняя идея страхованія рабочихъ разсматривается авторомъ съ экономической и юридической сторонъ. Онъ считаетъ ее тѣсно связанной съ идеей отвѣтственности предпринимателя, экономическую основу которой формулируетъ такимъ образомъ: «всякое предпріятіе должно покрывать сполна всѣ издержки производства, и въ томъ числѣ по воспроизведенію стоимости труда рабочихъ; послѣднее не только по отношенію къ рабочему періоду, но и тогда, когда рабочіе почему-либо лишаются трудоспособности». Подробному развитію этой идеи посвящено другое сочиненіе автора (названное выше); въ разсматриваемомъ же трудѣ ей отведена небольшая глава. За то обращено большое вниманіе на вопросъ о постепенномъ выясненіи и расширеніи идеи юридической отвѣтственности предпринимателей, путемъ законодательнаго вмѣшательства для защиты рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и обезпеченія имъ содержанія, въ случаѣ постоянной или временной потери ими, вслѣдствіе этихъ несчастій, трудоспособности.

Страхованіе рабочихъ имѣетъ цѣлью обезпеченіе имъ возможности существованія въ такіе періоды (временные или постоянные), когда они не въ состояніи содержать себя собственнымъ трудомъ. Такъ какъ потребность въ указанномъ обезпеченіи чувствуется на всѣхъ ступеняхъ развитія общества, то естественно, если и средства ея удовлетворенія такъ-же стары, какъ самъ человѣкъ. На разныхъ ступеняхъ развитія общества эти средства принимаютъ не одинаковыя формы, и, чѣмъ ближе общественное хозяйство приближается къ типу индивидуально-предпринимательскаго, тѣмъ яснѣе проявляется необходимость въ существованіи особыхъ организацій, имѣющихъ въ виду правильное и систематическое удовлетвореніе указанной потребности, при участіи государства. Высшей ступеню въ развитія этихъ организацій являются пока учрежденія, основанныя на началѣ обязательнаго страхованія съ участіемъ въ расходахъ предпринимателей и рабочихъ. Эта идея пока получила осуществленіе (неполное) въ Германіи и Австріи. Что-же касается другихъ государствъ — та-же цѣль преслѣдуется добровольнымъ страхованіемъ, возложеніемъ на предпринимателей обязательства содержать рабочихъ во время болѣзни, или при потерѣ трудоспособности отъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и т. д., кассами взаимопомощи, учрежденіями общественного призрѣнія и пр. Изложеніе историческаго развитія всѣхъ этихъ способовъ помощи рабочимъ и учреждений ихъ взаимопомощи, а также современнаго состоянія этихъ способовъ, составляетъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ отдѣловъ книги В. Г. Яроцкаго. Развитіе законодательства по этому вопросу и постепенное выясненіе идеи страхованія рабочихъ въ литературѣ составляетъ въ разсматриваемомъ трудѣ какъ-бы

дополненіе того, что осуществляется фактически, путемъ жизненныхъ столкновений заинтересованныхъ лицъ. Изложеніе ведется авторомъ по государствамъ (Англія, Франція, Германія и Австрія). Одна глава посвящена возможному примѣненію общихъ выводовъ автора къ Россіи.—Неприятный недостатокъ разсматриваемаго труда заключается въ устарѣлости цифръ, относящихся къ современному положенію учреждений для взаимопомощи: послѣднія изъ приводимыхъ по этому предмету данныхъ относятся въ большинствѣ случаевъ къ половинѣ 80-хъ и даже 70-мъ гг. Въ такой солидной работѣ можно было-бы и не бояться лишняго труда по «передѣлкѣ выводовъ и среднихъ расчетовъ», приводимаго авторомъ въ оправданіе устарѣлости его данныхъ; иначе, трудъ г. Яроцкаго, какъ сводъ матерьяловъ по современному состоянію дѣла взаимопомощи трудящихся въ Западной Европѣ, теряетъ нѣкоторую часть интереса.

Основы ботаники. Общая ботаника (морфологія, анатомія и физиологія растений) Ванъ Тигема. Пер. со 2-го фр. изд. подъ ред., съ примѣч. и дополненіями Ростовцева. Съ предисл. проф. Тимирязева. Съ 477 рис. М. 95 г. 3 р. 75 к.

Русская ботаническая литература отличается такою бѣдностью, что появленіе книги, подобной «Общей ботаникѣ» извѣстнаго французскаго ученаго Ванъ Тигема, является въ этой области своего рода событіемъ. Обширный трудъ этого ученаго, *Traité de Botanique*, и сокращенная самимъ авторомъ передѣлка его, *Elements de Botanique*, пользуются въ ученomъ мѣрѣ большимъ сочувствіемъ и вниманіемъ и рекомендуются учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ руководства, составленные весьма удачно и по оригинальному плану, въ смыслѣ особой группировки матеріала. Ванъ Тигемъ не раздробляетъ своего учебника, какъ это дѣлаютъ обыкновенно составители учебниковъ: на органографію, анатомію, физиологію и т. д.; Правда, такое подраздѣленіе имѣетъ своего рода удобства, но для учащагося представляется скорѣе неудобнымъ. Объ одномъ и томъ же органѣ учащемуся приходится читать и въ отдѣлѣ морфологіи, и въ отдѣлахъ анатоміи, физиологіи, эмбриологіи и т. д.; при чемъ описаніе органа отдѣляется совершенно искусственно отъ разъясненія его функцій, его развитія и т. д., словомъ, продѣлывается такое разграниченіе явленій, какого въ природѣ нѣтъ и быть не можетъ. Ванъ Тигемъ въ своемъ учебникѣ не идетъ по шаблонной дорогѣ другихъ составителей. Онъ прежде всего старается обрисовать растеніе, какъ живое цѣлое, онъ «возможно тѣсно сливаетъ изученіе строенія органа и его отправленія»; давая описаніе внѣшней формы, онъ раскрываетъ гистологическое строеніе, трактуетъ о развитіи даннаго органа, затѣмъ переходитъ къ описанію явленій физиологическихъ, совершающихся въ немъ. Въ такомъ трактованіи предмета заключается оригинальная и несомнѣнно хорошая сторона учебниковъ Ванъ Тигема. Что касается до науч-

ности его, то самое имя автора уже ручается за то, что съ этой стороны книги эти безупречны. Большими достоинствами обладает трудъ французскаго ученаго и со стороны формы. Изложеніе отнюдь не отличается тяжеловѣсной сухостью нѣмецкихъ руководствъ, которыя въ погонѣ за обстоятельностью, нерѣдко совсѣмъ забываютъ учащагося, т. е. своего читателя, и загромождаютъ изложеніе массой подробностей, въ которыхъ этотъ читатель можетъ лишь потеряться. Ванъ Тигемъ пишетъ обстоятельно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко и просто, умѣло избѣгая неясности и излишнихъ подробностей. Таковы достоинства трудовъ Ванъ Тигема на французскомъ языкѣ. Что касается русскаго изданія, то оно представляетъ изъ себя не переводъ, а передѣлку краткаго учебника ботаники этого автора (*Elements de Botanique*). Редакторъ изданія, г. Ростовцевъ, поступилъ съ французскимъ оригиналомъ довольно своеобразно. Для русскіихъ читателей онъ почему то нашелъ *Elements de Botanique* слишкомъ краткими, а *Traité de Botanique* слишкомъ подробнымъ, а потому принялся за составленіе по этимъ двумъ книгамъ чего-то средняго между ними, пополняя первый вторымъ, и стараясь, по его словамъ, «сохранить полностью, какъ оригинальность мыслей автора, такъ и способъ его изложенія». Дополняя одно, г. Ростовцевъ безцеремонно выпускалъ другое; общее число статей, подвергшихся наибольшимъ измѣненіямъ и дополненіямъ, доходитъ въ книгѣ до 35. Кромѣ того, 30 статей введено въ книгу изъ *Traité de Botanique*. Одна большая статья и множество подстрочныхъ примѣчаній, разсѣянныхъ по всей книгѣ, принадлежатъ самому автору (Отд. I и V, «Къ морфологіи цвѣтка»). Г. Ростовцевъ полагаетъ, что всѣ его измѣненія и дополненія «умѣстны», такъ какъ «имѣютъ цѣлью оградить интересы самого дѣла». Позволяемъ себѣ сильно сомнѣваться въ этомъ. Своими передѣлками г. Ростовцевъ несомнѣнно весьма и весьма нарушилъ цѣльность самаго учебника Ванъ Тигема и пропорціональность частей, сдѣлавъ одни отдѣлы излишне подробными, другіе—оставивъ сравнительно краткими. У нашихъ російскихъ переводчиковъ и редакторовъ, далеко еще не оперившихся, существуетъ удивительная страсть все передѣлывать на свой образецъ и вообще придавать слишкомъ большое значеніе своей рукъ-владыкѣ. Г. Ростовцевъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы далъ намъ полный переводъ прекрасной книги Ванъ Тигема, а не пускался бы въ рискованныя передѣлки и дополненія.

Указывая дурную сторону русскаго изданія, мы считаемъ долгомъ указать и его достоинства. Трудъ Ванъ Тигема все же остался трудомъ этого ученаго, а не г. Ростовцева. Къ чести послѣдняго, слѣдуетъ сказать, что, въ общемъ, переводъ сдѣланъ добросовѣстно, со знаніемъ дѣла и довольно хорошимъ языкомъ. Книга украшена множествомъ хорошихъ рисунковъ, которыхъ гораздо больше, чѣмъ въ оригиналѣ. Заслуживаетъ также вниманія очень полезный для работающихъ по ботаникѣ словарь ботаническихъ терминовъ (русскихъ и латинскихъ), приложенный въ концѣ

книги. Цѣна 3 р. 75 к. за изданіе въ 35 печатныхъ листовъ,—довольно сносная.

Мысль и рефлексія. Афоризмы. Федоръ Шперкъ. Спб. 95 г. 30 к.

На обложкѣ стоитъ имя и фамилія какого-то г. Федора Шперка, который въ предисловіи рекомендуетъ себя сотрудникомъ «Школьнаго Обзорѣнія» и «Вѣстника иностранной литературы». Вѣроятно, имя и фамилія эти напечатаны по ошибкѣ. Читая «афоризмы», насъ невольно взяло сомнѣніе, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло не съ г. Шперкомъ, а съ Кифой Мокіевичемъ, и къ тому же не съ простымъ, а такимъ, который считаетъ себя, во первыхъ, великимъ философомъ, а во вторыхъ, спасителемъ отечества, и который кромѣ того самъ не понимаетъ, что онъ говоритъ. Для примѣра приведемъ нижеслѣдующія рѣшенія, въ достаточной степени характеризующія Кифу Мокіевича Шперка: «Уважать должно только себя» (стр. 14) «Женщина цѣломудра (sic) *непадающая*», «мужчина цѣломудръ *не насилующій*» (курсивы автора) (стр. 14). «Въ средѣ людей не теряй изъ виду себя, въ одиночествѣ не теряй изъ виду людей». (17). Такихъ глубокомысленно нравственныхъ истинъ полна вся книжка, за изданіе которой авторъ воздастъ себѣ должное, будучи серьезно убѣжденъ, что онъ настоящій реформаторъ философіи. Въ 1893 г. лувавый попуталь его издать книжку въ 40 к., носящую громкое заглавіе «Метафизика міровыхъ процессовъ». «Реформа философіи, произведенная метафизикой міровыхъ процессовъ, пишетъ г. Шперкъ съ соотвѣтствующей ему скромностью (на стр. 22), сосредоточена въ ея (sic) идеѣ сознанія (и воли) *какъ небытія*. То, что до меня опредѣлялось только общимъ абстрактнымъ образомъ — какъ *чистая форма* — приведено мною къ конкретному опредѣленію *какъ небытія* (курсивы автора)». Приведа же свою философію «къ небытію», что впрочемъ не помѣшало ему выпустить ее въ видѣ тридцати копѣечной книжки, авторъ многозначительно и мудро замѣчаетъ на той же страницѣ: «труденъ къ тому шагъ, что примитивно и просто!» Н — да!! Чтобы довершить характеристику своей философіи, г. Шперкъ еще глубокомысленнѣе замѣчаетъ, что «абсолютно безсодержательно, т. е. ничтожно только и именно ничто или небытіе». Напрасно изъ этого небытія г. Шперкъ и выносилъ на свѣтъ божій свою философію.

ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I.

Римскій и Седанскій юбилей.

Италія и Германія только что отпраздновали двадцатипятилѣтіе своихъ побѣдъ надъ папствомъ и Франціей. Вступленіе итальянцевъ въ Римъ и Седанскій погромъ составляютъ поворотные столбы въ исторіи этихъ обѣихъ странъ, хотя первое событіе было завершеніемъ борьбы за итальянское единство, а послѣднее—только крупнымъ звѣномъ въ той цѣпи, которая сковала германскую имперію. Какъ бы то ни было, если итальянцы называютъ свой юбилей серебряной свадьбой объединенной родины съ ея исторической столицей, то также можно назвать и юбилей, справлявшійся въ Берлинѣ, серебряной свадьбой Германіи съ имперіей. Замѣчательно, что эти юбилей имѣли много между собою общаго: и тутъ и тамъ они отличались чисто официальнымъ, но не народнымъ характеромъ. Среди внѣшнихъ, шумныхъ торжествъ слышалась въ нихъ фальшивая нота, замѣчалось желаніе правительства насильно навязать ликованье народу, который вовсе не хотѣлъ радоваться, такъ какъ, подведя итоги двадцатипятилѣтнихъ результатовъ празднуемыхъ событій, нечему ему и радоваться. Столь долго ожидаемое и столь дорого стоившее единство Италиі и Германіи, какъ оно выражается, съ одной стороны, въ диктаторствѣ Криспи, а съ другой, въ диктаторствѣ Вильгельма II, не оправдало всѣхъ возложенныхъ на него надеждъ и возбудило мрачное разочарованіе среди всѣхъ, ставящихъ внутреннее благоденствіе страны выше мишурнаго блеска внѣшней славы. Конечно, въ этомъ не виноватъ принципъ національнаго единства, а вся отвѣтственность за его неудачное примѣненіе падеть на тѣхъ, которые эскомотировали великую идею единенія итальянскаго и германскаго народа, и, вмѣсто федераціи свободныхъ, равноправныхъ единицъ, образовали диктаторское го-

сподство силы надъ правомъ. Неудивительно, что при такомъ положеніи вещей и въ Италіи, и въ Германіи рядомъ съ официальными празднествами замѣчается громкое подведеніе неудовлетворительныхъ итоговъ серебряныхъ свадебъ, заключенныхъ въ Седанѣ и въ той исторической брешѣ у воротъ Піа, черезъ которую итальянцы вступили въ Римъ. При этомъ замѣчается однако различіе между народнымъ настроеніемъ итальянцевъ и нѣмцевъ, одинаково недовольныхъ результатами столь хваленыхъ побѣдъ: первые, возставая противъ диктаторства Криспи, сохраняютъ неизмѣннымъ свой культъ къ героямъ великой борьбы за единство: Гарибальди, Кавуру, Виктору-Эмануилу, а послѣдніе даже начинаютъ сомнѣваться въ геніальности Мольтке, какъ уже давно разочаровались въ Бисмаркѣ, и приписывать свои шумныя побѣды скорѣе слѣпому счастью, чѣмъ доблести своихъ развѣнчаныхъ кумировъ. Такимъ образомъ, римскій и седанскій юбилей далеко не достигли предположенной цѣли развитія квасного патріотизма, а, напротивъ, послужили только доказательствомъ, что итальянскій и германскій народы не имѣютъ ничего общаго съ той, мозолящей глаза всего свѣта, блестящей мишурой, которой тщетно стараются въ обѣихъ странахъ прикрыть диктатуру силы, попирающей право. Еще одинъ Бисмаркъ могъ бы дѣйствительно ликовать по поводу этихъ юбилеевъ, видя, что цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ сохранила свое господство его теорія желѣза и огня; но и ему, въ сущности, нечего радоваться, такъ какъ печальная для него и для его политическихъ послѣдователей подкладка юбилейныхъ празднествъ ясно доказываетъ, что дни бисмарковщины, какъ въ нѣмецкой, такъ и въ итальянской ея формѣ, сочтены.

Официальная сторона празднованія итальянской серебряной свадьбы въ Римѣ состояла изъ семидневныхъ безконечныхъ торжествъ: открытія памятниковъ Гарибальди и Кавура, великогѣпныхъ иллюминацій, роскошныхъ банкетовъ, многочисленныхъ конгрессовъ, начиная отъ историческаго и географическаго до парикмахерскаго, съѣздовъ стрѣлковъ и гимнастовъ, парадовъ и, конечно, рѣчей, рѣчей безъ мѣры и безъ удержа. Всегда и вездѣ являлся король въ сопровожденіи Криспи, и, хотя перваго встрѣчали очень сочувственно, но относительно послѣдняго не замѣтно было никакого энтузіазма. Его же рѣчь при открытіи памятника Гарибальди, сподвижникомъ котораго онъ состоялъ, поразила всѣхъ своей неловкостью: сказавъ только мимоходомъ два слова о героѣ церемоніи и вовсе не упомянувъ о другомъ основателѣ итальянскаго единства, Кавурѣ, онъ исключительно прославлялъ свое управленіе и заигрывалъ съ клерикалами, но такъ неумѣло и

грубо, что одинаково возстановилъ противъ себя и радикаловъ, и тѣхъ самыхъ клерикаловъ, которыхъ мечталъ привлечь на свою сторону. Не только всѣ итальянцы, но даже римляне, которые могли только извлечь выгоду изъ этихъ праздниковъ, выражали большое хладнокровіе къ официальному ликованію, и если принимали участіе въ демонстраціяхъ, то лишь для того, чтобъ выразить свое уваженіе къ великимъ бойцамъ за свою независимость, въ особенности къ Гарибальди; а поэтому главнымъ героемъ римскихъ праздниковъ въ глазахъ народа былъ не король, не Криспи, а старѣйшій изъ гарибальдійцевъ, восьмидесятилѣтній полковникъ Фоссати, красная рубашка котораго, привсякомъ своемъ появленіи на улицахъ, возбуждала нескончаемыя оваціи. Напротивъ, отсутствіе въ Римѣ делегатовъ Неаполя, муниципалитетъ котораго отказался послать своихъ представителей, воочію доказывало, что не только клерикалы, но и радикалы держатъ себя въ сторонѣ отъ этого несвоевременнаго ликованія. Наконецъ, участіе въ иллюминаціи и украшеніи зданій флагами одного англійскаго посольства, тогда какъ всѣ другія воздержались изъ боязни, чтобъ австрійское не сдѣлало скандала, въ случаѣ общаго участія, — даже портило эффектъ официальныхъ торжествъ. Конечно, папа, въ своемъ письмѣ къ кардиналу Рамполѣ, и вообще его сторонники воспользовались ошибками ненавистнаго имъ итальянскаго правительства; презирая авансы Криспи, они громко протестуютъ противъ оскорбленія папы римскими праздниками, проповѣдуя открыто необходимость возвращенія Рима въ лоно свѣтской власти преемника св. Петра. Никакіе выговоры Криспи, расточаемые епископамъ, не остановятъ новаго клерикальнаго движенія, поднятаго неумѣстными дѣйствіями итальянскаго правительства, и оно можетъ принять тѣмъ болѣе опасный характеръ, что недовольные Криспи радикалы не окажутъ надлежащаго отпора, какъ они это дѣлали до сихъ поръ, а, главное, что, разочарованный въ своемъ правительствѣ, итальянскій народъ, мѣстами находящійся въ самомъ невѣжественномъ положеніи, можетъ легко поддаться на удочку, ловко заброшенную клерикалами. Одинъ изъ радикальныхъ депутатовъ, Коляяни, очень мѣтко говоритъ въ газетѣ «Messagero», что «римскіе праздники дали въ результатъ лишь усиленіе клерикальной опасности, съ которой можно бороться не заигрываніями и не запугиваніями, на которыя такъ щедръ Криспи, а путемъ обезпеченія свободы всѣмъ мнѣніямъ, не выходящимъ изъ предѣловъ законности, прекращенія той чрезмѣрной бѣдности, которая можетъ наконецъ вывести изъ терпѣнія народъ, и распространенія здраваго образованія».

Тотъ же Каляяни въ «Revue des Revues» рисуеъ мрачную картину теперешняго положенія Италіи, а извѣстная англійская романистка Уида въ статьѣ, напечатанной въ «Contemporary Review» представляетъ въ самыхъ черныхъ краскахъ характеристику самого Криспи и его злополучнаго управленія страной. Читая эти пламенные и краснорѣчивыя страницы, въ которыхъ слышится глубокое сочувствіе къ бѣдному итальянскому народу, — угнетенному диктатурой Криспи, становится понятнымъ, почему этотъ народъ воздержался отъ участія въ праздникахъ, которые имѣли дѣйствительно характеръ издѣвательства не только надъ папствомъ, но и надъ горькой участью народа. Совершенно справедливо говоритъ итальянскій публицистъ Ферреро, изъ брошюры котораго «Реакція», Уида приводитъ отрывки, что если вся борьба за итальянскую независимость привела къ диктатурѣ Криспи, то напрасно прогнали бурбоновъ и Австрію, такъ какъ при нихъ не хуже жилось итальянскому народу. Разоренные чрезмѣрными налогами, благодаря поддержанію несоразмѣрной арміи, итальянцы не пользуются и тѣнью политической или гражданской свободы. Бывшій гарибальдеецъ и республиканецъ, Криспи, достигнувъ неограниченной власти, благодаря обстоятельствамъ, завелъ такіе порядки въ Италіи, что едва ли было хуже при бурбонахъ и австріяцахъ. Король, котораго онъ постоянно пугаетъ народными возстаніями, предоставляетъ ему хозяйничать въ Италіи, какъ ему угодно; парламентъ существуетъ только, пока онъ исполняетъ его волю, а какъ только проявляются въ немъ слѣды независимости, его тотчасъ распускаютъ, какъ это было недавно, и производятся подъ давленіемъ энергичныхъ префектовъ новые выборы, которые даютъ послушную палату, а въ промежутокъ времени страна управляется временными декретами. Всюду распространена система полицейскихъ преслѣдованій и самаго безсовѣстнаго шпіонства; малѣйшіе протесты, караются самымъ жестокимъ образомъ и, уже не говоря о многочисленныхъ патріотахъ - радикалахъ, которые гніють въ тюрьмахъ за попытки противодѣйствовать Криспи, недавно десятилѣтняго мальчика посадили въ тюрьму на шесть недѣль за то, что онъ написалъ мѣломъ на стѣнѣ какого то дома: «Долой Криспи». Наконецъ, недавніе скандалы Римскаго банка показали, до какого тлетворнаго разложенія дошли политическіе нравы въ Италіи, и если они не обнаружили еще большаго, то лишь потому, что самъ Криспи былъ въ нихъ замѣшанъ и насильно затушилъ дѣло. И при такомъ то положеніи вещей, когда, по мѣткому замѣчанію Ферреро, на итальянскихъ корабляхъ горитъ электричество, а поселяне освѣщаютъ свою убогую

хижину сальной свѣчей, когда двѣсти тысячъ солдатъ ѣдятъ говядину, а ломбардскіе горожане питаются поленой,—вздумали устроить праздники серебряной свадьбы, удивительно ли, что народъ отъ нихъ отвернулся съ негодованіемъ. «Что остается, спрашиваетъ Фереро, отъ великой программы Кавура, Гарибальди и Мадзини, отъ тѣхъ идей, которыя побудили Италію прибѣгнуть къ оружію? Рѣдкое поколѣніе людей начинало такъ благородно и кончаетъ такъ печально, не исполнивъ ни одного изъ своихъ обѣщаній». Наконецъ, итальянскіе историки, между прочимъ Беньядини, на столбцахъ «Nuova Antologia» логично доказываютъ, что во взятіи Рима итальянскими войсками 20 сентября 1870 года не было ничего славнаго, такъ какъ оно не встрѣтило почти никакого сопротивленія, а потому не стоило и праздновать этотъ день. Ужъ если ликовать по случаю какого-нибудь событія, касающагося присоединенія Рима къ Италіи, то слѣдовало избрать 2 октября 1870 г., когда Римъ, путемъ плебисцита, дѣйствительно сдѣлался столицей Италіи. Такимъ образомъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія, изобрѣтенная клеветами Криспи серебряная свадьба Италіи оказалась печальнымъ фіаско, которое однако будетъ очень дорого стоить бѣдной Италіи и матеріально, въ виду громаднхъ расходовъ на празднества, и политически, если дѣйствительно клерикальное движеніе, возбужденное этими празднествами, усилитъ еще болѣе несчастное положеніе страны.

Седанскій юбилей праздновался съ еще болѣшимъ шумомъ и трескомъ, чѣмъ римскій; главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при всѣхъ торжествахъ былъ императоръ: онъ присутствовалъ въ Берлинѣ при освященіи церкви въ честь дѣда, онъ закладывалъ ему памятникъ тамъ же, онъ открывалъ статую своего отца на Вертскомъ полѣ битвы, онъ дѣлалъ парады и смотры, предсѣдательствовалъ на банкетахъ, произносилъ рѣчи и стоя, и сидя, и верхомъ, онъ, наконецъ, писалъ рескрипты, высказывая свои мысли по поводу юбилея. Эти мысли, высказанныя, какъ письменно, такъ и устно, сводились, съ одной стороны, къ прославленію Вильгельма Великаго, какъ онъ называлъ своего дѣда, и его сподвижниковъ за одержанныя побѣды надъ родовымъ врагомъ, а съ другой, къ проклятію всѣхъ враговъ установленнаго порядка, дерзавшихъ клеветать на героев національнаго торжества. Но дѣло именно въ томъ то и было, что седанскій юбилей не возбудилъ настоящаго національнаго ликования, и нѣмецкій народъ вовсе не принималъ участія въ официальныхъ празднествахъ. Это объясняется тѣмъ, что нѣмцы находятся въ такомъ печальномъ политическомъ и экономическомъ состояніи, что имъ не до радости, что радикалы и социаль-демократы очень ловко вну-

шили народу ненависть къ этимъ праздникамъ, какъ къ прославленію войны, и что, въ послѣднее время, нѣмцы не только стали охладѣвать къ столь дорого стоющему имъ милитаризму, но начали трезво относиться къ прославленнымъ своимъ побѣдамъ. Цѣлый рядъ фактовъ ясно доказываетъ, какъ отрицательное отношеніе германскаго народа къ устроеннымъ официальнымъ торжествамъ, такъ и причины, которыя привели къ этому. Не только рабочіе не участвовали въ празднествахъ, хотя на казенныхъ заводахъ ихъ освободили въ эти дни отъ работы съ сохраненіемъ платы, но съ разныхъ сторонъ раздавались горячіе протесты. Такъ баварскіе ветераны войны 1870—71 гг. положили лавровый вѣнокъ на могилу похороненныхъ въ Мюнхенѣ французскихъ плѣнныхъ, и одинъ изъ нихъ при этомъ произнесъ публично: «Я кладу этотъ лавровый вѣнокъ отъ имени ассоціаціи ветерановъ на могилу французскихъ солдатъ, потому что они также сражались и умерли за родину; конечно, они были нашими врагами, но въ смерти нѣтъ ни враговъ, ни друзей: мы молча молимся за нихъ». Въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ появилось знаменательное письмо какого то также ветерана пресловутыхъ побѣдъ, юбилей которыхъ справляли: проклиная войну и ея печальныя послѣдствія для Германіи, онъ говоритъ: «наше теперешнее несчастное положеніе послано намъ въ наказанье за то зло, которое мы причинили Франціи; въ долгія, безсонныя ночи я часто вспоминаю о бѣднякахъ, ломавшихъ руки съ мольбой, чтобъ мы не выпускали вина изъ бочекъ, не мыли имъ ногъ лошадей и чтобъ не ломали художественную мебель на растопки»...

Что касается до того отрезвленія, которое замѣтно среди нѣмцевъ насчетъ только что отпразднованныхъ побѣдъ и ихъ героевъ, то оно всего лучше выражается въ нѣсколькихъ, любопытныхъ статьяхъ берлинскаго журнала «Kritik». Въ двухъ изъ нихъ подъ названіемъ «Мецкая Легенда» и «Что могъ бы сдѣлать Базенъ?», Карлъ Блейбтрей, сынъ батальнаго живописца Вильгельма I, очень способный военный критикъ, доказываетъ фактически и путемъ непреложныхъ логическихъ аргументовъ, что Мольтке надѣлалъ множество ошибокъ въ тѣхъ битвахъ, которыя предшествовали удаленію Базена въ Мецъ, что онъ вовсе не заперъ французовъ въ этой крѣпости, а хотѣлъ ихъ оттуда отвлечь, что Наполеонъ, на его мѣстѣ, уничтожилъ бы Базена и что если Базенъ погибъ, то не отъ искусства Мольтке, или доблести нѣмецкой арміи, а отъ своей собственной измѣны. Кромѣ такого развѣнчиванія пресловутаго Мольтке, этотъ молодой, талантливый авторъ въ третьей статьѣ открыто признаетъ, что заявленіе, сдѣланное французскимъ генераломъ Мюнье въ

«Figaго», въ самый разгаръ юбилейныхъ празднествъ, о кражахъ, учиненныхъ нѣмецкими офицерами и солдатами во время войны, и названное нѣмецкими офиціозами гнусной клеветой, заключаетъ въ себѣ много справедливаго, такъ какъ дѣйствительно грабежь производился нѣмцами на громадную ногу. Наконецъ, Гундгаузенъ въ томъ же журналѣ протестуетъ противъ титула Великаго, который императоръ далъ своему дѣду въ юбилейныхъ рѣчахъ, говоря: «не внуку давать подобный титулъ— это дѣло исторіи, а исторія, конечно, признаетъ, что если онъ и былъ великъ, то лишь величіемъ совершенныхъ другими подвиговъ». Въ доказательство же того, какъ старикъ Вильгельмъ слѣпо повиновался во всемъ Бисмарку, авторъ приводитъ слова наслѣднаго принца Фридриха, впоследствии императора, который прямо говорилъ о своемъ отцѣ: «Да, господа, это такъ, и этого ничѣмъ не измѣнить; еслибъ Бисмаркъ предложилъ моему отцу заключить союзъ съ Гарибальди, что я говорю съ Гарибальди, онъ былъ генералъ, а съ Мадзини, то мой отецъ сталъ бы ходить по комнатамъ сильно озадаченный и повторяя: «Бисмаркъ, Бисмаркъ, что вы изъ меня дѣлаете!», а потомъ произнесъ бы: «Если вы находите, что это необходимо, то нечего противъ этого и возражать». Рядомъ съ такимъ развѣчиваніемъ столь священныхъ еще недавно для всякаго нѣмца кумировъ милитаризма, подтачиваются и подъ самую основу милитаризма — пресловутую германскую армію. Такъ, громаднаго шума надѣлала во всей странѣ, вышедшая передъ самымъ седанскимъ юбилеемъ и разошедшаяся въ многихъ тысячахъ экземплярахъ, брошюра отставнаго баварскаго офицера, Крафта, «Золотая Нищета» (Glänzendes Elend), въ которой представляется въ мрачныхъ краскахъ картина современнаго положенія нѣмецкой арміи. По словамъ автора, солдаты въ ней забиты строгой дисциплиной, а офицеры происходятъ преимущественно изъ кадетъ, невѣжественны, надменны, думаютъ только объ удовольствіяхъ, и, получая очень скудное жалованье, должны прибѣгать къ различнымъ неблагоприятнымъ уловкамъ, между прочимъ, къ женидбѣ на богатыхъ, чтобъ поддержать такъ называемую честь мундира; естественно, что народъ отворачивается отъ такой неблагоприятной касты и считаетъ офицеровъ не только совершенно чуждыми для себя, но прямо врагами. Подобныя заявленія Крафта составляютъ тѣмъ болѣе знаменіе времени, что они не впервые слышны въ Германіи: въ предшествовавшую движенію 1848 г. смутную, безпокойную эпоху, на которую во многомъ походитъ теперешняя, радикальная пресса возставала противъ тогдашняго состоянія арміи, особенно противъ невѣжественности

офицеровъ, и требовала либеральной реформы. Но, если нѣмцы начинаютъ искоса посматривать на свою столь хваленую армію, то они еще сомнительнѣе относятся къ ея главѣ, Вильгельму II. По словамъ одного европейскаго дипломата, которыя приведены въ англійской газетѣ «Daily News», седанскій юбилей, имѣвшій чисто официальный характеръ, на который народъ только издали глядѣлъ изъ любопытства, не увеличилъ популярности императора; германскій народъ относится къ нему съ каждымъ днемъ все съ большимъ и большимъ недовѣріемъ, боясь, что онъ склоненъ къ войнѣ, а въ случаѣ войны будетъ дѣйствовать по своей волѣ, безъ совѣта и контроля единственныхъ двухъ способныхъ и пользующихся общимъ уваженіемъ генераловъ, Вальдерзэ въ Альтонѣ и Гасселера въ Страсбургѣ; это недовѣріе къ императору тѣмъ сильнѣе, что онъ всегда окруженъ придворной, мистической комариллѣй пяти братьевъ Ейденбургъ». Другой англичанинъ, восторженно отзывающійся о Вильгельмѣ II, очень характерно замѣтилъ публицисту «Revue des Deux Mondes» — Вальберу: «Императоръ—человѣкъ необыкновенный, но надо быть съ нимъ осторожнымъ: онъ дикій!» А когда французъ просилъ объясненія, какъ можетъ быть дикаремъ такой образованный и разносторонне развитой государь, то англичанинъ только отвѣтилъ: «хорошо, я согласенъ, это самый развитой и образованный изъ дикарей, но онъ все-таки дикій». Дѣйствительно, въ устроенномъ имъ седанскомъ юбилеѣ, въ распространеніи празднествъ на Эльзасъ и Лотарингію, въ гордыхъ вызовахъ, брошенныхъ внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ, въ его рѣчахъ по этому случаю, наконецъ въ преслѣдованіи тѣхъ, которые протестовали противъ этого юбилея, какъ напримѣръ, депутата Либкнехта—онъ проявилъ именно то странное качество, которое такъ зорко подмѣтилъ въ немъ англичанинъ.

Уже не говоря о томъ, что вообще дико хвастаться побѣдами, одержанными уже столько времени тому назадъ и стоившими столько жертвъ даже побѣдителямъ, но праздновать эти побѣды въ завоеванныхъ и доселѣ не примирившихся съ своимъ завоеваніемъ французскихъ провинціяхъ—уже апогей дикости. Трудно себѣ представить чтонибудь безтактиѣ открытія памятника Фридриху III въ Вортѣ и произнесенной по этому случаю его сыномъ рѣчи о клятвѣ стоять на Мозелѣ, для сохраненія съ Божьей помощью приобрѣтеннаго. Съ одной стороны, это совершенно безпѣльное оскорбленіе побѣжденныхъ провинцій и націи, съ которой Германія находится официально, если не въ дружескихъ, то въ мирныхъ отношеніяхъ, а съ другой,

тутъ слышится какая-то безпокойная нота, какое-то тревожное сознание, что еще необходимы клятва и стоянье для сохраненія приобрѣтеннаго хваленными побѣдами. Если черезъ двадцать пять лѣтъ такъ отзывается о возвращенныхъ въ лоно своей отчизны германскихъ провинціяхъ, какъ называютъ нѣмцы Эльзась и Лотарингію, могущественный германскій императоръ, то не стоило и праздновать юбилея; если таковъ результатъ четверти вѣка германизации предполагаемыхъ нѣмцевъ, то юбилей является чѣмъ-то въ родѣ насмѣшки. Еще Мольтке говорилъ: «чтобъ сохранить приобрѣтенное, намъ надо будетъ стоять на готовѣ покрайней мѣрѣ пятьдесятъ лѣтъ»,—и оказывается, что спустя половину назначеннаго имъ срока «стоянье» все еще такъ же необходимо, какъ въ началѣ. По свидѣтельству Новикова, помѣстившаго въ «Revue Nouvelle» любопытный очеркъ современнаго положенія вопроса объ Эльзась-Лотарингіи, этотъ вопросъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ не сдѣлалъ ни шагу впередъ въ нравственномъ отношеніи, а матеріально никогда не разрѣшилъ его. Чего не пробовали нѣмцы: и подкупали, и грозили, и преслѣдовали и ласкали Эльзасцевъ-Лотарингцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наводняли страну нѣмцами, возводили великолѣпныя постройки, проводили электричество, выстроили роскошный университетъ въ Страсбургѣ—и все-таки все осталось по прежнему. Эльзасцы-Лотарингцы смотрятъ на нѣмцевъ, какъ на чуждыхъ имъ завоевателей, и тайно спрашиваютъ у всякаго проѣзжаго француза: «когда-же вы насъ освободите отъ нѣмцевъ»? Добросовѣстные нѣмцы, какъ напримѣръ, профессоръ Страсбургскаго университета, Циглеръ, въ недавней статьѣ въ «Nation», признаютъ, что о нѣмеченіе Эльзась-Лотарингіи идетъ очень тихо и что французская революція болѣе отвлекла эльзасцевъ отъ ихъ старой родины, Германіи, чѣмъ прежде предполагали. Бебель, въ началѣ нынѣшняго года, рисовалъ въ рейхстагѣ самую мрачную картину Эльзась-Лотарингіи, гдѣ обѣщанныя Германіею конституціонные порядки не введены, а все еще дѣйствуютъ драконовскіе законы декабрьской имперіи, давно уничтоженные во Франціи. Такимъ образомъ, Германія, для о нѣмеченія отнятыхъ у Франціи провинцій, управляетъ ими на основаніи старыхъ отгмѣненныхъ французскихъ законовъ. «Удивительно-ли послѣ этого, прибавляетъ Бебель, что при такой диктатурѣ новыя провинціи не мирятся съ своими завоевателями». Нѣкоторые благоразумные нѣмцы, между прочимъ, тотъ-же профессоръ Циглеръ,—предлагали ознаменовать юбилей отгмѣнной диктатуры и введеніемъ конституціонныхъ порядковъ; но Вильгельмъ II и его правительство нашли лучшимъ ознаменованіемъ юбилея—открытіе памят-

ника въ Вортѣ и произнесеніе рѣчи о стояніи на Мозелѣ. Эльзасы-Лотарингцы отвѣчали на это криками: «Да здравствуетъ Франція», при въѣздѣ императора въ Мецъ послѣ этого торжества.

Но еще болѣе колоссальной дикостью покажется этотъ злополучный юбилей, если принять въ соображеніе, чего стоило въ эти двадцать пять лѣтъ присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи не только Франціи и Германіи, но и всей Европѣ. Безспорно, что нѣмецкія побѣды и ихъ результатъ: присоединеніе Эльзаса-Лотарингіи къ Германіи—служатъ поводомъ къ превращенію всей Европы въ постоянный военный лагерь. Поэтому случаю приведемъ нѣсколько краснорѣчивыхъ цифръ изъ указанной уже статьи Новикова. Въ 1869 году Германія, сѣверная и южная, имѣла 366,400 солдатъ на мирной ногѣ, а теперь Германская Имперія содержитъ армію въ 584,000. Во Франціи въ 1870 г. было официально 404,000 солдатъ, а теперь—564,000; значитъ, арміи обѣихъ странъ увеличились на 378,000 человекъ. Въ 1869 г. военный бюджетъ нѣмецкихъ государствъ равнялся 301 милліону франковъ, а въ 1895—763 милліонамъ; во Франціи соотвѣтствующія цифры представляютъ 376 мил. и 633 мил. Значитъ, расходъ обѣихъ армій увеличился на 720 милліоновъ въ годъ. Еслибъ каждый изъ солдатъ работалъ дома, то онъ выработалъ бы до 1000 фр.; слѣдовательно, надо прибавить къ расходу еще 378 милліоновъ и получится общій расходъ въ 1 милліардъ 98 милліоновъ франковъ въ годъ, изъ которыхъ на долю Франціи падаетъ 417 милліоновъ, а Германіи 681 мил. Вотъ что стоитъ Франціи и Германіи ежегодно Эльзасъ-Лотарингія, а если подвести итогъ за двадцать пять лѣтъ, то получится для обѣихъ странъ общая сумма около 50 милліардовъ франковъ. Остальная Европа издержала въ это же время на военные расходы также неменѣе 50 милліардовъ, а весь общій военный расходъ составитъ 100 милліардовъ франковъ. Какая это страшная цифра—можно судить потому, что Лондонъ цѣнится въ 15 милліардовъ, а Парижъ въ 8 милліардовъ. А конечно, на эти издержанные деньги, благодаря «стоянію» съ цѣлью сохранить Эльзасъ-Лотарингію за нѣмцами, можно было бы превратить всю Европу въ прелестный садъ, орошенный каналами и усыпанный удобными жилищами для всего ея населенія. Въ виду этихъ соображеній, слово «дикость» уже покажется даже недостаточнымъ для характеристики седанскаго юбилея.

II.

Интересы дня.

Литературный и журнальный конгрессы.—Вопросъ о литературной собственности.—Съѣздъ социологовъ и главнѣйшіе доклады его членовъ.—Задача социологии.—Вопросы: семейный, расовый и сословный.—Рефератъ г. М. Ковалевскаго о переходѣ общаго землевладѣнія въ частное.—Попытки восстановленія земледѣльческихъ общинъ.—Рабочія колоніи въ Южной Австраліи.—Причина неудачи утопій на практикѣ.—Новая религіозная община въ Америкѣ.—Смерть Пастёра.—Пастёръ, какъ благодѣтель челоуѣчества.

Осень—излюбленная эпоха международныхъ конгрессовъ, и, по обыкновенію, въ настоящемъ году, въ различныхъ углахъ Европы съѣзжались специалисты по различнымъ отраслямъ научной и общественной дѣятельности. На долю литераторовъ и журналистовъ выпало два такихъ съѣзда: первый собирался въ Дрезденѣ, а послѣдній въ Бордо. Литературный конгрессъ былъ устроенъ, какъ всегда, Международной Литературной и Художественной Ассоціаціей, которая поставила себѣ очень узкую цѣль—добиваться признанія всюду литературной собственности и регламентирования ея; но надо отдать ей справедливость, что на избранномъ ею пути она выказываетъ замѣчательную энергію и съ большимъ успѣхомъ осуществляетъ свою задачу. По счету это семнадцатый конгрессъ, и на немъ снова занимались исключительно вопросами литературной собственности, хотя секретаремъ ассоціаціи, французскимъ романистомъ Лермина, и былъ предложенъ новый вопросъ объ учрежденіи международной библиографіи. Этотъ проектъ сосредоточенія въ Бернѣ, при Международномъ Бюро Литературной Собственности, каталоговъ всѣхъ національныхъ литературъ и объединенія ихъ,—что, конечно, было бы очень полезно для всѣхъ занимающихся какой бы то ни было наукой или отраслью общественной дѣятельности,—однако отложенъ до будущаго конгресса. Онъ соберется въ 1896 году въ Бернѣ и, повидимому, будетъ имѣть важное значеніе для исключительной задачи ассоціаціи, такъ какъ, до этого времени, проектъ объединенія всѣхъ законодательствъ о литературной собственности, выработанный предыдущими съѣздами и принятый въ настоящей сессіи, будетъ представленъ конференціи представителей всѣхъ державъ, подписавшихъ Бернскую конвенцію 1886 г. Конференція эта соберется въ Парижѣ, согласно одному изъ пунктовъ этой конвенціи, весной будущаго года, и послѣ ея рѣшенія проектъ вернется въ конгрессъ. Основу этого проекта составляетъ признаніе слѣдующихъ принциповъ: 1) авторъ каждаго литературнаго или художественнаго произведенія имѣетъ

исключительное право на свое изданіе и воспроизведеніе въ какой бы то ни было формѣ; 2) право автора пожизненно для него и распространяется на пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти для его наслѣдниковъ; 3) всякое воспроизведеніе, полное или частичное, безъ согласія автора, преслѣдуется гражданскимъ и уголовнымъ путемъ; 4) подъ воспроизведеніемъ разумѣтся перепечатка, переводъ, передѣлка и т. д.; 5) буквальное заимствованье дозволяется только съ цѣлью критики, полемики и обученія, но подъ условіемъ ссылки на сочиненіе и автора; 6) произведенія, появившіяся въ газетахъ и журналахъ, подчиняются тѣмъ же правиламъ, какъ и книги. Нечего указывать на то, что этотъ проектъ имѣетъ исключительно въ виду одинъ матеріальный интересъ литераторовъ, совершенно забывая высшія цѣли литературы и самой ассоціаціи, которая была создана подъ покровительствомъ Виктора Гюго для лучшаго распространенія по всему свѣту произведеній человѣческой мысли, а не для ограниченія способовъ къ этому распространенію, и породить, въ случаѣ его осуществленія, безконечныя преграды, затрудненія и стѣсненія на практикѣ къ воспроизведенію сочиненій автора одной страны въ остальныхъ, при чемъ, въ концѣ концовъ, не будутъ достигнуты даже матеріальныя цѣли ассоціаціи. Какъ бы то ни было, она,—въ настоящее время ликуетъ; ея стараніями къ Берлинской конвенціи о литературной собственности примкнули: Франція, Англія, Германія, Италія, Люксембургъ, Бельгія, Черногорія, Монако, Швеція, Гаити и Тунисъ, а также предвидится въ ближайшемъ будущемъ вступленіе въ этотъ союзъ: Швеціи, Норвегіи, Даніи, Голландіи, американскихъ республикъ и Россіи (?). Относительно сочувствія послѣдней цѣлямъ ассоціаціи на конгрессѣ заявили: Гальперинъ-Каменскій и предсѣдатель литературнаго общества въ Петербургѣ, Исаковъ. Первый доложилъ о тѣхъ попыткахъ, которыя сдѣланы въ Россіи для признанія за иностранцами права литературной и художественной собственности, а послѣдній объявилъ, что Россія съ удовольствіемъ готова присоединиться къ Бернской конвенціи, но только проситъ предоставленія ей времени для выработки этой великой реформы. Насколько авторитетно подобное заявленіе, ясно само собою, и врядъ ли желательно, чтобъ Россія когда нибудь ограничивала себѣ право воспроизведенія современнаго печатнаго слова на Западѣ столь узкими рамками, хотя, конечно, можно было бы приискать способъ примиренія безспорнаго права иностранныхъ авторовъ на вознагражденіе за свои сочиненія и высшаго права всѣхъ народовъ на общее достояніе человѣческой мысли, высказанной печатно. Выработка подобнаго проекта международнаго

законодательства и созданія международного литературнаго учрежденія для практическаго его примѣненія прямо входила бы въ программу международной литературной ассоціаціи, о которой мечтали ея первый предсѣдатель Викторъ Гюго и одинъ изъ вице-предсѣдателей ея перваго конгресса въ Парижѣ въ 1868 году, Тургеневъ, и которая не имѣетъ ничего общаго съ узкимъ, корыстнымъ направлениемъ послѣднихъ съѣздовъ той же ассоціаціи.

Гораздо симпатичнѣе былъ конгрессъ журналистовъ, за сѣдавшій въ Бордо. Въ немъ участвовало до 200 представителей печати, въ томъ числѣ 5 дамъ. Послѣ горячихъ преній онъ вотировалъ проектъ устава международной ассоціаціи печати, составленный по мысли Зингера, редактора «Neues Wiener Tagblatt», особой комиссіей, по порученію перваго подобнаго же съѣзда въ Антверпенѣ, въ прошедшемъ году. Предполагаемая ассоціація имѣетъ цѣлю сплотить всѣ общества журналистовъ, существующія уже въ различныхъ странахъ, не отказывая однако принимать въ свою среду и представителей печати такихъ странъ, гдѣ нѣтъ подобныхъ обществъ. Въ программу ея дѣйствій входитъ: созваніе періодическихъ конгрессовъ, учрежденіе центральной комиссіи для исполненія постановленій конгрессовъ, содѣйствіе всюду корреспондентамъ при исполненіи ими своей обязанности, основаніе кассы взаимной помощи на случай болѣзни, увѣчья и дряхлости, образованіе справочной конторы для журналистовъ, созданіе третейскаго суда для разрѣшенія журнальныхъ распрей и т. д. Составленный на этихъ основаніяхъ, уставъ будетъ разосланъ во всѣ національныя общества журналистовъ и, только послѣ соотвѣтствующаго разсмотрѣнія ими, снова внесется уже для окончательной санкціи конгресса, который соберется въ будущемъ году въ Буда-Пештѣ. До тѣхъ поръ, образована временная комиссія, состоящая изъ слѣдующихъ шести раздѣловъ: 1) Франція, Швейцарія и Россія: Гебраръ, Тонэ, Загуляевъ; 2) Германія и Австро-Венгрія: Бирей, Зингеръ; 3) Англія: Ридъ и Крозби; 4) Бельгія, Голландія, Швеція, Норвегія, Данія: Гемаръ де Кейзеръ, Янцонъ; 5) Италія и Американскіе Соединенные Штаты: Торелли-Віолье; 6) Италія, Португалія и Южная Америка: Берацца. Лима.

Изъ всѣхъ происходившихъ доселѣ конгрессовъ быть можетъ наибольшій интересъ представилъ съѣздъ социологовъ въ Парижѣ. Онъ собирався впервые тамъ же, въ прошедшемъ году, подъ предсѣдательствомъ Сэра Джона Леббока. Теперь долженъ былъ предсѣдательствовать Шефлэ, но, за его неприбытіемъ по случаю нездоровья, его мѣсто занялъ, по выбору конгресса, М. Ковалевскій, бывшій профессоръ Московскаго университета. Въ

своей вступительной рѣчи, почтенный ученый указалъ на заслуги Конта, основателя социологіи, и на тѣ пути, которыми слѣдуетъ дополнить его теоріи; при этомъ онъ блестяще доказалъ, что новая наука должна стремиться къ познанію социальной эволюціи разумнымъ изученіемъ исторіи. Его идеи далѣе развилъ секретарь конгресса, Ренэ Вормсъ. По его словамъ, наблюденіе и индукція — основные методы социологіи, такъ же, какъ и всѣхъ наукъ вообще, а самая социологія, составляя настоящую науку, благодаря ея стремленіямъ къ знанію, раздѣляется на конкретную, изучающую внутренний строй обществъ, и отвлеченную, которая представляетъ синтезъ ихъ общихъ чертъ. Вслѣдъ за этими теоретическими вопросами были подвергнуты обсужденію и чисто практическіе, именно: семейный, расовой и сословный. Относительно перваго прочитаны три доклада: г. Абрикосова изъ Москвы «объ индивидуализмъ и формахъ брака», профессора Вестермарка изъ Гельсингфорса «о матриархатѣ» и профессора Гумпловича изъ Граца «объ эволюціи семьи». Противъ тезиса Абрикосова, что отношенія между полами имѣютъ исключительно индивидуальный характеръ, а потому нѣтъ основанія подвергать ихъ регулированію закона,—рѣзко возсталъ Ла-Грасери; онъ также представилъ нѣсколько замѣчаній и на изслѣдованіе Вестермарка о «матриархатѣ», т. е. о томъ первобытномъ общественномъ строѣ, когда не отецъ, а мать была главой семьи. Авторъ полагаетъ, что подобный общественный строй далеко не былъ повсемѣстнымъ въ первыя времена человѣчества, а, напротивъ, статистика, повидимому, доказываетъ, что онъ существовалъ только въ пятой части извѣстныхъ древнихъ націй. Ла-Грасери, съ своей стороны, также считаетъ, что «матриархатъ» не всегда предшествовалъ «патріархату», и если первый замѣненъ послѣднимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, то это произошло отъ завоеваній, благодаря которымъ, побѣдители превращали женъ побѣжденныхъ въ рабынь. Съ большей логикой доказывалъ въ своемъ рефератѣ Гумпловичъ, что власть отца въ семьѣ не имѣетъ обычно приписываемаго ей патріархальнаго, первобытнаго характера, а создана государствомъ. Онъ ссылаясь на большое число англійскихъ и германскихъ социологовъ, которые, изслѣдовавъ исторію семьи въ древности, пришли къ заключенію, что семьи не существовало до государства и что только государство, когда оно образовалось, признало за отцемъ семьи право жизни и смерти надъ женой и дѣтьми. Если бы не существовало государства, не было бы и родительскаго права, а, слѣдовательно, до государства не было семьи. Для государства семья представляла средство къ поддержанію господства побѣдителей надъ побѣжденными и къ сохра-

ненію этого господства путемъ наслѣдственности, а потому оно сначала и поощряло родительскую власть, но съ теченіемъ времени эта власть стала постепенно ослабѣвать и переходить отъ отца къ государству, которое теперь не только отобрало у отца часть его власти, но и стремится передать ей долю матери. По расовому вопросу былъ прочитанъ докладъ Гольберга о происхожденіи расъ, и, при обсужденіи его, профессоръ Моненъ высказалъ не новый взглядъ, что ничѣмъ еще не доказана способность негровъ къ политическому и соціальному развитію наравнѣ съ бѣлыми, а, напротивъ тотъ фактъ, что очень рѣдки примѣры негровъ, достигшихъ высшей степени цивилизаціи, подтверждаетъ фізіологическое вліяніе расы на соціологическое развитіе. Что касается до сословнаго вопроса, то онъ возбудилъ самыя горячія пренія, по случаю реферата Ла-Грасери объ эволюціи аристократизма. Авторъ старался доказать, что аристократическая идея сохранялась во всѣ вѣка, переходя изъ одной формы въ другую, и что она вовсе не устраняетъ идеи демократической, а развивается параллельно. Первой аристократіи на свѣтѣ—духовной—наслѣдовали военная, феодальная, поземельная и финансовая, а теперь наступаетъ царство аристократіи научной. Такимъ образомъ, въ глазахъ автора, аристократія такая же необходимая соціологическая сила, какъ и демократія, и она никогда прямо не боролась съ демократіей, но происходила борьба между различными формами аристократіи, борьба, которая окончится торжествомъ научной аристократіи. Многие возражали защитнику аристократическаго начала, въ томъ числѣ и г. Новиковъ; но всѣхъ пламеннѣе возсталъ противъ него профессоръ Моненъ, доказавшій, что нельзя считать соціальную исторію только рядомъ превращеній аристократизма изъ одной его формы въ другую, а что, напротивъ,—она представляется прогрессивнымъ движеніемъ демократіи, самыя живые и могучіе элементы которой принимаютъ настоящій аристократическій характеръ. Однако, изъ всѣхъ рефератовъ всего болѣе заинтересовала присутствовавшую на конгрессѣ многочисленную публику рѣчь г. Ковалевскаго о причинахъ перехода общиннаго землевладѣнія въ частное, что, по его мнѣнію, вызвано было не одними экономическими условіями, но также соціальными и политическими, преимущественно же развитіемъ сначала феодализма, а потомъ буржуазіи.

Вопросъ о возстановленіи на Западѣ общиннаго землевладѣнія уже поднятъ давно, но теперь, благодаря недавнему опыту учрежденія въ Южной Австраліи рабочихъ колоній, имѣющихъ характеръ настоящихъ земельныхъ общинъ, онъ становится злобой дня. Какъ нельзя болѣе кстати Джорджъ Берри помѣстилъ въ англій-

скомъ журналѣ *Contemporary Review* чрезвычайно интересный очеркъ этого опыта (*Labour colonies in South Australia*), предпринятаго правительствомъ южной Австраліи, которое въ послѣдніе годы отличается очень прогрессивной дѣятельностью. Началось это движеніе еще очень недавно, именно въ мартѣ 1894 года, изданіемъ новаго закона, такъ называемаго акта о земледѣльческихъ поселеніяхъ. Сущность его заключалась въ томъ, что для образованія земледѣльческаго поселенія необходимо заявленіе не менѣе двадцати совершеннолѣтнихъ гражданъ о желаніи составить общину. Соединившись между собой, они обращаются къ правительству и выбираютъ на представленныхъ имъ картахъ свободной земли тотъ участокъ, который имъ кажется подходящимъ. Если по собраннымъ справкамъ оказывается, что они люди хорошіе и, повидимому, успѣютъ въ своемъ предпріятіи, то имъ отдаютъ землю въ общее владѣніе на правѣ вѣчной аренды, при чемъ на каждую семью должно причитаться по 160 акровъ; всю землю обязательно обрабатывать на общинномъ началѣ. Въ законѣ упомянуто, что когда вся земля уже обработана, то община, по взаимному согласію, можетъ прекратить свое существованіе и раздѣлить землю между отдѣльными своими членами. Съ самаго начала учрежденія такой общины правительство даетъ поселенцамъ по 50 фун. стерл. на каждого, въ видѣ займа, но эти займы производятся подъ сдѣланную уже работу, по оцѣнкѣ правительственнаго инспектора и въ размѣрѣ половинной ея стоимости. Такъ,—за очистку земли отъ кустарниковъ поселенцы получаютъ отъ 20 до 25 шиллинговъ за акръ. Каждое земледѣльческое поселеніе управляется избираемымъ тайной подачей голосовъ комитетомъ, предсѣдатель котораго завѣдуетъ всѣмъ дѣломъ. Какъ онъ, такъ и члены комитета выбираютъ на полгода и могутъ быть смѣщены во всякое время, въ случаѣ ихъ неудовлетворительности. Они рѣшаютъ, какую производить работу, и назначаютъ каждому члену общины его долю труда. Они имѣютъ право уволить изъ общины всякаго члена, который окажется вреднымъ или бесполезнымъ для нея, при чемъ онъ можетъ апеллировать ко всей общинѣ, которая, въ свою очередь, вольна назначить ему еще новую пробу на извѣстный срокъ. Запасы жизненныхъ потребностей находятся въ завѣдываніи предсѣдателя комитета, и изъ нихъ поселенцы получаютъ пищу, одежду, лѣкарства и т. д. Женатые живутъ въ отдѣльныхъ домахъ или шалапахъ, а холостые помѣщаются и харчатся вмѣстѣ. Послѣ двухъ лѣтъ существованія общины правительство начнетъ взимать проценты, по четыре со ста, за данныя займы суммы, и будетъ производить

это взысканіе до полной уплаты, когда земля поступить въ полное распоряженіе общины. Если одинъ изъ ея членовъ сдѣлается неспособнымъ къ труду, то онъ имѣетъ право оставаться въ общинѣ до конца своей жизни и пользоваться своей долей; въ случаѣ его смерти, его право переходитъ на жену и дѣтей. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ послѣ появленія этого закона образовалось десять земледѣльческихъ поселеній съ 1.500 жителей. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли по двадцати членовъ, а два или три—въ четыре раза болѣе. Эти новые утописты на практикѣ были преимущественно рабочіе и ремесленники, не имѣвшіе долгое время работы и съ удовольствіемъ покидавшіе Аделаиду, главный городъ южной Австраліи; но попадались между ними и представители разныхъ классовъ, въ томъ числѣ даже чиновники. Мѣстность, которую они избрали для своего опыта коллективной жизни, находилась на берегахъ рѣки Мурей, лучшей изъ австралійскихъ рѣкъ; до нея надо было проѣхать сто миль по желѣзной дорогѣ и еще четыре часа на пароходѣ. Поселенцы, кто съ семьями, кто безъ нихъ, отправились въ путь въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ прошедшаго года, а такъ какъ это время—австралійская осень, то они начинали свою дѣятельность при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Прошло менѣе года, и Джозефъ Берри, слѣдившій съ глубокимъ сочувствіемъ за этимъ движеніемъ, посѣтилъ восемь изъ десяти поселеній. Для болѣе рельефнаго представленія тѣхъ результатовъ, которыхъ достигли поселенцы, онъ рисуетъ слѣдующую картину одной изъ такихъ общинъ, которая, имѣя средній успѣхъ, можетъ быть взята за норму: «Я видѣлъ, какъ члены этой общины отправлялись въ путь въ мартѣ 1894 года изъ Аделаиды. Они брали съ собой только одну корову, хотя у нихъ было до ста дѣтей, одну свинью и двухъ лошадей. Нѣкоторые изъ нихъ не имѣли ни шиллинга за душой, такъ какъ они должны были расплатиться со своими старыми долгами; но меня поразило тотъ веселый, бодрый видъ, съ которымъ они начинали новое, невѣдомое дѣло. Теперь я посѣтилъ ихъ на новомъ мѣстѣ. Это селеніе находится въ прекрасной, живописной мѣстности, у подножія невысокихъ зеленыхъ горъ, и слегка опускается къ рѣкѣ Мурей, окаймленной деревьями. Ихъ жилища выдержали зимнюю стужу; каждое изъ нихъ стоитъ отдѣльно на полуакрѣ земли, при чемъ многія окружены огородами. Но уже выстроено пять каменныхъ, очень хорошихъ домовъ и еще два находятся въ постройкѣ. Поселенцы бросаютъ жребій для того, чтобы рѣшить, кому жить въ этихъ домахъ, такъ что получившій первый номеръ вступалъ въ пользованіе первымъ домомъ и т. д. Посреди селенія возвышается очень удобно устроенное каменное зданіе для дневныхъ

и воскресныхъ школъ, для собраній членовъ общины и т. п. Подъ рукой находятся каменоломня, кирпичный заводъ и лѣсопиляня. Въ семь часовъ тридцать минутъ утра колоколъ зоветъ всѣхъ на работу, а въ девять тридцать раздается новый колоколъ, возвѣщающій дѣтямъ, что пора идти въ школу. Около сотни акровъ земли очищено для полей, огородовъ и фруктовыхъ садовъ; уже составленъ планъ ирригаціи, при осуществленіи котораго вся земля будетъ щедро орошаться водой изъ рѣки. Главнымъ предметомъ хозяйства поселенцевъ будетъ производство фруктовъ; теперь уже заведенъ питомникъ съ нѣсколькими тысячами фруктовыхъ деревьевъ, а хорошо орошенный акръ земли въ этомъ, почти тропическомъ, климатѣ даетъ въ годъ винограду, абрикосовъ и другихъ фруктовъ на сумму отъ 15 до 30 фунт. стерлинг. Вообще, поселенцы здѣсь живутъ очень дешево, расходуя по одному шиллингу на семью въ день, и оказывается, что, среднимъ числомъ, ни одинъ изъ нихъ не выбралъ болѣе четверти тѣхъ пятидесяти фун. стерл., на которые имѣетъ право каждый членъ общины. Если дѣло пойдетъ такъ, какъ оно шло до сихъ поръ, то нѣтъ причины, чтобы эта община не пользовалась все болѣшимъ и болѣшимъ успѣхомъ. Просто утѣшительно было смотрѣть, какая переиѣна произошла среди этихъ, за годъ передъ тѣмъ, городскихъ бѣдняковъ, а теперь счастливыхъ земледѣльцевъ. Черезъ нѣсколько же лѣтъ, я полагаю—черезъ три или четыре, эта община будетъ просто земнымъ раемъ. По моимъ расчетамъ, подобное селеніе въ первый годъ должно существовать въ долгъ, на второй оно уже будетъ на половину поддерживать себя, на третій сдѣлается совершенно самостоятельнымъ, а на четвертый станетъ легко платить правительственную ссуду. Конечно, не во всѣхъ общинахъ съ самаго начала все шло благополучно. Многіе изъ поселенцевъ были непривычны къ земледѣльческому труду, нѣкоторыя общины составились наудачу, безъ необходимаго взаимнаго сочувствія между ихъ членами, первые комитеты и ихъ предсѣдатели не вездѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды и вообще, тамъ и сямъ, являлись преграды, столкновенія, неудачи. При этомъ наибольшій успѣхъ имѣли общины въ тридцать членовъ, или сто душъ, а чѣмъ больше была община, тѣмъ встрѣчалось больше недовольства. Вообще, жизнь въ этихъ поселеніяхъ хоть и не очень легкая, но не отличается и особыми трудностями. Рабочій день состоитъ изъ восьми часовъ, пища достаточная, жилища, даже первобытные шалаши, представляютъ удовлетворительный кровъ въ австраійскомъ климатѣ. Въ этихъ поселеніяхъ нѣтъ ни одного кабака, а такъ какъ у ихъ обитателей не имѣется денегъ, то

врядъ-ли тамъ откроются когда-нибудь и лавки; но за то съ членовъ этихъ общинъ не требуютъ платы ни за квартиру, ни за жизненные предметы. По праздникамъ поселенцы устраиваютъ на общемъ выгонѣ игры, а по вечерамъ, послѣ работы, бывають въ общинномъ домѣ собранія, концерты, танцы. Нельзя не согласиться съ Джозефомъ Берри, что этотъ опытъ рабочихъ колоній, производимый подъ покровительствомъ прогрессивнаго правительства южной Австраліи и при содѣйствіи образованнаго въ Аделаидѣ частными лицами Общества для оказанія помощи земледѣльческимъ поселеніямъ,—представляетъ очень любопытное социологическое явленіе и, въ случаѣ его конечнаго успѣха, представить практической способъ разрѣшенія столь занимающаго весь свѣтъ рабочаго вопроса.

Видимая удача австралійскихъ рабочихъ колоній тѣмъ болѣе замѣчательна, что въ послѣднее время сдѣлано было нѣсколько подобныхъ попытокъ, окончившихся самымъ печальнымъ фіаско. Такъ, совершенно не удались: колонія Freiland, организованная австрійскимъ экономистомъ, докторомъ Герцка, колонія Таполобампо, основанная въ Мексикѣ американцами, и австралійская колонія Тибукуари, въ Парагваѣ. Послѣдняя возникла въ 1893 году и приняла гордое названіе Новой Австраліи. Хотя теоретически эта колонія была основана на самыхъ справедливыхъ и гуманныхъ началахъ, членамъ общины обезпечивались, по уставу, полная свобода, общее владѣніе землей и общее существованіе по строгимъ принципамъ коллективизма, но едва австралійскіе переселенцы заняли мѣстность, уступленную имъ парагвайскимъ правительствомъ въ общее владѣніе, подъ условіемъ занять ее въ теченіе шести лѣтъ населеніемъ отъ 4 до 6 тысячъ душъ, какъ начались между ними ссоры и препирательства. Часть изъ нихъ, въ числѣ 85, удалилась изъ Тибукуари, поселилась на землѣ, отведенной имъ парагвайскимъ правительствомъ въ другой провинціи, Гонзалесъ, и тамъ процвѣтаетъ, но уже не составляя общины, а раздѣлившись на отдѣльные семейства. По этому примѣру основная колонія еще распалась на двѣ части, такъ что Новая Австралія теперь представляетъ три отдѣльныхъ колоній, которыя не имѣють уже ничего общаго съ той утопіей на практикѣ, которую она хотѣла осуществить. Этотъ плачевный примѣръ, такъ же, какъ неуспѣхъ Freiland и Таполобампо, доказываетъ, впрочемъ, не то, что неосуществима земледѣльская община, а что эти попытки велись неумѣло, неискренно, неосновательно.

Въ Америкѣ, какъ извѣстно, существуетъ много коммунистическихъ общинъ религіознаго характера и недавно къ нимъ присоединилась еще новая, подъ названіемъ Общины Корешейцевъ.

Это странное названіе происходитъ отъ прозвища, присвоеннаго себѣ основателемъ этой секты, докторомъ Тидомъ изъ Чикаго, который прозвалъ себя Корешемъ, что по индѣйски значить—солнце изъ солнцъ, свѣтъ изъ свѣтовъ. Это прозвище означаетъ, что небо призвало Тида къ тому, чтобы проповѣдывать истину смертнымъ и указать имъ на путь къ вѣчному спасенію и благоденствію на землѣ. Эта секта, основанная въ Чикаго, недавно перенесла свою дѣятельность во Флориду, и тамъ, новую духовную коммунистическую общину посѣтилъ нѣмецъ Францъ Патовъ, который и описалъ ее на страницахъ одного изъ послѣднихъ номеровъ *Gegenwart*. Проповѣдь Кореша основана на мистицизмѣ, но особаго рода, съ научной подкладкой. По его словамъ, онъ позналъ всѣ тайны природы, благодаря небесному вдохновенію и научнымъ занятіямъ, а достигнувъ святости, онъ согласенъ довести до той же святости и вѣрующихъ въ него. Но въ чемъ же заключается его ученіе? Въ сущности, трудно добраться до смысла мистической теоріи новаго пророка, который чрезвычайно туманенъ въ объясненіяхъ своей вѣры и приводитъ втупикъ своихъ сторонниковъ самыми поразительными диковинами; такъ, онъ проповѣдуетъ, что земля не круглая, что у человека не пять, а семь чувствъ и т. д. Что касается до экономической стороны дѣла, то Корешъ самъ называетъ свою общину коммунистической и кооперативной. Деньги изъ нея совершенно изгнаны и замѣнены чеками за произведенную работу. Колонія, основанная новымъ пророкомъ въ Эстеро, на полуостровѣ Флоридѣ, имѣетъ исключительно коммерческій и промышленный характеръ, а не земледѣльческій, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ колоніяхъ. Въ ней уже построено нѣсколько фабрикъ, электрическій заводъ и желѣзная дорога. Цѣль Кореша—изъ своей колоніи морской портъ и вести торговлю со всѣмъ сдѣлать свѣтомъ. Свою общину онъ называетъ *Commonwealth* и всѣми ея дѣлами завѣдуетъ «Комитетъ Справедливой Торговли». Всѣ обитатели колоніи имѣютъ равную долю въ пользованіи общими благами: земля и все, что воздвигнуто на ней, принадлежитъ всѣмъ сообща, а чтобы ктонибудь все таки не ухитрился сдѣлаться капиталистомъ, то введенъ прогрессивный подоходный налогъ. Вновь поступающіе члены общины не дѣлаютъ никакого взноса, а обязаны только доказать, что они хорошіе работники и вели до тѣхъ поръ безупречную жизнь. Хотя Корешъ и проповѣдуетъ новую вѣру, но отличается терпимостью ко всѣмъ религіямъ и свободно позволяетъ членамъ своей общины исповѣдывать ту вѣру, какую они хотятъ. Въ настоящее время дѣла общины идутъ очень успѣшно и приступлено къ постройкѣ

цѣлаго города, подъ названіемъ Новаго Іерусалима, который будетъ имѣть въ длину 86 англійскихъ миль, съ улицами въ 400 шаговъ ширины.

Изъ утратъ, понесенныхъ въ послѣднее время, особенно чувствительна утрата такого благодѣтеля чело­вѣчества, какъ Пастёръ. Дѣйствительно, этими двумя словами «благодѣтель чело­вѣчества» лучше всего характеризуется вся жизнь, всѣ труды этого великаго ученаго и добраго чело­вѣка, а потому герцогъ Омальскій, теперешній предсѣдатель французской академіи, вполне справедливо сказалъ, увѣдомляя ея членовъ о понесенной ими и всей Франціей, и всѣмъ чело­вѣчествомъ потерѣ: «не мнѣ произносить похвальной рѣчи въ честь его: память о немъ будетъ жить во всѣ вѣка — онъ благодѣтель чело­вѣчества». Съ другой точки зрѣнія, но столь же характеристично рисуютъ его великую дѣятельность на пользу чело­вѣчества извѣстныя слова Гексли, незадолго передъ нимъ сошедшаго въ могилу: «открытій Луи Пастера въ области естествознанія было бы совершенно достаточно, чтобъ покрыть тѣ пять миллиардовъ франковъ, которые Франція вынуждена была заплатить послѣ несчастной войны 1870—71 г.». Профессоръ Гейдельбергскаго университета, Брюль, не смотря на то, что Пастёръ, послѣ бѣдствій своей родины, вернулъ докторскій дипломъ Бонскаго университета и отказался въ настоящемъ году отъ пожалованнаго ему императоромъ Вильгельмомъ II ордена, — такъ высказался о немъ въ [Берлинской газетѣ «Die Nation» отъ 5 октября: «того, что Пастеръ сдѣлалъ въ каждой изъ наукъ, которыми онъ занимался: въ кристаллографіи, химіи, физикѣ, биологін, и медицинѣ,—достаточно для обезпеченія ему безсмертія. Современная химія измѣнена имъ, бактериологія, гигиена и профилактика основаны на его трудахъ. Если безконечное число раненыхъ обязано своей жизнью антисептическому методу Пастера, если родильная лихорадка почти исчезла, если медицина на пути изысканія средствъ къ излѣченію дифтерита, чахотки и заразительныхъ болѣзней, которыя уже отчасти побѣждены, то этимъ мы обязаны пастеровскому методу, который указалъ путь къ разрѣшенію этихъ задачъ. Французская нація похоронитъ его въ Пантеонѣ, и ни одинъ французъ не заслужилъ болѣе его этой чести, а все чело­вѣчество, облекшись теперь въ трауръ, сохранитъ на вѣки въ пантеонѣ своихъ благодѣтелей его имя, какъ «Genetis humani defensor»». Но этого мало для славы Пастера: онъ былъ не только защитникомъ чело­вѣческаго рода, но своими трудами онъ благодѣтельствовалъ даже природѣ,—домашнимъ животнымъ и растеніямъ. «Посмотрите, напримѣръ, писалъ Дарвинъ, на результаты открытій Пастера объ измѣненіи зародышей самыхъ вред-

ныхъ бактерій—отъ нихъ получать прежде всего и наиболѣе пользы домашнія животныя, а уже потомъ человѣкъ. Хотя, передъ его великими открытіями, прямо сохраняющими жизнь человѣка и предохраняющими его отъ преждевременной смерти, блѣднѣютъ его изслѣдованія, принесшія только матеріальную выгоду цѣлымъ классамъ, но и въ этомъ отношеніи онъ былъ удивительнымъ кудесникомъ: по мановенію его волшебнаго жезла, приходившее въ упадокъ, Лионское шелковое производство воскресло, а винодѣлы въ Бордо обогатились, и все благодаря тому только, что онъ изучилъ причины болѣзни шелколичныхъ червей и порчи вина. Нельзя пройти молчаніемъ тотъ, изумительный фактъ въ наше время безумной погони за наживой, что, обогащая своими открытіями не только отдѣльныхъ личностей, но цѣлыя области, цѣлыя профессіи, Пастеръ не извлекалъ для себя ни малѣйшей выгоды, не продавалъ своихъ открытій, не бралъ на нихъ привилегій, хотя могъ бы выручить за нихъ милліарды, а работалъ честно, безкорыстно на пользу человѣчества. А дѣлалъ онъ это потому, что былъ не только гениемъ, но добрымъ человѣкомъ и клалъ всю свою душу въ свое служеніе человѣчеству, говоря всегда: «долгъ кончается тамъ, гдѣ начинается невозможность его дальнѣйшаго исполненія». Его же любимымъ выраженіемъ было: «необходимо, чтобъ человѣкъ, достигнувъ предѣловъ своей жизни, могъ сказать: я сдѣлалъ все, что могъ». Умирая, онъ могъ не только сказать себѣ, что сдѣлалъ все что могъ, но еще гораздо болѣе, потому что онъ не зналъ въ своей лихорадочной, энергичной дѣятельности ни покоя, ни отдыха, а если въ послѣднее время, благодаря преклоннымъ годамъ и болѣзнямъ, пересталъ самъ работать, то всетаки продолжалъ быть душой всего, что дѣлалось на пользу человѣчества въ его «Пастеровскомъ институтѣ», воздвигнутомъ въ Парижѣ на добротныя пожертвованія всего свѣта и служившемъ ему еще при жизни лучшимъ памятникомъ.

Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ оцѣнку великаго научнаго значенія Пастера и его безсмертныхъ трудовъ, а потому, довольствуясь сказаннымъ о немъ, какъ о благодѣтелѣ человѣчества, припомнимъ только главныя черты его жизни и постараемся хоть бѣгло указать на симпатичныя стороны его, какъ человѣка.

Сынъ бѣднаго кожевника, служившаго солдатомъ въ арміи Наполеона, онъ родился въ Долѣ, въ департаментѣ Юры, 24 Декабря 1822 года и въ окружающей его рабочей средѣ почерпнулъ, какъ онъ самъ впоследствии говорилъ, любовь къ труду и къ родинѣ. Воспитанье онъ получилъ въ городѣ Арбуа, куда потомъ переселилась его семья, и, пройдя классическій курсъ въ

мѣстной коллегіи, перешелъ въ Безансонскую, гдѣ получилъ степень бакалавра словесности. Затѣмъ, онъ выдержалъ экзаменъ въ парижскую Нормальную школу, т. е. учительскую семинарію, но, принятый четырнадцатымъ, не удовольствовался этимъ, и, отправившись въ Парижъ, занимался тамъ въ коллегіи Св. Людовика, пока не вступилъ въ Нормальную школу четвертымъ. Черезъ четыре года онъ получилъ степень доктора и сначала кафедру физики въ Дижонскомъ лицѣ, а затѣмъ химіи въ Страсбургскомъ университетѣ. Съ 1857 г. онъ въ теченіе десяти лѣтъ былъ инспекторомъ научныхъ занятій въ Нормальной школѣ въ Парижѣ, а затѣмъ профессоромъ химіи въ Сорбоннѣ, гдѣ оставался до 1875 г. Членъ академіи наукъ и французской академіи, гдѣ онъ занялъ мѣсто Литрэ, Пастёръ получилъ безконечное число медалей и премій за свои ученые труды, которые наполняли всю его жизнь, давая ей цвѣтъ и радость; онъ скромно, мирно жилъ всегда въ своей лабораторіи, и, кромѣ семьи да тѣснаго кружка друзей, а въ послѣдніе годы учениковъ, не зналъ никого. Онъ работалъ, работалъ и работалъ — вотъ все, что онъ дѣлалъ во всю свою семидесяти трехлѣтнюю жизнь. Человѣкъ онъ былъ очень добрый, мягкій, сострадательный, пріятный въ обращеніи, примѣрный семьянинъ, пламенный патріотъ и никогда не обнаруживалъ никакого мелочнаго самолюбія.

Въ политику онъ не вмѣшивался, и, хоть его упрекали, что онъ былъ назначенъ сенаторомъ въ послѣдніе дни декабрьской имперіи, но этотъ декретъ никогда не былъ исполненъ и не былъ вызванъ никакимъ ходатайствомъ съ его стороны. Если мы вспомнимъ слова, произнесенныя имъ на своемъ знаменитомъ юбилеѣ, который весь свѣтъ торжественно отпраздновалъ при его вступленіи въ семьдесятъ третій годъ жизни: «я твердо вѣрю, что наука и миръ восторжествуютъ надъ невѣжествомъ и войной, что народы будутъ заключать союзы съ цѣлью не гибели, а блага, что будущее принадлежитъ тѣмъ, которые окажутъ наиболѣе услугъ страждущему человѣчеству»,—то трудно повѣрить, чтобъ Пастёръ былъ ретроградомъ и клерикаломъ, какъ его нѣкоторые называли. Во всякомъ случаѣ, онъ столько послужилъ не только Франціи, но и всему человѣчеству, что даже смѣшно придирается къ нему, если онъ и не подходилъ къ идеалу гражданина въ политическомъ отношеніи. Его простота и отсутствіе въ немъ всякой позировки лучше всего выражаются его духовнымъ завѣщаніемъ, въ которомъ буквально сказано: «Я оставляю женѣ все, что законъ дозволяетъ мнѣ оставить ей. Пусть мои дѣти никогда не сойдутъ съ пути долга и сохраняютъ всегда къ своей матери ту нѣжность, которой она заслуживаетъ». Этихъ

дѣтей двое: сынъ, молодой дипломатъ, и дочь, вышедшая замужъ за Валлери-Радо, автора извѣстной книги: «Пастеръ: исторія ученаго, соч. неуча». Посвященный всецѣло наукѣ, Пастеръ однако не былъ сухимъ, узкимъ специалистомъ, и въ день его принятія въ безсмертные, историкъ Мартенъ сказалъ очень остроумно: «академія думала, что она приобретаетъ специалиста, а оказалось, что она приобрѣла мыслителя». Мало этого, у него были художественные инстинкты: онъ любилъ по временамъ ходить въ Люксембургскій музей, гдѣ преимущественно любовался пейзажами, и до сихъ поръ существуетъ написанный имъ масляными красками портретъ его матери, напоминающій, по свидѣтельству видѣвшихъ его, манеру Франца Гальса изъ Гарлема. «Я ни о чемъ не сожалѣю въ своей жизни, говорилъ Пастеръ одному англійскому журналисту: еслибъ мнѣ предстояло снова ее пережить, то я устроилъ бы ее точно также, зная, что ученому изслѣдователю нельзя служить двумъ господамъ. Однако, я сожалѣю, что не могу отъ времени до времени посвящать нѣсколькихъ часовъ живописи, хотя сомнѣваюсь, сдѣлался ли бы я великимъ живописцемъ, какъ увѣряютъ мои друзья».

Вѣсть о смерти Пастѣра возбудила всеобщее сожалѣніе не только во Франціи, но во всемъ свѣтѣ, а національныя похороны, устроенныя ему въ Парижѣ, имѣли такой грандіозный характеръ, какимъ врядъ ли когда отличалось погребеніе простого смертнаго. Съ одной стороны, оказаны были высшія официальныя почести, выразившіяся въ отпѣваніи усопшаго кардиналомъ архіепископомъ въ соборѣ Богоматери, въ присутствіи президента Фора, высокихъ иностранныхъ особъ, дипломатическаго корпуса, министровъ, депутатовъ, сенаторовъ и т. д., въ воинской чести, отданной войскомъ, прошедшимъ церемональнымъ маршемъ мимо гроба покойнаго, и въ рѣчи Министра Народнаго Просвѣщенія, Пуанкаре, сказанной на соборной площади передъ гробомъ; а съ другой стороны, депутаціи со всѣхъ угловъ свѣта, безконечныя вѣнки, начиная отъ скромнаго вѣнка съ надписью: «Отъ благодарнаго бѣдняка», и миллионная толпа, кишѣвшая на улицахъ Парижа при прошествіи траурной процессіи,—ясно доказывали, какъ искренно и всеобщее было горе, внушенное смертью такого человѣка. Сначала тѣло Пастѣра хотѣли похоронить въ Пантеонѣ, но семья, помня его скромность, отклонила эту честь, и тогда рѣшено было временно поставить его въ часовнѣ собора Богоматери, а 25 октября, въ день столѣтняго юбилея института, т. е. всѣхъ пяти академій, его перенесутъ безъ особыхъ почестей въ Пастеровскій институтъ, гдѣ онъ и будетъ преданъ землѣ, при чемъ произнесутъ рѣчи только Бергранъ отъ имени академіи и Дюкло отъ имени Пастеровскаго

института. Но вряд ли они скажутъ что нибудь теплѣе и красно-рѣчивѣе слѣдующихъ заключительныхъ словъ рѣчи Пуанкаре: «По словамъ Пастѣра, «счастливъ тотъ человѣкъ, который носитъ въ себѣ идеалъ и сообразуется съ нимъ». Дѣйствительно, онъ всегда сообразовалъ свою жизнь съ высшимъ идеаломъ науки, добродѣтели и доброты. Всѣ его мысли и дѣйствія освѣщались этимъ внутреннимъ свѣтомъ; онъ былъ великъ сердцемъ, такъ же, какъ великимъ умомъ, и будущее отведетъ ему мѣсто въ лучезарной плеядѣ апостоловъ истины и добра. Прощай, дорогой и знаменитый учитель! Наука, который ты такъ много служилъ, наука бессмертная, царящая надо всѣмъ и еще расширяющая свое царство, благодаря твоимъ трудамъ,—передастъ самымъ отдаленнымъ потомкамъ неизмѣнный отпечатокъ твоего гения. Франція, которую ты такъ любилъ, гордо сохранить, какъ національное сокровище, утѣшеніе и надежду, твою досточтимую память. Человѣчество, которому ты оказалъ столько услугъ, посвятить твоей славѣ вѣчный, единодушный культъ, въ которомъ исчезнутъ всѣ національныя соперничества и будетъ звучать лишь могучій голосъ общей вѣры въ безконечный прогрессъ».

III.

Между журналами и газетами.

Понизился-ли умственно конецъ XIX вѣка?—Итальянскій профессоръ Ферреро въ *Revue des Revues* ¹⁾ посвящаетъ интересную статью разсмотрѣнію вопроса о томъ, дѣйствительно ли замѣчается въ послѣдней четверти настоящаго столѣтія интеллектуальный упадокъ. Объ этомъ съ нѣкоторыхъ поръ трубятъ иностранная печать, въ виду быстро слѣдующихъ одна за другой кончинъ такихъ великихъ людей, какъ Ренанъ, Тэнъ, Гельмгольцъ, Тиндаль, Гексли, Пастѣръ, тогда какъ не предвидится ихъ ближайшей замѣны достойными преемниками. По его словамъ, хотя подобное явленіе—несомнѣнный фактъ, но оно не должно приводить въ уныніе, такъ какъ обыкновенно за періодомъ большой интеллектуальной энергіи слѣдуетъ эпоха отдыха и собиранія силъ для новой эры гигантовъ. Къ тому же, одна интеллектуальная эпоха рѣдко похожа на другую, если въ ней даже и встрѣчаются гении. Такъ, нельзя не признать, что въ послѣднія двадцать пять лѣтъ совершенъ

¹⁾ L'abaissement intellectuel de notre fin de siècle, par Guillaume Ferrero. *Revue des Revues*. I. Juillet.

громадный прогрессъ во всѣхъ наукахъ и ихъ практическихъ примѣненіяхъ. Хирургія пошла за это время впередъ такими гигантскими шагами, что объ однихъ ея успѣхахъ можно написать цѣлую книгу. Медицина обогатилась всѣми открытіями, которыми она обязана бактериологической теоріи. Химія въ самое недавнее время изумила всѣхъ открытіемъ аргона. Физика ознаменовалась гигантскими успѣхами электричества, благодаря трудамъ Феррариса, Томсона, Тесли и Эдиссона. Психологія однимъ объясненіемъ гипнотическихъ явленій сдѣлала громадный взносъ въ науку. Въ виду этихъ примѣровъ, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, негѣпо было бы утверждать, что наука за это время пришла въ упадокъ; но если отдѣльныя науки значительно прогрессировали, то въ послѣднія двадцать пять лѣтъ замѣтно пониженіе въ развитіи науки изъ наукъ, т. е. того великаго синтеза, который стремится разрѣшить общую задачу жизни. Всѣ философскія теоріи, которыми руководствуются современные научные труды, созданы въ первой половинѣ нашего вѣка, а съ тѣхъ поръ только появлялись комментаріи на эти теоріи и попытки эклектическаго ихъ примиренія между собою. Дѣйствительно, если сравнить въ этомъ отношеніи первую половину XIX столѣтія со второй, а тѣмъ болѣе съ послѣдней ея четвертью, то богатство первой эпохи просто ставитъ втупикъ человѣческой умъ. Во Франціи позитивизмъ Конта, въ Германіи гегеліанство и пессимизмъ Шопенгауера, въ Англійи эволюціонныя теоріи Дарвина и Спенсера—придали человѣческой мысли необыкновенное движеніе впередъ. Рядомъ съ этими гигантскими шагами по пути прогресса въ первой половинѣ вѣка возникло и большое число новыхъ синтетическихъ теорій, которыя хотя и относились къ особымъ отраслямъ знанія, но все-таки вели къ одной цѣли—къ общему разрѣшенію великой задачи жизни; къ нимъ авторъ относитъ теоріи Маркса, Геккеля, Бокля, Тэна и Ломброзо (?). Въ сравненіи съ этимъ философскимъ богатствомъ теперешнее время дѣйствительно очень бѣдно, и оно можетъ противопоставить тогдашнимъ гигантамъ мысли развѣ только Нитче съ его парадоксами. Но, по убѣжденію итальянскаго ученаго, нечего оплакивать теперешняго, хотя и вполне дѣйствительнаго, интеллектуальнаго пониженія и предаваться мрачному пессимизму, одолаживающему такое громадное число нашихъ современниковъ. Это было бы просто негѣпостью. Въ настоящее время великая синтетическая дѣятельность дремлетъ потому, что она обнаруживала слишкомъ большую энергію въ первую половину вѣка. Тогда теоріи такъ быстро слѣдовали за теоріями, школы за школами и столько представлялось опытовъ разрѣшить вѣчный вопросъ

жизни, что послѣ подобной, чрезмѣрно богатой плодovitости долженъ былъ произойти періодъ застоя и безплодія, по самой природѣ той психологической работы, которая производила всѣ эти теоріи. Великія синтетическія системы хотя и служатъ основной силой прогресса въ отдѣльныхъ наукахъ, но являются продуктомъ иной умственной дѣятельности, чѣмъ та, которая создаетъ научные успѣхи, и по той простой причинѣ, что въ ней играетъ большую роль воображеніе. Въ извѣстной степени философія есть своего рода поэзія, именно поэзія, имѣющая цѣлью резюмировать всю жизнь вселенной въ точныхъ и опредѣленныхъ формахъ. Въ сущности наука ни что иное, какъ разсмотрѣніе фактовъ въ ихъ различіи, или сходствѣ между собою, а также въ порядкѣ ихъ предшествія, или слѣдованія. Напротивъ, великій философъ глубоко отличается отъ ученаго тѣмъ, что создаваемые имъ теоріи не находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ тѣми доказательствами, которыми могутъ служить извѣстные ему факты; онъ, благодаря особому дару, имѣющему характеръ предвидѣнія, выводитъ такое заключеніе, которое не вполне оправдывается количествомъ собранныхъ фактовъ. Такъ, напримѣръ, Дарвинъ могъ самъ наблюдать только небольшое число фактовъ и то относительной важности по культурѣ растений и выводкѣ животныхъ, а на основаніи этихъ скудныхъ свѣдѣній онъ, благодаря своему колоссальному оплодотворяющему воображенію, создалъ свою знаменитую теорію. Изъ этого ясно, что великіе синтетическіе умы и обыкновенныя научныя изслѣдованія относятся другъ къ другу, какъ полководецъ и солдатъ на полѣ брани. Полководецъ, находясь на высотѣ, видитъ всю мѣстность предстоящаго боя, а горизонтъ солдатскаго зрѣнія ограниченъ тѣмъ пунктомъ, гдѣ онъ поставленъ. Но, съ другой стороны, когда приказъ полководца, окидывающаго орлинымъ взоромъ поле сраженія, достигаетъ до солдата, то этотъ солдатъ идетъ на врага и достигаетъ цѣли, предназначенной полководцемъ. Точно также великіе синтетическіе умы даютъ терпѣливымъ ученымъ, идущимъ шагъ за шагомъ, цѣль и способы, которыми ориентироваться для достиженія этой цѣли. Возьмемъ, напримѣръ, теорію эволюціи: нельзя утверждать, чтобы она была такой абсолютной ученой истиной, какъ законъ качанія маятника, но столько ученыхъ при своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ руководились этой теоріей, и столько совершенно открытій этимъ путемъ, что нельзя не отдать всей чести этой теоріи въ сдѣланномъ, благодаря ей, прогрессѣ. Если такова сущность синтетическихъ теорій и ихъ вліянія, а въ этомъ нельзя сомнѣваться, то легко понять, почему въ извѣстной эпохѣ замѣчается недостатокъ появленія новыхъ подобныхъ теорій. Въ

первой половинѣ нашего вѣка ихъ народилось столько, что онѣ еще не успѣли изсякнуть, а вновь открытыя, благодаря имъ, факты и явленія недостаточно накопились, чтобы сдѣлать необходимымъ появленіе новой великой синтетической теоріи, которая въ данную минуту всегда находитъ своего достойнаго выразителя. Такимъ образомъ, если предшествовавшая теперешнему времени эпоха была богата великими теоріями и великими людьми, а настоящіе дни изобилуютъ почтенными, но спеціальными учеными, работающими каждый въ своей сферѣ,—то это явленіе естественно и нисколько ни патологично, ни печально. Хотя нельзя не согласиться съ убѣдительностью взгляда итальянскаго профессора, но его статья невольно поражаетъ тѣмъ, что онъ совершенно упустилъ изъ вида еще одну сторону вопроса, именно: занимаясь разсмотрѣніемъ качественной стороны интеллектуальной дѣятельности нашихъ дней, онъ совершенно забываетъ количественную сторону. Если, дѣйствительно, теперь быстро исчезаютъ послѣдніе могикане среди великихъ людей XIX вѣка, а ихъ мѣсть никто не занимаетъ, за то количество умственной силы гораздо болѣе распространилось, и наступило время того, что можно назвать демократизаціей ума.

Ломброзо о вырожденіи.—Ломброзо, едва ли не ежемѣсячно, въ томъ или другомъ журналѣ Италіи, Франціи, Англіи и Америки, развиваетъ свои оригинальныя теоріи: въ первой іюльской книжкѣ *Nouvelle Revue* онъ трактуетъ о благодѣяніяхъ преступленій (*Les Bienfaits du Crime*) и доказываетъ очень ловкими аргументами, что если война, заключающая въ себѣ всѣ виды преступленій, и политика, оправдывающая самыя преступныя дѣйствія, господствуютъ во всемъ мірѣ по настоящую минуту, то нѣтъ основанія такъ возставать и противъ преступленій, какъ это дѣлается до сихъ поръ, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно преступления оказываютъ человѣчеству значительное благо, какъ тѣми общественными движеніями, которыя принято называть преступными, такъ и вообще той благотворной реакціей, которую производятъ въ человѣческомъ сердцѣ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ одно время съ этимъ парадоксомъ, итальянскій профессоръ, въ англійскомъ журналѣ *Contemporary Review*, распространяется объ атавизмѣ и эволюціи, доказывая, что первый принципъ удерживаетъ чело- вѣчество отъ быстрого непрерывнаго прогресса и придаетъ его пути кривую, то поднимающуюся, то опускающуюся, благодаря постояннымъ реакціямъ, въ силу вліянія старыхъ предразсудковъ; а послѣдній обнаруживается во всѣхъ новѣйшихъ про- явленіяхъ прогресса, такъ какъ оказывается, что многія хва- ленныя изобрѣтенія нашего времени были извѣстны въ томъ

или другомъ видѣ въ глубокую старину, а, слѣдовательно, эти изобрѣтенія, по мнѣнію Ломброзо, являются результатомъ съ одной стороны эволюціи, а съ другой—атавизма, но въ его благотворномъ влияніи. Всего интереснѣе однако послѣдняя статья этого ученаго о достоинствахъ и недостаткахъ извѣстной книги Нордау «Вырожденіе». Хотя она занимаетъ всего пять страницъ октябрьской книжки американскаго журнала Century²⁾, но въ другомъ отдѣлѣ того же номера приведена еще переписка между Ломброзо и Нордау по этому поводу, а потому въ общемъ получается полное понятіе о томъ, какъ смотрять на сочиненіе, надѣлавшее столько шума, его авторъ и, главное, тотъ учитель, который внушилъ ему идею объ этомъ сочиненіи. Дѣйствительно, Нордау прямо называетъ Ломброзо своимъ наставникомъ и посвятилъ ему свою книгу, а итальянскій ученый съ своей стороны не отрицаетъ, что Нордау развиваетъ его теорію о томъ, что вырожденіе есть источникъ сумасшествія, пьянства, употребленія наркотическихъ средствъ и всякаго рода преступленій, составляющихъ отличительную черту нашего времени, но не соглашается съ нимъ на счетъ его выводовъ относительно того, что гениальные современные литераторы и художники, какъ Толстой, Ибсенъ, Зола и Вагнеръ—только сумасшедшіе выродки и психопаты. За то онъ признаетъ, что Нордау своей книгой оказалъ большую услугу современной мысли и современному человѣчеству тѣмъ, что совершенно уничтожилъ своей строго логичной критикой французскихъ и германскихъ символистовъ и декадентовъ, которые осмѣливаются уличать науку въ неправдѣ, потому что она, за сто лѣтъ своего труда, не успѣла выяснитъ всего. Въ отношеніи этихъ возстановителей мистицизма въ наши дни, Нордау, по словамъ Ломброзо, совершенно правъ: они дѣйствительно выродки и матгоиды, какъ онъ самъ прозвалъ современную форму вырожденнаго сумасшествія, а въ ихъ діагнозѣ нѣмецкій публицистъ обнаружилъ замѣчательную правдивость и необыкновенное чутье, указывая вполне основательно на архаизмъ и атавизмъ ихъ мистическихъ стремленій; но, переходя къ дѣйствительнымъ гениямъ, Нордау, по мнѣнію Ломброзо, хватилъ черезъ край и даже можетъ возбудить сомнѣніе въ его новомъ психіатрическомъ методѣ въ литературной критикѣ. Конечно, многіе гении отличаются странностями и даже въ нихъ замѣчаются признаки сумасшествія; но если Толстой и Вагнеръ въ извѣстномъ отношеніи выродки и сумасшедшіе, то у нихъ есть нѣчто, чего нѣтъ въ полныхъ выродкахъ и

²⁾ Nordau's «Degeneration» its value and its errors, by Cesare Lombroso, Century Magazine, October.

маттоидахъ, какъ напримѣръ въ французскихъ современныхъ декадентахъ и символистахъ, именно геній, а объ этомъ то геніѣ Нордау и забылъ, отрипая въ нихъ всякое достоинство, потому что они вырожденки. Напротивъ, говоритъ Ломброзо, теорія вырожденія для меня и для всѣхъ, раздѣляющихъ мое мнѣніе, не уничтожаетъ, а только усиливаетъ діагнозъ, доказывающій, что это геніи, такъ какъ геніи, стоящіи выше своихъ современниковъ, ненормальное, исключительное существо; встрѣчающіеся фیزیологическіе и психологическіе недостатки нисколько не уменьшаютъ генія. Этой близкой связи между ненормальностью и геніемъ Нордау не хочетъ признавать и прямо выводитъ заключеніе, что если такой то выродокъ, то, значитъ, онъ и не геніи. Благодаря этому заблужденію, онъ приноситъ въ жертву настоящихъ геніевъ, признавая, что они стоятъ ниже посредственныхъ людей, а ему слѣдовало изучить ненормальный элементъ каждаго генія въ отдѣльности, провести параллель между этими элементами и произведеніями генія, такъ какъ только этимъ путемъ можно достигнуть полнаго выясненія непонятныхъ съ перваго взгляда сторонъ генія. Такъ, только зная половую психопатію Микель-Анжело, можно понять, почему онъ такъ рѣдко изображалъ женщинъ въ своихъ великихъ произведеніяхъ, а если и дѣлалъ это, то придавалъ имъ мужественный, мускулистый видъ. Падучая болѣзнь Достоевскаго играетъ видную роль въ его книгахъ и объясняетъ, почему онъ далъ такой психологическій анализъ эпилепсіи, какой не дали ни одинъ изъ специалистовъ психіатровъ. Пессимизмъ Толстого и его чрезмѣрно суровая нравственность, вѣроятно, также имѣетъ свою причину, можетъ быть, въ липоманіи; а капроларія доводитъ Зола до того, что онъ не можетъ смотрѣть на женское платье иначе, какъ въ эротическомъ смыслѣ; но эта слабость не мѣшаетъ ему быть геніальнымъ писателемъ и заставлять читателя дрожать отъ человѣчнаго сожалѣнія, читая «Germinal», или восхищаться самыми нѣжными идеальными стремленіями, поглощая страницы «Мечты». Конечно, въ книгахъ Толстого есть много странныхъ, идей, но это не мѣшаетъ ему отличаться глубиной мысли и высказывать удивительно правдивыя замѣчанія. Даже если теорія любви, выраженная въ «Крейцеровой Сонатѣ», дѣйствительно безумная, по замѣчанію Нордау, то, исключивъ изъ нея всю ея странную философію, останется удивительный психологическій этюдъ брака, хотя и слишкомъ пессимистическій. Только выродокъ и ненормальный человекъ можетъ такъ смотрѣть на любовь и брачную жизнь. Но все-таки рисуемая имъ картина, хотя и патологическаго состоянія, представляетъ необыкновенное литературное явленіе». Хотя Нордау, какъ видно изъ его переписки съ Ломброзо, отклонилъ предложеніе

своего учителя съечь его критическую статью, если она ему не понравится, онъ, повидимому, не убѣдился доводами своего учителя и въ письмѣ къ нему настаиваетъ, что вліяніе безумныхъ псевдо-геніевъ, какъ Вагнеръ и Толстой, не можетъ считаться благотворнымъ и эволюционнымъ явленіемъ. О Толстомъ онъ прямо говоритъ: «я не могу признать, чтобы патологическая гуманитарная чувствительность Толстого произвела какую нибудь пользу, а, напротивъ, она развиваетъ идею, противорѣчащую прогрессу, уже не говоря объ его мистицизмѣ и ненависти къ наукѣ. Я никогда не отрицалъ его таланта, какъ романиста, но этотъ талантъ отличается болѣзненной гиперестезіей».

Новѣйшія теченія въ итальянской беллетристикѣ. — Насколько кстати Нордау заговорилъ о мистическихъ символистахъ и декадентахъ, доказывается значительнымъ ихъ распространеніемъ въ послѣднее время среди итальянскихъ романистовъ. По примѣру французскаго публициста Гюре, который года два тому назадъ произвелъ свое извѣстное литературное дознаніе опросомъ большинства авторовъ своей родины о новыхъ теченіяхъ въ современной литературѣ, сдѣлалъ то же на дняхъ итальянецъ, Уго Ожетти. Результатомъ его долгихъ странствій по итальянскимъ писателямъ, которые живутъ не какъ французскіе въ одномъ центрѣ—Парижѣ, а въ различныхъ уголкахъ Аппенинскаго полуострова, служить только что вышедшая книга, подъ заглавіемъ: «Литературное Дознаніе» (Alla Scoperta dei Litterati. M. Ugo Ogetti, 1895 г.), и любопытные отрывки изъ которой приведены въ статьѣ Т. Визева во второй сентябрьской книжкѣ *Revue des Deux Mondes* ¹⁾. Изъ спрошенныхъ двадцати семи итальянскихъ писателей семеро отозвались о современномъ положеніи беллетристики на ихъ родинѣ самымъ пессимистическимъ образомъ, и въ числѣ ихъ находятся: знаменитый поэтъ Кардучи, извѣстный публицистъ Бонги и самый популярный въ Европѣ изъ итальянскихъ писателей, Эдмондо-де-Амичи; по ихъ словамъ, въ Итали нѣтъ національной литературы и не видно еще проблесковъ ея зарожденія. Большинство высказало почти то же мнѣніе, но гораздо неопредѣленнѣе и мягче, только итальянскіе декаденты и символисты выразили оптимистическій взглядъ, основанный на томъ, что ихъ школы возьмутъ верхъ въ ближайшемъ будущемъ. Дѣйствительно, слѣпо слѣдуя за своими французскими собратьями, итальянскіе беллетристы, бывшіе еще недавно, огуломъ, реалистами и учениками Зола, теперь пустились въ мисти-

¹⁾ Une Enquête Littéraire Italienne, par. T. de Wyzewa. *Revue des Deux Mondes*, 15 Septembre.

дизмъ. Одинъ изъ первыхъ итальянскихъ романистовъ реальной школы, Верга, прямо заявилъ допрашивавшему его Ожетти, что реализмъ—только методъ, и что ничто не мѣшаетъ написать мистическій романъ въ реальной формѣ, а другой талантливый романистъ той же школы, Капуанъ, пошелъ еще далѣе и прямо сказалъ: «я теперь вижу всю пустоту науки, которая не можетъ удовлетворить ума». Наконецъ, Матильда Серао, одинаково пламенная реалистка еще въ недавнее время, полагаетъ, что наука изсушила всякую артистическую фантазію, но что въ послѣднее время итальянскіе писатели начинаютъ сбрасывать съ себя ея иго. Самый модный въ настоящее время изъ итальянскихъ романистовъ, Анунціо, всего подробнѣе и обстоятельнѣе развилъ, при допросѣ Ожетти, мистико-декадентскую теорію, доказывая, что натурализмъ—слишкомъ узкая и чисто виѣшняя форма искусства, выжила свое время и повсюду уступаетъ воскресшему спиритуализму. Естественно, что, при такомъ положеніи современной итальянской литературы, книга Нордау о вырожденіи должна была подѣйствовать отрезвляющимъ образомъ, и потому то ей недаромъ придаетъ такое важное значеніе Ломброзо.

Впечатлѣнія Альфонса Додэ о Лондонѣ.—Весною настоящаго года посѣтилъ Англію, по примѣру Зола, и его соперникъ на титулъ перваго современнаго французскаго романиста—Альфонсъ Додэ. До сихъ поръ онъ еще не напечаталъ своихъ впечатлѣній о Лондонѣ и, по слухамъ, намѣренъ ихъ примѣнить къ дѣлу въ своемъ новомъ романѣ «Le Soutien de famille», который появится въ началѣ зимы; но англійскій журналистъ Шерардъ сумѣлъ ловко разспросить Додэ о томъ, что онъ вынесъ изъ своего пребыванія въ Лондонѣ, и сообщилъ объ этомъ публикѣ въ журналѣ Humanitarian ¹⁾. Оказывается, что авторъ «Сафо» не былъ пораженъ, какъ вообще всякій, впервые видѣвшій Лондонъ, его колоссальностью и объясняетъ это очень оригинальнымъ образомъ. «Въ Лондонѣ, говоритъ онъ, всѣ такъ заняты, такъ дѣятельны, что громадность толпы не производитъ впечатлѣнія страха, какъ на примѣръ, толпы бездѣятельной, бездушной или стремящейся по одному направленію, одушевленной одной цѣлью; только такія толпы васъ пугаютъ, а въ Лондонѣ столь ярко выступаетъ индивидуальность каждаго человѣческаго атома, что, смотря на индивидуумовъ, не замѣчаешь ихъ агломерациі». Относительно бездны, отдѣляющей богатыхъ отъ бѣдныхъ въ Лондонѣ, гдѣ ихъ контрастъ, болѣе чѣмъ въ другихъ городахъ, мозолитъ глаза, Додэ выражаетъ мысль, что въ Лондонѣ нищета чудовищнѣе, чѣмъ въ

¹⁾ Daudet on London, by M. Sherard.; Humanitarian; july.

Парижъ, не столько потому, что она свободно выставляется рядомъ съ богатствомъ въ его апогеѣ, сколько по тому странному обстоятельству, что въ Лондонѣ нищія носятъ обноски богачей: фраки, цилиндры, шляпки съ перьями и т. д., тогда какъ въ Парижѣ нищета имѣетъ не чужую, а свою собственную ливрею. Вообще, объ англичанахъ Додэ не высказываетъ новыхъ или остроумныхъ взглядовъ, а только распространяется съ сожалѣніемъ о томъ, что среди нихъ чрезвычайно распространено пьянство, въ доказательство чего онъ приводитъ фактъ опьяненія поголовно всѣхъ обитателей рабочаго квартала Уайтчепеля, когда онъ тамъ былъ, что въ послѣднее время очень развилось въ средѣ высшихъ классовъ конкубинатство съ его вредными послѣдствіями и что молодыя дѣвушки начинаютъ знать слишкомъ много для своего возраста и пола, такъ какъ, по его убѣжденію, молодымъ дѣвушкамъ не слѣдуетъ имѣть понятія о физиологическихъ правдахъ, которыя только могутъ осквернить ихъ умъ и наполнить мрачнымъ разочарованіемъ ихъ сердце. Всю ложность этого послѣдняго взгляда очень ловко выставляетъ извѣстный англійской публицистъ Стэдъ въ своемъ отзывѣ о лондонскихъ впечатлѣніяхъ Додэ въ издаваемомъ имъ журналѣ *Review of Reviews*. Онъ, напротивъ, краснорѣчиво доказываетъ, что осмысленное знакомство молодыхъ дѣвушекъ съ тѣмъ, что ихъ ожидаетъ въ жизни, не исключая и физиологической ея стороны, не только не нарушило бы ихъ нравственной чистоты и не подѣйствовало бы на нихъ губительно, а, напротивъ, открыло бы имъ глаза и предотвратило бы ихъ отъ многихъ ошибокъ, отъ многихъ несчастій. Въ подкрѣпленіе своего взгляда, онъ приводитъ мнѣніе по этому предмету вполне компетентнаго человѣка, тюремнаго пастора В. Ворда, который доказываетъ безконечными фактами изъ своей практики всю необходимость въ нравственномъ и даже физическомъ отношеніи, чтобы молодыя дѣвушки знали о тѣхъ опасностяхъ, которыя имъ будутъ грозить въ жизни на каждомъ шагѣ, для чего, по его словамъ, слѣдовало, бы учредить публичные лекціи, на которыхъ знающія и образованныя женщины знакомили бы своихъ младшихъ сестеръ съ настоящей, а не казовой жизнью.

Вопросъ о заработной платѣ въ Англии. — На дняхъ вышла въ Лондонѣ Синяя книга, или офиціальныи отчетъ парламенту о положеніи заработной платы въ Великобританіи, и всѣ лондонскія газеты черпаютъ изъ него любопытныя свѣдѣнія. Повидимому, рабочая плата вообще возвысилась съ 1886 года, но замѣчается большое различіе въ этомъ отношеніи между ремеслами и даже между отдѣльными мѣстностями по отношенію къ одному

ремеслу. Такъ, самый большой заработокъ достается Англии, а самый меньшій Ирландіи, при этомъ женщины всегда получаютъ меньше, чѣмъ мужчины. Что касается женщинъ, то для нихъ всего выгоднѣе быть домашней прислугой, а ремесло швей очень неблагоугодно; такъ, болѣе половины швей получаютъ отъ 10 до 15 шиллинговъ въ недѣлю и только одинъ процентъ всего ихъ числа выручаетъ 25 шиллинговъ и болѣе въ недѣлю. Мужчины получаютъ наиболѣе въ типографіяхъ и литографіяхъ, именно: $37\frac{1}{2}$ процентовъ этихъ рабочихъ выработываютъ 2 фунта стерлинговъ въ недѣлю и даже болѣе. Какъ исключеніе, въ нѣкоторыхъ ремеслахъ, требующихъ извѣстнаго знанія, замѣчается тотъ, повидимому, странный фактъ, что рабочіе въ Ирландіи получаютъ болѣе, чѣмъ въ Англии. Напротивъ, въ земледѣльческомъ трудѣ не обнаруживается соотвѣтственнаго повышенія заработной платы, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англии она даже понизилась. Напримѣръ, въ Вильширѣ средняя заработная цѣна для поселянъ была въ 1880 году—12 шиллинговъ въ недѣлю, а теперь она упала до 10. Замѣчательно, что въ Шотландіи, гдѣ почва неплодородна, а климатъ неблагопріятенъ, средняя плата сельскихъ рабочихъ возвысилась до 18 шиллинговъ. Составитель этой интересной Синей книги, сэръ Робертъ Гиффенъ, приводитъ рядомъ съ рабочей статистикой и цифры, что стоятъ надіи ея солдаты. Каждый пѣхотинецъ стоитъ 40 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, а кавалеристъ и артиллеристъ — по 45. Матросы стоятъ дороже, именно по 59 фунтовъ стерлинговъ.

Французскіе поселяне чрезъ англійскіе очки.—Въ англійской газетѣ Daily News отъ 8 октября, помѣщено очень характерное письмо корреспондента, графически проводящаго параллель между французскими и англійскими мелкими фермерами, съ цѣлью доказать, почему первые переносятъ самые тяжелые земледѣльческіе кризисы, а послѣдніе гибнутъ огульно. Этотъ корреспондентъ посѣтилъ деревню въ Нижней Нормандіи и жилъ у достаточнаго фермера, который ведетъ значительное молочное хозяйство, имѣетъ большія пастбища и занимается торговлею лошадьми; въ Англии подобный человѣкъ сталъ-бы корчить джентельмента, а его жена завела-бы прислугу и каталась-бы въ кабриолетахъ, а нормандскій фермеръ съ женой остаются настоящими поселянами, хотя ведутъ себя лучше многихъ джентельменовъ. Несмотря на то, что они католики и отличаются суевѣріемъ, они намѣрены въ ближайшемъ будущемъ послать въ протестантскую Англію своего старшаго сына для изученія земледѣлія, и вообще далеко не походятъ на тѣхъ жадныхъ, холодныхъ эгоистовъ, которыхъ выводитъ Зола въ своемъ романѣ «Земля». «Наши поселяне, рассказывала корреспонденту

жена этого фермера, не походятъ на поселянъ Зола. Конечно, попадаются между ними дурные люди, но вообще они прекрасный народъ, и можно сказать, что рабочіе на фермѣ таковы, какими ихъ дѣлаетъ фермеръ. Если съ ними обходятся сочувственно и прилично, то они ведутъ себя хорошо и усердно исполняютъ свой долгъ. Что касается до меня, то я никогда не обхожусь грубо съ рабочими и не дѣлаю имъ выговора въ присутствіи другихъ». Та же фермерша объясняла корреспонденту, какое сильное впечатлѣніе произвело на французскихъ поселянъ убійство Карно: по ея словамъ, поселяне вырывали другъ у друга газеты съ извѣстіями объ этой катастрофѣ и плакали, словно они лишились отца. Приводя этотъ фактъ въ опроверженіе того распространеннаго мнѣнія, что французскій поселянинъ—черствый эгоистъ, корреспондентъ прибавляетъ, что также неосновательно обвиняють французскаго поселянина въ скупости и скардености. въ доказательство чего онъ приводитъ слѣдующій примѣръ. Отправляясь на знакомую ферму, онъ заѣхалъ по дорогѣ позавтракать въ сельскую гостиницу, но хозяйка сказала ему, что онъ напрасно нарушаетъ обычай, такъ какъ фермерша, къ которой онъ ѣдетъ, обидится, узнавъ, что онъ позавтракалъ вблизи ея фермы. Дѣйствительно, первымъ словомъ со стороны фермерши былъ упрекъ въ томъ, что онъ лишилъ ее удовольствія угостить его.

Обязательное страхованіе рабочихъ въ Германіи.—Генри Вольфъ въ *Economie Review* ¹⁾ и Е. Гульдъ въ *Annals of American Academy* резюмируютъ настоящее положеніе обязательнаго страхованія рабочихъ въ Германіи и данные имъ до сихъ поръ результаты. Какъ извѣстно, эта система страхованія имѣетъ три подраздѣленія: страховка отъ болѣзни, страховка отъ несчастныхъ случаевъ и страховка отъ старости или неспособности къ труду. Первая изъ этихъ мѣръ установлена закономъ 15 іюня 1883 г. и дополнена закономъ 1892 г., а теперь ее намѣрены распространить и на земледѣльческихъ рабочихъ и слугъ. Въ настоящее время застраховано 8 милліоновъ лицъ и расходуется на этотъ предметъ до 23.800,000 долларовъ въ годъ, а пользовались страховкой въ 1892 г. 2.752,000 человекъ. Цѣль этого страхованія обезпечить достаточную помощь больнымъ, страдающимъ не свыше тринадцати недѣль. Взносы дѣлаются рабочими въ размѣрѣ двухъ третей, а хозяева вносятъ одну треть. Общественное мнѣніе, повидимому, вполне расположено къ этому виду страховки и она самая популярная изъ всѣхъ трехъ мѣръ. За то страхованіемъ отъ старости или неспособности къ труду недовольны

¹⁾ Accident inturance in Germany, by H. Wolf.—Economie Review, July.

всѣ. Оно установлено закономъ 22 іюня 1889 г. и заставляетъ обязательно страховаться всѣхъ рабочихъ, свыше 16 лѣтъ, получающихъ не свыше 476 долларовъ въ годъ. Этотъ фондъ состоитъ изъ равныхъ взносовъ со стороны рабочихъ и хозяевъ; кромѣ того, правительство прибавляетъ по 11 долларовъ, 90 центовъ ежегодно, на каждую платимую пенсію. Въ 1892 г. было 11.200,000 застрахованныхъ лицъ, получало помощь 181,800 лицъ, общій взносъ равнялся 25.751,600 долларовъ, а ежегодный расходъ на пенсію—5.321,200 дол. Очевидно, касающееся этого предмета законодательство страдаетъ многими недостатками, такъ какъ по частнымъ свѣдѣніямъ 40% застрахованныхъ лицъ не дѣлаютъ взносовъ, хотя эта цифра официально показана лишь въ 16%, а въ четыре года отказано въ помощи въ 60,000 случаяхъ, что, конечно, возбуждаетъ сильное неудовольствіе. Напротивъ, по словамъ Вольфа, одного изъ самыхъ компетентныхъ публицистовъ по социологическимъ вопросамъ въ англійской печати, страхование отъ несчастныхъ случаевъ возбуждаетъ общее удовольствіе, и, какъ хозяева, такъ и рабочіе вообще довольны имъ, хотя въ законодательствѣ и по этому вопросу есть недостатки. Первый законъ относительно этого вида страховки изданъ 6 іюня 1884 г. и имѣлъ въ виду преимущественно промышленныя учрежденія, затѣмъ 28 мая 1885 г. его условія распространены на транспортныя агентства, 15 марта 1886 г. на чиновниковъ, офицеровъ и солдатъ, и, наконецъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, на земледѣльцевъ и лѣсниковъ, а теперь вырабатывается законъ о страховкѣ лицъ, занимающихся торговлей и домашнимъ трудомъ. Вся тяжесть этого страхования падаетъ на хозяевъ. Всего въ 1892 г. застраховано было 18.000,000 лицъ, получило помощь 210,000, внесено хозяевами—12,852,000 дол. а выдано 7,795,000. Сущность этой страховки отъ несчастныхъ случаевъ заключается въ слѣдующемъ: законъ устанавливаетъ учрежденіе самоуправляющихся корпорацій для разрѣшенія дѣлъ о вознагражденіи за несчастные случаи; эти корпораціи состоятъ исключительно изъ хозяевъ, которые несутъ на себѣ всю тяжесть расходовъ. Каждый работодатель обязанъ быть членомъ подобной корпораціи и вносить свою долю общихъ расходовъ. Рабочіе страхуются по самой силѣ вещей, безъ заявленія и малѣйшаго взноса. При всякомъ несчастномъ случаѣ, была ли жалоба или нѣтъ, онъ доводится до свѣдѣнія корпораціи, и ея комитетъ производитъ дознаніе, а затѣмъ опредѣляетъ цифру вознагражденія. Если хозяинъ или рабочій недоволенъ этимъ рѣшеніемъ, то подается апелляція въ третейскій судъ, состоящій изъ представителей обѣихъ сторонъ; на этотъ судъ также есть жалоба въ центральный Совѣтъ въ Берлинѣ,

гдѣ одинаково засѣдаютъ представители рабочихъ и хозяевъ. Всѣ расходы оплачиваются хозяевами по опредѣленному расчету, основанному на количествѣ платимой заработной платы и на степени опасности отъ производимой работы. Корпорации въ собственныхъ интересахъ слѣдятъ за принятіемъ своими членами хозяевами всѣхъ мѣръ къ предупрежденію несчастныхъ случаевъ и строго штрафуютъ неисправныхъ въ этомъ отношеніи лицъ; такъ, были случаи, что плата хозяевъ въ этотъ фондъ ввышлась на 500%. «Несмотря на многіе недостатки въ подробностяхъ этого законодательства и его примѣненія, говоритъ Вольфъ, все-таки оно достигаетъ двухъ цѣлей—обеспечиваетъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ совершенно бесплатно и стоитъ хозяевамъ гораздо дешевле всѣхъ системъ добровольнаго страхованія».

В. Т.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Астрономія.—*Новыя данныя о лунѣ.—Лунная атмосфера.—
Вода на лунѣ.—Загадочныя пятна.*

Первыя наблюденія надъ луной заставили предполагать, что спутникъ нашъ во всемъ подобенъ земному шару, обладаетъ морями, атмосферой и даже живыми существами. Когда были построены болѣе сильныя телескопы, мнѣніе это измѣнилось на противоположное: предполагаемые океаны оказались пустыми выемками; стали думать, что на лунѣ нѣтъ ни воды, ни атмосферы. Однако, наблюденія Пикеринга въ обсерваторіи Арекипы (Перу), находящейся на высотѣ 2393 метровъ, благодаря тому обстоятельству, что атмосфера здѣсь отличается необыкновенной чистотой, даютъ рядъ новыхъ данныхъ, сильно колеблющихся установившееся мнѣніе. Первое доказательство существованія лунной атмосферы дала въ 1864 г. гринвичская обсерваторія. *Если предположить діаметръ луны точно извѣстнымъ*, то звѣзда, находясь у края луны, подвергается рефракціи до 2'', т. е. остается видимой на 5—10 секундъ дольше, прежде погруженія въ тѣнь нашего спутника, и появляется на столько-же раньше выхода изъ тѣни; т. е. исчезновеніе звѣзды, затмѣніе ея, происходитъ позже, чѣмъ должно быть, а появленіе—слишкомъ рано. Это можно объяснить только дѣйствіемъ лунной атмосферы, поднимающей изображеніе звѣзды надъ истиннымъ ея положеніемъ. Это самый серьезный аргументъ, но, къ сожалѣнію, онъ шатокъ въ своемъ основаніи: *намъ точно не извѣстенъ діаметръ луны.*

Утверждаютъ, что на лунѣ нѣтъ сумерокъ, полусвѣта, полутѣней, что тамъ только абсолютно черныя тѣни и нѣтъ разсѣянаго свѣта. Явленіе это обратно тому, которое наблюдается при атмосферѣ, газоваыя молекулы которой диффузируютъ свѣтовые лучи. Но утвержденіе это ошибочно: при ясномъ небѣ,

съ обсерваторіи Арекипы всегда видны лунныя тѣни, сопутствуемыя полутѣнями, смѣшанными съ полусвѣтомъ сумерокъ, которыя позволяютъ разсмотрѣть главные очертанія кратеровъ, задолго до того, какъ ихъ озаряютъ солнечные лучи. Однако явленіе это сложнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Такъ, 20 марта 1893 г., когда дно кратера Stevinus съ его центральнымъ жерломъ было ясно видно, не смотря на тѣнь,—внутренность цирка Snellius, расположеннаго въ такомъ-же разстояніи отъ свѣтлаго края луны, была непроницаемо черна. Фактъ сумерокъ и полутѣней на лунѣ еще не является прямымъ доказательствомъ существованія атмосферы; возможно, что эти полутѣни произведены лучами, которые отбрасываютъ высокіе пики лунныхъ горъ, озаренные солнцемъ, когда низменности еще въ тѣни. Наблюденія надъ свѣченіемъ роговъ луны и надъ «пепельнымъ свѣтомъ», который бросаетъ на нее земля, заставили предположить существованіе атмосферы, плотность которой на высотѣ 64 километровъ должна быть одинакова съ плотностью земной атмосферы. Обсерваторія Арекипы обладаетъ фотографіей съ Юпитера, снятой до и послѣ прохожденія этой планеты за дискомъ луны. На этомъ изображеніи ясно можно видѣть вокругъ диска ореолъ, произведенный лунной атмосферой. Ореолъ этотъ заставляеть предполагать, что рефракція газовой оболочки луны гораздо меньше вычисленной въ Гринвичѣ въ 1864 г., а именно—равна 0,'5. Интересны также наблюденія надъ темной лентой, пересѣкающей Юпитеръ перпендикулярно къ экваторіальному поясу и по тангенсу къ краю уходящей луны. Прежде думали, что причиною этого явленія стужитъ контрастъ, поражающій органъ зрѣнія; но фотографія доказала, что темная полоса существуетъ реально. Это явленіе объясняютъ массами густого тумана, скопляющагося надъ лунной поверхностью. Плотность этихъ массъ достаточна, чтобы произвести темную полосу на дискѣ Юпитера. Объяснить эту полосу газовой оболочкой спутника—значитъ признать, что атмосфера луны гораздо плотнѣе земной, что невѣроятно.

Разъ мы заговорили о лунныхъ туманахъ, естественно перейти къ вопросу о существованіи воды на лунѣ.

На лунныхъ картахъ вы находите моря—пространства, въ которыхъ, однако, не предполагается воды. Нельзя положительно утверждать, что луна никогда не была населена животными и растеніями, но весьма вѣроятно, что даже въ самую цвѣтущую свою пору луна была пустынна, суха и бесплодна. Это подтверждается не только теоретическими выкладками, но и наблюденіями. Астрономы говорятъ, что атмосфера луны всегда была очень

рѣдка, благодаря чему массы воды не могутъ сохраниться на лунной поверхности: при обыкновенной температурѣ онѣ сейчасъ испарятся. Искали признаковъ дѣйствія воды въ областяхъ, называемыхъ морями, но тщетно. При сильномъ увеличеніи усмотрѣли только вліяніе огня. Тѣмъ не менѣе, существуютъ доказательства, что, хотя и въ маломъ количествѣ, вода на лунѣ есть. Изученіе ложбинъ и русель, повидимому, свидѣтельствуетъ о нѣкогда могучей дѣятельности воды на лунѣ. Эти слѣды представляютъ глубокія выемки въ формѣ прямыхъ, ломанныхъ и кривыхъ линій, часто направляющихся къ морямъ или кратерамъ. Но оказалось, что эти слѣды—просто линіи наибольшихъ склоновъ, произведенныхъ обвалами земли, или морщины и сдвиги почвы на малыхъ кратерахъ. Отъ этихъ линій отличаются такъ называемыя «ложа рѣкъ». Эти маленькія борозды всегда шире на одномъ концѣ и расширенный конецъ имѣетъ форму груши, какъ устья нашихъ рѣкъ. Онѣ и извиваются зигзагами, какъ наши рѣчки. Но разница ихъ отъ рѣкъ заключается въ томъ, что устье всегда выше истоковъ: вода течетъ изъ озера въ рѣку, которая мало по малу теряется въ почвѣ. Озеро-же само ничѣмъ не питается. Но въ южной Америкѣ мы знаемъ рѣки, сначала широкія, а потомъ теряющіяся въ пустынѣ, какъ это наблюдается на лунѣ. Зная, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сильна вулканическая дѣятельность на лунѣ, можно предположить, что эти рѣки питаются горячими источниками и гейзерами.

Особый интересъ представляютъ измѣняющіяся пятна на днѣ лунныхъ кратеровъ. Такое пятно впервые наблюдено на днѣ кратера Hansteen, въ югозападной части видимаго полушарія луны. Первый рисунокъ съ кратера снятъ 18 сент. 1892 г. Внутри его находилось неправильное черное пятно; 21 сент. рисунокъ пятна нѣсколько измѣнился. При дальнѣйшемъ наблюденіи оказалось, что пятно сначала темнѣло, потомъ оставалось неизмѣннымъ, опять поблѣднѣло и наконецъ исчезло. Съ тѣхъ поръ открыто 38 кратеровъ, обладающихъ однимъ или нѣсколькими мѣняющимися пятнами. Наблюденія показали, что пятно всего темнѣе въ дни, слѣдующіе за полнолуніемъ. Въ эту пору *геометрически* невозможно видѣть лунныхъ тѣней, озаренныхъ яркимъ свѣтомъ блестящей части. Далѣе, пятна эти невидимы, когда солнце стоитъ низко, т. е. именно въ то время, когда тѣни на лунѣ всего рѣзче. Изъ этого заключаютъ, что въ самой природѣ изучаемой поверхности происходитъ за это время пере мѣна. Мы не знаемъ такихъ скалъ, которыя-бы послѣдовательно темнѣли отъ солнечнаго свѣта и становились особенно ясны, когда этотъ свѣтъ исчезаетъ. Объяснить это явленіе можно, только допу-

стивъ на лунѣ существованіе воды. Однако, эти темныя пятна не могутъ быть простыми озерами. Достаточно сказать, что пятно Alphonsus въ извѣстное время покрываетъ склонъ маленькаго холма, расположеннаго около кратера. Этотъ фактъ прямо противорѣчитъ существованію вмѣстѣ свободной или замерзшей воды. Но дѣйствительно-ли луна мертва? Медлеръ думаетъ, что измѣнчивыя пятна можно приписать массамъ растительности, покрывающей порою поверхность луны. Растительность лучше всего объясняетъ это явленіе, а допустить существованіе растительности возможно, разъ предполагается на лунѣ воздухъ и вода, послѣдняя хотя-бы и не въ видѣ озеръ и рѣкъ.

Наблюденія надъ восемью замѣчательнѣйшими пятнами Alphonsus'a показали, что каждое изъ нихъ обладаетъ въ центрѣ маленькимъ кратеромъ, а нѣкоторыя двумя и даже пятью. Диаметръ кратеровъ не превышаетъ 975 метровъ. Пятна независимы отъ фазъ луны. Расположенныя на западной окраинѣ—всего чертѣ послѣ полнолунія, восточныя-же—во время послѣдней четверти. Цвѣтъ пятенъ различенъ: одиѣ изъ нихъ сѣрыя, другія черныя. Расположеніе ихъ совершенно неправильно, больше всего ихъ на восточной и западной окраинахъ, и очень мало въ со-сѣдствѣ съ полюсомъ.

Мы видимъ, что даже о такой близкой отъ насъ планетѣ, какъ луна достовѣрныхъ свѣдѣній крайне мало. Догадки, гипотезы, теоретическія выкладки щедро дополняютъ скудныя фактическія данныя. Что-же сказать о другихъ болѣе отдаленныхъ свѣтилахъ? Фантазировать во вкусѣ Фламаріона не трудно; но, поступать такъ—значитъ лишь обманывать недоброкачественными суррогатами жажду истины, которую такъ скупю удовлетворяетъ добросовѣстная наука.

Химія.—*Арионъ* и *Гелиумъ*.—До сихъ поръ всѣ были убѣждены, что достовѣрно знаютъ составъ атмосфернаго воздуха. Въ 1775 году Лавуазье представилъ академіи мемуаръ, въ которомъ составъ воздуха былъ впервые точно выясненъ. Воздухъ, доказывалъ Лавуазье, состоитъ изъ двухъ газовъ: «чистаго воздуха», способнаго усиливать горѣніе и дыханіе, окислять металлы, и «мефитическаго воздуха», удушливаго, тяжелаго, мертвящаго и недѣятельнаго газа. Воздухъ состоитъ изъ кислорода и азота, какъ значитъ съ тѣхъ поръ уже болѣе ста лѣтъ во всѣхъ учебникахъ химіи. Исслѣдованія Ралея и Рамсая, дополненныя затѣмъ работами другихъ ученыхъ, обнаружили, что это не такъ. Послѣ тысячь анализовъ, подтверждавшихъ Лавуазье, вдругъ оказывается, что воздухъ состоитъ изъ смѣси, по крайней мѣрѣ, трехъ газовъ. Найдена новая составная часть атмо-

сферы, новый газъ—*аргонъ*, ускользнувшій отъ вниманія отъ химіи—Лавуазье и позднѣйшихъ химиковъ. Еще три года тому назадъ лордъ Рaley поразился слѣдующимъ фактомъ: если по способу Вернонъ-Гаркура пропускать воздухъ черезъ аммоніакъ, то кислородъ воздуха соединится съ водородомъ амміака и дастъ воду, а въ остаткѣ получится азотъ. Если пропускать воздухъ черезъ раскаленную мѣдь, то кислородъ тоже будетъ поглощенъ,—и такъ получится азотъ, но въ этомъ случаѣ газъ будетъ тяжелѣе.

Вообще, азотъ, прямо добытый изъ атмосферы, оказывается тяжелѣе азота, добытаго изъ различныхъ химическихъ соединений. Литръ *атмосфернаго* азота вѣситъ 1,2572; литръ химическаго 1,2505; разница незначительная, 0,0067, но *постоянная*. Рaley получилъ средній вѣсъ для атмосфернаго азота 2,3102; для химическаго—2,2990; разница около 11 миллиграммовъ, или около $\frac{1}{2}$ процента. Она достаточна, чтобы доказать различную природу газовъ, фактъ до сихъ поръ не обращавшій на себя вниманіе химиковъ. Если добытый изъ атмосферы азотъ соединить съ какимъ либо тѣломъ и потомъ снова извлечь его изъ этого соединенія, то вѣсъ его окажется уменьшившимся. Значить, какая-то часть атмосфернаго азота утратилась, не вступила въ соединеніе. Очевидно, что остатокъ, получающійся послѣ поглощенія изъ воздуха кислорода, состоитъ не исключительно изъ одного азота. Но сначала не рѣшались допустить, что эта неизвѣстная, мѣняющая вѣсъ азота, примѣсь есть новый газъ, новое простое тѣло, новый элементъ; не рѣшались допустить, что воздухъ состоитъ не изъ двухъ, а изъ трехъ простыхъ тѣлъ. Разница вѣса химическаго и атмосфернаго азота могла быть приписана частичной трансформаци азота въ изомерный газъ, подобный озону.

Извѣстно, что кислородъ, находящійся въ стеклянной трубкѣ и подверженный дѣйствию ряда электрическихъ искръ, приобретаетъ особый запахъ и новыя свойства. Тоже происходитъ въ природѣ во время грозы. Измѣненный подъ вліяніемъ электричества кислородъ получилъ названіе озона. Озонъ въ полтора раза плотнѣе кислорода, но это не есть какое-либо *новое* вещество, простое или сложное. Озонъ есть ни что иное, какъ обыкновенный кислородъ, только видоизмѣненный въ своихъ свойствахъ. Одно и то же тѣло можетъ являться въ двухъ состояніяхъ—такіе случаи химическаго превращенія носятъ названіе «изомеріи». Естественно было допустить, что и часть атмосфернаго азота переходитъ въ изомерное, болѣе плотное тѣло. Однако, дальнѣйшія изслѣдованія показали ошибочность этого предположенія. Оказалось, что электричество не измѣняетъ плотности ни химическаго,

ни атмосфернаго азота. Храненіе пробы азота въ теченіе восьми мѣсяцевъ показало, что и время не оказываетъ никакого вліянія на предполагаемый изомерный газъ, тогда какъ озонъ отъ времени совершенно разрушается. Осталось предположить существованіе третьяго элемента въ воздухѣ и считать атмосферный азотъ смѣсью газовъ. Какъ же изъ этой смѣси добыть новый элементъ? Вспомнили опытъ знаменитаго современника Лавуазье—химика Кавендиша. Онъ бралъ дугообразную трубку, наполненную ртутью и опрокидывалъ ее, помѣщая концы въ чашку. Затѣмъ въ колѣно трубки вводился воздухъ и пропускался электрической токъ. Продукты разложенія поглощались. Опытъ длился недѣли. Такимъ путемъ Кавендишу удалось поглотить весь «флогистированный» и весь «дефлогистированный» воздухъ (т. е., по нашей терминологіи, весь азотъ и кислородъ), послѣ чего остался непоглощеннымъ маленький пузырекъ воздуха, не превосходящій $\frac{1}{120}$ объема «флогистированнаго воздуха». Отсюда Кавендишъ прямо заключилъ, что въ воздухѣ есть еще какая-то составная часть. Этотъ не поддававшийся поглощенію «пузырекъ» заключалъ въ себѣ ничто иное, какъ *аргонъ*, который такимъ образомъ былъ открытъ сто лѣтъ тому назадъ, но оставался подъ спудомъ. При современныхъ средствахъ, поглощеніе азота шло гораздо скорѣе. Рамсэй призналъ лучшимъ поглотителемъ азота раскаленный до красна магній. Получили чистый аргонъ. Осталось изучить его спектръ и другія свойства. Если плотность кислорода 16, азота 14, то плотность аргона—20 (по послѣднему сообщенію Ралея—19,940). Растворимость аргона въ водѣ въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе растворимости азота. Ольшевскій превратилъ аргонъ въ жидкость и даже въ твердое состояніе: получились бѣлые кристаллы. Аргонъ—газъ крайне инертный, лѣнивый, бездѣятельный. Заставить его соединиться съ какимъ либо тѣломъ до сихъ поръ не удавалось, если не считать сообщенія Бертелло, утверждавшаго, что, подъ вліяніемъ электрическаго тока, пары бензина поглощаютъ аргонъ.

Одновременно съ открытіемъ аргона, изученіе спектра газовъ, извлеченныхъ изъ нѣкоторыхъ минераловъ Локіеромъ, доказали существованіе гипотетическаго элемента *геліума*. Газъ этотъ былъ добытъ изъ минерала клевета и уранита (или бротгерита). Сравненіе спектра аргона съ спектромъ геліума показываетъ во второмъ четыре характеристическихъ линіи, которыхъ не находится въ первомъ; это—блестящая красная линія, линія D_3 , ярко-желтая, зеленая линія, цвѣта павлиняго пера и ярко-голубая. Однако, нѣкоторыя обстоятельства показываютъ, что между геліумомъ и аргономъ есть нѣчто общее. Изслѣдуя спектры газовъ, извлеченныхъ изъ различныхъ минераловъ, Локіеръ нашелъ до 60 новыхъ

линій. Опыты его заставляют думать, что химія находится на пути къ открытію цѣлаго ряда новыхъ газовъ, которые объяснятъ линіи въ спектрахъ, до сихъ поръ считавшіяся загадочными. Нѣкоторые ученые склонны считать гелиумъ не простымъ тѣломъ, но смѣсью двухъ, а можетъ быть и нѣсколькихъ, газовъ. Въ послѣднемъ случаѣ, температура каленія и сгущенія гелиума должна быть чрезвычайно низкая. И дѣйствительно, Ольшевскій пока напрасно старается обратить его въ жидкость. При давленіи 140 атмосферъ газъ не выказалъ никакихъ признаковъ сгущенія. Высокій интересъ представляетъ послѣднее сообщеніе Рамсая объ аргонѣ и гелиумѣ въ метеорномъ желѣзѣ. Метеорное желѣзо, нагрѣтое *in vacuo*, даетъ небольшія количества обоихъ этихъ газовъ. Изученіе газовъ, находящихся въ метеорномъ желѣзѣ, давно показало присутствіе въ немъ 10—16% азота. Wright подвергъ газы, выдѣляющіеся изъ метеорнаго желѣза, спектроскопическому анализу: получились обыкновенные спектры водорода, углерода, кислорода и азота. Это показываетъ, съ какой осторожностью надо относиться къ спектроскопу, когда къ газу примѣшаны незначительныя количества другого тѣла. Характеристическій спектръ аргона можетъ быть вполне маскированъ самой слабой примѣсью азота или кислорода. То же справедливо и для гелиума. Характерная желтая линія совершенно затемняется присутствіемъ 5 или 10 процентовъ азота. Присутствіе аргона и гелиума было обнаружено въ томъ же метеоритѣ Августа Кунти. 56 граммовъ этого метеорита были нагрѣты до красна въ трубкѣ, изъ которой, помощью лампы Тотгера, былъ удаленъ весь воздухъ. Это желѣзо дало 45 кубическихъ сантиметровъ газа. Послѣ поглощенія азота и кислорода остатокъ, объемомъ въ полъ кубическаго сантиметра, подвергнуть былъ спектральному анализу. Состоялъ онъ, повидимому, изъ аргона. Спектръ тщательно сравненъ съ спектромъ атмосферическаго аргона. Всѣ линіи аргона были на лицо и обнаружилась желтая линія D_3 гелиума, едва видная. Сравненіе съ спектромъ гелиума позволило доказать присутствіе и его въ метеорномъ газѣ. Спектральный анализъ убѣдилъ, такимъ образомъ, что и аргонъ, и гелиумъ находятся въ метеорномъ желѣзѣ, и перваго гораздо больше втораго. Можно думать, что аргона 90%, а гелиума 10% или еще меньше.

Остается теперь искать новооткрытые элементы въ небесныхъ пространствахъ, изучая спектры звѣздъ и солнечной хромосферы. Дѣло это нелегкое, такъ какъ всюду спектры кислорода и углерода заслоняютъ аргонъ и гелиумъ.

Биологія. *Вліяніе температуры на географическое распределение животныхъ и растений.—Физиологическая постоянная.—*

Распределение биологической зоны по линии максимальных температур. — Американскій зоологъ Мерріамъ недавно выпустилъ интересный мемуаръ о вліяніи температуры на географическое распределение животныхъ и растений. Вопросъ этотъ важенъ самъ по себѣ, выводы же Мерріама значительно измѣняютъ установленныя еще съ Гумбольда въ наукѣ взгляды на роль температуры въ распределеніи биологическихъ зонъ.

Разсматривая сѣверное полушаріе, мы видимъ, что животныя и растения распределяются здѣсь, слѣдуя околополюсной зонѣ, предѣлы которой болѣе согласуются съ изотермами, чѣмъ съ градусами широты. Между полюсомъ и экваторомъ три главныя зоны: сѣверная, южная австральская и тропическая, которыя можно подраздѣлить еще на второстепенныя. Такъ, въ сѣверной зонѣ ясно различаются подъ-зоны арктическая, гудзонская и канадская, точно такъ и въ австральской легко найти три подъ-зоны: высшую, низшую и переходную. Смѣшеніе характеристическихъ типовъ происходитъ только въ узкой переходной зонѣ, на территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Но замѣчательное исключеніе встрѣчаемъ мы въ западной части: здѣсь эта переходная зона, заключающая въ себѣ типы обѣихъ зонъ, тянется вдоль всего берега Тихаго океана, по южной Калифорніи и далѣе. Матеріальной преграды распространенію типовъ не существуетъ. Температура является главнымъ регуляторомъ ихъ распределения на земномъ шарѣ. Однако этимъ сказано еще далеко не все: два пункта земнаго шара могутъ имѣть одинаковую *среднюю* годовую температуру, тогда какъ *высшія температуры* года будутъ различны. А послѣднее обстоятельство можетъ совершенно измѣнить характеръ фауны и флоры; и мѣста, съ точки зрѣнія принятаго наукой критериума, признаваемые одинаковыми въ биологическомъ отношеніи, на самомъ дѣлѣ окажутся населенными совершенно различными типами и принадлежащими двумъ разнымъ зонамъ. Итакъ, знанія средней температуры года еще не достаточно для объясненія географическаго распределения животныхъ и растений. Съ другой стороны, время, на которое падаетъ максимумъ температуры, тоже не остается безъ вліянія. Мерріамъ полагалъ, что наибольшее вліяніе имѣетъ температура, падающая на періодъ прозябанія и [размноженія] организмовъ флоры и фауны, средняя же годовая температура играетъ роль второстепенную. Однако трудность полученія необходимыхъ термометрическихъ данныхъ направила его изслѣдованія въ другую сторону.

Вотъ уже сто лѣтъ, какъ—слѣдуя пути, указанному Реомюромъ,—ботаники формулировали доктрину термической суммы.

Доктрина эта излагается такъ: всѣ растительные виды не приступаютъ къ цвѣтенію, а плодъ ихъ къ вызрѣванію прежде, чѣмъ растеніе не получитъ извѣстную *сумму теплоты*, которая варьируетъ, смотря по виду, но для каждаго вида остается постоянной. Сумму эту получаютъ, складывая среднія температуры 24 часовъ, говорятъ: — извѣстный видъ требуетъ 2.000° Цельсія, другой 2.500° или 3.000°. Сперва, и даже еще во времена Буссенго, считывали всѣ градусы выше нуля. Маріе — Деви указалъ, что счетъ надо начинать только съ температуръ выше $+6^{\circ}$, т. к. низшія температуры имѣютъ ничтожное или прямо—никакого вліянія. Пробужденіе растительности начинается лишь съ градуса или 2 выше нуля и нужно не менѣе 6° , чтобы жизнь растенія пошла полнымъ ходомъ. Кромѣ того, предѣльная температура, съ которой начинается прозябаніе, чувствительно варьируетъ, смотря по виду растенія. Линссеръ возражалъ противъ «суммы температуръ» или «физиологической постоянной». Онъ полагалъ, что важна не общая сумма теплоты, но отношеніе между количествомъ, необходимымъ, чтобы растеніе вступило въ ту или иную специальную фазу своего развитія, и годовой суммой. Физиологическую постоянную вида онъ замѣнялъ постоянной фазъ вегетации. Однако, возраженіе это «оставлено безъ послѣдствій». Опредѣленіе физиологической постоянной представляетъ многочисленныя трудности. Мерриамъ упрощаетъ задачу, опредѣляя постоянную не вида, а зоны. Онъ выбираетъ рядъ мѣстностей и вычисляетъ для нихъ постоянную, складывая температуры выше $+6^{\circ}$. Такимъ образомъ, онъ могъ нанести на карту спеціальныя изотермы, и констатировать весьма удовлетворительное согласіе этихъ изотермъ съ сѣверными предѣлами распредѣленія различныхъ группъ организмовъ. Можно заключить, что сѣверные предѣлы распространенія этихъ видовъ регулируются общимъ количествомъ теплоты, падающимъ на время роста и размноженія. Изотерма, соответствующая общей суммѣ въ 5500° Цельсія, совпадаетъ съ сѣвернымъ предѣломъ распространенія видовъ переходной зоны, равно какъ [и съ линіей, отдѣляющей австральскую біологическую область отъ бореальной. Это послѣднее совпаденіе не существуетъ въ областяхъ—подобныхъ напр., восточной окраинѣ Соединенныхъ Штатовъ — гдѣ бореальные типы встрѣчаются съ австральскими, такъ что если эта изотерма хорошо опредѣляетъ *сѣверный* предѣлъ австральскихъ типовъ, она ни мало не опредѣляетъ *южного* предѣла типовъ бореальныхъ. Изъ чего слѣдуетъ заключить, что послѣдніе зависятъ отъ кокого-то другого фактора, а не отъ общаго количества теплоты. Мерриамъ считаетъ причиной этого сумму высшихъ температуръ, средній maximum

лѣта. Чтобы повѣрить свою гипотезу, онъ намѣчаетъ изотерму мѣсть, представляющихъ одинаковую максимальную температуру шести недѣль, самыхъ жаркихъ въ году, и констатируетъ, что эта изотерма почти совершенно совпадаетъ съ сѣверными предѣлами бореальной біологической области. Эти изотермы не совпадаютъ съ обыкновенными изотермами. Резюмируя полученные данныя, Мерриамъ безъ труда доказываетъ, что западный берегъ Соединенныхъ Штатовъ обладаетъ замѣчательно низкой лѣтней температурой, что и позволяетъ бореальнымъ типамъ спускаться до 35° широты, тогда какъ общая сумма годовой температуры необыкновенно велика сравнительно съ широтой, что позволяетъ типамъ австраальной области подниматься далеко на сѣверъ. Смѣшенію типовъ бореальной и австраальной областей въ одной зонѣ способствуетъ достаточно высокая общая сумма годовой теплоты безъ чрезмѣрнаго лѣтняго максимум'а.

Въ конечномъ выводѣ Мерриамъ утверждаетъ, что распределеніе организмовъ, поскольку оно зависитъ отъ температуры, управляется (въ сѣверномъ полушаріи) слѣдующими двумя законами: 1) предѣлы сѣвернаго распространенія опредѣляются общимъ годовымъ количествомъ теплоты; 2) предѣлы южнаго распространенія опредѣляются максимальной температурой лѣта.

Н. Э.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

ПИСЬМО I.

Первое «провинціальное» письмо мнѣ приходится писать, по странной ироніи судьбы, въ Петербургѣ, куда мнѣ пришлось заявиться на нѣсколько дней. Обстоятельство это, однако, нисколько меня не смущаетъ: Петербургъ едва-ли не самое удобное мѣсто для того, чтобы написать нѣчто въ родѣ предисловія къ «письмамъ изъ провинціи», такъ какъ, въ этомъ случаѣ, съ одной стороны, имѣется возможность посмотрѣть на провинцію со стороны, не подѣ непосредственнымъ воздѣйствіемъ провинціальнхъ впечатлѣній, а съ другой — удобнѣе сравнить провинціальную жизнь съ петербургской.

«Провинція!» съ этимъ словомъ у многихъ жителей столицы связаны самыя удивительныя представленія. Когда я пять лѣтъ тому назадъ отправлялся, послѣ десятилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ, на постоянное житіе въ провинцію, да еще въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ глухихъ ея угловъ — меня глубоко жалѣло большинство моихъ петербургскихъ друзей, а многіе провожали меня съ такимъ же грустнымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно провожаютъ на Волково кладбище. Добрые люди не сомнѣвались, что меня «засосетъ провинціальная тина»; они искренно жалѣли меня, обреченнаго на то, чтобы «заѣла среда», и грустно думали о томъ, какъ я «опущусь». И вотъ, когда черезъ пять лѣтъ я снова явился предъ очи своихъ добрыхъ друзей, по видимому, не опустившимся, не утратившимъ прежнихъ идеаловъ и стремленій и даже не научившимся играть въ винтъ, — это вызвало общее удивленіе. А когда узнали, что я нисколько не тягочусь своею жизнью въ глухомъ углу, доволенъ своею дѣятельностью и всего менѣе думаю объ обратномъ переселеніи въ Петербургъ, — удивленіе достигло своего апогея. И, какъ бы желая оправдать свои неосуществившіяся пророчества и объяснить свое

удивленіе, друзья мои рассказали цѣлый рядъ исторій о людяхъ, которые шли жить и работать въ провинцію и сбѣжали оттуда снова въ Петербургъ, не будучи въ состояніи вынести тѣхъ неблагоприятныхъ условій, которыми обставлена жизнь въ провинціи.

Видѣлъ я и этихъ бѣжавшихъ героевъ и слышалъ ихъ жалобы. «Жить невозможно», «затхлое общество», «слова перемолвить не съ кѣмъ»—таково содержаніе рассказовъ этихъ бѣглецовъ. Карты, пьянство и сплетни—вотъ все, что они видѣли въ провинціи, и вотъ, что помѣшало имъ жить въ ней.

Долженъ сказать, что въ жалобахъ этихъ много правды, — но далеко не вся правда.

Да, провинціальное общество—не высокаго качества. Правда и то, что винтъ, выпивка и сплетни составляютъ главное содержаніе жизни провинціального общества. Но развѣ столичное, петербургское «общество» стоитъ въ этомъ отношеніи выше провинціального?

Одинъ столичный фланеръ, на казенный счетъ объѣхавшій пол-Россіи, заявлялъ недавно печатно, что вездѣ въ провинціи важнейшимъ общественнымъ вопросомъ является вопросъ о винтѣ. Но спрашивается, не то же ли имѣетъ мѣсто и въ Петербургѣ? Я всего полторы недѣли въ Петербургѣ — и уже не знаю, куда спастись отъ винта и разговоровъ о немъ. Знавалъ я пять лѣтъ назадъ немало молодыхъ людей, подававшихъ надежды на то или другое. Когда я увидѣлъ ихъ теперь, оказалось, что всѣ возлагавшіяся на нихъ надежды или разлетѣлись прахомъ, или такъ и остаются надеждами; но за то всѣ эти молодые люди сдѣлались превосходными винтерами. Когда они встрѣчаются со мною поодиночкѣ, они еще въ состояніи говорить о чемънибудь помимо винта; но если я застаю нѣсколько ихъ вмѣстѣ, то послѣ пяти минутъ разговора о томъ, о семъ,—данъ моему присутствію,—они неизбѣжно переходятъ къ разговору о прошломъ или предстоящемъ винтѣ. Очевидно, Петербургъ совсѣмъ «засосалъ» этихъ подававшихъ надежды молодыхъ людей. Курьезнѣе всего, что и тѣ добрые люди, которые такъ боятся, чтобы ѣдущіе въ провинцію не «опустились» тамъ, а—еще забавнѣе—что и тѣ, что бѣжали изъ провинціи, боясь, чтобы ихъ не «засосала» провинціальная жизнь, — въ Петербургѣ преспокойно просиживаютъ за картами цѣлыя ночи, отнюдь не чувствуя себя «опустившимися»...

Тоже должно быть сказано и о пьянствѣ провинціального общества. Это еще очень большой вопросъ, гдѣ пьютъ больше—въ провинціи или въ Петербургѣ. Въ самомъ дѣлѣ, много ли въ Петербургѣ найдется кружковъ, въ которыхъ выпивка не по-

являлась бы на сцену черезъ пять минутъ послѣ того, какъ два пріятеля сошлись вмѣстѣ? Откровенно говоря, за пять лѣтъ жизни въ провинціи я совсѣмъ отвыкъ отъ этого быстрого появленія на столѣ напитковъ, которое, кажется, въ Петербургѣ неизбѣжно.

Наконецъ,—сплетни. Онѣ наполняютъ въ значительной мѣрѣ жизнь провинціального общества. Но не то же ли самое имѣетъ мѣсто и въ Петербургѣ? Признаюсь, я просто былъ оглушенъ обиліемъ сплетенъ, посыпавшихся на меня, когда я пріѣхалъ въ столицу. Сперва шли сплетни, такъ сказать, административныя: судачили о томъ, кто сходитъ съ такого-то поста и кто замѣняетъ его; рассказывали разныя исторіи о томъ, какъ и въ силу чего былъ удаленъ такой-то, а такой-то поддѣлъ такого-то и т. д. Затѣмъ шли сплетни изъ литературнаго и художественнаго міра. Наконецъ, мнѣ стали докладывать и факты, такъ сказать, матримоніального характера,—кто съ кѣмъ живетъ, кто разошелся съ женою и т. д.; но тутъ я уже опамятовался и воспротестовалъ...

Все это я говорю, конечно, не къ тому, чтобы оправдать провинціальныя картежничество, пьянство и сплетни, а съ тою цѣлью, чтобы показать, что въ данномъ отношеніи между жизнью провинціального общества и жизнью столичнаго никакой существенной разницы нѣтъ, и что тотъ, кто ѣдетъ изъ Петербурга въ провинцію, ничего новаго и ужаснаго тамъ не найдетъ. И если бѣгущіе изъ провинціи ссылаются на указанные выше недостатки провинціального общества, то это только лицемѣрная уловка, къ которой прибѣгаютъ для прикрытія собственной несостоятельности.

Въ самомъ дѣлѣ, вольно же человѣку не найти въ провинціи ничего, кромѣ общества, живущаго винтомъ, вышивкой и сплетнями! Конечно, тому, кто ограничилъ свою жизнь общеніемъ съ такъ называемымъ «обществомъ», кто наполняетъ ее тѣмъ же содержаніемъ, какимъ живетъ и это «общество»—ежедневнымъ посѣщеніемъ клуба съ неизбѣжными «пульками» и «робберами», хожденіемъ въ дрянненькій мѣстный театръ, участіемъ въ любительскихъ спектакляхъ, устраиваемыхъ «съ благотворительною цѣлью», да еще хожденіемъ на службу,—тому, конечно, неизбѣжно будетъ скучно жить въ провинціи, пока его не «засосетъ», пока онъ не «опустится» и не будетъ находить прелести и въ карточной игрѣ до утра, и въ «раздавливаніи» флаконовъ съ живительной влагой, и въ судаченіи на счетъ ближняго. Но спрашивается, кто же велитъ такимъ господамъ довольствоваться жизнью провинціального общества, что заставляетъ сливаться съ этимъ «обществомъ»?

Въ провинціи кромѣ «общества», обладающаго дѣйствительно весьма мало привлекательными качествами, есть, конечно, и другіе элементы, среди которыхъ можно и должно жить безъ страха «опуститься» и «засосаться». Прежде всего, это — трудовая масса, масса людей, живущихъ подъ гнетомъ тяжелаго ежедневнаго труда, общеніе съ которой приходится устанавливать не на почвѣ винта, выпивки и сплетенъ, а на почвѣ служенія нуждамъ этой массы, работы въ ея интересахъ. А затѣмъ, между «обществомъ» и «массою» стоятъ люди, которые работаютъ для этой массы и обыкновенно *противъ* «общества», потому что интересы «общества» и «массы» чаще сталкиваются, нежели совпадаютъ. Не много пока такихъ людей, — это правда; но они уже есть всюду, — и тому, кто ѣдетъ жить въ провинцію съ свѣтлыми идеалами, нѣтъ никакой надобности искать, «съ кѣмъ обмолвиться словомъ», среди тѣхъ, кто живетъ винтомъ и сплетнями...

Въ противоположность мнѣнію тѣхъ, кто такъ боится «засывающихъ» свойствъ провинціальной жизни, я долженъ сказать, что ничто не дѣйствуетъ такимъ освѣжающимъ образомъ, ничто такъ не ободряетъ, не возбуждаетъ къ работѣ на пользу общую, ничто такъ не укрѣпляетъ силъ, какъ близкое общеніе съ провинціальной «массою», непосредственное соприкосновеніе съ ея нуждами. Когда я жилъ въ Петербургѣ, я не испытывалъ ничего подобнаго. Свѣдѣнія о явленіяхъ настоящей жизни доходили до насъ значительно смягченными и вообще измѣненными. Между нами и жизнью въ однихъ случаяхъ словно стоялъ буферъ, смягчавшій удары, а въ другихъ — между нашимъ глазомъ и явленіями жизни лежала призма, заставлявшая видѣть все не въ настоящемъ видѣ, а подъ извѣстнымъ угломъ. Неудивительно, что выводы наши и обобщенія часто не соответствовали дѣйствительности, что и реагировали мы на явленія жизни иногда самымъ удивительнымъ образомъ и сочиняли подчасъ самые удивительные рецепты для уречеванія нашихъ язвъ. Чутья жизни — вотъ чего не достаетъ у живущихъ въ Петербургѣ. Живя въ провинціи, просто поражаешься при чтеніи тѣхъ или другіихъ сужденій печати по разнымъ общественнымъ вопросамъ. Долженъ признаться, что и самъ я, просматривая нѣкоторыя свои статьи, писанныя въ періодъ пребыванія въ Петербургѣ, не могъ остаться ими доволенъ.

Но не только иначе смотришь на многое, живя въ провинціи: иначе себя и чувствуешь, нежели въ Петербургѣ. О, живя въ глухомъ углу, тамъ, гдѣ на человѣка непосредственно бьетъ людское горе, гдѣ непосредственно видишь тѣ нужды, тѣ страданія, о которыхъ, сидя въ Петербургѣ, узнаешь только изъ га-

зеть; когда передъ тобою стоятъ тѣ живыя единицы, которыя столичному жителю являются въ видѣ безразличныхъ статистическихкихъ цифръ,—тогда не находится ни времени, ни возможности мыслить, сомнѣваться, мучиться надъ вопросомъ о томъ, это ли нужно дѣлать, или совсѣмъ другое. Изъ дня въ день, изъ часа въ часъ жизнь требуетъ вашего вниманія, вашего труда и сама говоритъ вамъ, что нужно дѣлать. Тутъ не можетъ быть мѣста ни для сомнѣній, ни для колебаній. Если вы не отрѣзали себя отъ этой жизни, отъ ея нуждъ, если вы не устроили себѣ такой же искусственной обстановки, въ какой живетъ большинство «хорошихъ людей» въ Петербургѣ, то ваша жизнь въ провинціи будетъ распредѣлена самимъ ходомъ вещей. ваше время будетъ использовано независимо отъ всякихъ искусственныхъ, намѣренныхъ предначертаній,—и вы будете жалѣть лишь о томъ, что сутки состоятъ всего изъ 24 часовъ.

Нужно ли говорить о томъ, какъ бодрить, какъ поднимаетъ духъ, какъ возбуждаетъ энергію, какъ обостряетъ силы это постоянное, непосредственное общеніе съ жизнью, съ живыми людьми, съ ихъ реальными страданіями и нуждами? Мѣсяцъ этого непосредственнаго общенія съ жизнью—и отъ вывезеннаго вами изъ Петербурга пессимизма не останется и слѣда.

Есть еще одна важная сторона дѣла. Когда я, въ качествѣ сотрудника періодическихъ изданій, работалъ въ продолженіе десяти лѣтъ въ Петербургѣ, я никогда не получалъ полнаго удовлетворенія отъ своей работы. Словно въ какую-то пропасть бросаешь свои писанія, не зная, нужны ли они комунибудь и получается ли отъ нихъ какойнибудь результатъ, и если даже получается, то какой именно. Лишь изрѣдка получишь письмо отъ читателя или встрѣтишься съ таковымъ и услышишь отъ него замѣчаніе по поводу того или другого твоего писанія. Но это случайное общеніе съ читателемъ давало очень мало и касалось только какойлибо частности. Въ остальномъ приходилось идти оцупью, впотьмахъ. Яркаго же, несомнѣннаго воздѣйствія своихъ словъ мнѣ, въ петербургскій періодъ своей дѣятельности, никогда не приходилось видѣть, да и отъ товарищей по работѣ я никогда не слыхалъ ни о чемъ подобномъ. Тоже, что писатели, испытываютъ и остальные петербургскіе дѣятели, работающіе для всей Россіи. Не дагѣе, какъ вчера, одинъ авторъ нѣсколькихъ законопроектовъ откровенно и съ уныніемъ сообщилъ мнѣ, что въ сущности онъ самъ не знаетъ,—добро или зло выйдетъ изъ того, что онъ написалъ. Люди блуждаютъ словно впотемкахъ и доходятъ до того, что возводятъ до степени важнѣйшихъ русскихъ вопросовъ—вопросы, въ родѣ вопроса о «карто-

фелекопателяхъ» (сезонный вопросъ Петербурга въ мой настоящій прїѣздъ). Неудивительно, что людьми, взявшимися за то или иное дѣло, быстро овладѣваетъ апатія, и они дѣлаютъ свое дѣло безъ интереса къ нему, безъ любви, безъ огня.

Совсѣмъ иначе чувствуетъ себя человѣкъ, работая на мѣстѣ. Много ли, мало ли дѣлаемъ мы,—но результаты нашей работы предъ нашими глазами; результаты не предполагаемые, не воображаемые, а вполне реальные. Будь я адвокатъ, врачъ, писатель, земскій или городской дѣятель,—отъ моей работы получается результатъ, воплощенный въ жизни. Даже самый отвлеченный видъ этой работы—писательство—даетъ вполне осязаемый результатъ, который видишь, который можешь оцѣнить. Разоблачишь ли чьи либо непохвальные дѣянія, пригвоздишь ли кого къ позорному столбу, проведешь ли въ печати какую либо практическую мысль, дашь ли обращеніе идеѣ общаго характера,—имѣешь полную возможность наблюдать, какъ все это отражается на жизни, на читающемъ обществѣ, на тѣхъ, о комъ идетъ рѣчь, на томъ или иномъ дѣлѣ. Еще болѣе осязаемый результатъ получается отъ дѣятельности болѣе пракческаго характера. Эта возможность видѣть, осязать, переживать результаты своей работы дѣйствуетъ удивительно благотворно на настроеніе духа. Ощущаешь нравственное удовлетвореніе, растешь вѣра въ возможность труда, въ возможность борьбы со зломъ, увеличивается увѣренность въ своихъ силахъ. Видишь, слишкомъ хорошо видишь, какъ много зла въ жизни, какъ много страданій; но отъ этого не опускаются руки, а напротивъ усиливается сознаніе необходимости и обязательности отдать всѣ свои силы на борьбу съ этимъ зломъ. Цѣль жизни дѣлается вполне ясною, въ душѣ устанавливается спокойствіе, и человѣкъ проявляетъ бодрость и энергію, которыхъ онъ самъ не ожидалъ отъ себя.

Члены провинціального «общества» постоянно мечтаютъ о поѣздкѣ въ столицу. Поѣздка эта должна «освѣжить» этихъ заплѣсневшихъ господъ. И они любятъ ѣздить въ Петербургъ, и здѣсь освѣжаются, посѣщая театры, кафе-шантаны, клубы, рестораны—и затѣмъ, съ восторгомъ рассказываютъ въ провинціи объ удивительныхъ чудесахъ, видѣнныхъ ими въ Петербургѣ. Одного члена окружнаго суда, отправлявшагося въ Петербургъ, мы просили написать для нашей газеты о томъ, что онъ найдетъ въ столицѣ самаго замѣчательнаго,—и онъ прислалъ восторженное описаніе обѣда, которымъ угостили его въ путейскомъ клубѣ: болѣе замѣчательнаго онъ ничего не нашелъ!

Но если имѣть въ виду «освѣженіе» болѣе высокаго достоин-

ства, то Петербургъ врядъ-ли способенъ дать его. Сами петербуржцы готовы ждать этого «освѣженія» отовсюду, не исключая той же провинціи. Извѣстія изъ провинціи Петербургъ поглощаетъ съ жадностью, всячески переиначивая ихъ и преувеличивая, чтобы хоть нѣсколько разогнать свою апатію. Когда я собирался ѣхать въ Петербургъ, друзья изъ мѣстнаго «общества» съ завистью говорили о томъ, что я «освѣжусь» въ столицѣ. Но когда я пріѣхалъ сюда — оказалось что здѣсь *отъ меня* ждуть чего-то освѣжающаго, оказалось необходимымъ, чтобы я «освѣжилъ» тоскующихъ, ноющихъ, разочарованныхъ, метущихся и сомнѣвающихся петербургскихъ приятелей...

Нѣтъ, что ни говорите, а не только можно, но и во всѣхъ отношеніяхъ предпочтительнѣе жить и работать въ глуши. Въ то время, какъ въ крупныхъ центрахъ все никакъ не могутъ разрѣшить проклятаго вопроса: «что дѣлать?» — въ глуши онъ разрѣшается самъ собою, потому что на каждомъ шагу предъ человѣкомъ выступаетъ тысяча дѣлъ, необходимость передѣлать которыя находится внѣ всякихъ сомнѣній, тысячи кровныхъ нуждъ, удовлетворить которыя настоятельно необходимо. Дѣла здѣсь безконечно много, а дѣлателей страшно мало, и каждый работникъ волей-неволей долженъ работать, не покладая рукъ, долженъ брать на себя дѣла несравненно больше, чѣмъ можетъ передѣлать, долженъ весь, полностью, со всѣми своими силами истратить себя на работу. Тутъ приходится ставить вопросъ не о томъ, что дѣлать, а о томъ, гдѣ взять людей для дѣла, о томъ, отчего это такъ мало работниковъ, берущихся за дѣло?

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи наши центры несутъ большую отвѣтственность предъ Россіей. Молодежь, которая учится въ этихъ центрахъ и которая должна бы подготавливаться для работы въ глуши на пользу массы населенія, совсѣмъ не получаетъ такой подготовки. Напротивъ, у нея развиваются такія привычки и склонности, которыя дѣлаютъ ее всего менѣе пригодною для подобной роли. Ежегодно въ каждый уголокъ Россіи прибываетъ бѣльшее или меньшее число молодыхъ людей, получившихъ то или иное образованіе и выступающихъ теперь въ качествѣ практическихъ дѣлателей. Сидя на школьной скамьѣ, большинство изъ нихъ мечтало о дѣятельности на пользу общества, о работѣ въ интересахъ народа. Но лишь только они окончили курсъ, всѣ ихъ заботы сосредоточиваются на полученіи «мѣста». Безъ мѣста, безъ опредѣленнаго жалованья они не могутъ и представить своей жизни. Ихъ ожидаютъ тысячи поприщъ, на которыхъ они

могли бы работать самостоятельно, независимо, за свой страхъ и счетъ, зная надъ собою только одно начальство — свою собственную совѣсть; но страхъ этой самостоятельности въ соединеніи съ запахомъ жалованья побуждаютъ оставить всякія мечты о независимомъ трудѣ и заставляютъ искать хоть какого-нибудь мѣстечка. Зачисляются въ кандидаты на судебныя должности съ содержаніемъ въ 25 рублей, поступаютъ въ писцы, а на мѣста съ болѣе солидными окладами являются десятки претендентовъ. Хоть какое-нибудь мѣсто, да лишь бы мѣсто, лишь бы опредѣленное жалованье! Все, что люди изучали, къ чему готовились, — все это бросается безъ всякаго сожалѣнія. Естественникъ дѣлается акцизнымъ надзирателемъ, агрономъ преподаетъ ариметику, врачъ занимаетъ мѣсто столоначальника въ казенной палатѣ. И затѣмъ начинается «жизнь», скучная, безотрадная жизнь! Юноша дѣлается членомъ мѣстнаго «общества», записывается въ члены клуба и начинаетъ жить, «какъ живутъ всѣ». Черезъ годъ, черезъ два изъ молодого, обѣщавшаго быть человѣкомъ юноши дѣлается типичный обыватель: онъ кое-какъ тянетъ служебную ямку, каждый день является въ клубъ, пьетъ съ прибаутками, картежничаетъ, играетъ на тромбонѣ въ «музыкальномъ кружкѣ», сплетничаетъ и скучаетъ, скучаетъ безъ конца, до тоски, до одурѣнія.

А между тѣмъ, рядомъ лежитъ возможность устроить свою жизнь совершенно иначе, возможность наполнить ее богатымъ содержаніемъ. Тысячи нуждъ зовутъ интеллигентнаго человѣка къ себѣ, сотни тысячъ людей ждуть его совѣта, указаній, помощи. А онъ предпочитаетъ сидѣть до 4 часовъ утра за карточнымъ столомъ.

Каждый годъ глухая провинція отправляетъ въ центры за образованіемъ тысячи молодыхъ людей, изъ которыхъ большая часть вышла изъ низшихъ слоевъ общества. Глухая сторона ждетъ многого отъ этихъ своихъ дѣтей; общественные низы съ любовью и надеждою слѣдятъ за своими дѣтьми, «пошедшими въ гору». И вся эта ежегодно отрывающаяся отъ груди глухой стороны молодежь обманываетъ возлагаемая на нее надежды и ожиданія: она или совсѣмъ не возвращается въ глухую сторону, или возвращается въ видѣ чиновниковъ, сухихъ бюрократовъ, которымъ нѣтъ никакого дѣла до нуждъ и горестей глухой стороны, которые сплошь и рядомъ даже стыдятся того, что они вышли изъ низшихъ общественныхъ слоевъ. И это повторяется изъ года въ годъ. Центры высасываютъ лучшіе соки изъ глухой провинціи и взамѣнъ высылаютъ въ нее такіе свои

продукты, которыхъ глухая сторона всего менѣе желала и ждала получить...

Къ счастью, въ этой безотраднѣ картинѣ проглядываетъ и кое-что свѣтлое. Все чаще и чаще дѣти глухой стороны начинаютъ возвращаться въ нее не для того, чтобы скучать въ ней и мечтать объ освѣженіи, при посредствѣ петербургскихъ ресторановъ и кафе-шантановъ, а для того, чтобы работать для этой глухой стороны, чтобы отдать всѣ силы на служеніе ей. Все чаще и чаще среди нашей молодежи, выступающей въ жизнь, сохраняется и за предѣлами школы сознание обязательности уплатить долгъ глухой сторонѣ, вскормившей эту молодежь и давшей ей возможность получить образованіе. Немного, правда, еще такихъ людей въ нашей глухой провинціи, но они есть, и ихъ больше, нежели обыкновенно думаютъ. Первые представители этого типа, первые пионеры уже проложили дорогу, и первый, самый тяжелый періодъ водворенія въ провинціи людей, которые не ищутъ «мѣсть» и жалованій, а желаютъ лишь работать для блага массы, уже миновалъ... Но обо всемъ этомъ до слѣдующаго письма, которое будетъ уже подлиннымъ «письмомъ изъ провинціи».

Я. Абрамовъ.

С.-Петербургъ. 12-го сентября.

II.

Изъ Чернигова.

Послѣдніе годы въ жизни Черниговскаго губернскаго земства характеризуются усиленнымъ вниманіемъ къ дѣлу народнаго образованія. Не смотря на всѣ неудачи и совершенно непредвидѣнные препятствія—надо сказать, что губернское земство все таки многое сдѣлало въ эти годы для правильной постановки труднаго дѣла низшаго народнаго образованія. Намъ кажется, будетъ небезынтересно познакомиться съ тѣмъ, что дѣлаетъ земство, а также съ какими препятствіями приходилось ему главнымъ образомъ считаться. Мы остановимся на самомъ главномъ.

Прежде всего надо отмѣтить педагогическіе курсы, устроенные лѣтомъ 1894-го года подъ руководствомъ извѣстнаго педагога Д. И. Тихомирова въ Черниговѣ. Курсы эти, по общему признанію, были весьма продуктивны. Интересующихся ими подробнѣе отсылаемъ къ интересному отчету, изданному губернской управой: «Отчетъ о педагогическихъ курсахъ 1894 г.» (Черниговъ 1895 г.). Помимо прямыхъ результатовъ, достигнутыхъ курсами

въ чисто педагогическомъ отношеніи, — они важны еще и возбужденіемъ цѣлаго ряда вопросовъ, имѣющихъ важное значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія. На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ поставить вопросъ о возбужденіи ходатайства передъ правительствомъ объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній лицъ, окончившихъ школу. Уѣздныя земства отнеслись сочувственно къ этому вопросу, и губернское земство въ сессію 1894-го года возбудило такое ходатайство.

Губернское земство рассчитывало и въ слѣдующихъ годахъ продолжать устройство педагогическихъ курсовъ для учителей другихъ уѣздовъ, при чемъ самымъ удобнымъ пунктомъ для нихъ считало Черниговъ. Между тѣмъ, въ настоящемъ, 1895 г. попечитель кievскаго округа не разрѣшилъ устройства курсовъ въ Черниговѣ, предлагая каждому уѣздному земству открыть курсы въ своемъ городѣ. Но это, какъ выяснилось, сопряжено съ большими неудобствами, и въ настоящемъ году курсы нигдѣ не состоялись.

Въ сессію 1894-го года губернское земство, въ ознаменованіе событія бракосочетанія Государя Императора, — постановило ассигновать изъ суммъ губ. земскаго сбора 60,000 р. на устройство сельскихъ библиотекъ и вносить для этого въ смѣту по 15,000 р. въ теченіе 4-хъ лѣтъ, начиная съ настоящаго, 1895 г.

Въ ту же сессію губернскому собранію былъ представленъ обстоятельный докладъ управы о необходимости открытія въ Черниговѣ земскаго книжнаго склада. Собраніе приняло докладъ и 1-го Августа, въ Черниговѣ, уже открылъ свои операциі земскій книжный складъ. По проекту губернской управы, принятому земскимъ собраніемъ, въ функціи склада должна была, между прочимъ, входить торговля книгами на ярмаркахъ и храмовыхъ праздникахъ. Въ началѣ Сентября губернской управой была сдѣлана попытка осуществить эту задачу склада: предполагалось торговать книгами во время храмового праздника въ подгородномъ селѣ (8-го Сентября) и на ярмаркѣ въ Черниговѣ (14-го Сент.); но г. черниговскій губернаторъ не нашелъ возможнымъ дать на это разрѣшеніе.

Крупный вопросъ поднятъ губернскимъ гласнымъ Шрагомъ, — именно: о допущеніи преподаванія въ народныхъ школахъ на мѣстномъ народномъ языкѣ. По этому вопросу имъ представленъ обстоятельный докладъ, предлагающій ходатайствовать: 1) о допущеніи мѣстнаго народнаго языка въ школьное преподаваніе; 2) о разрѣшеніи изданія учебниковъ и книгъ на народномъ языкѣ и 3) о допущеніи такихъ книгъ въ школьныя библиотеки. Губернская управа, разсмотрѣвъ докладъ, предлагаетъ собранію хода-

тайствовать о допущеніи мѣстнаго народнаго языка въ школьное преподаваніе, какъ о вспомогательномъ средствѣ для изученія литературнаго языка. При этомъ управа отмѣтила тотъ фактъ, что по отчету библейскаго общества за 1889 годъ, Св. Писаніе распространено въ Россійской Имперіи на 70 языкахъ и нарѣчіяхъ, и что его нѣтъ только на малорусскомъ языкѣ. Во избѣжаніе же недоразумѣній, управа заявляетъ, что она, какъ и гласный Шрагъ, желаетъ вполне сохранить за народною школою ея главную цѣль—обученіе русскому народному языку. Земскимъ собраніемъ вопросъ этотъ еще не разсматривался.

Въ Черниговскомъ земствѣ возникъ вопросъ о совмѣстномъ съ духовнымъ вѣдомствомъ открытіи народныхъ школъ. Представляя собранію свою переписку по этому предмету, губернская управа заявляла, что, по дошедшимъ до нея слухамъ, цѣлому ряду уѣздныхъ земствъ Черниговской губ. въ сессію 1894 г. пришлось имѣть дѣло съ предположеніями духовнаго вѣдомства относительно роли земствъ по отношенію къ церковнымъ школамъ. Рѣшенія земскихъ собраній, приостанавливаемыя губернаторомъ, до губернской управы не доходили. Извѣстнымъ сдѣлалось только слѣдующее постановленіе Кролевецкаго собранія.

«По ходатайству общества с. Псаровки, Кролевецкое уѣздное земское собраніе еще въ 1893 году согласилось открыть въ селѣ Псаровкѣ народное училище. Послѣ того Черниговскій епарх. училищн. совѣтъ, 6-го Іюня 1894 г., за № 460, увѣдомилъ земскую управу, что предсѣдатель Кролевецкаго отдѣленія Черниговскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, священникъ Григорій Имшенецкій, 16 Мая донесъ совѣту, что существовавшая въ селѣ Псаровкѣ церковная школа закрылась, вслѣдствіе открытія тамъ въ 1894 г. земской школы, куда перешли всѣ 24 ученика ея.

Принявъ во вниманіе циркуляръ министра народнаго просвѣщенія отъ 14 Августа 1894 г., за № 11299, коимъ требуется, чтобы мѣстныя начальства вѣдомства мин. народ. просвѣщ., предварительно разрѣшенія на открытіе народныхъ училищъ въ мѣстностяхъ, гдѣ уже учреждена церковно-приходская школа, каждый разъ входили о семъ въ сношенія съ мѣстными преосвященными, Черниговскій Епархіальный Училищный Совѣтъ, по докладѣ сего Преосвященнѣйшему Антонію, епископу Черниговскому и Нѣжинскому, отъ имени Владыки сообщилъ управѣ, что земская школа въ с. Псаровкѣ можетъ существовать только, какъ школа для дѣвочекъ, дабы не дѣлала подрыва существующей тамъ церковной школѣ, при чемъ выяснилъ земству, что если, по его усмотрѣнію, та или иная церковная школа не удовлетворяетъ почему-либо потребностямъ мѣстнаго населенія, то для возможнаго и жела-

тельнаго единокудія его и духовнаго вѣдомства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, оно имѣетъ возможность принимать участіе въ содержаніи сихъ школъ, назначая имъ опредѣленное денежное пособіе, каковое употребляется на тотъ или иной предметъ по опредѣленію епархіальнаго училищнаго совѣта. Уѣздное собраніе выдаетъ, въ видѣ опыта, въ распоряженіе епархіальнаго совѣта по 150 р. въ годъ и этимъ выражаетъ сочувствіе къ школамъ духовнаго вѣдомства и не предполагаетъ дѣлать имъ подрыва; если-же въ с. Псаровкѣ, какъ сообщаетъ училищный совѣтъ, всѣ мальчики перешли въ земское училище, то этимъ выражается лишь предпочтеніе съ ихъ стороны послѣдняго. Такъ какъ, кромѣ этого, не изъявлено епархіальнымъ начальствомъ согласія на открытіе училища въ селѣ Падаловѣ Кролевецкаго уѣзда, и такіе же случаи были въ другихъ мѣстахъ, напр., въ селахъ Количевкѣ и Ключковѣ Черниговскаго уѣзда, и такъ какъ въ с. Псаровкѣ никогда не существовало церковно-приходской школы, а числилась только школа грамоты, которая не можетъ служить препятствіемъ къ открытію народнаго училища вѣдомства мин. народ. просвѣщ.,—то уѣздное собраніе, по журналу 10-го Октября 1894 г. п. 6, постановило: поручить управѣ: 1) просить благословенія Его Преосвященства на продолженіе существованія въ с. Псаровкѣ народнаго училища, такъ какъ въ с. Псаровкѣ церковно-приходской школы не существовало, а, слѣдовательно, и подрыва ей не могло быть; 2) по обстоятельствамъ, изложеннымъ въ докладѣ управы, ходатайствовать чрезъ губ. собраніе, въ интересахъ нуждъ земства въ дѣлѣ народнаго образованія, чтобы существованіе церковныхъ школъ не служило препятствіемъ къ открытію народныхъ школъ».

Изложенные факты привели губ. управу къ печальному убѣжденію въ томъ, что мѣстное епархіальное начальство иногда склонно игнорировать не отмѣненные никакими узаконеніями права земства въ такомъ важномъ для земства дѣлѣ, какъ содѣйствіе народной грамотѣ. Казалось-бы, что одновременное существованіе въ одномъ селеніи двухъ школъ будетъ только полезно, вызывая устроителей школъ на благородное соревнованіе. Между тѣмъ земскую школу стараются закрыть, чтобы она не наносила вреда церковной. Что отношеніе земства къ церковной школѣ совсѣмъ иное—управа доказываетъ цифрами добровольныхъ ассигновокъ земства на церковно-приходскую школу въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ. Изъ нея видно, что ассигновки эти съ 795 р. въ 1889 году возрасли до 4.345 р. въ 1894-омъ.

Комиссія губ. земства по народному образованію нашла необходимымъ поддержать ходатайство Кролевецкаго уѣзднаго зем. собранія и представить правительству, отъ имени губ. зем. со-

бранія, ходатайство о томъ, чтобы существованіе церковно-приходскихъ школъ не служило препятствіемъ къ открытію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ учреждены приходскія школы, земскихъ народныхъ училищъ ¹⁾.

Серьезное вниманіе обращено губ. земствомъ и на вопросы о недостаточности каталоговъ сельскихъ библіотекъ, о спеціальномъ школьномъ надзорѣ, о вечернихъ или воскресныхъ занятіяхъ со взрослыми и др. Въ сессію 1894-го года ассигновано 100 р. на пособіе Московскому комитету грамотности на устройство отдѣла народнаго образованія на московской выставкѣ.

По вопросу о мѣрахъ къ улучшенію матерьяльнаго положенія народныхъ учителей надо отмѣтить учрежденіе общества взаимнаго вспоможенія. Учрежденіе общества встрѣтило сочувствіе и въ лицѣ губернатора, по почину котораго въ пользу общества была открыта подписка.

Губ. земство питаетъ надежду на то, что «въ самой важной области своей дѣятельности—въ дѣлѣ народнаго образованія — оно будетъ освобождено отъ цѣлаго ряда неблагоприятныхъ условій, стѣсняющихъ эту дѣятельность».

III.

Изъ Кіевской губерніи.

Въ настоящее время у насъ много говорятъ о дипломатическихъ ухищреніяхъ здѣшнихъ сахарозаводчиковъ, которые, несомнѣнно, займутъ должное мѣсто въ исторіи, въ томъ смыслѣ, что въ эпоху, переживаемую нами, никто лучше нихъ не умѣетъ обдѣлывать свои дѣла, облакая свои вождедѣнія ореоломъ «общегосударственной пользы» и побѣдоносно доказывая, что ихъ стачка не есть стачка, а благодѣтельный для страны «синдикатъ». Живя здѣсь, рядомъ съ свекловичными плантаціями, слушая горькія жалобы и плантаторовъ, и пришлыхъ рабочихъ, и мѣстныхъ крестьянъ, невольно спрашиваешь себя: гдѣ-же то благо, которое сулятъ здѣшнему краю господа сахарозаводчики, и не только сулятъ, но и говорятъ, что оно, будто бы, уже тутъ, на мѣстѣ, и что его вкушаетъ весь край... Мнѣ пришлось неоднократно ѣздить по плантаціямъ и заводамъ, сахарнымъ и рафинаднымъ. Пришлось побывать и въ имѣніяхъ сахарозаводчиковъ, пришлось кое-что узнать и объ отношеніи населенія къ этимъ послѣднимъ. Врядъ ли у кого изъ нихъ я видѣлъ такія обостренныя отно-

¹⁾ Собраніе постановило такое ходатайство возбудить.

шенія съ крестьянами малороссами, какъ у малоросса-же, известнаго Терещенки. Чтобы обезопасить свои жатвы и посѣвы, онъ страхуетъ ихъ. Земельныя владѣнія этого господина все расширяются. Мнѣ рассказывали о баснословно дешевыхъ приобрѣтеніяхъ имъ цѣлыхъ помѣстій, при чемъ пара воловъ приходилась по пропорціональной расцѣнкѣ чуть ли за нѣсколько копѣекъ ($7\frac{1}{2}$)... Неладно обстоятъ дѣла и въ другихъ мѣстахъ. Въ двухъ верстахъ отъ с. Ротмистровки было недоразумѣніе между крестьянами и управляющимъ одного имѣнія. На этотъ разъ дѣло возникло изъ-за потравы. Потравы — явленіе очень у насъ распространенное, такъ какъ жалобы на малоземелье всеобщы. Въ какомъ бы имѣніи или деревнѣ мнѣ ни пришлось побывать и побесѣдовать съ крестьянами, — только и слышишь отъ нихъ, что скотъ выгонять некуда. Въ иныхъ мѣстахъ, будучи доведены до отчаянія, они собирались душъ по сту и гнали скотъ прямо на владѣльческія поля. Не трудно предвидѣть, чѣмъ все это кончалось. Замѣчательно при этомъ, что малороссійскіе крестьяне, вообще мало склонные къ дѣйствіямъ «сообща» и почти чуждые духу общинности, въ такихъ случаяхъ проявляютъ единодушіе въ показаніяхъ, вслѣдствіе чего въ настоящее время стражникъ, имѣющій бляху, имѣетъ право быть свидѣтелемъ противъ крестьянъ на судѣ даже въ томъ случаѣ, если онъ представляетъ изъ себя свидѣтеля единственнаго. Случаи недоразумѣній къ сожалѣнію, здѣсь не рѣдки. Мнѣ приходилось слышать отъ мѣстныхъ жителей, что особенно часты эти случаи у тѣхъ помѣщиковъ, которые отказываются давать крестьянамъ въ аренду землю. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и положеніе помѣщиковъ отличалось здѣсь благополучіемъ. Во всякомъ случаѣ, не смотря на всякіе кредиты и иного рода подсобленія, процвѣтающихъ среди нихъ мало. Про разорившихся помѣщиковъ крестьяне говорятъ: «этотъ скоро у Терещенки будетъ!» Съ земельными операціями Терещенко дѣлаетъ дѣла не менѣе выгодныя, чѣмъ съ сахаромъ, который не ему одному далъ или даетъ на это средства. Мнѣ рассказывали, что онъ купилъ одно громадное имѣніе за 2.200,000 р., а одинъ лѣсъ въ этомъ имѣніи продалъ за три милліона, остальное же, въ томъ числѣ какой-то заводъ, досталось ему даромъ. Не трудно понять, какъ отражаются такого рода гешефты и вообще сосредоточіе земель и капиталовъ въ однихъ рукахъ — на благосостояніи края. Недавно сахарозаводчики издали брошюрку: «Синдикатъ сахарозаводчиковъ и его общественное значеніе». Брошюра эта должна служить для популяризаціи и распространенія той сахарозаводческой истины, что сахарозаводчики — спасители отечества вообще и мужика въ особенности. На стр. 32 читаемъ

слѣдующее перечисленіе всякихъ благъ, изливаемыхъ ими на населеніе: «*Окрестное населеніе на каждомъ пудѣ производимаго сахара зарабатываетъ свыше 1 рубля однимъ личнымъ трудомъ (работой около свекловицы, работой на самомъ заводѣ, доставкой дровъ и матеріаловъ на самый заводъ и производимыхъ продуктовъ отъ завода на станцію и т. д.), то есть производимые ежегодно 5 лишнихъ милліоновъ пудовъ доставляютъ окрестному населенію заработка свыше 5 милліоновъ рублей, не отвлекающая его отъ обычнаго земледѣльческаго занятія*». Курсивъ принадлежитъ брошюрѣ. Съ такимъ же подчеркиваніемъ говорится дальше: «*Если лишить крестьянина этого заработка, то онъ нигдѣ не найдетъ въ то же самое время другого, который бы замѣнилъ первый, а останется ни при чемъ*». Къ сожалѣнію, личныя наблюденія не подтверждаютъ вышеприведенныхъ подчеркнутыхъ словъ. На дѣлѣ оказывается, что не одно окрестное населеніе работаетъ на рафинадныхъ и сахарныхъ заводахъ, — половина или почти половина рабочихъ здѣсь *пришлыхъ*; что если десяткамъ мужиковъ приходится «личнымъ трудомъ» зарабатывать и *раздѣлять между собою* одинъ рубль заработной платы, приходящейся на пудъ сахара, то какой-нибудь заводчикъ, вродѣ Зайцева, зарабатываетъ и безъ личнаго труда самъ-другъ на одномъ Черкасскомъ рафинадномъ заводѣ не менѣе полумилліона, а то и больше (до 800 т.) ежегодно. Откуда же берется эта скромная «добавочная стоимость»? Смѣшно сказать, кіевскіе заводы существуютъ бѣлорусскими и смоленскими рабочими, которыхъ нанимаютъ при помощи всѣмъ извѣстной системы «задатковъ»; эти пришлые работаютъ рядомъ съ мѣстными сплошь и рядомъ по *меньшей цѣнѣ*, чѣмъ эти послѣдніе. Нечего и говорить, что такая система приглашенія рабочихъ изъ другихъ губерній ведетъ къ *пониженію* платы и мѣстнымъ, другими словами, заводы сахарные не даютъ 5 милліоновъ заработка «окрестному» населенію. Что же касается до того, что они не отвлекаютъ будто бы рабочихъ отъ обычныхъ земледѣльческихъ занятій, то нужно имѣть очень мало застѣнчивости, чтобы писать такого рода фразу, къ тому же подчеркивая ее. Ужъ если бы работа на заводахъ дѣйствительно являлась благомъ для рабочихъ, то нечего и говорить, они съ этихъ заводовъ не уходили бы, иной разъ массами, — и не нарушали бы договоровъ, за что, кстати сказать, по новому фабричному закону, вчинять иски долженъ противъ рабочихъ никто иной, какъ фабричный инспекторъ: никакая другая мѣра столько не способствуетъ установленію дурныхъ отношеній между инспекторомъ и рабочими, какъ эта. А нарушенія договоровъ случаются каждый день: пропавшіе задатки — постоянная и обычная статья рас-

*

ходовъ у заводчиковъ. Лишь только рабочему предоставляется случай вмѣсто рубля заработать 1 р. 10 к. или полтора, онъ тотчасъ же нарушаетъ договоръ. А система задатковъ этому благоприятствуетъ. Въ томъ-то и дѣло, что и сахарные заводы, какъ и другіе, способствуютъ *уменьшенію заработка рабочаго*. Другіе заводчики и фабриканты, по крайней мѣрѣ, скромнѣе. Что касается «до недостатка другихъ заработковъ» для рабочихъ, то это обстоятельство сахарозаводчикамъ только выгодно. Сахарные заводы не отрывали бы рабочихъ отъ ихъ обычнаго земледѣльческаго заработка лишь въ томъ случаѣ, если бы дѣйствительно подумали о томъ, какъ бы сократить рабочіе часы, не уменьшая при этомъ заработка. Г. М. Ивановъ въ «Недѣлѣ» (№ 31) справедливо указалъ, что ни на однихъ заводахъ введеніе восьмичасоваго рабочаго дня не представляетъ такихъ удобствъ, какъ на заводахъ сахарныхъ. Отработавъ 8 часовъ на заводѣ, рабочіе нашли бы время поработать и на себя: въ страду, да и въ другое время они работаютъ въ сутки 16—19 часовъ... Наши сахарозаводчики, получая добрые дивиденды, оградившись нормировками и синдикатами, съ какой точки зрѣнія ни взгляни, — должны бы были подумать и о рабочихъ. Не говоря уже о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, они не заботятся даже о заведеніи школъ. Такъ, наприм., въ Черкасахъ, на громадномъ рафинадномъ заводѣ Зайцевыхъ школы нѣтъ, библіотеки нѣтъ, чтеній не ведется, — выкидывается лишь какая-то небольшая подачка параллельному отдѣленію городского училища. Намъ рассказывали, что мало думаетъ объ образованіи рабочихъ и администрація Браницкихъ, — есть такіе заводы въ ея вѣдѣніи, гдѣ не имѣется даже школъ грамоты. Возвращаясь къ длинѣ рабочаго дня, укажемъ, что Добрушская фабрика кн. Паскевича, по инициативѣ инженеръ-технолога Стульгинскаго, очевиднѣйшимъ образомъ доказала возможность введенія восьмичасоваго рабочаго дня даже въ такомъ сложномъ производствѣ, какъ писчебумажное. Реформа эта потребовала здѣсь увеличенія расхода на жалованье рабочимъ едва лишь на 1% (300 р.) *въ годъ* болѣе той суммы, какая затрачивалась на это раньше ¹⁾. Въ своей брошюрѣ г. Стульгинскій подробно рассказываетъ, почему его симпатичное нововведеніе не вызвало возраженій со стороны владѣльцевъ добрушской фабрики: оно оказалось для нихъ выгоднымъ. Оно оказалось дѣломъ не филантропическимъ, а, по нѣкоторымъ достигнутымъ результатамъ, — даже дѣломъ коммерческимъ. Введе-

¹⁾ Мы пользуемся брошюрой, изданной г. Стульгинскимъ и содержащей весьма поучительныя выкладки, заслуживающія всеобщаго вниманія.

ніе трехъ смѣнъ восьмичасовыхъ вмѣсто 2 смѣнъ 12-часовыхъ потребовало увеличенія рабочихъ не въ полтора раза, какъ это можно было предполагать, а всего лишь на 15 человекъ (съ 178 на 193 чел.). При этомъ пришлось добавлять не специалистовъ, стоящихъ относительно дорого, около 70 к. въ день, а просто чернорабочихъ безъ всякой подготовки (такихъ же на сахарныхъ заводахъ *огромнѣйшее большинство*). Объясняется это тѣмъ, что при восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, благодаря увеличившейся интенсивности труда рабочихъ и напряженности вниманія ихъ къ работѣ, оказалось возможнымъ, безъ всякаго ущерба для дѣла, значительно сократить составъ каждой смѣны, распредѣливъ рабочихъ специалистовъ на три смѣны и добавивъ къ нимъ подручныхъ. На уменьшеніе расхода по введенію 8-часового рабочаго дня оказало также вліяніе новое распредѣленіе воскресной работы, которая считается въ 1½ раза дороже будничной и которая была перенесена на будни. Въ техническомъ отношеніи качество работы *повысилось*. На рабочихъ реформа отразилась превосходно. «Рабочіе,—говоритъ г. Стульгинскій,—выглядятъ теперь уже много свѣжѣе. Пренная вялость, особенно у рабочихъ, стоящихъ при бумажныхъ машинахъ, исчезла безслѣдно; рабочіе, владѣющіе участками земли, уже не обрабатывали ихъ гѣтомъ 1894 года наемною силою, а *воздѣлывали сами*. У безземельныхъ же рабочихъ появилось стремленіе обзаводиться землею».

Г. Стульчинскій далъ прекрасный примѣръ нашимъ заводчикамъ, какъ и съ какой стороны оказывать помощь рабочимъ и вообще вносить свою долю въ общее благо.

И. И.

ИЗЪ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ.

Раскольничьи браки.

Недавно въ Москвѣ разбирался любопытный процессъ крестьянки-раскольницы, обратившейся въ судъ съ искомъ о признаніи законности ея брака съ крестьяниномъ-раскольникомъ. Совмѣстная жизнь истицы съ искомымъ ею супругомъ началась пятнадцать лѣтъ тому назадъ, и во все продолженіе этого времени носила черты законнаго семейнаго союза; бракъ между ними былъ совершенъ «съ родительскаго благословенія» и по обряду того толка, къ которому они оба принадлежали; въ посемейномъ списокѣ она—истица—показана законной женой крестьянина имярекъ, а рожденныя ею дѣти—его законными дѣтьми. Была упущена только одна, впрочемъ, весьма существенная, формальность, требуемая закономъ: бракъ не былъ записанъ въ установленномъ порядкѣ въ метрическую книгу при полицейскомъ управленіи. По буквѣ закона—черезъ такую зались браки раскольниковъ *узаконяются въ гражданскомъ отношеніи*. Эта буква была истолкована судомъ въ томъ смыслѣ, что полицейская регистрація есть не способъ удостовѣренія факта (брака), а способъ совершенія брачнаго союза и, притомъ, способъ исключительный, не допускающій замѣны какимъ либо другимъ актомъ, церковнымъ или гражданскимъ: отсутствіе полицейской регистраціи лишаетъ бракъ юридическаго значенія, превращаетъ законное супружество въ «любодѣйное сопряженіе» (таково было официальное прежнее наименованіе для раскольничьихъ браковъ), законную жену въ наложницу, законныхъ дѣтей въ безправныхъ «питомцевъ», лишенныхъ семьи и наслѣдства. Не трудно понять, какъ отражаются подобныя рѣшенія на участи заинтересованныхъ лицъ, какія глубокія потрясенія вносятся этимъ путемъ въ ихъ жизнь.

Въ основѣ нашего брачнаго права лежитъ то начало, что бракъ есть религиозный институтъ, что законное супружество соз-

дается черезъ религіозное освященіе союза по вѣроученію вступающихъ въ бракъ лицъ. Рѣзкимъ противорѣчіемъ этому коренному принципу представляется отношеніе нашего законодательства къ бракамъ раскольниковъ: только здѣсь церковный обрядъ признается безсильнымъ произвести тѣ послѣдствія, которыя законъ соединяетъ съ бракосочетаніемъ по обрядамъ другихъ вѣроисповѣданій, христіанскихъ и нехристіанскихъ. Въ правилахъ 1874 года, изданныхъ съ цѣлью создать для многомилліонной раскольниковъ массы устойчивое семейное положеніе, усматривается, обыкновенно, полная и рѣшительная секуляризація раскольниковъ брака. Взглядъ этотъ господствуетъ въ судебной практикѣ, и опорой ему служить одно изъ упомянутыхъ выше правилъ, въ которомъ говорится: «браки раскольниковъ пріобрѣтаютъ въ гражданскомъ отношеніи, чрезъ записаніе ихъ въ установленныя для сего особыя метрическія книги, силу и послѣдствія законныхъ браковъ». Между тѣмъ, въ прошломъ году, уголовный кассаціонный департаментъ сената по поводу одного дѣла высказался иначе относительно значенія церковнаго бракосочетанія у раскольниковъ. Дѣло это разсматривалось также въ Москвѣ, только не въ гражданскомъ, а въ уголовномъ отдѣленіи суда (московской судебной палаты): судился мѣщанинъ Василій Парфеновъ по обвиненію въ двоеженствѣ. Парфеновъ въ 1883 году вступилъ въ бракъ съ Капитолиной Сукощицкой по раскольничьему безпоповщинскому обряду; бракъ былъ записанъ въ надлежащую метрическую книгу. Но въ 1892 году Парфеновъ принялъ православіе и вступилъ въ новый бракъ съ православною, обвинявшись съ нею въ Москвѣ, въ церкви исправительной тюрьмы. Судъ призналъ Парфенова виновнымъ въ двоеженствѣ и приговорилъ его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе, а также къ церковному покаянію. Подсудимый подалъ жалобу въ сенатъ, оспаривая правильность судебного приговора. Онъ ссылаясь въ жалобѣ на то, что примѣненная къ нему статья уголовного уложенія (2 ч. ст. 1554 улож. о нак.) предусматриваетъ вступленіе во второй бракъ при существованіи другого брака, освященнаго по обрядамъ христіанской церкви. Строгость наказанія въ этомъ случаѣ обуславливается нарушеніемъ брака, освященнаго церковью и признаваемого по ученію церкви таинствомъ. Важное значеніе религіознаго элемента брака видно изъ того, что законъ караетъ различно двоеженство у христіанъ и нехристіанъ. Несправедливо поэтому и несогласно съ духомъ закона подвергать одинаковому наказанію, какъ за нарушеніе религіознаго таинства, нарушеніе брака раскольниковъ, совершаемаго посредствомъ записи въ

полицейскія книги. Законъ 19 апрѣля 1874 г. о бракахъ раскольниковъ, урегулировавшій гражданскія семейныя отношенія послѣднихъ, не имѣлъ, конечно, въ виду уравнивать религіозное значеніе раскольниковьяго брака съ бракомъ, освященнымъ церковью.

Сенатъ, однако, не согласился съ этими соображеніями. «Запись въ метрическія книги брака раскольниковъ,—говорится въ сенатскомъ рѣшеніи,—вовсе не является актомъ, знаменующимъ самое совершеніе сего союза; она составляетъ лишь регистрацію существующаго согласія двухъ лицъ на соединеніе для супружескаго сожитія—завершаетъ совершившееся между раскольниками по обрядамъ ихъ вѣроученія брачное сопряженіе и является, слѣдовательно, только способомъ для установленія законности сего союза. Такая запись въ метрическія книги не должна быть принимаема за основаніе и существо союза между мужемъ и женою, но составляетъ лишь *единственный способъ доказыванія законности* раскольниковьяго брака и истекающихъ отъ сего послѣдствій. Ни по формѣ своей, ни по сущности ея содержанія запись въ метрическія книги раскольниковыхъ браковъ не можетъ быть приравниваема или уподобляема тѣмъ *гражданскимъ бракамъ*, которые допускаются законодательствомъ Западной Европы и служатъ тамъ основаніемъ брачнаго союза, такъ какъ такой формы брака для русскихъ подданныхъ нашъ законъ не допускаетъ».

Судьба раскольниковьяго брака попрежнему остается въ положеніи неопредѣленномъ и запутанномъ, лишенномъ устойчивости. Когда рѣчь идетъ о «гражданскихъ отъ сего послѣдствіяхъ», раскольниковій обрядъ совершенія брака ставится ни во что, и вся бракопроизводящая сила приписывается полицейской регистраціи; а если дѣло касается послѣдствій уголовнаго правонарушенія—раскольниковій обрядъ приравняется церковному таинству. Что же такое, въ концѣ концовъ, представляетъ собою этотъ обрядъ? Имѣетъ ли онъ какое-нибудь юридическое значеніе или никакого? Если признать, вмѣстѣ съ сенатомъ, что не метрическая запись составляетъ «основаніе и существо союза между мужемъ и женою», то такое «основаніе и существо» слѣдуетъ искать въ религіозномъ обрядѣ, предшествующемъ записи. Но въ такомъ случаѣ нужно признать чрезмѣрно формальнымъ толкованіе сената, что полицейская регистрація есть *единственный способъ* доказать наличность этого основанія. И для браковъ лицъ прочихъ вѣроисповѣданій установлена запись въ метрическія книги—съ тѣмъ только отличіемъ отъ порядка, существующаго для раскольниковъ, что веденіе метрическихъ книгъ передано въ руки духовной, а не по-

лицейской власти; тѣмъ не менѣе, для православныхъ, лютеранъ, евреевъ, магометанъ и проч., отсутствіе метрической записи брака не лишаетъ его законной силы—метрическая запись для всѣхъ, кромѣ раскольниковъ, служитъ *преимущественнымъ*, но не *единственнымъ* способомъ доказательства факта брака, и если этого доказательства почему либо нѣтъ, взаимнѣе его разрѣшается представлять всякія другія, не исключая и свидѣтельскихъ показаній. Не говоря уже о возможности ошибки или искаженія въ полицейской записи раскольниковьяго брака или о возможности пропажи или истребленія самыхъ метрическихъ книгъ (напр., отъ пожара), не слѣдуетъ упускать изъ виду тотъ несомнѣнный фактъ, что случаи неисполненія закона 1874 г. о заявленіи состоявшагося бракосочетанія въ полицію встрѣчаются среди раскольниковъ сплошь и рядомъ, и что на первыхъ порахъ дѣйствія закона число такихъ случаевъ было особенно значительно. Высшіе, богатые классы раскола, живущіе въ городахъ, гдѣ находятся полицейскія управленія, болѣе или менѣе аккуратно исполняютъ формальность полицейской регистраціи брака; но въ крестьянской массѣ раскольниковъ, въ глуши отдаленныхъ деревень, нерѣдко и теперь, какъ и прежде, до изданія закона 1874 г., браки устраиваются и вѣнчаются на основаніи раскольниковьяго обычая и обряда, безъ всякаго участія полицейскаго управленія. Причина этого неохотнаго и тугого обращенія раскольниковьяго общества къ предложенной имъ государственной помощи, въ дѣлѣ устройства своихъ семейныхъ отношеній, лежитъ въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ самого закона 1874 года, связывающихъ его преемственной нитью съ предшествовавшей нашей политикой относительно раскола вообще и брачнаго права у раскольниковъ въ частности. До изданія этого закона, семейное положеніе раскольниковъ было до-нельзя неопредѣленное, запутанное и ненормальное; законъ 1874 года въ глазахъ и правительства, и общества казался радикальной мѣрой, предназначенной разрубить этотъ гордіевъ узелъ, — но бюрократическая рутина взяла свое, и въ новый законъ, который долженъ былъ знаменовать рѣзкій поворотъ отъ прежней конфессіональной политики по отношенію къ раскольниковьяго семьѣ, она внесла, — быть можетъ, сама того не сознавая, — кое-какія черты стараго порядка... Чтобы понять, какимъ образомъ путаница, возникающая нерѣдко теперь въ семейныхъ отношеніяхъ между раскольниками, является отраженіемъ той, не въ примѣръ болѣе, путаницы, которая полно-властно царяла прежде, намъ придется сдѣлать бѣглую экскурсію въ исторію—бытовую и юридическую—раскольниковьяго брака. Если не для всѣхъ, то для большой публики—это малоизвѣстный, почти

тайственный уголокъ; долгое время самыя правительственныя распоряженія, касавшіяся раскола, даже не публиковались и составляли тщательно оберегаемую канцелярскую тайну.

Едва только расколъ, вслѣдствіе гоненій, воздвигнутыхъ на него отъ «внѣшнихъ», замкнулся въ себя и зажилъ своей особенной, внутренней жизнью, «бракоборство» сдѣлалось однимъ изъ главнѣйшихъ догматовъ его практическаго кодекса, а живое воплощеніе бракоборства—монастырь сталъ душою и центромъ раскольниковьяго движенія. Столь оригинальное явленіе, какъ отрицаніе брака не кучкою фанатиковъ и аскетовъ, а цѣлою народною массою, вызвано совокупнымъ дѣйствіемъ многихъ религіозныхъ и соціальныхъ условій. На первыхъ порахъ своей жизни расколъ не имѣлъ опредѣленной системы своего ученія; изъ безотчетнаго чувства привязанности къ старинѣ и буквѣ онъ возставалъ противъ «новшествъ», введенныхъ въ церковный обиходъ Никономъ, но въ прочность этихъ нововведеній онъ не вѣрилъ. Долгое время расколъ дѣлалъ надежду, что голосъ страстнаго обличенія противъ самовольной «Никонской прелести» отзовется въ сердцѣ царя, который воротитъ все на прежній ладъ—надо только наговорить ему побольше страховъ. Первые расколуучители не скупаются поэтому на краски, чтобы представить въ устрашающемъ свѣтѣ тогдашнюю церковную реформу, и всякое измѣненіе въ какой-нибудь буквѣ или запятой церковно-служебныхъ книгъ осуждается ими, какъ величайшая ересь и искаженіе православія. «Въ Символѣ вѣры, Государь,—писалъ Авраамій,—букву азъ выняли, помогаючи Арію еретику, и глаголють: рожденна, несотворенна, а подобаетъ глаголати: рожденна, а несотворенна... И симъ отгятіемъ ископа ровъ прелести». «Зри, Государь,—писалъ царю Савватій,—Сына Божія съ Отцомъ по Савеліеву совокупу смазываютъ во едино лицо, во многихъ мѣстахъ печатають безъ союзнаго слова и безъ *запятая* слитно». Словомъ, нѣтъ той исторической ереси, въ которой не оказывалась бы, въ глазахъ раскола, виновной «новая вѣра». «Молимъ тебя со слезами, Государь,—говорятъ въ своей челобитной соловецкіе старцы,—не веди у насъ новымъ учителямъ истинную нашу христіанскую вѣру, самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ и святыми Его апостолами преданную и седмю вселенскими соборами утвержденную, измѣнити». Но царь оставался глухъ къ обличеніямъ и мольбамъ раскола; на горячія филиппики раскольниковыхъ вождей противъ губительныхъ и соблазнительныхъ «новшествъ» правительство отвѣчало репрессивными мѣрами. Страшное подавленіе раскольниковьяго возстанія 1682 года сокрушило надежду раскола увидѣть торжество «старой вѣры».

и сдѣлать ее снова господствующей; послѣ этой рѣшительной неудачи расколъ уединился, ушелъ въ себя, отдался тайной внутренней работѣ и изъ протеста противъ обрядового церковнаго преобразованія, какимъ онъ былъ вначалѣ, сталъ протестомъ противъ всей церковно-государственной организаціи. Тѣ укоризны, которыя отцами раскола обращались противъ господствующей церкви съ полемическою цѣлью, были развиты въ систему и доведены до своихъ крайнихъ логическихъ послѣдствій. Краеугольнымъ камнемъ для всей системы послужила идея пришествія на землю антихриста, идея религіозная и общественная въ одно и то же время, такъ какъ она означала не только «погибель» истиннаго православія и исчезновеніе истиннаго священства, но также господство крѣпостнаго права, рекрутчины, бюрократическаго произвола и всѣхъ другихъ золъ, которыя заѣдали тогда народную жизнь.

Понятно, какъ при такихъ условіяхъ отрицаніе брака,—явленіе, идущее въ разрѣзъ съ нравственно-общественными инстинктами народной массы,—тѣмъ не менѣе увлекло эту массу за собой. Съ одной стороны, съ религіозной точки зрѣнія, бракъ былъ таинствомъ, необходимо требующимъ церковнаго освященія; бракъ внѣ-церковный не могъ казаться ничѣмъ инымъ, какъ только величайшимъ оскорбленіемъ и поруганіемъ святыни. Но истинное священство со временъ Никона болѣе не существуетъ, а потому для приверженца «старой вѣры» бракъ болѣе невозможенъ. Съ другой стороны, семья скрѣпляется вокругъ человѣка всѣ узы, налагаемыя на него общественной и государственной организаціей; естественная привязанность къ семьѣ держитъ его въ подчиненіи существующему строю. Бракоробство и его естественный оплотъ—раскольничій скитъ выросли, такимъ образомъ, на почвѣ не личной морали, а социальнаго протеста; оба эти явленія возникли не столько изъ аскетической потребности побороть естественныя влеченія человѣческой природы, сколько изъ стремленія спастись отъ тяжелаго гнета государственнаго закрѣпощенія. Раскольникъ бросалъ семью не какъ плотскій соблазнъ, а какъ социальную обузу, державшую его на привязи и препятствовавшую удаленію въ приволье «пустыни». Такъ подъ напорамъ стекающихся воедино религіозныхъ и социальныхъ вліяній создавались и вырабатывались русскимъ народомъ теоріи пустынножительства, странничества, бѣгунства... Этотъ социальный источникъ зарожденія бракоробства въ расколѣ всего яснѣе выступаетъ въ томъ, что расколъ никогда не думалъ подавлять въ своихъ послѣдователяхъ половой инстинктъ и очень рано призналъ законность «свободной любви». Центръ раскола—монастырь

сталъ притономъ распутства. Въ такомъ видѣ монастырь, конечно, не могъ оставаться идеаломъ гражданскаго и религіознаго устройства въ глазахъ народной массы; въ ней возникла реакція естественныхъ человѣческихъ инстинктовъ противъ разврата и дѣтоубійства, которые процвѣтали подъ покровомъ монастырскаго «дѣвства». Въ этой реакціи народъ былъ представленъ самому себѣ, своимъ собственнымъ силамъ; ни отъ государства, ни отъ господствующей церкви, ни отъ своихъ раскольничьихъ учителей и вождей не получилъ онъ ни малѣйшей поддержки. «Долго непросвѣщенная народная мысль,—говоритъ одинъ изъ талантливѣйшихъ изслѣдователей нашего брачнаго права,—блуждала впотьмахъ относительно важнѣйшаго вопроса общественной жизни—организаціи семьи; долго боролась она съ фанатизмомъ и деспотизмомъ монастыря, который видѣлъ въ безбрачїи для себя вопросъ жизни и смерти; но здравый смыслъ народный вышелъ съ честью изъ этой борьбы, доставивъ въ ней новое доказательство изумительной силы народнаго творчества, нерѣдко опережающаго въ своихъ результатахъ мысли, добываемыя научно образованной частью общества» ¹⁾. Раскольничій бракъ выступаетъ сначала робко, не какъ сложившееся ученіе, а въ видѣ отдѣльныхъ практическихъ уклоненій отъ доктрины скитскихъ подвижниковъ; изъ аскетической секты выдѣляется мало-по-малу расколъ «жиловой», т. е. приверженцевъ брака и осядлой семейной жизни. Негодуя на этотъ «развратъ», поборники старины удаляются и образуютъ новыя, строго аскетическія секты, съ которыми повторяется та же исторія. Такъ, поморство выдѣлило изъ себя филиповцевъ, послѣдніе уступили мѣсто бѣгунамъ и т. д. Борьба монастыря съ новоженствомъ имѣла наступательный характеръ; въ положенїи нападающаго былъ монастырь, который издавалъ суровыя постановленія противъ новоженцевъ, запрещалъ всякое общеніе вѣрующихъ съ ними и т. п. Новожены на первыхъ порахъ и сами не могли отрѣшиться отъ церковной точки зрѣнїя, на которой стоялъ монастырь, и прибѣгали къ безчисленнымъ компромиссамъ, чтобы примирить казавшееся непримиримымъ: монастырское отрицаніе брака съ естественной потребностью въ правильной семейной жизни. Вотъ въ какихъ горестныхъ чертахъ описываетъ этотъ моментъ въ развитїи новоженства одинъ бракоборецъ: одни «своихъ сопряженницъ истинными блудницами нарицають», другіе «стыдились именовать ихъ блудницами, а законными супружницами именовать боялись»

¹⁾ И. Оршанскій. О бракѣ у раскольниковъ. Ж. Г. и У. П. 1877 г. № 1, стр. 214.

и придумывали названія «домоправительницъ, попечительницъ, при-былокъ и пр., обезпечивая ихъ приобрѣтеніемъ на ихъ имя раз-наго рода имуществъ, и дѣтей незаконнорожденныхъ наслѣдниками своего имѣнія, въ противность церковнаго и гражданскаго установленія, устрояютъ». На этомъ фазисѣ новоженство однако не могло остановиться; невольно бросалась въ глаза негѣпость и без-нравственность признанія монастыремъ семьи тайной и поруганія имъ семьи открытой. Борьба поэтому продолжалась, и новожен-ство изъ оборонительнаго положенія переходитъ въ наступатель-ное. Главное затрудненіе представлялъ вопросъ о священствѣ; отсутствіе истиннаго священства казалось непреодолимымъ пре-пятствіемъ для правильнаго совершенія брака. Народная мысль безустанно и долго работала надъ этимъ вопросомъ и пришла нако-нецъ къ тому выводу, что таинство брака заключается не во внѣш-немъ обрядѣ вѣнчанія, а во внутреннемъ его содержаніи. «Не по обрядамъ какимъ либо молитвеннымъ бракъ тайной назы-вается, а по святѣйшимъ свойствамъ Христова съ церковью сое-диненія, по теплѣйшей любви и тѣснѣйшей связи законно-сочетав-шихся. Вѣнчаніе же церковное не есть таинство, ниже содѣйствіе къ тайнѣ, а есть токмо благогѣпное украшеніе, случайно устроен-ное; ибо и въ первенствующей церкви надъ совокупляющимся бракомъ священническихъ молитвъ не было, но токмо согла-сіемъ родителей и соизволеніемъ самихъ сопрягающихся бракъ законно совершался, о чемъ показываютъ церковныя исторіи и пра-вильныя книги. Да и всякій, имѣющій здравый смыслъ, скажетъ, что сущность вещей, равно и брака, непремѣняемы» (т. е. не зависятъ отъ формы). Бракъ установленъ Богомъ, а потому отсутствіе священства не можетъ его уничтожить: «въ невѣр-ныхъ и иновѣрныхъ, у коихъ священнословія быть не могло, браки пребывали неизмѣнно, и отъ св. церковныхъ учителей именовались законными». «Незаконные браки,—такъ развивается послѣдовательно аргументація новоженства,—бываютъ только тамъ, гдѣ содѣваютъ оныя не въ вѣчное, нерасторжимое житіе, но въ удовольствіе своего сладострастія, гдѣ хотяще жениться, тайно согласившись, уходятъ, не извѣстивши никому о семъ». Участіе священника въ совершеніи брака это только участіе свидѣтеля; сначала церковь не требовала священническаго бла-гословенія для дѣйствительности брака, а если потомъ такое требованіе установилось, то оно объясняется желаніемъ подчи-нить простой народъ іерархіи, — «понеже тогда святые про-стой народъ привязывали по чину священному». Окончательно выработавшійся взглядъ новоженства на бракъ нашелъ свое вы-раженіе въ слѣдующихъ словахъ инока Павла Прусскаго: «Вѣн-

чаніе есть не больше какъ блестящій церемоніаль, отъ политики установленный для великолѣпія пышности, а не ради оформленія брачнаго союза»; мнѣніе о необходимости вѣнчанія «есть суевѣріе и предразсудокъ»; существо таинства брака есть «брачующихся вѣчный обѣтъ, а не чинъ вѣнчанія или иныя разительности онаго». Этотъ взглядъ въ настоящее время является преобладающимъ среди раскольниковъ, особенно между безпоповцами ¹⁾).

Какъ относилась господствующая церковь и ея призванный защитникъ—государство къ этой внутренней борьбѣ, происшедшей въ вѣдрахъ раскола по вопросу о бракѣ? Поразительный, хотя и объяснимый фактъ: церковь и государство стали на сторону бракоборствующаго монастыря противъ стремленій народной массы къ правильно организованной и упорядоченной семейной жизни. Въ 1808 году, Святѣйшій Синодъ, въ указѣ епископу воронежскому и черкасскому, послѣдовавшемъ по пяти дѣламъ о бракахъ казачьихъ дѣтей, повѣнчанныхъ старообрядческими попами, опредѣлилъ: «поелику вышеизъясненные браки вѣнчаны внѣ церкви, въ домахъ и часовняхъ, и неизвѣстными бродягами, въ противность правилъ, изображенныхъ въ кормчей книгѣ... то и не могутъ они быть признаны за браки законные, но за сопряженіе любодѣйное»; а потому «таковыя преступленія» подлежатъ не духовному, а свѣтскому суду. Этотъ взглядъ Святѣйшаго Синода на раскольничій бракъ былъ повторенъ въ указѣ сената отъ 19 іюля 1827 года, въ которомъ провозглашаются два общія положенія: 1) браки раскольниковъ не должны быть признаваемы законными и 2) эти браки подлежатъ гражданскому вѣдомству. Однако, такой безусловно отрицательный взглядъ не могъ быть послѣдовательно проведенъ на практикѣ; въ 1829 году состоялось мнѣніе государственнаго совѣта о томъ, что указъ Святѣйшаго Синода 1808 г. не простирается «на браки раскольниковъ вообще, но относится къ тѣмъ только бракамъ, которые именно въ томъ самомъ указѣ означены». Это распоряженіе поставило администрацію въ тупикъ: что слѣдуетъ разумѣть подъ браками, «именно въ томъ самомъ указѣ означенными?» Въ то время, однако, избѣгали почему-то разъясненія этой неточности и предпочитали, чтобы вопросъ оставался нерѣшеннымъ, и чтобы закону можно было давать то или иное толкованіе — въ зависимости отъ обстоятельствъ каждаго частнаго случая ²⁾).

¹⁾ Ibid., стр. 219.

²⁾ В. А. Наше законодательство о раскольничьихъ бракахъ. В. Е. 1895, № 2, стр. 776—781.

Такого рода образъ дѣйствій былъ общимъ правиломъ по отношенію къ расколу. Такъ, въ 1826 году изданъ указъ, чтобы не преслѣдовать раскольниковъ за совершеніе браковъ, крещеніе и погребеніе по своему обряду, ибо раскольниковъ много и отъ сего могутъ произойти «большія безпокойства», но наблюдать только затѣмъ, чтобы они не совращали православныхъ. На практикѣ, однако, свѣтскія власти нерѣдко, по требованію духовнаго начальства, разлучали супруговъ—раскольниковъ. Раскольники жаловались высшему начальству, которое подтвердило силу прежняго указа, но подтвердило секретно, а жалобы раскольниковъ были оставлены безъ отвѣта. Вслѣдъ за этимъ указомъ состоялся другой въ противоположномъ духѣ: малолѣтнихъ, придерживающихся субботнической ереси, велѣно отсылать въ военно-сиротскіе отдѣлы, а неспособныхъ къ военной службѣ, а также дѣвочекъ, отдавать на казенныя фабрики. Такое же распоряженіе было издано въ 1834 г. относительно сиротъ, воспитываемыхъ на раскольниковъ рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ: ихъ велѣно отдать въ военные кантонисты; въ слѣдующемъ 1835 г. училище на рогожскомъ кладбищѣ велѣно было закрыть и учениковъ отдать роднымъ, а кого нельзя надлежащимъ образомъ пристроить по бѣдности родныхъ—отдать въ военные кантонисты. Администрація, такимъ образомъ, нисколько не стѣснялось расторгать по произволу семейныя связи у раскольниковъ; однако, по поводу одного случая вступленія свободной казачки въ бракъ по раскольниковъ обряду съ крѣпостнымъ человѣкомъ, комитетъ министровъ напелъ (27 февраля 1834 г.), что казачка и ея дѣти должны быть признаны крѣпостными людьми того помѣщика, которому принадлежалъ ея мужъ, въ силу общаго правила, что жена слѣдуетъ состоянію мужа, ибо бракъ ея, хотя и совершенный по раскольниковъ обряду, нельзя считать незаконнымъ.

Множество такихъ разнорѣчивыхъ распоряженій, издававшихся секретно, создавали благоприятную почву для «благоусмотрѣнія» мѣстной администраціи; а тогдашнія высшія административныя сферы, повидимому, намѣренно избѣгали точности и тщательно воздерживались отъ всякаго шага или заявленія, которые могли быть поняты въ значеніи официального признанія раскольниковъ семьи. Этотъ нерѣшительный, колеблющійся характеръ дѣятельности, насколько она проявлялась въ распоряженіяхъ о раскольниковъ семейномъ положеніи, отчасти вызывался опасеніями «большихъ безпокойствъ»: трудно было многомилліонную массу привлечь къ уголовной отвѣтственности за «блудное сожительство», какимъ раскольниковъ бракъ призна-

вался въ принципѣ; однако, по мѣрѣ того, какъ обнаруживалась неосновательность подобныхъ опасеній, кругъ репрессивнаго законодательства все болѣе расширяется. Мѣры, которыя сначала принимались относительно отдѣльныхъ случаевъ, все болѣе и болѣе обобщаются и самое содержаніе этихъ мѣръ становится суровѣе. Прежде духовенство раскольниковъ вело метрическія книги, которымъ, правда, не придавалось такого юридическаго значенія, какъ метрическимъ книгамъ другихъ исповѣданій. Впослѣдствіи (въ 1839 г.) веденіе такихъ книгъ запрещено, а вмѣсто нихъ установлены полицейскіе списки. Въ 1840 г. разъясняется, что списки рожденій и смерти у раскольниковъ не должны быть ведены на особыхъ бланкахъ, дабы не дать этому видъ узаконенія раскольничьихъ семейныхъ отношеній, но просто должны быть записываемы по порядку времени. Раскольничьему духовенству запрещается выдавать свидѣтельства о бракѣ; полиція, при внесеніи раскольниковъ въ обывательскіе списки, хотя и прописываетъ женъ при мужьяхъ, но о бракѣ не упоминаетъ. Наконецъ, при ревизіи 1850 г. велѣно женъ раскольниковъ не записывать при мужьяхъ, а при родителяхъ, дѣтей же записывать незаконнорожденными. Въ этомъ распоряженіи (10 іюня 1850 г.) отрицаніе раскольничьей семьи доходить до крайняго предѣла.

Выходъ изъ неурядицы, созданной въ семейныхъ отношеніяхъ раскольниковъ, былъ данъ закономъ 1874 года. Этотъ законъ открываетъ раскольникамъ возможность санкціонировать свои браки посредствомъ полицейской ихъ записи. По сравненію съ предшествующимъ законодательствомъ, законъ 1874 года представляетъ, несомнѣнно, значительный шагъ впередъ; принципъ церковно-охранительный, бывшій руководящимъ началомъ всей правительственной политики относительно раскола, уступаетъ въ немъ мѣсто принципу гражданской терпимости. Но, какъ мы уже упоминали, въ законѣ 1874 г. есть черты, связывающія его съ прежнимъ порядкомъ. Вотъ какъ совершается метрическая запись брака на основаніи этого закона.

Раскольникъ, желающій, чтобъ бракъ его былъ записанъ въ метрическую книгу, долженъ увѣдомить о томъ письменно или словесно полицейское управленіе или волостное правленіе постоянного своего мѣстопребыванія. По такому увѣдомленію полицейское учрежденіе составляетъ особое каждый разъ объявленіе и выставляетъ его, въ теченіе семи дней, на видномъ мѣстѣ, при дверяхъ управленія. Всѣ, имѣющіе свѣдѣнія о препятствіяхъ къ записи объявленнаго брака, обязаны дать знать о томъ полицейскому или волостному начальству. По исте-

ченіи семи дней, полицейское или волостное начальство выдаетъ лицу, заявившему о желаніи записать свой бракъ, свидѣтельство о томъ, что установленное выше объявленіе было сдѣлано. Для записи брака оба супруга должны явиться лично съ этимъ свидѣтельствомъ въ полицейское управленіе; кромѣ того, каждый изъ супруговъ долженъ представить двухъ поручителей для удостовѣренія того, что бракъ, о которомъ заявляется полиціи, не принадлежитъ къ числу воспрещенныхъ закономъ. Предварительно записи брака въ метрическую книгу, отъ обоихъ супруговъ отбирается подписка въ томъ, что они принадлежатъ къ расколу отъ рожденія и не состоятъ въ бракѣ, совершенномъ по обрядамъ православной церкви или по обрядамъ другого, признаваемого въ государствѣ вѣроисповѣданія. Предшествовавшее записи брака исполненіе соблюдаемыхъ между раскольниками обрядовъ вѣдѣнію полицейскихъ чиновъ при семъ не подлежитъ,

Слабыя стороны этого порядка бросаются въ глаза. Во-первыхъ, регистрація раскольничьихъ браковъ передается, какъ это было и прежде, въ руки полиціи; но полиція—учрежденіе слишкомъ памятное расколу, чтобы вызывать къ себѣ полное довѣріе; не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что далеко не всѣ раскольники, особенно въ первое время по введеніи закона 1874 г. въ дѣйствіе, рѣшались заявлять о своемъ существованіи въ полицейскія управленія. Во вторыхъ, бракъ узаконяется только для лицъ, родившихся въ расколѣ; масса же уклонившихся въ расколъ—или же, вѣрнѣе сказать, тѣхъ, которые родились въ расколѣ, но официально числятся православными,—лишены по прежнему возможности правильно устроить свои семейныя отношенія; по прежнему, въ отношеніи этой группы, законъ пользуется семейными влеченіями, семейнымъ инстинктомъ, какъ средствомъ религіознаго понужденія, чтобы заставить заблудшихъ вернуться въ лоно церкви. Наконецъ, въ третьихъ, немалое затрудненіе, особенно для глухихъ деревенскихъ уголковъ, расположенныхъ вдали отъ уѣздныхъ городовъ (а у насъ многіе уѣзды пространствомъ превосходятъ любое изъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ) представляетъ необходимость явиться для записи брака въ полицейское управленіе и въ сопровожденіи четырехъ поручителей: это цѣлое пилигримство, слишкомъ дорогое и хлопотливое для крестьянскаго супружества.

ОБО ВСЕМЪ.

I.

Всякая историческая эпоха между прочимъ характеризуется своими удовольствіями. Это въ своемъ родѣ мѣра, которая показываетъ не только уровень культурнаго развитія, но главнымъ образомъ раскрываетъ его нравственныя основы, того внутренняго человѣка, для котораго искусство является своего рода регуляторомъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Возьмите апогей развитія античной культуры, какъ въ Греціи пресловутый вѣкъ Перикла. Войдемте въ залу античнаго пиршества, гдѣ наслаждаются знаменитые ораторы, поэты, архонты и просто греческіе знатные люди. Прекрасная зала, освѣщенная огнями, разукрашенная цвѣтами, пропитанная дорогими благовоініями. Гости возлежатъ тоже усыпанные цвѣтами. Имъ прислуживаютъ молоденькія дѣвушки и мальчики, похожіе на дѣвушекъ. Мы видимъ и самого Перикла, этого любимца боговъ, баловня и идола народа. Кстати, народа въ нашемъ смыслѣ Греція не знала и ея демось составлялъ привилегированное сословіе греческихъ гражданъ, пользовавшихся правомъ голоса въ общественныхъ дѣлахъ и жившаго на счетъ рабовъ. И теперь, когда въ залѣ пиршества раздаются веселья пѣсни, смѣхъ и разсужденія философовъ, гдѣ-нибудь тутъ же за стѣной или въ подземельи замурованы рабы, прикованные цѣпью навсегда къ каменнымъ жерновамъ. Многіе изъ нихъ для безопасности ослѣплены, у другихъ нѣтъ ушей и носовъ... И такихъ рабовъ въ свободной, поэтической и веселой Греціи сотни тысячъ и на нихъ держится вся греческая политическая экономія. Но, вѣдь, если бы эти рабы не обрабатывали полей, не мололи муки и вообще не были превращены въ безсловесную рабочую скотину, Периклъ не могъ бы возлежать на своемъ пышномъ ложѣ, окруженный цвѣтомъ воин-

скихъ гетеръ съ Аспазіей во главѣ. Ни одной жены, сестры или дочери на пиру нѣтъ—это неприлично, и греческія дамы заперты по своимъ гинекеямъ, какъ этого требовали добрые греческіе нравы. Вездѣ цвѣты, благовонія, пѣсни, музыка, пляска... Вино туманитъ знаменитыя греческія головы, наступаетъ оргія... То, что дѣлалось здѣсь въ одну ночь, послужило бы отличнымъ матеріаломъ для судебного протокола, а участники пира попали бы по нашему уложенію о наказаніяхъ прямо на скамью подсудимыхъ, судились бы при закрытыхъ дверяхъ и потомъ, этапнымъ порядкомъ, были бы отправлены въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Сколько тутъ громкихъ именъ, ума, красоты, поэзіи, веселаго безумія, но ничего не подѣлаете, господа: законъ строгъ.

Перенесемтесь на Апеннинскій полуостровъ. Тоже разцвѣтъ культуры, только не греческой, а римской. Ночь. Недалеко отъ Тибра спряталась въ зелени роскошная вилла Цицерона. Издали мелькаютъ огни и слышна музыка. Знаменитый ораторъ и философъ отдыхаетъ на лонѣ природы отъ своихъ римскихъ дѣлъ. Заходимъ. Тѣ же цвѣты, тотъ же оніміамъ и тѣ же возлежащіе на ложахъ гости. Толпа разноплеменныхъ рабовъ суетливо предлагаетъ избалованнымъ гурманамъ всевозможные раритеты и примѣры, какія только могли доставить три части свѣта, прилегающія къ Средиземному морю. Самъ хозяинъ веселъ и желаетъ, чтобы и другіе были веселы. Гостямъ уже надоѣли и пѣніе цѣлаго хора кастратовъ и сладострастные танцы египетскихъ альмъ. Среди гостей есть и римскія матроны, которыя не хотятъ сидѣть взаперти, какъ бѣлокурныя и жирныя гречанки. Цицеронъ дѣлаетъ знакъ своему мажордому. Въ залу пиршества вводятъ двухъ гладіаторовъ. Толпа гостей стихаетъ въ ожиданіи кроваваго зрѣлища. Гладіаторы скованы длинной желѣзной цѣпью, лязгъ которой совсѣмъ уже не гормонируетъ съ обстановкой пиршества. Гладіаторамъ даютъ длинные мечи и завязываютъ глаза. Теперь весь вопросъ въ томъ, который котораго убьетъ. Начинается бой. Гости поощряютъ возгласами и держатъ пари. Поощренные бойцы стараются. Одинъ уже раненъ, хлещетъ кровь, но этого мало—одинъ долженъ быть убитъ, какъ этого требуютъ правила добраго римскаго спорта. Матроны взвизгиваютъ, когда одинъ изъ гладіаторовъ падаетъ смертельно раненый и, по тѣмъ же правиламъ добраго римскаго спорта, не издаетъ ни одного звука—вѣдь вся цѣль его гладіаторской жизни умереть красиво на потѣху пьяной толпѣ римскихъ господъ. Это кровавое зрѣлище приподняло веселое настроеніе гостей, и пиршество оживилось. Но хозяинъ готовилъ къ концу еще маленькій сюрпризъ, которымъ хотѣлъ сгладить тяжелое впечатлѣніе гладіаторской

*

бойни. Рабы смыли кровь съ мраморнаго мозаичнаго пола и засыпали его цвѣтами. Цицеронъ сдѣлалъ новый знакъ. Гдѣ-то слышалась тихая музыка, потомъ темпъ ускорился, распахнулись тяжелыя занавѣси, и въ залу пиршества вкатились на большихъ деревянныхъ шарахъ двѣ дѣвочки гѣтъ по семи. Онѣ такъ граціозно размахивали тонкими ручками, стараясь сохранить равновѣсіе и такъ весело кричали гостямъ: эвоэ! Опять центръ залы превратился въ арену. Какой-то бронзоваго цвѣта человѣкъ установилъ весь полъ короткими римскими мечами остріемъ вверхъ. Дѣвочки съ граціозными улыбками раскланялись съ публикой и пошли на рукахъ между мечами. Публика замерла... Пари держали шепотомъ. Вопросъ въ томъ, которая дѣвочка ослабѣетъ и падетъ на мечи. Всѣ съ жадностью смотрѣли на эти тонкія граціозныя дѣтскія тѣльца, съ такой осторожностью пробиравшіяся на рукахъ между смертельнымъ оружіемъ. Между тонкихъ ручекъ виднѣлись дѣтскія лица, полныя страшнаго напряжения... Какая то добрая рука бросила розу одной дѣвочкѣ, которая замѣтно слабѣла. Специалисты этого спорта уже приговорили ее къ смерти и съ жадностью выслѣживали роковой моментъ, когда обезсилѣвшее дѣтское тѣльце падетъ на мечи. Но вотъ залу огласилъ отчаянный дѣтскій вопль, и худенькое дѣтское тѣльце повисло на мечахъ, обагривъ невинной дѣтской кровью дорогую мозаику. Гости ревѣли отъ восторга. Кто-то поднятъ побѣдительницу на руки, а истекавшую кровью малютку бронзовый человѣкъ уволокъ за драпировки. Эвоэ!!

Римская чернь наслаждалась кровавыми зрѣлищами въ Колизеѣ, гдѣ гладіаторовъ-рабовъ, а потомъ христіанъ избивали тысячами, при чемъ жадная до этихъ удовольствій чернь требовала еще и кусочекъ хлѣба... Вѣдь римскіе патриціи могли же кушать съ завиднымъ аппетитомъ, наслаждаясь домашнимъ боемъ гладіаторовъ, а чернь довольствовалась однимъ хлѣбомъ.

Да, ветхій человѣкъ былъ жестокъ и его веселье напоминало веселье кровожаднаго звѣря. Но если, съ теченіемъ времени, сгладилась слишкомъ откровенная кровожадность, то черезъ перспективу послѣдующихъ вѣковъ передались кровожадные инстинкты. Ни тихій свѣтъ христіанскаго ученія, ни поступательное движеніе науки, ни нараставшій запасъ гуманности не могли укротить этого человѣка-звѣря, который живетъ въ насъ и до сей поры, съ той разницей, что наше звѣрство приняло болѣе утонченныя формы и сдерживается уложеніемъ о наказаніяхъ. Мы довольствуемся сравнительно скромнымъ звѣрствомъ, какъ испанскіе бои быковъ, волчьи садки и парадныя охоты.

Дольше всего удержался институтъ дураковъ и уродовъ,

унаслѣдованный нами отъ глубокой древности; но въ самомъ дѣлѣ, мы далеко ушли, если уже намъ не доставляютъ наслажденія ни физическое уродство, ни шутовство. То и другое сдѣлалось достояніемъ ярмарочныхъ балагановъ. А давно-ли еще шуты и карлы были придворными. Наихристіаннѣйшіе короли Европы отдыхали отъ трудовъ правленія подъ бормотанье придворныхъ дураковъ и дурь и наслаждались кривляньемъ карловъ. Замѣчательно, что Карлъ Великій сдѣлался нарицательнымъ именемъ для своихъ преемниковъ и вмѣстѣ для шутовъ: съ одной стороны «король», испорченное слово Карлъ, а съ другой Карло—шутъ. Шутовство не миновало и насъ. достаточно припомнить благочестивыя забавы Ивана Грознаго и Петра Великаго. Самымъ страннымъ въ этомъ институтѣ шутовъ было то, что имъ однимъ было присвоено право говорить правду прямо въ глаза высокимъ своимъ повелителямъ. Да, только одинъ шутъ могъ говорить правду, а все остальное должно было работѣнно молчать.

Историческія явленія проходятъ въ органической связи, и въ наше quasi-культурное время слышатся постоянно отголоски далекаго прошлаго, хотя все должно принимать уже благообразныя формы и развивается въ меньшемъ масштабѣ. Насколько живучи эти воспоминанія прошлаго, достаточно указать на имѣющее быть возстановленіе олимпійскихъ игръ, которое произойдетъ въ слѣдующемъ году. Сумма, собранная для этой реставраціи, достигаетъ уже почтенной цифры въ 1.000.000 драхмъ. «Блестящимъ номеромъ празднества, какъ сообщаютъ услужливыя газеты, будутъ атлетическіе бои (не состязанія, а именно бои) на ристалищѣ, которое будетъ реставрировано по древнему плану Ирода Аттика, съ великолѣпной обшивкой изъ бѣлаго пентелійскаго мрамора. Спеціальная комиссія, которой поручено наблюденіе за работами, составлена изъ мѣстныхъ и иноземныхъ археологовъ и архитекторовъ, въ томъ числѣ находятся директора всѣхъ иноземныхъ археологическихъ школъ въ Афинахъ (нѣмецкой, французской, англійской, американской). Многія иностранныя правительства такъ же оказываютъ моральное содѣйствіе». Тутъ все характерно: и переимѣна номенклатуры—вмѣсто состязанія бои, и моральное содѣйствіе многихъ иностранныхъ правительствъ, и участіе всяческихъ ученыхъ силъ, усиленно приспособляющихся къ плану Ирода Аттика.

Господа реставраторы олимпійскихъ игръ забыли только одно, что эти игры были не только праздникомъ быстробѣгающихъ ногъ (увви! тогда еще не было желѣзныхъ дорогъ и велосипедовъ, а потому часто все спасеніе ветхаго человѣка зависѣло отъ быстроты ногъ, почему, вѣроятно, лучшимъ эпитетомъ античнаго ге-

роя было быстроногій) и неизмовѣрно развитыхъ мускуловъ— тогда, можетъ быть, лучшую часть этихъ празднествъ составляли состязанія поэтовъ, чтеніе исторіи, пѣсни Гомера. Дѣло въ томъ, что по духу реставраціи, имѣющей въ виду *бои*, трудно представить себѣ, на примѣръ, бой современныхъ поэтовъ или историковъ. Впрочемъ, виноваты, если кликнуть кличь, то навѣрно вызовутся на бой и декаденты разныхъ странъ. фіолетовые, зеленые, желтые, синіе, розовые—много декадентовъ. Затѣмъ, еще одно маленькое замѣчаніе: реставрируя игры въ самомъ строгомъ антическомъ стилѣ, устроители не должны забывать, что за все время существованія олимпійскихъ игръ на нихъ не присутствовала ни одна женщина. Замѣчательная выдержка нелюбезныхъ къ своимъ дамамъ грековъ—игры въ общей сложности продолжались болѣе тысячи лѣтъ, пережили самостоятельное существованіе самой Греціи, какъ государства, и все-таки ни одна гречанка не осквернила своимъ присутствіемъ этого священнодѣйствія. Исключеніе дѣлалось только для одной жрицы Деметры, которая совсѣмъ не шла за женщину. Посмотримъ, какъ всѣ эти архитекторы, ученые археологи и всевозможные комиссіи устранять нашу даму, которая навѣрно уже готовитъ спеціальныя костюмы для этихъ игръ. Мы думаемъ, что вся эта затѣя приметъ характерную окраску самаго зауряднаго спорта, какъ скачки, парусныя гонки, велосипедныя состязанія, садки, пѣтушій бой и прочія скромныя развлечения скучающаго европейскаго человѣчества. И зачѣмъ было поднимать всю эту археологическую пыль, включая сюда и тѣнь Ирода Аттика, когда дѣло такъ просто и ясно... Все дѣло, конечно, въ громкой рекламѣ, что и требовалось доказать. Отчего же европейскимъ «наслѣдственнымъ» милліонерамъ и американскимъ милліардистамъ, одинаково страдающимъ плохимъ пищевареніемъ и дохнувшимъ отъ скуки, и не выкинуть на эту затѣю какой-нибудь несчастный милліонъ. Дали бы еще больше, если бы можно было возстановить гладиаторскіе бои, благо и добровольцы-гладиаторы нашлись бы... Отчего, въ самомъ дѣлѣ, не поточить бы и живой кровушки, если ужъ дѣло пошло на возстановленіе ветхаго человѣка—коли ветхій человѣкъ, такъ и будь настоящимъ ветхимъ человѣкомъ. Мы можемъ пожалѣть объ одномъ, что, благодаря ученымъ ухищреніямъ археологовъ, работѣ комиссій и моральному содѣйствію иностранныхъ правительствъ, конечно, въ Европѣ найдутся и быстрыя ноги, и чудовищныя *biceps*-ы, и метатели дисковъ—потщатся и найдутъ, но вотъ какъ быть съ реставраціей жрицы Деметры? Безъ нея какъ будто чего-то и не достаетъ, будетъ настоящая прорѣха...

II.

Наше время—время спорта по преимуществу. Это самая характерная черта. Всѣ удовольствія сводятся къ спорту, при чемъ во главѣ стоитъ примѣръ доброй старой Англїи. Англїя подарила Европѣ скаковой спортъ, гребныя гонки и, наконецъ, велосипедъ. Дрессируется специальная порода людей, какъ жокеи. Чуть не цѣлая Англїя сбѣгается смотрѣть на состязаніе двухъ университетовъ... въ гребной гонкѣ. Имя студента, особенно артистически работавшаго весломъ, передается въ назиданіе потомству, имъ гордится родной университетъ, своя студенческая корпорація, онъ дѣлается героемъ на цѣлый годъ и въ специальныхъ изданїяхъ печатаются его біографїи, портреты, описанїя привычекъ и т. д. Недавно умеръ одинъ англичанинъ, который завѣщалъ похоронить себя вмѣстѣ съ любимымъ своимъ велосипедомъ. Кажется, дальше уже нельзя идти. Мы привыкли приписывать все это эксцентричности Джонъ Буля, но сами быстро заимствуемъ всяческій спортъ, который растетъ, какъ грибы послѣ дождя. Явленіе знаменательное, тѣмъ болѣе, что оно захватываетъ молодежь. Интересы большого круга даже интеллигентной молодежи сосредоточиваются теперь именно на спортѣ, и вы встрѣтите такихъ специалистовъ по части скачекъ и велосипедныхъ гонокъ, авторитетно разсуждающихъ на такомъ специальномъ языкѣ, что начинаете себя чувствовать какимъ-то пришлецомъ совершенно изъ друго міра. Эта велосипедная и скаковая молодежь порвала уже всѣ связи со всякими вопросами, стремленїями и идеями и смотритъ на васъ свысока, какъ на человѣка, не посвященнаго въ тайны жизни. Дама, конечно, топчется тутъ же: она катается на велосипедѣ, побиваетъ рекорды, играетъ въ тотализаторъ—нельзя, это послѣднее слово. И все это развилось на нашихъ глазахъ, почти вчера... Студентъ считаетъ величайшей честью, если познакомится съ жокеемъ или тренеромъ—вѣдь это сейчасъ самые передовые люди, которые задаютъ тонъ жизни... Нужно видѣть азартъ тысячной толпы гдѣнибудь на скачкахъ, чтобы понять печальную истину:—она, эта толпа, нашла удовлетвореніе лучшимъ своимъ чувствомъ. Родовитый баринъ, лавочникъ, интеллигентъ, кучеръ, кокотка, щепетильная барыня—всѣ побратались.

Общій нашъ недугъ—скука, а тутъ панацея—спортъ. Газеты, особенно мелкая пресса, посвящаютъ спорту цѣлые столбцы и даже занимаются предсказанїями, кто будетъ фаворитами.

Спортъ проникъ даже на сцену, въ самыя нѣдра святого искусства. Недавно въ Англїи разбирался характерный процессъ. Одна драматическая артистка, пользующаяся большимъ успѣхомъ

у публики, заказала себѣ какое-то особенное платье, а потомъ къ этому платью заказала самому модному, тоже пользующемуся успѣхомъ, драматургу. пьесу Но модный авторъ оказался не на высотѣ своего призванія—пьеса не подошла къ платью, а артистка потянула его въ судъ за причиненные имъ протори и убытки святому искусству. Другой случай. На дняхъ еще всѣ газеты обоихъ полушарій сообщали фактъ, именно, какъ Патти въ какомъ-то американскомъ театрѣ выступила на сцену въ платьѣ, стоимшемъ чуть не миллионъ рублей, т.-е. стоило, конечно, этихъ денегъ не само платье, а осыпавшіе его драгоценныя камни. Благодарная публика, конечно, сбѣгалась на это зрѣлище тысячами, потому что кому же не интересно взглянуть на поющій ювелирный магазинъ. Сама Патти съ ея дивнымъ голосомъ пожертвовала собой, чтобы показать свое платье. Можно себѣ представить безпокойство американскихъ жуликовъ, давно выслѣживающихъ брильянты дивы. Но, увы! это миллионное платье сопровождаетъ на сцену цѣлый военный конвой. У насъ въ Петербургѣ въ прошломъ году фигурировала испанская красавица донна Отеро, которая носила на ногѣ браслетъ въ тридцать тысячъ рублей. Публика задыхалась отъ восторга. Тутъ уже не искусство, а область спорта. Спортъ забрался даже въ балетъ, это знаменательное учрежденіе, пережившее столько формъ правленія, политическихъ переворотовъ, промышленныхъ чудесъ и остававшееся вѣрнымъ самому себѣ. «Поэзія спины» и «стальной носокъ» имѣютъ одинаковую пѣву какъ при имперіи, такъ и при республикѣ, съ той маленькой разницей, что въ партерѣ разную челядь смѣнили неогорасмые желѣзные шкафы. Мѣнялись формы правленія, происходили политическіе перевороты, смѣнялись династии, велись самыя братоубійственныя войны, возникали новые горизонты науки,—одинъ балетъ оставался вѣренъ самому себѣ, выдержавъ даже самую злѣйшую конкуренцію съ канканомъ. Кстати, въ газетахъ промелькнуло характерное извѣстіе, именно, что «въ кантонѣ Ури, въ Швейцаріи, образовалось общество женщинъ, которыя обязались отказаться отъ канкана, отъ злословія, отъ легкомысленныхъ и необдуманныхъ рѣчей. Кромѣ того, шестымъ пунктомъ правилъ запрещается членамъ всякое, прямое или косвенное, участіе въ выборахъ и другихъ голосованіяхъ федеральныхъ, кантонныхъ и общинныхъ. Общество это возникло вслѣдствіе послѣднихъ кантонныхъ выборовъ, въ которыхъ принимали участіе многія женщины, выступая противницами своихъ мужей; различіе мнѣній вызвало много семейныхъ ссоръ, разводовъ и покушеній на убійство. Во избѣжаніе повторенія подобныхъ случаевъ, по настоянію многихъ матерей семействъ, забо-

тящихся о мирѣ въ семьѣ, и возникло это общество, носящее название «Общество семейнаго долга». Мило и просто: семейный канканъ очутился на одной доскѣ съ избирательнымъ правомъ швейцарской женщины... Да, вещи въ здѣшнемъ грѣшномъ мирѣ иногда сталкиваются роковымъ образомъ. Возвращаемся къ балету, какъ хранителю лучшихъ и священнѣйшихъ традицій культуры красоты. Все обстояло неизбежно и благополучно, какъ вдругъ въ балетъ проникъ новый типъ балеринъ—балерины гимнастики, балерины эквилибристки. Всѣ балетные старцы пришли въ священный ужасъ, потому что подрывались самыя основы святого искусства—на сцену ворвался самый прозаическій спортъ, а «поэзія спины» отходить въ область преданій. Не избѣжало этого вторженія и драматическое искусство. Въ петербургскихъ газетахъ отъ 12 сентября нынѣшняго года появилось такое объявленіе: «Театръ и садъ «Новый Эрмитажъ». Представлено будетъ въ первый разъ: «Купецъ Калашниковъ», въ 3-хъ картинахъ сцены изъ поэмы М. Ю. Лермонтова. Роль купца Калашникова исполнить извѣстный борецъ А. Трусовъ. Роль опричника Кирибѣевича исполнить борецъ-атлетъ г. Козулякъ». Это даже не реализмъ, а просто бой, причемъ бойцамъ предоставляется полное право сдѣлать лермонтовской поэмѣ свой собственный финишъ. А вдругъ купецъ Калашниковъ—Трусовъ сплюскаетъ, а опричникъ Кирибѣичъ—Козулякъ сдѣлаетъ ему самую ехидную «подъ ножку»? Это и ново, потому что ни авторъ, ни публика, ни антрепренеръ, ни сами господа извѣстные атлеты рѣшительно не знаютъ, какъ и чѣмъ закончится знаменитая поэма, т.-е. кто кого изувѣчить и какимъ способомъ. Положительно, современнымъ драматургамъ съ В. Крыловымъ во главѣ нужно принять во вниманіе этотъ новый пріемъ драматическаго искусства... Вѣдь въ числѣ дѣйствующихъ лицъ появлялись и лошади, и паровозы, и говорящія куклы—отчего же не пригласить настоящихъ атлетовъ, настоящихъ велосипедистовъ, настоящихъ жокеевъ и настоящихъ гребцовъ? Вѣдь благосклонная публика ахнетъ, когда ей преподнесутъ настоящую вселенскую смазь...

Итакъ, время спорта, бессмысленнаго спорта... Для чего англійскій скакунъ надрывается надъ своими секундами? Для чего велосипедистъ, согнувшись въ три погибели, готовъ сломать себѣ шею, только бы побить какой-то рекордъ? Для чего эти ужасающіе скромнаго человѣка вісераы атлетовъ и «выжиманіе» невѣроятныхъ тяжестей? для чего эти спортсмены-гребцы, стремящіеся превратиться въ весло какой-нибудь гички? Отвѣтъ простой: для удовольствія и своего, и публики.

Мы отмѣтимъ одну черту, которая органически связываетъ

нашъ безсмысленный спортъ съ кровавыми удовольствіями ветхаго человѣка: въ каждомъ спортѣ скрыта непремѣнно жестокость, хотя и въ дозволенныхъ закономъ формахъ. Вспомните трагическую кончину воздухоплавателя Леру, бросавшагося съ страшной высоты. Потомъ была какая-то иностранная дѣвица, которая поднималась на воздушномъ шарѣ, держась за трапецію зубами. Другая иностранная дѣвица бросалась съ высоты цирковаго купола внизъ головой на сѣтку. Иностранный синьоръ де-Ветріо ѣлъ на сценѣ резиновыя галоши, запивая чернилами и керосиномъ. А укротители разнаго дикаго звѣрья? Низшій отдѣлъ занимаютъ въ этого рода спортѣ разные шпагоглотатели, человѣки-змѣи, каучуковые и гуттаперчевые мальчики и дѣвочки. Вездѣ затаена жестокость, которая подогрѣваетъ скучающую публику, встряхиваетъ усталые нервы и въ результатѣ даетъ то, что принято называть удовольствіемъ. Какія жалкія и безсмысленныя удовольствія и какая жалкая и безсмысленная публика, которая ихъ требуетъ. Это нашъ смертный приговоръ... Въ ветхомъ человѣкѣ, по крайней мѣрѣ, была открытая кровожадность, какъ проявленіе ничѣмъ несдерживасмой грубой силы и дурныхъ инстинктовъ, а мы веселимся, какъ маленькія скверныя звѣрки, у которыхъ не хватаетъ силенки даже на удовольствія. Въ массѣ, въ такъ называемой публикѣ чувствуется озлобленность рахитика, безпредметная ненависть завтрашняго идіота, затаенная радость мелкаго насѣкомаго, вцѣпившагося клещами въ живое тѣло.

Мы удивляемся жестокости ветхаго человѣка, но, вѣдь, онъ, ветхій человѣкъ, былъ веселый язычникъ, исповѣдывавшій религію крови. Сама религія заповѣдывала ему всячески истреблять врага, а языческая философія не признавала въ рабѣ человѣка. Ветхій человѣкъ проявлялъ свое звѣрство съ спокойной совѣстью, потому что такъ былъ воспитанъ. Мы привели выше примѣръ двухъ дѣвочекъ, тонцовавшихъ между мечами — картина возмутительная, а между тѣмъ мы бываемъ свидѣтелями не меньшаго звѣрства. Возьмите хотя тѣхъ-же гуттаперчевыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые десятками ломаются на нашихъ лѣтнихъ сценахъ. Вѣдь это медленная, вѣрная смерть, смерть въ теченіе всей жизни. Развѣ можно жить съ вывихнутыми членами, разломанной спиной, вытянутыми до невозможности связками? Вѣдь у такого несчастнаго гуттаперчеваго мученика болитъ и ноетъ каждая косточка, а мы ему аплодируемъ и требуемъ повторенія. Развѣ самъ ребенокъ дойдетъ когда-нибудь до такого состоянія живой резины—его неистово бьютъ и терзаютъ съ младенчества, морятъ голодомъ и вынуждаютъ ломать свое собственное тѣло, пока онъ не достигнетъ требуемаго совершенства. Вы только по-

думайте: если бы заставили такъ ломаться вашего сына и вашу дочь,—что бы вы сдѣлали? Ну, да, то сынъ или дочь, а то неизвестныя никому дѣти. Въ газетахъ мелькомъ попадають извѣстія о томъ или другомъ случаѣ звѣрства при фабрикаціи гуттаперчеваго человѣчка, и даже вступается въ дѣло соотвѣтствующая власть, которая должна ограждать беззащитнаго ребенка. Газетный читатель возмущается, а потомъ забываетъ. Общественное мнѣніе слишкомъ занято болѣе важными вопросами, и гуттаперчевые мальчики и дѣвочки продолжаютъ ломаться. Если бьютъ и истязаютъ лошадь, подходитъ городской и приглашаетъ извозчика въ участокъ. Коротко и ясно. И тотъ же городской смотритъ спокойно, и благосклонная публика аплодируетъ гуттаперчевымъ мученикамъ... Вѣдь эти несчастныя дѣти все равно умрутъ, ихъ жизнь — сплошная агонія и, право, человѣчнѣе убить ихъ сразу, чѣмъ длить эту агонію. И это звѣрство продѣлывается у всѣхъ на глазахъ, изъ года въ годъ, при чемъ изобрѣтаются все болѣе трудныя номера,—у гуттаперчевыхъ дѣтей идетъ жестокая конкуренція. Гдѣ-же общественное мнѣніе? Что смотрятъ разныя благотворительныя общества? Почему, наконецъ, не возьметъ подъ свою защиту гуттаперчевыхъ дѣтей общество покровительства животнымъ—вѣдь человѣку приходится проситься въ животныя, какъ въ привилегированное состояніе! Страшно не за того человѣка, который агонируетъ на сценѣ, а за того, который аплодируетъ ему... Это настоящее звѣрство.

Мы отмѣчаемъ именно ту бессмысленную жестокость, которая сопровождаетъ всякій спортъ и, можетъ быть, въ этомъ секретъ его возрастающаго успѣха. Былъ уже случай смерти велосипедиста прямо на велосипедѣ—бѣдняга старался побить рекордъ! Жокеи ломаютъ себѣ шеи и ребра, лошадь ломаетъ ноги, и публика ждетъ съ замирающимъ сердцемъ, не случится ли чегонибудь. Когда нынѣшнимъ лѣтомъ несчастный лилицутъ сломалъ себѣ ногу, спортсмены разобрали выскочившія изъ сломанной ноги кости... на память. Иначе и быть не могло... Это въ духѣ времени. Съ одной стороны, тренировочная зоологія, съ другой—тренированный человѣкъ звѣрь.

III.

Скучающее человѣчество желаетъ получать удовольствіе, при чемъ требуется не просто пріятное, а съ примѣсью болѣе или мѣнѣе откровенной жестокости. Дамы на скачкахъ замираютъ отъ удовольствія, когда лошади подходятъ къ опасному препятствію и ахаютъ только изъ приличія, если летятъ кубаремъ и спорт-

смены, и лошади, ломая себѣ шеи и ноги. То же самое въ циркѣ. при укрощеніи звѣрей, при «работѣ» гуттаперчевыхъ дѣтей, при низверженіи смѣлыхъ аэронавтовъ—нужны прежде всего сильныя ощущенія. Въ этомъ весь секретъ. Нужно приподнять уставшіе нервы, нужно взвинтить себя. Вѣдь то же самое дѣлалъ и ветхій человѣкъ, обезпечившій себя каторжнымъ трудомъ рабовъ. Онъ тоже скучалъ и могъ кушать съ аппетитомъ только при видѣ: гладіаторскаго боя или танцевъ межъ мечей.

Наше время—время спорта, а спортъ—достояніе массы. На скачки сбѣгается пятитысячная толпа. Во-первыхъ, это дешево а во-вторыхъ, можно поиграть въ тотализаторъ, замѣнившій прежнія пари ветхаго человѣка. Благодаря успѣхамъ культуры, вы можете играть заразъ со всей публикой, а не съ отдѣльными лицами, какъ было въ доброе старое время. Это уже крупный шагъ впередъ. Черезъ тотализаторъ проходятъ миллионныя суммы. Скаковыя общества, получающія сотни тысячъ дивиденда, могутъ выдавать призы по нѣскольку десятковъ тысячъ рублей. И все это окупается благодарной публикой, а говорятъ еще, что мы бѣдны и что будто у насъ нѣтъ денегъ. Еще Кречинскій сказалъ: «Въ каждомъ домѣ есть деньги, только нужно умѣть ихъ найти». Спортъ въ совершенствѣ постигъ эту тайну и находитъ къ своимъ услугамъ миллионы.

Спортъ отвѣчаетъ насущнѣйшимъ потребностямъ нашего времени и чѣмъ онъ безмысленнѣе и рискованнѣе, тѣмъ большее вниманіе привлекаетъ къ себѣ. Сравнивая наше время съ сѣдой, повидимому навсегда похороненной древностью, мы только хотимъ быть справедливыми и послѣдовательными. «Міръ всегда равенъ самому себѣ,—говоритъ американскій философъ Эмерсонъ,—и всякій человѣкъ въ минуту глубокаго раздумья о себѣ чувствуетъ, что проходитъ тотъ же опытъ жизни, какой проходили до него люди въ древнихъ Фивахъ или въ древней Византіи. Непрестажщее *нынѣ* царствуетъ въ природѣ и украшаетъ наши кусты тѣми же розами, которыя плѣняли древняго человѣка въ висячихъ садахъ Вавилона и Рима. Невольно просится въ душу вопросъ: стоить ли учить языки, стоить ли обходить вселенную, для того, чтобы узнать такія простыя и старыя истины». Мѣняются формы, мѣста дѣйствія, расовыя особенности, общественное настроеніе, а человѣкъ остается человѣкомъ. Эта живучесть дурныхъ инстинктовъ говоритъ только о той страшной работѣ человѣчества надъ самимъ собой, которая еще предстоитъ. Такъ называемое образованіе, какъ мы видимъ на каждомъ шагу, не убиваетъ въ человѣкѣ-звѣря. Въ наше время получается даже диссонансъ между умомъ и чувствомъ—умъ слишкомъ ушелъ впередъ, а чувства та-

шатся позади, по избитой вѣками колеѣ. Пожалуй, по части чувства ветхій человекъ былъ и цѣльнѣе и выше, такъ какъ самая дикая мысль у него сейчасъ же претворялась въ дѣло, при чемъ—какое это дѣло, т.-е. хорошее или дурное, совершенно другой вопросъ. Каждая мысль и каждое чувство реализировались немедленно и въ этомъ заключалось ананкэ ветхаго человекъа, слагавшаго съ себя отвѣтственность за собственныя дѣйствія.

Не могу здѣсь не привести одного яркаго примѣра, иллюстрирующаго послѣднюю мысль. Года три назадъ я жилъ лѣтомъ на дачѣ, недалеко отъ Петербурга. Дача стояла на краю великолѣпнаго, можетъ быть,—единственнаго въ Европѣ парка. Разъ мы сидѣли на террасѣ за завтракомъ. День былъ чудный. Вдругъ въ паркѣ послышался отчаянный вопль. Въ первый моментъ всѣ подумали, что въ паркѣ кого-нибудь рѣжутъ. Оказалось, что кричалъ какой-то мужикъ въ красной рубахѣ, выскочившій на поляну изъ лѣснаго островка. Дачный уголокъ поднялся разомъ. Мужская молодежь ринулась прямо на крикъ. Тутъ было нѣсколько студентовъ-велосипедистовъ, какой-то «сынъ тайнаго совѣтника» безъ опредѣленныхъ занятій и цѣлая стая гимназистовъ. Скоро дѣло объяснилось. Ловили дезертира-чухонца... Въ первый моментъ я объяснилъ участіе молодежи въ этой травлѣ ошибкой, но это оказалось невѣрнымъ. Для перваго раза дезертиръ благополучно скрылся, и усердствовавшіе не по разуму молодые люди вернулись ни съ чѣмъ. Характерно, что они встрѣтили порицаніе только съ нашей дачи да еще одна дама старушка сдѣлала выговоръ гимназисту второкласснику.

— Какъ тебѣ не стыдно, Сережа... Развѣ это твое дѣло? Ахъ, какъ стыдно...

Раскраснѣвшійся и тяжело дышавшій красивый мальчикъ съ обиженнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на мать и отвѣтилъ совершенно разумно:

— Мама, да, вѣдь, *ест* ловятъ...

Эта *sancta simplicitas* вышла очень трогательной, и старушка увела своего птенца, продолжая ему разъяснять, что ловить дезертировъ совсѣмъ не входитъ въ программу гимназическаго образованія.

Не прошло трехъ часовъ, какъ ловля дезертира началась снова, при чемъ студенты побѣжали уже съ охотничьими собаками. Сережа тоже вырвался съ своей дачи и летѣлъ вмѣстѣ съ другими.

— Сережа, Сережа, вернись!.. напрасно зывала старушка.— Сережа, какъ тебѣ не стыдно...

Происходило нѣчто невѣроятное, и я отправился на мѣсто дѣйствія. Какія-то дѣвочки, собиравшія въ лѣсу ягоды, видѣли, какъ

мимо нихъ пробѣжалъ какой-то человѣкъ, перебѣжалъ дорогу и скрылся во ржи. Этого было достаточно, чтобы молодежь бросилась по горячему слѣду. Никто не сомнѣвался, что это былъ именно дезертиръ-чухонецъ. Я остановился на краю дороги и наблюдалъ травлю, напоминавшую охоту южно-американскихъ плантаторовъ за неграми. Студенты и гимназисты разошлись по всему ржаному полю и заставляли собакъ искать. Прошло полчаса, цѣлый часъ, но чухонецъ точно провалился сквозь землю. Я былъ радъ, что интеллигентные молодые люди опять останутся ни съ чѣмъ. Всѣ уже устали, «сынъ тайнаго совѣтника», руководившій травлей, едва дышалъ. Явились скептики относительно вѣрности показанія дѣвченокъ-ягодницъ. Но именно въ этотъ моментъ раздался общій вопль: чухонца нашли. Вѣрнѣе, онъ самъ вышелъ изъ ржи и отдался въ руки грядущаго правосудія. Получилась замѣчательная картина: впереди всѣхъ, какъ стая воробьевъ, бѣжали гимназисты, за ними шелъ дезертиръ, молодой чухонскій парень, рѣшительно ничего интереснаго не представлявшій, а за нимъ, въ качествѣ почетнаго эскорта, шли студенты. Чухонца-дезертира ловила своя деревня, желая ему же добра: все равно поймаютъ, такъ лучше же самому вернуться съ повинной.

Мнѣ до сихъ поръ не вѣрится, что это были студенты, т.-е. я не хочу этому вѣрить, тѣмъ болѣе, что въ мундирахъ я ихъ не видалъ, а только въ блузахъ. Правда, что всѣ называли ихъ студентами и цѣлые дни они катались на велосипедахъ. У меня почему-то даже осталось такое сопоставленіе—разъ вижу студента велосипедиста, сейчасъ всплываетъ картина травли дезертира чухонца. Нынѣшнимъ лѣтомъ я ѣхалъ по царскосельской дорогѣ въ Павловскъ «на музыку». Со мной въ вагонѣ помѣстились двое студентовъ-велосипедистовъ послѣдней формаци. Откормленные, изящные, корректные, съ особенной военной выправкой, какъ у настоящихъ кирасиръ. Они какъ-то особенно ходили, наклонивъ корпусъ впередъ, говорили сквозь зубы и смотрѣли на всѣхъ съ афишированнымъ равнодушіемъ. Глядя на это послѣднее слово мундирной молодежи, я невольно припомнилъ прежняго лохматого студента, щеголявшаго въ высокихъ сапогахъ и въ костюмахъ, заставлявшихъ желать многого. Да, то время миновало, а лохматого студента смѣнилъ студентъ-велосипедистъ и спортсменъ. Мои размышленія были прерваны фразой одного изъ студентовъ:

— Да, вѣдь, это цѣлый вопросъ!..

— Пожалуй... равнодушно процѣдилъ другой.

— Нѣтъ, серьезно, вопросъ и даже самый капитальный...

Второй студентъ издалъ какой-то неопредѣленный звукъ но-

сомъ—вѣроятно, это было самое аристократическое и корректное выраженіе довольно сложной душевной комбинаціи, когда человѣкъ близокъ къ вѣрѣ, но еще не превратился въ окончательно вѣрующаго. Слово: «вопросъ» да еще самый капитальный вопросъ—меня очень заинтересовало, и я даже поймалъ самого себя на пристрастномъ отношеніи вотъ къ этимъ студентамъ дэнди.

— Да, да, вопросъ! — продолжалъ настаивать первый студентъ.—Можетъ быть, это и негѣпо съ извѣстной точки зрѣнія, но всякая эпоха отмѣчена прежде всего именно костюмомъ... Взять хотя восемнадцатый вѣкъ.

— Да? А мнѣ больше нравится шестнадцатый... Вѣдь хорошо было бы посмотреть на какой-нибудь рыцарскій турниръ. Эти закованнные въ желѣзо люди задавали тонъ всей жизни...

— Позволь, мы сбиваемся въ сторону: я говорю о женскомъ костюмѣ. Какъ Дарвинъ ошибался, предполагая, что брачное опереніе присвоено только самцамъ... Стоитъ взглянуть на подвѣчный костюмъ любой дѣвушки—въ немъ опроверженіе всей теоріи Дарвина. Да, такъ теперь во Франціи и особенно въ Англии возникъ капитальный вопросъ именно о женскомъ костюмѣ и замѣчательно, что этотъ вопросъ поднять, благодаря велосипеду. Француженка пока остановилась на шальварахъ, а чопорныя англичанки дальше разрѣза платья назадъ не пошли. Интервьюеры допросили по этому поводу самыхъ знаменитыхъ женщинъ, какъ Сара Бернаръ...

— Н-да... Это женщина компетентная. И что же?

— Пока вопросъ остается открытымъ... Но нельзя терять надежды, что въ самомъ недалекомъ будущемъ произойдетъ настоящий переворотъ. Вѣдь какой-нибудь разрѣзъ—это палліативная мѣра...

Мнѣ не пришлось дослушать, что совершится съ капитальнымъ вопросомъ въ недалекомъ будущемъ, потому что поѣздъ подходилъ къ платформѣ, и корректные молодые люди ушли. Да, вопросъ о дамскихъ панталонахъ, благодаря велосипеду, вступилъ въ новую эру и благодарное человечество въ самомъ недалекомъ будущемъ получить его окончательное рѣшеніе. Если есть на свѣтѣ логика, то она, конечно, здѣсь...

Мой фельетонъ подходитъ къ концу, хотя я дальше вступленія не ушелъ. Быть можетъ, это результатъ старческой болтливости, а, вѣрнѣе, право фельетониста говорить обо всемъ безъ всякаго плана. Въ слѣдующій разъ я перейду уже къ настоящей темѣ, т. е. къ обзору нашихъ общественныхъ удовольствій, начиная съ дешевой сцены дешеваго народнаго гулянья и кончая императорской сценой. Сейчасъ, право, некогда...

Съдой.

Н. В. Стасова.

(Некрологъ).

27 сентября умерла одна изъ выдающихся русскихъ женщинъ—Надежда Васильевна Стасова. Родилась она въ интеллигентной семьѣ и получила хорошее домашнее образованіе. Кромѣ музыки, гѣнія и рисованія (масляными красками), она владѣла прекрасно четырьмя языками; но не ограничивалась этимъ и продолжала свое образованіе, образованіе не показное, не диллетантское, а вполне основательное. Однако и книги не удовлетворяли Н. В.—ее постоянно тянуло въ жизнь, къ общественной дѣятельности и къ непосредственнымъ заботамъ и хлопотамъ о комъ либо. Въ 60-хъ годахъ мы видимъ ее устраивающею, совмѣстно съ другими, воскресныя школы; одновременно съ этимъ она хлопочетъ объ устройствѣ популярныхъ профессорскихъ лекцій; затѣмъ, мы встрѣчаемъ ее въ женскомъ обществѣ переводчицъ, гдѣ она участвуетъ и въ общемъ веденіи дѣла, и въ присканіи работы нуждающимся; затѣмъ она въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ старается о допущеніи женщинъ въ университеты и, наконецъ, послѣ неудачъ, является одною изъ главныхъ устроительницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что не было въ Петербургѣ ни одного женскаго начинанія, въ которомъ она не участвовала бы или какъ дѣятельница, или какъ просительница и заступница, или какъ совѣтчица. Не дагѣе, какъ въ прошломъ году вновь открываемое женское общество взаимной помощи избрало ее своей предсѣдательницей. И она въ каждое доброе дѣло съ любовью несла свою добрую душу, свою энергію, такъ и опытность. Но главная ея дѣятельность принадлежитъ все-таки высшимъ женскимъ курсамъ. Вмѣстѣ съ небольшимъ кружкомъ, столь же преданныхъ дѣлу, другихъ женщинъ, она устраиваетъ ихъ сперва у Аларчина моста, приглашаетъ профессоровъ для чтенія лекцій и хлопочетъ о необходимости ихъ правильной организаціи и официальной ихъ призна-

ни. Благодаря, главнымъ образомъ, ея стараніямъ и были они разрѣшены. Съ 1878 г. она становится главною ихъ распорядительницей и заботится и о профессорскомъ составѣ, и о привлеченіи пожертвованій на ихъ содержаніе и объ устройствѣ для нихъ собственнаго помѣщенія. Не одна она, конечно, все дѣлала, но тотъ кружокъ, къ которому она принадлежала, всегда воздавалъ ей должное и относился къ ней съ большимъ уваженіемъ. Съ другой стороны, и слушательницы курсовъ всегда находили у нея нравственную поддержку, а многія и матеріальную помощь. Она настолько была поглощена интересами курсовъ, что забывала иногда обо всемъ остальномъ.

«Когда вопросъ о высшихъ женскихъ курсахъ въ 80-хъ годахъ былъ вновь возбужденъ и временно прекратился пріемъ на курсы,—читаемъ мы въ «Нов. Вр.»,—грустно было видѣть Надежду Васильевну,—такая тѣсная связь существовала между ней и жизнью курсовъ. Она въ это время вновь выступила съ присущей ей энергіей защитницей идеи женскаго высшаго образованія. Курсамъ была дана новая организація, Н. В. вошла въ составъ комитета общества для доставленія средствъ курсамъ и, кромѣ того, работала въ Обществѣ вспомоществованія слушательницамъ, окончившимъ курсъ. Съ тѣхъ поръ, до послѣдняго часа своей жизни, она посвятила свои труды заботамъ о слушательницахъ и созданію возможно лучшихъ условий для ихъ жизни въ Петербургѣ. Никто такъ горячо и сердечно не относился къ слушательницамъ, какъ покойная. Она заботилась объ общежитіи для курсовъ, и еще не такъ давно радовалась осуществленію своей давнишней мечты—постройкѣ на средства общества собственнаго дома, приспособленнаго къ общежитію слушательницъ, открытіе котораго предстоитъ на-дняхъ».

Похоронили Надежду Васильевну въ Александро-Невской лаврѣ. На выносѣ было много народа. Всю дорогу пѣлъ хоръ слушательницъ высш. женскихъ курсовъ, которыя по окончаніи отпѣванія донесли гробъ ея до могилы на рукахъ. Послѣ того, какъ онъ опущенъ былъ въ могилу, произнесено было нѣсколько рѣчей: г-жами Гарднеръ, Виноградовой, Калмыковой, С. А. Ольхинымъ и др. На похоронахъ была почти вся администрація высшихъ курсовъ, представители Фребелевскаго и другихъ педагогическихъ обществъ, друзья и знакомые. Вѣнковъ—металлическихъ, серебряныхъ и изъ живыхъ цвѣтовъ—было очень много. По окончаніи погребенія, женская молодежь долго еще не расходилась отъ могилы, желая украсить ее вѣнками, а можетъ быть, и продлить время разставанья съ добрымъ человѣкомъ, который такъ горячо принималъ къ сердцу защиту женскихъ правъ на образованіе, самостоятельность и вообще лучшую судьбу.

Приведемъ заключеніе нѣсколько строкъ одного изъ старѣйшихъ сотрудниковъ Н. В. по женскому образованію, проф. Бекетова (*ibid*, № 7040):

«Теперь, когда закрылась могила надъ Н. В. Стасовой, осознаніе «новое слово», № 1, о. п. 1895.

бенно кстати еще и еще разъ вспомнить о настойчивой, можно сказать—героической дѣятельности тѣхъ лицъ, которымъ Россія обязана учрежденіемъ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Имена ихъ всеѣмъ извѣстны, они уже занесены на страницы исторіи; но на этотъ разъ я взялся за перо для того, чтобы съ особымъ удареніемъ обратить всеобщее вниманіе на то, что эти имена принадлежатъ исключительно женщинамъ, группѣ дамъ, изъ которыхъ многія и до сихъ поръ трудятся на томъ же поприщѣ... Мужчины только помогали этимъ дѣятельницамъ. Самая мысль возникла среди женщинъ, онѣ же ее осуществили, развили, укрѣпили и окончательно реализировали. Ими собраны денежные средства, ими выпрошено правительственное дозволеніе; онѣ служили и до сихъ поръ служатъ — дѣлу, не щадя ни средствъ, ни здоровья, ни душевной энергіи. Этими немногими словами опредѣляется и великость заслугъ Надежды Васильевны Стасовой, которая была первою изъ среды тѣхъ дѣятельницъ.

Глядя на неподвижныя черты дорогой покойницы, на кроткую, проникнутую добротой и умомъ улыбку, не покинувшую ее и въ гробу, сердце невольно сжималось отъ жгучаго горя. Всеобщее уваженіе, столь ярко выразившееся въ печальные часы ея похоронъ, и обиліе ея почитателей могутъ, однакоже, доставить намъ утѣшеніе, укореняя увѣренность въ томъ, что дѣло, которому она такъ долго и энергично служила, установлено навсегда»...

ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРѢ.

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Соч. Ж. Жюссерана.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Много писалось и будетъ еще писаться исторій англійской литературы. Область эта такъ привлекательна, что, не смотря на всю трудность задачи, всегда будутъ являться желающіе предпринять столь тяжелое, но чарующее путешествіе по ней.

По мѣрѣ того, какъ идутъ года, подобное путешествіе становится все длиннѣе, и страна, по которой приходится идти, все увеличивается въ своихъ размѣрахъ, изслѣдователи движутся все далѣе и, взобравшись на невѣдомыя дотогѣ высоты, видятъ среди утренняго тумана отдаленныя контуры неизвѣстныхъ мѣстностей. Надо проникать чрезъ нихъ въ замогильный міръ, въ безмолвныя царства мертвецовъ чрезъ пустынные равнины, замерзшія болота и непроходимыя тростники или пространства, поросшія никогда не цвѣтущимъ терніемъ, чтобы достигъ того рая поэзіи, гдѣ раздается, благодаря дару фей или музъ, эхо уже давно замолкнувшихъ, мелодичныхъ голосовъ.

Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, для освѣщенія зачатковъ англійской литературы, больше сдѣлано, чѣмъ во всю новую эпоху. Безъ усталы работали, отыскивали, разбирали, систематизировали, переводили, печатали; такимъ образомъ царство англійскаго слова безконечно увеличилось, благодаря изслѣдованію новыхъ садовъ и новыхъ пустынь, громадныхъ, покрытыхъ облаками пространствъ и безпредѣльныхъ чащъ; его границы раздвинулись до безконечности. Такъ, по крайней мѣрѣ, намъ кажется, и мы смѣемъ надъ наивностью Робертсона, который, въ прошедшемъ столѣтіи, восхищался обиліемъ документовъ, доступныхъ изученію въ его

время. А теперь недалеко минута, когда станут смѣяться и надъ нашей наивностью.

Но и другимъ путемъ постоянно увеличивается поле исторіи: года идутъ столь быстро, что путешественникъ, отправившійся для изслѣдованія странъ прошедшаго, такъ всецѣло предается своей задачѣ, что забываетъ мѣсяцы и дни, а, возвратясь, видитъ съ удивленіемъ, что область прошедшаго все растетъ и растетъ: въ прошедшее перешолъ Тениссонъ и Браунингъ; маленькая, улыбающаяся фигура послѣдняго, дышавшая силой и добротой, не дождалась возвращенія путешественника, думавшаго написать съ нея заживо портретъ, и теперь покоится подъ сѣрыми камнями Вестминстера. Къ прошедшему принадлежитъ и нашъ общій учитель, который первый указалъ намъ путь и мужественно переходилъ отъ одного изслѣдованія къ другому, смѣлый въ своихъ сужденіяхъ, не обращающій вниманія на послѣдствія, заботясь только о правдѣ и ведя жизнь, служащую образцомъ неменѣе чѣмъ его сочиненія. Эти послѣднія останутся вѣчными памятниками, но кто расскажетъ его жизнь, кто укажетъ на всю благотворную пользу его патріархальной, ясной, достойной, доброй рѣчи? Жизнь Тэна такое великое дѣло, что его сочиненія знакомятъ съ нимъ недостаточно.

Задача передъ нами громадная, и она имѣетъ безконечно чарующую, притягательную силу. Никто не можетъ понять, не проникнувъ туда, всю мирную прелесть этихъ отдаленныхъ уголковъ, гдѣ не слышно шума мірскаго. Правда, мы не ждемъ отъ изученія этого предмета тѣхъ баснословныхъ утѣшеній, о которыхъ пламенный изслѣдователь классической древности писалъ 13 іюля 1800 года: «надо представлять сколь возможно меньшую поверхность ударамъ судьбы и вполне замкнуться въ изученіи одной греческой литературы»; но что касается англійской литературы, то изученіе ея вообще даетъ ея изслѣдователямъ особое чувство удовлетворенія: она производитъ впечатлѣніе непрерывной жизни. Вестминстерскіе мертвецы оставили послѣ себя потомство, въ свою очередь, молодое, плодovitое; ихъ преемники живутъ передъ нами и на нашихъ глазахъ готовятъ будущее. Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ любопытныхъ чертъ англійской литературы; она развивалась параллельно съ французской, но представляетъ глубокое различіе; подобно французской, она отличается тѣмъ, что зачатки ея лежатъ въ далекой старинѣ, и представляетъ литературу прекрасную, богатую, обильную, безпредѣльную, подробная исторія которой немыслима безъ какихъ-нибудь пробѣловъ; наконецъ, она такъ же жива доселѣ во всѣхъ своихъ главныхъ отрасляхъ и не выказываетъ ни малѣйшаго признака упадка. Ни одинъ изъ европейскихъ наро-

довъ не представляетъ подобнаго явленія. Рядомъ и бокъ-о-бокъ, или стоя другъ противъ друга лицомъ къ лицу, въ мирѣ или войнѣ, обѣ литературы, также какъ оба народа, имѣли изъ вѣка въ вѣкъ постоянныя соотношенія. Не смотря на взаимныя распри и ненависть, онѣ не разъ воздѣйствовали одна на другую живительнымъ образомъ. Эти взаимныя вліянія и отраженія начались давно; французы привили въ 1066 году дикое древо своихъ сосѣдей, это древо принесло плоды, и они въ свое время воспользовались ими. Энциклопедисты и романтики питались англійскими идеями; въ нѣкоторомъ отношеніи они брали назадъ то, что когда-то пода-рили ихъ предки.

Обязанность всякаго путешественника, посѣщающаго какую-либо страну, о которой существуютъ уже описанія—не ограничиваться общими картинками, но спеціально заняться такими наблюденіями, для которыхъ онъ, благодаря обстоятельствамъ, наиболѣе подготовленъ. Если у него глазъ живописца, то онъ долженъ старательно и со всевозможной точностью отмѣтить всѣ тоны и контуры, а если онъ обладаетъ взглядомъ ученаго, то обязанъ отмѣтить геологическіе слои и классифицировать исчезнувшую флору; если онъ жилъ въ странѣ долго и въ различныя эпохи и видѣлъ ея населеніе какъ въ часы мирнаго спокойствія, такъ и болѣзненнаго кризиса, то онъ можетъ уменьшить въ своей книгѣ элементъ чистой эстетики и теоріи, и передать впечатлѣнія, производимыя непрерывностью жизни, живыми столкновеніями съ народомъ въ его прошедшемъ и настоящимъ, а также знакомствомъ съ его почвой, городами, учрежденіями, гостиницами. Конечно, эта послѣдняя задача очень трудна и деликатна, но, не смотря на всѣ ея трудности, именно эту самую задачу ему и слѣдуетъ постараться выполнить, такъ какъ онъ этимъ окажетъ значительную услугу. Сочиненіе, которое онъ тогда напишетъ или попытается написать, уже не будетъ, собственно говоря, исторіей англійской литературы, а скорѣе исторіей англійскаго народа въ его литературѣ. Народъ займетъ въ этой исторіи болѣе обширное мѣсто; многія выраженія національной идеи, пропущенныя въ другихъ подобныхъ сочиненіяхъ, тутъ выдвинутся впередъ; эпохи, во время которыхъ эта мысль выражалась на другихъ языкахъ, кромѣ англійскаго, не останутся пропущенными, словно тогда ступевался на островѣ всякій интеллектуальный трудъ. Такимъ образомъ будетъ яснѣе видно образованіе и характеръ расы, а равно постепенное созданіе того англійскаго народа, который мы знаемъ. Придется тогда войти въ Вестминстеръ и познакомиться съ тѣмъ, какъ думала и говорила нація во времена Плантагенетовъ, какъ она постепенно приходила къ сознанію самой себя; придется спросить отчета у фило-

*

софовъ и реформаторовъ въ теоріяхъ, распространенныхъ ими. Бэконъ, Гоббсъ и Локкъ были отцами многочисленныхъ поэтовъ, которые никогда не читали ихъ сочиненій, но дышали той атмосферою, въ которой носились ихъ идеи. Придется слѣдовать за мечтателями, рассказчиками, проповѣдниками и пѣвцами всюду, куда имъ вздумается пойти: въ Валгаллу Одина, на зеленяя долины Ирландіи, въ саксонскую церковь Брадфорга-на-Авонѣ, въ таверны «Табартъ» и «Сирену», въ театръ «Глоубъ», въ залы Вильса, въ развалины замковъ, въ соборы, на поля, гдѣ проводилъ глубокія борозды своимъ плугомъ Пирсъ-пахарь.

Настоящее сочиненіе будетъ заключаться въ трехъ томахъ, но такъ какъ надо «подставлять сколь возможно меньшую поверхность ударамъ судьбы», то каждый томъ составитъ самостоятельное цѣлое: первый обниметъ исторію литературы англійскаго народа отъ ея зачатковъ до эпохи возрожденія, второй—отъ эпохи возрожденія до XVIII вѣка, и третій—отъ XVIII вѣка до нашихъ дней.

Имѣя дѣло съ такимъ обширнымъ предметомъ, невозможно сказать всего, надо поставить границы и выбирать, а потому во многихъ случаяхъ пришлось довольствоваться простыми указаніями; но, чтобы облегчить трудъ тѣмъ, которые вздумали-бы заняться глубже этимъ предметомъ, сдѣланы ссылки въ примѣчаніяхъ на тексты и лучшія изданія подлинниковъ; въ болѣе рѣдкихъ указаны и критическія сочиненія, оцѣнки и комментаріи, потому что приходилось ограничиваться, за недостаткомъ мѣста, тѣмъ, что крайне необходимо, преимущественно ссылками на подлѣнные документы.

Для удобства читателя тексты переведены и приложенъ краткій перечень историческихъ событій въ хронологическомъ порядкѣ, а также азбучный указатель.

Парижъ. Апрель 1894 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЗАЧАТКИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Б р и т а н і я.

I.

Народъ, населяющій въ настоящее время Англію, образовался, такъ же какъ французскій народъ, изъ сліянiя многихъ расъ, наслоенныхъ одна на другую. Въ обѣихъ странахъ слились однѣ и тѣ же расы и почти въ однѣ и тѣ же эпохи, но въ различномъ количествѣ и при различныхъ общественныхъ условіяхъ. Отъ этого происходятъ рѣзкія различія и поразительныя сходства въ духѣ той и другой націи. По той же причинѣ возникли, въ теченіе вѣковъ, противоположныя чувства, питаемыя другъ къ другу этими націями, отъ уваженія и даже восторженнаго поклоненія до зависти и даже ненависти. Этимъ же, наконецъ, объясняется безпримѣрный интересъ, представляемый однимъ народомъ для другого: они слишкомъ различны, чтобы, подражая другъ другу, они рисковали потерять свой національный характеръ и слишкомъ сходны, чтобы взаимныя заимствованія остались безплодными. Эти заимствованія дѣйствуютъ какъ могучая закваска: произведенія англійской мысли въ «державную эпоху англійской литературы» поднялись на французской закваскѣ, а въ произведеніяхъ французской мысли, въ романтический періодъ, ощущается закваска англійская.

Классическіе писатели даютъ намъ мало свѣдѣній о древнѣйшемъ періодѣ исторіи народовъ, населявшихъ британскій архипелагъ; тѣ изъ ихъ сочиненій, которыя были бы для насъ всего драгоцѣннѣе, сохранились только въ скудныхъ отрывкахъ. Но, по счастью, многіе пробѣлы можно пополнить, благодаря много-

численнымъ изслѣдованіямъ современной науки. Она наслѣдовала отъ исчезнувшихъ кудесниковъ ихъ волшебный жезлъ, которымъ прикоснулась къ гробницамъ: могилы разверзлись и мертвецы заговорили. Въ какую страну ходилъ ты на своемъ военномъ кораблѣ?—спросила наука у скандинавскаго викинга, и въ отвѣтъ мертвый викингъ, спавшій цѣлые вѣка среди утесовъ острова Скай, открылъ свою засохшую руку и указалъ на лежащія въ ней золотыя монеты калифовъ. Эти монеты—не красное словечко, а фактъ: онѣ существуютъ, и ихъ можно видѣть въ Эдинбургскомъ музеѣ. Волшебный жезлъ прикоснулся и къ стариннымъ, непонятнымъ рукописямъ и нарушилъ чары, заставлявшія ихъ хранить таинственное безмолвіе. Эти рукописи заговорили словами любви, военными криками и столь ясными рѣчами, что наши сердца были глубоко тронуты, и столь образными, колоритными выраженіями, что пейзажи, родные германцамъ и кельтамъ, стали родны и нашимъ глазамъ.

Конечно, разыскано далеко не все, и мертвые сохраняютъ еще тайны, которыя, быть можетъ, когда нибудь откроются. Придетъ день, когда найдутъ въ папирусахъ, скрывающихся въ неизслѣдованныхъ гробницахъ нильской долины, рассказъ о путешествіи на британскіе острова, около 330 года до Р. Х., одного грека изъ Марсели, по имени Пиеея ¹⁾, современника Аристотеля и Александра Великаго. Изъ этого рассказа сохранилось только нѣсколько фразъ, но уже и теперь отчасти разсѣялся тотъ мракъ, который окружалъ зачатки англійской націи.

Первобытное населеніе, всего менѣе извѣстное и которое созидало во Франціи расположенныя прямыми линіями Карнакскіе камни, а въ Англій—гигантскіе круги Стонгенджа и Авербюри, было замѣщено въ обѣихъ странахъ, за много вѣковъ до Р. Х., кельтической расой.

Кельты, прозванные такъ греками Келτοί отъ имени одного изъ ихъ главныхъ племенъ, точно такъ же, какъ теперь народы французскій, англійскій, шотландскій и германскій называются по имени одного изъ входящихъ въ ихъ составъ племенъ,—занимали въ III вѣкѣ до Р. Х. большую часть центральной Европы, теперешней Франціи, Испаніи и Британскихъ острововъ. Они были сосѣдями грековъ и римлянъ, а центромъ ихъ владѣній была Баварія. Изъ этой то послѣдней страны, а не изъ Франціи, отправились тѣ экспедиціи, вслѣдствіе которыхъ былъ взятъ

¹⁾ О Пиееѣ см. *Origins of English history*, by Elton, London 1890. Онъ посѣтилъ берега Испаніи, Галліи, Британіи и Норвегіи а возвратился чрезъ Шотландскіе острова. Отрывки изъ его дневника, сохранные древними писателями, приведены въ этой книгѣ ниже.

Римъ, ограблены Дельфы и одна фригійская провинція перекрещена въ Галатію. Эта область изобилуетъ кельтическими кладбищами, и самое замѣчательное изъ нихъ открыто не во Франціи, а въ Гальштадтѣ, близъ Зальцбурга, въ Австріи ¹⁾).

Языкъ кельтовъ подходилъ гораздо болѣе къ латинскому, чѣмъ къ германскимъ нарѣчіямъ; онъ въ свою очередь дѣлился на многія нарѣчія и между прочимъ на гальскій, которымъ долго говорили во Франціи, на гаэльскій, уэльскій и ирландскій, на которыхъ и теперь еще говорятъ въ Шотландіи, Уэльсѣ и въ Ирландіи. Самое важное изъ кельтическихъ племенъ, поселившихся на большомъ островѣ, по ту сторону Ламанша, называло себя Бритами, откуда произошло и общее названіе страны Британіей, а впоследствии Великобританіей. Бриты, повидимому, пришли въ III вѣкѣ до Р. Х. изъ Галліи и утвердились среди другихъ кельтическихъ племенъ, уже находившихся ранѣе на этомъ островѣ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, отъ эпохи Пивея до римскаго завоеванія, тогдашній міръ не зналъ, что творилось въ Британіи, и мы не имѣемъ, даже въ настоящее время, большихъ свѣдѣній объ этой эпохѣ. Центръ человѣческой цивилизаціи нѣсколько разъ передвигался и наконецъ перешелъ изъ Аѳинъ въ Римъ; извѣстно было только то, что къ сѣверу отъ Галліи находилась обширная земля, окруженная водой, богатая оловомъ, покрытая лѣсами, пастбищами и болотами, съ которыхъ поднимались густые туманы.

Прошло три вѣка; римляне утвердились въ Галліи; Цезарь, во главѣ своихъ легионовъ, отомстилъ за оскорбленія Бренна; но борьба все еще продолжалась, а Вердингеториксъ еще не появился. Одушевленные тѣмъ чувствомъ братства, которое въ кельтахъ было вкоренено такъ глубоко, и доселѣ чувствуется на обоихъ берегахъ Атлантическаго океана, бриты оказали помощь своимъ соплеменникамъ на континентѣ противъ чужеземнаго завоевателя. Цезарь рѣшился поэтому повести свои войска на ту сторону Ламанша, но онъ ничего не зналъ о той странѣ и хотѣлъ прежде всего навести справки. Онъ сталъ разспрашивать торговцевъ, но немного узналъ отъ нихъ; имъ были извѣстны только берега, да и то плохо. Цезарь пустился въ путь на корабляхъ въ ночь съ 24 на 25 августа въ 55 году до нашей эры и употребилъ больше времени на то, чтобы переплыть проливъ, чѣмъ теперь потребно на путешествіе изъ Парижа въ Лондонъ. Его экспедиція была настоящимъ путешествіемъ въ невѣдомыя страны, и во

¹⁾ A. Bertrand: *La Gaule avant les Gaulois*, Paris 1891, pp. 7—19. D'Arbois de Lubainville: *Revue historique*, janvier—fevrier 1836.

время своихъ двухъ посѣщеній Британіи онъ разспрашивалъ какъ можно большее число людей и записывалъ все, что могъ подмѣтить въ обычаяхъ туземцевъ. Характеристика древнихъ обитателей Англій, вышедшая изъ-подъ пера Цезаря, кажется теперь очень странной: «большая часть племенъ, живущихъ во внутренности страны, — говоритъ онъ, — не сѣютъ, а живутъ молокомъ и мясомъ; одѣваются же они въ звѣриныя кожи. Всѣ бриты красятся синей краской, что придаетъ имъ ужасный видъ во время битвы. Они носятъ длинные волосы и брѣютъ себѣ все тѣло, за исключеніемъ головы и усовъ».

Если бы забыть, что оригиналъ писанъ на латинскомъ языкѣ, то можно было бы подумать, что читаешь путешествія капитана Кука, и это на столько вѣрно, что самъ великій мореплаватель, прибывъ на островъ Саву (Savu), въ свое первое кругосвѣтное путешествіе, дѣлаетъ подобное же замѣчаніе.

Кромѣ нѣкоторыхъ подробностей, кельтическое населеніе будущей Англій вполнѣ сходствовало съ обитателями Франціи ¹⁾. Столь же храбрые, какъ и запальчивые, что имъ нерѣдко причиняло большой вредъ (при Пуатье и Никополѣ), пламенные, любознательные и готовые всегда вступить въ ссору, они воевали такъ-же, какъ и галлы и тѣмъ же оружіемъ. Въ Витгамѣ и Темзѣ найдены бронзовые щиты такой же формы и работы, какъ тѣ, которые на триумфальной аркѣ въ Оранжѣ напоминаютъ уже восемнадцать вѣковъ о побѣдахъ римлянъ надъ континентальными кельтами. Слова Горация о галлахъ могутъ быть одинаково примѣнены и къ бритамъ: «они никогда не боялись погребеній ²⁾. Могила для нихъ не имѣла въ себѣ ничего страшнаго, такъ какъ они вѣрили въ безсмертіе души, и смерть для нихъ была не концомъ жизни, а переходомъ изъ одной жизни въ другую. Новая жизнь для нихъ была столь же полной и желанной, какъ прежняя, и не походила на то подземное существованіе, которое, по вѣрованіямъ древнихъ, отличалось только двумя утѣшительными элементами: спокойствіемъ и забвеніемъ. По понятію кельтовъ, мертвецы воскресали подъ лучами небснаго свѣта, а не погружались, какъ полагали римляне, въ область тѣней. Ни одинъ британецъ, галлъ или ирландецъ не понялъ-бы меланхолическихъ словъ Ахилла: «не старайся, славный Улиссъ, успокоить меня на счетъ смерти; я предпочелъ бы обрабатывать землю у бѣднаго человѣка за маленькое вознагражденіе, чѣмъ царствовать въ

¹⁾ Тацитъ, Agricola, XI, Юлій Цезарь, De Bello Gallico. Югъ былъ занятъ галлами, пришедшими съ континента въ недавнее время. Иконы были гальскимъ племенемъ, а тринованты—бельгійскими галлами.

²⁾ Ad Augustum. Odes, IV. 14.

царствѣ мертвецовъ»¹⁾. Это была раса оптимистовъ и смотрѣла не только на жизнь, но и на смерть, съ хорошей стороны.

Эти вѣрованія старательно поддерживались друидами или философскими жрецами, роль которыхъ была одинакова въ Галліи, Ирландіи и Британіи. Ихъ ученіе возбуждало удивленіе и восторгъ римлянъ: «и вы, друиды,—воскликаетъ Луканъ:—обитающіе вдалекѣ, подъ большими деревьями священныхъ дубавъ, полагаете, что тѣни не посѣщаютъ безмолвнаго Эреба и мрачнаго царства блѣднаго Плутона, а напротивъ, по вашему,—тотъ же духъ одушевляетъ ваше тѣло въ иномъ мірѣ. Смерть, по вашимъ понятіямъ,—средина долгой жизни. Счастливо заблуждаются народы, живущіе подъ Большой Медвѣдицей. Они не знаютъ самаго ужаснаго изъ страховъ—страха смерти»²⁾.

Обитатели британскаго острова имѣли еще одно, общее съ французами качество, именно удивительную способность къ обученію. Вскорѣ послѣ римскаго завоеванія стало трудно различать работу кельтическую отъ римской, что доказывается предметами, найденными въ древнихъ гробницахъ. Цезарь удивлялся, какъ у него на глазахъ совершенствовались побѣжденные имъ враги; изъ простыхъ дикарей они превратились въ ловкихъ воиновъ, которые хитро избѣгали его военныя стратагеми. Благодаря этой понятливости и любознательному подражанію, развилась въ кельтической расѣ такая способность къ ассимиляціи, которую, въ такой же степени не обнаруживаетъ ни одна европейская національность.

Римскіе писатели указывали съ восхищеніемъ еще на одну черту кельтовъ—на умѣнье говорить и на быстроту въ отвѣтахъ, чѣмъ они рѣзко отличались отъ германцевъ. Галлы, по словамъ Катона, имѣли двѣ страсти: «хорошо сражаться и хорошо говорить»³⁾. Это свидѣтельство тѣмъ замѣчательнѣе, что оно обнаруживаетъ способность литературнаго характера, а справедливость его безспорна, такъ какъ теперь вполнѣ извѣстно, съ ка-

¹⁾ *Odyssee*, XI, стихъ 488 и слѣд.

²⁾ *Pharsalia*, lib. 1.

³⁾ Цитировано грамматикомъ Каризіемъ. Во времена Катона (въ III и II вѣкахъ до Р. Х. слово Галлія не имѣло того ограниченнаго смысла, которое оно получило съ эпохи Цезаря, и означало всѣ кельтическія страны на континентѣ. «Искусство кельтовъ выражалось еще въ ихъ законахъ и, съ интеллектуальной точки зрѣнія, эти законы дѣлаютъ величайшую честь кельтамъ. Извѣстный нѣмецкій юристъ Вальтеръ приходитъ къ тому заключенію, что галлы въ этомъ отношеніи далеко оставили за собой всѣ другіе народы въ средніе вѣка. Это доказываетъ, что они отличались утонченностью и строгой опредѣленностью ума, а также значительной способностью къ философскимъ умозрѣніямъ». *Les Mabinogion*, pag. G. Lat. Paris, 1889, t. I p. 7.

кимъ талантомъ и въ какомъ именно родѣ кельтическіе народы обнаруживали свой даръ слова.

II.

Близкое сходство между кельтическими племенами на обоихъ берегахъ Ламанша въ нравахъ, вкусахъ, языкѣ и народномъ духѣ—не подлежитъ никакому сомнѣнію. «Ихъ языкъ мало различуется», говоритъ Тацитъ. «Ихъ постройки почти одинаковы», замѣчаетъ Цезарь. Несомнѣнна также одинаковость ихъ литературнаго генія; слова Катона относятся къ галламъ, но справедливость ихъ можно провѣрить съ помощью ирландскихъ поэмъ и рассказовъ. Если мы возьмемъ уэльскіе рассказы, сочиненные другими кельтами—на Британскомъ островѣ, то придемъ къ тому-же результату. Измѣнимъ эпоху, и выводъ будетъ тотъ-же. Сущность кельтическаго духа осталась все той-же: обитатели Арморики, Британіи, Уэльса, Ирландіи и Шотландіи отличаются искусствомъ рассказывать и чрезвычайно ловки на быстрые отвѣты, такъ что ихъ никогда нельзя взять врасплохъ. Камбріецъ Жиро описываетъ своихъ уэльскихъ соотечественниковъ въ XII вѣкѣ въ такомъ видѣ, что его слова кажутся перефразировкой замѣчанія Катона о галльскихъ кельтахъ 400 лѣтъ передъ тѣмъ¹⁾.

Ирландія сохранила самые древніе памятники кельтической мысли. До насъ не дошли тѣ «многочисленные стихи», которымъ, по словамъ Цезаря, друиды обучали въ Галліи своихъ учениковъ, запрещая записывать ихъ²⁾. Это запрещеніе исполнялось слишкомъ строго. До насъ также не дошли и тѣ импровизаціи галльскихъ или британскихъ бардовъ, о которыхъ упоминаютъ древніе. Но въ Ирландіи кельтическая литература имѣла гораздо болѣе времени для своего развитія. Эта страна не подверглась римскому завоеванію; вторженія варваровъ не произвели тамъ такого общаго переполоха, какъ въ Англіи и на континентѣ. Въ VII и VIII вѣкахъ ирландскіе грамотѣи записали старинные эпическіе рассказы своей родины. Не смотря на распространеніе христіанства, въ этихъ рассказахъ постоянно проглядываетъ языческая основа; они переносятъ насъ не только въ тѣ времена, когда слагались эти рассказы, но и въ ту, болѣе отда-

¹⁾ Онъ приводитъ примѣры ихъ остроумія. *Descriptio Cambriae*, chap. XIV.

²⁾ Онъ говоритъ относительно друидскихъ учениковъ въ *De Bello Gallico* въ VI книгѣ: Одной изъ причинъ этого воспрещенія было желаніе, чтобы ученики постоянно развивали свою память, что считалось у кельтовъ чрезвычайно важнымъ.

ленную, эпоху, когда происходили повѣствуемые событія, именно къ періоду Цезаря и возникновенія христіанства. Въ наши дни эта литература освѣщена многими основательными трудами ¹⁾). Но сдѣлано еще не все; разсчитано, что для напечатанія въ подлинникѣ всѣхъ древнихъ ирландскихъ рукописей потребовалось бы около 1.000 томовъ. Нельзя сказать, чтобы народъ, породившій такое изобиліе литературныхъ памятниковъ, былъ не плодovitымъ, и въ этой народной чертѣ видны слѣды той страсти къ разсказамъ и той ненасытной любознательности, которая подмѣтилъ Цезарь у континентальныхъ кельтовъ ²⁾).

Большая часть этихъ разсказовъ относится до эпического цикла Конхобара и Кухулаинна, а также къ войнамъ между Ульстеромъ и Каннотомъ. Они изложены прозой, но попадаютъ мѣстами и стихи. Задолго до того времени, какъ они были записаны, ихъ повторяли въ опредѣленной формѣ и слово въ слово люди, которые всю свою жизнь проводили въ развитіи своей памяти. Корпорация Филей или вѣщунговъ дѣлилась на десять категорій, начиная отъ Обларіевъ, которые знали только семь разсказовъ, до Олламовъ, которымъ было извѣстно до 350 ³⁾). Эти разсказчики не походили на бардовъ, потому что ничего не сочиняли, а только запоминали; разсказы, которые они должны были знать, были при этомъ опредѣленные, а не какіе нибудь, и сохранились списки ихъ, а также нѣкоторые изъ самыхъ разсказовъ.

Просматривая сборники этихъ разсказовъ, всякій убѣдится, что тогдашніе кельтическіе авторы отличались тѣми-же качествами, которыя составляли въ послѣдствіи наиболѣе блестящую черту литературы народовъ этой расы: пониманіемъ формы и красоты, драматическимъ даромъ и богатымъ воображеніемъ ⁴⁾). Этотъ фактъ тѣмъ замѣчательнѣе, что эпоха, до которой онъ относится, очень

¹⁾ Среди этихъ трудовъ наиболѣе замѣчательные: Арбуа-де-Жубенвиля, Виндиша, Циммера, Нетлау Витлея Стокса, Куно-Мейера, Ло и Риса.

²⁾ Lib. IV.

³⁾ Изъ нихъ 250 большихъ и 100 мелкихъ. D'Arbois de Jubainville. Introduction à l'étude la littérature celtique, Paris, 1883, p.p. 322—333.

⁴⁾ Въ этомъ послѣднемъ отношеніи смотри «Странствія Маель-Двина», — разсказъ, составленный, вѣроятно, въ X вѣкѣ и имѣющій христіанскую форму, но сущность котораго языческая. Вотъ для примѣра названія нѣкоторыхъ главъ: «Островъ большихъ муравьевъ.—Островъ большихъ птицъ.—Чудовищная лошадь.—Скачка демоновъ.—Жилище лососки.—Чудесные плоды.—Подвиги чудовища на островѣ.—Побойще коней.—Огненные звѣри и золотыя яблоки.—Замокъ, защищаемый котомъ.—Страшная мельница.—Островъ черныхъ ивъ.—L'Épopée celtique en Irlande, par d'Arbois de Jubainville, Paris, 1892, p.p. 449 et s.

варварская, и множество подробностей обнаруживают тогдашнюю дикость нравовъ. Въ этихъ легендахъ столько-же говорится о рѣзнѣ и жестокостяхъ, сколько и въ древнихъ германскихъ поэмахъ. «Эта провинція жестокая», говорилъ Тацитъ о Британскомъ островѣ. Далеко еще то время, когда женщина сдѣляется здѣсь предметомъ обожанія; за убійство человѣка платится пеня въ двадцать одну голову скота, а за убійство женщины—только въ три головы ¹⁾. «Военная доблесть была доведена до самой послѣдней степени, какой только можетъ достигнуть человѣческая натура и человѣческое воображеніе; ни одинъ герой, даже Роланъ и Рагнаръ Лодброкъ, не умиралъ такъ мужественно, какъ Кухулаиннъ. Смертельно раненный, онъ умираетъ стоя:

«Устремилъ онъ свои глаза на непріятельскіе ряды, прислонился къ высокому камню, лежавшему на равнинѣ, и привязалъ себя къ нему поясомъ. Онъ не хотѣлъ умереть ни сидя, ни лежа, а стоя хотѣлъ перейти въ другую жизнь. Враги окружили его со всѣхъ сторонъ и стояли, не смѣя приблизиться, такъ какъ онъ и мертвый казался имъ живымъ» ²⁾.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ разсказахъ играетъ большую роль и красота; въ нихъ говорится о цвѣтахъ и о птицахъ; женщины описываются восторженно; ихъ щеки пунцовыя, «какъ наперстянка», а ихъ волосы стелются волной по плечамъ.

Въ особенности драматическій элементъ проявляется въ нихъ съ такимъ блескомъ, равнаго которому не найти ни въ одной европейской литературѣ ³⁾. Кельтическіе поэты выказываютъ особое искусство изображать въ дѣйствіи извѣстныя событія, переходить отъ одного эффекта къ другому и заставлять говорить красно своихъ героевъ. Многія изъ дошедшихъ до насъ произведеній этого рода можно разбить на діалоги, и тогда передъ нашими глазами не разсказъ, а драма. Возьмемъ, напримѣръ, разсказы «Объ убійствѣ сыновей Узнеха» и «О болѣзни Кухулаинна», въ которыхъ любовь занимаетъ большое мѣсто, и гдѣ cadaго по-

¹⁾ «Кельтическій бракъ имѣлъ значеніе купли и продажи... принадлежность ребенка извѣстному отцу не имѣла той важности, какъ у насъ, и считалось непостыднымъ имѣть дѣтей отъ случайныхъ прохожихъ»—D'Arbois de Jubainville, page XXVIII.—«Вопросъ о томъ, физически-ли отецъ состоитъ родителемъ всѣхъ своихъ дѣтей, имѣлъ только интересъ sentimentalный, а для хорошаго администратора онъ не представляетъ никакого интереса, или очень мало».—Тамъ же, стр. XXVII—XXIX.

²⁾ Убійство Кухулаинна. L'Épopée celtique en Irlande, p. 346.

³⁾ Тотъ же драматическій элементъ встрѣчается въ литературѣ Бретани (Арморики); большая часть ея литературныхъ памятниковъ, хотя и позднѣйшей эпохи, заключается въ религиозныхъ драмахъ или мистеріяхъ. Эти драмы, большею частью не напечатанныя, очень многочисленны.

разять указанныя въ нихъ черты. «Исторія свиньи Макъ-Дато» отличается драматической силой, столь же дикой, какъ самыя жестокія пѣсни германцевъ и скандинавовъ, но она безконечно разнообразнѣе по тону и художественнѣе по формѣ. Картина общественной жизни и семейныя бесѣды встрѣчаются въ нихъ рядомъ съ описаніемъ кровавыхъ зрѣлищъ, столь любимыхъ всѣми народами въ эпоху ихъ дикаго отрочества.

«Жилъ-былъ, — говоритъ рассказчикъ, — король Ленстерскій, пользовавшійся большою славой и носившій имя Макъ-Дато ¹⁾. У этого короля была собака Эльбэ, которая защищала всю провинцію и была извѣстна всему острову Эрина своей Айлиль, король Коннота и Конхобаръ, король Ульстера, стали просить у Макъ-Дато этой собаки, а жена его посовѣтовала смущенному королю обѣщать собаку обоимъ государямъ. Въ назначенный день войны обѣихъ странъ явились за знаменитой собакой, и Макъ-Дато угостилъ ихъ великолѣпнымъ банкетомъ, на которомъ главное блюдо была свинья особаго рода, которую кормили «семь лѣтъ триста коровъ». Какъ только гости усѣлись, то начали разговаривать между собой:

— Хороша на взглядъ эта свинья, — сказалъ Конхобаръ.

— Да, — отвѣчалъ Айлиль, — но какъ ее разрѣжутъ?

— Очень просто, — произнесъ Брикриу, сынъ Карбада, — въ этой залѣ собраны всѣ главные герои Эрина. Каждому придется часть соотвѣтственно его подвигамъ; но прежде чѣмъ опредѣлить эти части, каждый постарается заткнуть за поясъ своего товарища.

— Хорошо, — сказалъ Айлиль.

— Это справедливо, — заявилъ Конхобаръ, — здѣсь находятся войны, защищавшіе наши границы.

Тогда каждый, въ свою очередь, всталъ и требовалъ себѣ чести разрѣзать свинью: я сдѣлалъ то и то. — Я сдѣлалъ лучше. — Я убилъ твоего отца. — А я убилъ твоего старшаго брата. — Я нанесъ тебѣ рану, отъ которой ты страдаешь до сихъ поръ.

Не успѣлъ воинъ Сеть рассказать о своихъ страшныхъ подвигахъ, какъ другой воинъ, Коналгъ изъ Ульстера, сталъ оспаривать его права на первенство:

— Съ перваго дня, какъ я сталъ владѣть копьемъ, я всегда засыпалъ съ головой одного изъ обитателей Коннота, вмѣсто подушки. Никогда не проходило ни одного дня, ни одной ночи, чтобы я не убилъ врага.

— Правда, ты воинъ лучше меня, — отвѣчалъ Сеть, — но если

¹⁾ L'Épopée celtique, pag. 66.

бы Андрианъ былъ въ замкѣ, то ты не могъ бы соперничать съ нимъ. Какое горе, что его нѣтъ здѣсь.

— Онъ здѣсь,—отвѣчалъ Коналгъ, и, вынувъ изъ-за своего пояса голову Андриана, бросилъ ее на столъ.

Въ «Убіиствѣ сыновей Узнеха» ¹⁾ первую роль играетъ женщина. Любовь—главный мотивъ, побуждающій всѣхъ дѣйствующихъ лицъ; любовь, (что представляетъ единственный примѣръ въ европейской литературѣ той эпохи), приводитъ героевъ къ смерти, и эти герои однако не мирные, тщедушные мечтатели, а, по своей жестокости, когда дѣло идетъ не о любви, достойны Валгаллы Одина. Вотъ образецъ того, какъ кельты, по ту сторону Ламанша, умѣли любить и умирать.

Ребенокъ въ утробѣ своей матери Федelmiды издалъ громкій крикъ. Великій друидъ Кадба, на вопросъ о томъ, что это значитъ, предсказалъ: — «дитя, закричавшее въ твоей утробѣ, будетъ дѣвушкой съ русыми кудрями, величественнымъ взглядомъ, голубыми глазами и пунцовыми, какъ наперстянка, щеками». И онъ прибавилъ, что эта молодая дѣвушка принесетъ несчастье многимъ людямъ. Ее назвали Дердріу и тайно воспитывали, чтобы избѣгнуть осуществленія грознаго пророчества. Однажды она увидала, какъ черный воронъ пилъ кровь на снѣгу, и сказала Леборхаму.

— Тотъ человѣкъ, котораго я полюблю, долженъ быть этихъ трехъ цвѣтовъ: у него будутъ волосы черные, какъ вороново крыло, щеки красныя, какъ кровь, а тѣло бѣлое, какъ снѣгъ.

— Тебѣ везетъ,—отвѣчалъ Леборхамъ,—человѣкъ, котораго ты хочешь полюбить, находится недалеко отъ тебя въ этомъ замкѣ. Это Ноизэ, сынъ Узнеха.

— Я буду счастлива только тогда, когда увижу его,—отвѣчала Дердріу.

Ноизэ вполне оправдываетъ ожиданія молодой дѣвушки; онъ и его два брата отличаются храбростью въ бояхъ и такъ ловки, что схватываютъ на бѣгу дикихъ звѣрей, ктому-же поютъ они прелестно. Ноизэ знаетъ предсказаніе друида и сначала отвергаетъ Дердріу, но послѣдняя насильно побѣждаетъ его. Они любятъ другъ друга. Преслѣдуемые своими врагами, три брата и Дердріу удаляются въ Шотландію къ королю Альбіона. Управляющій дворцомъ короля однажды увидалъ, какъ Ноизэ спалъ рядомъ со своей женой. Онъ тотчасъ разбудилъ короля.

— До сихъ поръ,—сказалъ онъ,—мы не могли найти для тебя достойной жены; но женщина, которая спитъ рядомъ съ Ноизэ,

¹⁾ Тамъ же. стр. 217.

именно такая, какая тебѣ нужна, король запада. Прикажи тотчасъ убить Ноизэ и женись на его женѣ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ король,—ты лучше попроси ее, чтобы она приходила ко мнѣ тайкомъ каждый день.

Управляющій исполнилъ приказаніе короля. Но всѣ его усилія были тщетны: то, что онъ говорилъ Дердріу днемъ, она передавала мужу ночью.

Всѣ сыновья Узнеха погибли въ западнѣ. Конхобаръ овладѣлъ молодой Дердріу, но она продолжала любить мертваго мужа. Она оставалась годъ у Конхобара, но во все это время у нея не видали на устахъ улыбки, она не ѣла, не спала, не поднимала вѣчно поникшей головы. Когда музыканты и гаеры хотѣли разсѣять ея горе, то она рассказывала имъ свою печаль и объясняла, какъ была счастлива въ минувшее время.

— Я не сплю,—говорила она,—я не крашу своихъ ногтей, я болѣе не живу, потому что сыновья Узнеха не вернутся ко мнѣ. Я не сплю на моей постели, не ѣмъ, не улыбаюсь, и душа моя витаетъ далеко отъ окружающей меня толпы.

Изъ мести Конхобаръ отдалъ ее челоуѣку, котораго [она болѣе всего ненавидѣла, убійцѣ ея мужа, и когда онъ увозилъ ее, то Конхобаръ издѣвался надъ ея горемъ. Но она безмолствовала. Когда же они проѣзжали мимо большого утеса, она бросилась на него головой впередъ, разбила себѣ черепъ и умерла.

Плодовитость фантазіи кельтическихъ поэтовъ неисчерпаема. Они создали послѣ цикла Конхобара циклъ Оссіана, которому Макферсонъ своими «подражаніями» придалъ такую славу, что Ламартинъ пользовался этой древней поэзіей для опредѣленія того пути, по которому должна была идти его муза. Наконецъ, ими былъ созданъ циклъ Артура, самый разнообразный и блестящій, безконечный источникъ вдохновенія для многочисленныхъ поэтовъ, въ томъ числѣ великаго французскаго поэта XII вѣка и недавно умершаго англійскаго поэта Теннисона. Въ Уэльсѣ составлялись сборники чудесныхъ рассказовъ, сочиненныхъ Мабиногіонами, т. е. учениками бардовъ¹⁾. Тутъ говорится о кудесникахъ и феяхъ, женщинахъ съ золотыми кудрями, въ шелковыхъ одеждахъ и одаренныхъ любящими сердцами. Рассказчики повѣствуютъ, что на охотѣ, преслѣдуя бѣлаго кабана, выскочившаго изъ чащи,

¹⁾ Эти рассказы въ прозаической формѣ имѣютъ различныя происхожденія и составлены на уэльскомъ языкѣ. Повидимому, они написаны въ концѣ XII столѣтія, а сохранившаяся ихъ копія принадлежитъ XIV вѣку. Многія изъ входящихъ въ эти рассказы легенды отличаются языческимъ элементомъ и переносятъ насъ въ самыя первобытныя времена исторіи кельтовъ. Les Mabinogions, traduits avec un commentaire, par Lot. Paris 1889, 2 vol.

они неожиданно останавливаются передъ замкомъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ прежде не было никакого жилища. Одинъ изъ нихъ, по имени Придери, смѣло входитъ за ограду и не видитъ передъ собой «ни людей, ни лошадей, ни собакъ, ни кабана, ни дома, ни какой-бы то ни было постройки. Посрединѣ возвышался только мраморный фонтанъ; на немъ висѣла золотая чарка, прикрѣпленная къ цѣпочкѣ, конецъ которой исчезалъ въ небесахъ. Пораженный блескомъ золота и изяществомъ работы, онъ схватилъ чарку, но въ ту же минуту его руки прильнули къ ней, а ноги къ мраморному бассейну. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потерялъ голосъ и не могъ произнести ни слова». Затѣмъ все исчезаетъ мѣстность становится, по прежнему лѣсной чащей, а герои превращаются въ мышей. Этотъ рассказъ напоминаетъ эпопею Аріоста, только передѣланную для дѣтей сказочникомъ Перро.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что потомки рассказчиковъ съ подобной, безконечно богатой фантазіей, имѣютъ литературу не скудную, исторію которой можно было-бы написать безъ всякихъ пропусковъ, а непредѣльную, неизсякаемую. Не видно конца поддерживающихъ ее золотыхъ цѣпей. Если же французы и англичане сохранили въ своихъ жилахъ большую или меньшую долю кельтической крови, то одинаково нечего будетъ удивляться, что они впоследствии создадутъ множество драмъ, даваемыхъ на театрахъ всего свѣта, и громадное количество романовъ, читаемыхъ во всѣхъ уголкахъ міра.

III.

Во время второй экспедиціи въ Британію Цезарь проникъ за Темзу, и, взявъ съ собою заложниковъ, удалился, чтобы болѣе не возвращаться. Собственно говоря, римляне завладѣли Британіей только при императорахъ. Начиная съ царствованія Клавдія, и въ продолженіе трехъ съ половиною вѣковъ она находилась подъ римскимъ управленіемъ. За это время проложена цѣлая система дорогъ, остатки которыхъ существуютъ до сихъ поръ, поставлены дорожные столбы, изъ которыхъ шестьдесятъ найдены, а одинъ до сихъ поръ стоитъ въ Честергольмѣ, и возведены двѣ высокія стѣны, отъ одного моря къ другому, противъ шотландскихъ набѣговъ, причемъ одна изъ этихъ стѣнъ сложена изъ плитняка, украшена башнями и защищена рвами, а также земляными валами ¹⁾. Укрѣпленныя по римской системѣ

¹⁾ Найдены во многихъ мѣстахъ остатки тѣхъ каменоломенъ, изъ которыхъ ввзаты были плиты для Адриановой стѣны, и на нихъ видѣются на-

и защищенные римскими гарнизонами, группы британских жилищъ сдѣлались городами, и въ Йоркѣ, Батѣ, Лондонѣ, Линкольнѣ, Чирфенчестерѣ, Альдборо, Вудчестерѣ, Бинборѣ и многихъ другихъ мѣстахъ возникли такія же виллы, какъ тѣ, остатки которыхъ найдены подѣ пепломъ Помпеи и подѣ песками Туниса. Подѣ тѣнью друидскихъ дубовъ римскій стекольщикъ сталъ выдувать свои разноцвѣтные легкіе сосуды, а мозаистъ началъ изображать Орфея на пантерѣ, съ фракійской лирой въ рукахъ. Воздвигнуты были храмы римскимъ богамъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ потомъ явились христіанскія церкви; одна изъ церквей этой эпохи существуетъ доселѣ, именно церковь Св. Мартына въ Кантербюри¹⁾. Въ честь императоровъ были воздвигаемы статуи, чеканились монеты, выливались гири, добывались металлы изъ земли, горшечники производили глиняныя урны, и римскіе воины сохраняли прахъ своихъ мертвецовъ въ тѣхъ самыхъ сосудахъ, которые теперь видѣются въ витринахъ Британскаго музея.

Какъ бы далеко ни проникалъ римлянинъ, онъ всегда несъ съ собою Римъ; ему необходимы были вездѣ его статуи, его цвѣтные полы, его фрески, его купальни, однимъ словомъ весь комфортъ римскихъ городовъ. Во многихъ мѣстностяхъ Великобританіи устроены были театры, храмы, башни, дворцы²⁾. Недавно въ Батѣ открыта купальня въ сто футовъ длинной. Жиро изъ Камбрин, проѣзжая чрезъ Кермонъ, пришолъ въ восторгъ отъ многочисленныхъ остатковъ «величія прошедшихъ временъ: громадныхъ дворцовъ, гигантской башни, великолѣпныхъ термовъ и разрушенныхъ храмовъ»³⁾.

По этому императоры могли свободно проживать въ Британіи: они тамъ были какъ дома. Клавдій, Веспасіанъ, Титъ, Адріанъ и Антонинъ бывали въ Британіи, мирно тамъ жили и носили названіе британскихъ императоровъ. Северъ и умеръ въ Йоркѣ въ

званія тѣхъ легионовъ, которымъ было поручено добываніе камней, или ихъ начальниковъ; такъ въ филофильдской каменоломнѣ оказалась надпись: «Petra Flavi Carantini. The roman wall, a description of the mural barrier of the north of England, by J. Bruce, London 1867—Athenaeum, 15—29 July 1893.

¹⁾ History of St. Martin's church Canterbury, by C. Routledge. London 1892. Развалины маленькой христіанской церкви римской эпохи найдены въ Сильчестерѣ, въ маѣ 1892 г.

²⁾ Въ Англій найдено большое количество римскихъ статуетокъ, глиняныхъ и стеклянныхъ сосудовъ, сандалій, стилетовъ для письма, остатковъ колоссальныхъ статуй, мозаикъ и т. д.; всѣ эти находки сохраняются въ Британскомъ Музеѣ, въ Лондонскомъ Гильдголѣ, въ музеяхъ Оксфорда и Йорка, въ Линкольнѣ и т. д. Большая римская купальня была открыта въ 1081 году въ Батѣ, причемъ бассейнъ сохранился вполне; раскопки продолжаются тамъ и до сихъ поръ.

³⁾ Itinerarium Cambriae, lib. I c. V.

«новое слово», № 1, 1895. прилож.

211 году, а Каракалла началъ тамъ свое царствованіе. Констанцій Хлоръ поселился въ этомъ городѣ и тамъ же умеръ, а Константинъ Великій въ Йоркѣ же провозглашенъ былъ императоромъ. Такимъ образомъ, кельтическая Британія сдѣлалась римской, потомъ христіанской, говорила по латыни и занималась земледѣліемъ ¹⁾).

Но приближался часъ новаго превращенія будущей Англіи, и уже появился врагъ, котораго не могли остановить ни стѣны Адріана, ни валы Антонина, потому что онъ не спускался съ Шотландскихъ горъ, а,—по словамъ его военной пѣсни,—«шолъ путемъ китовъ». Новая раса людей высаживалась на берега острова. Разказавъ объ экспедиціи своего тестя Агриколы, флотъ котораго обошелъ всю Британію и достигъ Аркадскихъ острововъ, Тацитъ обратилъ свое вниманіе на варварскую и таинственную Германію. Онъ описалъ ея народъ и пересчиталъ его главные племена, указавъ, между прочимъ, на одно изъ нихъ подъ названіемъ англовъ. Онъ однако только называетъ это племя и ни мало не описываетъ его, конечно, не подозрѣвая, какую роль суждено было этому племени играть въ исторіи. Между тѣмъ, первымъ дѣйствіемъ, прославившимъ это племя во всемъ свѣтѣ, было именно уничтоженіе того политическаго строя и той цивилизаціи, которыя установились въ Британіи, благодаря подвигамъ Агриколы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вторженіе германцевъ.

«Не говоря объ опасностяхъ отъ невѣдомаго и бурнаго моря, для всякаго, кто вздумалъ-бы отправиться изъ Азій или Африки въ отвратительную страну германцевъ, ея мрачное небо и безплодная почва печалютъ взгляды всѣхъ, кому эта страна не родина». Такъ описываетъ Тацитъ Германію, а изъ того факта, что, не смотря на ея грустный видъ, въ ней все-же находятся обитатели, онъ приходитъ къ заключенію, что, вѣроятно, въ ней всегда было одно и тоже населеніе, такъ какъ никто, по своей волѣ и нарочно, не явился-бы въ такой неприглядный край. Но, для туземцевъ, эта земля тумановъ и болотъ все таки родина: они любятъ ее и остаются въ ней.

Сочиненіе великаго историка доказываетъ, какъ мало была извѣстна римлянамъ трудно доступная Германія. Существовали

¹⁾ Tacitus—Agricolae vitae, XXI.

всякаго рода легенды объ этой дикой странѣ, которая, казалось, оканчивалась на сѣверо-востокѣ дремлющимъ моремъ, поясомъ и предѣломъ міра, столь близкимъ къ тому мѣсту, гдѣ Фебъ встаетъ, что даже «слышенъ плескъ при выходѣ его изъ пучины и виденъ цвѣтъ его волосъ». Таково народное повѣрье, прибавляетъ Тацитъ, «а правда заключается въ томъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ кончается міръ» ¹⁾).

Въ этой таинственной странѣ между лѣсами, защищавшими ее отъ римлянъ, и сѣрымъ моремъ, омывавшимъ ея плоскіе берега, утвердились и умножились племена, которыя вопреки предположеніямъ Тацита, покинули, быть можетъ, теплый климатъ Азіи, чтобы поселиться въ этой бесплодной землѣ; если для нихъ эта страна и была долго родиной, то все таки нѣкоторыя племена, поименованныя Тацитомъ, не остались здѣсь навсегда и должны были вскорѣ начать снова свои далекія переселенія.

Эта группа тевтонскихъ народовъ, вѣтви которой распространялись далеко по направленію къ полюсу, дѣлилась на двѣ главныхъ отрасли: германскую и скандинавскую. Къ первой принадлежали: готы, англы, саксы, верхніе и нижніе германцы, голландцы, фризы, ломбардцы, франки, вандалы и т. д.; а ко второй—датчане, норвежцы и шведы. Такимъ образомъ, та страна, которую Тацитъ называлъ сосѣдней съ конечнымъ предѣломъ міра, была занята въ его время народами, имѣвшими впослѣдствіи своими столицами города, основанные кельтами: Лондонъ, Вѣну, Парижъ, и Миланъ.

За много столѣтій до перехода на свою новую родину, эти народы уже приходили въ столкновеніе съ кельтами, а въ эпоху наибольшаго могущества этой расы въ Европѣ, между обѣими расами происходила жестокая борьба. Но весь сѣверовостокъ, отъ низовій Эльбы до низовій Вислы, оставался непроникаемымъ; тамъ германскія племена сохранились неприкосновенными, они не соединялись ни съ какими другими племенами и одни могли сказать, дѣйствительно-ли была видна съ ихъ береговъ солнечная колесница, выходящая изъ моря и покрывающая небо брызгами соленой пѣны. Изъ этой именно мѣстности вышли тѣ варварскія дружины, которыя овладѣли островомъ Британіей, дали ему новое имя и новое кровавое крещеніе.

Два раза въ продолженіе первыхъ десяти вѣковъ нашей эры, тевтонскіе народы нахлынули на цивилизованный міръ, покрывая его, какъ потоками лавы, своими дикими дружинами. Первый нашествіе достигъ своего апогея въ V вѣкѣ, и въ немъ приняли

¹⁾ De moribus germanorum. II, 45.

главное участіе германскія племена: англѣ, саксы, франки, бургунды и вандалы. Второе вторженіе, наиболѣе свирѣпствовавшее въ IX вѣкѣ, при наслѣдникахъ Карла Великаго, было преимущественно дѣломъ скандинавскихъ племенъ, которыхъ называли современные лѣтописцы—датчанами или норманнами.

Первая изъ означенныхъ группъ приходитъ въ смутное броженіе съ III вѣка. Германскія племена въ это время уже не довольствуются самозащитой; мало-по-малу среди нихъ обнаруживаются безпокойные симптомы, подобно глухимъ подземнымъ раскатамъ, возвѣщающимъ землетрясеніе.

Однако римляне, мирно покоившіеся на своихъ лаврахъ, продолжали управлять всѣмъ свѣтомъ и придавать ему свою римскую форму; они нарочно изнѣживали подчиненныя себѣ племена, не только обучая ихъ своимъ искусствамъ, но передавая имъ и свои пороки, и ослабляли въ нихъ душевную силу. Побѣжденные называли цивилизаціей, *Humanitas*, то, что въ сущности было рабствомъ ¹⁾. Границы имперіи были тогда такъ отдалены отъ ея центра, что волны, поднимавшіяся съ варварскихъ береговъ, едва достигали до Рима, а если порой и слышался тамъ, ихъ плескъ, то онъ лишь подстрекалъ римлянъ находить большую прелесть въ удовольствіяхъ, большой блескъ въ цвѣтахъ краснорѣчія, большее наслажденіе въ зрѣлищахъ цирка и большую сладость въ ласкахъ рыжихъ куртизанокъ. Граждане вѣчнаго города дошли до того періода всѣхъ падающихъ имперій, когда бѣдствія не возбуждаютъ энергіи, а только усиливаютъ потребность забвенія въ развратѣ и роскоши.

А въ это время, далеко на сѣверѣ, германцы, постоянно воюя со своими сосѣдями и между собой, дикіе, невѣжественные, не обладающіе ни культурой, ни богатствами, накопили свою силу и сохраняли неизмѣнно свою жестокость. Они презирали міръ, искусство и литературу, которую замѣняли имъ военныя и застольныя пѣсни. Ихъ интересовали только война и охота, «а поэтому, говорить Цезарь,—они съ самаго ранняго дѣтства укрѣпляли себя физически» ²⁾. Они не отличались изобрѣтательностью, и имъ гораздо тяжелѣе давалось обученіе, чѣмъ кельтамъ; по характеру они были страстны и жестоки. Насколько извѣстно объ ихъ нравахъ и частной жизни, они обладали пламенной душой, способной иногда на веселые порывы, но болѣею частью предавались созерцаніямъ мрачнымъ, какъ ихъ непроходимые лѣса, и печальнымъ, какъ ихъ сѣрое море. Для нихъ чащи представляли

¹⁾ Agricola, XXI.

²⁾ Do Bello Gallico, lib. VI.

жилища страшныхъ духовъ, ночь кишѣла привидѣніями, болота были населены чудовищами. По словамъ утраченныхъ христіанскихъ лѣтописцевъ, они поклонялись демонамъ ¹⁾. Эти варвары были способны создать лирической эпосъ, но не прелестные рассказы; они умѣли радоваться, но не веселиться; ихъ натура была могучая, но не полная, и, чтобы дойти до быстрого усовершенствованія, имъ необходима была примѣсь другой крови, другихъ идей. Эта то двойная прививка и ожидала ихъ на островѣ Британіи, въ результатъ чего и проявилось удивительное литературное развитіе. Они двинулись, такимъ образомъ, въ путь для осуществленія своей судьбы, для совершенія предназначеннаго имъ великаго дѣла; имъ предстояло, конечно, многому научиться, но и они могли кое чему научить изнѣжившіеся народы.

Нахлынувшіе на тогдашнюю Европу варвары носили различныя имена. Предѣлы каждаго племени были смутны, и какъ количество населенія, такъ и объемъ территоріи, были неопредѣленны, такъ что они не имѣли ничего общаго съ государствами, нанесенными на наши теперешнія карты. Ихъ группы постоянно формировались въ новыя соединенія, но столь-же часто снова разъединялись. Наибогѣе могущественныя изъ нихъ поглощали слабѣйшихъ сосѣдей и на время заставляли забывать о нихъ. Одни племена росли, другія ступевывались. Нѣкоторыя изъ нихъ однако сохранились въ исторіи: англѣ, франки, саксы, бургунды, лонгобарды, свевы и аллеманы дали свои имена большимъ провинціямъ или большимъ націямъ. Главныя изъ этихъ группъ были скорѣе агломерацией племенъ, чѣмъ, строго говоря, народами; такъ подъ франками разумѣлись въ III вѣкѣ сикамбры, каты, хамавы и т. д.; а въ составъ свевовъ, во времена Тацита, входили ломбарды, семноны, англѣ и т. д. Но всѣ они имѣли одно связующее между собою звѣно—ихъ общее происхожденіе, благодаря чему у нихъ были одинаковые вкусы, страсти, нравы, оружіе ²⁾.

Какъ только заколыхалась и пришла въ движеніе эта чело-вѣческая масса, уже ничто не могло ее остановить: ни тактика римскихъ легионовъ, ни пораженія, ни рѣки, ни горы, ни опасности невѣдомаго океана. Прежде чѣмъ утвердиться въ Галліи,

¹⁾ Eginhard, Vita Caroli, VII.

²⁾ Оружіе франковъ и англо-саксовъ, сохраняющееся въ музеяхъ Сент-Жерменскомъ и Британскомъ, сходно одно съ другимъ и рѣзко отличается отъ оружія кельтовъ. Щиты, которые у всѣхъ народовъ отличаются особенно тщательной отдѣлкой, у франковъ и англо-саксовъ одинаково плоски и только середина была выпуклая съ шишакомъ, такъ что часто ихъ заносили въ музеяхъ въ отдѣлъ шлемовъ.

франки прошли ее изъ конца въ конецъ, перебрались черезъ Пиринеи, опустошили Испанію и затѣмъ исчезли въ Мавританіи. Въ другой разъ, перенесенные въ значительномъ числѣ на берега Чернаго моря, для защиты границъ они неосторожно порученной имъ римлянами опустошили города Азіи и сѣверной Африки, а послѣ того возвратились на истоки Рейна. Экспедиціи германскихъ племенъ происходили по всѣмъ направленіямъ; въ одно и то же время они являлись въ разныхъ мѣстахъ и даже перебывали другъ другу дорогу: такъ франки попадались въ Лондонѣ, а саксонцы въ Анжерѣ. Въ 406 году Галлія была наводнена вандалами, саксами, бургундами и аллеманами; несчастная страна горѣла со всѣхъ угловъ, и Св. Иеронимъ, искавшій спасенія въ скимнической жизни въ Вилеємѣ, слыша издали трескъ разрушавшейся имперіи, краснорѣчиво оплакивалъ бѣдствія христіанскаго міра: «кто бы могъ подумать, писалъ онъ, что придетъ день, когда Римъ увидитъ врага передъ своими воротами и будетъ воевать не для славы, а ради своего спасенія! Что я говорю, — воевать! Не воевать, а откупаться богатыми сокровищами отъ вѣрной гибели» ¹⁾).

Но скорѣ и выкупа стало недостаточно, и Римъ былъ взятъ, варварами даже не одинъ, а нѣсколько разъ. Аларихъ ограбилъ его въ 410 году, а Гензерихъ—въ 455. Въ продолженіе многихъ столѣтій всѣ выдающіяся личности, вынесенныя на сцену міра человѣческимъ потокомъ и умѣвшія хоть на время укрощать бурю, были варварами. Въ V и VI вѣгахъ царилъ въ Парижѣ франкъ Хлодвигъ, въ Равеннѣ — остготъ Теодорихъ, въ Византіи—славянинъ Юстиніанъ; побѣдитель Атиллы Азцій былъ варваръ; Стихонъ былъ вандалъ на службѣ имперіи. Въ сердцѣ Галліи образовалось франкское королевство; Визиготское царство избрало своей столицей Тулузу; Гензерихъ и его вандалы утвердились въ Карфагенѣ; ломбарды въ VI столѣтіи перешли черезъ горы, заняли древнюю Цизальпинскую Галлію и прогнали ея жителей въ лагуны, гдѣ возникла потомъ Венеція. Точно также и островъ Британія пересталъ быть римскимъ, а на немъ образовались германскія королевства.

Обитатели прибрежій Балтійскаго и Сѣвернаго морей сначала производили на Британію набѣги, съ цѣлью грабежа, въ своихъ судахъ, имѣвшихъ 25 метровъ длины и отъ 3 до 4 ширины; образецъ такихъ судовъ доселѣ можно видѣть въ Кильскомъ музеѣ ²⁾).

¹⁾ Epistola CXXIII ad Ageruchiam.

²⁾ Это судно было найдено въ 1869 году въ торфяникѣ въ Шлезвигѣ т. е., именно въ той мѣстности, гдѣ обитали англъ; согласно найденнымъ

периодично появлялись они на британскихъ берегахъ и предавали ихъ безпощадному опустошенію, такъ что туземцы назвали свое прибрежье *Littus Saxonicum*. При каждомъ своемъ возвращеніи, пираты встрѣчали все меньшій отпоръ, а страну все въ большемъ и большемъ разстройствѣ. Въ V столѣтіи они уже нашли излишнимъ возвращаться на родину и стали безъ всякаго страха оставаться круглый годъ вблизи своей добычи. Прежде всего они утвердились на островахъ, потомъ на берегахъ и, наконецъ, во внутренности страны. Между ними были готы, или юты, изъ Даніи (Ютландіи), фризы, франки, англѣ изъ Шлезвига, саксы изъ обширной области, орошаемой Эльбой и Рейномъ.

Эти два послѣдніе народа являлись особенно въ большомъ количествѣ, а потому заняли обширныя пространства и основали прочныя государства. Англѣ, давшіе имя всему будущему британскому народу, заняли Нортумберландъ, часть центра страны и сѣверовосточный берегъ, отъ Шотландіи до теперешняго графства Эссексъ. Саксы утвердились южнѣе, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя названы ими Эссексомъ, Вуссексомъ, Мидельсексомъ и Весексомъ, т. е. областями саксовъ восточныхъ, южныхъ, среднихъ и западныхъ. Въ этихъ двухъ племенныхъ группахъ или въ двухъ королевствахъ литература проявила наибольшее развитіе, и между ними то и происходила, главнымъ образомъ, борьба за первенство. По этой причинѣ обитатели Британіи преимуще-

на немъ монетамъ, оно принадлежитъ къ III столѣтію. Объемъ его въ длину 22,67 метр., въ ширину 3,33 метра, а въ вышину 1,19 мет. Точно также найдены образцы скандинавскихъ судовъ. По смерти скандинавскаго вождя предавали землѣ вмѣстѣ съ нимъ и его корабль, какъ въ другихъ странахъ хоронили его лошадей или колесницу. Описание похоронъ скандинавскаго вождя сохранилось въ разсказѣ араба Ахмеда - Ибнъ-Фоцлана, посѣтившаго, въ качествѣ посла калифа Аль-Моктадера, скандинавскаго короля (*Journal Asiatique* 1825, t. VI, p. XVI). Этотъ арабъ повѣствуетъ, что скандинавскій вождь былъ сожженъ на своемъ кораблѣ вмѣстѣ съ его женой, оружіемъ и животными, принесенными въ жертву по этому случаю. Но иногда умершихъ скандинавовъ не сжигали, а предавали землѣ съ ихъ кораблями; благодаря этому то обычаю и найдены образцы послѣднихъ. Два изъ нихъ сохраняются въ музеѣ Христианіи. Одинъ, открытый въ 1880 году, построенъ изъ дубовыхъ досокъ, скрѣпленныхъ желѣзными гвоздями, и сохранилъ нѣсколько весель, которыхъ всего было по 16-ти на каждой сторонѣ судна и которыя имѣли въ длину 6 метровъ. Этотъ объемъ былъ, видимо, нормальнымъ, такъ какъ въ Англо-Саксонской хроникѣ говорится, что Альфредъ приказалъ построить корабли вдвое болѣе обыкновенныхъ, изъ 60 или болѣе весель. (*Sub anno* 897). Судно, построенное по образцу скандинавскихъ, было отправлено изъ Бергена въ Нью-Йоркъ, по случаю всемирной выставки въ Чикаго въ 1893 году, и выдержало путешествіе по океану, не смотря на большія бури.

ственно назывались англосаксами, въ продолженіе всего періода, когда въ этой странѣ говорили на чисто германскихъ нарѣчіяхъ. Означенное составное имя, возбуждившее въ недавнее время много споровъ, имѣетъ въ свою пользу ясность и долго употреблялось и вполнѣ соотвѣтствуетъ эпохѣ, когда страна не была соединена въ одно цѣлое, а принадлежала къ двумъ главнымъ агломерациямъ племенъ, носившихъ названіе англовъ и саксовъ ¹⁾).

Завоеватели имѣли дѣло, какъ и въ Галліи, съ народомъ болѣе образованнымъ, чѣмъ они,—хорошими земледѣльцами, богатыми торговцами, искусными художниками и гражданами большихъ городовъ, укрѣпленныхъ римлянами и соединенныхъ между собой дорогами. Никогда они не видали ничего подобнаго, и ихъ удивленіе выразилось заимствованіемъ у туземцевъ ихъ словъ для названія чуждыхъ имъ предметовъ; такъ] изъ *Castrum*, *Strata*, *Colonia* они сдѣлали *Chester Strete* или *Strat* (Страдфордъ), *Coln* (Линкольнъ).

Бриты, хотъ и носившіе римскую тогу, но не защищенные римскими легіонами, сопротивлялись безцѣльно; наплывъ варваровъ окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и совершенно поглотилъ. Они перестали существовать, какъ самостоятельный народъ. На города

¹⁾ Трудно замѣнить это названіе другимъ, столь же яснымъ и подходящимъ. Предлагали говорить вмѣсто «англо-саксы» — «древніе англичане» и между прочими выгодами этой замѣны видѣли возможность представить подобнымъ выраженіемъ непрерывность національной исторіи, тогда какъ переходить прямо отъ англо-саксонцевъ къ англичанамъ значило признавать между англо-саксонскимъ и англійскимъ періодами рѣзкій переломъ, именно норманское завоеваніе, которое произвело совершенное преобразование англійскаго народа. Прибавляли даже, что этотъ народъ еще во времена Альфреда, какъ видно изъ его писаній, называлъ себя англичанами. Но, кромѣ приведенныхъ выше аргументовъ, можно еще сказать, что этотъ переломъ, это преобразование—историческій фактъ, котораго никакимъ образомъ скрыть нельзя. Напримеръ, въ языкѣ произошло такое измѣненіе, что, какъ справедливо замѣчено, классическій англійскій языкъ походитъ менѣе на англо-саксонскій, чѣмъ итальянскій на латынь, и однако нельзя допустить, чтобы въ Италіи римлянъ называли древними итальянцами, или галлъ Авдіи назывался древнимъ французомъ. Что касается до Альфреда, то мы не отвергаемъ авторитетности его свидѣтельства, но онъ называетъ себя королемъ то саксовъ, то англовъ, то англо-саксовъ: ego Aelfredus, gratia Dei Angol Saxonum Rex (Kemble, Codex, II, 124). Этельстанъ называлъ себя также Rex Angol Saxonum. Но врядъ-ли можно привести примѣръ, когда одинъ изъ нихъ называлъ бы себя древнимъ англичаниномъ. Точно также въ Англо-Саксонской хроникѣ, когда туземный историкъ мысленно возвращается къ старымъ временамъ и мечтаетъ о завоеваніи своей родины германцами, онъ называетъ ихъ англами и саксами, а, слѣдовательно, вполнѣ правильно называть завоевателей англо-саксами, и это названіе было бы понято лѣтописцемъ (Ода на битву Бруненбургскую, Sub anno 937).

были наложены тяжелыя контрибуціи, деревни разграблены, виллы снесены, а тамъ, гдѣ туземцы вздумали дать отпоръ, поклонники Тора и Одина произвели страшнѣйшую рѣзню.

Но уничтожить всего они не могли. Поэтому и тутъ рождается важный вопросъ о томъ, что осталось отъ кельтовъ. Многіе восторженные сторонники завоевателей приписываютъ имъ безчеловѣчное истребленіе всей кельтической расы. По ихъ словамъ, ни одинъ кельтъ не остался въ живыхъ, всѣ были убиты, или загнаны въ отдаленные уголки Уэльса, такъ что пришлось сызнова заселить всю страну, образовалась новая нація, совершенно германская, столь же чистой крови, какъ племена, пришедшія съ береговъ Эльбы. Но при основательномъ изслѣдованіи этого вопроса оказывается, что нельзя приписать завоевателямъ Англіи этой чести. Впрочемъ, подобная задача и немыслима. Уничтожить цѣлый народъ мечомъ свыше силъ человѣческихъ, и подобнаго примѣра въ исторіи нѣтъ. А съ другой стороны, мы знаемъ, что въ Британіи, еще во времена Цезаря, было очень густое населеніе: «*Nominum infinita multitudo*», говоритъ онъ въ своихъ «Комментаріяхъ». Наконецъ, завоеватели стояли лицомъ къ лицу съ расой интеллигентной, трудолюбивой, способной къ ассимиляціи и наученной римлянами приносить всевозможную пользу. Такимъ образомъ, устраняются гипотезы общей рѣзни, общаго изгнанія или общаго исчезновенія.

Въ сущности, всѣ дошедшіе до насъ документы и повѣрка, сдѣланная на мѣстѣ, опровергаютъ теорію уничтоженія кельтической расы. Прежде всего нельзя предположить систематичнаго истребленія послѣ введенія христіанства между англо-саксами, что случилось въ концѣ VI вѣка. Потомъ лѣтописцы говорятъ о полномъ уничтоженіи туземцевъ только въ двухъ городахъ: Честерѣ и Андеридѣ, ¹⁾ а можно даже въ настоящее время удостовѣриться, что относительно послѣдняго города дѣйствительно все его населеніе было истреблено, такъ какъ онъ не былъ выстроенъ вновь, и даже неизвѣстно, гдѣ онъ дѣйствительно находился. Если лѣтописцы специально упоминаютъ объ этихъ катастрофахъ, то это доказываетъ, что подобный фактъ представлялъ исключеніе. Заключить на основаніи истребленія Андериды объ уничтоженіи цѣлой расы такъ же не основательно, какъ предположить избіеніе всѣхъ галло-римлянъ потому только, что найдены въ Санксѣ въ Пуату развалины галло-римскаго города, съ театромъ на 7 тысячъ человѣкъ, въ такой мѣстности, которая теперь

¹⁾ «Въ этомъ году Элла и Сисса осадили Андериду и убили всѣхъ ея жителей, такъ что не остался въ живыхъ ни одинъ бритъ». Англо-саксонская хроника. Sub anno 491.

вполнѣ необитаема. Раскопки, совершенныя въ наше время въ Англіи, доказали, что на многихъ кладбищахъ, даже въ той мѣстности, которая нѣкогда называлась *Littus Saxonicum*, и гдѣ германское населеніе было наиболѣе густымъ, бриты и саксы спокойно спятъ рядомъ, что ясно доказываетъ о ихъ мирныхъ отношеніяхъ другъ къ другу при жизни. Если бы было полное избиеніе туземцевъ, то жертвы не были бы похоронены вмѣстѣ съ завоевателями и вообще не покоились бы на кладбищахъ.

Точно также только сохраненіемъ первобытной расы можно объяснить измѣненіе нравовъ и быстрое развитіе англо-саксонцевъ. Эти кочевые пираты скоро теряютъ свою страсть къ морскимъ походамъ, не строятъ болѣе кораблей, и ихъ воинственныя стремленія удовлетворяются внутренними распрями. Откуда же произошло постепенное смягченіе первобытныхъ инстинктовъ этой расы? Отъ плодородной почвы, занятой ими, и отъ тѣхъ средствъ, которыми они пользовались для эксплуатаціи этой почвы. Эти средства заключались въ чужомъ трудѣ. Германская раса не имѣла пристрастія къ земледѣльческому труду, и Тацитъ говорить, что германцы воздѣлывали землю настолько, насколько это было необходимо ¹⁾). Найдя въ Британіи большія пространства, воздѣланныя римскими колонистами, германцы, послѣ перваго времени рѣзни и грабежей, возвращаютъ эту рабочую массу къ своимъ полямъ и сами пользуются плодами ея рукъ. Побѣдители означаютъ однимъ и тѣмъ же словомъ *кельтъ* какъ туземца, такъ и раба. Англо-саксы поселяются среди полей, за обработкой которыхъ они наблюдаютъ, и ихъ поселенія мало-по-малу становятся городами. Нотингамъ, Букингамъ, Гластонбюри, правда, названы по германскимъ именамъ или племенамъ, но значительныя старинныя города сохранили свои кельтическія или латинскія названія, именно: Лондонъ, Йоркъ, Линкольнъ, Винчестеръ, Дувръ, Чирфенчестеръ, Манчестеръ и т. д. ²⁾). Англо-саксы не уничтожили этихъ городовъ потому что они существуютъ до сихъ поръ, и очень мало смѣшивались съ ихъ населеніемъ, такъ какъ, подобно всѣмъ германцамъ, они не тер-

¹⁾ De moribus Germanorum, XV—XXVI.

²⁾ Названія селеній, напоминающія имена германскихъ племенъ, или родовъ, встрѣчаются часто на восточныхъ и южныхъ берегахъ Англіи, и чѣмъ дальше идти во внутренность страны, тѣмъ они рѣже попадаются. Всего ихъ считаютъ 1400: 48 въ Нортумберландѣ, 127—въ Йоркширѣ, 76—въ Линкольнширѣ, 153—въ Норфолькѣ и Суфолькѣ, 48—въ Эссексѣ, 60—въ Кентѣ, 86—въ Суссексѣ и Сурей, 2—въ Корнуэльсѣ, 6 — въ Кумберландѣ, 24—въ Девонширѣ, 13—въ Ворчестерѣ, 2—въ Вестморландѣ и ни одного въ графствѣ Монмутъ. Anglo-Saxon Britan, by Grant Allen, p. 43.

пѣли городской жизни. Они избѣгали городовъ, считали ихъ гробницами, и жить въ нихъ, казалось имъ,—погребать себя заживо ¹⁾. Сохраненіе въ Англіи нѣсколькихъ отраслей римской промышленности доказываетъ, что жизнь въ городахъ текла непрерывно; еслибы британскіе ремесленники не пережили германскаго вторженія, то въ могилахъ завоевателей не было бы найдено тѣхъ стеклянныхъ сосудовъ, которыхъ, по ихъ изящной отдѣлкѣ, нельзя отличить отъ римскихъ издѣлій и которыхъ, конечно, не могла создать грубая, тяжелая рука англо-сакса ²⁾.

Такимъ образомъ бриты сохранились въ большомъ числѣ даже въ восточныхъ и южныхъ графствахъ, гдѣ наиболѣе свирѣпствовали и тѣснѣ селились германскіе завоеватели; но они получили характеръ расы покоренной и, въ деревняхъ, воздѣлывали земли, а въ городахъ, занимались ручнымъ трудомъ. Только въ Уэльсѣ и Корнуэльсѣ кельты сохранили свою независимость. До сихъ поръ въ этихъ мѣстностяхъ говорятъ древнимъ языкомъ и придерживаются древнихъ обычаевъ. Въ далекихъ уголкахъ этихъ двухъ областей, у подножія Снодона, въ долинѣ Св. Давида, въ карлеонскихъ чащахъ, народные пѣвцы декламируютъ старыя національныя пѣсни подъ звуки арфы; нѣкоторые даже рассказываютъ подвиги героя, пользующагося высокой литературной славой,—самого короля Артура. Но во внутренности Англіи, національный языкъ уже тогда былъ почти невѣдомымъ; бриты, худо или хорошо, научились латинскому языку; теперь они стали забывать латынь, какъ прежде забыли кельтическій языкъ и стали учиться германскимъ нарѣчіямъ у своихъ новыхъ побѣдителей. Они имѣли природную способность, съ одной стороны драгоценную, а съ другой роковую—всему легко учиться и ко всему легко привыкать.

Во Франціи результатъ германскаго завоеванія былъ совершенно иной; здѣсь кельтическій языкъ также исчезъ, какъ въ Англіи и сохранился только на крайнемъ западѣ ³⁾; но тутъ германскій языкъ не взялъ перевѣса, а латынь до такой степени удержала свое первенство, что французскій языкъ остался романскимъ. Это явле-

¹⁾ *Rerum gestarum*, Марселина—lib. XVI, cap., II.—Tacitus, *De moribus Germanorum*, XVI. (Русск. перев. Модестова).

²⁾ Невозможно согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что означенные предметы были сохранены отъ грабежей англо-саксами въ видѣ диковинокъ. Напротивъ, стеклянные сосуды самой изящной работы встрѣчаются очень часто въ саксонскихъ могилахъ и совершенно подобны тѣмъ, которые найдены въ римскихъ гробницахъ позднѣйшей эпохи въ Лепинѣ, департамента Марны.

³⁾ Тутъ кельтическій элементъ усилился въ началѣ VI вѣка значительной эмиграціей бритовъ, изгнанныхъ изъ Англіи, почему и древняя Арморика съ этого времени стала называться, въ честь этихъ бритовъ, Бретанью

ніе обусловливалось двумя причинами. Съ одной стороны, германцы пришли во Францію въ меньшемъ числѣ, чѣмъ въ Англію, а тѣ, которые тамъ остались, уже давно имѣли близкія сношенія съ римлянами; съ другой стороны, латинизація Галліи была полнѣе. Изъ всѣхъ провинцій римской имперіи, Галлія, породившая Корнелія Галла, Трога Помпея, Домиція Афера, Петронія, Овзонія Сидоунія, Аполинарія, кичилась тѣмъ, что говоритъ самымъ чистымъ латинскимъ языкомъ и произвела лучшихъ поэтовъ. Если взять въ соображеніе памятники матеріальные и литературные, то различіе между обѣими странами будетъ тоже. Въ Англіи существовали театры, башни, храмы, слѣды римской цивилизаціи, но они были не такъ многочисленны, не такъ грандіозны и не такъ солидны, чтобы противостоять завоеванію. Поэтому отъ нихъ и остались рѣдкія и незначительныя развалины. Напротивъ, во Франціи варвары все грабили, все жгли, все уничтожали, но имъ было слишкомъ много работы въ этомъ отношеніи; храмовъ и дворцовъ оказалось столько, что не хватило рукъ для ихъ истребленія. Въ то время, когда въ Англіи, чтобы найти слѣды латинской цивилизаціи, надо копать землю, во Франціи, достаточно поднять глаза, чтобы увидеть ее всюду. Если бы въ наше время воскресъ римлянинъ временъ Цезаря, то онъ могъ бы поклоняться своимъ божественнымъ императорамъ въ храмахъ Нима и Вьенны, пройти подъ триумфальными арками, воздвигнутыми его предками въ Реймсѣ или Сентѣ, преклониться предъ ихъ могилами въ Арлѣ, присутствовать при представленіи «царя Эдипа» въ Оранжѣ и, сидя въ амфитеатрахъ Прованса, смотрѣть какъ течетъ кровь на аренахъ.

Франція не была, подобно Британіи, дезорганизована и покинута римскими легіонами въ то время, когда явились варвары; побѣдитель долженъ былъ тутъ считаться съ побѣжденнымъ, который сдѣлался не рабомъ, а союзникомъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ многочисленностью и высшей цивилизаціей галло-римлянъ, дозволило имъ подчинить себѣ завоевателей. Латинскія преданія были такъ сильны, что даже Хлодвигъ подчинился имъ. Этотъ волосатый варваръ надѣлъ хламиду и тогу и принялъ званіе патриція; онъ зналъ очень хорошо, что его власть происходила отъ его меча, но онъ съ гордостью видѣлъ ся источникъ въ императорахъ. Онъ инстинктивно понялъ пользу Рима. Престижъ императора стоилъ для него цѣлой арміи и помогалъ ему управлять своими латинизированными подданными. Побѣжденный, ограбленный, разоренный Римъ оставался живой силой; среди его разрушенныхъ стѣнъ, подъ развалинами его зданій сохранились жизненныя сѣмена, и между прочимъ великое сѣмя верхов-

ной римской идеи, идеи о государствѣ. Кельты вовсе не знали этой идеи, а германцы узнали ее поздно. Хлодвигъ, не смотря на все свое варварство, созналъ всю живучесть этой идеи и сталъ упорно вселять ее въ умы своихъ подданныхъ—франковъ, галло-римлянъ и вестготовъ, съ цѣлью создать при ихъ помощи единое государство. И не смотря на послѣдующія бѣдствія, его усилія имѣли значительные результаты.

Во Франціи побѣжденный научилъ побѣдителя своему языку; внуки Хлодвига писали латинскіе стихи и, благодаря поэтамъ на романскомъ нарѣчьи, Карлъ-Франкъ сдѣлался Карломъ Великимъ въ легендахъ и въ исторіи. Такимъ образомъ, новая имперія, возникшая въ Галліи, не имѣла, въ сущности, ничего германскаго, кромѣ имени; это имя сохранилось, и—стало славнымъ именемъ Франціи.

Именно этимъ и объясняются различные результаты германскаго завоеванія во Франціи и въ Англіи, а не огульной вполнѣ невозможной рѣзней. Въ обѣихъ странахъ, но въ меньшемъ числѣ въ послѣдней, сохранилась кельтическая раса. Завѣса чужого языка, латинскаго во Франціи и германскаго въ Англіи, не была такъ густа и непроницаема, чтобы даже теперь не проглядывали, сквозь ея складки, формы британскаго и гальскаго духа, очень характернаго, легко отличаемаго и совершенно далекаго отъ духа древнихъ римлянъ и германскихъ завоевателей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Национальная поэзія англо-саксовъ.

I.

Въ концѣ V столѣтія Англія была большею частью завоевана, и повелителями страны сдѣлались не кельты и не римляне, а германцы, которые поклонялись не Христу, а Тору и Одину; языкомъ, нравами и религіей они рѣзко отличались отъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ они поселились и которыхъ они подчинили себѣ.

Между обѣими расами, въ силу обстоятельствъ, произошло сліяніе физическое, но въ продолженіе долгихъ вѣковъ незамѣтно было сліянія литературнаго. Завоеватель не отличался любознательностью и обособился въ своихъ вкусахъ, въ своей литературѣ, которою довольствовался вполнѣ. «Каждый изъ нихъ, говоритъ Тацитъ о германцахъ, оставляетъ вокругъ своего дома

значительное пустое пространство». Англо-саксы и въ литературѣ остались людьми, имѣвшими пустое пространство вокругъ своихъ жилищъ. Преданія побѣжденныхъ кельтовъ не присоединились къ ихъ собственнымъ; они сохранили почти неизмѣненными, не смотря на обращеніе въ христіанство, интеллектуальныя черты своей расы.

Ихъ слова, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, заимствованныхъ изъ церковнаго латинскаго языка, ихъ грамматика и слоудареніе остались германскими. Въ стихахъ ритмъ означался не одинаковымъ числомъ слоговъ, а почти одинаковымъ числомъ удареній на словахъ; у нихъ не было чередующагося созвучія рима, но, какъ у германцевъ, такъ и у скандинавовъ преобладала аллитерація, т. е. повтореніе тѣхъ же буквъ въ началѣ извѣстныхъ слоговъ. Впрочемъ, при этомъ не требовалось абсолютной тождественности буквъ: гласныя всѣ считались равными, а согласныя, имѣвшія аналогичный звукъ, принимались за эквиваленты, достаточныя для аллитераціи. Это повтореніе буквъ обыкновенно происходило въ трехъ слогахъ каждаго стиха, именно въ двухъ первой его части и въ одномъ во второй:

Floð under foldan—nis thät feor heonon. ¹⁾

Правила этого слоударенія, и безъ того не трудныя, еще болѣе облегчаются цѣлымъ рядомъ исключеній и допускаемыхъ вольностей. Склонность къ аллитераціи долго сохранялась и въ сущности никогда не исчезала въ Англии. Слѣды ея встрѣчаются даже въ латинскомъ стихѣ поэтовъ эпохи, слѣдовавшей за норманскимъ завоеваніемъ, какъ, напримѣръ, Иосифа Эксетерскаго. въ XII вѣкѣ ²⁾. Знаменитыя видѣнія Лангленда написаны въ XIV вѣкѣ аллитеративными стихами; при Елизаветѣ аллитерація составляла одну изъ особенностей извѣстнаго рода цвѣтистой прозы, носившей названіе *Euphuisme*. Въ болѣе близкое къ намъ время Байронъ часто прибѣгалъ къ этой формѣ, что доказывается слѣдующими стихами изъ Корсара:

Our bay

Receives that *proW* which *proudl* spurns the spray;
How gloriously her *gallant* course she goes!
Her white wings *flying*—never from her foes. ³⁾

¹⁾ Вода (находится) подъ землей; это недалеко отсюда (поэма Беовульфа).

²⁾ De Bello Trojano, III, 108. Однако рима начинаетъ попадаться въ нѣсколькихъ христіанскихъ поэмахъ въ концѣ англо-саксонскаго періода. Въ старинномъ французскомъ языкѣ также употреблялась, но очень рѣдко, аллитерація, а слѣды ея можно видѣть въ нѣкоторыхъ, употребляющихся доселѣ выраженіяхъ: *gros et gras, bel et bon* и т. д. Paul Meyer. *Romania*, t. XII. p. 572: De l'alitérations en roman de France.

³⁾ Наша бухта принимаетъ залеру, перерывающую юрдо лѣну морскую,

Чисто германскій періодъ исторіи англійской литературы продолжался 600 лѣтъ. Въ противоположность кельтической литературы, въ памятникахъ англо-саксонской мысли нельзя найти и слѣдовъ легкой веселости или нѣжныхъ чувствъ. Англо-саксы отличались силой, но не ловкостью. Изъ двухъ главныхъ способностей, которыми обладали, по словамъ Катона, жители Галліи, только страсть къ войнѣ принадлежала англо-саксамъ, а другая—краснорѣчіе было имъ невѣдомо. Принадлежа къ одной семьѣ народовъ, обитавшихъ на побережьяхъ Сѣвернаго моря, подобно тому какъ классическіе народы во времена императоровъ господствовали на берегахъ Средиземнаго, англо-саксы, германцы и скандинавы говорили различными нарѣчіями одного и того же языка, сохранили общія преданія и чтили память объ одинаковомъ происхожденіи. Грейкъ собралъ въ своей Англо-Саксонской библиотекѣ все, что сохранилось изъ древней англійской литературы; Повекъ и Вигфуссонъ внесли въ свой *Corpus poeticum boreale* всѣ сохранившіеся остатки поэмъ на скандинавскомъ языкѣ, сочиненныя въ Даніи, Норвегіи, на Оркадскихъ островахъ, въ Исландіи, даже въ Гренландіи за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ ¹⁾ Различіе между ними очень незначительно, въ сущности—это все одинъ народъ, объясняющій свои зачатки ведущій своихъ героевъ въ Валгалу ²⁾. «Исторіи»—англійская Вео-

какъ славно движется судно, какъ развѣваются ея бѣлыя крылья, не бѣжавшія никогда отъ враговъ.

¹⁾ *Grein, Bibliothek der Angelsaechsischen Poesie. Cassel, 1883; Corpus poeticum boreale; The poetry of the old northern tongue. from the earliest to the XIII century.* edited and translated by G. Vigfusson and F. Tork Powell. Oxford, 1883. 2 vol. t. I. Eddic poetry; t. II. Court poetry. Другіе важные литературные памятники скандинавской литературы напечатаны въ слѣдующихъ сборникахъ: *Edda Snorri*, ed. Jon Sigurdson. Copenhag. 1848, 2 vol.; *Norvoen Fornkvædi*, ed. S. Bugge. Christiania, 1867. (заключаетъ въ себѣ сборникъ, обычно называемый *Edda Saemundi*); *Icelandic Sagas*, ed. Vigfusson. London, 1887, 2 vol. V. I—Orknéinda Saga; V. II—Hakonor Saga; *Sturlunga Saga*, including the *Islandiga Saga of Lawman Thordsson and other works.* ed. Vigfusson, Oxford, 1878, 2 vol.; *Heimskringla Saga*, or the Sagas of the norse kings, from the icelandi of Snorre Sturlason, ed. S. Laing. London. 1889. 4 vol. Наконецъ, двѣ Эдды и главныя саги входятъ въ составъ «*Saga Sibary*» (Библиотека Сагъ), основанной въ 1890 г. П. Моррисомъ и Ерикомъ Магнусомъ. (London, ed. Quiritch) Эдда значитъ прабабка; прованческая Эдда—сборникъ разсказовъ XII столѣтія, исправленный въ XIII трудами Снорри; Эдда въ стихахъ—собрание поэмъ, относящихся къ различнымъ временамъ, преимущественно къ VIII и IX стол. Сага означаетъ разсказъ; Саги—разказы въ прозѣ, эпическаго характера. Онѣ процвѣтали въ XII и XIII вѣкахъ.

²⁾ Англо-саксонскій и скандинавскій сборники заключаютъ въ себѣ поэзію одинаковаго рода, именно: эпическія стихотворенія, элегіи, нравственныя поэмы, янгины, афоризмы и военныя пѣсни.

вульфа, скандинавская—Фользунговъ ¹⁾ и германская—Нибелунговъ принадлежать къ одному роду понятій и воплощаютъ фантазіи одной расы. Тѣ и другія составляютъ часть общей литературной собственности сѣверныхъ народовъ.

Точно такъ же, какъ мы видѣли у кельтовъ, масса древнихъ литературныхъ памятниковъ германскихъ и скандинавскихъ сохранилась въ самой отдаленной странѣ, гдѣ селилась эта раса. Это объясняется тѣмъ, что отдаленность предохраняла рукописи и пѣсни отъ случайностей войны, благодаря тому, что, сравнительно, здѣсь было царство мира. Большинство кельтическихъ рассказовъ найдено въ Ирландіи, а большая часть пьесъ, собранныхъ въ *Sogrus roeticum Vogeale*,—исландскаго происхожденія.

Поэзія этого сборника изобилуетъ характеристичными чертами вѣрованій и нравовъ сѣверныхъ народовъ. Мы имѣемъ дѣло съ великанами и карлами, чудовищами и драконами, непобѣдимыми героями, жестокими битвами, мрачными предсказаніями, чарованными заклинаніями, таинственными сокровищами. Поэтъ вводитъ насъ въ залы съ богато украшенными скамьями, на которыхъ воины проводятъ долгіе часы въ попойкѣ; описываетъ ямы со змѣями, куда бросаютъ побѣжденныхъ, печальные пейзажи, среди которыхъ виднѣются трупы повѣшенныхъ, колыхаемые вѣтромъ на висѣлицахъ, и таинственные острова, на которыхъ огоньки указываютъ на присутствіе могилъ, и куда героиня является на кораблѣ, «быстромъ конѣ морей», чтобы вызвать тѣнь отца, увидѣть призракъ любимаго существа среди облаковъ дыма и получить изъ его рукъ очарованный мечъ мести. Вооруженныя валькирии несутся по небу, вѣроны комментируютъ дѣйствія людей; вообще поэтъ выражается мрачно и печально, коротко и отрывисто, такъ что для полнаго уясненія фантастическаго полета его музы необходимъ подстрочный комментарий, какъ для «Ancient Mariner» Кольриджа, который сумѣлъ въ этой поэмѣ воскресить духъ скандинавской литературы.

Какъ и въ произведеніяхъ всѣхъ первобытныхъ народовъ, тутъ преобладаютъ сцены человѣческой рѣзни и пытокъ; жертвы смѣются надъ своими страданіями и поютъ пѣсни въ предсмертной агоніи. Читая эти поэмы, намъ, людямъ другой эпохи и другой расы, онѣ кажутся романами Фенимора Купера въ оперной обстановкѣ. Зигфридъ жаритъ на огнѣ сердце своего противника Фафни, человѣка-змѣи, и съѣдаетъ его. У Эормунрека отрубаютъ руки

¹⁾ Самые древніе отрывки изъ этой эпопеи заключаются въ стихотворной Эддѣ; полное ея изложеніе въ исландской прозѣ (*Volsunga Saga*) относится къ XII столѣтію, а въ германской прозѣ—къ концу того же вѣка *Nibelungenlied*.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

РЕКЛЮ, Э. Земля.—Описаніе жизни земного шара. Переводъ безъ пропусковъ съ послѣдняго французскаго изданія, подъ редакціею и съ примѣч. Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ списка научно-популярныхъ книгъ. Спб. 1895 г. Ц. 6 р. 70 к., съ перес. 7 р. 60 коп.

Вып. I. Земля какъ планета.—Горы и равнины. Цѣна 90 к., съперес. 1 р. 10 к.—Вып. II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Цѣна 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.—Вып. III. Подземныя силы. (Вулканы, землетрясенія, поднятія и опусканія почвы). Ц. 1 р. 10 к., съ перес. 1 р. 30 к.—Вып. IV. Океанъ. Ц. 1 р. 10 к., съ перес. 1 р. 30 к.—Вып. V. Атмосфера. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.—Вып. VI. Жизнь на земномъ шарѣ. Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к. Каждый выпускъ снабженъ многочисленными рисунками и географическими картами.

МИХАЙЛОВСКИЙ, Н. Н. Критическіе опыты. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Складъ въ конторѣ журнала «Русск. Богатство» (Вассейная, 10).

КАРЬЕВЪ, Н. М. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г., 300 стр. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Оглавленіе. Общее значеніе историческаго образованія.—Теоретическіе вопросы исторической науки.—Философія, исторія и теорія прогресса.—О субъективизмѣ въ соціологіи.—Общество и организмъ.—Экономическій матеріализмъ въ исторіи.—Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса.—Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи.

КАРЬЕВЪ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Греція и Римъ). Спб., 1895 г. Ц. 40 к.

КРИВЕНКО, С. Н. На распутьи. Культурные колонисты и одиночки. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 45 к.

Оглавленіе.—I. Культурные скиты. II.—Культурные люди въ деревнѣ.—Неудачная попытка.—Культурные одиночки.—Исканіе новыхъ путей къ народному порвѣщенію. III.—По поводу культурныхъ одиночекъ.

РУБАКИНЪ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Оглавленіе. Богаты ли мы книгами?—Какъ у насъ распространяются книги?—Составъ читающей публики.—Много ли и что читаютъ на Руси.—Любимые авторы русской читающей публики.—Читатель изъ народа и его изученіе.—Типы читателей изъ народа.—Интеллигенція изъ народа.—Поклонникъ науки въ народной средѣ.—Читатели изъ фабричныхъ рабочихъ.—Еще голоса изъ народа.—Дѣятели для народа изъ народной среды.—Таблицы.

СТАНЮКОВИЧЪ, К. Откровенные. Ром. въ 2 ч. Спб 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

СТАНЮКОВИЧЪ, К. Морозіе силуэты Спб. 96 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ЛЕББОНЪ, Д. Какъ надо жить (The use of life). Переводъ съ англійскаго Д. Коропчевскаго. Спб. 95 г. 80 к., съ перес. 1 р.

ШЕЛГУНОВЪ, Н. В. Собраніе сочиненій, 2 т. Второе изд. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 70 к.

ГИББИНСЪ, Г. Промышленная исторія Англїи Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

КОРЕЛИНЪ, М. Паденіе античнаго міросозерцанія. Лекція, чит. въ Московск. Политехнич. музеѣ. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

ВИКТОРЪ ОСТРОГОРСКІЙ. Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864). Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ, Д. Три конца. Уральская лѣтопись. Спб. 95 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

ЛЕТУРНО, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Съ 53 рис. Спб. 96 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

ДИТЯТИНЪ, И. Статьи по исторіи русскаго права. Цѣна 2 р. 50 коп., съ пер. 2 р. 80 коп.

Оглавленіе. I. Русскій дореформенный городъ.—II. Наши города за первыя три четверти настоящаго столѣтія.—III. Къ исторіи «жалованныхъ грамотъ» дворянству и городамъ 1785 г.—IV. Къ исторіи городского положенія 1870 года.—V. Наше городское самоуправленіе.—VI. Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи московскаго государства.—VII. Очеркъ исторіи цеховъ въ западной Европѣ.—VIII. Екатерининская коммиссія 1767 года «О сочиненіи проекта новаго уложенія».—IX. Изъ исторіи мѣстнаго управленія.—X. Царскій вабакъ Московскаго государства.—XI. Когда и почему возникла рознь въ Россіи между «командующими классами» и «народомъ».—XII. Верховная власть въ Россіи XVIII столѣтія.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ *Н. П. Карбасникова*: С.-Петербургъ, Москва, Варшава.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

ШЕЛГУНОВЪ, Н. В. Очерки русской жизни. 1 т.

ДЮРИНГЪ, Е. Великіе люди въ литературѣ.

БЕРТРАНЪ. Кооперациі въ Бельгіи.

ЛЕТУРНО, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. II.

МАРМЕРИ, Д. В. Прогрессъ науки.

ЖЮССЕРАНЪ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ

ГАРДИНЕРЪ. Исторія пуританскихъ войнъ.

БУАССЬЕ, Ф. Римское общество временъ цезарей.

РАМБО. Исторія современной цивилизаціи во Франціи.

1-го октября вышла 10-я книга журнала

„МІРЪ БОЖІЙ“

для юношества и САМООБРАЗОВАНІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1. ГРѢХИ. (Наброски и силуэты). (Продолженіе). И. Потапенко. 2. ОТЪ ГРЕКОВЪ ДО ДАРВИНА. Историческій очеркъ идеи развитія органическаго міра. Генри Осборна. Проф. Н. Холодковскаго. 3. ПОСМЕРТНОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ В. Д. СИШОВСКАГО. 4. БЕРЛИНСКАЯ УРАНІЯ. (Письмо изъ Берлина). Г. Г—ра. 5. НАУЛАКА. Романъ Рюдіарда Киплинга и Уольнотта Балестриера. (Продолженіе). 6. МАШИНЫ И НАРОДНОЕ БЛАГОСОСТОЯНІЕ. Этюдъ изъ области элементарной экономіи. А. Миклашевскаго. 7. ДВА БРАТА. Разсказъ Елизы Оржешко. (Окончаніе). Пер. съ польскаго. 8. ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ. (Автобіографическія замѣтки Томаса-Генри Гексли). 9. НЕИЗВѢСТНАЯ ЯПОНІЯ.—ЛАФКАДИО ГИРНЪ. Статья де Вариньи, пер. съ франц. 10. СТИХОТВОРЕНІЕ, ОСЕННЯЯ МЕЛОДІЯ. Н. Минскаго. 11. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Продолженіе). К. М. Станюковича. 12. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Русскіе декаденты и символисты: «Шедевры» г-на Брюсова.—«Русскіе символисты», изд. г-на Брюсова.—Творенія г-на Козанскаго и Анатолія Добролюбова.—Общее впечатлѣніе отъ русскаго символизма.—Символизмъ Метерлинка въ его драмѣ «Тайны души».—Символизмъ Ибсена въ драмахъ «Архитекторъ Сольнесъ» и «Маленькій Эйольфъ».—Значеніе нашихъ символистовъ.—Школа шестидесятыхъ годовъ, какъ противоположность современной.—Памяти Т. Н. Грановскаго. А. Б.

13 РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ.

Двадцатипятилѣтіе городского самоуправленія въ Россіи.—Къ вопросу о нормировкѣ рабочаго дня на русскихъ фабрикахъ.—Народное образованіе въ Ялutorовскомъ округѣ.—Кавкаскіе духоборцы.—Воздвиженское трудовое братство. 14. За границей. Фермерское общество домашняго чтенія въ С. Америкѣ. Турецкіе Армяне.—Переписка Эрнеста Ренана съ его сестрою Генриеттой.—«Deutsche Revue».—«Contemporary Review».—«Revue des deux Mondes».—«Le Monde Moderne».

15. ЛУИ ПАСТѢРЪ. Э. п. 16. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) ОСНОВАНІЯ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ПСИХОЛОГИИ. Переводъ съ франц., подъ редакціей прив.-доц. Г. Челпанова. 17 2) СЕНЪ-МАРСЪ или заговоръ при Людовикѣ XIII. Историческій романъ Альфреда де-Виньи. Переводъ съ франц. 18. 3) ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ. Г. Дюкудрэ. I. Древній міръ. Подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. 19. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ».

Веллетристыка.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Географія. Этнографія. Путешествія.—Естествознаніе.—Народныя изданія.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Продолжается подписка на 1895 годъ. Цѣна: съ доставкой и пересылкой—7 руб., безъ доставки—6 руб., за границу—10 руб.

Адресъ: С.-Петербургъ: Лиговка, 25, кв. 5. Подписывающіеся въ серединѣ или въ концѣ года получаютъ немедленно всѣ вышедшія книжки.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ В. Острогорскій.

1896. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1896.

на ежедневную политико-общественную, литературную и
торгово-промышленную газету

„АСТРАХАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

издаваемую въ форматѣ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ
газетъ и по ихъ программѣ, а именно:

- 1) **Передовыя статьи**, посвященныя обсужденію различныхъ вопросовъ края.
- 2) **Статьи и сообщенія**, посвященныя изученію и разработкѣ вопросовъ торгово-промышленныхъ, городскихъ и сельско-хозяйственныхъ.
- 3) **Мѣстные печати** по вопросамъ, касающимся края, а также нефтяного, рыбнаго и соляного промысловъ, судоходства и проч., съ критическою оцѣнкою ихъ.
- 4) **Мѣстная хроника**: дѣйствія и распоряженія Правительства, касающіяся края, мѣстныя административныя распоряженія, переимѣны по службѣ, происшествія; отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, ученыхъ обществъ и пр.
- 5) **Торговскій отдѣлъ**: свѣдѣнія и сообщенія о торгово-промышленныхъ оборотахъ, цѣнахъ на разные товары, фрахты; *въ этотъ отдѣлъ входить совершенно самостоятельный отдѣлъ подъ рубрикою: «РЫБНОЕ ДѢЛО» У НАСЪ И ЗАГРАНИЦЕЙ, въ которомъ читатели найдутъ все изъ интересующее, какъ съ научномъ, такъ и практическомъ отношеніемъ*; ярмарочныя свѣдѣнія.
- 6) **Судебный отдѣлъ**: отчеты о засѣданіяхъ.
- 7) **Телеграммы** агентскія и собственныхъ корреспондентовъ.
- 8) **Корреспонденціи** изъ разныхъ мѣстъ губерній, приволжскихъ и приваспійскихъ городовъ.
- 9) **Текущая жизнь**: извлеченія изъ газетъ разныхъ выдающихся явленій общественной жизни.
- 10) **Политическій отдѣлъ**.
- 11) **Театральная и музыкальная хроника**.
- 12) **Фельетоны**: повѣсти и рассказы, какъ оригинальные, такъ и переводные; обзорные журналовъ и критическій разборъ статей въ нихъ помѣщаемыхъ.
- 13) **Смѣсь**: факты изъ сферы изслѣдованій, изобрѣтеній, открытій; историческіе и другіе анекдоты и пр.
- 14) **Справочный отдѣлъ**: календари, свѣдѣнія почтово-телеграфныя, афиши и пр.
- 15) **Объявленія**.

Газета выходитъ не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Конторѣ Редакціи, въ Астрахани; при Паровой Новой Русской Типографіи въ д. Усейнова, на Полицейской ул.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Съ доставкою въ Астрахани.	7 р. — к.	4 р. — к.	2 руб. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города.	7 „ 50 „	5 „ — „	3 „ 25 „

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, всѣ новые годовые подписчики,
внесшіе полную годовую плату, будутъ получать газету
СО ДНЯ ПОДПИСКИ ДО КОНЦА ГОДА

Б Е З П Л А Т Н О.

Со 2-го Марта 1895 года три раза въ недѣлю — по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ — издается въ г. Вяткѣ новая газета

„ВЯТСКІЙ КРАЙ“

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Телеграммы. 3) Обзорніе газетъ и журналовъ. 4) Послѣднія извѣстія. 5) Статьи по общественно-экономическимъ вопросамъ, общимъ и мѣстнымъ. 6) Хроника: городская и земская жизнь, школа, медицина, театр. 7) Вѣсти изъ Вятско-Камскаго края (телеграммы и корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ). 8) Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи и извѣстія газетъ). 9) Свѣдѣнія о заграничной жизни. 10) Фельетонъ—научный, литературный, беллетристическій, театралный и музыкальный. 11) Критика и библіографія. 12) Смѣсь (замѣтки по различнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и прикладныхъ знаній). 13) Судебная хроника безъ обсуждения судебныхъ рѣшеній. 14) Почтовый ящикъ. 15) Справочный отдѣлъ (курсъ рубля, мѣстныя цѣны на продукты и проч.). 16) Объявленія.

Газета посвящается изученію нуждъ Вятско-Камскаго края, указанію мѣръ къ поднятію его благосостоянія и возможно полному освѣщенію тѣхъ общихъ вопросовъ, правильная постановка и разрѣшеніе которыхъ тѣсно связаны съ интересами мѣстной общественной и народной жизни.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Съ доставкой.	Безъ доставки.
Цѣна годового изданія	5 р.	4 р. 50 к.
» полугодовая	3 р.	3 р. —
» за 4 и за 3 мѣсяца	2 р.	2 р. —
» за два мѣсяца	1 р.	1 р. —

Подписка и объявленія принимаются въ Г. Вяткѣ, Редакція Вятскаго Края.

Цѣна объявленій (исключительно на послѣдней страницѣ): 10 коп. 1 разъ, 20 за 3 раза, 15 за два раза за строку петита, — при дальнѣйшемъ повтореніи 5 коп. за каждый разъ.

Редакторъ А. Лашкевичъ.

Издатель Я. Поскребышевъ.

Новая политическо-общественная и литературная ежедневная
газета

„ЧЕРНОМОРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(единственная на восточномъ побережьи Чернаго моря).

„Черном. Вѣстн.“, какъ и въ вышедшихъ до сего нумерахъ, будетъ изображать полную картину жизни Черноморья (съ Батумомъ во главѣ) и Закавказья, сообщая, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ новости русской и иностранной жизни. Фельетоны: „Злободневные наброски“, „На современные мотивы“, „Дневникъ“, „Голосъ Обывателя“, „Вопросы и отвѣты“ и „Маленькая хроника“. Телеграммы, официальная хроника, руководящія статьи, нефтяная и коммерческая хроника, подробныя корреспонденціи и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ—для городскихъ подписчиковъ съ доставкой 6 р., для иногороднихъ, съ пересылкой, 7 руб., за границу 13 р. На полгода—для городскихъ 4 р., для иногороднихъ 5 р., за—границу 9 р. На одинъ мѣсяць для городскихъ 1 р., для иногороднихъ 1 р. 20 к.

Адресъ: БАТУМЪ, „Черноморскій Вѣстникъ“.

ТАРИФЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ: на 4-й страницѣ, за мѣсто, занимаемое строкою петита, съ мѣстныхъ объявленій—8 к.; съ иногороднихъ—10 к.; на 1-й страницѣ—вдвое. При многократныхъ объявленіяхъ—скидка.

Объявленія изъ-заграницы и Россійской Имперіи, за исключеніемъ Кавказа, Закавказья и Закаспійской области, принимаются исключительно въ Центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и № въ Москвѣ (Мясницкая, домъ Сытова) и въ Петербургѣ (Большая Морская, 11).

Редакторъ-издатель Г. А. Пальмъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ др. города

на годъ—7 руб.,

11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р.
7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р.,
3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., $\frac{1}{2}$ мѣс.—50 к.

Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и съ РАЗСРОЧКОЙ, съ платою не менѣе какъ 1 р. въ мѣсяць, до выплаты всей суммы, при чемъ высылка газеты прекращается въ соответственный взносу срокъ.

Для ознакомленія—№№ газеты высылаются бесплатно.

Подписка принимается только съ 1 числа мѣсяца. За переѣзду адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., при чемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ въ одинъ столбець, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За объявленія, не менѣе 100—150 разъ,—уступка 50%.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 к. со 100 экз.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

(ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

на еженедѣльную политическую и литературную газету

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“

(50 №№ въ годъ.)

ВЫХОДИТЬ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ. 6 р. На полгода. 3 р. 50 к

Лица, вновь подписавшіяся не менѣе какъ НА ГОДЪ, со дня подписки по 1-е января 1896 г. получаютъ газету **БЕЗПЛАТНО**. Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ **НАЧАЛЬНЫХЪ** училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, именно: за годъ 4 рубля, за полгода 2 рубля 50 коп.

Газета въ 1896 году будетъ вестись по той-же программѣ и въ томъ же, объемѣ, какъ и въ прошлые годы.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій проспектъ, домъ № 44).

Редакторъ-издатель А. М. Симоновъ.

Редакторъ П. Н. Галичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

29 годъ

„ДОНЪ“

XXIX г.

[въ Воронежѣ]

НА 1896 ГОДЪ.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Съ 1896 года газета «Донъ» начинаетъ 29 лѣтіе своего изданія. Просуществовавъ 28-мъ лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціального района, отголоскомъ котораго она служила четверть столѣтія; поэтому, открывая подписку на 1896 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обѣщаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты—то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Воронежъ	6 руб.	3 р. 50 к.	2 р. — >	—> 75 к.
Съ пересылкой въ другіе города . . .	7 руб.	4 р. — >	2 р. 50 к.	1 р. — >

Зап. Европы въ эпоху крестовъ, походовъ, Е. Лависа и Рамбо. М. 1895 г.—
 Моя библиотека, изд. М. Ледерле и К°, №№ 1—190.—Бѣлорусское полѣсье.
 Сборникъ этнографическихъ матерьяловъ, собранныхъ М. Довнаркомъ-
 Запольскимъ. Вып. 1: Пѣсни пинчуковъ, съ приложеніемъ карты сѣв.
 части уѣзда и статьи о говорѣ. Кіевъ, 1895 г. (изд. Унив. Изв.).—Же-
 лѣзо и уголь на югъ Россіи, Е. И. Рагозина Спб. 1895 г.—Матерьялы
 по пересмотру тарифовъ на перевозку каменнаго угля по всей сѣти россій-
 скихъ жел. дорогъ съ 1894 г. Вып. 1: Очеркъ положенія каменноугольной
 промышленности въ Россіи и за границей; вып. 2: обзоръ перевозокъ
 каменнаго угля по сѣти рус. жел. д. Изд. Минист. финансовъ. Спб.
 1895 г.—Страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предприни-
 мателей. В. Г. Яроцкаго. Т. I и II. Спб. 1895 г.—Основы ботаники. Общая
 ботаника (Морфологія, анатомія и физиологія растений). Ванъ-Тигема.
 Перев. со 2-го фр. изд. подъ редакціей, съ примѣчаніями и дополне-
 ніями Ростовцева. Съ предислов. проф. Тимирязева. М. 1895 г.—Мысль
 и рефлексія. Афоризмы. Федора Шперка. Спб. 1895 г.

63—85

17. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

- I. Римскій и Седанскій юбилей.
- II. Интересы дня: Литературный и журнальный конгрессы.—Вопросъ о лите-
 ратурной собственности.—Съѣздъ соціологовъ и главнѣйшіе доклады
 его членовъ.—Задача соціологіи.—Вопросы семейный, расовый и
 сословный.—Рефератъ М. Ковалевскаго о переходѣ общиннаго зем-
 левладѣнія въ частное.—Попытки возстановленія земледѣльче-
 скихъ общинъ.—Рабочія колоніи въ южной Австраліи.—Причины
 неудачи утопій на практикѣ.—Новая религіозная община въ Аме-
 рикѣ.—Смерть Пастера.—Пастеръ, какъ благодѣтель человѣчества .
- III. Между журналами и газетами: Понизился-ли умственно конецъ XIX в.—
 Ломброзо по поводу книги Нордау о вырожденіи.—Новѣйшія теченія
 въ итальянской беллетристикѣ.—Лондонскія впечатлѣнія Альф. Додэ.—
 Вопросъ о заработной платѣ въ Англии.—Французскіе поселяне че-
 резъ англійскія очки.—Обязательное страхованіе рабочихъ въ Герма-
 ніи. **В. Т.**

86—95

96—110

110—122

- ## 18. НАУЧНАЯ ХРОНИКА: Астрономія.—Новыя данныя олуновъ.—Лунная атмо- сфера.—Вода на лунѣ.—Загадочныя пятна.—Химія: аргонъ и гелиумъ. Биологія: вліяніе температуры на географическое распредѣленіе жи- вотныхъ и растений.—Физиологическая постоянная.—Распредѣленіе зоологической зоны по линіи максимальныхъ температуръ. **Н. Э.**

123—132

19. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

- I. ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Письмо I-е, **Я. Абрамова**; письмо
 II—изъ Чернигова; письмо III—изъ Кіевской губерніи. **Н. Н.**
- II. ИЗЪ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ: раскольничьи браки.
- III. ОБО ВСЕМЪ (фельетонъ). **Съдого**

133—149

150—161

162—175

20. НЕКРОЛОГЪ Н. В. СТАСОВОЙ

176—178

21. ПРИЛОЖЕНІЕ: ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕ- РАТУРѢ Соч. **Ж. Жюссера**

1—32

За редактора **А. А. Слѣпцовъ**.

Издательница **О. Н. Попова**.

„НОВОЕ СЛОВО“

ЖУРНАЛЪ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Журналъ «НОВОЕ СЛОВО», перейдя въ новыя руки, будетъ выходить подъ новой редакціею и при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «НОВОЕ СЛОВО» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на запросы и нужды провинціи, съ которою желательна живая связь. Поэтому редакція заинтересована въ получе- ній непосредственно и изъ возможно большаго числа мѣстъ свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ мѣстной жизни. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще «письма изъ провинціи».

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, мы желаемъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, В. В., П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ Сибирякъ, Г. А. Мач- тетъ, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Ти- мирязевъ, А. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.) и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой пе- ріодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по при- мѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начиная также съ этого вре- мени и журнальный годъ. Вѣдствіе этого годовая подписка на «НОВОЕ СЛОВО» принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р.	—	к.
„ „ безъ пересылки на годъ	9	—	„
„ „ „ на полгода	5	—	„
„ „ „ на три мѣсяца	2	50	„

Годовые подписчики „НОВАГО СЛОВА“ за 1895 г., получивъ въ счетъ подписки три первыя книжки журнала (октябрь, ноябрь и декабрь), вносятъ за 1896 г., къ 1-му января 7 р. 50 к.

Адресъ конторы редакціи: Спб. Спасская ул., (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, „Библіотека Черкесова“.

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣ- ленія, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Н. П. Карбасникова, К. Риккера, Цинзерлинга (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (Вол. Подъячская, д. 24).

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о за- трудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціального читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ.

За редактора А. Слѣпцовъ.

Издательница О. Н. Попова.

3 2044 004 471 926

b:

